

РУССКОЕ СЛОВО

11451

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

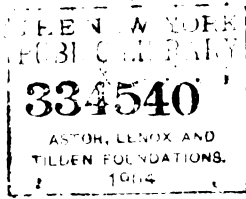
1864.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

27

Дозволено цензурою, Санктпетербургъ. 15 апрѣля, 1864 года.

108

ВЪ ТИПОГРАФИИ РИМОНА И КОМПАНИИ.

ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ПѢСНЯХЪ

БАЙРОНА

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Голубоокая богиня,
Богиня мудрости, приди!
Ни въ комъ не вызвала до нынѣ
Ты вдохновенія въ груди.
Здѣсь былъ твой храмъ. Остатки храма
Еще видны до этихъ поръ,
Не истребили ихъ упрямо
Ни время, ни войны раздоръ,
Но хуже чѣмъ вѣковъ теченье,
Чѣмъ пламя грозное войны —
Поработителей страны
Ихъ поразило разрушенье:
Врагамъ невѣдомъ страхъ и стыдъ, —
И ихъ ничто не устрашить.

II.

Аоины — старецъ величавый!
 Твоихъ героевъ древнихъ нѣтъ.
 Они явились въ мѣръ съ славой,
 Прошли — съ побѣдой... Гдѣ жь ихъ слѣдъ?
 Вся эта слава для того ли,
 Чтобъ древнимъ подвигомъ добра
 Подчасъ дивился въ скромной школѣ
 Досужий разумъ школяра?
 Героя мечъ, союста тогу
 Здѣсь межъ развалинъ не найдемъ;
 Подъ тьмой вѣковъ могильнымъ сномъ
 Здѣсь все сковалось новемиюгу,
 И даже тѣни прежней нѣтъ
 Могущества прошедшихъ лѣтъ.

III.

Встань человѣкъ одной минуты!
 На эту урну посмотри:
 Здѣсь вѣжды наци сомкнуты,
 Боговъ распались алтари.
 Нѣтъ, не безсмертны даже боги:
 Упалъ Юпитеръ, Магометъ,
 Въ иные храмы, въ синагоги
 Еще поидеть молиться свѣтъ,

 О ты несчастный смерти сынъ,
 Ты, человѣкъ, хотѣлъ одинъ.

IV.

Къ землѣ прикованный, подняться
 До тайнъ небесъ!.. То призракъ сна!..
 Ты не умѣешь наслаждаться

Той жизнью, что тебѣ дана.
 Жизнь — лучший даръ. Путь не знала,
 Гдѣ жъ съ жизнью встрѣтишься жвой?
 Ея награда не понимаю,
 Зачѣмъ покинешь миръ земной?
 Не рвись же въ край еще безвѣстный
 И жизнь земную оцѣни.
 Вотъ урна здѣсь! Сюда взгляни...

.

V.

Иль въ гробъ взгляни, гдѣ погребали
 Героя прахъ, — онъ не встаетъ;
 Онъ палъ, и нации съ нимъ пали
 И слезъ надъ нимъ никто не льетъ.
 Вотъ здѣсь у храма по дорогѣ
 (Какъ намъ преданье говоритъ,
 Здѣсь прежде жили полубоги)
 Найдемъ мы черепъ... Гадкій видъ!..
 Кто бъ угадалъ, чтобъ въ этомъ храмѣ
 Жилъ прежде богъ? Кто бъ угадалъ,
 Что много истинъ разсказалъ
 Онъ вдохновенными устами?
 Теперь же червь земной и тотъ
 Въ пустую храмину пойдетъ.

VI.

Взгляни жъ теперь на эти своды,
 На черепъ, брошенный въ тишину:
 То былъ когда-то храмъ свободы,
 Жилище мысли и души.
 Изъ этихъ дыръ глаза пропали,
 Ихъ взглядъ былъ веселъ и игривъ,
 Они теперь не выдавали
 Страстей несдержанный порывъ.
 Какой софистъ великій свѣта,

Какой прославленный мудрецъ
 Возобновить опять дворецъ,
 Возобновить жилище это?
 Здѣсь, посреди могильныхъ плитъ,
 Кто этотъ черепъ оживить?

VII.

„Мы знаемъ то“—ты правъ философъ,
 „Что ничего не знаемъ мы“...
 Зачѣмъ бѣжать отъ тѣхъ вопросовъ,
 Что прямо просятся въ умы?
 У всѣхъ есть скорби, но страданья
 Зачѣмъ ловить намъ на бѣгу?
 Намъ ждетъ мѣръ вѣчнаго молчанья
 На Ахеронскомъ берегу.
 Тамъ нѣтъ банкетовъ принужденныхъ,
 Гдѣ кормятъ сытыхъ ужъ гостей,
 Но есть постели для костей,
 Последнимъ сномъ обвораженныхъ,

VIII.

Какъ хорошо бы въ мѣрѣ новомъ
 Друзей погибшихъ увидать
 И обвиняться съ ними словомъ,
 И тѣнь любимую обнять!
 Да, встрѣтить было хорошо бы
 Безъ погребальныхъ ихъ вѣнцовъ
 Могучій призракъ мудрецовъ,
 На жизнь смѣившихъ тьму и гробы
 И возвѣстившихъ мѣру вновь
 Слободу, славу и любовь.

IX.

Ты тоже тамъ, въ могилѣ тѣнь
 Мой лучший другъ, хотя тебя
 Всегда мое воображенье
 Живымъ рисуешь,—и любя,
 Хочу я вѣрить—будетъ время,
 Ты, вставши вновь, съ себя страхнешь
 Могилы тягостное бремя
 И къ другу прежнему придеши.
 Пусть будетъ въ будущемъ что будетъ—
 Неизмѣню своимъ мечтамъ:
 Что день придетъ и снова тамъ
 Мой поцѣлуй тебя разбудитъ
 И въ этотъ день я буду радъ,
 Что счастливъ мой усопшій братъ.

X.

Здѣсь, на массивномъ пьедесталѣ,
 Подъ тѣнью мраморныхъ колоннъ,
 Сажу... Сатурна сынъ! Мы знали:
 Здѣсь прежде былъ твой славный тронъ.
 Ужъ нѣтъ слѣдовъ его величья!..
 Увы! на зло своимъ мечтамъ,
 Ужъ не могу теперь постичь я,
 Какъ былъ великъ твой дивный храмъ?
 Пусть здѣсь вздымаются въ туманѣ
 Остатки гордыхъ колоннадъ—
 Невозмутимый, праздный взглядъ
 На нихъ бросаютъ мусульмане
 И мимо съ пѣсней, безъ заботъ,
 Грекъ легкомысленный идетъ.

XI.

О дивный храмъ! Твои громады
 И этотъ царственный покой,
 Пріютъ божественной Паллады,

Кто тронуть смѣлъ своей рукой?
 Кто хищникъ тотъ? Стыдомъ румянца
 Ты, Каледонія, отвѣтъ:
 Тотъ хищникъ — сынъ твой!...Для британца
 Позоръ дѣтей такихъ нѣтъ.
 Я радъ за Англiю, за бретта,
 Что нѣтъ дѣтей подобныхъ тамъ,
 Рукой которыхъ свергнуть храмъ,
 Святыня древяна разбита,
 А алтари ихъ прочь съ земли
 Печально волны унесли.

XII.

Чтѣ пощадилъ турки, готы,
 То новый пиктъ не пощадилъ,
 Суровъ, какъ скалъ родныхъ высоты,
 Онъ умъ и сердце изсушилъ.
 Холодный деспотъ разрушенья,
 Лишь приготовилъ онъ одинъ
 Коварный планъ перемѣненья
 Остатковъ бѣдственныхъ Аеннъ.
 Въ своемъ безсильи, аеннине
 Въ виду разбитыхъ алтарей
 Узнали слезы матерей,
 Имъ не знакомы заранѣ,
 Узнали, какъ горька судьба
 Въ цѣпяхъ изнывшаго раба.

XIII.

Когда жъ британца восхищали
 Аеннъ страданья? Пусть враги
 Подъ нашимъ флагомъ ихъ терзали,
 Но отъ Европы сбереги
 Такойъ рассказъ. Какъ? Край свободы?
 Морей царица?... Тамъ могли
 Срывать лохмотья въ годъ невзгоды
 Съ окровавленной ужъ земли?

Какъ? въ томъ краѣ, гдѣ слезы дили,
 Явилась Гаршіей она,
 И все, чѣмъ славились стража,
 Что и тираны пощадили,
 Что даже время не взяло,
 То мщенье Англiи снесло?..

XIV.

Твоя Эгида гдѣ, Палада?
 Аларикъ ею сдержанъ былъ.
 Зачѣмъ опять не могъ изъ ада
 Встать страшнымъ призракомъ Ахиллъ?
 Ужель Плутонъ не въ силахъ снова
 Героя новаго создать,
 Чтобъ разомъ хищника другого
 Съ позоромъ вновь съ земли согнать?
 Увы! въ тѣ дни, бродилъ безъ дѣла
 Онъ по стигійскимъ берегамъ
 И не вернулся къ тѣмъ стѣнамъ
 Ихъ защищать собою смѣло,
 Хотя прежде стѣнъ знакомый валъ
 Онъ постоянно охранялъ.

XV.

Кто въ этой Греціи унылой
 Въ себѣ тѣхъ чувствъ не находилъ,
 Какъ предъ любимую могилу, —
 Тотъ сердце мертвое носилъ.
 О, кто безъ слезъ посмотреть нынѣ
 На край, измученный отъ ранъ,
 На искаженные святыни,
 На жертвы хищныхъ англичанъ?
 Будь проклять часъ, когда узнали
 Они сюда вторичный путь,
 Когда раздавленную грудь

Безчеловѣчно разрывали
И увезли чужихъ боговъ
Трофеемъ хладныхъ береговъ.

XVI.

Но гдѣ жь Гарольдъ? Намъ не пора ли
Теперь къ нему вернуться вновь?
Людскія скорби и печали
Его не трогали. Любовь,
Красавицъ милыхъ изліянья
Не пробуждали въ немъ тоски,
Другъ ни единый на прощанье
Не протянулъ ему руки,
Когда онъ въ путь стремился новый.
Его душа была тверда,
Невозмутима, какъ всегда.
Онъ бросилъ смѣло край суровой,
Край преступленья и войны
И шелъ искать иной страны.

XVII.

Кто въ морѣ былъ, тотъ, вѣрно, знаетъ,
Какъ новый видъ плѣняетъ взглядъ:
Вотъ вѣтеръ парусъ надуваетъ,
Вотъ съ мѣста тронулся фрегатъ.
На право — рядъ неувимый
Церквей, домовъ, — ихъ скрылъ туманъ,
На лѣво — всталъ неизмѣримый,
Великій, грозный океанъ.
Мелькаютъ стаей лебединой
Кругомъ конвойныя суда;
Не смотреть вяло никогда
Изъ тѣхъ фрегатомъ ни единый,

Лишь только волны къ еяю льнутъ
И разсыпаясь вкругъ бѣгутъ.

XVIII.

А тутъ матросы съ видомъ важнымъ,
Вотъ сѣтъ большая...пушекъ рядъ...
Команды звукъ: съ прыжкомъ отважнымъ
Матросы вверхъ ползутъ, скользятъ..
Чу! на фрегатъ раздается
Призывный боцмана свистокъ.
Пока по мачтѣ смѣло вьется
Иной матросъ и новичекъ
Изъ мичмановъ, визгливымъ тономъ
Матросовъ хвалить иль хулить —
Тотъ боцманъ только засвиститъ;
И свистъ его всѣмъ сталъ закономъ
И этотъ юноша ведетъ
Весь экипажъ по лону водъ.

XIX.

На чистой палубѣ шагаетъ
По долгу службы лейтенантъ.
Онъ постъ свой строго охраняетъ,
Угрюмъ и нѣмъ онъ, какъ педантъ.
Для всѣхъ безстрастный, лишнимъ словомъ
Онъ подчиненныхъ не почититъ
И на лицѣ его суровомъ
Печать начальника лежитъ.
Британцы строги въ дисциплинѣ,
Вела къ побѣдамъ ихъ она,
А потому-то вся страна
Ей подчинится всюду нынѣ,
И знаетъ бриттъ — хотъ строгъ законъ,
Но къ славѣ ихъ приводитъ онъ.

XX.

Дуй, вѣтеръ, злѣ!..Солнце стало
 Склоняться, меркнуть небеса...
 Подъ вечеръ судно адмирала
 Убавить разомъ паруса,
 Судовъ отсталыхъ поджидая...
 Чтò за тоска ихъ въ морѣ ждать
 И ради ихъ, — вѣдь гнѣвъ кака! —
 Попутный вѣтеръ потерять.
 Потерявъ даромъ вечеръ цѣлый,
 Но мы стоимъ....Журчить волна,
 Темна морская глубина,
 Опущенъ съ мачты парусъ бѣлый
 И намъ приходится все ждать
 Лѣнтыевъ, вздумавшихъ отстать.

XXI.

Взошла луна. Клянусь, нѣтъ мочи
 Мнѣ не хвалить такую ночь!
 Тамъ, на землѣ, въ часъ этой ночи
 Не можетъ вздохомъ превозмочь
 Предъ дѣвой юноша влюбленный....
 А между тѣмъ, я слышу звонъ:
 Толпой матросовъ окруженный,
 Играетъ новый Аріонъ
 Нагѣвъ, любимый моряками,
 И подъ знакомой пѣсни звукъ
 Живѣ двигается кругъ,
 Въ тактъ удара каблуками,
 И не пугаетъ ихъ тогда,
 Что подъ ногами ихъ — вода.

XXII.

Черезъ проливъ Кальпе предъ нами
 Европа въ Африку глядитъ.

Геката блѣдными лучами
 Теперь равно васъ серебрить:
 Страна испанки черноокой
 И мавра смуглаго страна...
 Испанскій берегъ одинокий
 Открылся взорамъ, и луна
 Лѣса и скалы освѣщала,
 Но африканскій берегъ былъ
 Почти не видѣнъ, мракъ сходилъ
 И тѣнь широкая сползала
 До береговъ съ его вершинъ...
 Тамъ тѣма одна, тамъ мракъ одинъ.

XXIII.

Въ такую ночь — живѣй мечтанья
 О тѣхъ, кого любили мы;
 Въ такую ночь воспоминанья
 Еще живѣй встаютъ изъ тѣмы...
 Кто жъ радъ, себя повѣривъ строго,
 Упасть подъ тяжестью лѣтъ,
 Когда въ немъ молодости много,
 Но нѣтъ любви и счастья нѣтъ?
 Увы! когда любовь пропала
 И больше въ насъ не раздѣлится —
 Пусть смерть на встрѣчу къ намъ идетъ:
 Для смерти дѣла будетъ мало...
 Ахъ, юность! Если бъ мы опять
 Могли тебя переживать!...

XXIV.

Тамъ сидя на краю фрегата
 Глядишь на волны иногда,
 Въ мечтахъ о томъ лишь, что когда-то
 Случалось въ прошлыя года.
 Среди страданій неизмѣнныхъ
 У насъ у всѣхъ на днѣ души
 Есть много образовъ священныхъ,

И мы лелѣемъ ихъ въ тиши.
 О нихъ мы память сберегаемъ,
 И сколько бѣ жить намъ не пришлось —
 Не мало теплыхъ, чистыхъ слезъ,
 Благоговѣйныхъ слезъ роняемъ,
 И той печали тайный слѣдъ
 Не потеряется отъ лѣтъ.

XXV.

Бродить межъ пропастей по скаламъ,
 Всклѣпать до самыхъ облаковъ,
 Жить межъ народомъ одичалымъ,
 Незнавшимъ рабства и оковъ,
 Слѣдить въ горахъ за дикимъ стадомъ
 Съ нимъ уходить въ дремучій боръ,
 Сидѣть, склонясь надъ водопадомъ,
 Жить безъ людей въ ущельяхъ горъ,
 Спускаться къ пропастямъ глубокимъ, —
 Еще не значить быть однимъ
 Скитальцемъ мрачнымъ и чужимъ
 И въ цѣломъ мѣрѣ одинокимъ, —
 Но это значить — тотъ постигъ
 Природы тайны и языкъ.

XXVI.

Но тотъ, кто въ шумномъ вихрѣ свѣта
 Одной усталостью томимъ,
 Идетъ безъ ласки, безъ привѣта,
 Никѣмъ незнаемъ, не любимъ,
 Кто никогда любимцамъ счастья
 Не повѣрилъ своей тоски,
 Не вѣдалъ теплаго участя
 И честной, дружеской руки,
 Кто посреди льстепцовъ холодныхъ,
 Ханжей безчувственныхъ, живетъ
 Для всѣхъ чужой, лишь только тотъ
 Въ своихъ мученіяхъ бесплодныхъ

Сказать со вздохомъ тайнымъ могъ,
 Что онъ на свѣтѣ одинокъ.

XXVII.

Счастливей ты, монахъ Аэона,
 Когда глядишь съ своей скалы
 Подъ ясной глубио небосклона,
 А тамъ, внизу шумятъ валы.
 Когда твой берегъ одинокій
 Увидить путникъ предъ собой —
 Къ нему спѣшитъ съ тоской глубокой
 И съ самой искренней мольбой.
 Когда жъ въ туманѣ исчезаетъ
 Священный край пустынныхъ горъ,
 Пославши имъ прощальный взоръ
 О томъ лишь странникъ тутъ вздыхаетъ,
 Что долженъ въ мѣръ явиться вновь,
 Смѣнивъ на ненависть любовь.

XXVIII.

Но мы слѣдить напрасно бѣ стали
 За походомъ моряковъ,
 За тѣмъ, гдѣ бури ихъ встрѣчали,
 Гдѣ вѣтеръ гналъ отъ береговъ.
 Пройдемъ молчаньемъ рядъ утесовъ,
 Гдѣ то надежда, то бѣда
 Играли участью матросовъ,
 Ведущихъ по морю суда,
 Гдѣ мертвый штиль подчасъ смѣнялся
 Волненьемъ моря въ ревъ грозъ,
 Но зорко смотритъ въ даль матросъ:
 Въ туманѣ берегъ показался.
 „Земля! Земля!“ и каждый взоръ
 Глядитъ впередъ въ морской просторъ.

XXIX.

И вотъ встають въ морской пучинѣ
 Калипсы скорбной острова,
 Но нѣтъ теперь на нихъ богини,
 Она не плачетъ, какъ вдова,
 О томъ, кто ей въ нгуу морю
 Для слабой смертной измѣнилъ...
 А дальше тамъ мы видимъ гору :
 Здѣсь сынъ Улисса совершилъ
 Въ морскую глубь скачень ужасный,
 Суровымъ Мелгеромъ смущенъ,
 И вырвался невольный стоиъ
 Изъ груди нынѣ той несчастной;
 Здѣсь долго плакала она,
 Что ихъ обоихъ лишена.

XXX.

И нѣтъ богини этой нынѣ...
 Но берегись, о молодежь :
 Ты здѣсь, на тронѣ той богини
 Калипсу новую найдешь!..
 Флоранса! Если бъ сердце это
 Я для любви не схоронилъ,
 Тогда бъ, повѣрь, любовь поэта
 Къ твоимъ ногамъ я положилъ.
 Но ты не можешь быть моею,
 У насъ различныя пути,
 И это чувство привести
 На твой алтарь я не посмѣю;
 Тебя не смѣю я будить,
 Чтобъ ты могла меня любить.

XXXI.

Такъ думалъ Чайльдъ, смотря безстрастно
 Въ глаза Флорансы. Онъ лишь могъ

Ей удивляться безосновно,
 Спокойно, тихо, безъ тревогъ.
 Амуръ не смѣлъ къ нему коснуться,
 Хоть близость блага: нѣтъ рѣшено,
 Что сердце Чайлда встрепенуется
 Не въ состояннн данно,
 Что возбудить въ немъ прежней страсти
 Онъ по желанію не могъ,
 И сознавалъ давно божокъ
 Потерю прежней, сильной власти
 Надъ сердцемъ, гдѣ одна тоска
 Была сильна и глубока.

XXXII.

Самой Флорансъ непреклонной
 Былъ страненъ Чайлдъ при встрѣчѣ той,
 Что онъ не палъ, обвороженный
 Ея волшебной красотою?
 Какъ онъ, одинъ, предъ чуднымъ взглядомъ,
 Который былъ для всѣхъ кругомъ
 Судьбой, закономъ, раемъ, адомъ
 Не пресмыкается рабомъ?
 Ей было странно съ нимъ встрѣчаться,
 Гарольдъ Флорансу удивилъ,
 Что передъ ней онъ не сѣвшилъ
 Хотя бъ влюбленнымъ притворяться...
 Извѣстно: женщинъ никогда
 Любовь не сердить, господа.

XXXIII.

Она не знала безъ сомнѣнья,
 Въ своемъ невѣдѣннн грѣша,
 Что эта смѣлая душа
 Сильна искусствомъ обольщенья.
 Въ своей любви она горда,
 Она хитро разставитъ сети,

Не дорожить она на свѣтъ
 Побѣдой легкой никогда.
 Нѣтъ, Чайльдъ нашъ негь треной мною,
 Искусствомъ прежнимъ пренебрегъ
 И если бь даже снова могъ
 Вдругъ полюбить, то предъ женою
 Плаксивымъ юношей не ныгъ
 И униженно не любилъ.

XXXIV.

Тотъ сердце женщины знаетъ плохо,
 Тотъ вовсе ихъ не могъ понять,
 Кто лишь мольбой и силой вздоха
 Старался страсть въ нихъ пробуждать.
 До побѣжденныхъ — нѣтъ имъ дѣла!..
 Люби подругу юныхъ дней,
 Но ей въ глаза гляди ты смѣло,
 Не работайствуи передъ ней.
 Умѣй сдержать порывы ласки,
 Хотя бь огонь въ крови кипѣлъ,
 Будь дерзковъ съ женщиною, смѣлъ;
 Подъ вѣшнимъ льдомъ наружной маски
 Умѣй въ ней чувство раздражить:
 Тогда она начнетъ любить.

XXXV.

Та пѣснь стара... Въ томъ убѣдились,
 Мы всь, кто началъ рано жить...
 Когда желанья притупились,
 Чѣмъ ть желанья воскресить?
 Мы подошли къ ничтожной цѣли,—
 Нѣтъ больше цѣли впереди,
 Душа мрачна, мечты слетѣли
 И сердце умерло въ груди—
 Вотъ все, что страсть даетъ въ награду...
 А если въ жизни иногда

Страстей кипучіе года
 Встрѣчаютъ долгую преграду,
 То тѣхъ терзацій новый гнетъ
 И насъ самихъ переживетъ.

XXXVI.

Но бросимъ эти размышленья.
 Мы встрѣтимъ новый рядъ картинъ,
 Насъ ждуть иные впечатлѣнья
 И берега иныхъ долинъ.
 Своей тоской руководимы,
 Мы много новыхъ странъ пройдемъ;
 Онъ мечтой неувольнимы,
 Ихъ описаній не найдемъ
 Мы въ книгахъ тѣхъ, гдѣ гражданинъ
 Хотятъ давно ужъ научить
 Тому, чѣмъ онъ обязанъ быть,
 Хотя, — намъ думать есть причина, —
 Теперь сомнительно, чтобъ онъ
 Когда нибудь былъ наученъ.

XXXVII.

Природа — мать! Ты намъ дороже
 Всего... Мнѣня часто видѣ,
 Ты каждый разъ встаешь моложе,
 И образъ твой къ себѣ манитъ.
 Своимъ величіемъ умѣла
 Сердца людей тревожить ты,
 Когда искусство не поемѣло
 Тревожить дикою красотой.
 Ты мнѣ нерѣдко ужасалась
 Въ глухую ночь, при блескѣ дня,
 Но больше тѣшило меня,
 Когда ты бурей разражалась,
 Когда грозой ревѣла мгла
 И небо молнія рвала.

XXXVIII.

Но вотъ Альбанія предъ нами...
 Примѣръ для многихъ мудрецовъ:
 То — гробъ, наполненный костями
 На полъ павшихъ мертвецовъ,
 Суровый край! О, гдѣ ты, гдѣ ты?
 Не узнаю я этихъ мѣстъ:
 Вокругъ поднялися минареты;
 Гдѣ на церквахъ былъ прежде крестъ,
 Теперь рогъ мѣсяца блистаетъ,
 Да позабытый рядъ могилъ
 Лѣсъ кипарисный осыпалъ
 И вѣчной тѣнью покрываетъ:
 Ихъ не видать среди садовъ,
 Твоихъ старинныхъ городовъ.

XXXIX.

Гарольдъ плыветь. Промчалась мимо
 Нагого берега стѣна:
 Здѣсь Пенелопа недвижимо
 Смотрѣла въ волны. Здѣсь видна
 Еще великая могила.
 О, Сафо! Вѣрно, не могла
 Твоихъ стиховъ волшебныхъ сила
 Тебя спасти, — ты умерла...
 Ужели власть безсмертной музы
 Такъ въ этомъ свѣтѣ не прочна,
 Что лечь въ могилу ты должна,
 Съ себя не свергнувъ смерти узы?
 Ты, жизнь дававшая другимъ,
 Теперь сковалась сномъ нѣмымъ.

XL.

То былъ часъ вечера — и въ морѣ
 Открылся Левкадійскій мысъ (*)

(*) Левкадія — нынче Сень-Моръ. Съ вершины его мыса, какъ говорить преданіе, Сафо бросилась въ море.

Съ скалой, откуда въ тайномъ горѣ
 Ты, Сафо, бросилася внизъ.
 Чайлдъ на скалу смотрѣлъ въ волненьи
 И съ ней разстаться не желалъ.
 Хоть онъ не мало мѣсть видалъ,
 Гдѣ были битвы и сраженья,
 Но, — такова его звѣзда, —
 О нихъ кровавые рассказы
 Гарольдъ не слушалъ никогда;
 Солдатъ подкупленныхъ проказы
 И спѣсъ воинственныхъ дружинъ
 Въ немъ возбуждали смѣхъ одинъ.

ХLI.

Когда жъ звѣзда взошла сія
 Надъ злополучною скалой,
 Поклонъ ей грустный посылая,
 Гарольдъ смотрѣлъ. Но вотъ за мглой
 Ее не видно. Быстро мчитъ
 Корабль все дальше отъ скалы...
 Чайлдъ въ море синее глядится,
 Гдѣ съ ревомъ прадають валы.
 Задумчивъ онъ, но въ темномъ взорѣ
 Вдругъ стало ясно и свѣтло
 И не хранить его чело
 Слѣдовъ таинственнаго горя;
 Теперь чужда ему печаль
 И онъ глядитъ безмолвно въ даль.

ХLII.

Заяглась заря. Вотъ скалы Сули, (*)
 Вотъ Пинда дальніе верхи
 Въ туманѣ раннемъ потонули,

(*) Среди скалъ, въ замкѣ Сули, 5,000 суліотовъ держались въ продол-
 женіи 18 лѣтъ противъ 30,000 альбанцевъ. Замокъ наконецъ былъ взятъ
 турками.

А съ никъ сбѣгаютъ ручейки.
 Туманъ все рѣже... Свѣтомъ алымъ
 Играетъ день по высотамъ,
 И открываются по скаламъ
 Жилища горцевъ здѣсь и тамъ,
 Тамъ бродитъ волкъ, тамъ клювъ желѣзный
 Остричь проснувшійся орелъ,
 Тамъ хищный звѣрь въ горахъ прошелъ,
 И хищный горецъ сталъ надъ бездной,
 Тамъ буря лѣсъ съ корнями рветъ
 И громъ грохочетъ круглый годъ.

XLIII

Въ странѣ невѣдомой, безвѣстной
 Гарольдъ теперь понять лишь могъ,
 Что, посѣтивши край чудесный,
 Онъ наконецъ былъ одинокъ.
 Онъ за бѣдами не гомялся,
 Но убѣгать ихъ не привыкъ;
 Онъ новымъ мѣстомъ наслаждался,
 Хоть берегъ былъ суровъ и дикъ.
 Для новизны—путей невзгоды
 Онъ постоянно презиралъ
 И съ хладнокровіемъ встрѣчалъ
 Суровость сѣверной природы,
 И выносилъ и жаръ и зной
 Роскошной, южною весной.

XLIV.

Вотъ красный крестъ, другой... Ихъ много,
 Ихъ не щадитъ ислама сынъ.
 Поруганъ здѣсь--служитель Бога
 И мирный, частный гражданинъ...

XLV.

Заливъ Амбраціи открылся...
 Здѣсь азіатскій властелинъ
 Съ морской грозой не разъ стремился,
 Владыка римскій не одинъ
 Здѣсь вель на бой свою дружину;
 Здѣсь новый Кесарь оставялъ
 Свои трофеи... Нѣтъ помину
 О нихъ тѣперь,—ихъ блескъ пропалъ.
 Рабъ и властитель—стали прахомъ...
 О, для того-ль, скажи, мой Богъ,
 Весь этотъ міръ создать ты могъ,
 Чтобъ люди гибли со страхомъ
 И, покорясь своей судьбѣ,
 Ложились трупами въ борьбѣ?..

XLVI.

Чрезъ иллирійскія долины,
 Чрезъ грань зловѣщихъ дикихъ горъ
 Прошелъ Гарольдъ: отъ ихъ картины
 Онъ оторвать не могъ свой взоръ.
 Разказы путниковъ и гиды
 О тѣхъ мѣстахъ молчать для насъ...
 Роскошны греческіе виды,
 Прекрасны Темпе и Парнасъ,
 Но блескъ природы своенравной
 На томъ цвѣтущемъ берегу
 Сравнить я съ ними не могу.
 Я красоты не видѣлъ равной:
 Здѣсь берегъ Аттики святой
 Блѣднѣлъ предъ новой красотой.

XLVII.

Чайльдъ перешелъ чрезъ Пиндъ холодный.
 Столицу края миновалъ,
 И вотъ направилъ путь свободный

Туда, гдѣ грозно управлялъ
 Страной альбанскою владыка.
 Тамъ власть его такъ велика,
 Что весь народъ давило дико
 Его кровавая рука.
 Тамъ и въ народѣ дики страсти
 И много шаекъ изъ за горъ
 Готовы дать ему отпоръ
 И протестуютъ противъ власти.
 Народъ тамъ гордъ; надъ нимъ сильно
 Лишь только золото одно.

XLVIII.

О, Зитца (*)—садъ уединенья!
 Земли священный уголокъ!
 Что за цвѣты, что за растенья
 Растутъ внизу у самыхъ ногъ.
 Сверканье рѣкъ и рошъ прохлада...
 Природа южная щедра...
 Чу! звучный ропогъ водопада
 Дробится звономъ серебра...
 Лазурь небесъ ласкаетъ взоры,
 Повсюду блескъ и ароматъ
 И скалъ висящихъ цѣлый рядъ,—
 Но эти скалы, эти горы,
 Какъ ни отвѣсны, ни страшны,
 А все жъ манить къ себѣ должны.

XLIX.

Въ зеленой рошѣ, на вершинѣ
 Горы, имѣвшей скромный видъ,

(*) Монастырь и деревня Зитца лежатъ въ четырехъ часахъ ходьбы отъ Янины. Въ долину течетъ рѣчка Коломакъ, прежде Ахеронъ, которая не далеко отъ Зитцы низвергается красивымъ водопадомъ. Мѣсто это, можетъ быть, лучшее въ Греціи.

Есть монастырь; тамъ онъ до жизни
 Стѣнами бѣлыми блестящъ.
 Въ его стѣнахъ монахъ Элиады
 Живетъ тихоръ; онъ не суровъ,
 Не хмуры старческіе взгляды
 И не знающа онъ готовъ
 Въ свой монастырь принять радушно,
 Свой скромный ужинъ разделить
 И странникъ можетъ тамъ пробыть,
 Когда глядитъ не равнодушно
 На чудный край, и новый видъ
 Его плѣняетъ и дивитъ.

L.

Пускай же странникъ утомленный
 Здѣсь отдохнетъ въ полдневный зной.
 Свѣтла здѣсь зелень; благононный
 Играетъ вѣтеръ. Здѣсь большой
 Въ себя найдетъ иныя силы.
 Пусть этотъ воздухъ жадно пьетъ—
 Не будутъ больше члены хилы
 И сладкимъ сномъ онъ здѣсь заснетъ.
 О, странникъ! Приходи же лѣтомъ
 Сюда, въ цвѣтуцій, пышный садъ.
 Какъ дни и ночи пролетать
 Ты не замѣтишь въ мѣстѣ этомъ,
 Ты не замѣтишь никогда
 Какъ долго тянутся года.

ЛI.

Амтеатроу темнымъ, мрачнымъ
 Рядъ Жилерійскіе алышъ встаетъ
 И тонетъ въ воздухъ прозрачномъ;
 Видна долина съ тѣхъ высотъ:
 Деревьевъ шумъ, садовъ прохлада,
 Въ горахъ ключей блестящихъ звонъ, —
 Рѣзвясъ бѣжитъ по полю стадо...
 Но вотъ и черныи Ахеронъ,

Когда-то смерти посвященный!
 Плутонъ! въ твою ли я аду?
 О, если тамъ, я не пойду
 Къ тебѣ въ Элизіумъ смущенный!
 Мой темный призракъ не пойдетъ,
 Повѣрь, за грань твоихъ воротъ.

LII.

Нѣтъ городовъ кругомъ. Янина
 Стоитъ вблизи, но не видна.
 Здѣсь рѣдко встрѣтишь селянина
 И дымъ жилищъ. Вокругъ тишина...
 Лишь подъ горою шагомъ смѣлымъ
 Бредеть надъ бездной стадо козь;
 Пастухъ въ своемъ хитонѣ бѣломъ
 Къ скалѣ какъ будто бы приросъ,
 За стадомъ зорко наблюдаетъ,
 Слѣдить онъ за его игрой
 И къ камню дикому, порой,
 Головку дѣтскую склоняетъ,
 Иль подъ скалой нависшей ждетъ,
 Когда гроза въ горахъ пройдетъ.

LIII.

Додона! гдѣ жъ твоя дубрава?
 Ручей пророческій былъ тамъ.
 Гдѣ твой оракулъ вѣщій, слава?
 Гдѣ громовержца вѣчный храмъ?
 Ихъ нѣтъ кругомъ. И вы ли, люди,
 Теперь рѣшитесь сожалѣть,
 Что такъ легко изъ вашей груди
 Жизнь можетъ въ вѣчность стаетъ?
 Безумцы! если гибли боги,
 Искусства дивнаго дары,
 Крушились нація, міры,
 То вы ли, — слабы и убоги,
 Лишь на мгновенье рождены, —
 Погибнуть съ ними не должны?

LIV.

Все рѣже, рѣже стали горы,
 Назадъ, назадъ ушелъ Экиръ,
 И вотъ кругомъ встрѣчаютъ вьоры
 Однѣхъ долинь цвѣтущій миръ.
 Кругомъ весна! встаютъ равнины,
 Несутся рѣчекъ быстрины,
 Лѣсовъ зеленыхъ вершины
 Въ нихъ, какъ въ стеклѣ, отражены.
 И слышенъ гулъ и шумъ зеленый
 И говорить о чемъ-то лѣсъ...
 Вотъ мѣсяцъ всплылъ среди небесъ
 И въ часъ полночи полусонной
 Весеннимъ тихимъ, яснымъ сномъ
 Все забывается кругомъ.

LV.

За Томеритомъ солнце сѣло,
 Угрюмый Лаогъ волны мчалъ,
 Сходила ночь, когда не снѣло,
 Блуждая близъ прибрежныхъ скалъ,
 Гарольдъ увидѣлъ надъ рѣкою
 Блескъ шаркетовъ изъ-за стѣны.
 Кругомъ все предано покою...
 Предъ нимъ открылся Тепалень.
 Идетъ онъ ближе. Изъ долины
 Доноситъ вѣтеръ звуки... вотъ
 Шумъ сталъ сильнѣй, ростеть, ростеть...
 То раздавался крикъ дружины,
 Шумищей гдѣ-то за стѣной.
 Гарольдъ идетъ во тьмѣ ночной.

LVI.

Прошелъ гаремъ. Черезъ ворота
 Онъ предъ собою видѣть могъ.
 Жилище грознаго деснота,
 Великолѣбна чертога.

Тамъ онъ сидѣлъ. Передъ владыкой
 Перевести не смѣють духъ
 Рабы, солдаты, — голосъ дикій
 Готовъ ловить евнуха слухъ,
 Всѣ ждуть владыки приказанья
 И слово слышенъ бой сердець...
 Великъ и мраченъ былъ дворець,
 Смотрѣлъ торжмой, — а въ этомъ зданьи
 Различныхъ климатовъ и странъ
 Толпился пестрый нараванъ.

LVII.

Въ богатыхъ обруахъ видны кони,
 Сверкають кисти серебра,
 Снуеть народъ и блещуть брони
 Среди широкаго двора.
 Толпа смѣшалась въ безпорядкѣ,
 Пестрѣють платья при огнѣ;
 Тамъ чрезъ ворота на площадѣ
 Мелькнулъ татаринъ на конѣ.
 Народъ толпится; очень страненъ,
 Разнообразенъ общій видъ:
 Альбанецъ съ грекомъ тамъ стоитъ
 И вмѣстѣ съ мавромъ мусульманинъ.
 Ночь наступила: барабанъ
 Услышалъ весь воннескій станъ.

LVIII.

Въ плащѣ альбанецъ величавый
 Шнурками золота обшить;
 Здѣсь македонца шарѣ кровавый,
 Тамъ съ шашкой Дельги; здѣсь стоитъ
 Въ своемъ нарядѣ грекъ красивый,
 Тамъ Нубинъ суровой смѣль,
 Тамъ въ сторонѣ стоитъ одиень
 Угрюмо турокъ молчаливый.
 Онъ, какъ владыка, выше ивъ,

На всѣхъ кругомъ глядитъ сурово
И посреди толпы ни съ кѣмъ
Проговорить не хочетъ слова.
Онъ слишкомъ грозенъ и великъ,
Чтобъ быть развязнымъ на языкъ.

LIX.

Смѣшалось все: тамъ на ступени
Усѣлись группы; тамъ склонясь
Благочестиво на колѣни,
Свершаетъ турокъ свой намазъ,
Иные курятъ, тѣ играютъ,
Альбанецъ гордо смотритъ вокругъ
А греки хвастая собираютъ
Безмолвныхъ слушателей кругъ.
Но, чу! откуда жъ голосъ строго
Раздался тамъ; то пѣлъ одинъ
Съ своей мечети музавинъ
Слова: „пѣть Бога — кромѣ Бога,
А Магометъ его пророкъ...
Молитесь всѣ! великъ нашъ Богъ!“

LX.

То было время рамазана.
Весь день въ молитвѣ проведемъ,
Но встала ночь изъ-за тумана
И снова праздникъ разрѣшаемъ.
Вкругъ суета: рабы толнятся,
Роскошный столъ уже накрытъ
И яства сочныя дымятся;
На галереи тѣма лежитъ,
Изъ дальнихъ комнатъ раздается
Шумъ голосовъ, — нестройный звукъ...
Толпа пажей, работъ и слугъ
Взадъ и впередъ бѣжитъ, несется,
И слышны крики издали
Изъ комнатъ гробоваго Али.

LXI.

Мы не услышимъ здѣсь, порою,
 Жонъ голосовъ; онѣ должны
 Жить подъ присмотромъ, подъ чадрую,
 Гаремной участи вѣрны.
 Онѣ сжились съ своей судьбою,
 Онѣ легко несутъ свой гнетъ
 И рады жертвовать собою,
 Когда ласкаетъ ихъ деспотъ.
 Имъ не дано другаго счатья,
 Какъ у груди своей кормить
 Дѣтей, — ихъ холить и любить
 Всею силой женскаго участья,
 Иной отрады и заботъ
 Имъ жизнь гаремовъ не даетъ.

LXII.

Въ бесѣдѣ пышной, гдѣ фонтана
 Струя прозрачная греметь,
 Гдѣ ложе мягкое дивана
 На отдыхъ сладостный манить,
 Въ коврахъ пушистыхъ утопая
 Али усталый возлежалъ,
 Свдую бороду склоняя.
 Онъ былъ старикъ. Кто бъ угадажъ,
 Какія тайныя движенья,
 Какія темныя мечты
 Скрывали старья черты,
 Гдѣ поселилось преступленье?
 Какая черная тоска
 Терзала сердце старья?

LXIII.

Не пылкость юноши смущаетъ
 Грудь старика избыткомъ силъ,

„Любовь съданы покрываетъ“ —
 Гаюизъ когда-то говорилъ.
 Мудрецъ Теосскій думалъ тоже,
 Но преступленья многихъ лѣтъ,
 Всю нѣжность чувства уничтожа,
 На немъ оставили свой слѣдъ.
 Такое сердце не томило
 Порывомъ огненнымъ любовь.
 За око—око кровь—за кровь!
 Вотъ все, что имъ руководило.
 Такихъ людей одинъ удѣлъ:
 Ужасный рядъ кровавыхъ дѣлъ.

LXIV.

Гарольдъ смотрѣлъ и былъ глубоко
 Той обстановкой пораженъ,
 Но пышной роскошью востока
 Сталъ наконецъ онъ утомленъ.
 Безумны прихоть безъ различья
 И пышность гордаго дворца,
 Гдѣ пресыщенное величье
 Привыкло къ лепету льстеца.
 Для насъ пріятнѣй то жилище,
 Откуда роскошь изгнана,
 Гдѣ, строгой скромности вѣрна,
 Проходитъ жизнь свѣтлѣй и чище,
 Гдѣ блескъ искусственный не могъ
 Переступить черезъ порогъ.

LXV.

Свирѣпъ и дикъ альбанецъ съ виду,
 Но вы, Альбаніи сыны,
 Врагамъ дадите-ли въ обиду?
 Они несутъ труды войны,
 Они стремительны и скоры,

Суровымъ мужествомъ горды,
 Они, какъ скалы ихъ и горы,
 Непоборимы и тверды.
 За то ихъ дружество надежно.
 Грозить ли краю ихъ бѣда,
 Враги-ль явились—ихъ тогда
 Слизать на битву смѣло можно:
 Они безстрашно всюду шли,
 Куда бы ихъ не велъ Али.

LXVI.

Въ дворцѣ ихъ гордаго владыки
 Чайльдъ видѣлъ ихъ: на зовъ войны
 Они сошлись при общемъ кликѣ...
 Онъ видѣлъ ихъ, дѣтей страны,
 Когда въ неволю къ нимъ попался,—
 Но какъ народъ тотъ не суровъ—
 Его обидѣ не рѣшался
 И далъ ему приютъ и кровь.
 Вы, развитой Европы дѣти,
 Всегда ль такъ кротки и мягки?
 Вы, Чайльдъ-Гарольда земляки
 Способны-ль на услуги эти?...
 Въ дѣлахъ, гдѣ сердце говорить,
 Мы чаще встрѣтимъ рядъ обидѣ.

LXVII.

Однажды буря къ скаламъ Сули
 Корабль Гарольда принесла.
 Гроза ревѣла, вѣтры дули,
 А берегъ глухъ—тамъ ночи мгла.
 Куда жъ идти? За рядъ утесовъ?
 Тамъ идетъ засада, можетъ быть,
 А въ морѣ—гибель для матросовъ
 Готовить буря. Какъ рѣшить?

Вотъ судно къ берегу пристало;
 Весь экипажъ, бродя межъ скалъ,
 Съ врагами встрѣчи ожидалъ:
 Местъ суліотовъ тѣхъ пугала,
 Местъ дикарей всѣхъ береговъ,
 Нерѣдко рѣзавшихъ враговъ.

БХVIII.

Напрасный страхъ! Къ нимъ суліоты
 Съ привѣтомъ дружескимъ пришли,
 Черезъ опасныя болота
 На вѣрный путь ихъ навели.
 Передъ огнемъ они сушили
 Одежду странниковъ; потомъ
 Трапезой скромной угостили—
 Душистымъ мясомъ и виномъ...
 Дикарь готовить гостю ужинъ,
 Даетъ усталому покой!
 Скажите жъ мнѣ—еще какой
 Для васъ урокъ, о люди, нуженъ,
 Для васъ, которымъ жизнь даетъ
 Путь безъ тревогъ и безъ заботъ?..

БХIХ.

Когда жъ оставить эти горы
 Хотѣлъ Гарольдъ и вдругъ узналъ,
 Что въ край ворвались мародеры
 И дерзко грабили межъ скалъ,
 Тогда нашъ странникъ взялъ съ собою,
 Въ пути предчувствуя бѣду,
 Проводниковъ, готовыхъ къ бою,
 Привыкшихъ къ долгому труду.
 Лѣсъ Акарнаніи опасный
 Ужъ назади... Гарольдъ одинъ.
 Онъ очутился средъ равнинъ

Полей Этолиа прекрасной,
Гдѣ Ахелюса потокъ
Катился веселъ и широкъ.

LXX.

Онъ видитъ бухту. Въ ней лѣниво
Смиряетъ ропотъ свой волна;
Тамъ на холмѣ вблизи залива
Темнѣетъ зелень... Ночь темна;
Кустарникъ вѣтеръ чуть колышетъ
И, пробѣгая по волнѣ,
Въ нее съ любовной лаской дышетъ,
Къ ней льнетъ въ полночной тишинѣ.
Гарольдъ глядитъ. Картина эта,
Гдѣ все въ дремотѣ сладкой спитъ,
Въ немъ наслажденье шевелитъ
И шепотъ тихаго привѣта.
А ночь плыветъ въ огнѣ свѣтилъ....
Такія ночи онъ любилъ.

LXXI.

На берегу огни сверкаютъ,
Оконченъ праздникъ, и кругомъ
Въ толпѣ веселой наполняютъ
Всѣ чаши пурпурнымъ виномъ.
Но вотъ въ огнѣ скользнули пары,
Веселый голосъ раздался
И заплясали поликары:
Народный танецъ начался.
Отбросивъ мечъ, сплелися руки;
Толпа сомкнулась въ общій кругъ,
И тишину ночную вдругъ
Смутили пѣсенъ дикихъ звуки,
На лицахъ радость, смѣхъ и жаръ
И съ кривомъ пляшетъ поликаръ...

LXXII.

На эту пляску въ отдаленнѣ
 Смотрѣлъ Гарольдъ и уловляя
 Ихъ танца дикаго движенья,
 Но онъ его не возмущалъ;
 Ихъ крики слуха не пугали...
 Когда жъ на лицахъ дикарей
 Живѣе щеки запылали,
 Движенья сдѣлались быстрѣй,
 Когда ихъ кудри въ танцѣ смѣломъ
 Волной разсыпались, въ тотъ мигъ,—
 Ихъ голосъ былъ могучъ и дикъ,—
 Они запѣли общимъ хоромъ,
 И въ полуночный этотъ часъ
 Такая пѣсня раздалась:

1.

Барабаны! вашъ грохотъ съзываетъ
 На войну и побѣду народъ,
 Иллирійцевъ безстрашныхъ собираетъ,
 И на зовъ вашъ спѣшить суются.

2.

Кто же равень въ бою суету,
 Въ бѣлой туникѣ съ толстымъ плащемъ?
 Онъ, какъ коршунъ, летитъ на работу
 И въ равнину слетаетъ пращемъ.

3.

Въ нашихъ дѣтяхъ, лишь съ мстью знакомыхъ,
 Есть ли жадость? Имъ кровь дорога.
 Дастъ ли пуля ихъ мѣткая промахъ,
 Если мѣтится въ сердце врага?

4.

Македонія шлетъ строй за строемъ,
 Всѣ поинуть пещеры должны;
 Прежде шарфы мы кровью покроемъ,
 А потомъ ужъ и сабли въ ножны!...

5.

Пусть суда свои кинуть пираты,
 По домамъ идутъ, кончивши бой,

И, наградой одною богаты,
Только плѣнныхъ приводятъ съ собой.

6.

Не ищу я богатства вельможи,
Мечь мой ищетъ награду бѣдняка:—
Дѣва въ длинныхъ кудряхъ мнѣ дороже...
За нее моя месть велика.

7.

Только дѣвъ я люблю въ этомъ мѣрѣ,
Усыпять онѣ пѣсней любви...
О, сыграй же мнѣ, дѣва, на лирѣ,
Какъ отцы твои гибли въ крови.

8.

Кто забылъ, какъ Превизу мы брали?
Только головы прыгали съ плечъ;
Жгли дома мы, добычи искали,
Лишь красавицъ не трогалъ нашъ мечъ.

9.

Страхъ! Пощада!.. Но кто же на это
Отозвался?—Мы съ визиремъ шли:
Со временъ самого Магомета
Мы не знали храбрѣе Али.

10.

Черный Муктаръ *) на берегъ Дуная
Внесъ въ станъ гяуровъ смерть и бѣды;
Наша конница, страха не зная,
Прогнала московитовъ ряды.

11.

Меченосецъ! Сюда мечъ владыки!
Барабаны о битвѣ гремятъ!—
Мы вернемся при радостномъ кличѣ
Иль совсѣмъ не вернемся назадъ.

LXXIII.

О, Греція — гробница славы!
Ты и въ паденьи велика!..

*) Одинъ изъ сыновей Али-Паши.

Рабы! воспринете когда вы?
 Съ васъ иго свергнуть чья рука?
 Найдемъ ли въ васъ, больныхъ и хилыхъ,
 Героевъ Греціи святой,
 Погибшихъ гордо въ Термопилахъ,
 Отдавшихъ жизнь за край родной?
 Кто жъ духъ воинственный Элады
 Вновь воскреситъ въ груди рабовъ?
 Они ль возстануть изъ гробовъ
 И рабства рушатся преграды,
 И будутъ Аттижа сыны
 Опять свободны и сильны?

LXXIV.

Свобода! Съ свитой Фразибула
 Давно ль неслась ты между горъ?
 О, еслибъ ты теперь взглянула
 На падшей Греціи позоръ!..
 Теперь не грозные тираны
 Ей цѣпи тяжкія куютъ.
 Но каждый ей наноситъ раны,
 Надъ ней заноситъ дерзкій кнутъ,
 И цѣлый край лежитъ безъ силы
 И на спинѣ своей несетъ
 Безславно свой турецкій гнетъ...
 Рабы съ рожденья до могилы
 Для дѣлъ безсильны и для словъ:
 Ихъ не смущаетъ звонъ оковъ.

LXXV.

Они не тѣ... Когда сверкаетъ,
 Порой, огнемъ ихъ быстрый взглядъ,
 Быть можетъ, каждый ожидаетъ:
 Свобода къ нимъ придетъ назадъ.
 Они вѣрны еще надеждѣ,
 Что наконецъ тотъ часъ придетъ—
 Наслѣдье предковъ имъ вернуть
 И возвратитъ, что было прежде...
 Ихъ ноги цѣпи тяготятъ,
 Имъ снится призракъ прошлой славы,

Они съ надеждою глядятъ
 На иностранныя державы,
 Чтобъ хоть они пришли сорвать
 Съ нихъ рабства горьваго печать.

LXXVI.

Рабы! Но развѣ вы забыли:
 Кому свободы сладокъ даръ,
 Тѣ рабству сами наносили
 Въ бою рѣшительный ударъ.
 Защиты ль русскаго народа
 Хотите вы? Спасеть васъ галль?
 Но хоть бы врагъ ихъ мечъ узналъ—
 Ихъ слава ждетъ,—но все жъ свобода
 Не будетъ Греціи дана.
 Мѣняй же бѣдная страна
 Своихъ владыкъ,—они могучи,—
 Но надъ тобой все будутъ тучи.
 Твой блескъ угасъ ужъ съ давнихъ поръ:
 Тебѣ остался лишь позоръ.

LXXVII.

Пусть древній городъ турки взяли—
 Глауръ опять его возьметъ,
 На башню пышнаго серала
 Франкъ побѣдителемъ взойдетъ;
 Опять, быть можетъ, будетъ время,—
 Европу встрѣтитъ рядъ обидъ,
 И вагабитовъ грозныхъ племя
 Весь западъ кровью обагрить,—
 Но на проклятомъ этомъ мѣстѣ,
 Гдѣ проливалась только кровь
 Не встрѣтимъ мы свободы вновь;
 Здѣсь рабъ влачить въ безсиьной мести
 Свой оковы, никогда
 Не отдыхая отъ труда.

LXXVIII.

Мы обратимъ теперь вниманье
 На ихъ веселье предъ постомъ.

Тотъ постъ молитвъ и покаянья
 Блюдется строго въ краѣ томъ,
 И на козняхъ начинается
 Народъ замаливать свой грѣхъ...
 Но постъ еще не наступаетъ,
 Разрѣшены теперъ для всѣхъ
 Веселье, праздники; подъ маской,
 Надѣвши праздничный нарядъ
 Толпа стремится въ маскарадъ,
 На площадяхъ кружится съ пляской,
 На карнавальнѣй пиръ идетъ
 Шумить, хохочеть и поеть.

LXXIX.

Стамбулъ! Ты прежде веселился...
 (Грусть овладѣла снова мной)
 Тогда еще не осквернился
 Ты мусульманскою чалмой,
 И грекъ не видѣлъ разрушенья
 Своихъ священныхъ алтарей.
 Не испытавъ порабощенья,
 Онъ на пирахъ сидѣлъ бодрѣй;
 Онъ, какъ теперъ, не притворялся
 Въ своемъ весельи... шумъ и гулъ...
 Съ утра ликуеть весь Стамбулъ
 До поздней ночи, и сливался
 Въ единый гимнъ, въ единый хоръ
 Весь торжествующій Босфоръ.

LXXX.

На берегу толпы пестрѣли.
 Чу! гдѣ-то пѣсня замерла...
 И голубыя волны пѣли
 Подъ равномернѣй звукъ весла;
 А съ вышины небесъ сіяла
 Царица блѣдная ночей
 И въ быстрыхъ струйкахъ отражала
 Снопъ серебряныхъ лучей.
 Вотъ вѣтерокъ подулъ въ эфиръ,
 И лигъ задумчивой луны
 Вдругъ задрожалъ въ игрѣ волны
 И на мгновенье вспыхнулъ шире,

И блескомъ волнъ со всѣхъ сторонъ
 Сталъ темный берегъ озаренъ.

LXXXI.

На берегу танцуютъ дѣвы,
 Мелькаютъ лодки по рѣкѣ.
 Огонь очей... любви напѣвы...
 Рука горитъ въ другой рукѣ,
 Движенью тайному послушна...
 Отъ всѣхъ тоска бѣжала прочь...
 Кто захотѣлъ бы равнодушно
 Покинуть праздникъ въ эту ночь?
 Любовь! пусть циникъ отвергаетъ
 Тебя въ твоемъ вѣнчѣ изъ розъ,
 Но каждый годы долгихъ слезъ
 Выносить легче и страдаетъ,
 Чтобъ только день такой прожить,
 Чтобъ только часъ одинъ любить.

LXXXII.

Но здѣсь всѣ веселы едва ли
 Въ движеніи общей суеты;
 Слѣды мучительной печали
 Скрывали многія черты.
 Для нихъ несомно волнъ журчанье,
 Какъ пробужденная тоска,
 И поднимаетъ въ нихъ страданье
 Безпечный смѣхъ весельчака.
 И шумъ и говоръ маскарадный,
 И время, кажется, идетъ
 Для нихъ не скоро; каждый ждетъ,
 Чтобъ могъ скорѣй костюмъ парадный
 На бѣлый саванъ промѣнять
 И сонъ могильный испытать.

LXXXIII.

Этады истинные дѣти,—
 А есть ли тамъ теперь они?—
 Должны понять страданья эти;
 Не тѣ сыны, что въ наши дни
 Кричатъ: на бой! а жаждутъ мира,
 Передъ тираномъ рады лечь,
 Хоть о прошедшемъ плачутъ сироты,

Но на соху сивиниц мечь.
Элада! Грустно имельчли
Твои сыны! Свои вѣнды
Не завѣщали имъ отцы;
Они твои поборонъ стали!
Герои древней старины
Твоихъ гражданъ стѣдить должны.

LXXXIV.

Когда возстануть легионы,
Проснутся Аттини сыны
И снова греческія жоны
Родятъ героевъ для страны,—
Тогда лишь только край узнаеть
Иную жизнь, уставъ страдать...
Тысячелѣтье пролетаетъ,
Чтобъ славу націй оседаетъ,
За то дѣловито и мгновенно,
Чтобъ подвигъ славы въ прахъ разбить
И государство раздробить,
И надъ кладбищемъ разрушенья
Не всходить многие года
Величья прежняго элада.

LXXXV.

Но все же ты еще прекрасна
Земля потерянныхъ боговъ;
Ты хороша, хоть и несчастна,
Вездѣ — средѣ пышныхъ береговъ,
Тамъ, гдѣ бѣгутъ сверная воды,
Гдѣ аромать и тишина...
Видна вездѣ любовь природы
Къ тебѣ, печальная страна....
Твои классическія зданья
Среди классической земли
Лежатъ обломками въ пыли...
Такъ гибнетъ все безъ состраданья,
Лишь трудъ великаго Творца
Не знаетъ смерти и конца

LXXXVI,

Кругомъ развалины... Колонна,
Травой заросшая, лежитъ,

Да на утесъ храмъ Тритона
 Въ рѣку прозрачную гадить.
 Видъ общій—мертвенно-свокоенъ...
 Зеленымъ ихомъ поросъ курганъ,
 Гдѣ, можетъ быть, когда-то воня
 Погибъ въ бою отъ смертныхъ рагъ.
 Его покоя не тревожить
 Кругомъ никто... Когда жъ сюда
 Заходить странникъ иногда,
 Сказать онъ только съ грустью можетъ:
 „Увы! какой здѣсь мертвый видъ!“
 И вадохъ невольный затаить.

LXXXVII.

Но это небо также сине,
 Утесы дики, зелень гѣсъ,
 Твои оливы зрѣютъ нынѣ,
 Какъ при Минервѣ въ вѣкъ чудесъ.
 Какъ прежде, медъ течетъ янтарный,
 Трудится рѣзвая пчела,
 И трудъ свершая благодарный,
 Какъ прежде, вѣтса у душа.
 А гѣто длинное Элады
 И рядъ распавшихся колоннъ
 Все также грѣтъ Аполлонъ,
 Но спять разбитыя громады
 И слава спить въ оковахъ сна:
 Природа царствуетъ одна.

LXXXVIII.

Куда бъ мы взглядъ не обратили—
 Здѣсь все: земля и небеса
 Воображеніе будили,
 Напоминая чудеса.
 Повсюду блескъ, иныя краски
 Въ роскошной зелени, въ цвѣтахъ;
 И сказки музъ для насъ не сказки
 Въ очаровательныхъ мѣстахъ.
 Съдое время не посмѣло,
 Разрушивъ храмины Афинъ,
 Коснуться дѣвственныхъ равнинъ
 И только издали глядѣло,

Какъ улыбаюсь, вдругъ весна
 Всегда свѣжа, всегда ясна...

LXXXIX.

Земля и солнце—здѣсь все то же....
 Вотъ поле битвы: для рабовъ
 Оно всего теперь дороже:
 Здѣсь персовъ встрѣтилъ мракъ гробовъ,
 Здѣсь поднялъ эллинъ мечъ кровавый,
 Здѣсь помнать день,—забытъ-ли онъ?—
 Когда при словѣ Маратонъ
 Гордился грѣхъ минувшей славой,
 И рядъ картинъ предъ нимъ вставалъ:
 Кровавый бой, гдѣ врагъ дрожалъ,
 Побѣды, вызовы, сраженье,
 Крикъ, вопль пощады, пораженье
 И гулъ торжественный кругомъ
 Предъ опрокинутымъ врагомъ.

XC.

Вотъ здѣсь—мидянинъ пораженный:
 Колчанъ безъ стрѣлъ, изломанъ лукъ;
 Тамъ грекъ, мечомъ вооруженный,—
 Кругомъ враги и смерть вокругъ...
 И что жъ встрѣчаемъ въ эти годы
 Въ странѣ, которая могла
 Разъ испытать дары свободы
 И карой Азіи была?
 Что видимъ здѣсь? Земля изрыта,
 Рядъ опрокинутыхъ гробницъ,
 Урнъ обезчещенныхъ, божницъ,
 Да пыль отъ конскаго копыта
 Пріѣзжій странникъ заносилъ
 Сюда, блуждая вдругъ могила.

XCI.

Но между тѣмъ къ твоимъ руинамъ
 Спѣшитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
 Порой, къ аттическимъ равнинамъ
 Капризнымъ вѣтромъ занесенъ.
 Твои священны повѣрья
 И твой божественный языкъ
 Повсюду чтить безъ лицемерья
 На долго мѣръ земной привыгъ

Ты—старцевъ, юношей отрада,
Тебя глубоко чтить мудрець
И вдохновляетъ лобой пѣвецъ,
Когда и Муза и Паллада
Ему дары свои сулятъ
И въ сердцѣ пѣсни шевелятъ.

XСII.

Кто одиночествомъ страдаетъ,
Тотъ пусть Элладу посѣтитъ,
Пусть эту землю онъ лобзаетъ...
Здѣсь жизнь весельемъ не дивитъ,
Здѣсь не найдемъ мы развлеченья,—
Не тѣмъ Эллада хороша:
Въ странѣ тоски, уединенья
Смирится гордая душа.
Здѣсь одинокій странникъ будетъ
Жить безъ тревогъ; полей просторъ
Вездѣ найдетъ усталый взоръ;
Онъ скоро край родной забудетъ
Для мѣстъ, куда случайно рокъ
Перенести свитальца могъ.

XСIII.

Идите жъ вы въ тотъ край священный,
Но да не смѣетъ тамъ слегка
Остатковъ древности безцѣнной
Коснуться дерзкая рука!..
И безъ того теперь ихъ мало!..
О, странникъ! Ихъ боготвори:
На память древность завѣщала
Намъ только эти алтари;
Да рядъ разваливъ видны взорамъ...
Теперь мы ихъ не оскорбимъ
Прикосновеніемъ своимъ,
Иначе залеймятъ позоромъ
На всѣ вѣка и времена
Пришельцевъ дерзкихъ имена.

XСIV.

А ты, игравшій намъ на лирѣ
Вотъ эту пѣсню до конца,
Твой голосъ скоро стихнетъ въ мирѣ
Для пѣсенъ новаго пѣвца.

Я лавръ увядшій уступаю
 Ему безъ бою: на землѣ
 Я съ равнодушіемъ внимаю
 Какъ похвалямъ, такъ и хулѣ.
 Всѣ тѣ, которые любили
 Меня, и отъ кого я ждалъ
 Съ невольнымъ трепетомъ похваля —
 Теперь давно лежать въ могилахъ:
 Вѣдь больше некого хвалить,
 Когда ужъ некого любить!..

ХСV.

Тебя ужъ нѣтъ на свѣтѣ тоже!
 Ты отошла въ тотъ міръ любя!
 О, кто жъ остался мнѣ дороже
 На этомъ свѣтѣ безъ тебя?
 Чьи чувства были больше святы?
 Кто такъ тепло меня любилъ?..
 Не отшатнулась отъ меня,
 Хоть я того достойна былъ.
 Ты умерла!.. Зачѣмъ живу я?
 Зачѣмъ вернулся я назадъ,
 Гдѣ ужъ не встрѣчу милый взглядъ?
 Зачѣмъ рвался къ тебѣ тоскуя?..
 Зачѣмъ? Слезами рвется грудь,
 Но ужъ былаго не вернуть.

ХСVІ.

О, вѣчно милая подруга!
 Кто мнѣ отдастъ тебя опять?
 Ужаснѣй въ мірѣ нѣтъ недуга:
 Съ прошедшимъ связи разорвать.
 Въ могилахъ ты, — но образъ милый
 На долю память сберегла...
 О, смерть! ее ль одну могилой
 Ты отъ меня оторвала?
 Мать... другъ... Вотъ новая гробница
 Опять раскрылась. Жизнь не ждетъ,
 И рядъ печалей новыхъ шлетъ
 Ея тяжелая десница,
 Чтобъ отравить мнѣ каждый день
 И на чело набросить тѣнь.

XCVII.

Ужель въ толпу я брошусь снова,
 Туда, гдѣ слышенъ смѣхъ глупца,
 Гдѣ исказить иное слово
 Черты усталого лица?..
 Къ чему жъ напрасное старанье
 Тамъ подъ улыбкой затаить
 Свое глубокое страданье?
 Оно сольется, можетъ быть,
 Въ одну морщину тайной боли,
 Гдѣ послѣ слезы побѣгутъ,
 И губы смѣхомъ не солгутъ,
 Не подчинятся новой роли,
 И искривленный смѣхомъ ротъ
 Лишь корча нервная сведеть.

XCVIII.

Чѣмъ жизнь подъ старость — наказанье?
 Что тѣнь наводитъ на челъ?
 То зло: печальное сознанье,
 Что всѣ друзья твои въ землѣ,
 Что ты, какъ я теперь, на свѣтѣ
 Для всѣхъ чужой и одинокъ...
 Къ чему жъ такъ долги годы эти?
 Какъ будто не пришелъ ихъ срокъ?
 Съ тѣхъ поръ, какъ время схоронило
 Мои надежды и любовь, —
 Все, чѣмъ кипѣла прежде кровь —
 Все нынче старость придавила,
 И въ этомъ сердцѣ старика
 Теперь живетъ одна тоска.

конецъ 2-й пѣсни.

Дмитрій Ивановичъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

I.

Безпримѣрное въ исторіи развитіе могущества и богатства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, обнаружившееся особенно съ первой четверти нынѣшняго столѣтія, обратило на это молодое государство особенное вниманіе Европы. Государственные люди, ученые, публицисты приходили въ изумленіе, не умѣя разъяснить себѣ смысла этого новаго и непонятнаго для нихъ историческаго явленія. До тѣхъ поръ всѣ были увѣрены, что старая, опытная Европа, постигшая вполне правительственную мудрость, ведетъ человѣчество къ счастью и довольству и что людямъ достаточно только вѣрится своимъ вождямъ и слѣдовать за ними съ закрытыми глазами, чтобы придти самымъ близкимъ путемъ къ полному земному счастью. Но сообразивъ, что Европа маршируетъ по этому пути уже нѣсколько десятковъ вѣковъ, а о золотыхъ воротахъ, за которыми лежатъ райскіе сады, пѣтъ не только никакихъ слуховъ, но даже являются нѣкоторыя основанія предполагать, что путь избранъ нѣсколько лабиринтнаго свойства, — ученые мужи Европы пришли въ небольшое сомнѣніе относительно собственной мудрости и отправились въ Америку изучать тамошнія учрежденія. Но сомнѣніе въ своей мудрости было непродолжительно. Вожаки рѣшили, что Европа старше, слѣдовательно умнѣе, и потому ей не за чѣмъ пзмѣнять или ускорять свое торжественное шествіе по пути прогресса.

Представители англійскаго кансерватизма, неотличающіеся чувствительностью благонамѣренныхъ, но слабонервныхъ либераловъ, вы-

сказали въ лицѣ Маколей мысли болѣе рѣшительныя. Чему вы радуетесь, сказалъ Маколей американцамъ, судьба вашей страны неизбежна. Пока у васъ еще много плодородной, незанятой земли, ваши рабочіе сыты, довольны и спокойны, не придетъ время, когда и у васъ явятся свои Манчестеры и Бирмингамы, когда и у васъ сотни тысячъ работниковъ будутъ оставаться иногда безъ работы; тогда-то наступитъ часъ испытанія для вашихъ учреждений, тогда-то сдѣлается невозможнымъ возвращеніе прежняго благосостоянія. Въ своемъ пророчествѣ Маколей говоритъ о демагогахъ, объ отцахъ, дѣти которыхъ за кричатъ: «хлѣба, хлѣба!», о распаденіи правительственной машины отъ избытка голодныхъ демократовъ и о Цезарѣ или Наполеонѣ, который захватитъ наконецъ въ свою крѣпкую руку кормило правленія. Но что же хочетъ сказать всѣмъ этимъ знаменитый англійскій историкъ? Почему онъ считаетъ себя призваннымъ пророчествовать, и почему онъ полагаетъ, что современное положеніе Англій или Франціи есть именно то будущее, которое ожидаетъ Сѣверо-Американскіе Штаты? Если сотни тысячъ работниковъ должны быть иногда безъ работы, какъ это кажется Маколею, «если недовольныхъ слѣдуетъ смирять не слишкомъ строгими, но рѣшительными мѣрами, если народа не нужно допускать до управленія, потому что онъ по своей грубости позволяетъ себѣ задавать такіе вопросы: можно ли допустить, чтобы кто либо пилъ шампанское и ѣдилъ въ каретѣ въ то время, когда тысяча честныхъ людей лишены самаго необходимаго?» — если все это есть необходимое условіе человѣческаго общества и ни одинъ народъ не можетъ избавиться отъ подобнаго будущаго, то для чего всѣ толки о прогрессѣ, которымъ предается также и Маколей, къ чему образованіе, наука, открытія и усовершенствованія? Развѣ Англія не достигла уже до того блаженнаго состоянія, когда въ странѣ есть сотни тысячъ голодающихъ людей и когда управляютъ этими бѣдняками не слишкомъ строгими, но рѣшительными мѣрами? Но это ли хотѣлось сказать Маколею? Неужели человѣчество должно остановиться на современныхъ Англійскихъ порядкахъ? Нѣтъ, Маколей хотѣлъ сказать не то. Онъ желалъ только убѣдить американцевъ, что ихъ свободныя учрежденія для людей невозможны, и, чтобы сдѣлать свою мысль болѣе убѣдительною, сталъ грозить имъ нищетою, Цезарями и Наполеонами. Строя весь свой выводъ на неизбежности нищеты, Маколей сдѣлалъ ту же ошибку, какой не избѣгнулъ умъ болѣе его сильный — Маль-

туть. Если бы Англія вздумала приложить къ своему земледѣлію всѣ открытія и усовершенствованія современнаго сельскаго хозяйства, то она могла бы прокормить населеніе въ 150,000,000 человекъ т. е. въ пять разъ больше ея теперешняго населенія или такое, какое будетъ въ ней черезъ 150 лѣтъ; неужели же въ эти полтора ста лѣтъ англійское земледѣліе не сдѣластъ никакихъ успѣховъ? Американская почва въ состояніи прокормить 3,900,000,000 жителей, или населеніе въ 122 раза больше нынѣшняго. Есть ли послѣ этого какая либо возможность предсказывать Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ ужасы безпорядковъ, порождаемыхъ голодными демагогами; ужасы управленія людьми, которые не знаютъ больше ничего, какъ кричать дикимъ голосомъ «хлѣба», когда Штаты имѣютъ столько производительной земли, что при увеличеніи населенія въ теченіе ста лѣтъ втрое ея достанетъ на полное продовольствіе всѣхъ жителей (даже при теперешнихъ успѣхахъ земледѣлія) въ теченіе 600 лѣтъ.

Times, еще болѣе рѣшительный, чѣмъ Маколей, потому что отстаиваетъ текущіе денежные интересы купцовъ и лавочниковъ, выразилъ въ послѣднее время особенную нелюбовь къ Соединеннымъ Штатамъ. Причина понятна: теперешняя американская война, эта вторая великая борьба за независимость и свободу милліоновъ людей, которая кончится, какъ и первая, торжествомъ представителей человѣческихъ правъ надъ дикими рабовладѣльцами,—эта война отразилась весьма чувствительно на денежныхъ дѣлахъ англійскихъ банкировъ и торговцевъ. И англійскимъ рабочимъ было не легко переносить нужду, явившуюся вслѣдствіе американской войны. Но въ чемъ же тутъ виноваты американцы и ихъ учрежденія, къ чему это близорукое сочувствіе къ южанамъ. Вѣдь нынѣшняя борьба произошла только потому, что союзъ не могъ исключить рабства изъ своей конституціи. При самомъ учрежденіи штатовъ южане стояли за свое баронское право имѣть рабовъ и грозили отдѣлиться отъ союза, если рабство будетъ уничтожено. Сѣверные штаты уступили, и вотъ теперь, чрезъ 80 лѣтъ, разрѣшается вопросъ, съ которымъ не могли покончить тогда, отложивъ его на будущее время. Это будущее наконецъ пришло, а вмѣстѣ съ нимъ повторяется еще разъ спасительный урокъ для народовъ Европы, урокъ, которымъ, разумѣется, никто не воспользуется, и историческія событія пойдутъ своимъ обычнымъ логическимъ путемъ и приведутъ къ своимъ обычнымъ слѣдствіямъ — къ пользѣ или вреду, смотря потому, какъ распорядят-

ся люди власти въ настоящемъ. Ошибки дѣлаются легко, но не такъ легко они исправляются, когда пора разрѣшенія ихъ наступитъ чрезъ 100, 200 лѣтъ. Страшно расплачивается нымѣшнее населеніе Америки за ошибку своихъ дѣдовъ, платится за это и Англія, насадившая въ своихъ американскихъ колоніяхъ идею рабства. И Европейскія событія конца 18 и 19 вѣка только слѣдствіе старыхъ ошибокъ прежнихъ правителей. Упорство, близорукость и своекорыстіе нѣшали всегда людямъ вліятельнымъ стоять въ уровень съ лучшими идеями своего времени, и кроваво расплачивались за ихъ упорство будущія поколѣнія. *Après moi le déluge* — вотъ принципъ людей этого сорта. Мы не знаемъ, какъ именно расплатится Франція за ошибки Наполеона III, но знаемъ, что расплата будетъ не легка, и нѣмцы станутъ снова злорадствовать и снова укорять французовъ въ политическомъ легкомысліи. Точно также злорадствуетъ аристократическая Англія надъ сѣверными штатами Америки. Люди этой партіи пользуются всякой ложью и клеветой, чтобы выставить американцевъ въ невыгодномъ свѣтѣ, и чтобы пророчить имъ погибель, выгодную англійскимъ торгашамъ и баронамъ. Легковѣрные, мало знакомые съ американскими порядками, повторяютъ, какъ попуганъ, всякую выпущенную клевету, принимая ее за чистую монету, и изъ такихъ-то источниковъ составляется европейское мнѣніе о дѣлахъ Соединенныхъ штатовъ. Американцы не считаютъ нужнымъ присылать въ Европу свои опроверженія и открывать глаза слѣпорожденнымъ; американцы сильны своей собственной силой, и они знаютъ, какъ смотрѣть на всякія, сочиняемыя у нихъ дома, выдумки, доставляющія такое удовольствіе ихъ европейскимъ врагамъ. Ни въ одной странѣ въ мірѣ нѣтъ такой безусловной свободы слова, и ни въ одной странѣ въ мірѣ не разыгрываются въ такой степени страсти политическихъ партій, какъ въ Америкѣ. Политическіе враги не щадятъ другъ друга; они не только преувеличиваютъ недостатки и ошибки своихъ противниковъ, но, зная могущество прессы, выдумываютъ иногда то, чего никогда не бывало. Клевета и ложь въ Америкѣ вещь обыкновенная; но американецъ знаетъ, какъ принимать газетные толки, а европеецъ этого не знаетъ или не хочетъ знать. Американцы въ десять разъ лучше того, какъ о нихъ можно судить по ихъ газетамъ, тогда какъ европейцы много хуже того, какъ ихъ рисуетъ европейская журналистика. Въ Америкѣ мнѣнія свободны, и люди горятъ отъ того нерѣдко великій вздоръ, не нарушающій однако

ни порядка, ни благоденствія штатовъ; въ Европѣ же, напротивъ, совершается постоянный маскарадъ мысли. Такимъ образомъ лгать и Америка, лгать и Европа, но разница между этими сортами лжи въ томъ, что первая чернить иногда хорошее и всегда преувеличиваетъ зло; а вторая скрываетъ всякое безобразіе и золотитъ горькія пилюли.

Европа не имѣетъ основанія укорять Америку въ чемъ бы то ни было, потому что все дурное, что только есть въ американскихъ штатахъ, пришло къ нимъ изъ феодальной Европы; точно такъ же, какъ все хорошее составляетъ тотъ идеалъ, къ которому стремится мыслящее европейское населеніе. Гдѣ есть такая свобода слова, свобода мысли, свобода совѣсти, какъ въ Америкѣ? Гдѣ личность человѣка защищена болѣе? Гдѣ женщина пользуется большимъ уваженіемъ и правами въ общественной и частной жизни? Гдѣ семейная жизнь доведена до такой чистоты, и гдѣ отношеніе родителей къ дѣтямъ доведены до такой искренности, чуждой совершенно европейскаго семейнаго деспотизма? Гдѣ масса населенія отличается большимъ образованіемъ и большой способностью понимать общественныя дѣла и принимать въ нихъ участіе? Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, Европа совершенное дитя, и даже дурнаго воспитанія. Наконецъ Америка не знаетъ ни пауперизма, ни пролетаріата. Но разсужденія отсталыхъ людей безсильны повернуть историческую жизнь назадъ; народъ знаетъ свое дѣло и стрелится туда, гдѣ онъ убѣжденъ найти лучшее. Народъ не читаетъ ни «Times'a», ни *Маколей*, потому что они пишутъ не для него, а для людей биржи и для бароновъ и феодаловъ; народъ идетъ своимъ путемъ и охотно покидаетъ прославляемую пожульженными и офицюзными газетами Европу для развращенной, разнузданной и погибающей Америки, какъ величаютъ ее бароны. Соединенные штаты, въ которыхъ въ 1680 году считалось 80,000 жителей, имѣютъ въ настоящее время болѣе 32 милліоновъ. Въ Англии и въ Уэльсѣ въ 1700 году было 5,134,000 чел., а въ 1861 году 20,061,000, слѣдовательно въ теченіе 160 лѣтъ населеніе увеличилось въ *четыре*; въ Соединенныхъ же штатахъ въ 1701 году было 260,000, а въ 1861 году болѣе 32 милліоновъ, или въ 160 лѣтъ населеніе увеличилось въ *сто двадцать три* раза. Откуда же набрались эти милліоны людей? И неужели это были все дураки, не понимавшіе что они дѣлаютъ и шедшіе въ Америку на свою гибель, потому что не хотѣли слушать ораторовъ биржи? Ничто не уходитъ оттуда, гдѣ ему

хорошо, и человекъ, покинувшій Европу, знаетъ, что онъ дѣлаетъ, отправляясь въ Америку. Онъ уходитъ отъ произвола и притѣсненій, онъ бѣжалъ отъ голода въ страну, гдѣ ему не придется терпѣть ни того, ни другаго.

Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты сложились путемъ переселенія, и въ этомъ объясненіе ихъ быстрого развитія и того благосостоянія, до котораго Европа не можетъ добиться въ теченіе многихъ вѣковъ. Этимъ же объясняется причина политическаго легкомыслія, въ которомъ укоряютъ нѣмцы французовъ. Французы вовсе не глупѣе англо-саксовъ и не менѣе ихъ энергичны; но если они не достигли того, до чего дошли сѣверо-американцы, то виной этого исключительно географическія условія. Американскіе Штаты образовались изъ людей недовольныхъ старой Европой. Люди эти внесли въ новый міръ понятія и стремленія, за которыми ихъ не хотѣли терпѣть на ихъ родинѣ. Явившись въ новую страну, они постарались избѣгнуть въ своихъ учрежденіяхъ всего того, что могло бы навлиять на нихъ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ они только что отдѣлялись. Лучшіе люди взяли на себя устройство внутренняго порядка, а всѣ остальные подчинились ему, потому что увидѣли, что порядокъ хорошъ. Если бы граждане, образовавшие Соединенные Штаты, остались бы въ Англіи, — они не создали бы въ ней ничего подобнаго Американскому Союзу. Для этого нужна была особая страна, куда недовольные имѣли бы возможность удалиться. Найдя такую землю, переселенцы могли устроить нѣчто другое, ненуждающееся къ ихъ прежнему общественному быту. Если бы въ Америку переселились не нѣкоторые, а всѣ англичане, то Новая Англія не отличалась бы ничѣмъ отъ Англіи Старой. Вотъ причина, почему французы зарекомендовали себя также легкомысленными въ глазахъ нѣмцевъ и почему нѣмцы, не смотря на свое глубокомысліе, не выказали въ себѣ до сихъ поръ особеннаго политическаго смысла. Бронетія, происходившія во Франціи, были похожи на разнородную смѣсь, кипѣющую въ одномъ котлѣ. Кипѣніе кончилось, но разнородные элементы остались по-прежнему виѣсть. Если бы Франція раздѣлилась на группы одномыслящихъ людей, и партіи сказали бы одна другой — «чѣмъ намъ убивать другъ друга, раздѣлимъ Францію на части, и пусть въ каждой части живутъ одномыслящіе люди», тогда и во Франціи могло бы образоваться нѣчто въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ. Но такое разчлененіе для Франціи было невозможно. Виѣсто

переселенія, при которомъ люди могли бы основать быстро отдѣльныя независимыя общества на разныхъ политическихъ основаніяхъ, — французамъ приходится идти путемъ медленнаго прогресса, т. е. ждать, когда образованіе измѣнитъ понятія правительственныхъ людей. Разумѣется для этого нужно пережить не одно, а нѣсколько поколѣній. Въ чемъ же тутъ вина французовъ и въ чемъ же ихъ легкомысліе? И какой другой народъ Европы можетъ сказать, что онъ менѣе легкомысленъ? Мы говоримъ все это совсѣмъ не для того, чтобы оправдывать французовъ или обвинять нѣмцевъ, англичанъ, и отнимать заслугу отъ американцевъ; мы только хотимъ показать, насколько внѣшнія причины важны въ политической жизни народовъ. Если бы гдѣ нибудь на земномъ шарѣ открылась обширнѣяя свободная территорія, и явился бы новый Петръ пустынный, проповѣдующій переселеніе въ эту новую страну всѣмъ тѣмъ, кто недоволенъ Европой, то разумѣется міръ увидѣлъ бы нѣчто подобное новымъ Соединеннымъ Штатамъ Америки, а Европа опустѣла бы болѣе, чѣмъ во времена крестовыхъ походовъ. Такимъ образомъ на происхожденіе Союза Сѣверо-американскихъ Штатовъ нужно смотрѣть, какъ на выдѣленіе изъ европейскаго общества людей болѣе прогрессивныхъ понятій. Оставивъ за океаномъ свою старую Англію и старую Германію съ ихъ старыми учрежденіями и принципами, новые люди воспользовались всѣмъ тѣмъ, что было открыто и разработано лучшими умами Европы въ наукѣ права, въ политикѣ, въ исторіи, въ законодательствѣ, и приложили все вновь добытыя знанія къ учрежденіямъ своего новаго отечества. Развѣ изъ всего этого могъ выдти какой нибудь другой результатъ, кромѣ того поразительнаго благоденствія и могущества, которымъ Американскіе Штаты привели въ недоумѣніе Европу?

Съ самаго учрежденія Союза въ немъ не знали, что значить революція, а между тѣмъ разнокалиберное населеніе Штатовъ образовалось изъ людей всѣхъ національностей: тамъ есть англичане, французы, нѣмцы, шведы, норвежцы, русскіе, швейцарцы, поляки, даже китайцы; въ числѣ переселенцевъ бывали люди весьма рѣшительнаго закала; Англія отправила въ Америку не малое число каторжныхъ и всякихъ сортовъ убійцъ, воровъ и разбойниковъ; много переселилось туда искаателей приключеній, игроковъ, разныхъ видовъ плутовъ и обманщиковъ, стоявшихъ въ нравственномъ отношеніи нисколько не выше

каторжныхъ;—и изъ всей этой разнообразной смѣси образовался тихій, спокойный народъ, преданный вѣрно экономическимъ интересамъ, нисколько ненуждающийся въ присмотрѣ, и вѣрно дорожащій своими политическими правами, о которыхъ онъ умѣетъ разсуждать и защищать ихъ въ случаѣ надобности. Какъ же случилось такое удивительное превращеніе? Очень просто — новыми условіями общежитія, въ которыя были поставлены люди.

При изученіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ представляется, разумѣется, большой интересъ сравненіе тамошнихъ учреждений съ учреждениями Европы и сравненіе тамошняго быта съ бытомъ европейскимъ. Но изученіе учреждений не приведетъ совершенно ни къ чему, если не обратитъ вниманіе на историческое воспитаніе народа. Учрежденія штатовъ такъ просты, что объ нихъ можно сказать все въ нѣсколькихъ словахъ — это высшее развитіе системы самоуправленія. И не смотря на полную свободу жизни, народонаселеніе не дѣлаетъ никакихъ безчинствъ, и общественная дѣятельность идетъ стройнымъ порядкомъ. Разумѣется, американское понятіе о порядкѣ не совсѣмъ похоже на европейское понятіе объ этомъ предметѣ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, не позволятъ развѣсить на улицѣ панталоны, или нижнее мужское бѣлье, ибо этигь оскорблалась бы чистота нравовъ и былъ бы нанесенъ очевидный ущербъ общественной нравственности; въ Дрезденѣ васъ заставляютъ идти черезъ мостъ непременно по правой сторонѣ, если же вы вѣдували бы идти лѣвой, то вамъ замѣтятъ, что вы нарушаете общественный порядокъ и попросятъ поправить вашу ошибку, т. е. перейти на правую сторону. Америка не понимаетъ и, разумѣется, никогда не пойметъ всей тонкости такого порядка.

Чтобы понять, какимъ образомъ американцы умѣютъ такъ хорошо самоуправляться, нужно знать, какое получили они политическое воспитаніе, а это можно узнать только изъ ихъ исторіи. Вотъ почему мы придаемъ большую важность изученію исторіи Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ ихъ учреждений. Народу, не имѣющему хорошаго политическаго воспитанія, не помогутъ хорошія заимствованныя учрежденія, это мы видимъ на республикахъ южной Америки; тогда какъ народъ съ здравыми политическими понятіями сумѣетъ создать самъ хорошія учрежденія. Поэтому въ настоящей статьѣ мы обратимъ вниманіе читателя на тѣ отдаленныя времена, когда вла-

лись первыя начала сѣверо-американскихъ государственныхъ учреждений, результатомъ которыхъ явилось все то, чему европейцы привыкли удивляться въ жизни американцевъ. Будущая политическая судьба народа зависитъ отъ его первыхъ шаговъ на поприщѣ его общественной жизни. Все послѣдующее въ его судьбѣ, не болѣе какъ неизбежное логическое развитіе основныхъ началъ, въ которыя онъ былъ поставленъ тѣми или другими обстоятельствами. Если Американскіе Штаты достигли до могущества и богатства, они обязаны въ этомъ первымъ переселенцамъ и тѣмъ великимъ людямъ, которые развили основы прежнихъ учреждений въ конституціи 1787 года. Такимъ образомъ, чтобы понять настоящее, нужно обратиться къ прошедшему; въ этомъ и заключается поучительность жизни штатовъ для людей, интересующихся историческими вопросами.

Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Нейманна, не давно вышедшая въ русскомъ переводѣ, значительно восполняетъ недостатокъ свѣдѣній, обращающихся въ нашей публикѣ по этому предмету. Этимъ сочиненіемъ, отличающимся благороднымъ тономъ и правильнымъ пониманіемъ фактовъ и смысла явленій, мы и будемъ пользоваться главнѣйше при изложениіи настоящей статьи.

II.

Первымъ мѣстомъ, гдѣ основались въ Америкѣ англійскія колоніи, была Виргинія. Король Яковъ I отдалъ эти земли двумъ частнымъ торговымъ компаніямъ для устройства поселеній. Это было въ 1606 году. Будущимъ колонистамъ и ихъ потомкамъ сохранялись всѣ права англичанъ, всѣ ихъ вольности и привилегіи. Колонисты могли вести свободно торговля сношенія съ кѣмъ и какъ хотятъ. Они могли пользоваться всѣми выгодами, представляемыми краемъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, могли разрабатывать рудники, но съ тѣмъ, чтобы пятую часть добычи отдавать коронѣ. Для управленія колоніями были учреждены два совѣта; одинъ въ Англіи, другой въ Америкѣ. Управление должно было основываться вполнѣ на англійскомъ правѣ.

Первые поселенцы въ Виргиніи представляли пеструю смѣсь людей всякаго состоянія. Тутъ были и джентельмены, и купцы, и всякіе пройдохи, и искатели приключеній. Людей полезныхъ для колонизаціи, т. е. земледѣльцевъ и ремесленниковъ было мало. Большинство первыхъ поселенцевъ бѣжало изъ Англіи или потому, чтобы избѣжать тюрьмы, или чтобы обогатиться отъ разработки драгоценныхъ металловъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ работать серьезнымъ образомъ, всѣ думали только о пріятной жизни и о деньгахъ. Разъ въ одной рѣчкѣ нашли блестящее минеральное вещество, и всѣ кинулись съ лопатами, чтобы накопать какъ можно больше этого воображаемаго золота. Даже былъ нанятъ корабль, чтобы вести найденное сокровище въ Англію; но потомъ оказалось, что это все не золото.

Съ меньшей жадностью набросились первые поселенцы и на разведеніе табаку. Табакъ былъ тѣми же деньгами, и вотъ всѣ начали разводить его, гдѣ только было можно; его сѣяли даже на улицахъ. Но тутъ съ колонистами случилось на практикѣ то, что впоследствии разъяснилъ Адамъ Смитъ въ теоріи. Табакъ не оказался такимъ сокровищемъ, какимъ его считали, потому что изъ-за него оставили въ полномъ пренебреженіи земледѣліе и наступилъ голодъ. Находчивые поселенцы однако не растерялись: они заставляли индѣйцевъ снабжать себя съѣстными припасами, и для этого пользовались всякими насильственными средствами, не пренебрегая даже разбоемъ.

Но табакъ былъ все-таки вещь весьма выгодной, на него пріобрѣтались всѣ удобства и даже наслажденія жизни. Когда компанія увидѣла, что поселеніе не обѣщаетъ особенной прочности, потому что состоитъ изъ отчаяннаго холостаго народа, а семейныхъ людей весьма мало; то придумали привозить женщинъ изъ Англіи и продавать ихъ за табакъ колонистамъ. Сначала цѣна женщины была 100 фунтовъ табаку, но потомъ поднялась до 150. Фунтъ цѣнился въ 1 руб. сер., слѣдовательно женщина стояла отъ 100 до 150 рублей. Эта спекуляція торгашей не оказалась однако выгодной по той простой причинѣ, что ни одна порядочная женщина не отправлялась въ Америку, чтобы быть промѣнянкой на табакъ; а многія изъ красавицъ оказались такого свойства, что привели въ ужасъ даже невзыскательныхъ колонистовъ, и ихъ приходилось отправлять назадъ въ Англію.

Лѣность и жадность къ богатству первыхъ поселенцевъ была причиною и введенія невольничества. Первыхъ негровъ привезъ въ Америку въ 1620 году одинъ голландскій капитанъ. За нихъ дали хорошія деньги и заставили ихъ работать. Сильные и вѣрніе африканцы, привычныя къ морскому и влажному климату, оказались отличными работниками и принесли своимъ хозяевамъ хорошія выгоды. Колонистамъ понравилось сидѣть сложа руки и заставлять работать за себя другихъ, а между купцами явились охотники удовлетворять этому аристократизму, и такимъ образомъ организовался торгъ людьми. Ввозъ черныхъ до того усилился, что чрезъ нѣсколько лѣтъ черное населеніе далеко превышало бѣлое.

Вслѣдъ за Виргиніей начали заселяться земли, лежація отъ нея на югъ. Сюда перебрались преслѣдуемые во Франціи протестанты. По своей незлобivosti они назвали запятая ими земли въ честь своего неутомимаго преслѣдователя Карла IX — Каролиной. Этой колоніи такъ посчастливилось въ своихъ переселенцахъ, что одинъ изъ намѣстниковъ Виргиніи писалъ о ней, что она составляетъ стыдъ и позоръ Америки, убѣжище всякихъ негодяевъ; пираты и разбойники находятъ въ ней всегда радушный пріемъ и рынокъ всѣмъ награбленнымъ ими предметамъ. Всякая сволочь, бѣжавшіе должники, разбойники, воры принимались къ Каролинѣ съ распростертыми объятіями и находили покровительство и защиту мѣстныхъ властей. Потомки этихъ джентельменовъ составляютъ еще и нынче одичавшее, полудикое населеніе Каролины. Но почему же всѣ негодяи Англии направлялись непременно въ Каролину, а не въ другія колоніи? и почему отправлялись негодяи, а не порядочные люди? Случилось это весьма просто. Американскія колоніи дѣлились по своему происхожденію на три рода: свободныя, гдѣ земля принадлежала поселенцамъ, королевскія, гдѣ колонисты находились подъ непосредственнымъ управленіемъ короны, и владѣльческія, гдѣ земля, въ силу королевскихъ грамотъ, составляла феодальную собственность бароновъ. Каролина принадлежала къ числу послѣднихъ. Карлъ II пожаловалъ огромныя пространства земли своему министру Кларендону, лорду Эшли, герцогу Шефтсбѣри и еще многимъ другимъ. Причиной пожалованія было похвальное и благочестивое усердіе этихъ господъ, съ которыми они желали просвѣтить свѣтомъ евангелія толпы дикарей, блуждавшихъ въ этой мѣстности. Способъ, какимъ принялись лорды за колонизацію пожалованныхъ имъ земель, выказалъ сразу характеръ

ихъ религіознаго усердія и ихъ миссіонерское призваніе. Въ своей Англіи они служили самыми дѣятельными орудіями въ преслѣдованіи свободы совѣсти и свободомыслія, а тутъ вдругъ явились поборниками противоположныхъ началъ; они не только обѣщали полную религіозную и государственную терпимость, но даже объявили, что ни одинъ переселенецъ не можетъ быть преслѣдуемъ въ теченіи пяти лѣтъ за неисполненныя имъ обязательства и за неуплаченныя долги, сдѣланныя впѣ своего новаго отечества. Такія льготы были весьма заманчивы для людей, жившихъ всякими надувательствами, и люди этого сорта отправились массами въ Каролину.

Колонизація Георгіи, названной въ честь Георга II, одного изъ пустѣйшихъ королей Англіи, началась въ 1732 году. Туда отправили сначала неоплатныхъ должниковъ, томившихся въ страшныхъ въ то время англійскихъ тюрьмахъ, а потомъ переселилась разная сволочь изъ большихъ городовъ королевства. Люди эти по своимъ нравственнымъ качествамъ не отличались ничѣмъ отъ каролинскихъ джентельменовъ.

Южныя колоніи имѣли ту общую черту, что поселенія въ нихъ составлялись изъ людей большею частью весьма сомнительнаго и порочнаго поведенія, такъ что нѣмецкіе поселенцы, бѣжавшіе изъ Германіи отъ преслѣдованія католическихъ епископовъ, гернгутеры и гугеноты составляли счастливое исключеніе. Другая же общая черта заключалась въ введеніи съ самаго начала рабства и торга неграми. Вотъ гдѣ корень того несчастнаго положенія, въ которомъ находятся до сихъ поръ южныя штаты сѣверо-американскаго союза. Рабство испортило все. Съ одной стороны оно способствовало образованію облѣнившагося и ступѣвшаго аристократическаго сословія, неспособнаго ни къ умственной, ни къ физической дѣятельности; съ другой создало тупыхъ бѣлыхъ и черныхъ рабовъ. Подражая англійской аристократіи, южныя бароны устроили свою домашнюю жизнь совершенно по англійскому образцу; но домашній комфортъ не помогъ нисколько развитію ихъ умственныхъ способностей; люди тупѣли въ праздности, окруженные цивилизованной роскошью, среди великолѣпной природы и потеряли всякую способность къ умственной дѣятельности, свойственной людямъ демократическаго образа жизни. Даже до сихъ поръ всѣ занятія, требующія спеціальнаго образованія и умственнаго развитія, находятся въ южныхъ рабовладѣльческихъ штатахъ въ рукахъ пришлыхъ людей. Доктора, учителя въ

высшихъ школахъ, издатели и редакторы журналовъ и ученыхъ сочиненій — все это не туземцы, а прїѣзжіе изъ сѣверныхъ штатовъ, или иностранцы. Сдѣлавъ маленькое состояніе, люди эти оставляютъ югъ, отправляются домой, а мѣста ихъ занимаютъ новые пришлецы.

Въ первыя десятилѣтія заселенія Каролины и Гебргія, въ нихъ не было и слѣда церковныхъ учрежденій; только съ появленіемъ англійскихъ раскольниковъ началась церковная служба, и первое причастіе раздавали въ южной Каролинѣ въ 1696 году, т. е. чрезъ 36 лѣтъ послѣ учрежденія колоніи. По недостатку духовенства былъ введенъ гражданскій бракъ, и вся формальность ограничивалась тѣмъ, что желавшіе жениться объявляли о томъ мѣстному начальству. Въ первой трети восемнадцатаго столѣтія ни въ сѣверной, ни въ южной Каролинѣ не было ни одной типографіи и законы объявлялись народу глашатаями.

Совсѣмъ иначе начали свою жизнь сѣверныя колоніи. Когда подъ вліяніемъ реформаціонныхъ идей, явилась въ Англіи первая библія на англійскомъ языкѣ и простые люди получили возможность познакомиться съ тѣмъ, что до тѣхъ поръ держалось отъ нихъ подъ непроницаемымъ покровомъ непонятнаго для нихъ латинскаго языка, то они были поражены новыми, неизвѣстными имъ до того истинами. Всѣ кинулись читать великихъ пророковъ древности, этихъ новыхъ людей дохристіанскаго міра. Святое писаніе учило ихъ, что предъ Богомъ всѣ равны, что ни одинъ грѣшникъ не избѣгнетъ наказанія, что Богъ стоитъ выше свѣтской власти, что власть должна быть справедливой и добродѣтельной, что недостаточно одного протестантскаго формализма, чтобы спастись, а нужна дѣятельная вѣра и добрыя дѣла, что Богъ не смотритъ на лица, а судитъ ихъ по заслугамъ, не различая сильныхъ отъ слабыхъ, бѣдныхъ отъ богатыхъ, духовныхъ отъ свѣтскихъ. Ничего этого не знали прежде люди, слушавшіе латинскую библію; но теперь они стали думать и вскорѣ обнаружили плоды перваго пробужденія мысли. Чрезъ нѣсколько лѣтъ новые люди выступили уже какъ самостоятельное цѣлое, въ видѣ послѣдователей новаго ученія. Такихъ вредныхъ людей, разумѣется, не могла терпѣть королевская власть того времени. Даже Елизавета смотрѣла на пуританъ съ великимъ неудовольствіемъ, считая ихъ врагами монархической власти, и чувствовала особенное отвращеніе отъ людей, желавшихъ думать самостоятельно. Елизавету и ея деспотическихъ наслѣдниковъ, особенно изъ дома Стюартовъ, смущали эти новые люди, неумѣвшіе ни-

какъ понять ученія Стюартовъ, противорѣчившаго библіи и евангелію. Явился законъ объ однообразіи божественнаго богослуженія. Державшихся епископальной церкви назвали конформистами; а всѣхъ сектантовъ — нонконформистами. Пуритане попали въ число послѣднихъ; они объявили себя открыто противъ официальной церкви и отдѣлились отъ нея. Свѣтская власть, сказали они, не имѣетъ никакой силы надъ церковью Христа, всѣ христіане равны предъ Богомъ, нѣтъ ни епископовъ, ни особеннаго класса духовенства, каждая община можетъ назначать сама себѣ проповѣдниковъ, каждый братъ или членъ общины можетъ вступать на кафедру и поучать. Робертъ Браунъ, проповѣдывавшій эти начала, нашелъ огромное число послѣдователей; ихъ назвали индипендентами или брауніанцами. Правительство обрушилось на нихъ всею своею силою; многихъ казнили, но ученіе осталось. Яковъ, на котораго рассчитывали пуритане, обманулъ ихъ ожиданія. Онъ оказался такимъ же преслѣдителемъ всякой свободной мысли, какъ и его предшественники. Онъ говорилъ: эти люди мечтаютъ о новой формѣ правленія; имъ достаточно оскорблять меня только потому, что я король; они смотрятъ на королей, какъ на враговъ церковной свободы, и ищутъ своего спасенія въ равенствѣ, служащемъ началомъ всѣхъ безпорядковъ. Задача наша удалить эту пуританскую язву изъ государства и церкви. И Яковъ принялся съ великимъ усердіемъ за вытравленіе этой язвы.

Пуритане бѣжали сначала въ Нидерланды; но потомъ они рѣшили, что имъ слѣдуетъ подумать о распространеніи слова божьяго въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, чуждыхъ порчи цивилизаціи. Удобнѣйшимъ мѣстомъ для этого они нашли Америку. Когда пуритане сѣли уже на корабль, то священникъ, благословлявшій ихъ въ путь, сказалъ имъ рѣчь, которую заключилъ слѣдующими словами: «помните вѣчно, прошу я васъ, ученіе нашей церкви, которая говоритъ: нужно принимать всякую истину, вытекающую изъ писаннаго слова Божія. Истина не создается сразу, она появляется и развивается постепенно». На этихъ основахъ прогрессивной теологіи создавалась религія Соединенныхъ Штатовъ, допускающая безусловную свободу совѣсти. 25-го декабря 1620 года пуритане положили первое основаніе Плимуту. Весной они принялись усердно за обработку полей и огородовъ, и колонія начала расти и крѣпнуть.

Но и пуритане не избавились отъ сосѣдства разныхъ искателей

приключеній, мошенничествъ и воровъ: они набирались въ новую Англiю въ большомъ числѣ и были главной причиною безчинствъ и насилій противъ индѣйцевъ. Разъ распространился слухъ, будто бы индѣйцы повѣялись истребить всѣхъ бѣлыхъ. Пуритане повѣрили этому и, чтобы предупредить бѣду, напали на беззащитныхъ индѣйцевъ и принялись рѣзать ихъ безъ пощады. Бѣдняки пришли въ такой ужасъ, что цѣлое племя ихъ оставило страну своихъ отцовъ и переселилось дальше на западъ.

Нѣкоторые изъ пуританъ, оставивъ Плимуть, переправились въ бухту Салемъ и положили основанiе Массачусету. Колонiя подъ именемъ массачусетскаго общества получила королевскую привилегiю и право самостоятельнаго управленiя всѣми внутренними дѣлами. Новые поселенцы ввели у себя весьма строгiй порядокъ. Каждый долженъ былъ непремѣнно работать, потому что трудъ есть единственное необходимое условiе, отъ котораго зависятъ вся порядочность въ жизни человѣка. Чтобы въ колонiи не завелось лѣнтяевъ, были заведены въ каждомъ семействѣ рабочiя книги, въ которыя записывалось, кто что дѣлалъ. Работы прекращались въ субботу въ три часа, дабы каждый могъ приготовиться къ празднованiю воскресенья. Съ индѣйцами было постановлено обращаться вротко и человѣколюбиво; разведенiе табаку запрещено и дозволено только въ видѣ исключенiя въ незначительномъ количествѣ, какъ лекарства. Когда управленiе массачусетскаго общества перешло изъ Англiи въ колонию, то вмѣстѣ съ этимъ прекратилась и всякая зависимость новыхъ населенiй отъ метрополи. Тогда-то особенно усилилось переселенiе пуританъ и всѣхъ свободномыслящихъ людей, которымъ тяжело было жить въ Англiи. Переселенцы направлялись преимущественно въ колонию Массачусетъ, другiе же основывали новыя поселенiя, напримѣръ Кебриджъ, Бостонъ.

Между вновь прибывшими находился нѣкто Рожеръ Уильямсъ. Онъ былъ прежде духовнымъ, но отказался отъ этого званiя и родины, чтобы жить въ новой Англiи, гдѣ, какъ онъ говорилъ, «нѣтъ ни лордовъ, ни епископовъ и гдѣ каждый можетъ высказывать свои убѣжденiя и дѣйствовать согласно имъ». Но Уильямсъ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Отвергая установленный катехизисъ и всякое внѣшнее богопочитанiе, онъ училъ, что каждый можетъ вѣровать и учить, какъ ему вздумается. Чиновники только исполнители народной воли, ея орудiя; они могутъ наказывать только гражданъ

скія преступленія, но вѣра и совѣсть людей жемтъ внѣ круга ихъ дѣятельности. Никто не долженъ быть привлекаемъ къ вѣрѣ, или къ церковному служенію, если онъ не заявитъ на то своего согласія. Это ученіе шло уже дальше пуританизма, потому что проповѣдывало отдѣленіе церкви отъ государства и полнѣйшую, безусловную свободу совѣсти.

Либеральные пуритане нашли это ученіе черезъ чуръ вольнымъ и потребовали Уильямса къ допросу. Онъ явился. Уильямса лишили званія проповѣдника и велѣли ему оставить Массачусетъ. Боясь, чтобы его силою не отправили въ Англію, онъ бѣжалъ и скитался зимою, въ стужу, 14 недѣль, пока не достигъ до знакомаго ему предводителя индѣйцевъ — Моссасои. Этотъ дѣйствительно благородный и великодушный человекъ принялъ дружески Уильямса подъ свое покровительство и далъ ему для прокормленія нѣсколько десятинъ земли, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынче городъ Провиденсъ. Туда прибыли скоро къ Уильямсу его жена, дѣти, нѣкоторые изъ его послѣдователей и многіе изъ тѣхъ, кто чувствовалъ въ другихъ колоніяхъ стѣсненіе въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Островъ Родъ-Эйландъ, по имени котораго была названа потомъ вся колонія, былъ уступленъ Уильямсу мѣстными индѣйцами. Такимъ образомъ было положено основаніе свободной демократической общинѣ, гдѣ всякій вѣруетъ какъ онъ хочетъ; ни духовные, ни свѣтскіе не получили въ этой колоніи никакой власти въ религіозныхъ дѣлахъ.

Многіе изъ пуританъ, отличавшіеся образованіемъ, развитіемъ и ученостію, оставившіе Англію во время гражданскихъ безпокойствъ, не желая подчиниться уже существующимъ колоніальнымъ порядкамъ, основывали независимыя поселенія. Такъ былъ основанъ Нью-Гевенъ Джономъ Девенпортомъ и его товарищами. Община эта была основана совершенно на церковномъ началѣ. Только члены церкви могли принимать участіе въ управленіи и быть избираемы въ гражданскія должности, только они имѣли право составлять законы и управлять дѣлами колоніи. Девенпортъ отличался большимъ свободомысліемъ. Когда Валлей, Госсъ и Диксуель, судьи Карла I, прибыли въ Нью-Гевенъ, какъ бѣглецы, и искали убѣжища, Девенпортъ сказалъ: «Они и не должны быть выданы ихъ мстительнымъ преслѣдователямъ. Нѣкоторые — ихъ враги — приговорили бы ихъ къ смерти; но я другаго убѣжденія: люди эти не должны быть выданы». И не смотря на опасность, какой онъ подвергался, Девенпортъ остался

вѣренъ своему убѣжденію. Беглецовъ держали втайнѣ, а между тѣмъ распустили слухи о ихъ смерти, и они прожили въ новой Англіи 30 лѣтъ подъ чужими именами.

Въ одно время съ Нью-Гевеномъ zaloжились поселеніи въ прес-восходной и плодородной долианѣ рѣки Кеннектикута. А годами двумя, тремя ранѣе, Барль I, противъ всякаго права и не смотря на со-противленіе Виргиніи, пожаловалъ огромныя пространства этой ко-лоніи католику Кальверу, лорду Бальтимору, который назвалъ свои владѣнія, въ честь королевы Геприеты-Маріи — Мериландошъ. Като-лическій лордъ оказался довольно либеральнымъ, ибо этого требо-вали его собственныя выгоды. Въ его владѣніяхъ могъ поселиться всякій вѣрующій въ Христа. Каждый колонистъ получалъ 50 морге-новъ земли и пользовался равными со всѣми правами. Никто не долженъ былъ терпѣть обидъ или оскорбленій по поводу своихъ ре-лигіозныхъ убѣжденій; каждая такая вина подвергалась денежному штрафу. Впослѣдствіи Балтиморы перешли въ протестанство, что для колоніи было выгодно. Вообще Мериландъ увеличивался быстро въ народонаселеніи и богатѣлъ. Увеличенію населенія спо-собствовалъ много ввозъ негровъ и ссылка преступниковъ.

Послѣ всѣхъ другихъ колоній основалась Пенсильванія Уильямомъ Пенномъ, послѣдователемъ бѣднаго башмачника Георга Фокса, учреди-теля и апостола секты квакеровъ. Уильямъ получилъ въ Америкѣ огромныя пространства земли за заслуги отца, завоевателя Ямайки. Пеннъ назвалъ свою лѣсистую область Сильванія, а король въ честь его отца прибавилъ къ этому имени Пеннъ. Такимъ образомъ всѣ колоніи Америки были названы въ честь болѣе или менѣе извѣст-ныхъ лицъ, не всегда, впрочемъ, имѣвшихъ на то право по своимъ заслугамъ. Впрочемъ съ заслугами въ этомъ случаѣ никто не сооб-ражался, а потому и съ именемъ Пенсильванія соединяется не столько воспоминаніе о завоевателѣ Ямайки, сколько представленіе о его сынѣ, который при всѣхъ своихъ недостаткахъ принесъ Амери-кѣ и всему человечеству огромную пользу. Объ ней мы скажемъ послѣ, когда будемъ говорить объ учрежденіяхъ Пенсильваніи. Колонія эта населена квакерами, сектой довольно странной, умѣвшей примирять разныя, повидимому несогласимыя, проти-вуположности. Квакеры проповѣдывали безусловную свободу от-дѣльнаго лица вмѣстѣ съ безусловной подчиненностью всѣхъ; противодѣйствіе власти считалось у нихъ преступленіемъ. Со-

образно эти противорѣчія они во время войны за независимость праздновали каждую побѣду англичанъ надъ американцами; подобной же смѣсью разныхъ противоположныхъ качествъ отличался и основатель колоніи, въ которомъ любовь къ свободѣ уживалась рядомъ съ чувствомъ придворнаго гнета, а любовь къ человечеству съ крайнимъ своекорыстіемъ. Не смотря на всѣ недостатки своего ученія, квакеры отличались чрезвычайною порядочностію въ жизни и любовью къ порядку. Вашингтонъ говорилъ о нихъ, что ни одна церковь не даетъ такихъ образцовыхъ и полезныхъ гражданъ.

Вотъ основные элементы, изъ которыхъ должна была сложиться гражданственность американскихъ штатовъ. Рядомъ съ лордами, графами и богатыми землевладѣльцами, закупающими себѣ рабовъ, поселяются бѣднѣйшіе люди старой Англіи, выпущенные изъ тюрьмы, подвергнутые уголовному наказанію. Рядомъ съ убійцами, ворами и мошенниками, опороченными судомъ, являются разные искатели приключеній и плуты, хотя и избѣгнувшіе суда, но по своимъ нравственнымъ правиламъ и образу жизни мало отличающіеся отъ клейменныхъ воровъ и разбойниковъ. Сѣверные поселенцы уже много выше южныхъ. Хотя и они не избѣгли сообщества плутовъ и обманщиковъ, нахлынувшихъ въ Америку изъ Европы; хотя и между ними англійское правительство поселило своихъ каторжныхъ и убійцъ, но перевѣсъ остается все-таки за людьми съ строгими нравственными правилами и религиозными тенденціями, которыхъ не знаютъ южане. Въ этой смѣси людей разнородныхъ убѣжденій есть однако общая черта, которая должна ихъ сблизить и слить всѣхъ въ одно сословіе, чуждое той враждебности, которая раздѣляетъ европейцевъ на разные лагеря. Черта эта—стремленіе къ независимости. Не въ одинаковой формѣ проявлялось это чувство въ пуританахъ, герпгутерахъ, квакерахъ и въ разной сволочи, населившей вмѣстѣ съ ними Америку; но и сволочь эта, созданная европейской гражданской ступкой, эксплуатацией бѣднаго богатымъ и слабого сильнымъ, искала тоже простора и обезпеченныхъ средствъ существованія, которыхъ для нея въ Европѣ не было. При возможности жить безбѣдно, не было необходимости прибѣгать къ кражамъ и убійствамъ, и вотъ разбойники перестали разбойничать, а воры воровать. Они постепенно входятъ въ колею гражданского порядка своего новаго отечества и превращаются наконецъ въ примѣрныхъ гражданъ. Но прежняя потребность независимости не только не уменьшается, напротивъ, подъ вліяніемъ

проповѣдниковъ и людей, пользующихся общимъ уваженіемъ, вырабатывается въ точно опредѣленное понятіе и формулируется въ извѣстные правила и постановленія.

III.

Къ счастью на свѣтѣ было всегда довольно честныхъ и хорошихъ людей, готовыхъ служить на пользу человѣчества всѣми своими силами. Въ такихъ людяхъ не оказалось недостатка и между американскими поселенцами. Къ числу ихъ принадлежалъ въ Виргиніи капитанъ Джонъ Смитъ, предприимчивый, разсудительный и смѣлый человѣкъ, оказавшій первымъ поселеніямъ большія услуги. Онъ былъ выбраць нѣсколько разъ въ намѣстники, и всегда умѣлъ выручить колонистовъ въ нуждѣ, которая грозила имъ въ началѣ со всѣхъ сторонъ, и особенно отъ индѣйцевъ и голоду. Противъ индѣйцевъ хотя и оберегались мирными договорами, но договоры не всегда соблюдались, и тайная вражда между бѣлыми и краснокожими никогда не прекращалась. Виноваты были, разумѣется, европейцы, оказавшіе первую несправедливость уже тѣмъ, что завладѣли насильно чужой землей. Пока былъ живъ Похатанъ, другъ Смита, миръ не нарушался; но его наслѣдникъ далъ клятву вѣчнаго мира только для того, чтобы лучше обмануть бѣлыхъ. Разъ, днемъ, когда поселенцы находились въ разбросѣ, на поляхъ, напали на нихъ индѣйцы и ушертвили 347 человѣкъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Послѣ этого колонисты повели противъ индѣйцевъ истребительную войну. Подобная внѣшняя опасность должна была связывать тѣсно поселенцевъ. Жадность къ табаку, создавшая голодъ, дала тоже полезный практическій урокъ: было постановлено, что извѣстное пространство полей должно быть непременно подъ хлѣбными растеніями. Радушные люди, сбѣжавшіеся въ Виргинію со всѣхъ сторонъ для наживы, учились опытомъ порядку и создавали постепенно правила новаго для нихъ общежитія. Торговая компанія, выгоды которой зависѣли прямо отъ развитія благосостоянія колонистовъ, — а благосостояніе колонистовъ отъ свободной экономической и общественной

дѣтельности, — заботилась сама дать Виргиніи возможно лучшую конституцію. Образцомъ приняли англійскую. Намѣстникъ, назначаемый компаніей, представлялъ исполнительную власть. Законодательная дѣлилась на двѣ части: совѣтъ намѣстника изображалъ верхнюю палату, а собраніе депутатовъ отъ мѣстечекъ, по два человѣка на сто жителей, нижнюю. Совѣтъ и выборные собирались ежегодно въ общее засѣданіе, которое называлось всеобщимъ собраніемъ; на немъ и лежала собственно законодательная власть. Судъ устроили присяжный. Законы приняты англійскіе, на сколько онѣ подходятъ къ обстоятельствамъ колоній. Такимъ образомъ здравый смыслъ, непокидающій никогда людей, когда они смотрятъ на вещи съ точки общей пользы, указалъ виргинцамъ сразу, какихъ основаній имъ слѣдуетъ держаться, чтобы всѣмъ было удобно и выгодно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Виргинія заключала и всѣ начала внутренняго раздора. Джентельмены и роялисты, явившіеся въ нее добровольными переселенцами, образовавъ землевладѣльческую аристократію, искали покровительства англійскихъ королей, чтобы играть главную роль и пользоваться политическимъ вліяніемъ. Въ Виргиніи, какъ и въ Англіи, образовались двѣ партіи — аристократическая, или кавалеры, и народная или круглоголовые. На сторонѣ первой были, разумѣется, король, парламентъ и всѣ вліятельныя лица Англіи. Колонія терпѣла отъ притѣсненій власти, но первыя учрежденія, стремленіе гражданъ къ независимости и права, предоставленныя долгимъ парламентомъ, поддерживали въ виргинцахъ демократическій духъ. Парламентъ постановилъ, что безъ согласія народныхъ депутатовъ не могутъ быть назначаемы никакія пошлины и налоги, не могутъ быть возводимы никакія укрѣпленія, ни помѣщаемы войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ Виргинія ввела у себя всеобщую подачу голосовъ, на томъ основаніи, что кто платитъ подати, долженъ пользоваться и равными со всѣми правами. Вотъ принципы, принятыя въ Виргиніи въ половинѣ семнадцатаго столѣтія. Обвиняющіе французовъ въ политическомъ легкомысліи могутъ увидѣть изъ этого, на сколько амѣриканцы старше ихъ въ своихъ либеральныхъ учрежденіяхъ. Всѣ обстоятельства благопріятствовали американцамъ, тогда какъ французамъ напротивъ все мѣшало и внутри и внѣ. — Съ воцареніемъ Карла II и для Виргиніи наступили печальныя времена, по стремленію къ гражданской свободѣ было живо. Многие, писалъ одинъ изъ тамошнихъ намѣстниковъ, считаютъ необязательными для себя

англійскіе законы, въ составленіи которыхъ не участвовали ихъ представители. Повиноваться постановленіямъ парламента безумцы эти считаютъ совершеннымъ рабствомъ.

Въ Каролинѣ, ленные владѣльцы, думавшіе только о томъ, какъ бы извлечь изъ народа больше выгодъ, возбуждали постоянно общее неудовольствіе, кончавшееся возстаніемъ колонистовъ. Южная Каролина, избравъ революціонный конвентъ, объявила себя независимой. Члены конвента объявили, что землевладѣльцы своимъ произволомъ и разными притязаніями нарушали англійскіе законы и свои ленныя права, и потому колонисты избираютъ сами себя намѣстника, которому они и будутъ повиноваться, какъ чиновнику короля Георга. Временное правительство забрало къ себѣ въ руки всю власть. Феодалы увидѣли, что это уже не шутки, и начали придумывать средства, чтобы избавиться отъ такихъ опасныхъ и неделикатныхъ подданныхъ съ честью, приличною баронамъ. Имъ посчастливилось уступить свои права коронѣ за извѣстное вознагражденіе и въ Каролинѣ, раздѣлившейся тогда на Южную и Сѣверную, были опредѣлены королевскіе намѣстники. При намѣстникахъ состояли совѣты, которые съ выборными отъ народа представляли законодательное собраніе. Такимъ образомъ и здѣсь явилось народное представительство. Точно также и владѣльцы Георгіи отказались отъ своихъ на нее правъ, уступивъ ихъ коронѣ. Георгія получила такую же конституцію, какъ и Каролина.

Пуритане, не находившіеся въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ королевской властью, какъ каролинцы и георгійцы, обошлись въ своихъ учрежденіяхъ безъ посторонней помощи. Какъ только они прибыли къ американскому матеріку, сейчасъ же составили договоръ. Агтъ этотъ, служащій первообразомъ демократіи съ сѣверной америкѣ, былъ написанъ предводителями Пуританъ — Бредфортомъ, Бреустеромъ и Барверомъ. «Во имя божіе. Аминь. Мы, имена коихъ обозначены ниже, послушные подданные нашего могущественнаго короля Якова, предпринявшіе свое переселеніе во славу божію и для распространенія христіанской вѣры, для чести нашего короля и нашей страны, чтобы основать первую колонію въ сѣверной части Виргиніи, обязуемся этимъ торжественно и обоюдно соединиться въ одну государственную общину и необходимый для того порядокъ поддерживать всѣми необходимыми для того средствами. Съ этой цѣлью мы будемъ составлять такіе законы, постановленія, учрежденія и должности, какіе най-

дѣмъ соответственными и необходимыми для блага колоніи. Мы обѣщаемся оказывать установленному порядку все необходимое послушаніе и подчиненность.» Договоръ этотъ былъ подписанъ 41 человѣкомъ. Нейманнъ говоритъ: «въ томъ же году голландскій корабль привезъ первыхъ негровъ въ колоніи Виргиніи, чтобы продать ихъ тамъ, какъ рабовъ. И такимъ образомъ въ одномъ и томъ же году положено основаніе благословенію и проклятію, свободѣ и рабству, позорнѣйшему возмущенію и кровопролитнѣйшей гражданской войнѣ въ новомъ свѣтѣ.» Люди эти пріѣхали въ Америку уже готовымъ государствомъ, имъ приходилось только устроить внутренній экономическій порядокъ, а не спорить объ учрежденіяхъ. Сейчасъ же выбрали они себѣ въ намѣстники Карвера, замѣтивъ при этомъ, что одинъ Неемія лучше, чѣмъ цѣлый Синедрионъ, и принялись за устройство внутренняго порядка, придерживаясь во многихъ случаяхъ библии. Черезъ нѣсколько недѣль колонисты составили милицію и принялись за постройку укрѣпленія.

Особенно сильный наплывъ пуританъ въ Массачусетъ обнаружился послѣ преслѣдованій, поднятыхъ на нихъ въ Англіи. Но людей этихъ собственный ихъ опытъ не научилъ особенной мудрости. Преслѣдуемые въ Англіи за религиозныя убѣжденія они искали мѣста, гдѣ бы могли сохранить свободу совѣсти; но не позволяли другимъ имѣть собственныхъ религиозныхъ убѣжденій. Мистрисъ Гетчинсонъ, проповѣдовавшая въ Массачусетѣ ученіе о внутреннемъ спасеніи одной благодатью и отвергавшая внѣшнія религиозныя формы и благочестивыя дѣла, была осуждена цѣлымъ церковнымъ синодомъ и изгнана изъ колоніи. Обстоятельство это, не особенно важное само по себѣ, мы приводимъ потому, что оно было причиной неудовольствій, имѣвшихъ политическій характеръ и заставившихъ намѣстника высказать въ законодательномъ собраніи между прочимъ слѣдующія мысли. Намекая на случившіяся безпокойства, онъ говорилъ: «свобода бываетъ двухъ родовъ, одна естественная, другая гражданская. Первая не знаетъ никакого закона, никакихъ ограниченій; чловѣкъ живетъ, какъ звѣрь съ другими звѣрями, удовлетворяя своимъ страстямъ; вторая есть моральная или политическая свобода, люди подчиняются обязанностямъ, принятымъ ими обоудно. Къ этимъ обязанностямъ принадлежитъ повиновеніе избраннымъ чиновникамъ. Къ нимъ народъ долженъ быть снисходителенъ, какъ и они къ народу. Тѣ и другіе не должны забывать, что мы слабые люди съ несовершенствами и страстями. Но

свобода не должна терпѣть отъ этой спусходительности. За нее вы должны стоять всѣми своими силами, жертвуя имуществомъ и даже жизнью.» Такія мысли высказывались въ Америкѣ въ 1645 году.

Вообще между переселенцами было чрезвычайно много людей самаго высокаго развитія и ихъ-то обыкновенно избиралъ народъ въ намѣстники. Люди эти, бѣжавшіе изъ Англіи отъ преслѣдованій, старались прилаживать свои убѣжденія къ учрежденіямъ колоній. Однимъ изъ подобныхъ намѣстниковъ былъ Ванъ, молодой человекъ 23 лѣтъ, но высокаго ума и образованія. Возставая противъ всякаго угнетенія, онъ требовалъ полной свободы и въ религиозныхъ убѣжденіяхъ; но пуритане смотрѣли на это дѣло иначе, и Ванъ отправился назадъ въ Англію. Тамъ во время реставраціи онъ сложилъ свою голову подъ топоромъ палача. Его послѣднія слова были— «я не боюсь смерти. Лучше умереть десять тысячъ разъ, чѣмъ поступать противъ совѣсти, чистота которой для меня выше всего въ мірѣ.»

Народъ, воспитываемый подобными людьми, приучался давать важность своему политическому значенію и противился постоянно всѣмъ покушеніямъ тиранніи. Когда Джонъ Коттонъ, честолюбивый духовный, сталъ проповѣдывать, что феодальная монархія есть форма правленія, одобренная священнымъ писаніемъ и что высшую власть надъ людьми Богъ удержалъ для духовныхъ; что нельзя смѣщать чиновниковъ, которые имѣютъ на свои мѣста такія же законныя притязанія, какъ и всякій человекъ на свою собственность, — то народъ отвѣтилъ: «Что же это такое, какъ не возстановленіе новой аристократіи? Мы не хотимъ знать этого. Неужели мы для того оставили отечество, чтобы создать здѣсь надъ собой новое господство?»

Еще больше заботились о своей нравственной независимости пуритане, присоединившіеся къ Уильямсу и основавшіе городъ Провиденсъ. Они заключили между собой тоже договоръ, обязываясь подчиняться постановленіямъ, издаваемымъ въ законной формѣ для общаго блага колоній, и большинству гражданъ и главамъ семействъ, образующимъ городскую общину, но—только въ гражданскихъ дѣлахъ. Эта патріархальная форма правленія съ непосредственнымъ участіемъ всѣхъ гражданъ должна была измѣниться съ увеличеніемъ народонаселенія. Ее смѣнило народное представительство чрезъ вы-

борныхъ, съ сохраненіемъ самостоятельности каждой отдѣльной общины. Въ этой самостоятельности общинъ заключается основа нынѣшняго управленія Соединенныхъ Штатовъ. Въ преисловіи къ гражданскимъ и уголовнымъ постановленіямъ Провиденса говорится, что правленіе колоній есть демократическое; т. е. утвержденное и управляемое на основахъ свободнаго или добровольнаго согласія всѣхъ или большинства жителей. Все, что не запрещено—дозволено. Англійскіе законы имѣютъ силу, пока они согласны съ конституціей. Законы могутъ быть составляемы только большинствомъ жителей, при чемъ никто не отвѣчаетъ за свое ученіе и за свои убѣжденія. Во всемъ этомъ отразилось вліяніе Уильямса, который между прочимъ училъ, что человѣческіе законы въ дѣлахъ вѣры составляютъ вторженіе въ права Бога, они не значатъ ничего и никто не обязанъ съ ними сообразоваться. «Я, говорилъ Уильямсъ, не требую для себя другой свободы, кромѣ той, какую могу предоставить и другимъ. Паписты, евреи, магометане могутъ точно такъ же оставаться спокойными въ своей совѣсти, какъ и я. Они могутъ устроить свое богослуженіе, принимать и содержать священниковъ, какимъ способомъ они хотятъ». Подобныя мысли въ XIX столѣтіи, разумѣется, не составляютъ ни для кого новизны, но они были высказаны въ Америкѣ за сто лѣтъ прежде, чѣмъ на континентѣ Европы. Въ сущности Франція не сказала въ прошедшемъ столѣтіи ничего новаго противъ того, что за сто лѣтъ предъ тѣмъ прилагалось уже въ англійскихъ колоніяхъ Америки къ практикѣ. Разумѣется, это нисколько не умаляетъ заслугъ нашихъ континентальныхъ мыслителей, но только объясняетъ причины отсталости западной Европы во многихъ отношеніяхъ. Почему въ Америкѣ все именно такъ и должно было случиться, какъ оно случилось, мы объяснили въ началѣ статьи. Возможность переселенія была въ этомъ случаѣ главной причиной политическаго раскола, созданнаго Американскими Штатами. Вотъ почему Америка такъ важна для исторіи человѣчества. Не золотые рѣиски Мексики и Перу, и не ихъ алмазы и драгоценные камни даютъ значеніе открытію Колумба; пѣтъ, заслуги его въ томъ, что создалось на землѣ болѣе простора, и люди несогласные съ принципами старой Англии и старой Европы могли удалиться спокойно въ отдаленный уголокъ, гдѣ, не мѣшая никому и не смущая никого, занялись разработкой общественныхъ вопросовъ на иныхъ началахъ, и дѣйствительно ихъ разработали. Американцы въ правѣ гордиться тѣмъ, что они передова-

нація, потому что они разрѣшили дѣйствительно, на практикѣ, вопросъ, который не разрѣшалъ до нихъ еще ни одинъ народъ древняго и новаго міра въ такомъ разиѣрѣ.

Въ англійскихъ колоніяхъ Америки первая общественная дѣятельность досталась почти исключительно на долю духовныхъ. Это произошло отъ того, что только они, да сектанты, составляли образованную часть поселенія. Искатели приключеній и бароны не годились для подобнаго дѣла и по непривычкѣ къ мысли и потому, что всѣ ихъ желанія были направлены исключительно на изысканіе способовъ обогащенія. Благодаря тупоумію, лѣни и распущенности этихъ господъ, въ Америкѣ явилось только рабство, они внесли въ страну только ядъ, отравившій весь государственный организмъ Соединенныхъ Штатовъ и подготовившій печальныя событія настоящаго времени, отразившіяся болѣе или менѣе косвенно на народахъ всего земнаго шара. Вотъ въ чемъ была вся заслуга бароновъ и денежныхъ людей, считавшихъ болѣе выгоднымъ сидѣть сложа руки и заставлять работать за себя африканцевъ и европейскихъ нищихъ, имѣвшихъ несчастье попасть въ южныя колоніи. Не такъ дѣйствовали пуритане. Это были большею частью способные, образованные и энергическіе люди. Они стояли во главѣ новыхъ поселеній, вели народъ въ пустыняхъ, расчищали дикіе лѣса, ободряли его въ войнахъ съ индѣйцами и, наконецъ, сражались за свободу и права, когда наступала пора освобожденія колоній.

Не смотря на такое значеніе первыхъ пропагандистовъ свободы совѣсти въ Америкѣ, они никогда не пользовались исключительнымъ вліяніемъ; самый способъ ихъ ученія, при которомъ духовные вопросы перемѣшивались съ вопросами свѣтскими и политическими, наконецъ, участіе духовныхъ въ экономическомъ устройствѣ новыхъ поселеній придавали проповѣдникамъ полусвѣтскій, полудуховный характеръ. Эта тѣсная связь духовенства съ народомъ въ его общественныхъ дѣлахъ отразилась и на предметахъ церковныхъ. О нихъ разсуждали не одни духовные, а вмѣстѣ съ альдерменами и представителями общинъ. При такихъ отношеніяхъ первичи къ народу, было весьма послѣдовательно явиться въ законахъ Массачусета слѣдующей статьѣ: «Лица 21 года и здравыхъ умственныхъ способностей могутъ вполнѣ распоряжаться своимъ имуществомъ, на законномъ основаніи, дѣлать завѣщанія и другія рас-

пораженія, хотя бы они были исключены церковію или подлежали бы какому нибудь другому духовному приговору».

Первое законодательное собраніе Массачусета собралось въ 1634 году, нѣсколько лѣтъ позже оно раздѣлилось на двѣ Палаты — совѣтъ и палату депутатовъ. Эта форма была принята во всей Новой Англіи, а потомъ и Новой Америкѣ, и удержалась при образованіи Соединенныхъ Штатовъ. Въ началѣ, когда еще не было типографіи, постановленія законодательнаго собранія переходили изъ рукъ въ руки въ спискахъ и читались по воскресеньямъ въ церквахъ, съ наездъ. Скоро, однако, накопилось такъ много постановленій, что оказалось необходимымъ привести ихъ въ порядокъ. Законы, приведенные въ систему, были напечатаны въ Лондонѣ, въ числѣ 500 экземпляровъ.

Новая Англія, или союзъ Моссачусета, Плимута, Кенектикута и Ньюевена, служатъ вообще первообразами теперешнихъ Соединенныхъ Штатовъ. Колоніи эти понимали, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности не довольно сильна, чтобы противиться виѣшнимъ нападѣніямъ. И потому она заключила союзъ для обоюдной обороны, защиты и отраженія; для совѣта и помощи, для поддержанія и сохраненія истины и вольностей священнаго писанія, для обоюднаго спокойствія и благосостоянія. На союзномъ договорѣ были высказаны уже вполне американскіе принципы: неявляющийся на общинные выборы, или не выславшій вмѣсто себя другаго подвергался штрафу въ 10 шиллинговъ; въ гражданскихъ дѣлахъ члены церкви подлежатъ вполне вѣденію гражданскихъ властей, но церковныя наказанія не имѣютъ никакого вліянія на гражданское положеніе чиновника и обыкновеннаго лица; намѣстникъ отвѣтственъ передъ народомъ; общее собраніе не можетъ быть распущено намѣстникомъ, но расходится, когда само найдетъ это нужнымъ; если уполномоченные отъ общины встрѣтятъ дѣтей, неполучающихъ никакого образованія, то они имѣютъ право отобрать ихъ отъ родителей и отдать въ ученіе на ихъ счетъ; никакіе монополи не должны существовать, исключая таякихъ открытій, которыя служатъ къ выгодѣ страны; но и въ этомъ случаѣ привиллегія дается на короткое время; всякій, кто бы онъ ни былъ — мѣстный житель или посторонній, свободный или несвободный, можетъ явиться въ судъ, въ совѣтъ или въ общинное собраніе и представлять предположенія, проекты, просьбы или зако-

подательныя предложенія; граждане каждой городской общины могутъ издавать такіе законы и постановленія, какія необходимы для благосостоянія ихъ города, но законы эти должны быть согласны съ общими постановленіями и колоніальными учрежденіями; каждый городъ и судебный округъ избираетъ самъ своихъ чиновниковъ; депутаты въ представительное собраніе избираются ежегодно, — это для того, что при ежегодныхъ выборахъ можно удобнѣе дѣйствовать въ пользу текущихъ потребностей и посылать людей, которые будутъ полезнѣе въ данномъ случаѣ; по смерти родителей имущество ихъ дѣлится между дѣтьми поровну. Уничтоженіе права первородства составляетъ одну изъ основныхъ причинъ прочности американскихъ учреждений, народнаго благосостоянія и независимости.

Но широко развитое самоуправленіе на тѣхъ основахъ, какія мы привели изъ конституціи Новой Англіи, возможно только въ народѣ, здраво понимающемъ свои права и гражданскія обязанности. Американцы понимали это очень хорошо, и потому съ самаго пачала они обратили вниманіе на народное образованіе. Черезъ восемь лѣтъ по прибытіи первыхъ пуританъ, общее собраніе ассигновало 400 фунтовъ стерлинговъ на учрежденіе коллегіи т: е: высшаго учебнаго заведенія; что же касается до приготовительныхъ школъ, то было постановлено, что на сто семействъ должна быть непременно одна школа, и въ каждомъ поселеніи отдѣлялось извѣстное пространство земли въ пользу этихъ заведеній.

Изъ постановленія квакеровъ, въ Пенсильваніи, мы укажемъ только на тѣ, которыя получили значеніе въ законодательствѣ европейскомъ. Квакеры постановили, что никакой налогъ не можетъ быть назначенъ безъ спеціально на тотъ случай изданнаго закона; кто платитъ налогъ безъ подобнаго постановленія, подвергается штрафу. Всѣ торьмы должны быть рабочими домами. Дѣти какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ родителей должны къ 12-ти лѣтнему возрасту изучить непременно какое нибудь ремесло или занятіе, дабы никто не ходилъ праздно, дабы бѣдный могъ заработать себѣ кусокъ хлѣба и чтобы богатый, въ случаѣ бѣдности, могъ бы найти средства существованія. Такъ какъ только мудрые и добродѣтельные люди въ состояніи поддерживать хорошія учрежденія, то слѣдуетъ давать дѣтямъ тщательное воспитаніе, и учить и объяснять имъ законы».

IV.

Хотя принципы пуританъ и квакеровъ излагались и развивались въ такой отдаленной мѣстности, что не могли вредить нисколько консерватизму Англїи, тѣмъ не менѣе англїйскіе короли съ самаго учрежденія колоній смотрѣли на нихъ враждебно и старались подавить въ нихъ свободныя стремленія. Королю Якову, напримѣръ, очень не нравилось, что члены Виргинской компаніи въ Лондонѣ говорили смѣло и открыто. Онъ видѣлъ въ этомъ не только вредный примѣръ, но и школу демократическихъ тенденцій. Было въ этомъ преувеличеніе, но была и правда. Чтобы порѣшить съ такими вредными людьми и положить съ самаго начала конецъ такому дурному направленію, король лишилъ компанію всѣхъ ея правъ и вольностей, и велѣлъ закрыть колониальное законодательное собраніе. Но виргинцы вздумали сопротивляться королевскому повелѣнію и даже отправили въ Лондонъ уполномоченнаго, который долженъ былъ доказать королю, что благо юной колоніи требуетъ общественныхъ собраній и народнаго представительства со всѣми его правами. А между тѣмъ, не дожидаясь королевскаго повелѣнія, колонисты составили тайное законодательное собраніе и опредѣляли права, отношенія и предѣлы власти намѣстника, его совѣта и народныхъ представителей. Яковъ вскорѣ умеръ, но виргинцамъ отъ этого не стало легче. Одинъ изъ намѣстниковъ Карла I, управлявшій слишкомъ своевольно, былъ не только смѣщенъ виргинцами, но они отправили его съ двумя выборными назадъ въ Англїю. Королевскому достоинству Карла было нанесено этимъ очевидное оскорбленіе, и чтобы показать дерзкимъ виргинцамъ, что они не смѣютъ своевольноничать, и что король лучше знаетъ, что для нихъ хорошо, Карлъ назначилъ изгнаннаго намѣстника вновь на должность и отправилъ его опять въ Виргинію.

При Карлѣ II виргинцамъ было еще хуже; только кавалеры и люди ихъ партіи получали общественныя должности; государственная церковь была установлена особеннымъ закономъ, и священники получали постоянное жалованье. Намѣстникъ Бервлей простиралъ свое усердіе къ интересамъ Карла II до того, что высказалъ слѣдующія,

необходимы, по его мнѣнію, для блага колоніи правила. «священники должны чаще молиться, и поменьше проповѣдывать. Къ счастью, колонія не имѣетъ еще ни школъ, ни топографіи. Я надѣялся, что еще сто лѣтъ мы не будемъ ихъ имѣть. Образование и ученость ввела въ міръ непослушаніе, ереси и расколы. Типографіи помогли распространенію зла и издали пaskвили на лучшія правительства. Спасен Богъ насъ отъ этого. Будетъ достаточно, если каждый обучитъ самъ своихъ дѣтей, на сколько онъ это смыслитъ.» Король при этомъ объявилъ самое сильное гоненіе противъ нонконформистовъ. Особенно доставалось квакерамъ. За привозъ квакера въ колонію назначенъ штрафъ въ 5000 фунтовъ табаку. Но король не ограничился этимъ; ему нравилось еще разорять Виргинію. Былъ изданъ навигаціонный актъ. Торговлю позволялось производить только на судахъ, ностроенныхъ въ британскихъ владѣніяхъ, на судахъ этихъ три четверти прислуги и капитанъ должны быть англичане. Колоніальные продукты должны были доставляться только въ Англію, а европейскіе предметы могли быть привозимы въ колоніи только на англійскихъ корабляхъ. На предметы вывоза и ввоза наложена пошлина; наложены на колонистовъ подати, безъ созванія общаго собранія. Наконецъ, король сталъ дарить придворнымъ и своимъ любимцамъ огромныя пространства земли, принадлежавшія колонистамъ, и нерѣдко обработанныя, а въ заключеніе отдалъ всю Виргинію, двумъ аристократамъ, на 31 годъ. Эти господа, разумѣется, распорядились такъ, чтобы сдѣлать положеніе виргинцевъ, какъ можно хуже, и дѣло кончилось возмущеніемъ. По понятіямъ Карла II, во всемъ были виноваты колонисты, и ихъ слѣдовало наказать. Для этого, какъ водится, отправили войско, и намѣстникъ принялся съ такимъ усердіемъ внушать виргинцамъ спасительный страхъ, что, какъ говорятъ, даже Карлъ II сказалъ про него: «этотъ старый дуралей Берклеи пролилъ въ своей пустынной странѣ больше крови, чѣмъ я, по случаю смерти моего отца.» А депутаты прибавляли: «если бы мы не удерживали Берклея, онъ перевѣшалъ бы половину жителей».

Въ другихъ колоніяхъ королевскіе чиновники дѣйствовали по этимъ же принципамъ. Полковникъ Никольсонъ совѣтовалъ назначить въ Каролину вице-короля, которому въ помощь придать цѣлое войско, чтобы держать въ страхъ враговъ короля. А чтобы власть правительства сдѣлать еще прочтѣе, онъ полагалъ полезнымъ устроить ко-

лоніально-епископскую церковь. Такія мѣры казались правительству слишкомъ крутыми. Оно вполне сочувствовало основной идеи полковника, но нѣсколько совѣстилось дѣйствовать съ очевиднымъ насилиемъ, и потому рѣшилось употребить другіе способы укрощенія строптивыхъ колонистовъ. Старались достигнуть этой цѣли распространеніемъ разврата, роскоши и разныхъ общественныхъ удовольствій. Для этого устраивались скачки, стрѣльба, гимнастика. Заботились ввести англійское право первородства, чтобы создать аристократію, и наконецъ въ учебныхъ заведеніяхъ вводили такой способъ преподаванія, при которомъ могли развиваться понятія совершенно согласныя съ стремленіями полковника Никольсона. Во времена же Георга III, намѣстникъ Массачусетскій Бернардъ, исходя совершенно изъ того же начала, какъ и дуралей Берлей, предлагалъ мѣры болѣе радикальныя. Бернардъ полагалъ, что необходимо совершенное преобразование американскихъ учреждений; не обращая вниманія на королевскія привилегіи, парламентъ слѣдовало облечь властью, измѣнить въ такой степени колониальное управление, чтобы возмущеніе сдѣлалось невозможно. Для этого нужно уменьшить число колоній и придать имъ новое внѣшнее очертаніе, не обращая вниманія на существующія границы. Наконецъ ввести пожизненное дворянство, а за тѣмъ обложить жителей податями. Подобныя мысли и стремленія были, разумѣется, весьма пріятны недалековидному Георгу, но, къ сожалѣнію, колоніи успѣли уже окрѣпнуть и разбогатѣть въ такой степени, что поступать съ ними такимъ образомъ становилось опаснымъ. Населеніе колоній составляло уже нѣсколько болѣе двухъ милліоновъ; торговля развилась въ такой мѣрѣ, что Новая Англія вывозила товаровъ не менѣе, какъ на 550,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ такой же степени развилось благосостояніе и другихъ колоній, и между американцами было уже много людей, сдѣлавшихъ себѣ значительное состояніе. Методистскій проповѣдникъ Уитфальдъ, проѣхавшій Новую Англію вдоль и поперекъ, говоритъ, что ни одна страна въ мірѣ не развилась такъ быстро. Города построены красиво, велики и имѣютъ большое населеніе; черезъ каждыя пять миль стоятъ по дорогамъ гостиницы; путешествовать по такой странѣ, замѣчаетъ проповѣдникъ, совершенное удовольствіе. Даже деревни состоятъ изъ красивыхъ, опрятныхъ домовъ, группирующихся около церкви и школы, вездѣ сады и фруктовыя деревья. Къ этому пушно присоединить еще благосостоя-

нiе и чувство независимости жителей. «По истинѣ, зрѣлище далеко болѣе утѣшительное, чѣмъ развалившiеся бургы и монастыри стараго свѣта!» Другой путешественникъ того времени говоритъ, что, онъ пройдя въ Новой Англiи 1200 англiйскихъ миль, не встрѣтилъ ни одного нищаго. Вездѣ дѣятельность, стремленiе къ независимости и самостоятельности. Во всѣхъ живетъ увѣренность, что Америка призвана располагать судьбой мiра.

При такихъ обстоятельствахъ казалось бы лучше всего оставить колонiи въ покоѣ, чтобы они богачѣли все болѣе и болѣе, и чтобы бѣдные люди Европы могли найти въ нихъ тоже благосостоянiе. Страна съ богатыми городами и селенiями, съ жителями полными чувства независимости и достоинства, вездѣ промышленная дѣятельность и общее довольство. Что, кажется, можетъ быть лучше этой жизни? Но у Георга III былъ свой взглядъ на человѣческое счастье. Ему казалось, что людямъ совершенно не за чѣмъ имѣть здоровья, веселыя, свѣжія лица, онъ думалъ, что большыя, скучныя и желтыя, или блѣдносинiе физиономiи гораздо приличнѣе англiйскимъ подданнымъ. Что матеріальное довольство вещь тоже не нужная, по крайней мѣрѣ для людей низшаго сорта—за чѣмъ имъ ѣсть говядину, носить шерстяную одежду и жить въ хорошихъ домахъ? По человѣческой ненасытности, удовлетворившись этимъ, они захотятъ страсбургскихъ пироговъ, бархату и дворцовъ.

Почти такъ думали и англiйскiе капиталисты; они горячо желали, чтобы колонисты занимались только заготовленiемъ сырья, которое они, англiйскiе капиталисты, будутъ превращать въ предметы, необходимыя для жизни и вымѣнивать на американское золото. Расчетъ былъ, разумеется, на столько вѣреть, на сколько можно было предполагать тупоумiя въ колонистахъ. Америка въ тѣ времена была действительно выгоднымъ рынкомъ для сбыта англiйскихъ произведенiй, колонiи потребляли ежегодно по крайней мѣрѣ на три милліона фунтовъ стерлинговъ англiйскихъ товаровъ; но англчанамъ этого было мало: они хотѣли, чтобы американцы не только не производили сами никакихъ фабричныхъ издѣлій, но чтобы, кромѣ того, доставляли еще прямой денежный доходъ въ казну. Такія требованiя казались американцамъ нѣсколько преувеличенными, они привыкли считать себя свободнымъ народомъ и не находили удобнымъ, чтобы кто бы то ни было распоряжался ими, не спрашивая ихъ согласiя.

Еще при Робертѣ Уальполѣ хотѣли наложить на американцевъ штемпельный налогъ, но министръ этотъ отвѣчалъ: «я предоставляю ввести налогъ своимъ министрамъ, которые вѣроятно будутъ рѣшительнѣе меня и не такіе друзья свободныхъ торговыхъ сношеній между колоніями и метрополіей. Во время же моего управленія американскимъ колоніямъ будетъ предоставлена наибольшая свобода торговли. Даже кое-какія нарушенія будутъ оставлены безъ вниманія. Почему? Потому, что если американцы пріобрѣтутъ одинъ милліонъ, то это вѣрно, что черезъ два года половина его будетъ въ королевской казнѣ. Чѣмъ больше они пріобрѣтаютъ, тѣмъ больше покупаютъ нашихъ товаровъ. Только эти косвенные налоги и люблю, ихъ бы я и хотѣлъ поддерживать, а не прямыя налоги». Но Георгъ III и его министры разсуждали иначе. Когда вслѣдствіе высокихъ пошлинъ на нѣкоторые предметы явилась въ Америкѣ сильная контрабандная торговля, и правительство предписало судамъ распорядиться осмотромъ домовъ и лавокъ, чтобы конфисковать контрабандный товаръ и наложить на владѣльцевъ его штрафы, то бостонцы вооружились противъ этой мѣры и избрали двухъ юристовъ—Отиса и Течера, чтобы защищать ихъ права. Отисъ, разобравъ весь вопросъ и указавъ всю несправедливость отношеній Англіи къ Америкѣ, сказалъ: «Подобное дѣйствіе противорѣчитъ первоначальнымъ основамъ всякаго права; оно идетъ на перекоръ свободѣ гражданъ и ихъ семействъ. Каждый человѣкъ долженъ быть такъ же спокоенъ въ своемъ домѣ, какъ государь во дворцѣ. Напрасно утверждаютъ, что законъ этотъ издалъ парламентъ. Парламентское постановленіе, если оно не согласно съ конституціей и съ обычнымъ правомъ, не значитъ ничего. Суды не должны обращать вниманія на подобныя рѣшенія. Это основаніе я буду защищать до моей послѣдней минуты; я буду возставать всегда противъ подобныхъ орудій рабства, противъ неволи подобныхъ законодательныхъ мѣръ». Горячая рѣчь ученаго юриста произвела огромное впечатлѣніе не только во всѣхъ колоніяхъ, но даже и въ Европѣ. Каждый американецъ готовился уже противиться несправедливости Англіи съ оружіемъ въ рукахъ. «Въ этотъ день», пишетъ Джемсъ Адамсъ, говоря о рѣчи Отиса, «предъ бостонскимъ судомъ родилась американская независимость».

Но Георгъ III не хотѣлъ знать ничего объ этомъ новорожденномъ. Въ парламентѣ шли рѣчи о штемпельномъ налогѣ, и пред-

ставленія колоній противъ этой мѣры не только не были уважены, но американцевъ укоряли даже въ неблагодарности. Одинъ изъ сторонниковъ министерства увѣрялъ въ своей рѣчи, что «американцы перевезены въ Америку заботой англичанъ, тамъ они воспитаны съ терпѣніемъ и добротой, пока не вошли въ силу, потомъ были защищаемы англійской храбростью, англійскимъ оружіемъ, и что же?.. Эти негодные, неблагодарные люди не хотятъ исполнять никакихъ обязанностей, не хотятъ нести никакихъ тягостей». На это отвѣчалъ Барре такъ: «Нѣтъ, эти американцы переселены вовсе не по вашей милости! Они удалились отъ вашихъ угнетеній. Они бѣжали отъ вашей тиранніи съ невоздѣланную, дикую страну и перенесли всѣ трудности, къ которымъ только способна человеческая натура. Увлеченные основами англійской свободы, они пошли весело на встрѣчу всѣмъ пугающимъ и опасностямъ. Они думали о нихъ менѣе, чѣмъ о страданіяхъ своихъ на родинѣ отъ руки тѣхъ, которые должны были ихъ защищать. — Воспитанные вашей добротой и терпѣніемъ! — Нѣтъ, ихъ сдѣлала сильными ваша незаботливость. Да, вы обратили на нихъ вниманіе уже послѣ, чтобы посылать къ нимъ людей, которые должны были ими управлять — посланцовъ изъ этой палаты, чтобы грабить американцевъ. То были верѣды люди — я самъ зналъ ихъ — которые отправлялись въ колоніи, чтобы занять высшія судебныя мѣста изъ боязни очутиться на скамьѣ обвиненныхъ въ своемъ отечествѣ... — Защищали ихъ своимъ оружіемъ! — Никогда. Когда вы начинали войну въ Европѣ, американцы тотчасъ же должны были браться за оружіе для вашей защиты. Они должны были бросать всѣ свои занятія, чтобы защищать свои обгагреныя границы. Повѣрьте мнѣ, тотъ же духъ свободы, который увлекъ ихъ въ пустыни, живетъ еще и теперь въ этихъ американцахъ, нашихъ достойныхъ дѣтяхъ. Я знаю Америку, я былъ въ этой странѣ и имѣлъ сношеніе съ ея жителями. Повѣрьте мнѣ, что она слишкомъ дорожить своими вольностями и будетъ защищать ихъ противъ всякаго нападенія. Благоразуміе заврещаетъ мнѣ говорить болѣе».

Билль о иттемпельномъ налогѣ былъ принятъ значительнымъ большинствомъ и когда вѣсть объ этомъ дошла до Америки, то произвела страшное волненіе въ населеніи. Колонисты считали эту мѣру прямымъ оскорбленіемъ своихъ правъ, какъ англійскихъ подданныхъ, и рѣшительно не хотѣли подчиниться новому закону. Центромъ для

всѣхъ недовольныхъ служилъ Бостонъ у жителей сѣвера, и Виргинія у южныхъ колоній. Рѣчи американцевъ отличались самымъ крайнимъ направлениемъ. — Подобныя рѣчи говорили только представители народа; самъ же народъ, не занимаясь словопрениемъ, прибѣгалъ къ обыкновенному способу заявленія своего неудовольствія. Онъ дѣлалъ маленькія безчинства надъ чиновниками; у нѣкоторыхъ властей перебилъ стекла и сажалъ деревья свободы. Хотя все это не отличалось ни особенно рѣшительнымъ характеромъ, ни особенной силой, но благоразумные люди въ Англіи понимали, къ какому концу можетъ привести подобное начало, если угѣсненіе будетъ еще продолжаться. Странно было бы предполагать, что народъ, жившій полтора ста лѣтъ при свободныхъ учрежденіяхъ, согласится промѣнять ихъ на произволъ парламента безъ всякаго противодѣйствія. Такъ думалъ и Питтъ. «Американцы, подданные этого королевства», говорилъ онъ, «они имѣютъ одинаковыя права со всѣми англичанами на всѣ англійскія привиллегіи и вольности. Американцы дѣти Англіи, а не пезаконнорожденные. Я радуюсь, что Америка становится въ открытое противодѣйствіе. Три милліона людей на столько умершіе для чувства свободы, что позволяютъ добровольно сдѣлать себя рабами, служили бы орудіемъ противъ всѣхъ остальныхъ свободныхъ... Я хочу сказать палатѣ свое мнѣніе: штемпельный актъ долженъ быть уничтоженъ, уничтоженъ безусловно, совершенно и немедленно.. Мы можемъ связать ихъ торговлю, ограничить ихъ мануфактуры и обнаружить другимъ образомъ свою власть; но вынуть деньги изъ кармана людей безъ ихъ согласія — этого мы не смѣемъ». Американская партія въ Англіи была на столько сильна, что штемпельный актъ отмѣнили. Виргинцы пришли въ такой восторгъ, что хотѣли было поставить статую Георга III иobelіскъ, на которомъ написать имена всѣхъ тѣхъ, кто способствовалъ отмѣнѣ акта. Народъ въ деревняхъ ликовалъ, вездѣ праздновали эту великую радость, церкви были полны, съ кафедръ говорились горячія рѣчи...

Но мысль виргинцевъ о статуѣ Георгу III оказалась нѣсколько поспѣшной. Король, смѣнивъ прежнее министерство, составилъ новое, изъ людей смотрѣвшихъ на американскія дѣла совершенно иначе. Георгъ хотѣлъ во что бы то ни стало смирить американцевъ, въ этомъ онъ полагалъ задачу своей жизни и былъ совершенно счастливъ, когда въ новомъ министерствѣ нашлись люди довольно смѣлые, чтобы взяться за это дѣло. Въ уничтоженіи штемпельнаго акта министерство

видѣло оскорбленіе королевской власти и достоинства парламента. Надо было возстановить въ прежней чистотѣ и то и другое. Но какъ это сдѣлать? Придумали наложить пошлину на ввозъ въ америку бумаги, красокъ, стекла, чая и другихъ предметовъ. Вся пошлина эта могла составить въ годъ отъ 35 до 40,000 фунтовъ, сумма совершенно незначительная, неприбавлявшая почти никакой силы королевской казнѣ. Но здѣсь дѣло шло не о деньгахъ, а о принципѣ. «Ни малѣйшей уступки! говорилъ Лордъ Нортъ, съ колонистами вужно говорить и дѣйствовать, какъ съ мошенниками. Ихъ нужно подавить, они должна пасть на колѣни». Колонистовъ не устрашала однако такія угрозы, и у нихъ былъ свой принципъ—права англійскихъ подданныхъ. «Разница между внутренними и внѣшними налогами только кажущаяся, говорило общее собраніе Массачусета. Налогъ всегда налогъ. Но какъ мы не имѣемъ въ парламентѣ своихъ представителей и не можемъ ихъ имѣть, то парламентъ и не имѣетъ права облагать насъ платежами». Экіе упрямцы, можетъ подумать другой читатель. Шумятъ изъ-за какихъ шибудь 40 тысячъ и дѣлаютъ только непріятности и себѣ и другимъ. Мнѣніе совершенно справедливое; также разсуждало и министерство Норта, но колонисты не смотря на то кричали свое: «не о пошлинахъ идетъ здѣсь рѣчь, говорили они, а объ основахъ; здѣсь дѣло о свободѣ. Свободное государство должно строго охранять свои вольности.» Когда англичане услышали, что колонисты разсуждаютъ такимъ образомъ, то увидѣли, что имъ только одинъ выходъ. Принципъ власти говорилъ имъ, что если постановленіе издано, то какое бы оно тамъ ни было, оно должно быть приведено въ исполненіе. Противодѣйствія подданныхъ допустить ни въ какомъ случаѣ нельзя, какія бы ни были послѣдствія, и величіе Англіи требуетъ принять рѣшительныя мѣры. Съ своей стороны американцы рѣшили, что они «запрещаютъ безусловно ввозъ къ себѣ англійскихъ товаровъ, и съ 1-го сентября текущаго года (1769) извѣстные англійскіе товары не должны быть болѣе покупаемы». Эта мѣра вызвала развитіе въ Америкѣ фабрикъ; американцы рѣшили носить и употреблять только свое; они отказались пить чай, женщины составляли общества противъ употребленія этого «вреднаго, ядовитаго растенія». Народъ былъ очень доволенъ шумомъ и съ своей стороны производилъ кутерьму на улицахъ. Отличался въ этомъ отношеніи особенно Бостонъ. Тамъ преслѣдовали правительственныхъ шпионовъ, ругали солдатъ гарнизона;

солдаты въ свою очередь ругали народъ и на каждомъ шагѣ происходили сцены весьма скандальнаго свойства, кончавшіяся нерѣдко побоями. Разъ дѣло дошло до того, что солдаты одного караула открыли огонь и убили трехъ человекъ. Конечно, подобныя отношенія двухъ враждебныхъ сторонъ вели только къ большому разгару страстей, англійское министерство отъ этого ничего не выигрывало, и обоюдная неуступчивость должна была кончиться рѣшительнымъ столкновешемъ колонистовъ съ министерствомъ. Со стороны Георга III, разумѣется, было невозможно ожидать какихъ нибудь уступокъ; онъ считалъ себя оскорбленнымъ и полагалъ, что честь требуетъ употребить противъ американцевъ силу. Законодательное собраніе Массачусета объявило, что при попыткѣ правительства дѣйствовать насиліемъ законный порядокъ становится невозможнымъ. «Тамъ, гдѣ нужна военная сила для поддержанія законовъ, тамъ нѣтъ законовъ, — нѣтъ законовъ сообразныхъ съ желаніемъ и потребностями народа. Высказывая подобныя мысли, американцы давали уже почувствовать министерству, что для поддержанія своихъ правъ они не задумаются въ выборѣ средствъ. Случай съ чаемъ показалъ, что американцы дѣйствительно готовы протривиться распоряженіямъ англійскаго министерства, и не въ однихъ рѣчахъ. Въ декабрѣ 1773 года, нѣкто Лендалъ Питтсъ, пригласивъ индѣйцевъ племени Могаука, отправился съ ними на англійскіе корабли, прибывшіе въ Бостонъ съ чаемъ, и разбивъ ящики, высыпалъ чай въ море. Оперировали такимъ образомъ 342 ящика, на 18,000 фунтовъ стерлинговъ. Сдѣлавъ такое дѣло, индѣйцы, совершенно спокойные и даже довольные, воротились домой. Адамсъ приходилъ въ совершенный восторгъ отъ этой чайной операціи и увѣрялъ, что она составляетъ эпоху въ исторіи американскихъ колоній. Министерство однако не раздѣляло восторговъ Адамса и приняло противъ мятежнаго Массачусета слѣдующія мѣры. Оно закрыло массачусетскую гавань, и лишило народъ его правъ. Члены совѣта должны были назначаться и смѣняться королемъ. Намѣстникъ, опредѣляемый также королемъ, назначалъ судей и могъ смѣнять ихъ по своему усмотрѣнію; онъ же назначалъ Шерифа безъ согласія совѣта; свободное собраніе общины также запрещено, и граждане могли разсуждать только о томъ, что будетъ предложено имъ на обсужденіе, собираясь по письменному разрѣшенію насмѣстника; присяжные назначались также уже не народомъ, а Шерифомъ. Издать подобное постановленіе, значило ли-

шить Массачусетъ всякой самостоятельности, лишить его всѣхъ условій общественной жизни, которыми онъ пользовался болѣе полутора-ста лѣтъ. Очевидно, что слѣдовало ожидать сильнаго сопротивленія, и принять противъ него мѣры. Когда дѣла начинаютъ принимать уже такое направленіе, то средства выясняются уже сами собой. Для насилія нужна сила, и чѣмъ больше ея будетъ со стороны англичанъ, тѣмъ успѣшнѣе окажется результатъ королевскаго распоряженія. Генералъ Геджъ, старый, опытный солдатъ былъ отправленъ намѣстникомъ на смѣну прѣжняго, незнакомаго съ военными дѣлами, и какъ человекъ, выдавшій виды, увѣралъ короля, что онъ американцы будутъ до тѣхъ поръ львами, пока англичане остаются овцами. Довольно четырехъ полковъ, чтобы успокоить колонистовъ; для этого нужно только перехватать и запереть главныхъ зачинщиковъ, остальныхъ дать амнистію, и Америка будетъ подчинена безъ всякаго кровопролитія и расходовъ. Боевой генералъ не обнаружилъ однако большой проникательности: всѣ его соображенія, основанныя на опытахъ его солдатской жизни, оказались непримѣнными къ бостонцамъ и американцамъ, совершенно незнакомымъ съ условіями военной дисциплины. Въмѣсто того, чтобы подтвердить на дѣлѣ правильность соображеній генерала, Массачусетъ вздумалъ обнаружить прямое сопротивленіе. «Мѣры англійскаго правительства, говорили бостонцы въ своемъ собраніи, жестоки и безчеловѣчны. Городъ не долженъ имъ подчиняться. Американцы должны отказаться отъ всякихъ торговыхъ сношеній съ Великобританіей. Только этимъ можно понудить отзѣнять незаконное постановленіе. Было бы лучше всего какъ не этому случаю, такъ и для другихъ американскихъ дѣлъ собраться въ общій конгрессъ.»

Конгрессъ собрался, и по бостонскимъ дѣламъ постановилъ прекратить съ декабря (1774 г.) ввозъ, покупку и употребленіе англійскихъ товаровъ. Если Англія не сниметъ своего запрещенія, то съ 20 сентября 1775 г. прекратить вывозъ въ Великобританію и въ Вестъ-Индію. Американцы ожидали отъ этихъ мѣръ большихъ послѣдствій; они полагали, что въ Англіи должно явиться общее банкротство, потому что изъ 4-хъ милліоновъ ея внѣшней торговли два приходились на колонию. И дѣйствительно, если бы дѣла Англіи зависѣли отъ промышленнаго класса, то мѣра американцевъ понудила бы къ примиренію; но кромѣ купцовъ въ Англіи была аристократія, смотрѣвшая съ презрѣніемъ на колонистовъ, неизмѣ-

шихъ родовой знати; наконецъ въ Англїи былъ Георгъ III, который при открытіи парламента, сказалъ слѣдующее: «въ Массачусетъ случились новыя безпорядки, встрѣтившіе сочувствіе другихъ колоній. Я рѣшился твердо защищать всѣми силами значеніе парламента во всѣхъ земляхъ моей короны.» Палаты въ своихъ рѣчахъ повторили королевскія угрозы. Другаго выхода не оставалось, какъ прибѣгнуть къ оружію съ той и съ другой стороны. «Если мы хотимъ быть свободными, то должны сражаться», говорилъ Патрикъ Генри. Желаніе это исполнилось скоро.

Англійское правительство уже давно думало о томъ, какъ бы обезоружить Массачусетъ и другія колоніи. Сдѣлали все, что было можно. Отобрали пароховые запасы, заклепали бостонскія пушки и оружили городъ укрѣпленіями. Но этого было мало. Посланъ былъ ночью отрядъ въ 800 человекъ въ Конкордъ, небольшой городокъ, лежащій въ четырехъ миляхъ отъ Бостона, чтобы взять оттуда военные запасы колонистовъ. Объ этомъ тотчасъ же дали знать американцамъ, такъ что когда англичане показались на разсвѣтѣ у Лексинтона, ихъ встрѣтили колокольнымъ звономъ, и тамъ и здѣсь раздались сигнальные выстрѣлы. Англичане сошлись съ американскимъ ополченіемъ; съ которой стороны раздался первый выстрѣлъ—неизвѣстно, но только англичане дали полный залпъ и положили восемь человекъ на мѣстѣ. Эта первая стычка англичанъ съ американцами произошла 19-го апрѣля 1775 года, день считающійся началомъ революціонной войны, кончившейся независимостью колоній и образованіемъ Соединенныхъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ.

Во всѣхъ событіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ, ясно уже опредѣлялся подобный исходъ дѣла. Отношенія между колонистами и англичанами съ самаго начала были уже такого рода, что вліяніе метрополиі рано или поздно должно было прекратиться. Еще въ XVI столѣтіи нѣкоторые англичане предсказывали, что колоніи, какъ только войдутъ въ силу, объявятъ себя независимыми. Сама Англія подготовила подобный разрывъ. Не обращая въ началѣ на колоніи большаго вниманія и предоставивъ ихъ собственной судьбѣ, Англія дала возможность развиться въ Америкѣ тѣмъ политическимъ теоріямъ, которыя должны были дать колонистамъ другое политическое воспитаніе, чѣмъ то, какое получали англичане. Мѣры, принимавшіяся въ началѣ для подавленія свободы, имѣли больше частный характеръ и падали на ту или на другую колонію, не измѣняя нисколько духа

общаго управленія. Въ то время, когда царствовали первые два Георга, американцы почти не чувствовали правительственнаго вмѣшательства, и, ко времени Георга III они выросли уже въ такой степени, что съ ними было неразсчетливо обращаться, какъ съ какими нибудь ирокезцами. Американцы выросли въ націю; населеніе ихъ составляло почти $2\frac{1}{2}$ милліона, и какого народа! — воспитаннаго въ самыхъ лучшихъ понятіяхъ о человѣческихъ правахъ, привыкшаго къ самому широкому самоуправленію, не знавшаго никогда правительственнаго вмѣшательства. Георгъ III дѣлалъ, разумѣется, великую ошибку, не обращая вниманія на предшествовавшую исторію колоній. Впрочемъ, если бы подобной ошибки не сдѣлалъ Георгъ, ее сдѣлалъ бы кто нибудь другой, но сдѣлалъ бы непремѣнно. Столкновение двухъ противоположныхъ принциповъ было неизбежно; Англія всегда бы хотѣла смотрѣть на колоніи, какъ на часть своей территоріи; она хотѣла бы извлекать изъ нихъ свои выгоды, а колоніи напротивъ, чувствуя свою силу, стремились бы къ независимости. Не колоніи нуждались въ Англіи, а Англія въ колоніяхъ; вотъ почему колонисты стремились бы къ равноправности съ метрополіей и не захотѣли бы переносить притязаній ея, даже меньшей грубости, чѣмъ мѣры парламента Георга III.

Для мыслящаго человѣка и въ дѣлѣ науки исторія англійскихъ колоній въ Америкѣ имѣетъ значеніе не по отношеніямъ ихъ къ правительству Георга III, не по зажигательнымъ рѣчамъ Отиса, Пэтрика Генри, Адамса и разныхъ духовныхъ проповѣдниковъ, а какъ замѣчательный фактъ новѣйшей исторіи — какъ самостоятельное развитіе людей, предоставленныхъ самимъ себѣ, въ громадное государственное тѣло, на основахъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія существуютъ въ другихъ большихъ государствахъ міра.

Общественныя отношенія англійскихъ колоній заслуживаютъ вниманія еще и тѣмъ, что ни одно изъ государствъ континентальной Европы не выставило въ теченіе многихъ вѣковъ своего существованія такого числа великихъ государственныхъ людей и патріотовъ, какое выставили колоніи въ теченіе полутораго лѣтъ. Къ одному изъ этихъ великихъ людей Америки и всего свѣта мы теперь и обращаемся.

У.

Понятія о человѣческомъ величіи, сообщавшіяся намъ въ молодости, основывались на признакахъ довольно страннаго свойства. Просвѣщенные нянюшки старались весьма усердно плѣнить дѣтское воображеніе подвигами Ильи Муромца, Полкана богатыря и имъ подобныхъ героевъ. Глубокое уваженіе къ этимъ рыцарямъ основывалось исключительно на томъ, что каждый изъ нихъ могъ выпивать однимъ залпомъ цѣлое ведро зелена-вина, могъ одинъ побивать сотни и тысячи татаръ. Такіе подвиги казались дѣтскому уму до того громадно-поразительными, что воображеніе даже отказывалось служить запуганному ребенку, и онъ съ болѣзненно-пріятнымъ щемленіемъ сердца только слушалъ свою няню и просилъ ее рассказывать ему еще и еще. Въ слѣдующемъ періодѣ воспитанія Полканы богатыря уступали свое мѣсто Юлію цезарю, Александру Македонскому, Наполеону. Но и здѣсь глубокое благоговѣніе къ героямъ имѣло тѣ же основы, какъ и въ первомъ періодѣ воспитанія. Герои эти, разумѣется, были благовоспитаннѣе: они не пили вина ведрами, не носили такихъ тяжелыхъ шлемовъ, какъ церковные колокола, и не умѣли свистать съ силой урагана. Тѣмъ не менѣе величіе ихъ подвиговъ основывалось тоже на ихъ удивительной способности истреблять людей въ самое короткое время громадными массами. Трескъ и громъ, съ которыми проходили эти люди свое земное поприще, дѣлали ихъ полубогами не только въ воображеніи учащихся юношей, но даже и для ихъ современниковъ, отличавшихся не менѣе дѣтскими способностями. На востокѣ и до сихъ поръ поютъ пѣсни объ Искандерѣ, тогда какъ чрезъ сто лѣтъ послѣ Александра Македонскаго не осталось у азіатскихъ народовъ и слѣда торжественныхъ побѣдъ, которыми усѣялъ свой путь этотъ великій разбойникъ древности. Причина простая. Всѣ подобные герои производили только много шума и много насилія; громомъ своихъ военныхъ подвиговъ они устрашали воображеніе массъ такъ же, какъ запугиваетъ ребенка няня рассказами о полканахъ богатыряхъ. Подвиги военныхъ героевъ понятны всякому уму; да и какъ не понять такой простой вещи, какъ на примѣръ рассказы о рядѣ походовъ и покореніи царствъ. Каждый турокъ и татаринъ представляетъ себѣ живо

военный походъ; онъ знаетъ, какъ рубить людей саблями, какъ топчуть ихъ лошадьми, какъ убиваютъ изъ пушекъ и изъ ружей, какъ колютъ штыками. Какой же ребенокъ не знаетъ всего этого. Но здѣсь и предѣлъ пониманія для людей недостаточно развитыхъ. Они слышать шумъ и совершенно довольны, что предметъ, обратившій на себя ихъ вниманіе, шумить очень блистательно и весьма громко. Они даже чувствуютъ къ нему родственное чувство, потому что знаютъ и въ себѣ нѣкоторую способность производить подобный же шумъ. Да и какой же юноша, наслушавшійся рассказовъ о геройскихъ подвигахъ Еруслана Лазаревича, или Александра Македонскаго и даже Наполеона I, не ощущаетъ въ себѣ довольно силы произвести нѣчто имъ подобное. Положимъ, сраженія будутъ менѣе убійственны, но все-таки это будутъ сраженія, кто же не способенъ сражаться... Со всѣмъ другое—родственность съ какимъ нибудь Ньютономъ, Бэкономъ веруламскимъ, Коперникомъ, Линнеемъ. Каждый почитатель Александра Македонскаго и Наполеона чувствуетъ, что съ этими господами говорить ему не о чемъ, потому что они не имѣютъ ровно никакого понятія о лошадиныхъ статуяхъ, о построеніи колоннъ, карре и тому подобное. Еще менѣе понятны такимъ людямъ такъ называемые гражданскіе герои. Въ жизни этихъ людей нѣтъ ровно ничего ослѣпляющаго и рѣзко бросающагося въ глаза. Они не даютъ и не выигрываютъ генеральныхъ сраженій, сопровождаемыхъ истребленіемъ сотенъ тысячъ людей; они не поражаютъ народовъ, не громятъ городовъ; во всѣмъ подобнымъ занятіямъ они обнаруживаютъ совершенную неспособность; но за то они знаютъ другую науку—науку гражданского общежитія. Тамъ, гдѣ Наполеоны, не желая знать ничего о личномъ человеческомъ достоинствѣ, увлекаются въ самообольщеніи до такой степени, что лишаются совершенно здравомыслія и логики всѣхъ порядочныхъ людей,—гражданскіе герои напротивъ именно и сильны тѣмъ, чего недостаетъ Наполеонамъ. Такимъ героемъ былъ Вашингтонъ.

Онъ былъ истиннымъ сыномъ своей страны и своего времени. Онъ былъ настоящимъ представителемъ общественной врѣлости и здравомыслія колоніальнаго населенія; въ немъ какъ бы выражалось его время и его народъ. У Вашингтона не было личныхъ цѣлей и честолюбивыхъ стремленій; все, что онъ дѣлалъ, имѣло общенародный, американскій интересъ. Поэтому у Вашингтона нѣтъ біографіи въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово. Жизнь

УашиINGTONA есть жизнь колоній его времени въ своихъ лучшихъ, благороднѣйшихъ стремленіяхъ.

УашиINGTONъ родился въ Виргиніи въ 1732 году; отца — богатаго плантатора — онъ лишился одиннадцати лѣтъ и воспитался подъ надзоромъ своей матери. Г-жа УашиINGTONъ имѣла благотворное вліяніе на своего сына. Онъ получилъ простое, свободное и суровое воспитаніе. Его научили владѣть собой, полагаться на свои силы, не рассчитывая на чужую помощь, и дополнять недостатокъ свѣдѣній личнымъ наблюденіемъ и естественной дѣятельностію разсудка. Такого рода воспитаніе соответствовало совершенно всѣмъ мѣстнымъ особенностямъ страны. Въ Виргиніи не было совсѣмъ городовъ. Уильямсберъ — мѣсто центрального управленія — имѣлъ всего двѣ тысячи жителей. Всѣ колонисты Виргиніи, богатые и небогатые, жили на своихъ плантаціяхъ въ безпрестанныхъ дѣловыхъ занятіяхъ, въ вѣчной борьбѣ съ индѣйцами. Эта уединенная жизнь среди огромныхъ пустынныхъ пространствъ еще дѣвственной природы, среди труда и опасностей создали породу людей умныхъ и энергическихъ, великодушныхъ и въ то же время суровыхъ, и вполне привазаанныхъ къ независимости. Всѣ эти качества соединились въ высшей степени въ УашиINGTONѣ.

Виргинскіе плантаторы, не смотря на огромную площадь своей территоріи, находили, что имъ еще недостаточно просторно, и мало по малу, начали перебираться по ту сторону Алеганскихъ горъ, отыскивая почвы болѣе дѣвственной и болѣе сильной. Опасности, сопрягавшіяся съ этимъ дѣломъ, привлекали еще болѣе смѣльчакъ, и, не смотря на протестъ Франціи, объявлявшей притязанія на эти земли, составились американскія и англійскія компаніи для ихъ эксплуатаціи. Но въ такой обширной странѣ, не имѣвшей натуральныхъ и видимыхъ границъ, нужно было опредѣлять границы владѣній другими способами, и для этого дѣла былъ употребленъ 16-лѣтній УашиINGTONъ, изучавшій передъ тѣмъ землѣріе. Здѣсь-то онъ и успѣлъ себя зарекомендовать. Между тѣмъ, безпрестанныя столкновенія на границахъ съ французами и индѣйцами заставляли подумать о прочныхъ и постоянныхъ средствахъ для защиты страны. Чтобы спасти Виргинію отъ индѣйскихъ и французскихъ вторженій, колониальное управленіе раздѣлило провинцію на военные округа и въ каждый назначило военнаго начальника. Однимъ изъ такихъ начальниковъ былъ сдѣланъ 19-лѣтній Уашиг-

тонъ, получившій чинъ майора. Черезъ три года онъ былъ уже полковникомъ и главнокомандующимъ всѣми виргинскими силами, и вскорѣ за тѣмъ избранъ въ палату депутатовъ отъ графства Фредерикъ. До самой войны за независимость, т. е. въ теченіе болѣе, чѣмъ пятнадцать лѣтъ, Уашигтонъ оставался въ этомъ званіи.

Нельзя сказать, чтобы этотъ формуляръ представлялъ нація ни-будь блестящія страницы; нигдѣ не говорится ни о генеральныхъ сраженіяхъ и подобныхъ великихъ побойцахъ. Даже болѣе — были люди, сомнѣвавшіеся въ военныхъ дарованіяхъ Уашигтона, что частью и справедливо, если сравнивать его военный талантъ съ талантомъ Наполеона. Уашигтонъ не давалъ и не выигрывалъ большихъ битвъ въ открытомъ полѣ, потому что ему ихъ и давать было невозможно, но за то онъ дѣйствовалъ съ великой осмотрительностью и осторожностью, придерживаясь нѣсколько партизанской войны, обѣщавшей большаго успѣха. За это Уашигтона прозвали американскимъ Фабіемъ. Но у него былъ другой талантъ, въ которомъ болѣе нуждался главнокомандующій американской арміей того времени — способность организовать силу изъ самыхъ ничтожныхъ средствъ и создать дисциплинированное войско изъ сброда всякихъ людей. Когда конгрессъ избралъ Уашигтона въ главнокомандующіе, онъ напелъ армію въ самомъ жалкомъ состояніи; вмѣсто 20,000 человекъ, о которыхъ ему говорили, оказалось на лицо только 16,000, и изъ нихъ, готовыхъ для службы въ полѣ, лишь 14,000. Эта армія представляла беспорядочную толпу, безъ всякой дисциплины — всякій приходилъ и уходилъ, когда это ему нравилось, не считая нужнымъ просить чьего-либо дозволенія. Въ сраженіяхъ милиціонеры выказывали иногда львиную храбрость, а иногда нападалъ на нихъ ланической страхъ, и они бѣжали съ позоромъ. Все это нужно было покончить и, для борьбы съ опытными англійскими солдатами, создать войско по европейскому образцу. Въ государствахъ съ сильной центральной властью подобныя вещи не представляютъ особенной трудности. Разумѣется, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ Англіи; они обнаружили большое патріотическое чувство, но не слѣдуетъ, однако, заблуждаться на счетъ размѣра этого чувства. Патріотизмъ массъ имѣетъ свой особенный характеръ и не отличается энтузіазмомъ отдѣльныхъ увлекающихся личностей. Странно было бы предполагать, что любовь къ отечеству можетъ заставить человека забыть, что ему нужно пить и ѣсть. Бывали и подобныя

увлеченія, но требовать его отъ сорока-тысячной арміи, которой располагалъ потомъ Уашигтонъ, было бы не совсѣмъ благоразумно. Слѣдовательно, помимо патріотизма, дававшаго арміи нравственную силу, нужно было привлечь людей въ военную службу какими нибудь выгодами, потому что войско комплектовалось охотниками, а не наборомъ или конскрипціей. Выгоды могли быть, разумѣется, только денежныя, потому что такой практической народъ, какъ американцевъ, невозможно привлечь идеальными вознагражденіями, въ родѣ европейскихъ отличій. Но денежное вознагражденіе, какъ оно ни было щедро, придавая войску большую прочность въ составѣ, не могло сообщить ему ни храбрости, ни дисциплины. И это была труднѣйшая задача, которую приходилось разрѣшать Уашигтону и которую онъ разрѣшилъ вполне. Онъ отличался большой личной храбростью и своимъ примѣромъ хотѣлъ воодушевлять войска, присутствуя именно тамъ, гдѣ была большая опасность. Вліяніе Уашигтона на войско было такъ велико, что онъ совершенно преобразовалъ этотъ нѣкогда босоногій сбродъ, и капитуляція Корнваліса показала, что европейское войско англичанъ не въ состояніи бороться съ солдатами Уашигтона. Здѣсь кстати замѣтимъ, что когда пришло въ Лондонъ извѣстіе о капитуляціи, то лордъ Нортъ, разставивъ руки, вскрикнулъ — «Боже мой, все потеряно!» Но Георгъ III выказалъ свое вѣсгдашнее хладнокровіе, вѣроятно потому, что лично онъ не рисковалъ ничѣмъ; онъ написалъ немедленно къ министру колоній: «ни одинъ изъ членовъ кабинета не предположить, я увѣренъ, что это обстоятельство можетъ измѣнить въ чемъ нибудь принципы, управлявшіе мной до сихъ поръ, и которые будутъ руководить мной въ продолженіе этой борьбы.» Члены кабинета дѣйствительно, нисколько не сомнѣваясь въ прочности принциповъ своего короля, сами оказали однако менѣе твердыхъ убѣжденій; а парламентъ рѣшительно отказался отъ своей прежней любезности и, оставивъ Георга III при его несекрушимыхъ принципахъ, склонился въ пользу переговоровъ о мирѣ.

Такимъ образомъ первая заслуга Уашигтона заключается въ томъ, что онъ создалъ изъ ничего войско и былъ организаторомъ той силы, которая подъ его предводительствомъ доставила независимость штатамъ. Въ другихъ странахъ подобный трудъ былъ бы, разумѣется, не такъ великъ, но не то въ Америкѣ. Конгрессъ, чувствуя вполне важность великой силы въ борьбѣ съ англичанами, въ то же время

боялся ея и старался всѣми силами, чтобы она не сдѣлалась опасной для свободныхъ учреждений страны. Нѣсколько лѣтъ постоянной войны отвлекаетъ, разумѣется, много людей отъ мирныхъ занятій и приучаетъ ихъ къ особому совершенно противоположному образу жизни, чѣмъ у людей, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, торговлей и промышленностію. Оттого конгрессъ не высказывалъ особенной любезности къ войскамъ Вашингтона, и послѣднему удавалось съ великимъ трудомъ добиваться всего того, что могло служить къ выгодѣ арміи. Даже обѣщанное половинное жалованье офицерамъ подверглось по окончаніи войны новому обсужденію, и армію хотѣли распустить по домамъ, не давъ ей ровно ничего. Офицеры взволновались, затѣвалось даже возстаніе, и только Вашингтъ, имѣвшій безусловное вліяніе на войско, уговорилъ ихъ не затѣвать ничего, а предоставить ему устроить это дѣло съ конгрессомъ. И тамъ вліяніе Вашингтона было не менѣе, чѣмъ на армію: — конгрессъ согласился выдавать офицерамъ въ теченіе пяти лѣтъ полное жалованье.

Боязнь, выражаемая американцами противъ постоянной военной силы, имѣла весьма разумное основаніе, и войско дѣйствительно доказало, что его бояться слѣдовало. Раздраженное задержками въ жалованьѣ, отказомъ въ деньгахъ, оно испугалось потому, что его распустятъ безъ законнаго удовлетворенія. Основаніемъ такой боязни служило то, что войско не видѣло въ конгрессѣ достаточной силы: «конгрессъ можетъ, пожалуй, издавать то или другое постановленіе, но штаты не станутъ его слушать и будутъ дѣлать, что они хотятъ. При такомъ разпорядномъ управленіи мы никогда не достигнемъ своихъ правъ. Мы должны установить вѣрпкое правительство на европейскій ладъ». Такъ разсуждали въ главной квартирѣ, находившейся въ Ньюбергѣ, и разсуждали не какіе нибудь интриганы или честолюбцы, а старые, наиболѣе уважаемые офицеры. Привычка къ военной дисциплинѣ была, разумѣется, главной причиной такого поворота въ понятіяхъ людей, вступившихъ въ армію съ цѣлью освобожденія колоній отъ центральной власти Англіи. Полковникъ Льюисъ Нивола, служившій часто посредникомъ между войскомъ и Вашингтономъ, написалъ къ нему отъ имени товарищей слѣдующее письмо: «изъ всѣхъ правительствъ республиканское наименѣе прочно, наименѣе способно обезпечить права, независимость и собственность гражданъ. Съ республикой Америка не сдѣлается никогда одной націей. Опытъ насъ учить, что англійская форма правленія лучшая.

Могущество армии потому велико, что она подчинена одному начальнику. Когда народу будутъ представлены выгоды смѣшаннаго правленія, онъ одобритъ его; онъ признаетъ, что геній, который провель насъ такъ побѣдоносно и съ такой славой чрезъ препятствія, по видимому, непреодолимыя, что его великія качества, доставившія ему уваженіе всѣхъ и глубокое почтеніе армии, назначены вести насъ еще съ большимъ успѣхомъ по болѣе легкому пути мира. Если все будетъ уже опредѣлено и установлено, то нѣтъ причины не назвать главу управленія королемъ». Уашигтонъ отвѣтилъ на это письмо такъ: «Съ изумленіемъ и огорченіемъ прочелъ я внимательно мысли, вами изложенныя. Повѣрьте, что ни одно событіе въ теченіе всей войны не тронуло меня такъ больно, какъ ваше сообщеніе, что подобныя взгляды живутъ въ войскѣ. Я смотрю на нихъ съ ужасомъ и порицаю самымъ строгимъ образомъ. Ваше сообщеніе я сохранию пока въ моемъ сердцѣ, если только новыя манифестаціи не сдѣлаютъ необходимымъ обнаруженіе его. Я не въ состояніи понять, что именно въ моемъ поведеніи могло дать смѣлость къ подобному предположенію, заключающему, по моему мнѣнію, величайшую опасность, какая только можетъ грозить моему отечеству. Если я не обманываюсь относительно себя, то вы не могли бы найти никого, кому бы ваши планы были болѣе непріятны»... Джерсонъ говорилъ, что европейцы воображаютъ, будто они являются на свѣтъ съ сѣдлами на слонахъ... А между тѣмъ, какъ было удобно воспользоваться неудовольствіемъ войска, особенно когда Армстронгъ выпустилъ свою прокламацію, приглашающую офицеровъ собраться для обсужденія того, какъ поступать впередъ относительно конгресса. Уашипгтонъ видѣлъ всю опасность положенія Америки, готовой впасть во внутренней раздоръ. Онъ отдалъ приказъ собраться офицерамъ и, указавъ имъ на опасность, которая можетъ грозить отечеству отъ революціоннаго движенія войска, продолжалъ: «Какое имѣлъ намѣреніе писака (прокламація была анонимная), предлагая подобныя мѣры? Можетъ ли онъ считаться другомъ армии? Можетъ ли быть онъ другомъ страны? Никогда. Это хитрый врагъ, можетъ быть подосланный Нью-Йоркомъ, который, сѣя сѣмена раздора между гражданской и военной властью, стремится къ тому, чтобы погубить обѣ». За тѣмъ Уашигтонъ началъ читать письмо одного изъ членовъ конгресса, который обѣщалъ, что собраніе, не смотря на затруднительное положеніе денежныхъ дѣлъ, вознаградитъ щедро армию. Начавъ письмо, онъ остановился, снялъ

очки, попросилъ извиненія, сѣлъ и сказалъ: «Прежде я зналъ, что я на вашей службѣ посѣдѣлъ, но теперь замѣчаю, что я и ослѣпъ». Въ этихъ словахъ, рассказываетъ очевидецъ, было столько естественнаго, непринужденнаго, что никакая самая искусная рѣчь не могла сравниться съ ними: они проникли прямо въ сердца слушателей; ни одни глаза не остались сухи. «Если бы не было этого дня, свѣтъ никогда бы не узналъ высочайшаго предѣла совершенства, до котораго способна достигнуть человѣческая природа». Послѣ этого примиренія арміи съ конгрессомъ и было назначено офицерамъ полное содержаніе въ теченіе пяти лѣтъ. Наполеонъ, разумѣется, велѣлъ бы разстрѣлять Армстронга.

Въ восьмую годовщину битвы при Лексингтонѣ, Уашигтонъ отдалъ слѣдующій приказъ по арміи: «Счастливыми должны чувствовать себя всѣ, и высшіе, и низшіе, кто хотя чѣмъ нибудь способствовалъ возведенію этого громаднаго зданія свободы и государства, на широкомъ основаніи независимости, кто дѣйствовалъ на защиту человѣческихъ правъ, и создалъ убѣжище для бѣдныхъ и угнетенныхъ всѣхъ націй и религій. Миръ еще не заключенъ; но въ немъ нечего сомнѣваться. Поэтому армія остается еще въ полномъ сборѣ и будетъ распушена только по заключеніи мира». Черезъ восемь мѣсяцевъ Уашигтонъ вручилъ предсѣдателю конгресса свой патентъ главнокомандующаго и простился съ войскомъ, чтобы посвятить свои дни частнымъ занятіямъ въ своемъ имѣніи. Оставляя свое общественное поприще, Уашигтонъ считалъ нужнымъ напомнить народу, какимъ путемъ слѣдуетъ ему идти, чтобы образовать сильное союзное государство. «Вы, граждане Америки, находитесь въ завидномъ положеніи — писалъ Уашигтонъ къ отдѣльнымъ штатамъ. Вы собственники и владѣльцы огромной страны съ разнообразной почвой и различными климатами, и пользуетесь совершенной независимостью и свободой. Наше государство основано не въ темные вѣка невѣжества и суевѣрій, а въ то время, когда права людей были опредѣлены и обозначены точнѣе, чѣмъ когда либо прежде. Изслѣдованія человѣческаго духа о причинахъ общественнаго благосостоянія получили широкій объемъ; сокровища знаній, добытыя трудами мыслителей и законодателей, въ теченіе длиннаго ряда годовъ, лежатъ предъ нами для нашего употребленія. Пусть все это получить счастливое примѣненіе при устройствѣ и выборѣ для насъ правительственной формы. Если мы американцы не будемъ вполне свободны и счаст-

ливы, то вина этого падеть только на насъ. Четыре условія необходимы для благосостоянія и для твердости Соединенныхъ Штатовъ, какъ независимаго государства. Неразрывное единство штатовъ подъ высшей властью, которая будетъ заботиться о дѣлахъ союза; святое соблюденіе общественнаго правосудія, чтобы были удовлетворены требованія гражданскаго долга; достаточное для мирнаго времени войско, для чего безусловно необходимо учрежденіе однородной милиціи во всѣхъ штатахъ; дружеское и мирное отношеніе между различными штатами, чтобы они забыли свои мѣстные предубѣжденія и частныя учрежденія и могли бы вырости въ одинъ народъ». Такъ закончилась одна половина дѣятельности УашиINGTONA. Онъ отправился въ свой Моунтъ-Вернонъ, думая сдѣлаться частнымъ человекомъ, но американцы не переставали видѣть въ немъ общественнаго дѣятеля, и въ 1787 году онъ уже предсѣдательствовалъ въ Филадельфій на конвентѣ, собравшемся для составленія новой американской конституціи.

VI.

По заключеніи мира, американскіе штаты представляли разбитую на части страну, не имѣвшую ни силы, ни единодушія. Каждый штатъ хотѣлъ дѣйствовать независимо, не признавая и не уважая власти конгресса; климатическія и почвенныя условія, создавъ для каждаго штата особенную промышленность и торговлю, создали и отдѣльные экономическіе интересы; что казалось одному штату полезнымъ, то другой находилъ для себя вреднымъ; неудовольствие росло, даже поговаривали о распаденіи Америки на 13 независимыхъ республикъ. «Сомнѣваюсь, писалъ УашиINGTONъ къ Гамильтону, что у насъ достанетъ способности воспользоваться выгодно миромъ. Никто не хочетъ слушаться. Конфедерация — тѣнь безъ содержанія; конгрессъ — безсильная корпорація, на заключенія которой никто не обращаетъ вниманія. Мое убѣжденіе о необходимости полной реформы есть плодъ многихъ и горькихъ опытовъ. Если бы конгрессъ имѣлъ болѣе силы, война кончилась бы ранѣе и стоила бы менѣе». Англія радовалась такому разброду силъ союза, чтобы извлечь себѣ изъ

этого выгоды, а бессильный конгрессъ между тѣмъ не могъ заключать съ другими государствами торговыхъ договоровъ, потому что ему не было предоставлено это право. И тутъ, какъ въ войнѣ за независимость, Массачусетъ поднялъ первый голосъ. Конгрессъ однако испугался этого движенія; онъ боялся, что отъ него отнимутъ власть совершенно и устроятся аристократическое правленіе. Но положеніе штатовъ было слишкомъ печально, чтобы такой ложный страхъ могъ удержать людей отъ необходимости сообразить свое положеніе и придумать средства, какъ помочь общему горю. Проницательные люди видѣли уже съ самаго начала, что при разсужденіяхъ нельзя будетъ ограничиться одними торговыми вопросами, а придется коснуться всей системы управленія. Въ этомъ случаѣ страхъ конгресса имѣлъ нѣкоторое основаніе и потому, чтобы не пугать его, придумали, что новое собраніе будетъ составлять какъ бы комитетъ конгресса и будетъ находиться подъ его вѣдѣніемъ. Конгрессъ однако все еще колебался и только послѣ рѣшительныхъ и настоятельныхъ требованій членовъ отъ Нью-Йорка и Массачусета конгрессъ издалъ постановленіе, чтобы собрался въ Филадельфію конвентъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ штатовъ.

Примѣръ другаго подобнаго учредительнаго собранія исторія, разумеется, не представляетъ. Оно было замѣчательно по сравнительно малому числу членовъ,—55, и по сравнительно огромному числу людей замѣчательныхъ по уму, характеру, образованію, любви къ человечеству и патриотизму. Мы уважемъ только на главныхъ, болѣе извѣстныхъ въ Европѣ—Уашигтонъ, Гамилтонъ, Модисонъ, Франклинъ, два Морраса, Пикпей, Джемсъ Уильсонъ, Джонъ Диккинсонъ, Эдмундъ Рейдольфъ. Не смотря на таланты этихъ людей, доказанные ими и на военномъ, и на гражданскомъ поприщѣ, ихъ пугала предстоящая имъ задача: нужно было придумать государственный порядокъ для огромной страны, порядокъ согласный съ желаніями и стремленіями народа, и способный дать государственную силу въ единство разрозненныхъ частямъ. Когда затѣялась война за независимость, всѣ думали только о томъ, какъ бы освободиться отъ Англіи; никому не представлялся вопросъ, а что же будетъ послѣ? На какихъ основахъ существовать освободившемуся народу? И теперь, собираясь въ конвентъ, члены шли большею частью только съ готовностью принять всякую истину, полезную для ихъ родины, не представляя себѣ ясно, въ чемъ могутъ заключаться эти истины.

Указываемъ мы на это не отъ себя, а указываемъ на нравственное состояніе, въ какомъ находились члены учредительнаго собранія, по ихъ собственнымъ словамъ. Нисколько не уменьшая важности задачи и той великой отвѣтственности предъ судомъ всей исторіи, какая предстояла конвенту, долженствовавшему создать новое громадное государство, мы хотимъ только замѣтить, что американскому учредительному собранію приходилось дѣйствовать при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ учредительнымъ собраніемъ континентальныхъ государствъ Европы. У американцевъ былъ врагъ виѣшній; изгнавъ его изъ своей страны, они остались дома одной національной семьей, съ однородными желаніями и стремленіями. Какія бы ни встрѣчались у нихъ разнорѣчія, но это всегда были разнорѣчія людей, близкихъ по основамъ общественной жизни; людей этихъ не раздѣляли непримиримыя крайности противоположныхъ политическихъ теорій, создававшія европейскія безпокойства. Американцы работали среди мира, не видя своего врага, и потому могли работать спокойно, устремляя все свое вниманіе только на то, чтобы проектируемая ими форма правленія могла сообщить странѣ тѣ гарантіи благосостоинія, которыхъ желалъ народъ; тогда какъ для европейцевъ подобной выгоды никогда не существовало. Учредительное собраніе французовъ работало всегда на обломкахъ только что сломавнаго стараго зданія; врагъ, противъ котораго оно шло, хотя и побѣжденный, былъ все еще живъ; придумывая мѣры для блага народа, нужно было въ то же время приснать и средства противъ живаго еще врага. Тамъ, гдѣ американцы могли обдумывать совершенно спокойно свою задачу, французамъ приходилось выбирать средства сгоряча; потому что нужно было дорожить временемъ и каждую минуту бояться какихъ нибудь помѣхъ. Не смотря на выгоды своего положенія, осторожные члены собранія постановили, что, для устраненія возможности возбужденія въ пародѣ разнорѣчивыхъ мнѣній и страстей, которыя могли бы вести къ волненіямъ и слѣдовательно разрушить предпріятіе учредительнаго собранія, засѣданія его должны сохраняться въ самой строгой тайнѣ. Вашингтонъ исполнилъ такъ совѣстливо это постановленіе, что въ его журналѣ, веденномъ въ Филадельфіи, не упоминается ни разу о занятіяхъ собранія.

Не всѣ однако члены явились только съ одной готовностью воспринимать истины, у другихъ были и готовые проекты конституцій. О другихъ формахъ правленія, разумѣется, не могло быть и рѣчи;

«я чувствую, что было бы безумиѣмъ предложить пынче другую форму правленія, кромѣ республиканской», говорилъ Гамильтонъ, убѣжденный однако, что эта форма для Америки не годится. Поэтому понятно, что всѣ проекты могли быть основаны только на идеи республиканизма, т. е. могли быть или болѣе федеративны или болѣе національны. Проектъ національной конституціи, составленный Рендольфомъ, былъ построенъ на идеи—единство власти и единство націи. Власть стоитъ внѣ народнаго контроля; народъ избираетъ только палату представителей, и каждый штатъ назначаетъ число депутатовъ, пропорціональное своему населенію. Проектъ Петерсена былъ противоположнаго характера: онъ предлагалъ правительство чисто федеративное; конгрессу предоставлялъ право назначать налоги и заключать торговые трактаты, за тѣмъ директорія, какъ исполнительная власть, и высшій судъ, наблюдающій за исполненіемъ декретовъ. Гамильтонъ, оспаривавшій оба проекта, предложилъ двѣ палаты; одна представляющая интересы народа, избираемая всеобщей подачей голосовъ на три года, другая—представители собственности, состоящая изъ членовъ назначаемихъ на всю жизнь; наконецъ пожизненный президентъ. Въ каждомъ штатѣ Гамильтонъ предполагалъ губернатора, назначаемаго центральной властью, съ правомъ veto въ мѣстномъ законодательномъ собраніи. Ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ принятъ въ полномъ своемъ объемѣ, и то, на чемъ оставалось учредительное собраніе, не есть ни конституція національная, ни конституція федеральная; идеи той и другой смѣшаны, такъ что управление вышло и національное и федеральное вмѣстѣ. Послѣ двухдневнаго совѣщанія условились, что управление не должно зависѣть отъ произвола законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ, но должно опираться на народъ всего союза, и имѣть въ извѣстной степени принудительную власть. Но какъ же достигнуть этой цѣли такъ, чтобы и отдѣльные штаты не лишались своей самостоятельности и чтобы весь союзъ имѣлъ силу прочнаго государства и національнаго единства? Это была самая трудно разрѣшимая задача, потому что отдѣльные штаты, воспитавшись въ полной независимости, обнаруживали рѣшительное стремленіе къ совершенной самостоятельности. Каждый боялся за себя—малые штаты боялись, чтобы большіе не взяли надъ ними совершеннаго перевѣса; а большіе боялись, что имъ придется приносить жертвы въ пользу малыхъ. Вопросъ заключался въ томъ, какъ устроить полную гар-

монію частей, чтобы ни кто не былъ принесенъ въ жертву. Конечно это могло быть достигнуто возможно лучшей организаціей представительства, такъ чтобы вмѣстѣ съ представителями народа, какъ цѣлаго союза, было еще и частное представительство интересовъ отдѣльныхъ штатовъ. Понятно, что прочность конституціи зависѣла исключительно отъ того, въ какой степени она будетъ согласна съ установившимися уже общинными учрежденіями, порядками и привычками. Нельзя было уничтожать того, что существуетъ болѣе полутораста лѣтъ и что понудило народъ возстать противъ метрополиі. Штаты должны были остаться тѣмъ, что они есть, со всей своей системою выборовъ, съ самостоятельностью общинъ, съ своимъ законодательнымъ собраніемъ и выборными чиновниками. Оставалось только опредѣлить отношеніе этихъ частей между собой, чтобы союзъ ихъ составлялъ такое же прочное цѣлое въ союзныхъ интересахъ, какъ отдѣльный штатъ въ своихъ интересахъ штатныхъ. Однимъ словомъ за образецъ общей конституціи нужно было принять штатъ. Такъ и сдѣлали члены учредительнаго собранія.

Не всѣ изъ нихъ смотрѣли одинаково на народъ; многіе боялись, что зависимость управленія отъ массъ можетъ повести къ какиимъ нибудь печальнымъ послѣдствіямъ, народу не довѣряли и боялись его. Но число такихъ членовъ было не велико и перевѣсъ остался на сторонѣ людей противоположнаго мнѣнія. Принявъ съ самаго начала раздѣленіе законодательной власти на двѣ палаты, противъ чего возставали только пенсильванскіе представители, дѣйствовавшіе подъ вліяніемъ Франклина и требовавшіе одной палаты, собранію нужно было опредѣлить число членовъ палатъ и способъ ихъ выбора. Тѣ, кто не довѣрялъ народу, хотѣли, чтобы депутатовъ назначали законодательныя собранія штатовъ, и чтобы число ихъ было одинаково, какъ для большихъ, такъ и для малыхъ штатовъ. Противная же партія хотѣла, чтобы делегаты избирались непосредственно народомъ и чтобы число ихъ соответствовало населенію каждаго штата. Первые боялись власти народа, и потому хотѣли ослабить ее; вторые возражали имъ, что если предоставить выборы законодательнымъ собраніямъ, то это поведетъ къ конфедераціи т. е. къ несогласнымъ спорамъ отдѣльныхъ штатовъ, тогда какъ для единства и согласія общихъ интересовъ нужно, чтобы каждое графство, каждая община, могли бы заявлять свои потребности и желанія въ лицѣ самого избраннаго представителя. Такъ какъ правленіе должно быть республиканское, говорили

защитники послѣдняго мнѣнія, то народъ долженъ избирать своихъ уполномоченныхъ непосредственно. Мнѣніе это одержало верхъ. Но кто будетъ избирать и кого можно избирать? Принявъ основой верховную власть народа, члены могли разрѣшить этотъ вопросъ только однимъ способомъ, т. е: предоставленіемъ права выбора всѣмъ гражданамъ. Что же касается до права быть представителемъ, то имъ можетъ быть всякій гражданинъ соединенныхъ штатовъ, имѣющій не менѣе 25 лѣтъ, пользующійся правомъ гражданства 7 лѣтъ и проживавшій во время выборовъ въ томъ штатѣ, который его выбралъ. Американцы не приписывали важности ни состоянію, ни религиознымъ различіямъ, и не видѣли никакой необходимости предполагать, что люди съ извѣстнымъ состояніемъ принесутъ больше пользы, чѣмъ люди неизмѣющіе подобныхъ средствъ. При принципѣ народовластія, когда государство имѣетъ цѣлью пользу и благосостояніе большинства, другое разрѣшеніе и быть не можетъ. Число представителей опредѣлено, сообразно населенію cadaго штата—одинъ на 30,000 жителей, считая въ томъ числѣ $\frac{3}{8}$ рабовъ. Часто это, однако, впоследствии измѣнялось, по мѣрѣ увеличенія населенія штатовъ. Такимъ образомъ съ 1813 г. посылался одинъ съ 35 т. съ 1823 г. одинъ съ 40 т.; съ 1833 г. одинъ съ 47,700, съ 1843—одинъ съ 70,680, а съ 1853 г. одинъ съ 93,420 жителей.

Предоставивъ народу право непосредственнаго выбора своихъ представителей въ законодательное собраніе Союза, составители конституціи допустили вмѣстѣ съ тѣмъ и федеративное представительство, которое изображается другой половиной законодательнаго собранія—сенатомъ. Въ подобномъ соглашеніи федеративности съ національнымъ единствомъ заключалась вся теорія, которой держался учредительный конвентъ. Члены Сената избираются не народомъ, какъ депутаты первой палаты, а членами законодательнаго собранія cadaго штата. Члены палаты депутатовъ избираются на 2 года, сенаторы на 6. Число членовъ палаты имѣетъ отношеніе къ числу жителей, а число сенаторовъ неизмѣнно — по два человека отъ cadaго штата. Такимъ образомъ Сенатъ составляетъ настоящую федерацію штатовъ. Сенаторомъ можетъ быть всякій, имѣющій 30 лѣтъ отъ роду, пользующійся правомъ гражданства въ теченіе 9 лѣтъ, жившій въ штатѣ во время избранія. Соединеніе Сената и палаты составляетъ конгрессъ Штатовъ или законодательную власть Союза. Ему предоставили право издавать постановленія по всѣмъ предметамъ, кло-

нашимся къ общему благоденствію союза. Его законодательные акты и договоры съ другими государствами составляютъ высшій законъ для отдѣльныхъ штатовъ. Кроме того, конгрессу предоставлено право объявлять уничтоженными всѣ отдѣльныя постановленія и законы штатовъ, которые противорѣчатъ законамъ союза.

Но гдѣ у конгресса сила заставить себя слушать, если какою нибудь мятежный штатъ не захочетъ повиноваться и признавать законы конгресса? И что дѣлать въ такомъ случаѣ конгрессу — прибѣгнуть къ силѣ, послать войска? Вопросъ этотъ, разумеется, весьма важенъ и учредительное собраніе понимало, что необходимо принять какія нибудь мѣры противъ революціонныхъ движеній, могущихъ грозить цѣлости союзу. Такую связующую силу представляетъ судебная власть съ его верховнымъ судомъ. Это есть высшая власть союза, которая придаетъ силу исполнимости постановленіямъ и законамъ конгресса, какъ противъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и противъ штатовъ. Судъ объясняетъ смыслъ и значеніе закона, его приговору должны подчиняться всѣ, его власть обнимаетъ всѣ случаи и вопросы по дѣламъ, относящимся къ конгрессу, именно, по національнымъ доходамъ, по жалобамъ противъ чиновниковъ и по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ общему миру, спокойствію и порядку. Онъ рѣшаетъ всѣ недоразумѣнія между отдѣльными штатами, и между штатами и конгрессомъ, между гражданами различныхъ штатовъ, между гражданами союза и посторонними государствами. Судьи назначаются пожизненно и не могутъ быть лишены своихъ мѣстъ, пока ведутъ себя безукоризненно.

Послѣднее правительственное звѣно составляетъ президентъ. Прежняя американская конфедерація не знала этой власти; она создана вновь учредительнымъ собраніемъ. Согласившись въ томъ, что исполнительная власть необходима, члены собранія видѣли всю опасность, какая можетъ грозить союзу при ея злоупотребленіи. Одни думали, что исполнительную власть безопаснѣе ввѣрить многимъ лицамъ; но тѣ, кто хотѣлъ, чтобы они могли дѣйствовать быстро и энергически, говорили, что для этого нужно ввѣрить власть одному лицу; противники возражали, что и при многочисломъ составѣ можетъ быть та же быстрота и энергія, но за то менѣе всего опасности отъ диктатуры. Однимъ словомъ вопросъ оказался весьма спорнаго свойства. Еще спорнѣе былъ вопросъ о способѣ избранія президента. И тутъ, выразилось снова недовѣріе къ народу нѣкоторыхъ членовъ; но большин-

ство голосовъ рѣшило однако, что исполнительная власть вѣрится одному лицу, избираемому народомъ посредствомъ особенныхъ выборовъ. Такимъ образомъ президентъ служить представителемъ всего народа союза, какъ и палата, въ противоположность сенату, имѣющему федеративный характеръ. Но чтобы этотъ представитель народа не могъ бы дѣйствовать противъ федеративныхъ интересовъ отдѣльныхъ штатовъ, онъ связанъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ сенатомъ. Согласіе его необходимо во всѣхъ дѣлахъ, какъ внутреннихъ, такъ и вѣнскихъ. Договоры съ иностранными державами, объявленіе войны, мира, можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ съ согласія двухъ третей наличнаго числа сенаторовъ. Президентъ не имѣетъ кабинета, т. е. отвѣтственнаго министра, какъ это въ европейскихъ конституціонныхъ государствахъ. Министры въ Америкѣ подаютъ свои мнѣнія письменно или словесно, когда этого потребуетъ отъ нихъ президентъ, но онъ не обязанъ держаться этого порядка. Министры поглащаются совершенно властью президента, который одинъ отвѣчаетъ за всѣ ошибки и злоупотребленія. Поэтому отношенія президентовъ къ министрамъ опредѣлялись исключительно личными воззрѣніями представителей народной власти. Одни изъ президентовъ только совѣщались съ тѣмъ или другимъ министромъ, дѣйствуя за тѣмъ самостоятельно; другіе же, какъ Джеферсонъ, вводили въ свои отношенія къ нимъ демократическое начало, устраивали совѣты и всѣ дѣла рѣшали большинствомъ голосовъ, удерживая за собой только одну гласность.

Когда конституція, пройдя нѣсколько редакцій, была совершенно готова и положена для подписи, то Вашингтонъ, взявшись уже за перо, остановился и съ глубоко-озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «если штаты отвергнутъ эти превосходныя основанія, то можетъ быть никогда уже не представится возможность создать мирно другія. Слѣдующая конституція будетъ написана кровью.» А Франклинъ, любившій иногда выражаться аллегоріями, уставивъ неподвижный взглядъ на стѣну за президентскими креслами, на которой было нарисовано солнце, сказалъ: «Живописцы часто затруднялись изобразить своимъ искусствомъ разницу между восходящимъ и заходящимъ солнцемъ. Во время нашихъ разсужденій, колеблясь между надеждой и боязней, я часто смотрѣлъ на это солнце, не будучи въ состояніи рѣшить, что это восходъ

или завять. Теперь, къ счастью, я составилъ точное убѣжденіе; — да, это солнце восходящее.»

На основаніи VII параграфа конституціи, она могла получить силу только въ такомъ случаѣ, когда будетъ принята девятью штатами. Въ теченіи цѣлаго года она была подвергнута строгому разбору народа и — выдержала эту пробу. «Я бы желалъ, чтобы конституція была лучше, сказалъ Вашингтонъ, но думаю чистосердечно, что это лучшее, чего можно было достигнуть нынче.» До истеченія года она была принята 11 штатами, только сѣверная Каролина и Родъ-Эйландъ признали ее послѣ всѣхъ — первая чрезъ два; а вторая почти чрезъ три года послѣ составленія. 13 Сентября 1788 года конгрессъ издалъ постановленіе, что конституція вступаетъ въ силу, и назначилъ день для выбора президента.

VII.

Президентомъ былъ избранъ единогласно Вашингтонъ. Его путь изъ своего имѣнія въ Нью-Йоркъ составлялъ непрерывный рядъ триумфовъ. Общины и корпораціи спѣшили одна за другой выразить этому единственному человѣку свое уваженіе и удивленіе посредствомъ адресовъ. Едва ли кто другой пользовался когда либо подобнымъ довѣріемъ народа, какъ Вашингтонъ. Предъ вторымъ выборомъ въ президенты Джеферсонъ писалъ ему: «Вы владеете довѣріемъ всей націи: и югъ и сѣверъ держатся за васъ. Я знаю, сколько хлопотъ и непріятностей дѣлало вамъ ваше мѣсто и какъ вы стремились къ спокойной домашней жизни. Всемирная исторія указываетъ, какъ иногда являются такого рода выдающіяся личности, что общество беретъ на себя право опредѣлять имъ путь жизни, — чтобы они дѣлали только то, что ведетъ человѣчество къ счастью, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Въ подобномъ положеніи находите вы....» «Я ужасался, писалъ Рендольфъ къ Вашингтону, какой вспыхнетъ страшный пожаръ, если вы не будете находиться въ управленіи. Конституція никогда бы не была принята, если бы не знали, что вы ее одобрили, что вы встанете въ главѣ новаго управленія.

Теперь, въ эти дни, только общая преданность къ вамъ удерживаетъ взрывъ революціоннаго движенія. Правда, правительство учреждено, но только вы въ состояніи дать ему прочность.» И действительно задача новаго управленія заключалась въ томъ, чтобы дать союзу государственное единство, дать ему силу и крѣпость и пустить въ стройный ходъ вновь созданную машину. Изъ всѣхъ американцевъ былъ способенъ для этого только одинъ Вашингтонъ; онъ одинъ пользовался общимъ довѣріемъ всѣхъ партій и стоялъ выше ихъ.

Трудности, предстоявшія новому правительству, были чрезвычайно велики. Слѣдовало привести въ порядокъ финансы, организовать уплату долговъ, создать источники государственныхъ доходовъ, потому что казначейство было совершенно пусто. Торговныя сношенія находились въ очень печальномъ положеніи, значить нужно было устранить разныя пемѣхи и препятствія, мѣшавшія свободѣ торговыхъ отношеній штатовъ. Не смотря на признаніе народомъ конституціи, въ странѣ было много людей, смотрѣвшихъ на нее враждебно — ихъ нужно было примирить съ учрежденіями. Столкновенія съ индѣйцами, споры на сѣверѣ съ англичанами, на югѣ съ испанцами, стремленіе французской республики найти въ Америкѣ союзницу въ ея борьбѣ съ Европой, Англійская и Французская партіи, создавшіяся въ союзъ, наконецъ необходимость дать сѣверо-американскимъ штатамъ политическое значеніе и создать имъ уваженіе другихъ государствъ, которымъ они до тѣхъ поръ не пользовались — вотъ тѣ трудности, которыя приходилось одолѣть молодому правительству молодого государства. Задача эта была чисто организаціонная, требовавшая спокойнаго взгляда правителя на окружающую его борьбу противоположныхъ интересовъ, возбуждавшихъ страсти народа и создававшихъ разныя партіи; требовалась глубокая проникаемость и правильный взглядъ на сущность всѣхъ отношеній, чтобы умѣть найти общее примиряющее начало и имъ скрѣпить всѣ части, которыя грозили безпрестанно распасться. Вашингтонъ вполнѣ владѣлъ этими качествами; а конституція, составленная учредительнымъ собраніемъ, заключала въ себѣ всѣ начала, способныя дать человѣческой дѣятельности правильное направленіе и тотъ просторъ, которымъ создается сила, богатство и благосостояніе.

Превосходство конституціи и Вашингтона, какъ правителя, обнару-

жились уже въ первые два года. Организовались учрежденія, министерства, судебная часть, почты, монетное учрежденіе, сухопутная и морская сила; однимъ словомъ все то, что даетъ силу и значеніе государству. Разрозненные штаты образовали союзъ. Если обратимъ при этомъ вниманіе, что все это достигалось не тѣмъ путемъ, которыми дѣйствуетъ исполнительная власть, располагающая огромной арміей, то нужно будетъ согласиться, что въ народѣ и его учрежденіяхъ заключалась огромная жизненная сила. Новая конституція съ Уашигтономъ въ главѣ и съ помощниками, большею частью изъ числа членовъ учредительнаго собранія, служили только центромъ, сгруппировавшимъ разрозненные, но огромныя силы народа, нуждавшіяся быть направленными къ одной общей цѣли, чтобы проявить всю свою громадность.

Быстрота, съ какою началъ расти и крѣпнуть союзъ, приводила въ изумленіе даже враговъ Америки. Въ апрѣлѣ 1789 года Уашигтонъ приносилъ присягу на званіе президента, а въ іюлѣ 1790 г. онъ писалъ къ Лафайету: «въ нашихъ обстоятельствахъ произошло счастливое измѣненіе; сильнѣйшія трудности, съ которыми приходилось встрѣтиться правительству, устранены большею частію. Всѣ кажутся довольными. Противники исчезли, или по крайней мѣрѣ затаялись». А черезъ годъ тотъ же Уашигтонъ сказалъ: «Да, Соединенные штаты пользуются при повомъ управленіи счастіемъ и спокойствіемъ, какового при прежнемъ невозможно было надѣяться. Въ то время, какъ Европа стонетъ отъ войны и ожиданія военныхъ дѣйствій, у насъ каждый сидитъ надъ своимъ виноградникомъ. Никто его не беспокоитъ, ничто его не пугаетъ». На третій годъ Уашигтонъ поздравилъ конгрессъ съ превосходнымъ состояніемъ общественнаго кредита и возвышеніемъ американскихъ облигацій, какъ за границей, такъ и дома. На четвертый годъ обнаружилось огромное развитіе земледѣлія, торговли и промышленности; явилось общее довѣріе и любовь къ учрежденіямъ и законамъ союза, всѣ классы общества смотрѣли съ надеждой на блестящее будущее, и доходы государства увеличились въ необычайномъ размѣрѣ.

Что же было причиной этого стройнаго, быстрого развитія благосостоянія? Были тутъ двѣ причины: полная свобода экономической дѣятельности народа, незнавшаго никакихъ ограниченій и вмѣшательства, и внѣшняя политика Уашигтона, основанная на экономи-

ческомъ принятии. Французской республикѣ хотѣлось сильно вовлечь союзъ въ общую войну съ Англіей и съ континентомъ Европы; но Вашингтонъ съ перваго шага вступленія своего въ управленіе объявилъ, что нейтралитетъ и совершенное невмѣшательство въ смуты Европы будетъ руководящей нитью всей его внѣшней политики. Но и для поддержанія нейтралитета нужна тоже сила, поэтому Вашингтонъ заявилъ такую политическую теорію: «мы будемъ исполнять свои договорныя обязательства, но не болѣе. Для этого необходимо намъ поставить себя въ возможность самозащиты, чтобы понудить и другихъ исполнять свои обязанности относительно насъ. Если мы хотимъ избѣгнуть оскорбленій, то должны быть всегда готовы отразить ихъ силой. Хотимъ ли мы сохранить миръ, этотъ вѣрнѣйшій источникъ нашего благоденствія, то должны быть готовы къ войнѣ». Въ этомъ же смыслѣ говорилъ Вашингтонъ при открытіи третьяго конгресса и тѣ же основанія излагаются имъ, между прочимъ, въ его политическомъ завѣщаніи, служившемъ руководящей нитью американской политики до сихъ поръ. «Для насъ есть и останется основнымъ закономъ, говорить онъ въ завѣщаніи, расширять наши торговыя отношенія къ другимъ націямъ и имѣть съ ними возможно менѣе политическихъ обязательствъ. Европа имѣетъ цѣлый рядъ важныхъ интересовъ, которые не имѣютъ къ намъ никакихъ, или весьма отдаленныхъ отношеній. По этой причинѣ, та часть свѣта такъ часто запутывается въ раздорахъ, которые до насъ не относятся. Къ чему должны мы связывать себя честолюбіемъ, соперничествомъ, или призывами европейскихъ правителей, чтобы рисковать своимъ миромъ и счастьемъ. Не входить ни въ какой запутывающій союзъ, съ какою бы то ни было частью остальнаго свѣта, вотъ единственная, самой природой вещей указанная намъ политика. Изъ этого основанія вытекаетъ мое убѣжденіе, что мы не должны принимать участія въ европейскихъ войнахъ и сохранять строгій нейтралитетъ. Ничто не могло побудить меня отступить отъ этого способа дѣйствій, признаннаго мною правильнымъ и спасительнымъ. Я считалъ необходимымъ выиграть время, чтобы наши новыя учрежденія пустили корни, выросли и дошли бы безъ помѣхи до той степени силы и стойкости, чтобы мы могли сами распорядиться своей судьбой».

Вообще Вашингтонъ старался изолировать по возможности союзъ отъ европейскаго вліянія, признавая полезнымъ только торговыя и промышленныя отношенія этихъ двухъ разныхъ міровъ. Во всемъ

оставляют. Америка должна была составлять особнякъ, развивающійся по своимъ собственнымъ органическимъ условіямъ и въ своихъ собственныхъ основъ; только при этомъ условіи она могла бы, что Америка сохранить въ чистотѣ свои принципы и остаться тѣмъ исключительнымъ историческимъ явленіемъ, на пути въ которому поставили ее особенности богатой мѣстной природы и иной нравственный составъ населенія. Уашигтонъ полагалъ, что воспитаніе, получаемое молодыми американцами въ европейскіихъ университетахъ, можетъ имѣть на нихъ вліяніе, несогласное съ учрежденіями союза. Онъ желалъ, чтобы въ Америкѣ былъ учрежденъ центральный университетъ, гдѣ бы все юношество усвоивало себѣ тѣ понятія, какия необходимы для преданія союзу единства политическихъ убѣжденій и прочной связи частей». Чѣмъ согласнѣе взгляды гражданъ, писалъ Уашигтонъ, тѣмъ крѣпче связь государства. Особенное значеніе должно быть придано развитію и разработкѣ правительственныхъ знаній. Для республики нѣтъ ничего важнѣе, какъ воспитаніе молодыхъ людей въ этихъ знаніяхъ. Назначеніе юношей — быть потомъ охранителями нашихъ законовъ и вольностей. Свободному народу важнѣе всего взгляды и познанія, которыми онъ можетъ охранять свои права. Чѣмъ больше опирается правительство на общественное мнѣніе, тѣмъ общественное мнѣніе это должно быть болѣе просвѣщенно». Это желаніе Уашигтона однако не исполнилось и уашигтонская коллегія, учрежденная американцами, не получила такого широкаго значенія: она вышла заведеніемъ чисто мѣстнымъ.

Союзъ, сложившійся при обстоятельствахъ, по видимому, такъ благоприятныхъ его всестороннему развитію, заключалъ однако и ядовитыя начала, долженствовавшія отравить впоследствии весь организмъ. Голландскій корабль, провезшій первыхъ негровъ, былъ первымъ актомъ пролога той драмы, эпилогомъ которой служить настоящая американская война. Невольничество отравило въ Америкѣ все; оно развращало тамошнее правительство и чиновничество; оно создавало подлунъ и возмутительныя мѣры юга относительно негровъ и бѣднаго бѣлаго населенія. 187 тысячъ рабовладѣльцевъ принимали всѣ мѣры для того, чтобы затупить и довести до животнаго состоянія 4,000,000 невольниковъ и 7,000,000 бѣлыхъ бѣдняковъ, находившихся въ зависимомъ экономическомъ положеніи. Этихъ людей разными коварными мѣрами умѣли дѣйствительно довести до того, что они составляютъ нынче армию противъ сѣвера и дерутся съ

абсолютно готовы противъ самихъ себя, противъ той свободы, которую хотѣли имъ дать; они враждуютъ съ своими братьями и ѡбуютъ своихъ братьевъ за своихъ братьевъ. Мы полагаемъ, что читателю извѣстно; немалыя труды достигли немалыя тайныхъ результатовъ и не станемъ перечислять этихъ дѣлъ, потому что статья вышла уже и такъ велика. Приведемъ только одинъ фактъ: плантаторы отстраняли во возможности стощеніе своихъ рабовъ даже съ священниками, чтобы истины Христа не возбудили бы въ нихъ мыслей, враждебныхъ рабовладельческому принципу. Священники могли говорить только о томъ, что могло способствовать большому закрѣпленію негровъ и должны были извращать самые религіозные догматы, лишь бы сохранить для плантаторовъ жатвы хлопчатника и сахарнаго тростника въ выгодномъ размѣрѣ. Если обратить вниманіе, что ежегодный доходъ южныхъ штатовъ, составляющій около 220 милліоновъ долларовъ, распределяется почти исключительно между рабовладельцами, то причина ихъ пристрастія къ рабству будетъ, разумѣется, понятна. Что же касается до нравственнаго вліянія рабства на гражданъ юга, составляющихъ позоръ всего союза, то его можно лучше всего оцѣнить изъ извѣстной сцены въ сенатѣ между Бруксомъ, депутатомъ Южной Каролины и сенаторомъ Семнеромъ, представителемъ Сѣвера, говорившемъ въ Сенатѣ противъ невольничества. Бруксъ избилъ его до полусмерти толстѣйшей гуттаперчевой палкой. Южная Каролина въ награду за этотъ разбойничій поступокъ поднесла своему герою палку съ надписью: «бей». Дамы юга поднесли ему тоже нѣсколько палокъ. Это совершенное извращеніе человѣческихъ понятій дошло нынче только до своей апогеи, но начало ему положила благодѣтельный голландскій корабль въ 1620 году. Югъ и Сѣверъ постоянно составляли двѣ враждебныя партіи во все время существованія штатовъ; земледѣльческіе интересы юга находились въ постоянномъ противорѣчій съ чисто промышленными и торговыми интересами Новой Англіи; партіи, съ которыми приходилось улаживаться Уашигтону и которые постоянно волновали штаты, имѣютъ свое начало въ этихъ разныхъ интересахъ; федералисты и республиканцы, консерваторы и прогрессисты—все это югъ и сѣверъ. Но теперь наступило уже время покончить эту борьбу рѣшительнымъ ударомъ; сохранить ли союзъ единства или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ эта война за права человѣчества приведетъ къ концу рабство, и Америка вступитъ во вто-

рой периодъ своей общественной жизни, въ периодъ новой славы и новаго могущества. Если же юзь отстоитъ свое «домашнее учрежденіе», то этимъ онъ только отложитъ окончательное разрѣшеніе вопроса еще на сто или болѣе лѣтъ и приготовитъ своимъ внукамъ такое будущее, за которое тѣ, разумѣется, не поблагодарятъ своихъ дѣдовъ.

И. Ивс-гуновъ.

О ВЛІЯНІИ ГОРЪ И МОРЯ НА ХАРАКТЕРЪ ПОСЕЛЕНІЙ.

Не одинъ умъ человѣческій былъ главнымъ факторомъ и въ новой, европейской исторіи. До XVI вѣка, до появленія *Novum Organum* цивилизации, указанной Бэкономъ, до открытій Коперника, Галилея, Декарта, Ньютона, до появленія этихъ, по выраженію Гизо, первыхъ *penseurs libres*, до «великаго возстанія» ума человѣческаго въ XVI вѣкѣ, — природа еще могущественно направляла движеніе исторіи и властвовала надъ умами, какъ можно видѣть изъ борьбы мистика и схоластики, номинализма и реализма. Альпійскія горы Швейцаріи, не даромъ долго служили раздѣлительной цѣпью между образованнымъ греко-римскимъ югомъ и варварскимъ кельто-германскимъ сѣверомъ Европы. Уралъ составлялъ вѣковую преграду для распространенія русской колонизаціи и европейскаго образованія въ Азію, на востокъ. Не будь, представляемаго Европой, богатаго географическаго расчлененія, — исторія ея была бы другая. Счастливое береговое развитіе и разнообразное очертаніе материка, океаническое положеніе и тяготѣніе ея береговыхъ, приморскихъ странъ, естественно обусловившее открытіе Новаго свѣта, съ открытіемъ новыхъ океаническихъ материковъ, неизбѣжно вызвало, создало новое направленіе европейской исторіи и цивилизаціи. Вліяніемъ или указаніемъ самой природы вызваны многія открытія въ области естествознанія — этого главнаго и могучаго рычага современной и особенно будущей цивилизаціи.

Да, какъ ни стремится человѣчество, по словамъ К. Риттера, высвободиться изъ подъ вліянія грубыхъ натуральныхъ силъ а отдѣльный человѣкъ — отъ той глыбы земли, на которой родится, — все-таки разныя племена и народы еще во многихъ отношеніяхъ суть живые отпечатки природныхъ формъ и типовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они нарождаются и воспитываются: «Человѣкъ, говоритъ тотъ же географъ Риттеръ, есть первый членъ этихъ явленій высшаго организма. Подобно какъ всякій человѣкъ въ различные періоды своей

жизни долженъ пройти различные историческіе возрасты дитяти, юноши, мужа и старца, такъ и всякій человѣкъ въ пространствѣ служить зеркаломъ своей мѣстности. Житель Сѣвера и Юга, Востока и Запада, обитатель Альпъ, горстаго Тироля, Батавецъ—житель голландской низменности—всякій человѣкъ есть представитель своего природнаго жилища, гдѣ онъ родился и воспитывался. Въ народахъ отражается ихъ отечество. Мѣстныя вліянія ландшафтовъ на характеристику ихъ жителей, на образъ ихъ и тѣлосложеніе, на форму черепа, на цвѣтъ, темпераментъ, языкъ и духовное развитіе, неоспоримы. Отсюда и происходитъ безконечное разнообразіе явленій, равно и въ образованіи, и въ характерахъ, и въ стремленіяхъ различныхъ народовъ. Антропология и этнография, наука о человѣкѣ и народахъ, суть важнѣйшіе комментаріи для географіи и топографіи».

Предполагая въ особой статьѣ представить подробный очеркъ вліянія различныхъ природныхъ формъ и типовъ — горъ, горныхъ странъ, лѣсовъ, низменностей и степей, рѣкъ, рѣчныхъ системъ и долинъ, волоковъ, тундръ, моря и проч., здѣсь мы предлагаемъ краткій отрывокъ о сибирскихъ горныхъ поселеніяхъ каменщиковъ и о русскихъ поморскихъ поселеніяхъ.

Не одни азійскія нагорные выходцы, но и мирные русскіе колонисты, искавшіе главнымъ образомъ свободы совѣсти, испытывали на себѣ могущественное вліяніе горъ и горнаго быта. Такъ въ Алтайскихъ горахъ, въ скалистомъ Бухтарминскомъ краѣ, въ русской нагорной алтайской окраинѣ, еще въ прошломъ столѣтіи поселились разныя добровольные великорусскіе и сибирскіе выходцы, преимущественно крестьяне русскіе и ясачные. Они заселяли тамъ до 8 деревень. Поселенія ихъ извѣстны подъ именемъ *каменныхъ*; ихъ жители, говорятъ, живутъ «въ камняхъ» или «за камнями», откуда и происходитъ наименованіе *каменщиковъ* или *ясачниковъ*, такъ какъ на нихъ наложенъ былъ ясакъ. Они состояли въ вѣдомствѣ бійскаго округа Томской губерніи, теперь же находятся въ вѣдѣніи бухтарминской волости. Первоначально они платили свою дань мѣхами, впоследствии деньгами. Поводомъ происхожденія ихъ послужили въ шестидесятыхъ годахъ нѣкоторые бѣглые раскольники, весьма многочисленные въ Сибири, въ то время, когда правительство начало вызывать вѣтковскихъ, стародубскихъ, турецкихъ и австрійскихъ выходцевъ — русскихъ раскольщиковъ къ добровольному переселенію въ Россію и доброволь-

тому же поселенію, гдѣ угодно, въ низовьяхъ Волги или въ Сибири. Первые алтайскіе каменщики были выходимъ изъ Кошкватскаго горнаго округа и поселились по верховью Ульби на сѣверѣ отъ дикихъ Холсуевскихъ горъ. Но когда одинъ изъ нихъ былъ поиванъ, и открылъ притонъ своихъ прочихъ товарищей, то послѣдніе бѣжали еще далѣе въ самыя дикія, скалистыя пустыни, на востокъ отъ Бухтарминска, черезъ высокія горы, въ дебри, которыя опустѣли со времени, тогда еще недавняго, уничтоженія джунгарской власти. Однакоже, оттуда они иногда приходили въ русскія деревни Алтайскаго горнаго округа, въ которыхъ жили ихъ единовѣрцы — раскольники, подкрѣплявшіе ихъ старинныя вѣрованія и фанатическое пустосвятство. Многие изъ этихъ деревенскихъ жителей, равномерно отступившись отъ своихъ общинъ и по примѣру первыхъ раскольниковъ поселенцевъ, ушли въ скалистый бухтарминскій край съ своими женами и дѣтьми. Къ нимъ бѣжали и великорусскіе бѣгуны, бѣглые крестьяне, мѣщане и солдаты, послѣдователи только что появившагося въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія *соласія* Евѣмія — бѣглаго солдата изъ переяславскихъ мѣщанъ. Каменщики для всенароднаго свѣдѣнія и для привлеченія къ себѣ бѣгопупцевъ распространяли особые маршруты, въ которыхъ подробно описывали дорогу за Камень. Новооткрытыя горы магически притягивали бѣгуновъ. Пронувѣдуя «скрытіе», всячески домогаясь его отъ всѣхъ антихристовыхъ порядковъ и властей общественныхъ, — они очень хорошо понимали, что скалистая гора — самая лучшая крѣпость, или ограда для спасенія отъ преслѣдованій. И вотъ, бѣгуны присоединялись къ горнымъ алтайскимъ каменщикамъ. Все это новое народонаселеніе, на югѣ отъ Холсуевскихъ горъ, построило себѣ хижины въ самыхъ дикихъ горахъ Бухтарминскихъ, подлѣ самой китайской границы по горнымъ рѣкамъ Бухтармы и по притокамъ Язовой, Бѣлой и Черновой, подъ защитою скалистыхъ высотъ. Сначала они жили здѣсь совершенно мирно, занимались скотоводствомъ и земледѣіемъ и, побѣждая шагъ за шагомъ естественныя преграды, стоявшія на пути ихъ труда, были вознаграждены за свои усилія обильными жатвами. «Всѣ эти поселенія, на самой крайней китайско-сибирской границѣ, замѣчаетъ Риттеръ, заслуживаютъ вниманія, ибо принадлежатъ къ такимъ общинамъ, которыя, безъ всякаго пособія отъ правительства, развились свободно и быстро.» Они достигли полнаго благосостоянія, не смотря на то, что сложились изъ

преступниковъ, бѣглыхъ и одичалыхъ. Это одна изъ тѣхъ замѣчательныхъ колонизаций, которыя, на перекоръ естественнымъ условіямъ, создаются исключительными историческими обстоятельствами. Казалось бы, жители ея должны были наслаждаться въ тишинѣ и мирѣ богатою производительностью края, улучшать способы своего быта и, пользуясь полной свободой, невозмутимо отправлять свои религиозныя обряды. Тѣмъ болѣе этого нужно было ожидать, что горныя каменщики всѣ были старовѣры и бѣглецы, которые для того собственно и бѣжали въ горы, чтобы здѣсь свободно сохранять свои вѣрованія и обряды. Бѣгуны, кромѣ того, ничего такъ не жаждали, какъ спасительнаго «скрытія», совершеннаго разрыва всякаго сообщенія съ жителями городовъ и селъ: *града настоящаго не имамъ, говорятъ они, но грядущаго взыскуемъ*. Они желали, какъ можно подальше быть отъ людей. Но что же вышло изъ нихъ въ этихъ высокихъ скалистыхъ горахъ, гдѣ горныя породы представляютъ самыя странныя фигуры въ причудливо-величественныхъ формахъ колоннъ, корытообразныхъ углубленій, огромныхъ агрегатовъ, ущелій, вершинныхъ выпуклостей и горныхъ угловъ, гдѣ съ бурливымъ шумомъ бьются изъ скалъ въ пропасти естественныя каскады и проч. Вольный воздухъ горъ, дикая природа скалистой, страшной пустыни, оглашаемая только ревомъ дикихъ звѣрей, да гуломъ и журчаньемъ рѣкъ и ручьевъ, пустынный видъ грандіозныхъ каменныхъ грудъ, налегающихъ одна на другую, угрожающихъ обрывами, мертвое однообразіе волнообразныхъ, скалистыхъ горныхъ грядъ, гребней и снѣжныхъ вершинъ, дикая даль и глушь, идущая между скалами, по перелѣскамъ и лѣсамъ горнымъ, дикія пещеры — все это каждодневно дѣйствовало на здоровыя, мощныя натуры горныхъ каменщиковъ и дичью своей естественно одичало ихъ. Горы съ ихъ скалистыми защитами невольно внушали имъ безстрашность, смѣлость, отвагу. Просторъ горныхъ высей и далей воспитывалъ въ нихъ волю, буйную, просторную, несдержимую. Жизнь среди хищныхъ звѣрей, охота за хищными звѣрями развивала въ нихъ самыя хищныя наклонности и страсти, при отсутствіи умиряющихъ и облагораживающихъ условій просвѣщенной человѣчности и благотворныхъ началъ общественной жизни. Вдали отъ общинъ, отъ городовъ и селъ, постоянно, каждодневно, ежеминутно одни, вѣчно съ одними я тѣми же, хотя и величественными, но дикими видами скалистой горной природы, вѣчно съ однимъ и

тѣмъ же бѣднымъ умственнымъ запасомъ для бесѣды, для обмѣна мыслей и чувствъ, который такъ же жизненно необходимъ для человека, какъ обмѣнъ веществъ въ организмѣ, вѣчно на виду только другъ у друга, съ отсутствіемъ оживляющихъ, радующихъ или потрясающихъ новостей, вѣчно въ дикихъ ущельяхъ, утесахъ хребта, въ дикихъ лѣсахъ горъ, съ дикими звѣрами, съ дикою, хищной жадой добычи,—эти горные каменщики невольно должны были одичать. А вмѣстѣ съ дикостью являлась и лѣность, холодность къ мирному земледѣльческому и торгово-промышленному приобрѣтенію средствъ благосостоянія, къ честному и постоянному труду. Вольный воздухъ и просторъ горъ расширялъ грудь для вольнаго, просторнаго размаха силъ; дичь скалистыхъ горъ, гонимая дикія порывы въ одичалыхъ натурахъ. Лѣнивая жажда легкой наживы и вся атмосфера скалистой дикой природы, воспитывающая только дикихъ звѣрей и дикія произрастенія, возбуждала въ одичалыхъ горныхъ натурахъ каменщиковъ фанатически-дикіе, хищническіе инстинкты. И вотъ, такимъ образомъ, скалистыя горы, во взаимномъ дѣйствіи съ физиологическими законами, претворяли, преобразовывали горныхъ каменщиковъ изъ мирныхъ ревнителей староотеческаго благочестія, искавшихъ свободы вѣрованія, покоя, тишины и «скрытія», — преобразовывали ихъ въ самыхъ хищныхъ горцевъ; изъ мирныхъ, трудолюбивыхъ поселенцевъ-земледѣльцевъ дѣлали изъ нихъ одичалыхъ, хищныхъ разбойниковъ. Въ скалистыхъ горахъ, имъ ужъ на умъ шло не старое благочестіе, не мирное развитіе ученія Евфимія, а кружила голову, кругомъ съ вершинъ скалистыхъ горъ видѣвшаяся и манящая хищные взоры, богатая нажива на счетъ чужихъ добытковъ. Не «скрытія» ужъ они желали, а явныхъ, нагихъ, разбойническихъ набѣговъ. И вотъ, всѣ эти послѣдователи стараго благочестія стали, на горахъ Алтайскихъ, страшными хищниками; изъ согласія религіознаго обратились въ согласіе хищническое, въ банду разбойничью. Они, какъ настоящіе горцы, такъ быстро и ловко дѣлали набѣги, разбой и похищенія, что алтайское управленіе не могло ихъ изловить: чрезвычайно трудно было настигнуть виновниковъ въ ихъ отдаленныхъ дѣбряхъ. Они, между тѣмъ, все болѣе и болѣе завлекали мародеровъ, бѣглыхъ изъ горнаго округа; и не только каторжники и преступники искали у нихъ убѣжища, но даже рудокопы и заводскіе работники, отчасти даже мастера, по какому-то странному фанатизму, мечтали обрѣсти тамъ лучшій міръ. Къ этимъ без-

порядкамъ вскоре присоединились воровство, похищеніе людей, убійства и другія преступленія, отчего первоначальное сношеніе раскольниковъ въ этомъ убійницѣ обратилось въ страшное безначаліе, вызвавшее вооруженныя дѣйствія. По большей части каменщики жили тогда набѣгами и разбоями, какъ браконьеры; появлялись во всей окрестности и, считаясь лучшими стрѣлками, устрашали все сосѣдство. Головы ихъ были оцѣнены, и гдѣ только они попадались, ихъ тотчасъ разстрѣливали; однакоже дѣйствія русскихъ разбѣдныхъ командъ были вообще безуспѣшны: ихъ партіи возвращались изъ скалистыхъ доброй обыкновенно съ большимъ урономъ. Также бесплодны были надежды сосѣднихъ китайцевъ, желавшихъ отомстить имъ за многократныя набѣги на при-иртынскихъ киргизовъ, которые, впрочемъ, гдѣ только могли, платили раскольникамъ тою же монетою. Тамъхъ буйныя хищниковъ заманиваютъ и воспитываютъ скалистыя горы и дѣбри. Совсѣмъ не то мы увидимъ уже въ предгорныхъ рѣчныхъ долинахъ, равнинахъ и на умѣренно-возвышенныхъ плоскостяхъ. Это мы видимъ на тѣхъ же каменщикахъ, какъ они перемѣнились въ нынѣшнее столѣтіе, вышедши въ 1791 году изъ скалистыхъ горъ и ущелій въ предгорныя рѣчныя долины, въ сосѣдство съ мирными земледѣльческими, торгово-промышленными и горно-заводскими общинами. Другія условія окружающей природы дали и другое направленіе жизни этихъ выходцевъ.

Теперь перенесемъ съ юго-западнаго горнаго хребта на сѣверо-западный, скандинавскій. И здѣсь также весьма типично и рѣзко отпечатлѣлось вліяніе горъ на характеръ финскаго населенія. Это особенно ясно обрисовывается на лопаряхъ осѣдлыхъ, прирѣчныхъ и при-озерныхъ и на лопаряхъ *горныхъ*, кочевыхъ. Тогда какъ первые все больше и больше стремятся и привыкаютъ къ прочной осѣдлости, къ колонизаціи, порываются основать прочный торгово-промышленный бытъ на рѣчныхъ долинахъ и при-озерныхъ низменностяхъ, — такъ называемые горные лопари, напротивъ, не любятъ осѣдлости, а любятъ горныя кочевья и странствованія, постоянно переходя съ оленями съ одной горной возвышенности на другую. Прежде они даже и жили, по словамъ соловецкихъ писателей, какъ дикіе звѣри, въ каменныхъ пещерахъ, поклонялись горнымъ камнямъ и питались всякими животными и звѣрями, какія бы ни попались подъ ихъ горнохищническую руку. Правда, и лопарь-рыбакъ низменникъ въ ностройкѣ своихъ домовъ не оказалъ особенныхъ успѣховъ въ строительномъ искусствѣ,

не осан же онъ построиць домъ, то уже невольно заводить и овцу, заводить корову: черезъ это уже онъ мало по малу стацїонуруется, приближается къ прочной осѣдлой жизни. Если онъ иногда еще кочуетъ лѣтомъ и зимой, то все-таки онъ уже только на половину номадъ и образуетъ, такимъ образомъ, средній членъ между горнымъ лопаремъ и колонистомъ. Рыбаки-лопари находятъ теперь въ переходномъ процессѣ, но всѣ такіе переходы трудны, и у енарскихъ лопарей такой переходъ отъ состоянія номадовъ къ твердо-осѣдлой колонизациі мотивируется экономическимъ упадкомъ. (Кастренъ, 120—121). Какъ въ лопаряхъ-рыбакахъ прирѣчная рыболовная жизнь и рыбная пища развиваютъ слабосиліе и мягкость, даже вялость нравовъ, такъ, напротивъ, въ горныхъ лопаряхъ горная жизнь и горно-животная пища развивала наибольшую силу, свѣжесть, дикость и даже грубость. Лопари низменно-осѣдлые мягче нравами, цивилизованнѣе, развитѣе, а горные лопари, остаются дикарями, помадами, грубыми и дикими. Но мы лучше приведемъ здѣсь прекрасную характеристику глубоко-наблюдательнаго филолога Кастрена. Обрисовавши бытъ и нравы лопарей-рыболововъ, колонистовъ, Кастренъ такъ говоритъ о лопаряхъ горныхъ:

«Горные лопари въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже лопарей-рыболововъ. Это происходитъ не только отъ ихъ кочеваго образа жизни, но и отъ незнакомства съ тѣмъ языкомъ, на которомъ до сихъ поръ преподавалась религія.... По настоящему древнему обычаю жителей сѣвера, онъ (горный лопарь) любитъ отстаивать свое на основаніи кулачнаго права; онъ часто дерзокъ на словахъ, и грубъ, и высокомеренъ въ обращеніи. Иначе и быть не можетъ, ибо горные лопари, хотя уже и приняли христіанство, но все-таки принадлежатъ къ числу дикихъ народовъ. Эта дикость, очевидно, проявляется уже въ ихъ наружномъ образѣ жизни. Начать съ того, что они, подобно большей части другихъ дикарей, живутъ въ жалкихъ шалашахъ.... (Дальше Кастренъ описываетъ устройство этихъ шалашей, *waatte*).... Самъ онъ (горный лопарь), съ своею прислугою, слѣдуетъ за стадомъ оленей и располагается иногда въ какомъ нибудь свѣжномъ сугробѣ, а иногда въ такъ называемой *лавуу*, жилищѣ, которое своимъ устройствомъ уступаетъ даже обыкновенному шалашу, *waatte*... Такія странствованія, по показанію Кастрена, совершаются два раза въ мѣсяцъ. Кромѣ того, горные лопари весною отправляются къ морскому побережью, а осенью возвращаются на горы. Какъ ни

затруднительны такія путешествія ; но еще большимъ неудобствомъ горный лопарь подвергается отъ постоянного надзора за своими оленями. День и ночь онъ долженъ охранять этихъ животныхъ отъ волка, этого хитраго врага, который изъ за куста выжидаетъ удобнаго случая, чтобы напасть на добычу.... Въ древесной корѣ, которая (сверхъ мяса и хлѣба) составляетъ важную пищу для лопаря-рыболова, горный лопарь не имѣетъ надобности прибѣгать.... Изъ представленнаго выше краткаго очерка видно, что лопарь-рыболовъ въ нравственномъ отношеніи стоитъ гораздо выше своего собрата, живущаго на горахъ. Наконецъ, я также старался показать, что горный лопарь въ своемъ образѣ жизни болѣе дикъ и менѣе цивилизованъ, чѣмъ лопарь-рыболовъ. Послѣдній большую часть зимы проводитъ у себя дома въ комнатѣ, быть можетъ въ черезъ чуръ безмятежномъ спокойствіи, тогда какъ горный лопарь долженъ переносить холодъ, бурю и непогоду, и вообще вести жизнь, которая болѣе похожа на жизнь дикихъ звѣрей, чѣмъ на людскую... Надо стараться направлять лопарей-рыболововъ не къ горамъ, не къ норвежскимъ фюрдамъ, а къ той дѣли, къ которой они сами безсознательно стремятся, а именно къ совершенно осѣдлому образу жизни».

Съ горъ поморскихъ сойдемъ на берегъ моря. Здѣсь *Море* и *Горы*,—какъ дѣляютъ русскіе поморцы все свое обширное поморье,—были главными естественными факторами въ физиолого-этнографическомъ образованіи, воспитаніи и развитіи русскаго и финскаго народонаселенія. *Море* испоконъ вѣка, изначала, стало стихіей поморцевъ, владыкой жизни и смерти ихъ. *Горы*, т. е. прибрежныя, скалистыя и лѣсныя нагорья, прирѣчныя и приозерныя возвышенности надъ уровнемъ моря, болотныя мѣста поморскія,—испоконъ вѣка стали стихіей финскихъ племенъ — Лопарей и Корелловъ, ихъ жизнью и смертью. Море на волнахъ своихъ взлелѣяло, вскормило изъ новгородцевъ могучихъ, вѣрлихъ, здоровыхъ, въ высшей степени смышленныхъ поморцевъ, и такимъ образомъ довело ихъ до физиологическаго преимущества предъ горными и болотными лопарями и корелами. Горы или болотныя, материковыя земли поморскія задавили, уронили, низвели до глубокаго паденія финское племя, и такимъ образомъ подчинили ихъ вліянію могучихъ поморцевъ. И вотъ по какому физико-экономическому закону природы совершился этотъ процессъ. Въ сѣверномъ, полярномъ поморьѣ, въ суровомъ, полярномъ климатѣ, на безплодной, скудно-жизненной полярной почвѣ, природа устроила свою великую экономію такъ, что съ полярнымъ холодомъ, съ полярнымъ

ускореннымъ и обильнымъ вдыханіемъ кислорода соразмѣрила потребность, количество и качество полярной пищи; соразмѣрила потребность и напряженность полярнаго движенія, со степенью напряженія и движенія жизни; соразмѣрила правильно-пропорціональную убыль тканей жизни и потребность прихода, добычи матеріала для возстановленія этихъ тканей жизни. Тутъ, слѣдовательно, въ этой физической средѣ усиленно-напряженной разрушительности, необходима соразмѣрная среда и усиленно-напряженной производительности. И вотъ, природа, рядомъ съ маложизненною, скудною средою полярнаго поморья, гдѣ разрушеніе преобладало надъ жизнью, убыль, потеря, расслабленіе надъ прибылью, добычею и укрѣпленіемъ, — природа рядомъ съ этой задерживающей жизнь средою устроила огромный, безпредѣльный, неисчерпаемый резервуаръ жизни, резервуаръ и источникъ матеріаловъ, средствъ для жизни—устроила море и океанъ. Кто хотѣлъ только жить здѣсь, въ суровомъ полярномъ поморьѣ, вволю—вѣрно и постоянно обезпеченно, тотъ долженъ былъ полагаться не на скудную, полярную сушу, не на эти корело-лопарскія горы или болота, озера и мхи, а на море, «на океанъ-море,» какъ говоритъ нашъ народъ. Потому что и та скудно-жизненная суша, какую представляло сѣверное, полярное поморье, могла еще больше оскудѣть, и дѣйствительно съ теченіемъ вѣковъ оскудѣвала, отъ непрерывныхъ, ничѣмъ невознагражденныхъ, тысячелѣтнихъ издержекъ и запросовъ на нее, какія предъявляли то горные и лѣсные лопари и корелы, то волки и медвѣди, то дикіе олени и проч. Дорогіе звѣри, какъ напр. выдры, бобры, единственно обезпечивавшіе безбѣдное существованіе, изводились. Съ убылью или истребленіемъ лѣсовъ и другіе звѣри исчезали. Волки, по безпрестаннымъ и слезо-плачевнымъ жалобамъ лопарей, облавами рыская, беспощадно истребляли и изгоняли оленей. Рыбныя рѣчки, рѣчки и озера испоконъ вѣка всѣ распределены были на половины, на юзы и лужи отдѣльными, участковыя: да и рыба озерно-рѣчная была не совсѣмъ достаточной пищей по сѣверному, полярному климату. А почва полярно-поморская ужь испоконъ вѣку была обречена на безплодіе, на безхлѣбіе: «по всему поморью, такъ постоянно писали въ своихъ челобитныхъ поморскія крестьяне, по всему поморью земля пришла каменная, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ нобиваетъ.» Что же оставалось тамъ для прочнаго, постоянно вѣрнаго обезпеченія поморской колонизація и жизни? Что могло обусле-

вить тамъ господствующее населеніе, господствующее фзіолого-этнографическое развитіе, господствующій народъ? Море, только океанъ—море, съ его неисчислимыиъ, неисчерпаемыиъ, жизненнымъ содержаніемъ. И вотъ, Новгородцы, во естественному же инстинкту жизни, какъ только узнали о сѣверномъ морѣ-океанѣ, такъ пошли туда сначала только на временные промыслы, а потомъ и на постоянное поселеніе. Но инстинктивному чувству жизни, они сейчасъ поняли, что не *Гора* поморская, скалистая, бесплодная, не земля болотная, каменистая и мшистая, должна была кормить, содержать, обезпечивать и обогащать ихъ, а море. Сама природа избытокъ, развитія и жизни показала не въ скудныхъ, однообразныхъ, тонкихъ формахъ полярнаго, береговаго, поморскаго материка, а въ глубинахъ и безпредѣльныхъ омутахъ моря, въ чудныхъ строеніяхъ, формахъ и движеніяхъ естества морскаго. Море преобладало надъ сушей, надъ матерой землей поморья, слѣдовательно и морскія формы и источники жизни должны были преобладать надъ развитіемъ скудныхъ, исключительно материковыхъ формъ жизни. У моря жить, кормить и кормиться: къ такому неизбежному убѣжденію пришли русскіе поселенцы у моря. Море для нихъ стало жизненной стихіей, море — все для нихъ. Древнія жизнеописанія поморскихъ святыхъ почти исключительно наполнены описаніями о морской жизни и дѣятельности, о морскихъ промыслахъ, новгородскихъ поморцевъ поселенцевъ, о морскихъ юрвахъ и юрвонинахъ, о морскихъ приключеніяхъ съ ними, о морскихъ буряхъ. Эти описанія наполнены легендами о морскихъ чудесахъ поморскихъ святыхъ, которые изображаются въ нихъ какъ то морскими героями-полубогами. Море представляло для поморскихъ писателей самый поэтический, возвышенный предметъ описанія. Въ найденныхъ рукописяхъ Соловецкой бібліотеки намъ доводилось читать живописныя, поэтическія изображенія Ледовитаго моря, его волнъ и бурь, ледяныхъ глыбъ и горъ, его теченій и переселеній живущихъ въ немъ рыбъ. Но самое главное, насущное, жизненное значеніе моря для русскихъ поморцевъ всегда было то, что оно для нихъ заимѣло панини, заимѣло все. «Море, говорятъ поморцы, наше поле: даетъ Богъ рыбу, даетъ Богъ хлѣбъ». Море, по поморскому же присловью, хоть и горе, а безъ него ему вдвое (387). Моремъ, отъ избытка широкихъ даровъ его, поморецъ русскій и увлечается и гордится. «Эка благодать! говорилъ г. Максимову одинъ поморецъ «Эка благодать — матушка! Эко привольное раздолье, жисть

лагодатная!... Міроданіе божеское!... Море—это горе! а безъ него—кажись, вдвое. Что у васъ тамъ... въ Расей-то, есть зкое-то?» прихвастнулъ хозяинъ и, получивши отрицательный отвѣтъ, еще больше приударилъ на свое: «то-то, вѣдь нѣтъ!.. Ину пору, правда, и тоска беретъ, адакъ въ непогодь-то, али-бъ на берегу сидя, а понакъ вотъ въ такую благодать, такъ слезными рыданіями не прочь удовольствіе себѣ получить... не сошелъ бы съ палубы!»... Такимъ образомъ море совсѣмъ иначе дѣйствовало на складъ характера и образа жизни своихъ поселенцевъ, чѣмъ горы; оно развивало умъ предприимчивый и сильнуюмышленность. Не даромъ Ломоносовъ вышелъ изъ поморья, на которомъ онъ былъ вкормленъ съ дѣтства, и о которомъ у него сохранились глубокія воспоминанія. Море вкормило, вскормило изъ новгородцевъ мускулистыхъ, мощныхъ, крѣпкихъ, здоровыхъ, и, главное, изумительно предприимчивыхъ поморцевъ. Кто первый открылъ новую землю, Обь, Чуецкій носъ? Поморцы. Кто первый смѣло пошелъ по всей безпредѣльной матушкѣ Сибири промышленать пушнымъ звѣремъ? Поморцы. Кто первый заселилъ Сибирскіе города, распахалъ первые пашни—десятины въ Сибири? Опять поморцы. А всю эту могучую, подвижную мускулатуру поморца, всю эту богатырскую смѣлость и предприимчивость воспитало море, воспиталъ колярный воздухъ морской. Море для помора—пашня несущая хлѣбъ насущный, отъ Мезени до Колы, до Мурмана. Русскіе поселенцы поморья съ разу это поняли,—и потому и не осѣлись, не зацаѣспевѣли на шипящихъ, береговыхъ, болотныхъ земляхъ, какъ финское племя, и тотчасъ пустились въ море. Вотъ какъ одинъ поморецъ объяснялъ г. Максимова значенію моря! «Вонъ лѣта-то наши, видишь, какъ у насъ все холода стоять; гдѣ ему тутъ, хлѣбушку уродиться? Не уродиться ему; коли и хорошее лѣто задается. Вотъ и посѣешь, и надежду на это большую положимъ, и ждемъ, и въ радость приходимъ; взойдетъ наше жито, и сѣмя нальется, а тамъ гляди, изъ каждой ишины и пошелъ словно паръ туманомъ: все и прихватить, и позабнеть твой хлѣбъ—твой труды. Изъ чего тутъ биться, къ какому концу приведешь себя? ни къ какому; вѣрь ты слову! Вонъ, коли хочешь, поле-то наше, все оно тутъ на лицо! Продолжалъ поморецъ, опять указывая на море. Это поле и пахать не надо: само, безъ тебя, рождаетъ. Вотъ откуда ны хлѣбушко-то свод добываемъ, и сеошибаешь, ей Богу!... (1, 80).» Это въ одномъ концѣ поморья такъ рассуждали о морѣ—поморы архангельскіе и онежскіе. А вотъ слышится такое же похвальное слово

морю и морскимъ промысламъ въ другомъ концѣ поморья, на терскомъ и кольскомъ берегу. «У промыслового и поморскаго народа одна забота, говорить г. Максиму Кольскій поморецъ, — и конецъ одинъ. Гляди ты на море, да полюби его, да не жалѣй своей души многогрѣшной, хорошо будетъ! Море наше, гдѣ ни возьми, вездѣ съ рыбой, вездѣ, стало быть, съ добычей Разноты тутъ большой не видать: у насъ вотъ переметами рыбку-то ловятъ, а здѣсь, вишь, хорвами. А присмотришься ко всему этому, такъ тоже самое и выйдетъ. Нѣтъ, вѣдь, нашъ народъ Кольскій издавна за толкомъ-то къ сосѣду не ходитъ. Не спуста и пословка такая идетъ, что «городъ де нашъ Кола—крюкъ, народъ—уда, что слово, то и зазубра.» И это такъ, и на это обижаться—грѣхъ. Нашего брата закинутого, поморскаго человѣка домъ-отъ не держитъ: такъ и непривыкаешь къ нему. Мы домой-то только ходимъ отогрѣться, да праздникъ большія, по закону отцовскому, христіанскимъ образомъ, честно править. Попьешь, пображничаешь съ ромомъ норвежскимъ недѣлю—другую, да и опять потеплѣй одѣваться, опять въ море лѣзешь. Лѣтомъ кого ты въ Колѣ увидѣлъ?... Лѣтомъ мы всё на Мурманѣ треску, семгу, палтасну ловимъ до поздней осени, когда и къ берегамъ ледяные припаи пристынуть, и губы всё въ сплошной ледъ закуетъ, и въ морѣ заплаваетъ сало—снѣгъ, такой мокрый, что масло коровье... И мы къ дому бѣжимъ на отдыхъ... Вотъ и все тутъ, все наше ликованье, вся радость и земная, и небесная (1, 317).»

Такии рѣзкими чертами обозначаетъ природа первые зародыши человѣческихъ обществъ. Пока человѣкъ не одолѣетъ ея силу, не подчинитъ ихъ своему вліянію, эти естественныя силы неотразимо дѣйствуютъ на развитіе всѣхъ его умственныхъ и нравственныхъ способностей. Онъ подчиняется этимъ силамъ наравнѣ съ другими животными; онъ принимаетъ отъ нихъ вмѣстѣ съ необходимыми средствами жизни и первыя понятія, вѣрованія, надежды, или отчаяніе; такъ что по характеру мѣстности и окружающихъ физическихъ явленій мы совершенно вѣрно можемъ судить о самомъ характерѣ первыхъ приморскихъ или нагорныхъ поселеній. Только впоследствии, когда историческая жизнь проходитъ длинное пространство вѣковъ и развиваетъ самыя прочныя общественныя формы, — это вліяніе ослабѣваетъ, но оно никогда не исчезаетъ въ народномъ типѣ.

А. ИЦЕНОВЪ

СОВРЕМЕННЫЕ ИТАЛЯНСКИЕ ПОЭТЫ.

Джузеппе Джусти.

II.

Съ появленіемъ на свѣтъ стихотворенія «Сапогъ» (lo Stivalo) въ 1836 г. начинается извѣстность Джусти, какъ политическаго дѣятеля и какъ поэта, во всей Италиі.

Я предполагаю, что историческое положеніе Италиі того времени извѣстно читателямъ, хотя въ общихъ характеристическихъ чертахъ; а потому и не распространяюсь о немъ. Расскажу въ нѣсколькихъ словахъ то внутреннее состояніе умовъ въ Италиі въ это время, которое легко можетъ быть неизвѣстно тѣмъ, кто знакомъ только съ официальною, внѣшнею исторіею итальянскаго движенія.

Когда, съ паденіемъ возстанія въ Романьяхъ, карбонаризмъ выказался во всей своей несостоятельности и пустотѣ, общественное мнѣніе въ Италиі потеряло, по выраженію Джусти, *la bussola e l'alfabeto*: компасъ и азбуку; т. е. не знало, чѣмъ руководиться для дальнѣйшаго продолженія дѣла, отъ котораго отказаться было невозможно. Старый революціонный кумиръ съ своимъ мистицизмомъ и католически-іерархическимъ устройствомъ не былъ дорогъ никому; но онъ служилъ «и компасомъ и азбукою;» отъ него ждали больше, чѣмъ онъ могъ дать, и въ него вѣрили. Утративъ этотъ мнимый центръ, всѣ разнохарактерные элементы движенія бродили врознь, не нитя между собою ни одной

общей вѣры, ни одной практически установленной, или хотя только теоретически опредѣленной точки, на которой бы могли сойтись они, соединить свои силы. Старый міръ въ Италиі падалъ очевидно, и падалъ не только въ своихъ, рутинною преданныхъ проклятью, мрачныхъ проявленіяхъ, но и со всѣми своими радужными надеждами, величаво прекрасными стремленіями, на осуществленіе которыхъ не оказывалось въ немъ ни силъ, ни даже рѣзко опредѣленныхъ желаній.

Такъ прошли тяжелые два года въ жалкихъ ссорахъ между собою мелкихъ партій и политическихъ сектъ, пока наконецъ не явилась «Молодая Италия». Между паденіемъ карбонаризма и *Молодой Италией* появляется одна личность блестящая и сильная—Чиро Менотти, готовый дать новый толчекъ замиравшему, или по крайней мѣрѣ начинавшему разлагаться, итальянскому движенію. Менотти для насъ все еще загадочная личность. Онъ едва успѣлъ промелькнуть на поприщѣ общественной дѣятельности, и умеръ на висѣльцѣ. Короткой карьеры его было достаточно ему для того, чтобы возбудить самую богатую надежду въ своихъ соотечественникахъ, чтобы сдѣлать надолго дорогою для нихъ его память. Но онъ не успѣлъ даже «объяснить себя»—сдѣлать доступнымъ всѣмъ то, за что самъ онъ сложилъ свою умную голову...

Стихотвореніе Джусти: «*Самоз*» появилось въ то время, когда мысль итальянскаго единства, хотя встрѣченная живымъ сочувствіемъ всѣхъ сословій и классовъ, еще далеко не всѣми была понята, по крайней мѣрѣ, въ тѣсной связи своей съ коренными вопросами существованія каждаго гражданина. Еще довольно молодымъ человѣкомъ, — такимъ однимъ словомъ, какимъ онъ былъ, когда писалъ свой «Балль» и обличительныя сатиры, — Джусти принималъ весьма отдаленное, правда, и какое-то косвенное, участіе въ возстаніи Романій. Чѣмъ именно ограничивалось это участіе въ послѣднемъ заговорѣ умиравшаго карбонаризма, я не могу сказать съ точностью; мнѣ не удалось достать никакихъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ событіи изъ жизни разбираемаго мною поэта. По всей вѣроятности, участіе это было болѣе пассивное; по крайней мѣрѣ, оно не навлекло на него даже гоненій со стороны подозрительной велико-герцогской полиціи...

Джусти вообще не былъ и отъ природы заговорщикомъ. Впечатлительный и раздражительный до крайности, онъ мало внушалъ къ себѣ довѣрія даже въ людяхъ, знавшихъ близко и его самого, и честиость его мнѣній, и искреннюю его привязанность къ своимъ убѣжденіямъ и

общему дѣлу. Но Джусти былъ трусъ, подозрителенъ, какъ тосканскій контадинъ и какъ мужики всѣхъ странъ міра. Эта странная непослѣдовательность — удѣлъ весьма многихъ писателей и поэтовъ, людей мысли и созерцательности болѣе, чѣмъ дѣйствія. Многое можно бы было сказать по этому поводу и не столько въ оправданіе самого Джусти, сколько вообще человѣка. Но я также мало склоненъ оправдывать его, какъ и обвинять за что бы то ни было. Мнѣ не по душѣ становиться на точку зрѣнія исправительной полиціи по отношенію къ человѣку, умершему больше десяти лѣтъ тому назадъ, и я вовсе не считаю это обязанностью біографа. Мы, и въ самыхъ судейскихъ процессахъ въ *Gazette des Tribunaux*, и въ полицейскихъ слѣдствіяхъ, ищемъ одного — ищемъ человѣка, ищемъ уловить жизнь въ многообразныхъ проявленіяхъ, а не осуждать или оправдывать, не вѣшать, не раздавать лавровые вѣнки или другія вещественныя отличія невѣщественнымъ доблестямъ...

Предоставляя это похвальное занятіе тѣмъ, кому оно прійдется по душѣ, я возвращаюсь къ Джусти...

«Ты мнѣ напоминаешь Самсона», говорилъ нашему поэту Гверрацци, — «но такого Самсона, который, разрушая храмину надъ филистимлянами, самъ дрожитъ отъ страха, чтобы осколки штукатурки не разбили ему носъ».

Характеристика эта до крайности вѣрная. Джусти всю свою жизнь дрожалъ передъ сбирани и полиціантами, которыхъ безпощадно клеймилъ въ своихъ стихахъ. Можно бы отъ души пожелать, чтобы этой черты не было въ характерѣ самаго народнаго изъ итальянскихъ поэтовъ. Но съ другой стороны, если бы въ Джусти не было этой, весьма не-симпатической для современнаго человѣка, трусости, контадинскаго себялюбія и т. п., не было бы, можетъ быть, въ немъ много того, что именно и дѣлаетъ его личность дорогою итальянцамъ, — не было бы и самаго Джусти. Будемъ же брать живое лицо такимъ, какъ оно есть, не подгоняя его подъ заранѣе придуманныя и заготовленныя на всякій случай рамки совершенства... Гѣте еще гораздо прежде меня замѣтилъ, что добродѣтели и недостатки наши растутъ на одномъ стеблѣ...

Благодаря, можетъ быть, этой самой чертѣ, во всемъ Джусти такъ много простодушной наивности, что самъ Леопольдъ II, послужившій предметомъ не одному изъ обличительныхъ стихотвореній, щадилъ его.

Поэтъ, однако же, не дѣлалъ ровно ничего, чтобы заслужить покровительство высокопоставленныхъ меценатовъ. Покровительство ограничи-

ваюсь чисто отрицательными поступками: Джусти не преслѣдовалъ, не сажали въ тюрьму, чему отчасти способствовало и то, что онъ умѣлъ всегда во время укрыться отъ невагоды въ своей родной деревушкѣ...

Участье, принятое имъ въ романскомъ возстаніи, какъ ни было оно пассивно и непримѣтно, имѣло для самого поэта весьма благія послѣдствія. Оно сблизило его съ людьми, если и уступавшими ему въ талантливости натуры, то болѣе сильными, чѣмъ онъ, систематическимъ развитіемъ мысли, практическимъ знакомствомъ съ дѣломъ и жизнью. Между новыми его друзьями были люди, въ свою очередь скоро добившіеся весьма лестной извѣстности на разныхъ поприщахъ: Монтанелли, Гверрацци занимали между ними первое мѣсто. Благодаря имъ, онъ скоро вышелъ изъ подъ вліянія братьевъ d'Azelio, диллетантовъ по всемъ родамъ политической и художественной дѣятельности, и тому подобнымъ.

Новые друзья эти очень скоро вовлекли Джусти въ самый водоворотъ кипѣвшаго тогда, въ полной силѣ возродившейся юности, итальянскаго движенія. Мысль въ немъ крѣпла отъ болѣе серьезнаго сближенія съ предметами, которые всегда были близки его душѣ. Воспріятая его талантливую натуру, быстро переработавшаяся въ его сознаніи народная итальянская мысль, вылилась наконецъ въ художественной, вполнѣ народной и всемъ доступной формѣ, въ его стихотвореніи «Сапогъ».

Это аллегорическое изображеніе Италіи, изображеніе которой на географической картѣ вмѣстѣ съ Сициліей, очень похоже въ самомъ дѣлѣ на сапогъ, съ высокимъ голенищемъ...

На нѣсколькихъ страничкахъ, весьма звучными и остроумными стихами Джусти передаетъ историческую мысль существованія Италіи, мысль, развившуюся вѣками, и передаетъ съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ къ несчастному положенію *della madre patria*, съ такой поэтической любовью и вѣрою въ лучшее будущее, которую могъ носить въ себѣ только мыслитель, одаренный высокимъ поэтическимъ талантомъ. Передавать подробно содержаніе такихъ произведеній невозможно. Чтобы познакомить сколько нибудь съ ними тѣхъ изъ моихъ читателей, которымъ не случится прочитать его въ оригиналѣ, привожу нѣсколько строкъ. «Сапогъ» говоритъ о себѣ:

«Изъ числа родовыхъ загорныхъ (altramontani) диллетантовъ, пробовавшихъ надѣть меня на свою ногу, былъ какой-то пиковый король. Трудился онъ руками и ногами, и все же долженъ былъ убраться съ но-

сомъ, когда Каплунъ *), ревнуя своихъ курочекъ, погрозился ему затревожить въ колокола.

«Въ это время, или немножко позже, выскочилъ изъ аптеки профессоръ медицины, чтобы доканать меня. Для этого онъ затѣвалъ всякія хитрыя штуки, клеветы, измѣны, которыя тянутся, съ его легкой руки, цѣлыя триста лѣтъ».

«Онъ сталъ меня чистить и холить, убралъ меня побрякушками **), и, съ помощью размягчающихъ снадобій и обмановъ, зачистилъ меня до того, что изодралъ мнѣ кожу. И всѣ тѣ, которымъ я доставался съ тѣхъ поръ, обращаются со мною по рецепту и предписаньямъ этой влодѣйской, проклятой школы».

«Я сталъ переходить изъ рукъ въ руки; куча гарпій набросилась на меня. Прошелъ я черезъ Галла и Каталлонца, и намучился же. Они дрались изъ за меня. Донъ-Кихоту посчастливилось, но я достался ему распоранный по швамъ».

«Тѣ, которые видѣли меня на его ногѣ, говорятъ, что онъ носилъ меня прескверно. Онъ перегрузилъ меня ваксой и лакомъ. Меня называли *Chiarissimo*, *Illustrissimo*; но изподтишка онъ меня подтачивалъ, и оставилъ меня еще больше истрепаннымъ, чѣмъ прежде».

«У меня оставалась на самой срединѣ голенищи пурпуровая лилія на память минувшаго величія и благоденствія. Но Папа-мулъ—*il Diavolo l'abbia in gloria* — отдалъ и ее варварамъ съ уговоромъ, чтобы они изъ моего цвѣтка сдѣлали вѣнецъ его сынишкѣ мулату ***).

— Съ тѣхъ поръ со мною не церемонились. Употребляли клещи и другія орудія, такъ что я постоянно отъ дождя да попадалъ подъ жолобъ. Сбирьы и всякая сволочь выдѣлывали со мной всевозможныя подлости *et dividerunt vestimenta mea...*» и т. д.

*) Каплунъ *Caronne*. Слова Каппона Карлу VII: *Sonate le vostre trombe, e noi sonerem le nostre campane*, заставившія этого короля уйдти съ войскомъ изъ Флоренціи.

***) Обѣ эти строфы относятся къ Медичи, которые, какъ извѣстно, разбогатѣли отъ торговли аптекарскими снадобьями. Начало третьей строфы: «онъ сталъ меня чистить» и пр., относится собственно къ Лоренцо Медичи, прозванному *il Magnifico*. Вообще же Джусти не специализируетъ факты, и характеризуетъ цѣлыя династіи и эпохи въ одной или двухъ строфахъ.

****) Папа Климентъ, содѣйствовавшій занятію Италіи императоромъ Карломъ V за то, чтобы тотъ утвердилъ во Флоренціи незаконнаго его сына отъ одной нехвѣстной негротяжки—Александра Медичи.

— И вотъ я теперь въ грязи, пренебрегаемый всѣми, разорванный на клочки... Жду уже я давно ноги, которая бы оживила меня и страхнула съ меня грязь и плѣсень. Но, конечно, ни нѣмецкихъ, ни французскихъ ногъ мнѣ не надо, а хотѣлось бы своей родной ноги.

— Я уже попробовалъ ноги нѣкогого господина, который бы могъ найти во мнѣ лучшей сапогъ въ свѣтѣ, если бы онъ не былъ обуреъ духомъ бродажничества и не истаскалъ бы мою последнюю шленку. Но увы! въ своихъ бродажничествахъ онъ набрелъ на такой снѣгъ, что отморозилъ себѣ обѣ ноги на подорогѣ... и т. д.

Это стихотвореніе Джусти, — гдѣ могло въ печати, а не то рукописное, — распространилось съ баснословною быстротою по всей Италіи. Отъ Турина и до Палермо, оно стало любимымъ стихотвореніемъ студентовъ, и за ними всей молодежи. Венеціанское возстаніе 1848 г. начинается тѣмъ, что падуанскіе студенты, выгнанные массами изъ университета за демонстраціи противъ тедесковъ, гуляютъ по венеціанскимъ улицамъ съ трубками въ видѣ сапога. Толпа рукоплещетъ имъ. Агенты Райнвери и полиціанты должны были отбивать революціонный курительный снарядъ австрійскими штыками и тесаками...

Слишкомъ десятилѣтній періодъ дѣятельности Джусти, отъ появленія «Сапога» и до самаго возстанія въ Тосканѣ, является самымъ свѣтлымъ промежуткомъ всего его существованія. Минутами онъ падаетъ еще, и довольно низко; минутами онъ холоденъ и мраченъ, онъ хандритъ. Но вообще онъ процвѣтаетъ въ это время. Полныя огня и жизни сатиры, ѣдкія, льющіяся раскаленнымъ свинцомъ на отверженные головы, выходятъ все чаще и чаще изъ подъ его пера. Его небольшая и непереводимая ни на какой языкъ: «Застольная пѣснь: Джурелла» *) достигаетъ такой высоты, до которой и самъ Джусти доходилъ рѣдко. Мѣткая, какъ прозвище, данное русскимъ мужикомъ Плюшкину, она какъ-то приростаетъ къ имени почтеннаго дипломата. Едва ли хоть одинъ итальянецъ въ состояніи, услышавъ имя Талейрана, не повторить про себя припѣвъ Застольной пѣсни Джусти, посвященной этой великой ничтожности.

Viva Arlecchini
Eburatini
Grossi opiccini;

Viva le maschere
D'ogni paese,
Le giunte, 6 Club, i principi e le Chiese.

(*Brindisi di girella.* Стихотв. Джусти. стр. 96. изданіе Барберы 1861 г..)

*) *Джурелла* — *Girella* отъ глагола *girare* — олюгеръ, повараживающійся по направленію вѣтровъ.

Одинъ новѣйшій изъ итальянскихъ биографовъ Джустини пресерьезно утверждаетъ этого поэта за то, что онъ находилъ время и возможности писать въ промежуткѣ между эпитафией *lo Stivalo* и «Землею Мертвыхъ» (о которой сейчасъ скажу нѣсколько словъ)— двумя высокопатріотическими-эпитафийными стихотвореніями, дѣсанки, лишенная всякаго политическаго содержания, иногда даже спокойно эпикурейскія и т. п. Не знаю, насколько это разнообразіе таланта даетъ право заключать намъ о томъ, что поэтъ только талантомъ, а не сердцемъ, не всѣмъ существомъ своимъ поваль современныя вопросы и искренно сочувствовалъ имъ. Относительно Джустини всякое подобное разсужденіе было бы не у мѣста. Исключая послѣдніе годы его жизни, можно сказать, что онъ не сказалъ ни одного слова, которое бы было вполнѣ лишено общественнаго значенія. Какъ бы глубоко не сочувствовалъ человѣкъ общественному или даже личному своему, или чьему нибудь горю, если только онъ одаренъ живымъ впечатлительностью, онъ не можетъ вѣчно скорбѣть, отчаиваться, саранжатавать зубами подъ опасеніемъ сдѣлаться аскетомъ. Джустини не уходитъ въ фивадскія степи, а остается жить въ обществѣ, гдѣ ежеминутно новыя люди, новыя событія и столкновенія вызываютъ въ немъ рядъ ощущеній, которыя требуютъ высказаться. Онъ не сбиваютъ его съ пути, съ мыслей лежащей въ основѣ его существованія. Мы часто любуемся красотой пейзажа, заглядываемся на красивое лице молодой женщины, когда ѣдемъ по своей или по казенной надобности съ раннею зарею; но вѣдь это нисколько не мѣшаетъ намъ не забывать своего дѣла, не уклоняться отъ его исполненія, когда мы до него наконецъ добрались.

Одна струна, въ особенноти напряженная въ немъ, звучитъ сильнѣе другихъ, и чутье другихъ откликается на малѣйшій призывъ. Это все тоже стремленіе къ лучшимъ судьбамъ, къ свободѣ и къ счастью. Чѣмъ сильнѣе и сознательнѣе въ человѣкѣ эти стремленія, тѣмъ больше увидетъ онъ выходить изъ своего узкаго я, тѣмъ шире поле его дѣятельности. Это узкое свое я кажется ему черезъ-чуръ мелкимъ для сочувствія общенародной жизни, и онъ стремится объять, заключить въ себѣ все болѣе и болѣе полную единицу; онъ вмѣщаетъ въ себѣ наконецъ все человѣчество. Однимъ изъ моментовъ этого внутренняго процесса, когда человѣкъ въ себя впускаетъ всѣхъ собратьевъ своихъ, связанныхъ съ нимъ единствомъ развитія, воззрѣній, стремленій, или единствомъ воспоминаній дѣтства и пр., кровнымъ единствомъ соотечественности. На этомъ моментѣ останавливается разви-

тѣ Джусти. Онъ, никогда серьезно не любившій ни одной женщины, переноситъ на свою Италию весь запасъ своей поэтической любви. Не любовникъ не платоническій, онъ не альбомные стихи пишетъ ей и не описываетъ ея красы въ антологической формѣ. Онъ живетъ ея горемъ, ненавидитъ ея притѣснителей, горитъ стыдомъ и позоромъ при видѣ своихъ соотчичей, погразшихъ въ дразгахъ и мелочахъ своего гуртоваго рабства.

Любовь къ родинѣ — чувство національности — послужила тому несметному количеству дифирамбовъ, одъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Приходитъ время сдѣлать и это, конечно очень возвышенное и очень похвальное, чувство предметомъ науки. Не въ биографіи итальянскаго сатирика, не въ промежуткѣ между двумя главами какой нибудь статьи можно изложить тѣ нормы, законы, сообразно съ которыми живетъ и развивается это чувство въ душѣ чловѣка и чловѣчества, и вывести потомъ изъ этихъ законовъ положительныя научныя данныя на счетъ того: какую роль должна играть національность въ общественномъ устройствѣ? Нѣтъ. Вопросъ этотъ слишкомъ важный; а рѣшеніе вопросовъ какихъ-бы то ни было, не терпитъ суеты...

Но не моя вина, что мы живемъ въ такое время, когда ни одному вопросу не дано еще окончательнаго рѣшенія, — такого, которое бы удовлетворяло всѣхъ и могло бы быть слано въ архивъ до представившейся въ немъ надобности. Конечно, въ рѣшеніяхъ на всевозможныя вопросы недостатка не чувствуется; но одно то уже, что ихъ такъ много, показываетъ, что настоящаго рѣшенія все еще нѣтъ. Первое, вытекающее прямо и послѣдовательно изъ сказаннаго, неудобство состоятъ въ томъ, что пишущій вѣчно подвергается опасности быть понятымъ въ весьма разныхъ и часто противорѣчащихъ одинъ другому смыслахъ — согласитесь сами: неприятная участь для пишущаго...

Въ настоящую минуту вновь ребромъ поставленъ вопросъ, который давно уже считали рѣшеннымъ; а оказалось между тѣмъ, что о немъ еще никто серьезно и не думалъ. Я говорю о вопросѣ права національностей на самобытность передъ системою общеевропейскаго государственнаго равновѣсія. Ловкій діалектикъ, партизанъ послѣдняго изъ

этих двух принципов, на голову разбил националистов крошечною брошюрою, имѣвшею громадный успѣхъ. А въ дѣйствительности, наперекоръ всевозможнымъ брошюрамъ, принципъ національности продолжаетъ развиваться въ сознаниі народномъ, и за немѣнѣемъ болѣе нормальныхъ путей развитія, продолжаетъ служить тормазомъ общечеловѣческому разантію и порождаетъ тысячи международныхъ неурядиць.

Говоря объ Италіи, нельзя не заговорить о принципѣ національности, такъ какъ ему обязана эта страна всеѣмъ своимъ общественнымъ развитіемъ во все время, и въ особенности за послѣднее время. Правда, и этотъ принципъ, какъ все принципы вообще, обоюдоострый, включающій въ себя самоѣ и свое отрицаніе.

Джусти своимъ поэтическимъ талантомъ быстро усвоилъ себѣ это, тогда еще новое, ученіе объ итальянскомъ единствѣ. На немъ выросъ и созрѣлъ его талантъ какъ-то внезапно, безъ послѣдовательности; поэтому-то, можетъ быть, мы и встрѣчаемъ, даже въ этотъ самый блестящій періодъ дѣятельности Джусти, нѣкоторое противорѣчіе въ немъ самоѣ между человекомъ и поэтомъ-пропагандистомъ. Противорѣчіе это скоро послѣ развито въ отъявленную непослѣдовательность, вовлекло Джусти, и какъ человека, и какъ поэта, въ открытое противудѣйствіе самымъ этимъ началамъ, которые онъ принялъ съ такою горячею любовью и такъ плодотворно усвоилъ себѣ изъ нѣсколькихъ бесѣдъ съ своими новыми друзьями...

Но объ упадкѣ Джусти будетъ еще время говорить. Лучше остановиться еще нѣсколько на его медовомъ мѣсцѣ, на той его порѣ, когда каждое слово его принималось съ горячею любовью всею Италіею, — когда Джусти дѣйствительно былъ силою, и силою, много способствовавшю успѣху національнаго итальянскаго дѣла...

Во Флоренціи въ это время центромъ движенія былъ отставной неаполитанскій генералъ Пьетро Коллетта, только что возвратившійся изъ австрійскихъ казематовъ, гдѣ потерялъ здоровье и часть эвергій. Какъ личность, Коллетта и тогда уже отжилъ свое значеніе. Но добытая имъ прежде извѣстность и популярность въ Италіи заставляла молодыхъ дѣятелей дорожить его, хотя бы только пассивнымъ, содѣйствіемъ...

Немощность генерала Коллетты отчасти ограждала вечернія собранія въ его залѣ отъ подозрѣній австрійскихъ агентовъ и флорентійскихъ шпионовъ. Предлогомъ для этихъ каждодневныхъ собраній въ его залѣ по преимуществу ученой и литературной молодежи служилъ большой историческій трудъ, предпринятый Коллеттою не задолго передъ смертію.

Адвокатъ Сальваньоли, Монтанелли, братья Гверрацци и Джусти содѣйствовали ему, сколько могли, въ его литературно-ученомъ предпріятіи. Но всей вѣроятности, даже при самомъ началѣ, вечернія собранія эти и не имѣли никакого политическаго значенія. Но при тогдашнемъ, всеобщемъ настроеніи умовъ всякое собраніе очень скоро принимало весьма рѣшительный, враждебный Австріи характеръ. — Засѣданія эти разыгрались заговоромъ, весьма слабо задуманнымъ, безъ малѣйшаго вѣроятія на успѣхъ, неоставшимся однако же безъ послѣдствій. Адвокатъ Сальваньоли, бывшій до тѣхъ поръ дѣйствительнымъ главою движенія, выказалъ при этой попыткѣ столько робости и холодности, что разстроилъ навсегда свои сношенія съ названными выше молодыми людьми. Съ этихъ поръ началось уже раздвоеніе во флорентійской партіи дѣйствія, раздвоеніе, развившееся въ 48 г. до весьма значительныхъ и всѣмъ извѣстныхъ размѣровъ. — Общество разрознилось. Гверрацци бѣжалъ въ Ливорно, гдѣ скрывался нѣсколько времени подъ вымышленными именами. Джусти, впоследствии перешедшій совсѣмъ на сторону Сальваньоли и Джинно Капони, уѣхалъ въ свою деревню. Коллетта былъ найденъ мертвымъ въ своей постели пришедшими арестовать его полиціантами...

Леопольдъ II въ Тосканѣ дѣлалъ большія усилія, чтобы не быть вынужденнымъ играть въ Тосканѣ роль австрійскаго комиссара, и потому прикрылъ даже своимъ косвеннымъ покровительствомъ заговорщиковъ. Джусти вскорѣ вернулся во Флоренцію, гдѣ не было уже и помину о заговорѣ. Впрочемъ, по своей природной робости, Джусти самъ не принималъ въ этомъ дѣлѣ ровно никакого участія, не принялъ на себя ни одного изъ порученій, которыя предлагались ему комитетомъ. Кромѣ робости своей, которую онъ ни отъ кого не скрывалъ, онъ оправдывался еще и отъявленной своею неспособностью къ политикѣ, которую и выказалъ впоследствии. На этотъ разъ друзьямъ, впрочемъ, нужно было только его имя, пользовавшееся большою популярностью, и не безъ основанія.

Тѣснымъ своимъ знакомствомъ съ Джусти воспользовались потомъ очень многіе изъ тогдашнихъ юношей, игравшихъ потомъ болѣе или менѣе важную политическую роль въ Тосканѣ. Скептическій отчасти и вѣчно проищескій Джусти не позволялъ имъ увлекаться слишкомъ при себѣ, хотя бы и самыми благонашѣренными мечтами. Представитель того сельскаго элемента (о чемъ я говорилъ въ первой части), который очень мало берется въ расчетъ итальянскими администраторами всѣхъ партій, онъ былъ какъ нельзя болѣе у мѣста въ ихъ многочисленномъ кружкѣ. И если Джусти много обязанъ Маццони, Монтанелли раз-

вѣстемъ своей мысли и таланта, то и они въ свою очередь должны по праву уступить ему долю успѣха, который имѣли впоследствии. Къ сожалѣнію, ставъ потомъ во враждебные одинъ другому лагеря, они не могли уже относиться другъ къ другу съ прежней искренностью и безпристрастіемъ.

Послѣ неудачнаго заговора, о которомъ упомянуто, маленькій кружокъ никогда уже не могъ собраться снова во всей своей цѣлости. Отчасти внѣшнія обстоятельства мѣшали этому; но и внутреннему разногласію было уже положено довольно основательное начало раздоромъ съ Сальваньоли. — Тѣмъ не менѣе воодушевленіе поддерживалось долго. Попытка братьевъ Бандіера въ Калабріяхъ еще усyliла его... Много горячо прочувствованныхъ, художественныхъ строкъ вылилось изъ подъ пера Джусти подъ вліяніемъ все того же чувства. Это было святое для него время, хотя полное горя и страданія, но полное вѣстѣ съ тѣмъ и того художественнаго смысла, которой заставляетъ человѣка не падать подъ тяжестью гнетущихъ случайностей.

«Намъ итальянскимъ ларвамъ» пишетъ Джусти: «муміямъ еще во чревѣ матери,—кормилица или даже повивальная бабка служить за могильщика. Съ нами Пріоръ напрасно тратилъ воду крещенія; а умирая въ другой разъ, мы крадемъ себѣ похороны».

«Посмотрѣть на насъ — мы будто и отчеканены съ изображеніемъ Адама; кажется есть плоть и кровь, но на самомъ дѣлѣ мы стоящіе на ногахъ скелеты»

«Съ такимъ мертвымъ народомъ на что исторія? Что за дѣло скелетамъ до свободы, до славы? Не все ли равно вамъ лавровый вѣнокъ или кочанъ капусты? — Бормочите себѣ *requiem* безъ всякихъ разговоровъ»

«Души давно умершихъ! Какъ у васъ хватаетъ духу вновь являться среди насъ? Слушайте меня: рано или поздно вамъ повредитъ нашъ воздухъ, онъ и для васъ слишкомъ могильный».

«О вы, іезуиты-монахи, сборы-инквизиторы! На что вамъ скопить мертвецовъ?»

«За чѣмъ надъ нами цѣлый лѣсъ штыковъ, съ чего трутся о наши кости сѣверныя сабли?»

«Какъ можно смотрѣть съ такой ненавистью на мертвецовъ? Пусть бы изучали на насъ анатомію и отправлялись бы къ черту!»

«О стѣны нашихъ городовъ — величавыя гробницы! Самыя развалины ваши — апотеоза нашей жизни. Пусть же завистливые варвары сгла-

дать их и засыпать самый могилы; а то онѣ вдохновляютъ кости мертвецовъ»...

«Пусть мы трупы. Пусть придворныя совы напѣваютъ это вѣчно, но пусть не забываютъ, что между мертвецами есть и *Dies irae*». (*La Terra dei Morti*, 1844 г.).

Я очень жалѣю, что не могу привести вполне это замѣчательное стихотвореніе Джусты, гдѣ онъ, не теряя своей вѣчной, горькой ироніи, подымается до высокаго лиризма.

Чтобы ознакомить по возможности читателей съ этою лучшею эпохою Джусты, приведу еще нѣсколько болѣе цѣльных отрывковъ изъ его стихотворенія *il Memento*, слѣдующаго за предыдущимъ въ хронологическомъ порядкѣ, и написаннаго подъ влияніемъ того же настроенія.

«У кого хватить духу бродить въ монастырскихъ оградахъ, считая гробницы нашихъ предковъ, — тотъ непремѣнно увидитъ изображеніе четырехъ или шести доблестныхъ, дожившихъ до чести быть похороненными въ мавзолеяхъ»...

«Теперь прогрессъ». ни одинъ осель не можетъ вздохнуть безъ того, чтобы ему тотчасъ не поставили бы хоть камня съ надписью».

«За самымъ гробомъ Макиавелли почіетъ трупъ Стентерамо»...

«Говорятъ, будто гробъ приводитъ насъ къ истинѣ. Да, какъ разъ! Вѣрьте кладбищу! Когда нибудь наши потомки поцѣлуютъ съ благоговѣніемъ эти камни, съ надписанною на нихъ безстыдной ложью, и скажутъ»:

«Вотъ были молодцы наши предки! Что за непорочныя жены, что за мудрые мужи?»

«И замогильное чванство остается удовлетворено. И многіе оставляютъ за собой, какъ свѣтляки на камняхъ, нечистый слѣдъ, который кажется серебромъ...»

«Вотъ герои нашего времени, которые крадутъ себѣ даже будущее!»

«А ты, выбивающийся изъ силъ, чтобы жить безъ надувательства, — кто тебя защититъ противъ надгробнаго слова? Умрешь — попадешь въ руки біографу, онъ тебя заставитъ лгать и ты противъ собственной воли будешь шарлатаномъ, надувающимъ публику съ высоты собственнаго катафалга.»

«Ей Богу! Я боюсь надгробныхъ камней. Я непремѣнно помѣчу въ

своемъ духовномъ завѣщаніи, чтобы меня опустили подъ землю безъ *qui giace.*

«Дайте же ближнему гнить въ мирѣ,

O parolai
O epigratai
O vendi-laguna
Sciuppa-solai.»

Два эти стихотворенія, весьма различныя въ сущности, навѣяны однимъ и тѣмъ же строемъ мысли, что стало бы яснѣе, если бы я могъ вполне привести здѣсь первое изъ нихъ. Вызваны, какъ тѣ, такъ и другое весьма распространенными въ то время толками и доктринами во дворцахъ и аристократическихъ салонахъ о томъ, что Италия земля смерти, что она закончила свое призваніе и т. п. Италиі, по ихъ мнѣнію, слѣдовало робко плестись за остальными народами, предоставляя другимъ вести себя по пути дальнѣйшаго соціального совершенствованія. Чтобы примирить съ народною гордостью этотъ, конечно не лестный, рецептъ будущаго, налегали особенно на славу предковъ, на пластическую красоту гробницъ, въ которыхъ погребла себя муниципальная Италия и на т. п.

Я боюсь растянуть свою статью безчисленными выписками, а потому и ограничиваюсь этими двумя стихотвореніями, взятыми почти наудачу. Выбирать было бы трудно. Этотъ періодъ Джусти неисчерпаемо богатъ самыми разнообразными и безспорно превосходными стихотвореніями, пополняющими другъ друга. Талантъ его достигъ высшаго своего развитія, и дальше идти не могъ. Собственная живучесть и сила событій поддерживали его долго на одной и той же высотѣ, пока наконецъ силы не растратились и общественныя бѣдствія не нанесли ему роковаго удара...

Отличительная черта таланта Джусти яркое разнообразіе, неизмѣнившее ему и тутъ. Стихотворенія всевозможныхъ родовъ, отъ полной эпиграммы (какъ напр. *Una levata di capelli involontaria* или *Contro un letterato pettegolo e copista*) и до произведеній высокаго лиризма; ѣдкія сатиры (напр. *il Giovinetto*) и добродушная иронія въ *Amor pacifico* или въ *San-Giovani* — всѣ проникнутыя строгими и широкимъ единствомъ окрѣпнувшей мысли и горячо прочувствованнаго чистотой итальянскаго направленія.

1848-й годъ приближался быстро. — Вступленіе на папскій престолъ Пія IX было рѣшительнымъ переворотомъ въ тогдашнемъ положеніи Италиі и вызвало бездну самыхъ радужныхъ надеждъ — энтузіазмъ

съ одной стороны, — съ другой дало возможность робкому большинству отойти, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ приличій, отъ поднятаго ими же знамени, отступить отъ словъ, сказанныхъ слишкомъ заносчиво въ иное время...

Событія впрочемъ извѣстны, а потому и повторять ихъ нечего. Но въ стихотвореніяхъ Джустини мы находимъ совершенно въ другомъ смыслѣ интересную, рассказанную почти фактъ за фактомъ внутреннюю исторію Тосканы.

Стихотвореніе его *il Papato del Prete Pero*, написанное въ самомъ началѣ 1846 г., можетъ служить также вступленіемъ въ эту новую эпоху (самую кипучую, по крайней мѣрѣ во внѣшности) его поэтической дѣятельности, слишкомъ обусловленную конечно тѣмъ избыткомъ жизненности и дѣятельности, которымъ кипѣло тогда все итальянское общество...

Панто священника Перо и другое его стихотвореніе *Supplica* (просьба о заграничномъ паспортѣ) показываютъ достаточно, что Джустини не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которымъ съ первыхъ же уступокъ все показалось въ розовомъ свѣтѣ и которымъ такъ легко стало жить въ одной открывшейся возможности осуществить свои стремленія, что они самую возможность эту приняли за осуществленіе или даже вовсе отказались отъ осуществленія.

Во всѣхъ, впрочемъ, начинающіяся реформы вселяютъ нѣкоторую степень успокоенія; на душѣ у всѣхъ становится легче, и Джустини болѣе или менѣе поддается всеобщему настроенію. Онъ еще не намѣренъ сдать ся, примириться и сложить оружіе. О нѣтъ — напротивъ. Открывающаяся возможность возбуждаетъ въ немъ новыя страсти, новыя силы. Прочтите его *Delenda Cartago* или посланіе въ медику Карло Гиноцци. Но у него является возможность съ добродушной насмѣшкой говорить о предметахъ, которые вызывали еще недавно у него грозныя и ядовитыя проклятія. Онъ даже принимается за давнооставленную форму апологіи, или басенки безъ нравоченія, чтобы написать своего *Re-Traviccello*—вещь, говорятъ, заставившую смѣяться и самого Леопольда II, противъ котораго она была направлена, и которому она повредила въ глазахъ Тосканцевъ, вѣроятно, больше многихъ краснорѣчивыхъ воззваній на ту же тему.

Изъ названнаго уже стихотворенія *il Papato* и пр. видно, что Джустини и самъ раздѣляетъ многія надежды. Но въ этомъ же самомъ стихотвореніи мы видимъ то, что онъ понимаетъ пустоту и шаткость

того внезапнаго воодушевленія въ известную сторону, которое внезапно обуяло Италію при первыхъ же обѣщаніяхъ новаго главы католической церкви.

Джустин полонъ надеждъ; но очевидно другое возбуждаетъ его надежды. Онъ слышитъ восторженныя рѣчи вокругъ себя, чувствуетъ силу себя силою. Ему до того очевидно кажется побѣда, что онъ уже протягиваетъ руку врагу въ своемъ чудномъ стихотвореніи *Sau' Ambragio*, изъ котораго не могу не выписать хотя бы нѣсколько строкъ.

„*Nostra Eccellenza*, сердитесь на меня“, начинаетъ авторъ свой поэтическій разсказъ;— за нѣкоторыя мои дюжинныя шуточкы, и считайте меня *анти-чезакомъ* за мое желаніе выпроводить отсюда сборъ;— послушайте же, что случилось очень недавно со мною, какъ я бродя утромъ и не зная куда дѣться, зашелъ въ соборъ Св. Амвросія въ Миланѣ»...

«Я вхожу; церковь полна солдатами, — этими сѣверными солдатами, кроганами, божемцами, которые стоятъ на вытяжку, какъ подпорки въ виноградникѣ»

Извините, *Eccellenza*, но мнѣ показались сальными даже свѣчи, горѣвшія у большаго алтаря»

«Вдругъ нѣмецкая соната тихо, тихо раздается подъ сводами. Была молитва — мнѣ въ ней слышались вопли, такіе звучные, торжественные, мрачные, что я теперь будто ихъ слышу»

Я слышалъ въ этомъ гимнѣ ту горькую отраду, которую мы ощущаемъ, когда услышимъ пѣсни нашего дѣтства; наше сердце заучиваетъ ихъ съ разнаго голоса и напѣваетъ намъ ихъ въ горѣ. Въ нихъ печальная мысль матери о пропавшемъ сынѣ, жажда мира и любви, тоска изгнанья — все это заставляло меня качаться какъ пьянаго»...

«Когда музыка умолкла, я задумался глубоко, и душа была печальна, но отрадна. — Я говорилъ себѣ: къ намъ шлютъ ихъ, оторвавъ отъ родной кровли, изъ Кроаціи и изъ Богеміи, чтобы они безъ отдыха порабощали насъ, и сами не знали бы родины, и гибли бы, какъ стада въ понтійскихъ болотахъ»

«Я бѣжалъ, чтобы не броситься въ объятія усатому капралу, который стоялъ въ дверяхъ, черствый, прямой какъ столбъ».

Съ этимъ настроеніемъ Джустинъ входитъ въ 1847 годъ.

Онъ начинаетъ его длиннымъ отрывкомъ изъ никогда неоконченной имъ комедіи *i discorsi che corrono*, что по русски можно перевести если не буквально, то довольно точно словами: *современныя толки*

Главными действующими лицами этой комедии выведены Ракъ и Недудуалка, въ которыхъ мы узнаемъ тупицу-ретрограда и болтуна-либерала всѣхъ странъ свѣта и всѣхъ временъ...

Этотъ многочисленный классъ *раковъ*, — чиновниковъ стараго порядка послужилъ для Джусти неизчерпаемымъ источникомъ для болѣе или менѣе злыхъ, но всегда глубоко комическихъ сатиръ и эпиграммъ. Не берусь даже переименовать ихъ здѣсь. Рекомендую любителямъ *la storia Contemporanea, la Supplica*, о которой уже было говорено, и пр.

Эти стихотворенія, въ силу новаго порядка получившія большую свободу распространенія, — не только въ Тосканѣ, но и въ большей части Италіи, — убивали ретроградовъ хуже самыхъ либеральныхъ реформъ. По крайней жрѣ отъ послѣднихъ, благодаря Радецкому, они могли оправиться; но того позора, которому предалъ ихъ Джусти, не въ силахъ смыть съ нихъ никто и ничто

Не нужно впрочемъ думать, чтобы онъ односторонне смотрѣлъ на нихъ, или бы ограничилъ поле своихъ дѣйствій одними отъявленными *раками*, которыхъ положеніе было столько же жалко, какъ и смѣшно. Нѣтъ. Онъ тутъ же не упускаетъ изъ виду и вѣчно-юнаго паразита, успѣвашаго значительно переимѣниться со временемъ Аристофана и Плавта, мѣняющагося ежедневно и ежечасно въ угоду сильнымъ міра и обстоятельствамъ, но никогда не исчезающаго съ лица земли

Впрочемъ, классы административныя внушали поэту какое-то особенное пристрастіе. Онъ постоянно возвращается къ нимъ, если и оставить ихъ порою на минуту, увлекшись достойнымъ его оригиналомъ другой породы. Классъ этотъ дѣйствительно обилень и многообразень въ Тосканѣ, и Джусти особенно ловко умѣлъ схватывать самые тонкіе, едва уловимые оттѣнки его. По его стихотвореніямъ, написаннымъ въ одномъ 1847 году, можно бы было написать весьма подробное изысканіе о бытѣ тосканскаго чиновничества въ тѣ времена. Особенно интересно съ этой стороны его стихотвореніе: *Компрессъ Сбирровъ (il Congresso dei sbirri)*, гдѣ представлены три весьма интересные экземпляра этого многочисленнаго сословія...

Джусти далеко не былъ весь поглощенъ этою своею дѣятельностью. Онъ видѣлъ не одну только сторону событія, о чемъ достаточно свидѣтельствуютъ его *Sortileggio* (Колдовство), посвященное имъ двумъ друзьямъ своимъ Мейеру и Орландини, докторамъ, вылечившимъ его въ концѣ 46 г. отъ опасной горячки. Затѣмъ его вдохновенныя строфы

«Присидѣніямъ 4-го сентября (1847 г.) блистательно заканчиваютъ этотъ годъ его поэтической дѣятельности. Перевести все это стихотвореніе нельзя, а въ отрывкахъ оно бы потеряло слишкомъ много, да и потребовало бы того художественнаго перевода, на который я не чувствую себя способнымъ.

Радостною «Застольною Пѣсней» (*Brindisi*) Джусти встрѣчаетъ наступающій 48 годъ.

«Друзья!» говоритъ онъ: «наша Италия, разорванная страна, такъ съ разу и воскресаетъ снова. Мы рабы, мы горсть людей смѣемъ совершенно свободно говорить о свободѣ?» «И такъ попросту, въ дружеской бесѣдѣ, почти семейно, устраивать общественное дѣло. Шутка ли это! да въ другомъ мѣстѣ насъ бы и Богъ вѣсть куда отравили за это.»

... «Безъ заднихъ мыслей — поклоняйтесь здѣсь же, всѣ честные люди, забыть чванство, болтовню и ссоры, не краснѣя идти впередъ.»

«Смотрите. Къ концу выходитъ, что умные-то и перехитрили злодѣевъ. Тѣ, которые злобствуютъ противъ угнетенныхъ, кончутъ тѣмъ, что себя же сгубятъ»

«Посмотрите, рукою варваровъ Павія, Миланъ залиты италіанскою кровью. Но тише... Но бросимъ сравненія, и перестанемъ сводить счета. Пусть всякій безъ фразъ принимаетъ свою славу и свои ошибки...»

Но этотъ, встрѣченный такъ радостно, 48 годъ оказался роковымъ годомъ для Джусти, и не для одного Джусти...

Засвидѣтельствую фактъ, самъ по себѣ довольно многозначительный. Стихотворенія Джусти, изъ которыхъ приведено уже достаточно выписокъ, для того чтобы и тотъ, кто не зналъ прежде о ихъ существованіи (если найдутся такіе между читателями), могъ бы убѣдиться въ томъ, что они очевидно вызваны событіями, среди которыхъ жилъ этотъ поэтъ, — что ихъ невольно принимаешь за его же собственное *profession de foi*. Готовъ на основаніи ихъ поручиться, что авторъ въ дѣйствительной жизни поступалъ именно такъ, а не иначе. Онѣ слишкомъ глубоко прочувствованы, слишкомъ дышитъ искренностью каждая ихъ строчка — для того, чтобы можно было заподозрить самого по-

та во лжи, — я уже и не говорю про наглую, сознательную ложь... На дѣлѣ выходитъ совершенно иначе. Джусти, такъ художественно понимавшій всю несостоятельность слишкомъ смѣлыхъ надеждъ, возбужденныхъ въ легко примиряющемся большинствѣ, робкими уступками, — былъ съ тѣмъ вмѣстѣ горячимъ приверженцемъ партіи Джини Капони и Ридольфи. Онъ даже написалъ торжественную оду своему *Re—Traviddello*; но она вышла до нельзя блѣдна. Немудрено—Джусти не былъ созданъ для этого рода поэзіи. Такіе таланты, какъ онъ, имѣютъ и свои права и свою строго-обусловленную физиономію, и потому не всегда поддаются субъективнымъ чувствованіямъ своихъ счастливыхъ обладателей... Много прійдется высказать, по долгу безпристрастія, истинно довольно горькихъ о самой личности поэта; но талантъ его, тѣмъ не мѣнѣе, остается чистъ и безъ пятна...

Тосканское движеніе начала 1848 г. на столько затеряно въ общемъ итальянскомъ тогдашнемъ движеніи, что очень многіе изъ русскихъ читателей могутъ не знать характеристики тогдашнихъ флорентійскихъ партій, группировавшихся вокругъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ личностей. Должно сознаться, что самыя партіи эти во многихъ отношеніяхъ были дѣломъ слишкомъ случайнымъ, личнымъ и не всегда разнились одна отъ другой принципами или основаніями. Это въ особенности сбиваетъ иностранцевъ, мало знакомыхъ съ подробностями Тосканской исторіи этого времени. Я избавляю себя отъ какого бы то ни было изслѣдованія на счетъ партій вообще, но о партіи Ридольфи и Капони нужно сказать нѣсколько словъ, такъ какъ ей оставался вѣренъ Джусти до самаго конца, т. е. до вступленія австрійскихъ войскъ во Флоренцію...

Партія эта, явившаяся какъ оппозиція піемонтской, унитарно-монархической партіи, можетъ быть охарактеризована именемъ федерально-монархической партіи; только для полноты нужно прибавить, что въ ея составъ главнымъ образомъ вошли аристократическій и аристократически—бюрократическій элементы. Благодаря честности своихъ предводителей, эта партія съ самаго начала была принята очень хорошо всеми за исключеніемъ немногихъ, слишкомъ горячихъ приверженцевъ піемонтской пропаганды. Люди, не раздѣлявшие сущности воззрѣній Ридольфи, Капони и Риззоли—т. е. тѣ, которые, съ помощью ливорнскаго движенія, составили потомъ демократическое министерство при Леопольдѣ II и наконецъ триумвиратъ—жили очень долго въ добромъ согласіи съ аристократически-федеральною партією. Это объясняется тѣмъ,

что крайняя партія тогда еще не была организована, не имѣла рѣшительной, опредѣленной программы. Приверженцы лотарингскаго зала, изъ династическихъ видовъ конечно, прогивудѣйствовали, весьма основательно, прояскамъ Джоберти и Карла-Альберта:—на первое время этого было совершенно достаточно...

При такомъ положеніи дѣлъ, Джусти былъ выбранъ депутатомъ и могъ, не портя вовсе своихъ отношеній къ Гверрацци, Монтанелли и другимъ, поддерживать министерство Ридольфи...

Прежде чѣмъ идти дальше, мнѣ кажется, интересно будетъ читателямъ узнать, какъ самъ Джусти смотритъ на свои новыя обязанности, какъ представителя народнаго. Въ собраніи его стихотвореній мы находимъ весьма интересный аргументъ относительно, этого. Его сатира «Депутатъ», во многомъ конечно относящаяся, главнымъ образомъ, къ его политическимъ противникамъ, на которыхъ онъ, по свойственной челоуѣку вообще, а поэту въ особенности, исключительности, смотритъ какъ на личныхъ враговъ—можетъ быть отчасти примѣнена и къ нему, какъ члену того же депутатскаго собранія...

«Розина!»—говоритъ онъ своей возлюбленной,—«депутату вовсе нѣтъ никакой надобности понимать что нибудь въ государственныхъ дѣлахъ: если онъ читаетъ хоть одну газету и удерживаетъ ее въ памяти,—онъ настоящий Ликургъ».

«Также совершенно лишнее ему понимать фнансовые вопросы: довольно, если онъ знаетъ о существованіи этого, до крайности скучнаго предмета. Законы же ему даже и не слѣдуетъ знать, потому что онъ самъ ихъ можетъ исправлять...»

Продолженіе тойже самой сатиры, въ особенности ея послѣднія строфы могутъ служить доказательствомъ тому, что въ Джусти въ это время накопилось порядочно горечи противъ тѣхъ изъ его друзей, которые въ депутатскомъ собраніи, тогда составляли систематическую оппозицію аристократическимъ притязаніямъ министерства...

«Мы всѣ братья!» говоритъ онъ,—«но, чертъ возьми! Я хочу, чтобы братъ мой думалъ такъ же, какъ и я, а не то убить его. Кампъ говорилъ, что Авель былъ страшнѣйшей кодиной»...

Демократическая партія не становилась открыто враждебно противъ министерства Ридольфи, пока война противъ Австріи была единственнымъ политическимъ вопросомъ, потому что въ необходимости войны объ партіи эти были согласны между собою. Но едва возникли другіе вопросы, по поводу которыхъ министерство высказало свои аристо-

кратически-бюрократическія стремленія, весьма оживленная борьба завязалась между министерствомъ и оппозиціонными депутатами. Джусти и душою, и тѣломъ перешелъ на сторону перваго, и въ это время написалъ даже свою оду Великому герцогу, о которой уже упомянуто...

Странно, что въ то же самое время онъ написалъ послѣднюю свою сатиру противъ бюрократіи,—сатиру весьма ѣдкую, показывающую между прочимъ, что онъ понималъ, какъ нельзя лучше, ложное положеніе, въ которое все больше и больше становились представители административной власти, по отношенію къ дѣлу освобожденія Италіи. Сатиру эту перевести здѣсь нельзя; она имѣетъ заглавіе: «Совѣтъ Совѣтнику» *Consiglio ad un Consigliere*, и начинается слѣдующимъ образомъ: «Господинъ совѣтникъ! — скажите вашему патрову, что міръ совершенно правъ, и да такъ, какъ идетъ и проч...

Какимъ образомъ Джусти, самъ такъ энергически содѣйствовавшій распространенію въ массахъ стремленій къ самостоятельной народной жизни, могъ въ такую рѣшительную минуту пристать къ партіи, очевидно уже раскаявавшейся въ тѣхъ уступкахъ, къ которымъ она была вынуждена временемъ и обстоятельствами? Признаюсь, это такой вопросъ, на который я не могу дать въ нѣсколькихъ словахъ удовлетворительнаго отвѣта. Увлеченный борьбою и озлобленіемъ партій, Джусти, вѣроятно, и самъ не замѣчалъ, до какого чудовищнаго проявленія разработалъ онъ то внутреннее противорѣчіе, надъ которымъ и самъ онъ, и его друзья благосклонно когда-то подшучивали...

Такъ или иначе, но раздоръ между Джусти и его оппозиціонными пріятелями, раздоръ, въ самомъ началѣ своемъ вызвавшій, изъ подъ пера поэта, неудачную оду къ Леопольду II, разрастался съ каждымъ днемъ, хотя долго еще оставался скрытымъ...

Въ засѣданіяхъ депутатскаго собранія Джусти говорилъ мало, сознавая, вѣроятно, самъ свою ораторскую и политическую неспособность, такъ что въ камерѣ не могло быть никакихъ схватокъ между нимъ и его политическими врагами, остававшимися довольно долго личными его друзьями... Вражда между ними мало находила случаевъ высказаться открыто, тѣмъ болѣе, что и самъ поэтъ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы систематически опровергать начала, которыя самъ же онъ пропагандировалъ съ большимъ жаромъ; онъ даже и возражать не находилъ ничего противъ принциповъ враждебной ему партіи. Окончательная неудача его оды къ Леопольду II-му заставила его даже отказаться отъ этого жалкаго фіаско...

Всѣ эти причины вмѣстѣ побуждали его изъ политическаго раздора сдѣлать вопросъ личной хотя еще и скрытой до времени, вражды. И этою-то, дурно скрываемою, злобой отравлены всѣ лучшія произведенія Джусти за это время. Иногда, увлекаемый своимъ раздраженіемъ, онъ даже прибѣгаетъ къ средствамъ, за которыя, вѣроятно, самъ же не разъ краснѣлъ потомъ, въ болѣе спокойныя минуты... Прослѣдя въ хронологическомъ порядкѣ рядъ его стихотвореній, написанныхъ имъ въ 1848 г., мы найдемъ въ нихъ исторію развитія этой вражды въ немъ самомъ, и отчасти даже цѣлаго хода борьбы партій между собою за эти нѣсколько мѣсяцевъ, весьма богатыхъ всякаго рода событіями...

Пока оппозиція имѣла чисто парламентскій характеръ, Джусти бросалъ въ противниковъ своихъ, или правильнѣе, въ противниковъ той партіи, къ которой онъ принадлежалъ, тѣкими сарказмами въ родѣ тѣхъ, которыми полна его сатира «Депутатъ». Но дѣло скоро приняло совершенно другіе размѣры и другой характеръ.

Противупоставлять монархически-унитарной или піемонтской партіи партію монархически-федеральную оказалось весьма опасною игрою съ тѣхъ поръ, какъ либерализмъ бюрократовъ сталъ навлекать на себя довольно основательныя подозрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, надежды, возлагавшіяся на италинскій патріотизмъ герцоговъ австрійскаго происхожденія, едва ли выдерживали хладнокровную сколько нибудь критику. Министерство, едва почувствовавъ свою силу, не замедлило выказать очевидныя стремленія остановиться на пути реформъ, на который попало оно помимо собственной воли. Пользуясь тѣмъ, что ослабить его значило бы подкрѣпить піемонтскую партію, оно готово уже было отказаться отъ войны съ Австріею, потому что война эта могла имѣть, хоть какіе нибудь, шансы на успѣхъ въ такомъ только случаѣ, если бы была народною. Народной же войны оно боялось хуже, чѣмъ восстановления австрійскаго владычества, хотя бы болѣе даже непосредственнаго, чѣмъ прежде. При такомъ положеніи дѣлъ, оппозиція не могла ограничиться однимъ только административнымъ своимъ значеніемъ; ей необходимо было организовать такимъ образомъ, чтобы въ свою очередь представлять положительную силу, способную противудѣйствовать обвѣмъ монархическимъ партіямъ...

Крайняя партія эта не съ разу впрочемъ приняла, во всей ея цѣлости, программу Мадзини, но и не скрывала между тѣмъ своихъ стремленій къ федеративному единству Италіи, которое, конечно, всего

легче могло бы осуществиться при возобновленіи федерально-муниципальных республикъ, независимых одна отъ другой, но и несвязанныхъ съ иностранными державами никакими побочными династіями.

Между сатирами Джустини есть одна: «Наставленіе эмиссару» (*Istruzioni ad un emissario*), написанная приблизительно около этого времени, но относящаяся, нѣкоторыми изъ его биографовъ и издателей, къ 1847. Съ точностью не могу опредѣлять времени ея появленія, а это было бы чрезвычайно важно: и отъ ошибки въ хронологическихъ цифрахъ зависить очень много репутація самого поэта. Въ этой сатирѣ Джустини говорить отъ лица какого-то австрійскаго государственнаго челоуѣка, отправляющаго въ Италію своего агента и дающаго этому послѣднему весьма подробныя наставленія: какъ онъ долженъ дѣйствовать, чтобы заслужить лучше свое жалованье. Между прочимъ онъ совѣтуетъ ему прикидываться отчаяннымъ либераломъ, и въ заключеніи говорить:

«Чтобы почтовое вѣдомство не могло заподозрить васъ въ сношеніяхъ со мною, то вы отдавайте ваши письма *такому-то* Вы можете быть увѣрены, что письма ваши дойдутъ ко мнѣ. *Такой-то*, какъ вамъ извѣстно, либераль, и волнуеть страву *per conto mio* (на мой счетъ)»...

Сатира эта, очевидно, написана съ цѣлью бросить весьма сильную тѣнь на крайнюю партію, въ особенности же на одно извѣстное очень лице, пользовавшееся большою популярностью въ то время. Средство выдавать публично за шпионовъ своихъ политическихъ враговъ изобрѣтено, конечно, не самимъ Джустини, и въ его время было уже далеко новымъ. Это вовсе не мѣшало ему быть средствомъ весьма дѣйствительнымъ, и ни въ какомъ случаѣ нельзя оправдать поэта за то, что онъ прибѣгалъ къ нему. Если же, въ самомъ дѣлѣ, сатира эта написана въ то время, когда мадзвинская партія стала организоваться въ Тосканѣ, и главнымъ образомъ изъ парламентской оппозиціи, то поступокъ Джустини становится еще чернѣе. Во всякое другое время сатира эта могла быть принята «безмячно». Въ послѣднемъ же случаѣ, она являлась бы какъ памфлетъ противъ людей, далеко не заслужившихъ подобныхъ обвиненій, но поставленныхъ въ невозможность защищаться, потому что они не были поименованы въ оскорбительномъ стихотвореніи. Такъ или иначе, весьма отъ души не пожелать каждому талантливому писателю держаться подалеже отъ такого рода полемики, которую такъ и хочется назвать подлостью...

За тѣмъ, Джусти стрѣляетъ по пропагандистамъ враждебныхъ министерству идей своимъ посланіемъ къ извѣстному Джаноне, подъ заглавіемъ «Республика». Сатира эта хотя также весьма полна самаго озлобленнаго негодованія противъ диссидентовъ, тѣмъ не менѣе гораздо *честнѣе* первой, поэтому остроумнѣе ея. Она между прочимъ столько же прогнорѣчить и собственнымъ политическимъ убѣжденіямъ самого поэта, сколько и республиканскимъ теоріямъ. Имѣя въ виду уронить федеральную систему Монтанелли, Джусти говоритъ, что раздѣлая Италію по клочкамъ, Монтанелли (не названный по обыкновенію въ сатирѣ) тѣмъ самымъ даетъ Австріи большую возможность проглотить ее по частямъ. Странно то, что партія, къ которой онъ самъ принадлежалъ, вовсе не враждебна федерализаціи, но хотѣла бы сохраненія при этомъ мѣстныхъ правительствъ, нашедшихся, какъ извѣстно, во всей Италиі въ болѣе или менѣе тѣсныхъ, родственныхъ связяхъ съ австрійскимъ домомъ. Почему авторъ думаетъ, что это сохраненіе можетъ служить препятствіемъ, совершенно подобному же, поглощенію Италиі, по частямъ, австрійцами?

Парламентское большинство, оставаясь, какъ и Джусти, фактически преданнымъ министерству Ридольфи, но связанное своимъ предвидѣніемъ довольно тѣсно съ Мадзини, — теоретически склонилось на, болѣе родственную этому послѣднему, демократическую пропаганду, думая пройти на весьма обыкновенномъ въ подобныхъ случаяхъ эклектизмѣ, думая оправдать свое отступленіе на практикѣ отъ одобренныхъ ими же теорій преждевременностью ихъ. Подобное противорѣчіе въ своихъ собраніяхъ сильно раздражало Джусти, и онъ написалъ противъ нихъ слѣдующій «разговоръ поэта съ салонными героями»:

Поэтъ: Герои, герои!—Что вы дѣлаете?

Герои: Мы полируемъ будущее.

Поэтъ: (Въ сторону:—тѣмъ лучше для насъ!) Но о настоящемъ что вы думаете?

Герои: Все и ничего.

Поэтъ: (Въ сторону: такъ и есть!). Что за славный народъ! Ну, а Италія что же?

Герои: Пока мы ее отдадимъ кормилицѣ.

Поэтъ. Кормилицѣ клерикальной или либеральной, нашей собственной или нѣмецкой!

Герои: Пошелъ къ чорту!

Поэтъ: Такъ я и звалъ (про себя: вотъ тебѣ и на!

.....

Парламентское большинство, къ которому, какъ депутатъ, принадлежалъ Джусти, примѣтно разлагалось, сознавая все болѣе и болѣе несостоятельность своихъ палліативныхъ мѣръ, передъ болѣе и болѣе становившихся грозными событіями. Джусти до конца оставался вѣрнѣе министерству, котораго паденіе приближалось. Самъ Джусти, какъ ни утѣшалъ онъ себя стихотвореніями въ родѣ: *I terno i tirano i piu* (меньшинство тянетъ большинство), едва ли былъ спокоенъ духомъ, по крайней мѣрѣ, на сколько можно судить по тогдашнимъ его стихотвореніямъ.—Въ это время, когда министерство Капони (продолжавшее съ сущности политику павшаго министерства Ридольфи) готово было уже пасть въ свою очередь, Джусти, вмѣстѣ съ нѣкоторыми литературными приверженцами своей партіи, вздумалъ излагать юмористическій журналъ или сборникъ подъ заглавіемъ *Piovano Arlotto*, котораго онъ долженъ былъ быть главнымъ редакторомъ, и котораго цѣлю было противодействовать юмористическимъ листкамъ крайней партіи, имѣвшимъ громадный успѣхъ. Это намѣреніе никогда не осуществилось, и *Piovano Arlotto* выходилъ гораздо позже уже подъ редакцію Гверрацци.

Всеобщее предчувствіе сбылось скоро. Гверрацци и Монтанелли, составившіе, такъ называемое демократическое министерство, смѣнили Капони. Первымъ дѣломъ ихъ было распустить тогдашнее депутатское собраніе, составившееся подъ слишкомъ исключительнымъ вліяніемъ административной власти.

Джусти, котораго негодованіе противъ прежнихъ своихъ друзей дошло до высшей степени, утѣшалъ себя въ паденіи своей партіи злыми сатирами противъ новыхъ администраторовъ, изъ которыхъ одна, въ особенности направленная противъ Гверрацци (*Arrufa-popoli*—встрепыватель народовъ), заслуживаетъ вполнѣ вниманія по силѣ таланта, колкости и шуткости выраженной...

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мелкіе журналишки стали въ свою очередь нападать на павшаго модерата.

«Тѣ, которые оскорбляютъ меня», говорилъ Джусти своимъ пріятелямъ: «могли бы вспомнить, что когда я говорилъ, то имъ приходилось молчать».

За тѣмъ, вотъ что пишетъ онъ въ это время одному изъ немногихъ, оставшихся у него друзей:

«Мнѣ помѣть *Dies trae* *)—оно и кстати: я больше мертвецъ, чѣмъ живой. Надо мною смѣются—оно и дѣло: я самъ смѣялся надъ другими. Но я не знаю, съ чего взяли, будто я возбуждалъ къ безпорядкамъ, чтобы свалить потомъ вину на народъ, что я рта не раскрывалъ на трибунѣ безъ того, чтобы не обругать народъ и т. п.—Идутъ до того, что заставляютъ подозрѣвать: не запродалъ ли я себя кому слѣдуетъ». «Мое знамя—порядокъ и свобода, на сколько намъ подѣ силу. Подѣ порядкомъ я разумѣю вовсе не мертвый порядокъ маршала Себастьяни и собачки Людовика Филиппа.

За тѣмъ, Джусти говоритъ о желаніи своемъ издавать журналъ, который бы проповѣдывалъ его умѣренную *profession de foi*. Не знаю, о какомъ журналѣ здѣсь идетъ рѣчь? Все о томъ ли, о которомъ говорено, или о какомънибудь другомъ. Но только намѣреніе Джусти издавать журналъ никогда не осуществилось по его же собственной винѣ, или правильнѣе по винѣ его разстроеннаго здоровья.

Послѣ паденія министерства Капони, Джусти отказался отъ кандидатуры въ депутаты, но не смотря на это былъ все же таки выбранъ народомъ, знавшимъ только его дѣятельность, какъ поэта, и потому продолжавшаго любить его, какъ будто онъ никогда и не былъ депутатомъ. Джусти отвѣчалъ на объявленіе ему исхода баллотировки въ его пользу:

«Я благодарю всѣхъ добрыхъ людей за ихъ привязанность ко мнѣ, которую бы мнѣ очень хотѣлось оправдать, хотя какимънибудь полезнымъ для нихъ дѣломъ. Но мнѣ очень горько, что дѣло идетъ такъ, а не иначе; пусть же засвидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, что я дѣлалъ все, чтобы остаться дома. Я чувствую, что исполню очень дурно то, чего отъ меня ждутъ, частію по своей политической неопытности, частію же и по слабости здоровья, которое служить мнѣ вовсе не такъ, какъ я бы хотѣлъ. Я всегда дурно чувствую себя, проживъ зиму во Флоренціи.—Но тѣмъ не менѣе *fiat voluntas tua*.»

Вторичное пребываніе Джусти въ новой представительной камерѣ не ознаменовалось, съ его стороны, ничѣмъ скольконибудь замѣчательнымъ. Должно предполагать, что прежде онъ поддерживалъ аристократическія ми-

*) Собственное стихотвореніе Джусти, написанное имъ при началѣ движенія противъ умѣренныхъ.

нистерства болѣе изъ за личнаго довѣрія къ лицамъ, составившимъ его, чѣмъ изъ твердо установившихся убѣжденій. На этотъ разъ онъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана дѣйствій, и даже событія сильно должны были поколебать его въ его прежнихъ политическихъ вѣрованіяхъ... Еще до новаго избранія своего, онъ написалъ сатиру въ формѣ разговора двухъ: — неподвижнаго и полудвижущагося, подъ заглавіемъ *le piaghe del giorno* (современныя язвы) — за тѣмъ, и до самаго возвращенія В. Герцога, онъ не писалъ ничего.

8-го февраля 1849 г. была раскассирована, наконецъ, и эта камера. Установленный триумвиратъ созвалъ новую, которая должна была выбираться всеобщю подачею голосовъ. Джусти и на этотъ разъ былъ выбранъ; но отказался принять, предлагаемое ему въ третій разъ званіе народнаго представителя. Измученный физически и нравственно, онъ угасалъ очевидно...

Привожу письмо его къ Марини, съ которымъ съ дѣтства онъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ. Письмо это тогда же было напечатано, въ одномъ изъ флорентійскихъ альманаховъ:

«Наши дѣла упали рѣшительно, и еще хуже, чѣмъ въ іюль 48 года. Народъ не умеръ, но умерла мысль, возбуждавшая его къ искупленію своей свободы. Я надѣюсь даже, что мысль эта, загнанная въ самую глубь души, очистится тамъ, созрѣетъ и прорвется вновь съ новою силою, съ большимъ единодушіемъ» «Двѣ вещи, главнымъ образомъ, повредили намъ: то недовѣріе къ себѣ, то непомерная самонадѣянность. Одна заставляла насъ медлить, гдѣ нужны были порывы; другая — поступать, очертя голову... Съ одной стороны люди, вѣчно сидящіе сложа руки, кричали намъ: не торопитесь! — Съ другой насъ уличали въ бездѣйствіи. *А мы, среди этихъ двухъ крайностей, толкли воду, или еще хуже пожалуй.* Въ другой разъ, если только можно воспользоваться уроками, мы будемъ довольствоваться тѣмъ, что *сдѣлаемъ все возможное*, будемъ помнить, что *міръ не для туннельцевъ*, и что *лучшее — вѣчный врагъ хорошаго*».

Это письмо, писанное не въ минуту увлеченія парламентскою сорою, рисуется гораздо лучше, и можетъ быть, даже вѣрнѣе, характеръ Джусти и сущность его политическихъ убѣжденій, чѣмъ его парламентская дѣятельность, и приведенный выше отрывокъ изъ письма, писаннаго подъ вліяніемъ, только что постигшей его, политической неудачи.

Продолжаю выписку, такъ какъ дальше письмо это, касаясь прямо событій въ Тосканѣ, становятся еще интереснѣе:

«Мы тут колебались между республикою и возвращеніемъ къ прежнему»). Съ одной стороны, горько отказываться отъ собственныхъ убѣжденій и отъ собственнаго дѣла"); но съ другой стороны, озабочиваютъ сильно Тедески: они уже повернули къ намъ. Гверрацци — съ нимъ и все собраніе — а съ нимъ и весь народъ — то храбрятся, то какъ будто готовы на переговоры, на мировую. Пронски кружковъ, — люди продажные и безпокойные, а также немногіе заблуждающіеся честные люди — стремятся къ крайностямъ и отбиваютъ возможность дѣйствія у Гверрацци, какъ прежде у Ридольфи и у Капони. Я не хочу опять идти въ депутаты. На этомъ настаиваютъ; у меня тамъ есть еще нѣсколько друзей, которымъ мнѣ не хотѣлось бы отказать: но и противъ совѣсти поступить я не хочу и не умѣю. Къ тому же я рожденъ для того, чтобы быть въ партерѣ; тѣ, кто меня гонятъ въ ложу, хотятъ уничтожить меня. У меня такія фибры, что обыкновенно ихъ ничѣмъ не возмутишь и не потрясешь; но едва взожду на трибуну, внутреннее волненіе отнимаетъ у меня возможность говорить и думать: чувствую, что много нужно сказать, а кончу тѣмъ, что ничего не скажу. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія идти въ собраніе для того, чтобы бормотать всякій вздоръ, или стоять какъ столбъ, не говоря ни слова. Я уже ни на кого не сержусь, но я поотвѣдаль волчьихъ зубовъ, и съ меня довольно. Время покажетъ, кто правъ; я же себя не измѣняю: чѣмъ былъ, тѣмъ и буду, какъ бы ни ругали меня за это... Раздѣлимъ грѣхъ пополамъ, поставимъ надгробный памятникъ прошедшему, и больше прежняго будемъ друзьями. . . .

Корона или Фригійская шапка — все равно, а худшее для народа междуусобная неурядица.

Прощай.—Д. Джусти.—Флоренція 8 апр. 1849.

Талантъ Джусти оборвался съ разу, замеръ, словно нервъ, прижженный разѣдающею кислотою. Старчество, которымъ дышетъ уже приведенное выше ниско въ другу, начинаетъ одолевать его. Едва

*) Рѣчь идетъ еще не о реакціи, а о примиреніи съ партіей В. Герцога.

**) Джусти признаетъ своими убѣжденія крайней партіи и, кажется, не думаетъ, что, поддерживая министерство сперва Ридольфи, потомъ Капони, онъ дѣйствовалъ противъ этихъ убѣжденій. Но онъ все еще продолжаетъ быть въ разладѣ съ Гверрацци. Человѣкъ, по преимуществу, увлеченія, онъ слишкомъ отдвѣяется въ головѣ своей личности отъ убѣжденія, отъ принципа ея представляемаго, и на практикѣ слишкомъ смѣшиваетъ ихъ.

кончилось раздраженіе, еще поддерживавшее въ немъ страстность порывовъ и силу увлеченія, онъ умолкъ. Въ его стихотвореніяхъ мы не найдемъ агоніи охлаждающагося вдохновенія, послѣдней борьбы съ смертью, на которую вѣрный побѣдитель всегда кладетъ свою тяжелую печать...

Отказавшись отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ политическихъ, Джусти доживаетъ простымъ свидѣтелемъ событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ лихорадочною быстротою. Примиреніе, которымъ заканчиваетъ онъ свое письмо къ Лоренцо Марини, — ненормальное состояніе его духа. Въ искренности его грѣшно было бы сомнѣваться. Но тѣмъ хуже, тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ оно. Это предсмертная *facies hypocratica* внутренняго человѣка, который смѣло принималъ жизнь, со всею ея безпощадною борьбою, который увлекался, и иногда въ разныя стороны, но «не отдавалъ себя», а стоялъ крѣпко за то, что, подъ вліяніемъ минуты, считалъ за лучшее свое достоиніе.

Какъ ни мало можно сочувствовать дѣятельности Джусти, какъ депутата, — грустно тѣмъ не менѣе думать, что его послѣдніе дни были отравлены хуже, чѣмъ зрѣлищемъ кровавой реакціи 1849 г., какимъ-то раскаяніемъ, сомнѣніемъ въ себѣ, готовностью принять на себя половину грѣха людей, которыхъ онъ напрасно можетъ быть, но страстно ненавидѣлъ, пока былъ живымъ человѣкомъ. Кто знаетъ, какъ подобнаго рода уроки дѣйствуютъ на нѣкоторыя организмы, тотъ не приметъ за фразу слова Джусти о самомъ себѣ по поводу *Dies irae*, пропѣтаго надъ нимъ уличными мальчишками...

Но еще разъ оживляется онъ, какъ трупъ подъ вліяніемъ гальваническаго тока. И роль гальваническаго тока разыгралъ на этотъ разъ Радецкій.

Плодомъ этого возстанія изъ мертвыхъ являются нѣсколько эпиграммъ, тяжелыхъ, пропитанныхъ скорбью и желчью, но онѣ едва напоминали о цвѣтушей порѣ его дѣятельности.

Хотя смерть избавила самого Джусти отъ преслѣдованій, но стихотворенія, пережившія автора, были до 1859 года предметомъ самыхъ ревностныхъ гоненій. Это, впрочемъ, никого не удивить: самъ поэтъ поставилъ эпиграфомъ къ нимъ слѣдующія слова :

Rubino i ludri, — è il lar dovere; il mio
E di o chernloff. —

Это его девизъ, которому, какъ Баярдъ, онъ остался вѣренъ.

Леонъ Бранди.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

(ПОВѢСТЬ).

IV.

Въ домѣ Струговыхъ шла веселая, праздничная суматоха. Иванъ Тихоновичъ, взявъ на себя обязательство сдѣлать невѣстѣ приданое, рѣшился выполнить свое обѣщаніе самымъ великолѣпнымъ образомъ. Почти каждое утро онъ разѣзжалъ, вдвоемъ съ Любой, на своихъ рысакахъ, по магазинамъ и лавтамъ, выбиралъ и покупалъ ей все, что надо и не надо. Люба, разумѣется, ни отъ чего не отказывалась. Сестеръ ея и Марью Андреевну Иванъ Тихоновичъ также не обошелъ подарками. На другой день послѣ сговора, онъ подарилъ имъ по дорогому шелковому платью, но тѣмъ, впрочемъ, и закончилъ всѣ расходы на семью.

Сестрицы, въ первый моментъ, были очень довольны подарками, и рассчитывали на дальнѣйшую щедрость жениха, но когда, потомъ убѣдились, что больше отъ него ничего не дождешься, то нерѣдко, въ присутствіи Костянникова, надували губки и подсмѣивались надъ нимъ.

Ежедневные приемы жениха и неразлучное съ ними угощеніе, какъ это всегда водится въ домахъ, гдѣ живутъ болѣе или менѣе на мѣщанской ладъ, порядочно стѣсняли Марью Андреевну въ финансовомъ отношеніи, и какъ всегда, за все и про все расплачивался Иларій. Марья Андреевна въ отсутствіе жениха, громко скорбѣла о недостаточности своихъ средствъ, а Люба утѣшала и обнадѣживала ее. Она была увѣрена, что въ одинъ прекрасный день Иванъ Тихоновичъ подаритъ ей, по крайней мѣрѣ, тысячу рублей на булавки.

Между тѣмъ время шло, а Иванъ Тихоновичъ о необходимости булавокъ не догадывался.

Взаимныя отношенія жениха и невѣсты сблизили ихъ только наружно, но не давали возможности узнать другъ друга покороче. Любѣ рѣшительно было нѣкогда изучать характеръ Ивана Тихоновича, она цѣлый день была занята: то спрашивали ея совѣта, какъ кроить, то надо было примѣривать обновки, то съѣздить прикупить чегонибудь. Да и къ чему изучать характеръ жениха? — думала она, — успѣемъ еще надоѣсть другъ другу! — Иванъ Тихоновичъ съ своей стороны видѣлъ въ Любѣ, какъ и прежде, хорошенькую дѣвушку, передъ которой онъ привыкъ объясняться въ нѣжныхъ чувствахъ; что же касается до характера ея, то онъ положительно былъ увѣренъ, что у нея нѣтъ никакого характера.

Прошелъ успенскій постъ, и хотя Иванъ Тихоновичъ все еще не догадался подарить Любѣ тысячу рублей на булавки, но свадьбу сыгралъ блестящую, и молодые зажили въ новомъ домѣ весело и шумно, какъ и слѣдуетъ жить молодымъ, желающимъ показать всему свѣту, что дни счастливы. Но мы пока оставимъ ихъ, — пусть себѣ наслаждаются своимъ каплуныимъ счастьемъ, и возвратимся къ исторіи другого счастья.

Желтые листья усыпали дорожки въ любимомъ саду Александры Павловны. Въ домигѣ ея вставили зимнія рамы. Начались туманы, грязь, и сырость, и безконечные дожди. Вмѣстѣ съ ними болѣзнь Евгениі Яковлевны быстро начала усиливаться.

Бѣдна дѣвушка перестала давать уроки музыки и проводила все время, то въ комнатѣ больной, состояніе которой требовало постоянныхъ попеченій, то въ кухнѣ, гдѣ нельзя было оставить Надежду, съ ея страпнею, на произволъ судьбы.

Къ тяжелымъ заботамъ дѣвушки присоединилось еще новое горе, — безденежье и долги. Хотя у нихъ жила въ Петербургѣ богатая тетка, изрѣдка помогавшая имъ деньгами, но эта помощь была слишкомъ недостаточна для семьи, и на нее рассчитывать было невозможно. Евгениі Яковлевна, мало по малу, начала сознавать свое положеніе; ей было жаль разстаться съ дочерьми, которыхъ она такъ искренно любила; и съ невольнымъ страхомъ задумывалась она объ ихъ дальнѣйшей участи. Особенно ее тревожила будущность Вѣрочки.

— Саша, ангелъ мой, часто повторяла она Александрѣ Павловнѣ,

не оставь сестру! Я знаю, что ты у меня добрая. И при этомъ обнимала свою измученную дочь.

Наконецъ, докторъ предупредилъ Александру Павловну, что больная проживетъ много, много, дня три. Обѣ сестры упали духомъ, и не знали, что имъ дѣлать теперь.

Было восемь часовъ утра. Александра Павловна только что задремала въ креслѣ у изголовья матери. Дождь, барабанившій въ окна всю ночь, пересталъ, и сквозь опущенную стору, какъ бы украдкой, пробрался блѣдный солнечный лучъ. Мерцающій свѣтъ догоравшей лампы слился съ этимъ лучемъ, и вся фигура молодой дѣвушки озарилась этимъ неопредѣленнымъ, трепещущимъ свѣтомъ. Какъ хорошо было блѣдное, похудѣвшее лицо, съ сжатыми губами, съ выраженьемъ страдальческаго, но все-таки гордаго спокойствія! Еслибъ не темные волосы, спускавшіеся волнистыми прядями и роскошными косами на ея плечи, — ее можно было бы принять, въ ея блѣлой ночной одеждѣ, за мраморное изваяніе. Страданіе уже успѣло наложить на ея черты что-то холодное и твердое, какъ камень.

У ея ногъ, на коврѣ, пригорунилась Вѣрочка, положивъ голову на подушку. Тишина комнаты изрѣдка прерывалась только болѣзненнымъ кашлемъ Евгеніи Яковлевны, да однообразнымъ стуканьемъ маятника.

— Саша, Саша, проговорила больная шопотомъ, проснись!

Александра Павловна открыла глаза, и подошла къ постели матери.

— Не хотите ли пить, мамаша? спросила она, поправляя ея изголовье.

— Нѣтъ, не надо. Мнѣ ничего не надо. Дай мнѣ твою руку, Саша, и нагнись ко мнѣ. Мнѣ тяжело говорить сегодня... Александра Павловна взяла руку матери, и наклонилась надъ ней.

— Послушай Саша, продолжала больная, ласково и тревожно заглядывая въ глаза дочери. Ты меня прости, я тебя много мучила... я знаю, ты добрая дѣвушка.. хочешь ли ты, чтобъ я умерла спокойно?

— Полноте, мамаша, вы еще поправитесь, Богъ милостивъ! проговорила Александра Павловна, стараясь казаться хладнокровной и спокойной.

— Нѣтъ, я ужъ не поправлюсь; сегодня я видѣла себя во снѣ въ бѣломъ платьѣ и съ вѣнкомъ на головѣ, а это къ смерти... Дай мнѣ слово, что ты сдѣлаешь все, о чемъ я тебя попрошу?

— Сдѣлаю, мамаша, все, все, что хотите.

— Ну, спасибо тебѣ; Богъ тебя наградить за это. Скажи мнѣ, вѣдь ты любишь Иларіа?

— Люблю, отвѣчала Александра Павловна спокойнымъ и твердымъ голосомъ.

— Кажется, онъ хорошій человѣкъ. Только вотъ что, Саша: если ты хочешь, чтобъ я лежала спокойно въ моей могилѣ, не выходи за него теперь... Подожди года три, четыре.

— Я знаю, что тебѣ это не легко будетъ, продолжала она. Но подумай, если ты выйдешь за него теперь, что же станетъ съ Вѣрочкой? Онъ бѣдный человѣкъ, ты также бѣдная дѣвушка. Пойдутъ у васъ дѣти, да у него еще своя семья на рукахъ. Тебѣ нѣкогда будетъ заняться сестрой, а средствъ не найти отдать ее куда нибудь. Такъ и останется бѣдная дѣвушка безъ образованія. Чѣмъ она себѣ хлѣбъ доставать будетъ!... Больная прослезилась.

— Не плачьте, мамаша, проговорила Александра Павловна, я даю вамъ слово, что не выйду ни за кого замужъ, пока не подрастетъ Вѣра.

Евгенія Яковлевна схватила руку дочери, и долго смотрѣла въ глаза ей благодарнымъ взглядомъ.

— Если ты исполнишь это, шептала она, — то Богъ не оставитъ тебя Саша: ты будешь счастлива...

Нѣсколько минутъ больная молчала, собираясь съ силами.

— Когда я умру, заговорила она снова, ты вотъ, что сдѣлай: другъ мой, отдай этотъ домишка въ наймы, продай мебель, посуду, весь этотъ хламъ, и поѣзжай съ Вѣрочкой въ Петербургъ; тамъ остановишься ты на время, хоть у сестры. Я знаю, что ты не захочешь жить на чужой счетъ, да и пользы мало будетъ; но я увѣрена, что ты найдешь себѣ мѣсто гувернантки. А Вѣрочку отдай, года на три или на четыре, въ хорошій пансіонъ. Если Иларій хорошій человѣкъ и любить тебя въ самомъ дѣлѣ, то онъ не перемѣнится къ тебѣ; а если ждать не захочетъ, такъ нечего и жалѣть о немъ; другого полюбишь, — добрые люди найдутся. Усилие, съ какимъ говорила Евгенія Яковлевна, утомило ее. Она закрыла глаза и нѣсколько времени лежала въ забытьи.

— Саша, дай мнѣ образъ, проговорила она, силясь приподняться.

Александра Павловна осторожно поднялась, достала маленькій образъ и разбудила Вѣрочку. Первый взглядъ дѣвочки на лицо мате-

ри и сестры убѣдилъ ее, что тяжелая минута не далека. Тоска, сжавшая ея дѣтское сердце, готова была перейти въ слезы; но Александра Павловна посмотрѣла на нее такъ краснорѣчиво, что Вѣрочка поняла этотъ взглядъ и съ немовѣрными усиліями проглотила слезы.

Евгенія Яковлевна благословила обѣихъ дочерей и скоро опять впала въ бредъ. Послѣднія ея сознательныя слова были:

— Смотри же, Саша, не забудь. Ты должна ей быть теперь, вмѣсто меня, матерью.

На другое утро въ комнатѣ лежалъ на постелѣ холодный трупъ; у ногъ его, стоя на колѣнахъ, неутѣшно рыдала Вѣрочка, у изголовья сидѣла Александра Павловна, блѣдная какъ смерть. Глаза ея однако были сухи, только горѣли онѣ какимъ-то болѣзненно-яркимъ огнемъ.

Евгению Яковлевну похоронили. Иларій распорядился похоронами, и вообще принималъ большое участіе въ обѣихъ сестрахъ.

Александра Павловна ничего не сказала ему о просьбѣ умирающей матери, потому что прежде хотѣлось ей убѣдиться, достанетъ ли у ней силъ для добровольной и долгой разлуки съ нимъ. Долго и много думала она. На всей землѣ были теперь только два существа, которыхъ она горячо любила: Иларій и Вѣрочка. Она колебалась между этими двумя привязанностями потому, что каждая изъ нихъ непремѣнно требовала жертвы въ пользу другой. Исполнивъ просьбу матери, она отрывалась отъ Иларія, хотя надолго, но все-таки не навсегда. Поступивъ же на оборотъ, она рисковала навсегда оставить Вѣрочку безъ образованія, а слѣдовательно и безъ вслѣдствіе средствъ къ независимому существованію. Врожденное чувство справедливости одержало наконецъ верхъ, и не позволило поступить эгоистически. На основаніи такого разчета, она во что-бы-то ни стало рѣшилась ѣхать въ Петербургъ.

Осталось только предупредить Иларія; но она отложила эту тяжелую минуту до болѣе удобнаго случая.

Разъ передъ вечеромъ, въ сумерки, сидѣли они втроемъ, въ маленькой гостиной у того окна, гдѣ прежде спивала Евгенія Яковлевна, и вели тихую, задушевную бесѣду.

Иларій передавалъ Александрѣ Павловнѣ свои задушевные думы. Она слушала его грустно, не потому чтобъ не вѣрила въ возмож-

ность ихъ осуществленія, но потому что предстоящая разлука съ нимъ болѣзненно сжимала ей сердце.

Надежда принесла письмо. Александра Павловна прочла его, и задумалась.

— Вѣрно не радостное письмо, что ты такъ пригорюнилась, Саша? спросилъ Иларій съ участіемъ.

— Нѣтъ, не то чтобъ не радостное, отвѣчала Александра Павловна въ раздумьѣ...

— Но я не совсѣмъ пріятное? подхватилъ Иларій.

— Почти такъ. Тетя зоветъ насъ въ Петербургъ.

— За чѣмъ? спросилъ съ удивленіемъ Иларій.

Александра Павловна долго и пристально смотрѣла на него.

— Хочешь ты, Иларій, узнать отъ меня горькую правду? проговорила она рѣшительно.

— Что такое? Я готовъ слушать.

— Ну, слушай же! — и она подробно рассказала ему о завѣщаніи матери, о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ, и прибавила при этомъ, что сама просила тетку, позволить ей на время остановиться у ней съ Вѣрочкой.

Иларій съ первыхъ же ея словъ поблѣднѣлъ, но слушалъ Александру Павловну не прерывая.

— И ты до сихъ поръ не сказала мнѣ объ этомъ ни слова! проивнесъ онъ съ упрекомъ, когда она кончила.

— Къ чему жъ было говорить раньше, отвѣчала она тихо. Эта вѣсть не радостная...

— И ты, въ самомъ дѣлѣ, уѣдешь отсюда?

— Надо, отвѣчала она. Я дала слово матери. Да если бъ и не дала, то все-таки надо было на что нибудь рѣшиться. Вся будущность Вѣрочки зависитъ отъ ея образованія. Мнѣ кажется, я никогда не буду не только счастлива, но даже спокойна, если не сдѣлаю всего, что въ моихъ силахъ, для того чтобъ она могла впоследствии существовать сама собою.

— Но развѣ здѣсь нельзя дать образованья Вѣрочкѣ?

— Я уже думала объ этомъ; но это невозможно. Если мы останемся здѣсь, я должна буду по прежнему давать уроки музыки, и тогда мнѣ нѣкогда будетъ заниматься Вѣрочкой. Если жъ я отдамъ ее въ пансіонъ, то мнѣ печѣмъ будетъ платить за нее.

— А въ Петербургѣ? спросилъ Иларій.

— Тамъ другое дѣло. Тамъ я возьму мѣсто гувернантки, а Вѣру отдамъ въ хорошій пансіонъ, и буду за нее платить изъ моего жалованья.

Иларій началъ молча ходить по комнатѣ.

Самолюбіе его было затронуто тѣмъ, что Александра Павловна говорила о предстоящей разлукѣ безъ слезъ, безъ жалобъ, какъ будто ей ничего не стоило расстаться съ нимъ.

— Знаешь, Саша, проговорилъ онъ съ горечью, остановясь противъ нее, — мнѣ кажется, что ты плохо меня любишь. Отъ любимаго человѣка не уѣзжаютъ.

По лицу Александры Павловны пробѣжало что-то болѣзненное, нервное. Она подняла глаза, и быстро, и пристально посмотрѣла на Иларія, и не отвѣтила ему ни слова.

Иларій смѣшался отъ этого взгляда, въ немъ было столько любви и твердой рѣшимости на задуманное дѣло, что ему стало совѣстно за свой мелочной эгоизмъ. Онъ бросился къ ней, схватилъ ее за руки и принялся цѣловать ихъ.

— Прости меня, Саша, говорилъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ, я сумасшедшій! Я не хотѣлъ понять тебя, но еслибъ ты знала, какъ мнѣ тяжело расстаться съ тобой. Боже мой, какъ тяжело!..

— А мнѣ развѣ легко? проговорила она, поднимъ на него глаза, дрожащая и блѣдная отъ перваго волненья. Ихъ взгляды встрѣтились. Они высказали обоюднo столько тяжелой муки, столько глубокаго, отчаяннаго горя, что оба сжалились другъ надъ другомъ. Она припала головой на его грудь и заплакала. А онъ цѣловалъ ея блѣдный лобъ, ласкалъ и голубилъ ея шелковистые волосы. Потомъ, она же первая стала утѣшать его. Она доказывала ему необходимость разлуки, и увѣряла его, что три или четыре года пройдетъ незамѣтно, когда въ перспективѣ предъ ними будетъ счастливая будущность.

Она говорила съ жаромъ любящей женщины, и отъ ея рѣчей у Иларія стало легче на сердцѣ, ея энергія сообщилась и ему. Онъ также рѣшился въ эти четыре года не терять даромъ времени, устроить понемногу свои домашнія дѣла и стать въ независимое положеніе отъ семьи. Они расстались въ этотъ вечеръ, если не счастливые, то, по крайней мѣрѣ, спокойные, съ полною надеждою на счастливую встрѣчу...

Александра Павловна немедленно занялась устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Она распродала всѣ лишнія вещи, отдала въ наймы свой домикъ, и чрезъ полтора мѣсяца, вмѣстѣ съ Вѣрочкой, поѣхала въ Петербургъ.

Обѣ онѣ остановились у своей тетки, и Александра Павловна, не теряя времени, начала искать себѣ мѣста. Въ то время въ Петербургѣ былъ въ славѣ одинъ женскій пансіонъ, который содержала М-те Бланъ, женщина очень неглупая и чрезвычайно практичная.

Въ этотъ пансіонъ Александра Павловна помѣстила Вѣрочку, и поступила сама въ гувернантки, для того чтобы не разставаться съ сестрой и имѣть возможность наблюдать за ней. Мадамъ Бланъ не взяла за Вѣрочку платы, но зато назначила ей сестрѣ такое жалованье, которое было достаточно только на башмаки и перчатки. Александра Павловна очень хорошо видѣла, что метода воспитанія въ пансіонѣ мадамъ Бланъ до крайности безтолкова, и что когда Вѣрочка окончитъ курсъ, то въ ея головѣ не окажется ни одного дѣльнаго свѣдѣнія, ни одной здоровой мысли; потому что въ образованіи ея было всего понемножку, а въ сущности ровно ничего. Но какое же другое образованіе можно было дать Вѣрочкѣ, которой предстояло въ перспективѣ добывать себѣ пропитаніе ремесломъ такой же гувернантки? Вѣдь другихъ путей къ независимому существованью у насъ нѣтъ для дѣвушки; ей великодушно предоставлены двѣ карьеры: гувернантки да швецъ. Къ тому же Александра Павловна надѣялась, что, по окончаніи курса, Вѣрочка будетъ уже въ состояніи сама начать съизнова свое образованіе. А до того свободнаго времени, ей необходимо пройти тѣмъ нелѣпымъ путемъ, по которому проходятъ у насъ всѣ *благосчитанныя* дѣвицы.

У.

Со времени отъѣзда Александры Павловны прошло полгода. Былъ Духовъ день.

Марья Андреевна съ Копочкой и Лизой только что возвратились отъ обѣдни, и прошли въ спальню, чтобы раздѣться.

— Что же, маменька, поѣдетъ сегодня Иларій со мною къ Баловымъ или нѣтъ, спросила Копочка, снявъ перчатки и шляпку.

— Почему же я знаю! отвѣчала Марья Андреевна изъ-за драпировки. Вчера я его спросила, а онъ сказалъ, что и самъ еще не знаетъ.

— Онъ никогда ничего не знаетъ, проворчала Копочка съ досадой, бросившись въ кресло. Вѣчно дѣлаетъ глупости. Вѣдь когда Юлія Ивановна звала его къ себѣ, такъ онъ непременно общался пріѣхать. Да, что онъ дома ли? загляни-ка Лиза въ его комнату.

Лиза пошла и объявила, что Иларія нѣтъ дома.

— Вотъ видите, онъ и ушелъ, продолжала Копочка, а вѣдь знаетъ, что Балковы хотѣли за нами экипажъ прислать. Право, это ни на что не похоже. По его милости никакого порядочнаго знакомства завести нельзя.

— Да, что ты, въ самомъ дѣлѣ, Копочка, горячишься-то, ничего не видя. Можетъ быть, онъ и поѣдетъ, отовалась Марья Андреевна. Онъ нынче все что-то такой скучный: вѣрно нездоровъ.

— Кто жъ ему велитъ скучать? Самъ виноватъ. Чѣмъ сидѣть дома да хмуриться, лучше бы съ людьми побольше былъ.

— Все еще не можешь забыть Александру Павловну, замѣтила Лиза.

— Я думаю не забудеть, когда безпрестанно получаетъ отъ нее письма.

— Что ты, Копочка! Будто они пишутъ другъ другу? воскликнула Марья Андреевна, выскочивъ изъ-за драпировки. Да ты почему знаешь это?

— Потому что знаю ея почеркъ. Я недавно видѣла ея письмо на столѣ у Иларія.

— Что жъ она ему пишетъ-то, Копочка? Вѣдь, ты читала письмо?

— Пишетъ, что только и думаетъ о томъ, какъ она пріѣдетъ сюда и какъ они будутъ счастливы.

— Ужъ не собирается ли навадь?

— Нѣтъ еще, но надежды не теряетъ...

— Копочка, сказала вдругъ Марья Андреевна послѣ минутнаго раздумья, — подговори ты его какъ нибудь къ Балковымъ ѣхать.

— Изъ чего жъ я и быюсъ-то? Вѣдь я знаю, что старикъ съ нами сойдется, и не прочь выдать за него Natalie. Онъ любитъ такихъ, какъ нашъ Иларій.

— Нужно какъ нибудь свести ихъ, а то, если онъ женится на

этой Александрѣ Павловнѣ, намъ придется изъ дому бѣжать. На Ивана-то Тихоновича надежда плоха.

— Разумѣется, теперь надо за умъ взятыся, да дѣло дѣлать.

— Надо уговорить Иларія непременно ѣхать къ Балковымъ, да разузнать, черезъ кого онъ переписывается съ Александрой Павловной. А тамъ, Богъ дастъ, все устроится...

Кто-то позвонилъ.

— Должно быть это онъ пришелъ, замѣтила Копочка прислушиваясь.— Вы не ходите къ нему, маменька, я сама осторожно спрошу его о Балковыхъ. И Копочка въ одну минуту выбѣжала въ приемную, и принялась прохаживаться, весело напѣвая. Иларій любилъ, когда у его домашнихъ были веселыя лица.

— Здравствуй Копочка, сказала войдя Иларій. Ты сегодня весела по праздничному.

— Еще бы не веселиться, когда сегодня такая чудная погода. Я все боялась, чтобъ дождя не было.

— А что жъ тебѣ дождикъ?

— Какъ что дождикъ? Вѣдь за нами сегодня хотѣли Балковы прислать коляску... Ты поѣдешь, Иларій?

— Да право не знаю, Копочка... За чѣмъ мнѣ туда ѣхать? Вѣдь ты сама знаешь, я человекъ не свѣтскій, что мнѣ отъ меня толку?

— Да, полно Иларій, надо же тебѣ съѣздить туда хоть разъ. Они такіе милые люди.

— Ну, по правдѣ сказать, Юлія Ивановна мнѣ не очень нравится. Черезъ-чуръ ужъ мила.

— Она добрая женщина. Да впрочемъ, что тебѣ за дѣло до нея? Вѣдь ты не для нея поѣдешь, а для насъ съ Лизой. Сегодня же такая чудная погода, прокатаешься, и отдохнешь отъ работъ.

Иларій взглянулъ въ окно. Въ самомъ дѣлѣ день былъ прекрасный, и въ деревнѣ должно быть очень хорошо. Онъ просидѣлъ за занятіями всю длинную зиму, почему же въ самомъ дѣлѣ не проѣхаться бы ему теперь за городъ, особенно когда онъ доставить этимъ удовольствіе сестрамъ и какое нибудь развлеченіе себѣ.

— Пожалуй, проговорилъ онъ, я поѣду, если ужъ это необходимо...

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричала радостно Копочка. Ахъ какъ я рада! Намъ веселѣй будетъ ѣхать втроемъ. Лиза, знаешь ли: сегодня братъ поѣдетъ съ нами!—прибавила она, заглянувъ въ спальню.

Вышла Лиза, и за ней Марья Андреевна, а всѣ вѣстѣ принялись

ухаживать за Иларіемъ. Молодой человѣкъ, конечно, не могъ понять, что въ этихъ ухаживаньяхъ скрываются своекорыстные цѣли, что между членами семейства составленъ противъ него іезуитски-обдуманнѣйшій заговоръ... Онъ увлекся общими весельемъ семьи, и самъ началъ мечтать вмѣстѣ съ ними объ удовольствіяхъ деревенской жизни.

Къ вечеру пріѣхала за ними коляска, и все семейство отправилось къ Балковымъ.

VI.

Балковы жили въ тридцати верстахъ отъ С., въ своемъ помѣстьи. Николай Ивановичъ Балковъ служилъ прежде въ Петербургѣ, въ одномъ изъ важныхъ присутственныхъ мѣстъ, и былъ знакомъ со многими аристократическими домами. Среди своихъ знатныхъ знакомыхъ, онъ усвоилъ разныя барскія замашки, женился на какой-то аристократкѣ, и мечталъ о высокихъ чинахъ и почестяхъ, но высокихъ чиновъ не добился. Пода была жива его супруга, онъ былъ въ силѣ и имѣлъ множество тузовъ—покровителей, но по смерти жены тузы—покровители понемногу стали забывать его, и съ горя Николай Ивановичъ покинулъ Петербургъ и навсегда поселился въ своемъ помѣстьи, вмѣстѣ съ дочерью Наташей и экономкой Юліей Ивановной.

Балковъ былъ уже старъ, мало сходилъ съ сосѣдями и жилъ одиноко, постоянно погруженный въ разныя агрономическія соображенія. Онъ былъ человѣкъ не глупый, много зналъ и читалъ, выписывалъ всѣ лучшія журналы, но въ немъ до старости сохранилось что-то чорствое, чиновническое; разговоры его были сухи и отзывались педантствомъ, въ образѣ жизни проглядывала какая-то казенщина. Ни къ кому не питалъ онъ особеннаго расположенія; ко всѣмъ относился сухо и холодно, даже на дочь смотрѣлъ тѣмъ бюрократическимъ взглядомъ, какимъ столоначальникъ смотритъ на своего подчиненнаго. Жизнь Наташи была далеко не веселая. Она конечно не могла любить своего непривѣтливаго отца и относилась къ нему только съ форменнымъ, холоднымъ уваженіемъ; къ Юліи Ивановнѣ она тоже не могла относиться искренно, потому что та смо-

трѣла на нее свысока, какъ на невиннаго ребенка и сплошь-да-рядомъ угощала ея разными правоучительными наставленьями на счетъ костюма, прически и умѣнья держать себя прилично. Образование Наташи было очень незавидное. Умѣла она болтать по французски, играть на фортепіано и одѣваться къ лицу; умѣла кокетничать, танцовать съ граціей и болтать милый вздоръ; — словомъ по природѣ она была типомъ тѣхъ избѣженныхъ созданій, на которыхъ женятся только изъ роскоши, и которые могутъ имѣть какое нибудь значенье только въ благоухающихъ гостиныхъ, на балахъ и раутахъ. Но къ несчастью для Наташи, балы и рауты рѣдко выпадали на ея долю. Замкнутая въ четырехъ стѣнахъ отцовскаго дома, вѣчно одинокая, не имѣя ни какихъ развлеченій, она отъ души возненавидѣла чорствыя лица своихъ сожителей съ сихъ однообразными разговорами, ей душно казалось въ этихъ нарядныхъ, комфортабельныхъ, по вѣчно пустыхъ комнатахъ гдѣ каждая вещь успѣла надоесть ей до-нельзя. Изъ разныхъ романовъ, прочитанныхъ тайкомъ отъ Юліи Ивановны, она узнала, что есть на свѣтѣ другая жизнь, болѣе веселая, съ балами, выѣздами и блестящими кавалерами, объ которыхъ она едва могла судить только по нѣсколькимъ провинціальнымъ баламъ, на которыхъ ей пришлось быть. Видѣла она, что сосѣдки ея по имѣнію смотрять на жизнь совсѣмъ иначе нежели Рара и Юлія Ивановна, говорятъ про разные удовольствія свѣта, про модныя наряды и проч. видѣла все это Наташа и отъ души завидовала имъ. «Чѣмъ же, думала она, всѣ эти дамы лучше меня? За чѣмъ же именно я-то такая несчастная?.. Ахъ, еслибы?..» И Наташа съ жаромъ принималась мечтать на могивъ «еслибы», и глаза ея загорались какимъ-то восторженнымъ, сладострастнымъ блескомъ... А жизнь по прежнему шла своимъ медленнымъ, однообразнымъ ходомъ, и не предвидѣлось впереди никакого выхода изъ этого однообразія. Дѣвушка изнывала съ тоски и обдумывала средства, какъ бы скорѣй вырваться изъ дома отеческаго и уѣхать куда нибудь въ столицу... «Одно средство остается: замужство,» — думала она, и ухватилась за эту мысль, какъ утопающій за соломенку. Женскими чутьемъ поняла она и изучила всѣ тонкости кокетства, всѣ приемы, котрыми можно заманивать мужчинъ и пробовала эти приемы надъ своими знакомыми: съ однимъ она казалась наивнымъ ребенкомъ, другаго старались завлечь граціей, третьяго мучила сладострастнымъ кокетствомъ и такъ далѣе, смотря по характеру гостя.

Каждого новаго гостя она встрѣчала съ замѣраньемъ сердца и думала: «не онъ ли мой суженый? но онъ ли спасетъ меня отъ муки!» и старалась понять какого рода женщину можетъ полюбить новый гость и потомъ дѣйствовала по строго обдуманному плану. Къ несчастью для нея, новые гости рѣдко заглядывали къ Балковымъ: старикъ не любилъ новыхъ знакомствъ. Онъ искалъ для своей дочери мужа практическаго, трудолюбиваго и не свѣтскаго; но такого пока въ виду не имѣлось. На балѣ у Костянтинова Наташа познакомилась и успѣла заинтересовать извѣстнаго уже читателю фаната Сузикова. Онъ близко подходилъ къ ея идеалу, былъ человекъ вполне свѣтскій, болталъ мило, мечталъ о столичной жизни. — Наташа ожила, истощила передъ нимъ всѣ приемы утонченнаго кокетства и довела Сузикова до того, что тотъ не прочь былъ жениться; но Сузиковъ имѣлъ несчастье не понравиться ея папашѣ, и старикъ отпавалъ ему. Наташа покорилась и опять рѣшилась ждать...

На эту-то дѣвушку болѣе всего рассчитывала теперь Марья Андреевна съ Копочкой. Зная впечатлительный характеръ Иларія, онѣ надѣялись, что Наташа легко можетъ увлечь его, и всѣми силами старались, чтобы дѣло пошло на ладъ. Имъ извѣстно было, что у Наташи было 15 тысячъ приданого, а о такомъ лакомомъ кускѣ хлопотать можно, тѣмъ болѣе, что другихъ суммъ въ виду нигдѣ не предвидѣлось.

Въ тотъ день, когда Струговы поѣхали въ гости къ Балковымъ, тамъ только-что произошло щекотливое объясненіе между отцемъ и дочерью, по поводу Сузикова. Отецъ, прочитавъ дочери длинное нравуученье, ушелъ хлопотать по хозяйству. Юлія Ивановна чинно сидѣла съ какимъ-то шитьемъ на диванѣ, а Наташа, недовольная нравуученьемъ отца, безсознательно глядѣла въ окно, передъ которымъ лежала дорога, спускавшаяся по косоюру.

Коляска давно уже была послана за Струговыми, и Балковы съ часу на часъ поджидали гостей. Наташа тоже поджидала ихъ съ нетерпѣньемъ; ей хотѣлось какъ нибудь разсѣяться послѣ непріятнаго объясненія съ отцомъ. «Вѣроятно, думала она, Струговы привезутъ съ собою и Иларія, онъ такой скучный, не свѣтскій, но отъ нечего дѣлать можно и имъ пріязнаться.» Наташа раза два прежде встрѣчала гдѣ-то Иларія, и онъ не понравился ей, и никогда не входилъ въ ея въ расчеты. Наташа не любила его за то, что онъ уч-

ный и съ нимъ говорить надо по ученому, но вѣдь на безрыбьи и ракъ рыба...

— Бдутъ! сказала она Юліи Ивановнѣ, замѣтивъ вдали экипажъ.

— Надо встрѣтить ихъ, отвѣтила Юлія Ивановна, поправляя волосы, — навинь Наташа свою тальму и принимай гостей.

Наташа проворно одѣлась и выбѣжала на крыльцо.

Дѣйствительно, *ученый* и вся его семья вѣхали прямо во дворъ, и были встрѣчены на крыльцѣ Наташей. Самъ Балковъ уже прохаживался въ столовой и успѣлъ украситься какимъ-то орденомъ на красной лентѣ. Онъ приказалъ немедленно подавать обѣдъ, и въ знакъ особеннаго благоволенія къ Иларію посадилъ его подлѣ себя; все время онъ велъ съ нимъ серьезную бесѣду, въ которую дамы почти не вмѣшивались. Балковъ былъ заранѣе расположенъ въ пользу Иларія. Онъ зналъ, что этотъ молодой человѣкъ не пьяница, не картежникъ, не мотъ, служить хорошо, довольно благообразенъ, одѣвается прилично, и въ добавокъ еще содержитъ мать и сестеръ. Значить—онъ весьма хорошій человѣкъ.

Послѣ обѣда все общество вышло на террасу. Балковъ, поговоривъ еще минутъ десять съ Иларіемъ, скрылся для послѣобѣденнаго отдыха.

Гости пошли въ садъ.

— Какъ здѣсь хорошо, сказалъ Иларій, когда они вошли въ длинную липовую аллею.—Деревня лѣтомъ рай.

— Вамъ нравится здѣсь? спросила Наташа.

— Я всю зиму провелъ или въ классахъ, или въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета, отвѣчалъ Иларій. Въ городѣ у насъ теперь пыль, духота, а здѣсь просто рай.

— Теперь еще что, отвѣчала Наташа, деревья только что распускаются, а вотъ въ серединѣ лѣта, такъ хорошо! Трава высокая, на каждомъ шагу цвѣты, даже жалъ ходить по нимъ. Пчелы, бабочки—все это летаетъ, жужжитъ, такъ весело...

Наташа замѣтила, что Иларій улыбнулся. Она покраснѣла немножко и кокетливо опустила глаза.

— Я думаю однако, что зимой здѣсь вамъ должно быть скучно?

— Нѣтъ, отвѣчала престоудшно Наташа. Я цѣлый день занимаюсь, скучать вѣкогда.

— Наташа много играетъ, замѣтила Комочка.

— Вы любите музыку? спросилъ Иларій.

— Очень. Безъ музыки здѣсь въ самомъ дѣлѣ было бы скучно.

Иларій обрадовался: онъ невольно вспомнилъ объ Александрѣ Павловнѣ. Съ того времени какъ она уѣхала, онъ не слышалъ хорошей музыки.

— Вы много играете? спросилъ онъ Наташу.

— Каждое утро три часа, а иногда еще и цѣлый вечеръ.

— А сегодня вечеромъ будете играть?

— Буду, отвѣчала Наташа, только не взыщите, я вѣдь не баяншан артистка.

Они пришли домой къ чаю. Въ столовой былъ уже поданъ самоваръ, и Юлія Ивановна поручила Наташѣ разливать чай.

Балковъ снова завладѣлъ Иларіемъ, и завелъ съ нимъ какой-то ученый разговоръ, а Иларій думалъ какъ бы отдѣлаться ему скорѣе отъ этого случайнаго старика.

Послѣ чая Копочка и Лиза попросили Наташу сыграть что нибудь на роялѣ.

Когда раздались звуки рояля, Иларій встрепенулся. Онъ воспользовался первой паузой въ разговорѣ съ Балковымъ, и приютился за стуломъ Наташи. Она, какъ нарочно, заиграла тѣ пьесы, которыя Иларій слышалъ отъ Александры Павловны. Онъ узналъ знакомые звуки, и много грустнаго поднялось со дна его души. Когда Наташа кончила одну пьесу, онъ просилъ ее играть другую, и она исполняла это охотно съ видимымъ удовольствіемъ. Давно уже Иларій не проводилъ такого пріятнаго вечера. Давно уже ничто не напоминало ему такъ живо любимую дѣвушку... Наконецъ Наташа рѣшилась встать изъ-за рояля, а Иларій не замѣтилъ этого и все сидѣлъ задумавшись. Копочка подошла къ нему.

— Посмотрите Наташа, сказала она со смѣхомъ, ваша музыка такъ растрогала брата, что онъ забылъ даже поблагодарить васъ.

Наташа взглянула на блѣдное лицо Иларія. На немъ отражались слѣды, не совсѣмъ еще изгладившагося, душевнаго волненія.

— О, подумала она, надо ему играть почаще,—и сердечко ея забилось радостно.

— Простите меня, Наталья Николаевна, успѣвшимъ сказать Иларій, — моя разсѣянность можетъ служить доказательствомъ того, что ваша игра доставила мнѣ много наслажденія...

Наташа смѣшалась и не нашлась отвѣтить ему на это. Нѣсколько минутъ прошло въ замѣшательствѣ. Выручила изъ бѣды

Юлія Ивановна, неожиданно войдя въ комнату и пригласивъ общество погулять по саду. Всѣ охотно поспѣшили на террасу, а оттуда въ садъ. Тамъ устроилась скоро игра въ горѣлки, молодежь разыгралась, и время незамѣтно протекало до поздняго вечера.

Струговы отправились домой уже на другой день поутру.

Копочка на дорогѣ спросила Иларіа, доволенъ ли онъ вчерашнимъ днемъ, и онъ не могъ не сознаться, что давно не проводилъ времени такъ весело.

— Только признаюсь, прибавилъ онъ, — мнѣ не понравилась Юлія Ивановна, она кажется слишкомъ строга къ Наташѣ и мучить ее постоянными замѣчаньями. Она дѣвушка очень мпленская, но еще совершенное дитя.

Иларій задумался и во всю остальную дорогу не сказалъ съ сестрами больше ни слова.

VI.

Настало лѣто. Копочка и Лиза опять уѣхали гостить къ Балковымъ. Оттуда онъ при каждомъ удобномъ случаѣ писалъ брату, чтобы онъ пріѣзжалъ хоть на одинъ день. Копочка заманчивыми красками описывала ему всю прелесть деревни въ знойный іюльскій мѣсяцъ, Марья Андреевна тоже приставала къ нему, и Иларій опять началъ поддаваться.

— Отчего жъ въ самомъ дѣлѣ не поѣхать туда на день или на два, подумалъ онъ, и опять отправился къ Балковымъ. Въ этотъ разъ онъ провелъ время еще пріятнѣе. Съ Иларіемъ всѣ были ласковы, и ему особенно понравилось то, что его присутствіе въ этомъ домѣ никого не стѣсняетъ. Въмѣсто одного дня или двухъ, онъ провелъ пять. Да и что за чудная жизнь! Какъ не поддаться ей, какъ не увлечься ею! Встанетъ онъ въ шесть часовъ утра и идетъ прямо къ рѣкѣ. Выкупается, освѣжится и пойдетъ въ поле, гдѣ занимается агрономіей со старикомъ Балковымъ. Пища здоровая, воздухъ свѣжій, кругомъ всѣ веселы и спокойны: все это благотворно дѣйствовало на здоровье Иларія и расположеніе его духа.

По вечерамъ всё обыкновенно расходились, кто куда хотѣлъ или кому куда слѣдовало. Наташа садилась въ залѣ за этюды Крамера, а Иларій бралъ какуюнибудь книгу и уходилъ въ садъ, или въ лѣсъ. Одинъ разъ онъ заснулъ на лужайкѣ, и его разбудилъ дождь полевыхъ цвѣтовъ и травы, брошенныхъ изъ-за кустовъ невидимой рукой. Иларій вскочилъ и догналъ своихъ сестеръ и Наташу. Всѣ смѣялись, но никто не хотѣлъ признаться въ шалости. Подобныя шалости стали повторяться и Иларій увлекался ими отъ души. Въ это второе посѣщеніе онъ имѣлъ случай больше сблизиться съ Наташей. Изъ ея поступковъ и непринужденныхъ дружескихъ бесѣдъ съ нимъ, онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что Наташа олицетворенная невинность, милый добродушный ребенокъ, котораго деспотически держать подъ глупѣйшей оерулой. Надо отдать справедливость Наташѣ. Она вела себя мастерски. Ни словомъ, ни взглядомъ, ни движеніемъ физиономіи не выдавала она того, чего ей не хотѣлось выдать. Она слышала не разъ отъ Кочочки, что ея братъ не любитъ женщинъ-ребятъ и требуетъ отъ нихъ мысли и развитости. Она поняла, что для нее, чтобъ не упасть безвозвратно въ глазахъ Иларія въ этомъ отношеніи, надо было добровольно сознаться въ своемъ невѣжествѣ и заявить притомъ пламенное стремленіе къ просвѣщенію. Иларій съ своей стороны не прочь былъ удовлетворять ея любопытству. Случалось имъ вести между собою ученые бесѣды, гдѣ нибудь на травѣ, подъ тѣнью деревьевъ; Иларій ораторствовалъ съ увлеченіемъ, объясняя Наташѣ напримѣръ процессы органической жизни растений, а Наташа слушала его съ такимъ глубокимъ и смиреннымъ вниманіемъ, какъ будто собиралась блеснуть со временемъ на кафедрѣ естественныхъ наукъ. Спрашивается: для чего она играла съ нимъ эту безнравственную комедію? Не полюбила ли она его? Не сообщилось ли ей его увлеченіе, и можетъ быть въ самомъ дѣлѣ неизвѣстный ей дотогѣ міръ сталъ занимать ее? Ничуть не бывало. Мы можемъ сказать, положивъ руку на сердце, что Наташа просто кокетничала съ Иларіемъ. Она также внимательно и еще съ большимъ удовольствіемъ слушала Сузикова, когда онъ рассказывалъ ей о балахъ и городскихъ сплетняхъ. Наташѣ было все равно, кто бы ни былъ передъ нею; она жаждала только свободы и удовольствій, а единственное средство для достиженія этихъ благъ было—замужство.

— Я богата, молода и не дурна собой, думала она, а онъ бѣ-

дѣнь и учитель. Надо постараться всѣми силами, чтобъ онъ женился на мнѣ...

А бѣдный Иларій былъ далеко отъ этой мысли, и со спокойной совѣстью объяснял Наташѣ тайны природы.

Прошло и лѣто. Настала осень. Иларій продолжалъ ѣздить къ Балковымъ, и незамѣтно привыкалъ къ этому семейству, втягивался въ его интересы. Однажды, послѣ довольно ясныхъ указиваній, онъ было очнулся и задалъ себѣ новый вопросъ: «что если старикъ не даромъ такъ внимателенъ и ласковъ ко мнѣ, что если онъ прочтѣ меня въ мужа Наташѣ?..»

Онъ высказалъ эту мысль своему семейству, но оно всѣми силами старалось успокоить его.

— Какъ тебѣ могло это придти въ голову? замѣтила Копочка. Балковъ богатый человекъ. Неужели онъ не найдетъ для Наташи партіи повиднѣе? Ты слишкомъ ужъ самолюбивъ, Иларій!

— Но для чего же, скажите ради Бога, Балковъ приглашаетъ меня безпрестанно? Что онъ нашелъ интереснаго въ моей особѣ?

— Какой ты странный Иларій, прибавила Марья Андреевна, ты и въ добрыхъ людей ужъ нынче не вѣришь. Удивительно ему очень, что люди хорошо обращаются, да ласковы. По моему тутъ ничего нѣтъ мудренаго. Если зовутъ сестеръ, такъ надо звать и брата.

— Я думаю, сказала Копочка, что старикъ совсѣмъ еще не ищетъ жениховъ для Наташи, потому что считаетъ ее еще ребенкомъ. Онъ ее выдастъ замужъ не раньше, какъ въ двадцать пять, или двадцать шесть лѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ Иларій, ужъ не слишкомъ ли я возмечталъ о себѣ?

И на другой день отправился къ Балковымъ, совершенно успокоенный.

VII.

Но мы разстанемся съ нимъ пока, и заглянемъ въ новыя хоромы Ивана Тихоновича.

Какъ мы уже сказали, молодые послѣ свадьбы зажили шумно и

весело. Пошли у нихъ визиты, званые обѣды и вечера съ танцами и съ картежною игрою. Молодые мѣсяца три, какъ говорится, жили душа въ душу. Сначала занимала ихъ обоихъ новизна положенія, новая обстановка семейной жизни, но все это скоро пріглядѣлось и наскучило. Розовыя губки и огненные глазки Любы потеряли для Ивана Тихоновича свѣжесть своей прелести; точно также и богатство его перестало казаться для Любы чѣмъ-то необыкновеннымъ. Однимъ словомъ жизнь молодыхъ супруговъ скоро вошла въ ту однообразную и невозмутимо-ровную колею, въ которой часто внѣшнее счастье дѣлается приторнымъ, и потому отвратительнымъ. А наполнить эту жизнь чѣмъ нибудь другимъ, болѣе интереснымъ, чѣмъ губки, глаза и рысаки, было не изъ чего: Люба и Иванъ Тихоновичъ даже не подумали объ этомъ. На четвертый мѣсяць своей супружеской жизни, Костяниковъ возобновилъ знакомство съ старыми друзьями, снова началъ устраивать ночные кутежи и сильно пристрастился къ карточной игрѣ. Между тѣмъ Люба цѣлыя ночи проводила одна, въ ожиданіи своего мужа. Иногда онъ возвращался разсвѣтъ, пьяный и злой отъ проигрыша; иногда вмѣстѣ съ нимъ являлись и его приятели и оканчивали безобразно-начатый вечеръ въ домѣ Ивана Тихоновича. Люба, какъ хозяйка, должна была вставать взъ постели и угощать гостей, оставшихся чуть не до самаго утра. Сначала она молчала; потомъ наметнула мужу, что ей не очень нравится его пристрастіе къ ночнымъ попойкамъ и къ карточному столу. Иванъ Тихоновичъ не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ кутить и играть. Но однажды, когда онъ проигралъ около пяти тысячъ рублей, Люба поссорилась съ мужемъ и объявила ему, что выгнать его друзей, если они будутъ обыгрывать его. Иванъ Тихоновичъ возразилъ ей на это, что она не имѣетъ никакого права распорядиться такъ, потому что въ домѣ хозяйцъ онъ, а не она и проч. Это была первая супружеская ссора. Такъ какъ Иванъ Тихоновичъ вовсе не думалъ измѣнять своихъ привычекъ и наклонностей, то ссоры стали повторяться. Воркотня, упреки и слезы Любы скоро ему опротивѣли. Чтобы избѣжать этихъ тоскливыхъ сценъ, онъ сталъ сходить съ друзьями не у себя, а гдѣ нибудь на сторонѣ, и втягивался все больше и больше въ прежнюю холостую, разгульную жизнь. Черезъ полгода молодые жили, уже какъ кошка съ собакой. Ни рысаки, ни наряды, ни большія веселыя компаньи не могли скрасить горькаго житія Любы; не

того ждала она отъ своего блестящаго замужества. Но изъ гордости она скрывала все это отъ постороннихъ, а въ особенности отъ своихъ родныхъ, хотя они уже давно догадывались, что Иванъ Тихонычъ держитъ Любу у себя чуть не изъ милости. За тѣмъ начался ней ссоры съ Матреной Трофимовной, которая теперь стала открыто воевать съ невѣсткой и попрекать ее на каждомъ шагу разными попреками. Люба, разумѣется, не оставалась въ долгу у своей свекрови, и отвѣчала ей всевозможными колкостями. У своихъ ей также было мало отрады. Когда Люба приходила къ матери, Марья Андреевна принималась вывѣдывать отъ нея про житье мужа и брачить, за чѣмъ она ужиться съ нимъ не умѣла. Сестры были равнодушны къ ея положенью, и даже иногда позволяли себѣ намеками подсмѣиваться надъ ея прежними мечтаньями. Оставался одинъ Пларій. Горькая доля Любы была только новою раной въ его сердце, тѣмъ болѣе, что онъ ничѣмъ не могъ помочь ей.

На бѣду, лѣтомъ въ городъ С. пріѣхала труппа волтижеровъ, въ которой оказалась одна красавица танцовщица; эта танцовщица сводила съ ума городскую молодежь, и приобрѣла множество поклонниковъ. Иванъ Тихонычъ, сходявъ въ театръ, воротился домой какъ шальной и рѣшился познакомиться съ танцовщицей во что бы то ни стало. Онъ пустилъ въ ходъ свои капиталы, и засвистѣли тятенькины деньги.

Однажды Иванъ Тихонычъ вышелъ изъ театра внѣ себя отъ восторга. Домой ему идти не хотѣлось. Разгулялась широкая натура и требовала себѣ простора. Онъ пригласилъ всѣхъ своихъ друзей ужинать, и за возліаніями шампанскаго въ честь «прелестнѣйшей» Эмили (такъ звали танцовщицу) объявилъ, что не будь онъ Иванъ Тихонычъ Костяниковъ, если не броситъ ей брилліантоваго фермуара. На другой же день, чтобъ не терять времени для заказа, онъ взялъ потихоньку изъ туалета Любы ея фермуаръ, и въ тотъ же самый вечеръ поднесъ его mademoiselle Эмили. «Прелестнѣйшая Эмиль» была конечно рада фермуару и изъявила Костяникову свое благоволеніе... Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ своей возлюбленной, и весь отдался ея плотояднымъ желаніямъ...

Въ непродолжительномъ времени всѣ Любины дорогіе браслеты, брошки и серьги перешли въ шкатулку прелестнѣйшей Эмили. На всѣ слезы и упреки своей жены, Иванъ Тихонычъ отвѣчалъ руганью и тѣмъ, что какъ можно рѣже показывался ей на глаза.

Побѣда надъ mademoiselle Эмиль сильно польстила его самолюбію. Его восхищала мысль, что какъ ни ухаживали за ней и оенцары, и помѣшники, а онъ, Иванъ Тихонычъ Костянниковъ, остался ея обладателемъ. Чтобы упрочить за собою эту побѣду, онъ готовъ былъ, какъ говорится, изъ кожи вылезть. Mademoiselle Эмиль привыкла выжимать сокъ и не изъ такихъ простяковъ, какъ Иванъ Тихонычъ. Она съ перваго взгляда оцѣнила его и поняла, что не часто судьба посылаетъ кочующей актрисѣ такого золотого тельца. Черезъ нѣсколько дней Иванъ Тихонычъ былъ въ полномъ распоряженіи прелестнѣйшей Эмили. Она потребовала себѣ лошадей, экипажъ, меблированную квартиру; словомъ—всего, что можно было высосать изъ своего душки-Костянникова. Съ утра и до вечера онъ былъ на посылахъ у m-lle Эмиль, съ утра и до вечера онъ бросался, какъ угорѣлый, то въ магазинъ за кускомъ модной матеріи, то въ фруктовую лавку за лакомствами, то дожидаясь ея выхода изъ театра, то прогуливаясь съ нею по окрестностямъ города. Вечерамъ и раутамъ, разумѣется, не было конца.—«Знай нашихъ!» восмивала Иванъ Тихонычъ, заливая шампанскимъ кутившую на его счетъ молодежь... Такъ прошло у него все лѣто съ «прелестнѣйшей» Эмилью.

Осенью вся труппа отправилась далѣе; но m-lle Эмиль осталась, рассчитывая, что въ карманахъ Ивана Тихоныча еще много благодати. Къ несчастію, около этого времени съ Костянниковымъ случилось маленькое приключеніе. Подрядъ, который онъ взялъ, лопнулъ. Ему пришлось заплатить довольно значительную сумму. Съ горя онъ началъ еще больше пить и чаще проигрыватьсь въ карты. M-lle Эмиль, замѣтивъ, что принадлежащее ей сокровище эксплуатируется и другими, рѣшилась оставить городъ С. и увести съ собою Ивана Тихоныча.

— Поѣдемъ въ Петербургъ, сказала она однажды Костянникову. Не стыдно ли тебѣ съ твоимъ капиталомъ сидѣть въ этомъ захолустьѣ? А не поѣдешь, такъ я одна уѣду; не могу я жить съ этими уродами.

— А что, подумалъ Иванъ Тихонычъ, куда кривая не вынесла... Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что я за человѣкъ, коли съ моимъ капиталомъ да не въ одной столицѣ не бывалъ? И онъ собралъ всѣ свои уцѣлѣвшія деньги, и въ одномъ тарантасѣ съ прелестнѣйшей Эмилью укатилъ въ Петербургъ.

Денегъ женѣ онъ оставилъ весьма немного.

У Ивана Тихонича былъ одинъ давнишній товарищъ, съ которымъ онъ бывало игрывалъ еще въ бабки и въ чехарду. Этого товарища звали Степанъ Петровичъ Игрянниковъ. Онъ былъ смиреннѣйшій и невиннѣйшій купчикъ, робкій, но добрый и, по своему, честный. Когда Иванъ Тихоничъ женился, Игрянниковъ такъ же, какъ и другіе товарищи, сдѣлался обычнымъ гостемъ въ его домѣ. Въ карты онъ не игралъ, но всегда сидѣлъ за карточнымъ столомъ и безмолствовалъ весь вечеръ. Когда Ивану Тихоничу надоѣла домашняя жизнь, Игрянниковъ началъ удаляться отъ него. Онъ все рѣже и рѣже заходилъ къ нему. Въ эти рѣдкія посѣщенія онъ всегда заставлялъ Любу одну и не разъ съ красными отъ слезъ глазами. Эта молодая и херошенькая женщина, прежде всегда веселая, а теперь убитая горемъ и одиокая, возбуждала въ сердцѣ Степана Петровича глубокую жалость.

— Господи, думалъ онъ часто, смотри на Любу, что это за человекъ Иванъ Тихоничъ! Кабы у меня была такая жена, я бы кажется подъ стеклышко поставилъ ее, да только любовался...

— О чемъ вы задумались Степанъ Петровичъ? спроситъ бывало Люба.

— Я-съ... такъ-съ ничего, Любовь Алексѣевна. Я-съ о томъ думалъ, что домой пора, прибавитъ онъ и покраснѣетъ.

— Расскажите-на лучше что-нибудь.

— Нечего рассказывать-то. Вотъ къ Дегтяреву вчера муки привезли.

И пойдетъ онъ ей рассказывать разныя торговыя новости, бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы занять чѣмъ-нибудь молодую хозяйку, а самъ такъ нѣжно поглядываетъ на нее, что Любѣ подчасъ целовко дѣлается.

Однажды въ воскресенье, послѣ обѣдни, Степанъ Петровичъ зашелъ къ Костянниковымъ. Люба, по обыкновенію, была одна дома и сидѣла пригорюнившись. Степанъ Петровичъ поздоровался съ ней и робко присѣлъ въ уголокъ.

— А Ивана Тихонича вѣроятно дома нѣтъ-съ? спросилъ онъ нерѣшительно.

— Онъ уѣхалъ.

— Куда-съ?

— Сказалъ, что по дѣламъ въ Москву надо ѣхать, проговорила Люба съ горькой усмѣшкой.

— Въ Москву? А на долго-съ?

— Не знаю.

Степанъ Петровичъ взглянулъ на Любу и замѣтилъ, что на ея рѣспицахъ дрожали слезы. Сердце у ней сжалось. Никогда прежде не видалъ онъ слезъ на глазахъ Любы. Въ эту минуту онъ такъ искренно возненавидѣлъ Ивана Тихоновича, какъ будто тотъ былъ его первымъ врагомъ.

— Такъ вы неужто такъ и просидите цѣлый день однѣ?

— Конечно, просижу одна.

Степанъ Петровичъ облокотился на столъ рукой и закрылъ глаза. Нѣсколько секундъ сидѣлъ онъ такъ. Люба молча, скрестивъ на груди руки, ходила по комнатѣ. Большое зеркало отражало ея блѣдное похудѣвшее лицо; она подошла къ нему, остановилась и начала поправлять волосы.

— Какъ я перемѣнилась, проговорила она съ сожалѣніемъ, разсматривая себя въ зеркалѣ.

Степанъ Петровичъ также взглянулъ въ зеркало и припомнилъ прежнюю Любу, какою онъ видѣлъ ее въ день свадьбы, улыбающуюся и розовую.

— Эхъ! Любовь Алексѣевна! вскричалъ онъ, вскочивъ съ кресель, за чѣмъ же вы за него вышли? Заблѣ онъ вашъ вѣкъ, безобразный.

Люба съ удивленіемъ посмотрѣла на Степана Петровича.

— Вы меня простите, Любовь Алексѣевна, продолжалъ онъ, спонюаясь и поднимавъ голосъ. — Вѣдь онъ все-таки мужъ вамъ. Право, самъ не знаю, какъ съ языка сорвалось...

Какъ ни была грустна Люба, по неволно улыбнулась, взглянувъ на жалкую фигуру своего гостя.

— Нѣтъ. За что жъ сердиться? проговорила она, подойдя къ нему. Садитесь, Степанъ Петровичъ. Вѣдь я и сама раскаиваюсь, что вышла за него. Да и не одна я, всѣ это знаютъ и видятъ. Что жъ дѣлать! прибавила она, помолчавъ немного и вздохнувъ.

Они разговорились и, Степанъ Петровичъ незамѣтно просидѣлъ до вечера. Сначала они переливали изъ пустого въ порожнее, а потомъ успѣлись играть въ мельники при чемъ мельникомъ почти всегда оставался Степанъ Петровичъ и разсплачивался за это леденцами.

Съ этого дня Степанъ Петровичъ былъ постояннымъ и почти единственнымъ гостемъ Любы; вмѣстѣ они читали разные душеспаситель-

ныя книги, играли въ карты и проч. Люба постепенно привыкала къ нему, тѣмъ болѣе, что всѣ прежніе знакомые съ отъѣздомъ Ивана Тихоновича ее оставили.

Она смотрѣла на Степана Петровича почти съ тѣмъ же чувствомъ, съ какииъ больной, избалованный ребенокъ смотритъ на безответную няньку. Ее особенно забавляла его робость и послушаніе. Иногда она нарочно притворялась, что не въ духѣ, или ва что нибудь сердится на него. Тогда Степанъ Петровичъ бывалъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ: онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и смотрѣлъ на Любу такими умоляющими глазами, что ей становилось не въ шутку его жалко.

Между тѣмъ время шло. Настала зима. Объ Иванѣ Тихоновичѣ не было ни слуху ни духу. Деньги, оставленные имъ Любѣ, всѣ вышли. Она начала тихонько закладывать и продавать болѣе цѣнныя вещи изъ своего гардероба.

Наконецъ передъ самымъ Рождествомъ, когда уже Люба совершенно потеряла надежду увидѣть Ивана Тихоновича, онъ вдругъ явился къ ней какъ снѣгъ на голову. Первый взглядъ на мужа не порадовалъ ее. Иванъ Тихоновичъ воротился изъ своего путешествія угрюмый, съ очень тощимъ чемоданомъ и уже не въ томъ франтовскомъ костюмѣ, въ которомъ отправился. Вся его наружность была какая-то помятая, разстрепанная, полумистертая, очевидно выдержавшая много житейскихъ тревоженій. На всѣ запросы Любы, онъ отвѣчалъ сухо, коротко и небрежно. Въ самый день пріѣзда вечеромъ, онъ отправился по своимъ пріятелямъ и возвратился домой только на другой день къ обѣду. Жизнь его пошла прежнимъ пьянымъ порядкомъ. Иванъ Тихоновичъ закутилъ пуще прежняго; въ пьянствѣ его началъ проглядывать какой-то грязный цинизмъ, кругъ пріятелей измельчалъ и подчасъ въ барскихъ хоромахъ его появлялись такіе испитые, прогнившіе въ развратѣ личности, отъ которыхъ коробило бѣдную Любу. Къ женѣ своей Иванъ Тихоновичъ охладѣлъ совершенно, и подчасъ даже порывался поглотить ее.

Однажды вечеромъ, Люба лежала на канapé и горько плакала. Иванъ Тихоновичъ пропадалъ уже три дня. Услужливыя кумушки рассказали ей, что мужъ ея купилъ наканунѣ какой-то вдовушкѣ лисью шубу, и проигралъ ей двѣсти рублей деньгами.

Люба не знала на что ей рѣшиться: ее серьезно начинало пугать

будущее. Чѣмъ больше она вглядывалась въ свое положеніе, тѣмъ яснѣе понимала своимъ женскимъ инстинктомъ, что выхода изъ этого житейскаго омута для нея нѣтъ, что жизнь ея дѣйствительно заѣлъ Иванъ Тихоновичъ и что для всякаго рѣшительнаго шага у нея не останется ни силъ, ни характера... Припавъ лицомъ къ подушкѣ она зарыдала такимъ глубокимъ рыданіемъ, какимъ никогда не надрывалась ее грудь...

Вдругъ въ передней раздалось хлопанье дверей и громякая ругань; за тѣмъ полупьяный Иванъ Тихоновичъ ввалился въ гостиную.

— Огня! закричалъ онъ.

Люба вскочила, пробралась въ кухню и велѣла слугамъ припестя свѣчу. Иванъ Тихоновичъ взялъ свѣчу и отправился въ свой кабинетъ. Люба пошла за нимъ. Онъ подошелъ къ конторкѣ, отворилъ ее, вынулъ оттуда нѣсколько ассигнацій и положилъ ихъ въ карманъ.

— За чѣмъ ты опять берешь деньги? спросила Люба.

— А тебѣ, что за дѣло? Развѣ деньги твои?

— Вѣдь ты шубу купилъ Катериинѣ Дементьевнѣ. Что жъ еще понадобилось ей?

— А тебѣ завидно что-ли?

— Скоро намъ ѣсть нечего будетъ, если ты станешь тратить деньги на всякую безпутную бабу.

— Молчать! закричалъ Иванъ Тихоновичъ, свергнувъ глазами и сжавъ кулаки.— Все мое, что хочу, то и дѣлаю. А тебѣ, свиньѣ, не позволю такъ говорить про Катериину Дементьевну.

Какъ ни старалась быть хладнокровной Люба, но не вытерпѣла. Кровь бросилась ей въ лицо и въ голову, чувство негодованія заклопотало въ ее душѣ. Сорвавъ съ шеи коралловое ожерелье, она бросила его въ ноги Ивана Тихоновича.

— Вотъ послѣднее, что я имѣю отъ тебя. Отдай и это твоей подлой Катериинѣ Дементьевнѣ.

У Ивана Тихоновича вырвался какой-то глухой стонъ, смѣшавшійся съ грохотомъ вазы, которую онъ схватилъ съ окна и разбилъ въ дребезги,.. Онъ не ожидалъ такой дерзости отъ жены, и если бы она инстинктивно не отскочила всторону, то дорого обошлась бы ей эта дерзость. Блѣдная какъ смерть стояла она у дверей, готовясь убѣжать при дальнѣйшей вспышкѣ мужа. Иванъ Тихоновичъ глядя на нее задыхался отъ злости.

— Постой, закричалъ онъ наконецъ, подступя къ женѣ. Коли ты честная женщина, такъ за чѣмъ къ тебѣ, безъ меня, по вечерамъ Степка Икрянниковъ шлялся? Ты думала, что я молчу, такъ ничего и не знаю!

— Икрянниковъ не за худымъ дѣломъ приходилъ ко мнѣ. Не заперать же мнѣ дверей для твоихъ знакомыхъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ отвѣчай, за чѣмъ онъ къ тебѣ шлялся?

— Тебѣ что за дѣло? Онъ книжки читалъ мнѣ...

— Вотъ что! такъ ты безъ меня тутъ выдумала книжки читать съ чужимъ человѣкомъ, а теперь еще хочешь моими деньгами распорядиться? А знаешь ли ты, что я теперь скажу тебѣ. Вотъ тебѣ мой послѣдній сказъ: Убирайся-ка по добру по здорову вонъ изъ моего дома! Слышишь!

Эта угроза придала Любѣ новыя силы; она оправилась и встала, сдѣлавъ необыкновенное усиліе надъ собой.

— Такъ ты смѣешь меня выгнать? сказала она, глотая слезы.

— А отчего бы и не выгнать? Вѣдь я мужъ? а?

Люба не отвѣтила и только тяжело простонала.

— Впрочемъ, добавилъ Костяниковъ, сжалившись надъ своей жертвой, — коли не хочешь уходить, такъ оставайся, только Катерину Дементьевну я сегодня жъ вечеромъ сюда перевезу.

Иванъ Тихоновичъ отвернулся отъ Любы, заперъ конторку и отправился со свѣчей въ гостиную. Тамъ онъ надѣлъ броненную напольную шубу и вышелъ изъ дому, не сказавъ больше никому ни слова.

Но уходъ его нѣсколько минутъ Люба своими шагами ходила по комнатѣ, раздумывая о томъ, что ей дѣлать. Сцена съ мужемъ оскорбила ее до глубины души. Самая обстановка ея жизни показалась ей теперь невыносимой.

— Неужели я останусь здѣсь, когда меня выгоняютъ подумала она. Нѣтъ, нѣтъ. Ни за что. У меня есть руки, я могу работать, и заработанный кусокъ хлѣба все-таки лучше этого подавнiя.

За тѣмъ Люба собрала свое бѣлье и два три платья, уложила ихъ въ узелъ и велѣла слуганкѣ отнести ихъ къ Марьѣ Андреевнѣ. По уходѣ слуганки, она накинула на себя самопъ, закутала лицо капоромъ, покрылась чернымъ вуалемъ и пошла въ лавку къ Степану Петровичу. Покупателей въ лавкѣ не было. Степанъ Петровичъ сто-

ялъ за прилавкомъ, и нагнувшись повѣрялъ счетную книгу. Онъ не вдругъ узналъ Любу.

— Это вы, Любовь Алексѣевна, проговорилъ онъ радостно, когда она откинула вуаль.— Ужъ не покупать ли чего пришли?

— Нѣтъ, отвѣчала Люба терпеливо, мнѣ надо поговорить съ вами.

— Не случилось ли чего? спросилъ онъ тревожно.

— Я вамъ расскажу, только пойдите куда нибудь, гдѣ поменьше народа.

Степанъ Петровичъ сейчасъ же оставилъ прилавокъ и пошелъ за нею. Они миновали многолюдную улицу и повернули въ какой-то темный переулокъ, Степанъ Петровичъ едва переводилъ дыханье. Люба вся дрожала отъ волненья.

— Знаете ли что, произнесла она рѣзко: мужъ меня выгналъ изъ дому.

— Выгналъ? какъ же это онъ выгналъ?..

— Онъ сказалъ, что сегодня вечеромъ перевезетъ къ себѣ Катерину Дементьевну.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Да, онъ можетъ быть, Любовь Алексѣевна, пошутить-съ.

— Нѣтъ, нѣтъ.

Люба рассказала всю сцену.

— Это я во всемъ виноватъ! Мнѣ не слѣдъ было ходить къ вамъ, когда его дома не было, произнесъ Степанъ Петровичъ съ полнымъ отчаяньемъ. Что жъ вы теперь дѣлать-то будете?

— Я хочу пойти къ брату, — проговорила Люба нерѣшительно. Конечно, брату тяжело и сестеръ съ маменькой содержать; но вѣдь я могу чужую работу брать, шить буду. Я пойду и разузнаю все это, а вы покамѣстъ поберегите у себя мои вещи!

— Вотъ что, Любовь Алексѣевна, заговорилъ вдругъ Степанъ Петровичъ, схвативъ ее за обѣ руки. — Вамъ конечно теперь больше дѣлать нечего, какъ къ братцу пойти. Коли вы братцу не будете въ тягость, такъ живите у него пока; а въ случаѣ если онъ какъ нибудь затрудниться станетъ на счетъ васъ, или бы вамъ горько будетъ жить у родныхъ, такъ вы на меня надѣйтесь. Я вамъ квартиру найму и въ содержаніи недостатка не будетъ, а самъ и глазъ не покажу къ вамъ, пока не прикажете. Къ Богу, никогда не приду, чтобъ не терпѣть вамъ изъ-за меня напраслины.

Люба улыбулась.

— Съ какой же стати Степанъ Петровичъ? проговорила она, вѣдь вы мнѣ не родня?

— Это ничего не значитъ-сь, Любовь Алексѣевна. Хоть я и не сродственникъ вамъ, но я бы за васъ всю мою душу отдалъ.

— Вы добрый человекъ, Степанъ Петровичъ, проговорила Люба съ чувствомъ.

— Ей Богу-сь, я для васъ все готовъ сдѣлать, только бы вы хоть разокъ когда позволили еще поглядѣть на себя... Эхъ, Любовь Алексѣевна, все сердце ныло во мнѣ по васъ...

Люба не отвѣчала ему ничего. Степанъ Петровичъ тоже робко замолкъ, и они молчали почти всю дорогу. Только подходя къ дому, они торопливо условились по субботамъ видѣться у всенощной. У, поцѣвѣвша Степанъ Петровичъ крѣпко сжалъ руку Любѣ и проговорилъ:

— Помните же, что коли вамъ только чуть будетъ худо, такъ я для васъ всей душой служить готовъ.

И за тѣмъ онъ побрелъ обратно въ лавку оканчивать счета. А Люба пошла медленными и сомнительными шагами на верхъ, по той самой лѣстницѣ, по которой полтора года тому назадъ она сходила такая веселая и торжествующая, въ сопровожденіи родныхъ и гостей, чтобъ ѣхать къ вѣнцу. Взобравшись на послѣднюю ступеньку, Люба присѣла на ней, задыхаясь отъ волненія и страха, и горько заплакала. Въ головѣ ея пронеслись воспоминанія прошлой жизни, когда она, въ этомъ самомъ домѣ, въ первый разъ увидѣла Костянтикова и, прельстившись его блестящей мишурой, только и думала о томъ, какъ бы заманить его въ свои сѣти. О! чѣмъ бы она не рѣшилась тогда пожертвовать, чтобы достигнуть своей цѣли; какъ смѣшонъ казался ей Иларій, съ его сомнѣніемъ въ счастье сестры! Какъ радостно и съ какими лучезарными надеждами она выходила изъ этого скромнаго жилища, чтобы вступить въ роскошный домъ своего мужа. Тогда ей грезились и шелковые платья, и дорогія каменья, и великолѣпные балы, а теперь она сидѣла, какъ убитая, на ступенькѣ бѣдной лѣстницы и не смѣла прикоснуться къ ручкѣ двери, знакомой ей съ дѣтства.

VIII.

Когда Люба вошла въ комнату, мать и сестры были изумлены, увидѣвъ ея встревоженное лицо и заплаканные глаза.

— Что съ тобой, Люба? спросила ее мать съ невольнымъ страхомъ.

— Я вамъ все расскажу маленька, отвѣтила Люба, только позвольте сперва пройти къ брату. Мнѣ надо поговорить съ нимъ.

И не обращая больше ни на кого вниманія, она отворила дверь въ комнату Иларія. Онъ сидѣлъ, нагнувшись надъ книгой. Услышавъ стукъ отворившейся двери, онъ обернулся.

— Что съ тобой случилось, Люба? спросилъ онъ, пораженный ея разстроеннымъ лицомъ.

Она была блѣдна и дышала порывисто.

— Братъ, сказала она тихимъ, дрожащимъ голосомъ, подойди къ нему и не подымай на него глазъ,—ты былъ правъ, когда не совѣтывалъ выходить за Ивана Тихоновича. Я не хотѣла и слушать тебя. И вотъ теперь въ наказанье пришла тебя просить приютить меня хоть на время. Мнѣ не легко просить тебя объ этомъ. Но мнѣ нечего больше дѣлать. Если ты не позволишь мнѣ прожить у тебя, хоть нѣсколько времени, то я пропаду.

— Что у васъ такое? расскажи, ради Бога. Въ чемъ дѣло?

Онъ усадивъ Любу и выслушавъ отъ нее всю исторію ея ссоры съ Иваномъ Тихоновичемъ. Она рассказала ему откровенно все; что перенесла въ послѣднее время отъ своего мужа. Она не плакала, но въ разсказахъ ея звучало столько тоски и безнадежнаго отчаянья, что нельзя было отказать ей.

Жаль стало Иларію Любу. Предъ нимъ была ужъ не та бойкая и пустенькая дѣвушка, для которой все значеніе жизни состояло въ тапцахъ, въ трикахъ и въ мечтахъ о богатомъ женихѣ. Онъ видѣлъ предъ собою женщину, убитую горемъ, выстрадавшую практической взглядъ на вещи, но которая безъ посторонней поддержки можетъ дойти до полного отчаянья.

Иларій обнялъ сестру.

— Не горюй Люба, проговорилъ онъ ласково. Живи съ нами, какъ жила прежде. Я пока въ силахъ еще работать, а тамъ что будетъ увидимъ.

Люба схватила руку Иларія и крѣпко сжала ее.

Съ этого вечера она поселилась опять съ матерью и сестрами, точно такъ же, какъ жила до замужства. Жизнь ея пошла не радостно. Марья Андреевна съ утра до вечера горевала да охала, бранила Ивана Тихоновича, Матрону Трофимовну, а порой дулась и на Любу. Она не могла примириться съ мыслью, что ея расчеты на богатое замужество Любы не привели ни къ чему. Сестры также мало сочувствовали Любѣ. Онѣ не ссорились съ ней, но выказывали въ обращеніи съ нею какое-то холодное нерасположеніе, какъ будто она была помѣхою ихъ веселію. Любѣ было жаль Иларія. Она начала понимать, что онъ вовсе не обязанъ губить изъ-за семейства свою собственную жизнь. Ей хотѣлось, чтобъ онъ былъ по крайней мѣрѣ спокоенъ въ своемъ домѣ, чтобъ не слышалъ раздоровъ и ссоръ, чтобъ не видалъ косыхъ взглядовъ. Вотъ для чего она бралась за всякую работу въ домѣ, старалась всѣхъ успокоить, все уладить такъ, чтобъ всѣ были довольны.

Иларій по видимому былъ спокоенъ, но на самомъ дѣлѣ это несчастье сестры глубоко потрясло его впечатлительную натуру. Онъ хотѣлъ было откровенно поговорить объ всемъ съ Костянтиновымъ и урезонить его, но ступивъ на порогъ его гостиной, понялъ, что здѣсь все уже кончено. Иванъ Тихонычъ, въ самомъ дѣлѣ, перевезъ къ себѣ вдовушку, и съ тѣхъ поръ домъ его превратился въ притонъ пьяницъ и игроковъ. Каждый вечеръ происходили въ гостиной буйныя вакханаліи. Костянтиновъ зналъ, что онъ проѣдаетъ и пропиваетъ свое послѣднее достояніе, но все-таки пропивалъ его съ шикомъ, весело и бойко, не забывая и друзей. Вѣдь говоритъ же русская пословица, что на людяхъ и смерть красна. Иларій только заглянулъ въ комнаты и вернулся домой. Онъ всегда чувствовалъ къ Любѣ больше расположенія, чѣмъ къ другимъ сестрамъ. Чудное превращеніе, совершившееся въ ней, не ускользнуло отъ него. Не ускользнуло также и то, что остальное его семейство нисколько не тронулось печальнымъ положеніемъ и примѣромъ Любы. Копочка и Лиза по прежнему хотѣли выѣзжать и веселиться, по прежнему дулись, когда онъ былъ не въ состояніи удовлетворять ихъ прихотямъ. И Марья Андреевна все также потворствовала имъ и баловала ихъ. Все это

вмѣстѣ нагоняло на Иларія какую-то холодную и тяжелую апатію. Самая любовь его къ Александрѣ Павловнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утрачивала свѣжесть и живость чувства, засыхала и вянула, какъ молодое деревцо подточенное червемъ. Переписка ихъ становилась все рѣже и холоднѣе.

Единственнымъ развлеченьемъ для него были поѣздки къ Балковымъ. Онъ начиналъ привыкать къ этому семейству. Тамъ ему всѣ были рады, всѣ встрѣчали его радушно; тамъ забывалъ онъ свои домашнія дразги, не слышалъ вѣчныхъ жалобъ семьи на безденежье, не чувствовалъ семейнаго гнета.

Отношенія его къ Наташѣ, съ каждой поѣздкой, становились все дружественнѣе и короче. Наташа вела себя умненько. Постигнувъ отчасти характеръ Иларія, она вовлекала его иногда въ такія пренія, въ которыхъ онъ могъ щеголять своимъ знаньемъ дѣла и начитанностью, и споры всегда окончивались тѣмъ, что она соглашалась съ его мнѣніемъ. Она такимъ образомъ льстила самолюбію молодого человѣка и незамѣтно, съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе привлекала его на свою сторону. Иларій сознавалъ, что какъ честный человѣкъ, онъ не долженъ думать о женитьбѣ на Наташѣ, потому что связанъ словомъ съ Александрой Павловной, а между тѣмъ чувствовалъ, что привязанность къ Балковымъ засѣла глубоко въ его душу, и прекратить знакомство съ ними было бы для него трудно. И задумался онъ надъ вопросомъ: какъ бы легче выдти изъ такого щекотливаго положенія.

— Уѣду отсюда, подумалъ онъ однажды. — Уѣду для того, чтобы остаться честнымъ человѣкомъ. И съ этой минуты Иларій сталъ не на шутку помышлять о переводѣ его на службу въ другой городъ. Онъ ничего не говорилъ еще домашнимъ; но въ первый же разъ, когда случилось ему быть у Балковыхъ и когда Наташа, только что окончивъ играть, повернулась въ его сторону, онъ сказалъ пристально смотря ей въ глаза.

— Мнѣ было очень грустно, пока вы играли.

— Я не буду впередъ играть, отвѣтила дѣвушка.

— Нѣтъ, мнѣ стало грустно не отъ вашей игры.

— Такъ отчего же?

— Мнѣ пришло въ голову, что когда мнѣ придется уѣхать изъ С., то я не буду больше слышать васъ.

— Развѣ вы хотите куда нибудь уѣхать отсюда? спросила Наташа.

— Да. Меня можетъ быть перевести отсюда.

— Скоро?

— Нѣтъ еще не скоро. Но когда нибудь это будетъ.

Иларій замѣтилъ, какъ поблѣднѣла Наташа и какъ весь остальной вечеръ была она разсѣянна и печальна. Сомнѣваться онъ больше не могъ: Наташа любила его. Не только онъ, но даже и болѣе умный человѣкъ можетъ часто ошибиться на счетъ подобныхъ заключеній. Вѣдь не даромъ же наука притворства преподается пре-красному полу съ самой колыбели.

Наташа поблѣднѣла не отъ любви, а отъ мысли, что Иларій можетъ ускользнуть отъ ея расчетовъ, и тогда ей придется долго ожидать повой встрѣчи съ человѣкомъ, на котораго рассчитывать можно.

Какъ бы то ни было, но Иларій далъ себѣ слово не ѣздить больше къ Балковымъ; и въ самомъ дѣлѣ сдержалъ это слово. Когда сестры звали его ѣхать туда, онъ отговаривался то занятіями, то нездоровьемъ, то неохотою и лѣнью. Подобныя отговорки очень удивляли его мать и сестеръ. Копочкѣ особенно хотѣлось допытаться до настоящей причины такой перемѣны. Она, съ самаго перваго посѣщенія Иларіемъ Балковыхъ, поставила себѣ непремѣнной обязанностью неусыпно слѣдить за нимъ и за Наташей. Ревнуя, при каждомъ удобномъ случаѣ, ящикъ въ столѣ братняго кабинета, она раза два находила въ немъ письма Александры Павловны и замѣтила уже въ тоиѣ ихъ что-то холодное и грустное, чего не замѣчала прежде. Принимая въ соображеніе характеръ брата, котораго хорошо изучила, — расположеніе, съ какимъ онъ всегда отзывался о Наташѣ и удовольствіе, съ какимъ всегда ѣхалъ къ Балковымъ, она добралась таки наконецъ до истины. Желая удостовѣриться въ своихъ догадкахъ, она осторожно начала вывѣдывать отъ Наташи все, что ей нужно было знать. Наташа инстинктивно цопимала въ Копочкѣ союзницу и очень откровенно сообщала ей всѣ подробности своихъ бесѣдъ съ Иларіемъ, и его намѣреніе рано или поздно уѣхать изъ С. на службу въ другой городъ.

— Ого! подумала Копочка. Такъ вотъ оно какъ! Надо скорѣе кончать дѣло.

Она передала свои открытія матери и сестрѣ, и вмѣстѣ съ ними рѣшилась дѣйствовать на брата, не пренебрегая никакими средствами. Иларій ежедневно долженъ былъ выслушивать намеки на любовь къ нему Наташи, на то, что у ней 15 т. приданаго, что этимъ бракомъ онъ можетъ на вѣки обезпечить и себя и семейство; но мо-

лодой человѣкъ наотрѣзъ объявилъ имъ, что жениться на Наташѣ не намѣренъ.

Замѣтивъ, что разговорани да просьбами ничего не возьмешь, Копочка начала испытывать другое средство. Она стала часто ѣздить къ Балковымъ и по возвращеніи оттуда всякій разъ отыскивала случай пожалѣть громко и особенно въ присутствіи брата о Наташѣ, которая по ея словамъ все худѣла и быстро приближалась къ чахоткѣ. Марья Андреевна принималась также громко охать и соболизновать о ней. Всѣ, за исключеніемъ Любы, которую изъ осторожности не посвящали въ семейныя тайны, составили такой невыносимый концертъ разныхъ воздыханій и оханій, что Иларій наконецъ потерялъ терпѣнье, и чтобы отнять всякую надежду у сестеръ и матери, онъ холодно и сухо повторилъ имъ, что не можетъ жениться на Наташѣ, потому что связанъ честнымъ словомъ съ другой дѣвицей и сдержитъ это слово, не смотря ни на какія препятствія.

Съ этихъ поръ всѣ замолкли, притихли и перестали поминать о Балковыхъ. Между нимъ и семействомъ водворилась холодность.

Между тѣмъ Копочка не дремала.

Однажды утромъ Александра Павловна сидѣла по обыкновенію за длиннымъ, чернымъ столомъ въ папсіонѣ госпожи Блапъ, окруженная цѣлымъ роемъ дѣтей.

— Une lettre pour vous, сказала ей вдругъ гувернантка другого класса, выглянувъ изъ-за двери съ письмомъ въ рукахъ.

Письмо передали ей. На одну секунду по ея серьезному, блѣдному лицу пробѣжало что-то похожее на краску. Но эта краска исчезла, когда она взглянула на адресъ. Почеркъ былъ ей незнакомъ. Дождавшись свободной минуты, она не пошла, а побѣжала черезъ длинные корридоры во второй этажъ, гдѣ была ея комната. Здѣсь она быстро сорвала печать, пробѣжала письмо, и поблѣднѣла какъ смерть: письмо выпало изъ рукъ ея. Она опустилась на стулъ и, облокотясь на столикъ, сжала въ нихъ пылающую голову. Такъ сидѣла она нѣсколько минутъ совершенно остоленѣвшая, сознавая только нестерпимо-жгучую боль въ сердцѣ. Потомъ она отвела руки отъ лица, подняла письмо и снова перечитала его медленно, и вглядываясь въ каждое слово.

Вотъ что писали ей:

«Особа, желающая вамъ добра, считаетъ долгомъ писать вамъ от-

кровенно объ обстоятельствахъ, касающихся до васъ и тѣмъ предупредить васъ отъ дальѣйшихъ несчастій. Иларій Алексѣевичъ Струговъ давно уже и очень часто посѣщаетъ домъ помѣщика Балкова. Наталья Николаевна Балкова влюблена въ него безъ памяти, и самъ Иларій очень увлеченъ ею. Это доказываютъ частые визиты его къ Балковымъ и постоянныя продолжительныя бесѣды съ Наташей. Женитьба на ней поддержала бы его во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ это самъ очень хорошо понимаетъ; но онъ связанъ словомъ (вы знаете съ кѣмъ), и какъ честный человекъ хочетъ сдержатъ это слово. Съ нѣкотораго времени онъ пересталъ ѣздить къ Балковымъ, но это болѣзненно подѣйствовало на его натуру: онъ сталъ угрюмъ и раздражителемъ, ясно, что онъ борется съ самимъ собою. Васъ просятъ обдумать хорошенько все это и поступить, какъ скажетъ благоразуміе. Особа, которая вамъ пишетъ это письмо, твердо увѣрена, что если Иларій Алексѣевичъ сдержитъ данное слово и женится на васъ, любя другую, то будетъ глубоко несчастливъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его родные».

Подпись заключалась въ буквахъ N. N.

Александра Павловна ни на минуту не сомнѣвалась въ томъ, кѣмъ было писано это письмо. Еслибъ она получила его годъ тому назадъ, то оно нисколько не встревожило бы ее. Но теперь оно имѣло для нея свое значеніе. Старушка, нанявшая ея домикъ въ С..., писала ей изрѣдка и иногда касалась въ письмахъ своихъ разныхъ городскихъ новостей. Отъ нея Александра Павловна давно уже знала, что Иларій познакомился съ Балковыми, что онъ тамъ часто бываетъ, и что въ С. носились уже слухи о томъ, что онъ женится на Наташѣ. Александра Павловна ни слова не писала ему объ этомъ. Самъ Иларій раза два, только вскользь, говорилъ ей о Балковыхъ. Но холодный и сдержанный тонъ послѣднихъ писемъ Иларія встревожилъ ее не на шутку. Она все-таки не хотѣла сама дѣлать Иларію никакихъ вопросовъ, но въ ея письмахъ къ нему неволью проявлялась грусть и онъ уже не дышалъ прежней увѣренностью въ будущее. Безъмянное письмо окончательно убило въ бѣдной дѣвушкѣ всю надежду. Она не могла сомнѣваться въ томъ, что ей писали правду. Какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ей, что никто изъ семейства Иларія не рѣшился бы на такой поступокъ, если бы не былъ увѣренъ, что окажетъ ему этимъ услугу, хотя безъ его вѣдома.

— Саша, Саша! раздалось вдругъ въ дортуарѣ, гдѣ ты? тебя

ищутъ. Часы ужъ пробѣли. Мы всѣ идемъ въ классы. И вслѣдъ за тѣмъ приотворилась дверь ея каморы и полудѣтское, свѣжее личико Вѣрочки заглянуло въ нее.

— Что съ тобой Саша? вскричала Вѣрочка, бросаясь съ мепугомъ къ сестрѣ. Ты нездорова? Она схватила ее за руки, онѣ были холодны, какъ ледъ.

— Ничего Вѣра, проговорила Александра Павловна. Не подымай только тревоги. У меня немножко голова закружилась. Поди, скажи объ этомъ мадамъ Блажь и попроси, чтобы она позволила тебѣ заняться, вмѣсто меня, въ моемъ классѣ. Мнѣ скоро будетъ лучше и я приду въ классъ.

Вѣрочка очень хорошо замѣтила письмо, но не хотѣла въ эту минуту тревожить сестру распросами.

Она обняла сестру, поцѣловала и проворно убѣжала изъ кортуара. Александра Павловна спрятала письмо и прилегла на постель. Странное дѣло! Она не могла обвинять Иларія. Она знала его характеръ, знала, что онъ способенъ увлекаться впечатлѣніями настоящей минуты и не могла не сознаться, что, уважая изъ С. она все это должна была предвидѣть; но все-таки это письмо подействовало на нее, и она не могла заснуть дѣлую ночь, думая тяжелыя думы.

На другой день она послала Иларію конвертъ съ анонимнымъ письмомъ. Отъ себя она только написала слѣдующія слова:

«Если все это неправда, Иларій, то напиши мнѣ, какъ можно скорѣй, а если правда, то не отвѣчай мнѣ. Я возвращаю тебѣ въ такомъ случаѣ данное мнѣ слово и отъ всей души желаю тебѣ счастья».

Когда Иларій получилъ это письмо, вмѣстѣ съ анонимнымъ, то въ первыя минуты, вазалось, не было границъ его негодованью.

Онъ далъ прочесть анонимное письмо сестрамъ и матерп, и осыпалъ ихъ, а въ особенности Копочку самыми колкими, язвительными упреками. Сначала Копочка отказалась отъ письма, но потомъ видя, что никакія отговорки не могутъ поколебать увѣренность брата, сказала ему очень хладнокровно.

— Да что жъ ты сердидься Иларій? Еслибъ я и написала это письмо, что жъ тутъ худаго?

— Это не простительная низость съ твоей стороны, вскричала Иларій.

— Не низость, а истина, возразила Копочка спокойно.

— По какому праву ты смѣешь виниваться въ мои дѣла?

— Я думаю, отвѣчала Копочка, что сдѣлать несчастными двухъ дѣвушекъ тоже не совсѣмъ-то честный поступокъ, и хотѣла предупредить его.

— Кого это я сдѣлалъ несчастной?

— Во-первыхъ, Наташу. Она любить тебя безъ напяти... Вторыхъ, ты самъ не любишь Александру Павловну...

— Скажи пожалуйста, перервалъ Иларій съ язвительной усмѣшкой, какъ ты проницательна.

Иларій хлопнулъ дверью такъ, что задребезжали рамы въ окнахъ и заперся въ своемъ кабинетѣ. Проходили дни и недѣли, онъ не говорилъ ни съ тѣмъ изъ семейства, кромѣ Любы. Матери отвѣчалъ коротко и дерзко, а о Балковыхъ, казалось, забылъ и думать. Нѣсколько разъ брался онъ за перо съ тѣмъ, чтобы написать отвѣтъ Александрѣ Павловнѣ и успокоить ее, но письмо выходило какъ-то неискренно, точно по заказу писалось. Онъ не могъ не сознаваться, что въ словахъ Копочки было много правды. Перо выпадало изъ его руки, и онъ задумывался тяжело и горько.

Самое лучшее, думалъ онъ, уѣхать отсюда. Вдали отъ этихъ дрягъ, среди новой обстановки и новыхъ впечатлѣній, я буду въ состояніи хладнокровно обдумать мое положеніе и отыщу какой-нибудь выходъ. Но уѣхать для него было почти невозможно. Это было сопряжено съ такими затрудненіями, которыя онъ не надѣялся скоро преодолѣть.

Между тѣмъ время шло быстро, безучастное къ тревогамъ и скорбямъ человѣка. Прошла зима и опять повѣяло весной. Опять сошелъ снѣгъ, прилетѣли жавороны и весело огласился воздухъ ихъ звонкимъ щебетаньемъ. Опушились деревья, зазеленѣла трава, все затрепетало жизнью и наслажденіемъ.

Въ одно воскресное утро заѣхалъ къ Струговымъ самъ Балковъ. Иларій былъ дома.

— Я ужъ просто соскучился по вамъ, сказалъ онъ Иларію своимъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ.—То слышишь, что вы больны, то слышишь, что вы заняты! Я думалъ ужъ, не обидѣлись ли вы чѣмъ-нибудь на насъ.

Иларій началъ выдумывать разныя причины, почему ему не удалось побывать у нихъ въ теченіе зимы, и далъ слово пріѣхать въ деревню. Дѣйствительно, недѣлю спустя онъ, скрѣпя сердце, отпра-

вился къ Балковичъ, одинъ безъ сестеръ. Его приняли также привѣтливо и радушно, какъ и всегда.

Наташа, увидѣвъ его, вся вспыхнула и онъ это очень хорошо замѣтилъ. Она немножко похудѣла, но отъ этого показалась ему еще интереснѣе. По прежнему она угощала его чаемъ, играла его любимыя пьесы, словомъ, Иларій Алексѣевичъ возвратился домой въ веселомъ расположеніи духа, и съ этого дня опять сдѣлался постояннымъ гостемъ у Балковыхъ.

Семейство его торжествовало, и хотя онъ по прежнему обращался съ матерью и сестрами очень сухо, но тѣ ясно видѣли, что дѣло идетъ на лахъ.

Однажды подъ вечеръ Иларій и Наташа гуляли по большой дорогѣ. Вечеръ былъ чудный, на небѣ ни облачка, вся природа какъ будто дремала, и располагала сердце къ самымъ мирнымъ ощущеніямъ.

— Какъ здѣсь спокойно у васъ, сказалъ Иларій; такъ спокойно, какъ я давно уже не чувствовалъ себя...

— Вы вѣдь хотите ухъать, отвѣтила Наташа, робко заглянувъ ему въ глаза.

— А вы не хотите этого?

Наташа покраснѣла и отрицательно покачала головой, потупивъ глазки.

— Я могу остаться только при одномъ условіи.

— При какомъ?

— Если вы дадите мнѣ вашу руку и согласитесь всю жизнь идти подлѣ меня, вотъ такъ, какъ теперь идемъ по этой дорогѣ. Онъ подавъ Наташѣ руку, она, не подымая глазъ, положила въ нее свою и прошептала, вся вспыхнувъ отъ удовольствія.

— Я согласна.

Въ тотъ же вечеръ Наташа объявила сперва Юліѣ Ивановнѣ, потомъ Балкову, что Иларій сдѣлалъ ей предложеніе.

Чтобы не распространять нашей уже и безъ того длинной исторіи, скажемъ коротко, что осенью, послѣ поста, Наташу обвиняли съ Иларіемъ, къ великому удовольствію обоихъ семействъ. Приданое Наташѣ было уже давно готово; что оставалось прикупить, то Юлія Ивановна выписала изъ Москвы.

Наканунѣ свадьбы, Балковъ призвалъ Наташу къ себѣ и прочиталъ ей небольшую рѣчь объ ея новыхъ обязанностяхъ въ отноше- нии къ мужу, въ родѣ тѣхъ рѣчей, какия въ старинныхъ книгахъ, назначенныхъ для нравственнаго образованія юности, почтенные отцы семействъ говорятъ своимъ дѣтямъ. Онъ вывелъ на сцену раз- ныхъ добродѣтели, украшающія женщину, и кончилъ тѣмъ, что вру- чилъ Наташѣ ломбардный билетъ въ пятнадцать тысячъ.

Марья Андреевна и Копочка достигли наконецъ своей давнишней цѣли и могли теперь вздохнуть свободно.

IX.

Черезъ два года, послѣ женитьбы Иларія на Наташѣ, въ одно морозное, январское утро въ городѣ С. выѣхала кибитка, запря- женная парой. Изъ нея выглядывало разрумяненное морозомъ лицо Вѣрочки; на немъ выражалось любопытство и то пріятное ощущение, которое испытываетъ всякій путникъ, подъѣжая наконецъ къ цѣли ут- шительнаго путешествія.

— Посмотри-ка, Саша, говорила она,—ничего не измѣнилось въ нашемъ городѣ, точно я вчера изъ него выѣхала; дома и лавки все тѣ же, что и прежде, ничего даже не перекрасили.

Александра Павловна, уткнувшись въ уголъ кибитки, ничего не отвѣчала на замѣчанья сестры. Она думала, напротивъ, что все из- мѣнилось не только въ этомъ городѣ, но даже и сама она теперь не та, что была прежде. Четыре года тому назадъ она выѣхала изъ С. по этой же самой дорогѣ, съ отраднымъ чувствомъ въ сердцѣ, съ несомнѣнной надеждой на счастье въ будущемъ. Теперь же она возвращается надломанная нравственно съ какою-то болѣзненнымъ знаніемъ во всемъ интересамъ этого города, и ищетъ только одного спокойствія.

— Саша въ какую же гостиницу ему ѣхать? спросила Вѣрочка.

— Все равно, въ какую нибудь.

Видишь повернула направо и через несколько минут остановилась у воротъ дома, на которомъ красовалась вывеска: «Гостиница для приѣзжающихъ». Сестры съ своими чемоданами и внесли ихъ че-моданы.

— А когда же, Саша, мы отыщемъ наши деньги? спросила Вѣрочка, послѣ непродолжительнаго отдыха.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣтила Александра Павловна. Только надо будетъ послать за ключемъ къ Аннѣ Никитишнѣ. Я сейчасъ достану изъ чемодана ея адресъ.

Александра Павловна отперла чемоданъ и достала изъ него письмо, бывшей ихъ хозяйки, Анны Никитишны. Вѣрочка прочитала слугѣ адресъ и послала его за ключемъ. Черезъ четверть часа ключъ принесли, и обѣ сестры вышли изъ гостиницы. Дорогой онѣ встрѣтили Любу. Она имъ видимо обрадовалась и вызвалась сама помочь устроиться на новосельи. Въ домѣ были закрыты ставни, и онѣ уже съ недѣлю стояли не топлённый. Люба сходила за работницей, велѣла отворить ставни и купить дровъ. Она хозяйничала съ большимъ усердіемъ. Видно было, что у ней лежало на сердцѣ услужить обѣимъ сестрамъ.

Когда въ печкахъ затрещалъ огонекъ, сестры усадились за чайнымъ столикомъ и завели разговоръ.

— Я знала, сказала Люба, что вы приѣдете. Я слышала это отъ Анны Никитишны.

— Да, мы хотимъ жить вмѣстѣ, отвѣчала Вѣрочка. Мы откроемъ школу, Саша будетъ по прежнему давать уроки музыки.

— Прекрасно, замѣтила Люба.

— Какъ вы поживаете, Любовь Алексѣевна? спросила Александра Павловна. Что Иванъ Тихонычъ?

— И не спрашивайте лучше. Я уже давно не живу съ нимъ. И все у насъ въ семействѣ только горе да горе.

— Что ваша маменька, ваши сестры здоровы ли?

— Онѣ живутъ отдѣльно отъ брата съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился.

— Съ кѣмъ же вы-то живете?

— Я живу съ братомъ. Вѣдь жена его уѣхала въ Петербургъ.

Впрочемъ имъ днѣкъ и обо всемъ разскажу вамъ, а теперь итѣ идти жора.

Она ушла, а сестры начали поочередно устроиваться въ своемъ уютномъ домикѣ. Дня черезъ два онъ принялъ прежній жинной отѣнокъ, и жизнь обитательницъ потекла въ немъ такъ же однообразно, какъ и прежде. Люба иногда павѣщала сестеръ, но разговоръ ихъ никогда не касался Иларія, потому что Александра Павловна не вызывала на него, а самой Любѣ было какъ-то неловко заводить рѣчь о братѣ.

Однажды, вечеромъ, она пришла къ нимъ печальнѣе обыкновеннаго.

— Что съ вами? отчего вы сегодня такъ грустны? спросила Вѣрочка.

— Да раздумье беретъ; не знаю, право, что дѣлать. Брата переводятъ въ Петербургъ; одного отпустить жаль, а съ нимъ вмѣстѣ ѣхать не хочется.

— Отчего же вамъ жаль его? Вѣдь онъ будетъ тамъ съ женой жить, замѣтила Вѣрочка.

— Никогда онъ не будетъ съ ней жить, отвѣчала Люба съ досадой. А мнѣ его потому жаль, что онъ совсѣмъ приунылъ. Иной день слова отъ него не добьешься, совсѣмъ на молодого человѣка не похожъ, точно вѣкъ свой отжилъ.

— Отчего жъ жена оставила его? спросила робко Александра Павловна.

Вызванная этимъ вопросомъ, Люба разсказала грустную исторію Иларія со дня его женитьбы.

Наташа, выйдя замужъ, начала жить такъ, какъ давно хотѣлось жить ей, и пристрастилась къ выѣздамъ, нарядамъ, баламъ и удовольствіямъ всякаго рода. Сначала Иларій вмѣстѣ съ нею пустился въ свѣтъ. Онъ думалъ, что это только мимолетный порывъ вслѣдствіе продолжительной, затворнической жизни, и что когда она повеселится и натѣшится, какъ ребенокъ, то бальная жизнь наскучитъ ей. Но не тутъ-то было: страсть къ удовольствіямъ оказалась въ Наташѣ ненасытной жаждой; кокетство развернулось въ ней въ полномъ блескѣ. Между тѣмъ она далеко запрятала своей ломбардный билетъ, и не только неохотно дѣлилась съ мужемъ процентами, но даже сердилась, когда онъ помогалъ матери и сестрамъ. Это вызывало продолжительныя, семейныя ссоры, которыя оравляли каждую минуту жизни Иларія.

Наконецъ эти ссоры окончились совершеннымъ разрывомъ между Наташей и родными ей мужа. На слѣдующую зиму послѣ ея замужества умеръ Башковъ. Наташа немедленно выпроводила Юлію Ивановну и прибрала къ своимъ рукамъ все, что только возможно было прибрать въ домѣ. Трауръ не позволялъ ей въѣзжать и веселиться. Но за то она умѣла устроить домашній кружокъ, въ которомъ главную роль игралъ бывшій ея женихъ Сузиковъ. Скоро въ руки Иларія попала секретная переписка жены съ Сузиковымъ, а это вызвало тяжелое объясненіе, послѣ котораго Наташа бросила мужа и уѣхала въ Петербургъ, гдѣ поселилась у одной изъ своихъ родственницъ.

— Да, прибавила Люба, кончивъ разсказъ, — у меня сердце болитъ за брата. Онъ самъ чувствуетъ, что вся его будущность погибла. Вѣдь еслибъ вы видѣли: теперь его узнать нельзя. Да что тамъ отъ васъ! Въ первое время, какъ Наташа уѣхала, онъ сталъ было пить. На силу я его образумила. Плакала, на колѣнахъ стояла, руки цѣловала... Оттого теперь и страшно его одного оставить. Вѣдь, по правдѣ сказать, и на моей душѣ есть своя доля грѣха за то, что онъ теперь въ такомъ положеніи... То худо, что Иларій совсѣмъ духомъ упалъ, точно ему и жизнь, и всѣ люди опротивѣли. Ничто его не занимаетъ, никуда онъ не выходитъ; вѣчно сидитъ задумавшись, будто шальной какой. Вотъ только нынче на дняхъ, когда я сказала ему, что вы пріѣхали, онъ какъ будто очнулся немпого. Не то, чтобы веселѣе сталъ, а какъ-то побольше говорить, и все спрашиваетъ про васъ... Я, право, не знаю, что съ нимъ и будетъ. Жаль мнѣ его.

И на глазахъ Любы навернулись слезы. Во все время, пока она говорила, Александра Павловна сидѣла молча, облокотясь на столъ передъ нетронутой чашкой чая. По лицу ея пробѣгали и быстро смѣнялись слѣды внутренней тревоги. Она не поднимала глазъ, неподвижно устремленныхъ на скатерть. Видно было, что въ ней происходила какая-то тяжелая борьба. Наконецъ, она вся вспыхнула, нагнулась надъ чашкой и проговорила тихо сжавъ зубы:

— Отчего онъ не придетъ къ намъ? Развѣ онъ не хочетъ видѣть старыхъ друзей?

Люба быстро взглянула на нее.

— Да какъ же онъ смѣетъ? Вы только подумайте, Александра

Павловна, съ какими глазами онъ лжетъ къ вамъ? Вѣдь онъ не скотъ безчувственный; онъ понимаетъ, какъ глубоко оскорбилъ васъ.

— Нисколько! Мнѣ досадно не за себя, а за него; вѣдь онъ ужасно поступилъ съ собой, и я никогда не думала, чтобъ онъ способенъ былъ такъ ошибаться, отвѣчала задумчиво Александра Павловна.

— Такъ я скажу ему, что вы не сердитесь и желаете его видѣть. Можно?

— Скажите.

И Люба въ восторгѣ бросилась обнимать Александру Павловну, осыпая ее поцѣлуями и разными ласковыми названіями.

Придя домой, она заглянула въ неплотно затворенную дверь, ведущую въ кабинетъ къ брату, и увидѣла свѣтъ.

— Можно войти? спросила она.

— Войди, отвѣчалъ Иларій.

Люба сѣла противъ него на кушетку.

— Какой сегодня чудный вечеръ, сказала она. Морозъ, звѣзды такъ и блещутъ.

— Я не выходилъ сегодня послѣ обѣда.

— За чѣмъ ты все сидишь, Иларій, скажи пожалуйста? Ни на что не похоже, какой ты нынче лѣнивый сталъ.

— Братъ твой отжилъ, Люба. Пора зажить по стариковски, отвѣчалъ Иларій съ усмѣшкой.

— А я такъ вотъ не хочу стариться. Я хочу напротивъ жить, жить, какъ можно дольше. Когда же нибудь доживу и до хорошаго.

— Ты другое дѣло, отвѣчалъ Иларій.

— Отчего, сказала Люба, помолчавъ немного, — ты неходишь къ старымъ знакомымъ?

— Къ какимъ еще знакомымъ? Имъ до меня, а мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

— Вотъ ужъ неправда. Не всѣ такъ мало думаютъ о тебѣ, какъ ты воображаешь. Мнѣ даже сегодня поручили сказать тебѣ, что тебя желаютъ видѣть.

Иларій повернулъ голову и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Любу.

— Кто?

— Александра Павловна.

— Это неправда, Люба. Ты придумала это, или сама навязалась на приглашеніе.

— Ах ты Господи! вскричала Люба почти съ отчаяніемъ. Теперь это не увѣришь. Да развѣ я тебя когда обманывала? Я сейчасъ оттуда, сидѣла тамъ весь вечеръ, и мы все про тебя говорили. Знаешь, что я скажу тебѣ: мнѣ кажется, что Александра Павловна все еще тебя любить.

— Люба, Люба! Къ чему ты говоришь все это, почти престоналъ Иларій, облокотясь на колѣна обѣими руками и ставъ въ нихъ пылающую голову. — Ты не знаешь сама, за какую рану ты хватаешь меня своей холодной рукой... Я не долженъ идти къ ней, потому что это будетъ для нея только новымъ горемъ. Если я увижу ее хоть разъ, я не въ состояніи буду прожить дня, чтобъ не видѣть ее. Чѣмъ тогда я смогу защитить ее отъ разныхъ городскихъ сплетенъ? Ея доброе имя погубить, а я, ты знаешь, на дняхъ уѣду отсюда. Не говори мнѣ объ этомъ, Люба. Не говори больше о ней.

— Что же мнѣ сказать ей, когда она спроситъ о тебѣ? Сходи хоть разъ-то, а тамъ мы тебя и сами пожалуй не пустимъ.

Иларій не отвѣчалъ.

Проходили дни, прошла цѣлая недѣля, но, къ величайшему прискорбію Любы, братъ ея каждый вечеръ просиживалъ дома, точно такъ же, какъ и прежде. Наконецъ пришла бумага о назначеніи его въ Петербургъ. Когда онъ сказалъ объ этомъ Любѣ, она поблѣднѣла.

Бѣдная женщина давно уже боролась сама съ собой. Ей надо было выбирать между привязанностью къ брату и привязанностью къ Степану Петровичу.

Люба цѣлый день ходила, какъ убитая. Она даже не замѣтила, что и съ братомъ ея совершалось что-то особенное.

— Прощай Люба, сказалъ онъ въ сумерки, проходя мимо ея съ оуражкой въ рукахъ.

— Куда ты? спросила Люба.

— Поѣду прогуляться немного.

Люба даже не попытывалась подумать о томъ, куда поедетъ ея братъ. Она какъ сидѣла у окна, такъ и осталась. Хотѣлось ей напихнуть салоу, напоръ и пробраться украдкой, въ полу-вранѣ освѣщенныхъ еще улицъ, туда, прямо въ лавку къ Сте-

пану Петровичу, высказать ему, какъ тяжело и больно у нея на сердцѣ, броситься къ нему на грудь и выплакать все душившее ее горе. Хотѣлось ей сказать ему: не люби меня больше, не думай, не горюй обо мнѣ. Я уѣду далеко отъ тебя, ты сначала потоскуешь, потомъ понемногу уживешься съ своей тоской, поладишь съ ней. Пройдетъ время, скажетъ тебѣ отецъ: пора Степа жениться. Ты подумаешь, поразмыслишь и согласишься. Въ твоёмъ быту нужна хозяйка въ домѣ. И женишься ты выгодно на какойнибудь купчихѣ. Станетъ она наряжаться въ шелковыя платья и брилліанты, будешь ты съ ней вмѣстѣ по праздникамъ ходить по гостямъ, да къ обѣднѣ, заведешь себѣ лавку попросторнѣе; возьмешь прикащиковъ, погрузишься весь въ барыши и забудешь обо мнѣ, какъ будто и не знавалъ меня никогда. Такъ ужъ лучше разлюби меня теперь! Не горюй, не тоскуй по пустому!

Все это хотѣлось бѣдной Любѣ высказать своему другу. Но къ чему? думала она: онъ еще пожалуй, станетъ упрасивать, чтобъ она осталась. Нѣтъ, лучше, не пойду. Лучше прощусь съ нимъ наканунѣ отъѣзда, когда уже все будетъ уложено.

Между тѣмъ Иларій, самъ не помня себя, не шелъ, а скорѣе бѣжалъ къ знакомому ему невысокому домику. Вотъ онъ ужъ у калитки. У него захватило духъ отъ внутренняго волненія и онъ долго стоялъ у дверей, не рѣшаясь взяться за скобку.

— Что вы тутъ стоите, Иларій Алексѣевичъ? сказалъ вдругъ возлѣ него свѣжій, молодой голосъ.

Иларій вздрогнулъ. Подлѣ него стояла Вѣрочка, возвращавшаяся домой.

— Ахъ, это вы, Вѣрочка.... Вѣра Павловна, проговорила Иларій.

— Что жъ вы тутъ стоите, какъ кающійся грѣшникъ? Пойдите къ намъ.

— Да развѣ можно? Вѣдь вы говорите, что я грѣшникъ, а грѣшниковъ въ рай не пускаютъ.

— Ничего, отвѣчала Вѣрочка, отворивъ калитку, мы въ васъ не бросимъ камень. И она переступила за порогъ. Иларій пошелъ за нею.

Александра Павловна сидѣла на диванчикѣ передъ маленькой лампой, и читала. Когда она подняла голову и при матовомъ свѣтѣ лампы

обрисовалось передъ ней похудѣвшее, страдальческое лицо Иларія, съ преждевременными морщинами на лбу,—вся кровь ея прихлынула къ сердцу, ноги задрожали и она едва удержалась на своемъ мѣстѣ. Но это продолжалось не болѣе трехъ или четырехъ секундъ. Она собрала всѣ силы, быстро вскочила съ дивана и подошла къ нему.

— Я васъ давно ждала, проговорила она, подавая ему руку съ такою же кроткой и доброй улыбкой, какую привыкъ онъ видѣть у нея. За чѣмъ вы не шли къ намъ? Развѣ такъ дѣлаютъ со старыми друзьями?

Иларій взялъ ее за обѣ руки, крѣпко сжалъ ихъ и стоялъ передъ ней, не говоря ни слова.

— Сядьте же, Иларій Алексѣевичъ, проговорила Александра Павловна, освобождая тихо свои руки.—Любовь Алексѣевна сказала, что вы все еще горюете о прошломъ. Забудьте его. Передъ вами еще цѣлая будущность. Поговоримте о ней.

А въ голосѣ ея звучали слезы, накопившіяся въ продолженіи долгихъ лѣтъ разлуки. Она сѣла на канапе; Иларій помѣстился подлѣ нея.

— Къ чему говорить обо мнѣ, сказалъ онъ наконецъ, облокотясь на столъ и всматриваясь въ ея лицо. Дайте мнѣ лучше насмотрѣться на васъ. Я такъ давно не видалъ васъ, не слышалъ вашего голоса....

— А я давно ждала васъ.

— Вы меня ждали? Вы?

— Ждала, отвѣчала Александра Павловна, слегка покраснѣвъ.

Иларій взялъ ея руки и прильнулъ къ нимъ губами.

— И вы могли забыть и простить? прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ, и горячія слезы потекли изъ его глазъ на ея руки.

— Да развѣ можно не простить тому, кого любишь?

И долго, долго сидѣли они молча, какъ прежде, передъ разлукой.

Александра Павловна прильнула головой къ его груди, и онъ вѣтъ себя отъ восторга цѣловалъ и ласкалъ эту бѣдную голову. Все было забыто, все было прощено.

Вошла Вѣрочка. Она подѣла къ нимъ и поведя веселую, полудѣтскую рѣчь съ Иларіемъ о томъ, какъ онѣ съ сестрой проводили время въ Петербургѣ.

Вѣрочка видѣла, что Александра Павловна и Иларій были расстроены. Ей хотѣлось развлечь ихъ. Она рассказывала мимолетные анекдоты, остряла, смѣялась такъ беззаботно и отъ души, что невольна вызывала улыбку. Расположеніе ея духа перешло и къ нимъ. Иларій, слушая развѣянню болтовню Вѣрочки, смотрѣлъ съ невыразимо-отраднѣмъ чувствомъ на Александру Павловну, слѣдилъ за малѣйшими ея движеніями. Онъ опять былъ счастливъ... Точно будто все, что произошло со дня ихъ разлуки, было только тяжелый сонъ, мучительный кошмаръ, отъ котораго онъ только теперь очнулся.

Вечеръ пролетѣлъ незамѣтно.

— Когда вы ѣдете? спросила вдругъ Вѣрочка.

Иларій вздрогнулъ отъ этого вопроса. Онъ взглянулъ на Александру Павловну. Взгляды ихъ встрѣтились. Онъ прочелъ въ ея глазахъ столько тяжелой грусти, столько истиннаго горя, что у него перевернулось сердце.

— Не знаю, проговорилъ онъ тихо.

— Какъ не знаете? подхватила Вѣрочка. Любовь Алексѣевна говорила, что вы должны ѣхать скоро, на дняхъ?

Иларій нѣсколько минутъ не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, я не поѣду, наконецъ проговорилъ онъ съ улыбкой; я выйду въ отставку и останусь здѣсь.

Александра Павловна посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Къ чему же это? проговорила она тихо. Вамъ оставаться невозможно...

Иларій задумался. Остаться въ С. значило нанести новый ударъ и ей, и себѣ. Чѣмъ могъ онъ оградить ее отъ толковъ и пересудовъ, что могъ дать ей кромѣ новыхъ страданій? Какое было дѣло свѣту до того, что эта дѣвушка любила его ужъ столько лѣтъ, любила такъ искренно и такъ глубоко, что при первой вѣсти о его несчастіи простила ему все, что онъ заставлялъ ее выстрадать? Какое было дѣло свѣту до того, что онъ готовъ теперь отдать всю свою будущность за тѣмъ, чтобъ не разставаться съ ней? Свѣтъ зналъ только, что онъ женатъ; слѣдовательно свѣтъ имѣлъ право покрѣпъ

ее поэромъ, а онъ никогда не отказывается отъ своихъ правъ. Иларій потупилъ голову и сидѣлъ молча, совершенно уничтоженный.

Александра Павловна встала и съ судорожными движеніями начала ходить по комнатѣ. Еслибъ Иларій взглянулъ на нее, то увидаль бы какъ быстро на этомъ лицѣ одно выраженіе смѣнялось другимъ. Какъ оно то всмхивало болѣзненнымъ румянцемъ, то покрывалось блѣдностью. Но Иларій ничего не видалъ.

— Прощайте, проговорилъ онъ печально, подавая руку Вѣрочкѣ.

— Нѣтъ не прощайте, а до свиданья. Вѣдь вы увидите съ нами до отъезда, не правда ли?

— Можетъ быть.

— Саша слышишь, что онъ говоритъ? Возьми съ него слово, что онъ придетъ съ нами проститься.

— Вѣдь вы не уѣдете, не простясь съ нами? сказала Александра Павловна, подойдя къ нему.

— Нѣтъ не уѣду, отвѣчалъ онъ, пожалъ ей руку и вышелъ.

Несмотря приобрелъ онъ домой. Люба сидѣла все у того же окна, гдѣ мы ее оставили. Иларій, не говоря ни слова, сѣлъ противъ нее, опустилъ голову на руки и задумался.

— Гдѣ ты былъ, братъ? спросила Люба.

— Тамъ, куда ты меня посылала.

— Я такъ и думала. Ну, что жъ?

— Поскорѣй бы только уѣхать отсюда, отвѣчалъ грустно Иларій.

— Что жъ? ѣхать можно хоть послѣ завтра. Вѣдь ты не возьмешь съ собой ни маменьку, ни Лизу?

— Нѣтъ, Люба, нѣтъ, проговорилъ Иларій почти съ отвращеніемъ. За чѣмъ? Я лучше буду высылать имъ на содержаніе. Я поѣду одинъ.

Люба встала и подошла къ брату.

— Ты не одинъ поѣдешь, Иларій, я поѣду съ тобой.

— Спасибо тебѣ, Люба, сказалъ Иларій.

Онъ взялъ руку сестры и крѣпко сжалъ ее.

На слѣдующій день для Иларія и для Любы все утро прошло въ хлопотахъ. Они оба сходили къ Марьѣ Андреевнѣ и объявили, что ѣдутъ на другой день поутру. Со времени женитьбы Иларія, холодность между нимъ и матерью возросла до такой степени, что они оба чуждались другъ друга. Марья Андреевна сознавала, что сынъ ей

долженъ во многомъ обвинять ее и своихъ сестеръ; Иларій съ своей стороны не могъ простить имъ прежнихъ интригъ, и только изрѣдка, по какому-то остатку состраданья и ради приличія, навѣщалъ Марью Андреевну и Лизу.

Въ вечеру все было кончено. Вещи были уложены въ чемоданы. По полу валялись обрывки веревокъ, солома. Беспорядокъ въ комнатахъ еще больше нагонялъ тоску.

— Теперь, сказала Люба, осмотрѣвшись вокругъ, прощай.

— Куда ты?

— Пойду кое съ кѣмъ проститься, и къ Александрѣ Павловнѣ зайду.

— Подожди меня, пойдемъ вмѣстѣ.

Во всю дорогу они не сказали другъ другу ни слова. При входѣ ихъ встрѣтила Вѣрочка. Она была очень весела, и лукавая улыбка не сходила съ ея лица.

— Вотъ хорошо, сказала она, что сдержали слово, пришли съ нами проститься. Жаль Саши дома нѣтъ; она впрочемъ скоро придетъ.

Они вышли въ гостиную.

— И вы Любовь Алексѣевна ѣдете? спросила Вѣрочка.

— Вду, отвѣчала Люба.

— Завтра утромъ?

— Да.

— Ахъ, какъ я не люблю дорожной суматохи! Вообще уѣзжать откуданибудь очень скучно. Не правда ли? И она взглянула вопросительно на Иларія.

Онъ не отвѣчалъ. Его лицо и безъ словъ подтверждало справедливость этого замѣчанія. Онъ сидѣлъ пригорюнясь, и смотрѣлъ съ такимъ пристальнымъ вниманьемъ на полъ, какъ будто рѣшалъ какуюнибудь трудную задачу.

— Еслибъ можно, продолжала Вѣрочка, я бы никогда не хотѣла уѣзжать оттуда, гдѣ мнѣ хорошо, гдѣ меня любятъ.

Иларій посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Что сегодня съ этой дѣвочкой? подумалъ онъ. За чѣмъ ей хочется меня мучить?

— А кстати, прибавила она очень спокойнымъ тономъ, обратясь къ Любѣ, вѣдь и намъ скоро предстоятъ такія же хлопоты.

— Вамъ? повторила Люба какъ-то тревожно и вмѣстѣ радостно.

— Да. Мы здѣсь не останемся. Мы вчера говорили съ Сашей и рѣшили, что гораздо лучше продать здѣсь домъ и уѣхать въ Петербургъ.

— Но какже, спросила Люба, вѣдь вы хотѣли здѣсь школу завести?

— Нѣтъ. Мы передумали. Много хлопотъ будетъ. Вѣдь я одна не справлюсь со школой, Саша должна будетъ помогать мнѣ, а мнѣ хочется, чтобъ она жила поспокойнѣе. Я пойду въ гувернантки, а Саша найметъ себѣ маленькую комнату гдѣ нибудь и будетъ давать уроки музыки. Ей предлагали много музыкальныхъ уроковъ у М-ше Бланъ...

— Но вѣдь все это будетъ еще не скоро, прервала ее Люба, — когда вы домъ продадите.

— Нѣтъ, какъ можно! Мы здѣсь поручимъ кому нибудь домъ продавать. Саша за тѣмъ и пошла, чтобъ поговорить объ этомъ съ Анной Никитишной, не возьмется ли она. Можетъ быть домъ еще лѣтъ пять не продается, а мы хотимъ ѣхать на будущей недѣлѣ.

Въ передней послышался стукъ дверей.

— Вотъ и Саша, проговорила Вѣрочка, и быстро ускользнула за дверь.

Люба взглянула на брата. Глаза ихъ встрѣтились. Взглядъ Иларія былъ какой-то страшный, не то смущенный, не то вопросительно-радостный. Люба улыбнулась.

— Ну что, сказала она брату, не говорила ли я тебѣ, что она тебя любить такъ же, какъ и прежде?

И она встала на встрѣчу къ вошедшей Александрѣ Павловнѣ.

Никогда еще Иларій и Александра Павловна не проводили вмѣстѣ такого хорошаго вечера.

Люба вспомнила, что ей еще надо кое съ кѣмъ проститься, и скоро ушла.

— Саша, сказалъ Иларій, оставшись съ нею наединѣ, правда ли это, что ты хочешь ѣхать въ Петербургъ.

— Правда, отвѣчала Александра Павловна весело.

— За чѣмъ же? продолжалъ Иларій спрашивать каиниѣ-то робкииъ и виѣстѣ радостнымъ голосомъ. Вѣдь вы хотѣли здѣсь устроиться, завести школу...

— А теперь не хотимъ.

Иларій посмотрѣлъ на нее взглядомъ безконечной, восторженной благодарности.

— Саша, проговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія, — вѣдь это съ твоей стороны великая, огромная жертва. Вспомни, кому ты хочешь принести ее, кому хочешь отдать твою будущность: — челоуѣку, который не далъ тебѣ въ прошломъ ничего кромѣ страданья, и который въ будущемъ не можетъ даже оградить твоего имени отъ бессмысленныхъ порицаній! Подумай, Саша, прежде чѣмъ рѣшиться! Ты увлечена теперь...

— Перестань, Иларій, прервала его нетерпѣливо Александра Павловна. Обо всемъ, что ты сказалъ теперь, я уже подумала и ничто меня не остановитъ. Жертвы тутъ нѣтъ никакой. У меня нѣтъ ни отца, ни матери, никого, кто имѣлъ бы право на меня и кому моя привязанность къ тебѣ нанесла бы глубокое горе. Въ отношеніи къ Вѣрочкѣ я исполнила все, что должна была исполнить, она можетъ идти одна своей дорогой. Ты видишь, я свободна, какъ птица, а жить собственно для себя я не умѣю...

— Я буду просить развода! прервала ее Иларій.

— Нѣтъ, ты самъ знаешь, что этого нельзя: развода не дадутъ. Ты разъ въ жизни сдѣлалъ неосторожный шагъ — и все кончено. Обо всемъ этомъ я уже думала и передумала. Что жъ касается до свѣта, то Богъ съ нимъ! Ему до меня — а мнѣ до него нѣтъ никакого дѣла. Я работала — мнѣ платили: — вотъ всѣ мои отношенія къ свѣту. Пусть онъ переицаетъ меня, если хочетъ. Я вынесу его презрѣнье, прибавила она энергично, — вынесу потому, что въ душѣ моей есть сознанье, что я не виновата. Виноватъ скорѣй тотъ нечлѣпный общественный порядокъ, который ставитъ людей на всю жизнь въ безвыходное положеніе... Забудь о разводѣ, и не утѣшай меня. Я вѣдь не ребенокъ...

— И мы будемъ жить вмѣстѣ? перебилъ ее Иларій, задыхаясь отъ волненья.

— Да! прошептала Александра Павловна и склонилась на грудь своего друга.

Не для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти была такая счастливая развязка жизни. Люба вскорѣ возвратилась въ С. Мужъ ея, помотавшись еще года два по трактирамъ, умеръ отъ водяной; она вышла за Степана Петровича и взяла къ себѣ мать и Лизу. Наташа, очутившись въ Петербургѣ одна и съ деньгами, такъ обрадовалась свободѣ, которой не дышала никогда съ самой колыбели, что со всѣмъ упоеніемъ молодости увлеклась свѣтлою жизнью... Она никогда не встрѣчалась съ мужемъ, но до Иларія долетали о ней порой не совсѣмъ благоприятные отзывы. Что жъ касается до него самого, то его впечатлительная натура не вынесла безнаказанно всѣхъ послѣдствій собственной ошибки. Онъ умеръ лѣтъ черезъ восемь, по прїѣздѣ въ Петербургъ, отъ продолжительной нервной болѣзни. Вѣрочка вышла замужъ за одного изъ его товарищей. Александра Павловна живетъ теперь у ней. Она очень серьезна, страстно любить своихъ племянниковъ и племянницъ, читаетъ много книгъ, которыя женщины называютъ очень сухими и вовсе не имѣютъ знакомыхъ.

Какъ только Люба вышла замужъ, Кочочка, поступившая было въ гувернантки, оставила мѣсто, прїѣхала въ С. и поселилась у ней. Она и Лиза теперь уже устарѣли для баловъ, но обѣ по прежнему живутъ себѣ припѣваючи на чужой счетъ, выпиваютъ воротнички, перелистываютъ романы и для разнообразія сплетничаютъ за всѣхъ въ городѣ.

И. Самойловичъ.

ДВВУШКЪ.

Милая дѣвушка! взоръ твой ласкающій
Звѣздочкой яркой горитъ среди тучъ...
Много ихъ, много; но ярко сверкающій
Даже сквозь тьму пробивается лучъ.

Я подглядывалъ этотъ лучъ нескончаемый,
Опъ всю натуру мою оживлялъ;
И для тебя, тѣмъ лучомъ побуждаемый,
И свою слабую пѣсню сложилъ.

Не поддавайся средѣ ты пошляющей —
Въ этомъ болотѣ не люди живутъ...
Лучше прислушайся къ жизни той, въющей
Всюду, что повои, счастливой зовутъ —

Жизнь всѣмъ доступная, счастьемъ полная,
Счастьемъ мыслящихъ, честныхъ людей...
Только среда апатичная, сонная
Что-то *недоброе* видитъ все въ ней...

Но не поддастся та жизнь ухищреніямъ —
Больно адептамъ своимъ дорога,
Каждый энергіей, разумомъ, рвеніемъ,
Силой характера давить врага...

Милая дѣвушка! взоръ твой ласкающій —
Много энергій, силы сулятъ...
Врагъ же несносный, на бой вызывающій,
Вѣчно своимъ нападеніемъ грозитъ.

Что-жъ? одѣвайся въ доспѣхи военные,
Будемъ отжившихъ людей поражать;
Пусть перестанутъ натуры ихъ бранныя,
Воздухъ здоровый собою заражать...

М. Дуровъ.

ЗАПИСКИ ТЮРЕМНОЙ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЫ.

ГЛАВА XXIV.

ЖИТЬЕ ВЪ МИЛЬБАНЕСКОЙ ТЮРЬМЪ.

Дѣло Дженни Камеронъ было ясное; всѣ улики были на лицо, да и сама она предпочла сознаться во всемъ, въ надеждѣ на милосердіе судей. Но приговоръ обманулъ ея ожиданія: она была присуждена къ *четырнадцатилѣтнему тюремному заключенію!* Четырнадцать лѣтъ, вычеркнутыхъ изъ ея молодой жизни! Дженни конца не видѣла этому долгому сроку; казалось для нея никогда не настанетъ желанный день освобожденія.

«Да я не переживу этого! думала она. Я умру въ тюрьмѣ и никогда больше не увижу Чернаго Барни».

Большую часть своего долгаго срока Дженни должна была высидѣть далеко отъ роднаго Глазгова въ одной изъ англійскихъ тюремъ. Первымъ ея этапомъ былъ Мильбанкъ. Дисциплина мильбангской тюрьмы существенно разнилась отъ глазговской: поступавшая сюда арестантка проводила три мѣсяца въ строгомъ келейномъ заключеніи; за тѣмъ двери ея кельи отворялись и оставались открытыми въ теченіи дня; такимъ образомъ заключенная могла слѣдить для развлеченія за тѣмъ, что дѣлалось въ цѣломъ отдѣленіи тюрьмы. Такъ проходили еще

три мѣсяца, по истеченіи которыхъ осужденную переводили въ «общее отдѣленіе», гдѣ заключенныя размѣщаются по двѣ и по три вмѣстѣ. Тѣхъ, которыя здѣсь отличались хорошимъ поведеніемъ, переводили въ брикстонскую тюрьму, гдѣ дисциплина была менѣе строга и одиночное заключеніе вовсе не существовало.

По прибытіи въ Мильбанкъ Дженни Камеронъ была сдана на руки надзирательницѣ, которая, слѣдуя заведенному въ англійскихъ тюрьмахъ порядку, прежде всего остригла ей волосы.

— Однако плотно же вы остригли, замѣтила Дженни, вставая и оглядываясь на отрѣзанную косу. И что за радость такъ обкарнать дѣвку?

Надзирательница уклонилась отъ всякихъ объясненій по этому вопросу, и Дженни Камеронъ угрюмо отправилась въ ванну. Какъ истый философъ, она утѣшала себя тѣмъ соображеніемъ, что какъ бы плотно ни обкарнали ей волосы, она еще двадцать разъ успѣетъ отростить ихъ ко времени своего освобожденія. Пока ее мыли, она вспомнила про Барни, и вдругъ разразилась громкимъ хохотомъ при мысли, что Барни ее не узналъ бы въ этомъ новомъ видѣ.

— Чему ты смѣешься? спросила надзирательница.

— Да мнѣ на себя смѣшно, миссъ; какой я выгляжу безобразной старухой, было отвѣтомъ.

Такъ началась для Дженни новая жизнь. На другой же день послѣ ея прибытія въ Мильбанкъ, въ томъ отдѣленіи тюрьмы, гдѣ помѣщалась ея келья, случился «бунтъ». Дженни слышала, какъ по корридорамъ засуетились надзирательницы, слышала взволнованные голоса другихъ заключенныхъ, къ которымъ, не смотря на запрещеніе говорить, допрашивались: «что это такое? что такое случилось? Потомъ раздалось дребезжанье разбиваемыхъ стеколъ о камень, въ остальныхъ кельяхъ видимо не желали отстать отъ зачинщицъ и подняли страшный гвалтъ; много было крика и шуму, наконецъ призвали мужскую прислугу и виновницъ безпорядка насильственно увели изъ отдѣленія.

Дженни Камеронъ дня два не могла придти въ себя послѣ этого происшествія. Сидя надъ своею работою, она раздумывала о томъ, какъ хорошо было бы поднять такой же бунтъ,

и какъ весело было бы слышать дребезгъ разбивающагося стекла.

Какъ бы то ни было, жизнь въ Мильбанкѣ была не такъ однообразна, какъ тюремная жизнь въ Глазговѣ. Здѣсь женщины допускались къ слушанію богослуженія въ тюремной церкви, и это давало имъ возможность знакомиться другъ съ другомъ; такимъ образомъ зарождались между арестантками тѣ странныя отношенія, представляющія смѣшеніе любви, ненависти и ревности, которыя составляютъ исключительную особенность тюремнаго быта. Дженни не избѣгла общей участи, но объ этомъ рѣчь впереди.

Нѣсколько дней спустя послѣ ея прибытія, отправляясь въ церковь вмѣстѣ съ другими арестантками, она почувствовала что кто-то дернулъ ее за платье.

— Не оглидывайся, шепнули ей. Какъ тебя зовутъ?

— Камеронъ.

— Ты Шотландка?

— Да.

— Не знаешь ли ты Санди Макъ Уильяма?

— Нѣтъ.

— Гм!

Весь этотъ разговоръ происходилъ отрывистымъ попуткомъ. Какъ ни пустъ онъ былъ самъ по себѣ, все же онъ служилъ развлеченіемъ послѣ абсолютнаго молчанія и одиночества кельи; къ тому же, чего стоило одно удовольствіе «провести» надзирательницу. Другимъ развлеченіемъ служили прогулки по тюремному двору; въ теченіе этого часа всегда представлялась возможность поболтать между собою; не прошло и мѣсяца, какъ Дженни Камеронъ отлично усвоила себѣ всѣ уловки, посредствомъ которыхъ можно было обмануть бдительность надзирательницы: она научилась говорить, не поворачивая головы, и почти не шевеля губами. Такимъ образомъ можно было до сыта наболтаться и даже какъ угодно побраниться. Случалось, впрочемъ, что гулъ голосовъ усиливаясь обращалъ на себя вниманіе тюремной матроны и вызывалъ со стороны послѣдней замѣчаніе, а въ крайнихъ случаяхъ и приказаніе идти домой; тогда между арестантками поднимался общій ропотъ,

и каждая спѣшила накинуться на сосѣдку за то, что та будто «драла безъ толку горло».

Такимъ образомъ Дженни Камеронъ ознакомилась съ своими подругами; она узнала также, которая изъ надзирательницъ «добрая» и допускаетъ маленькія уклоненія отъ дисциплины, и которая «злющая-презлющая» и «никому вздохнуть не даетъ».

Послѣ прогулки надо было снова приниматься за работу, за ненавистное для Дженни щипанье пеньки. Она просила, чтобы ей дали какое нибудь другое занятіе, но получила отказъ, который раздражилъ ее до того, что она чуть было не взбунтовалась. Почему же бы ей и не заявить публичнымъ протестомъ, что она чувствуетъ себя оскорбленной, такъ разсуждала Дженни. Во время прогулокъ она много наговорила съ своей сосѣдкой о томъ, какъ весело бить и ломать все, что ни попадетъ подъ руку, безъ этого развлеченія тюремная жизнь была бы ужъ черезъ-чуръ однообразна. Насолить смотрителю, переполошить надзирательницъ и отправиться подъ конвоемъ мужской прислуги въ темную келью—все это своего рода удовольствіе; что же касается заключенія въ темной комнатѣ, то къ нему, по увѣренію Дженниной сосѣдки, скоро можно было привыкнуть.

— Камеронъ, сказала ей однажды эта женщина во время прогулки, я собираюсь взбунтоваться.

— Это за чѣмъ.

— Да ужъ за одно съ Печчи; ей наскучило сидѣть въ своей кельѣ, хочется какой нибудь перемѣны. Вотъ если бы и ты подняла шумъ, то мы всѣ вмѣстѣ отправились бы подъ арестъ, и чего добраго попали бы въ одну келью. То-то была бы потѣха!

Дженни призадумалась. Ею овладѣвало страстное желаніе какой нибудь перемѣны; если бы она только навѣрное знала, что попадетъ въ одну темную келью съ другими, то непременно бы отважилась взбунтоваться; но этой-то увѣренности ей и не доставало, а рисковать на-удачу не хотѣлось.

Тѣмъ не менѣе она обѣщала не отставать отъ другихъ; она не любила скупиться на обѣщанія и ни разу еще въ живни не отвѣчала «нѣтъ» на какое бы то ни было предложеніе. Бунтъ состоялся въ тотъ же день; онъ повелся дѣловымъ,

заведеннымъ порядкомъ; пока призывали мужскую прислугу, на другомъ концѣ корридора Печчи начала вторить своей подругѣ. Поднялась страшная суматоха, во время которой со-сѣдка Дженни принялась стучать щеткою о стѣны своей кельи и кричать: «Камеронъ, Камеронъ! ахъ ты тихоня!» Дженни не вытерпѣла: схватила также свою щетку, поглядѣла на окна и почувствовала неодолимое желаніе сдѣлать какую нибудь бѣшеную выходку.

— Однако мнѣ лучше не приставать къ нимъ, пробормотала она и, бросившись къ постели, укутала голову въ простыню, чтобы не слышать этого шума. Въ этомъ положеніи и застала ее надзирательница много времени спустя.

— Что это значитъ, Камеронъ? спросила надзирательница.

— Ничего, теперь мнѣ лучше. Я было чуть не перебила всѣ окна, миссъ.

— Но ты раскаялась потомъ?

— Да.

— Ну вотъ умница, что избавила насъ отъ лишнихъ хлопотъ. Спасибо тебѣ, Камеронъ.

Дженни съ изумленіемъ, жадно выслушала эти ласковыя слова, и цѣлый день они не выходили у нея изъ головы. Она легко поддавалась на ласку, и немного нужно было ласки, чтобы ее тронуть. Ее похвалили за умѣнье владѣть собою, и этого было довольно, чтобы сдѣлать ее счастливою на все остальное время дня. Съ этой минуты, похвалившая ее надзирательница стала въ ея глазахъ неизмѣримо высоко; она поставила себѣ задачею во всемъ угождать ей; кроткая ея улыбка была для нашей героини вышею наградою.

Но на слѣдующую же недѣлю любимицу Дженни перевели въ другое отдѣленіе, и на мѣсто ея поступила молодая женщина болѣе крутаго нрава; эта послѣдняя испортила все дѣло, которое «было только что пошло на ладъ».

Дженни не возлюбила свою новую начальницу. Сильныя ненависти, какъ и привязанности, быстро развиваются въ тюрьмѣ. Тутъ встрѣтите вы рядомъ любовь, которая остается неизмѣнною во всѣ долгіе годы заключенія, любовь, напоминающую привязанность собаки къ своему господину и ненависть, которая растетъ втайнѣ противъ какого нибудь началь-

ствующаго лица, нанесшаго, быть можетъ, неумышленную обиду. Кто знаетъ, сколько могло бы принести пользы, и сколько вреда могло бы устранить одно слово, сказанное у мѣста и во время.

ГЛАВА XXV.

ПЕРВОЕ НАРУШЕНІЕ ТЮРЕМНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.

Время шло быстро въ мильбанкской тюрьмѣ. Прошло почти три мѣсяца, въ продолженіе которыхъ Дженни Камеронъ не подавала повода ни къ какой жалобѣ; скоро она могла надѣяться, что отворятся двери ея кельи, и одна желѣзная рѣшетка будетъ отлучать ее отъ міра живыхъ, если только этимъ именемъ можно назвать внутренность тюремнаго отдѣленія.

Между тѣмъ, Дженни становилась все раздражительнѣе и все болѣе склонна считать себя жертвою несправедливости. Женщина, по заключеніи въ тюрьму, скоро осваивается съ своимъ положеніемъ, и крѣпко держится за оставленныя ей права. Она знаетъ, что должна высидѣть въ тюрьмѣ семь, десять, пятнадцать лѣтъ. Пусть такъ; но она требуетъ, чтобы съ ней поступали по справедливости, не оказывали другимъ передъ нею предпочтенія. Если же ей въ этомъ отказываютъ, то горе стекламъ и постельному бѣлью; горе оскорбившей ее надзирательницѣ, если она только попадетъ ей подъ руку, прощай тишина и порядокъ цѣлаго отдѣленія.

На бѣду Дженни Камеронъ, новая надзирательница была женщина суровая и непреклонная. Она то и дѣло обращалась съ жалобами къ высшему начальству, и безпощадно относилась къ тѣмъ невиннымъ «затѣямъ» заключенныхъ, отъ которыхъ никому не было вреда, и которыя между тѣмъ мѣшали имъ предаваться дурнымъ мыслямъ. По истеченіи трехмѣсячнаго срока, дверь Дженниной кельи отворилась, но не на радость узницы. Сквозь желѣзную рѣшетку къ ней чаще стала заглядывать надзирательница и журить ее за невнимательность къ работѣ. Кончилось тѣмъ, что въ Дженни уко-

ренилось убѣжденіе, будто ее намѣренно преслѣдуютъ и лишаютъ тѣхъ льготъ, которыя даруются другимъ заключеннымъ. Правда, ее посылали убирать тюремную церковь, и она высоко цѣнила эту милость, которая по крайней мѣрѣ доставляла ей возможность напряженнаго физическаго труда въ новой сферѣ и избавляла отъ скучной работы въ кельѣ; но она не могла понять, почему ей никогда не поручаютъ разносить по утру какао, стряпать на кухнѣ, или убирать комнаты надзирательницы и ея помощницы; ни разу также во все время ея заключенія не была она допущена до чести прислуживать за столомъ надзирательницъ. Во всемъ этомъ она видѣла злой умыселъ, вслѣдствіе чего ожесточалась все болѣе и болѣе. Ей казалось, что она съ своей стороны ничего не упустила, чтобы обратить на себя вниманіе надзирательницы; съ досады, что ей не удалось достигнуть своей цѣли, она рѣшилась показать имъ, что съ ней такъ нельзя безнаказанно поступать. Въ одно прекрасное утро, она спросила почти повелительнымъ тономъ, почему ее такъ рѣдко посылаютъ на работу внѣ кельи и, получивъ на это неудовлетворительный отвѣтъ, возразила грубостью, за которую ее посадили на хлѣбъ и на воду. Новое это оскорбленіе еще болѣе возмутило ее противъ надзирательницы. Съ этой минуты она положительно возненавидѣла ее; дикое удовольствіе находила она грозиться на нее кулакомъ и дѣлать ей гримасы за ея спиною. Въ молитвѣ, къ которой ее приучили въ тюрьмѣ, она просила у Бога, чтобы онъ наслалъ этой женщинѣ болѣзнь или какое нибудь несчастье, которое ее навсегда избавило бы отъ нея.

Черныя мысли все болѣе и болѣе овладѣвали нашей героиней; арестантка, ступившая разъ на эту дорогу, неудержимо увлекается внизъ по быстрому скату; опоры у нея нѣтъ никакой, и въ одиночествѣ первыхъ шести мѣсяцевъ заключенія голова поневолѣ работаетъ надъ одними и тѣми же мыслями. Подруги, которымъ Дженни рассказывала свои обиды во время прогулокъ, соболѣзновали о ней и говорили, что на ея мѣстѣ не стали бы терпѣть. Ей совѣтовали взбунтоваться, на томъ основаніи, что какъ скоро увидятъ, что она «съ душкомъ», съ ней стануть обращаться осторожнѣе. «Отчаянныхъ»

то и бояться выводить из терпѣнія:» таково общее убѣжденіе заключенныхъ, убѣжденіе, не лишенное основанія.

Подготовлявшійся взрывъ насталъ. Одну изъ жалобъ Дженни, которая въ глазахъ ея имѣла большое значеніе, оставили безъ вниманія; вторичное, довольно рѣзкое напоминовеніе о томъ же предметѣ сочли за грубость; Дженни была оставлена безъ обѣда и безъ обычной прогулки по тюремному двору. Оставшись въ своей кельѣ, она втихомолку проклинала надзирательницу, по жалобѣ которой ее наказали. Какъ нарочно въ этотъ день взбунтовалась одна изъ арестантокъ и была отправлена въ карцеръ. Примѣръ ея навелъ Дженни на мысль о сопротивленіи. Когда надзирательница прочитала вечернія молитвы, погасила газъ и заперла дверь ея кельи, Дженни тихо встала и принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Мало по малу разсудокъ ея помрачился, и мѣсто его заступила отчаянная рѣшимость. Съ ней поступили не честно, разсуждала она, такъ она покажетъ имъ, что съ ней шутить плохое дѣло, не даромъ же слыла она за самую бѣдовую дѣвку въ цѣломъ Глазгоу. У нея не хватило терпѣнія оставаться долѣе страдательнымъ лицомъ; такая жизнь становилась невыносимою, и она на все была готова, лишь бы добиться какой нибудь перемѣны. Раза два она принималась хохотать при мысли, какъ она переколотитъ все отдѣленіе, въ которомъ за исключеніемъ дежурной надзирательницы все спало въ эту минуту.

Размышленія эти довели ее до состоянія близкаго къ помѣщательству. Она пожалѣла, что нѣтъ подъ рукою щетки, которую у нея по заведенному порядку на ночь отобрали. Когда все стихло, Камеронъ принялась рвать на клочки свое постельное бѣлье; рванула она разъ, другой, и нацѣла, что занятіе это легкое и преселое, и затанула пѣсню. Потомъ она вскочила на столъ, со стола на окно; но тутъ, замахнувшись своею кружкою, задумалась. То была ея первая попытка серьезно нарушить тюремную дисциплину; идти ли ей дальше или нѣтъ? Съ минуту она простояла въ трепетной нерѣшимости, но тутъ ей снова припомнились всѣ ея обиды, припомнились и подруги-арестантки, которыя засмѣютъ ее, если она остановится на полдорогѣ, и съ громкимъ крикомъ она принялась бить кружкою стекла.

Мгновенно все отдѣленіе пробудилось отъ своего мертваго молчанія. Надзирательница въ попыткахъ прибѣжала на мѣсто преступленія; колокольчикъ зазвонилъ, призывая на помощь мужскую прислугу; заключенныя повскакали изъ своихъ постелей и принялись барабанить въ стѣны, чтобы узнать причину суматохи. «Молодецъ Камеронъ, закричала одна изъ нихъ; молодецъ, дѣвка, не давай имъ спуску!» Другая арестантка съ ругательствами предупреждала Дженни, чтобы она остерегалась на будущее время поцасться ей подъ руку, не то она прочитъ ее, какъ будить по ночамъ добрыхъ людей? «Ужь если тебѣ нужно было взбунтоваться, то кто тебѣ мѣшалъ взбунтоваться днемъ?» ворчала она.

Дженни торжествовала: она была причиною всей этой суматохи, общее вниманіе было на нее обращено. Она жалѣла только, что нѣтъ подъ рукою другихъ оконъ, которыя бы можно было бить и, — пользуясь тѣми немногими минутами, которыя были въ ея распоряженіи, пока не подошли усмирители, — старалась сломать столъ, чтобы сдѣлать изъ него орудіе обороны. Когда дверь распахнулась и явилась мужская прислуга, она бросилась на нихъ тигрицею, боролась съ ними, царапала ихъ въ лицо, пробовала кусаться; пока наконецъ, обессиленная, не была отнесена въ темную келью. Очувшившись въ темной кельѣ, она по заведенному обычаю топала ногами, кричала и барабанила въ дверь, — какъ вдругъ чуть не обезпмятѣла отъ испуга, услышавъ вблизи сиплый голосъ:

— Вадай ихъ! Я охрипла кричащи, теперь твой чередъ.

— Кто ты такая, воскликнула Камеронъ.

— Я Готчинсонъ. Это я вчера подняла гвалтъ. Насъ половина отдѣленья перебунтовалась, и имъ скоро некуда будетъ насъ размѣщать поровнь. Я ужъ было думала найти компанію изъ тѣхъ, кого прежде меня засадили. А ты Камеронъ?

— Да.

— А я тебя принимала за мамлю. Нѣтъ, въ Мильбанкѣ смирной быть не годится. То ли дѣло буянить! Да ужъ и будица же я, пока у меня не стало голоса. А впрочемъ я еще могу топтать ногами. Гей! Слушай!

И пятки Готчинсонъ затоптали по голымъ доскамъ, которыя для обитательницъ темной кельи замѣняли постель.

Когда Дженни были выданы простыни и одѣяла, она разорвала ихъ на клочки, и какъ было принято въ подобныхъ случаяхъ, удостоилась за это восторженнаго одобренія своей подруги, которая давно уже распорядилась съ своимъ постельнымъ бѣльемъ такимъ же образомъ.

— Не плошай, Камми, ободряла ее эта женщина. Теперь мы затынемъ пѣсню. Я буду запѣвалой: голосъ у меня ужъ больно хорошъ. Надзирательница спитъ надъ нами; какъ разъ твоя надзирательница, вотъ мы ей и зададимъ звону.

Извѣстiе это очень обрадовало Дженни, и она принялась пѣть и топать ногами вплоть до утра въ надеждѣ, что этотъ шумъ дойдетъ до ушей ненавистой начальницы. Поутру заключеннымъ принесли хлѣбъ и воду, которыя Готчинсонъ приняла, потому что проголодалась; что же касается Дженни, то она запустила свою порцію въ принесшую ее надзирательницу.

Въ это же утро ей возвѣстили приговоръ: три дня въ карцерѣ на хлѣбѣ и на водѣ. Она была рада и карцеру какъ перемѣнѣ. Правда, она принуждена была сидѣть сложа руки, но у нея была подруга, и онѣ могли разговаривать между собою о тѣхъ «красныхъ дняхъ», когда жили вольными птицами.

Но недолго длилось и это удовольствiе; къ двѣнадцати часамъ очистилось новое помѣщенъе, и Дженни была переведена въ отдѣльную келью, гдѣ осталась одна одинешенька, въ потемкахъ и безъ всякаго занятiя.

Въ первые часы она стойчески переносила свое положенiе, но терпѣнiе ея скоро истощилось, и окружающiе мракъ и тишина навѣяли на нее суетвѣрный страхъ. Она начала раскayаться въ своей опрометчивости и, когда надзирательница заглянула къ ней въ дверной люкъ, она попросила, чтобы ей дали какую нибудь работу, которую она могла бы заниматься въ потемкахъ. Но ей отказали въ этой просьбѣ, и она снова принялась пѣть; потомъ она стала ходить взадъ и впередъ по кельѣ, считая при каждомъ поворотѣ разъ, два, три. Такихъ поворотовъ она насчитала триста, и почувствовала нѣкоторую усталость; ей хотѣлось во что бы то ни стало утомить себя, чтобы заснуть на доскахъ, замѣнявшихъ постель.

Состоянiе ея духа становилось часъ отъ часу напряженнѣе,

и если бы къ ней не заглядывала на короткія мгновенія надзирательница, священникъ и докторъ, она бы, кажется, сошла съ ума. Такъ провела она долгій мучительный день, за которымъ послѣдовала такая же мучительная, нескончаемая ночь. И все-то она оставалась лицомъ къ лицу съ своими черными мыслями, проклинала свою надзирательницу и обдумывала планы мщенія. Находившись до усталости, она валялась, какъ собака, на своей досчатой постели, на которой заснуть не было никакой возможности.

И такъ ей предстояло выжить еще два дня! Казалось, конца не будетъ этому долгому сроку, и съ отчаянья она ничего лучшаго не могла придумать, какъ плакать, кричать, биться ногами о досчатую постель или плясать до упаду. Все это она дѣлала, чтобы какъ нибудь отвязаться отъ мрачныхъ мыслей, одолевавшихъ ее. Что если правда все, что рассказываютъ про дьявола, думалось ей. Вѣдь онъ можетъ подкрасться къ ней и утащить ее въ ту самую минуту, какъ она будетъ вспоминать про глазговское житье—бытье.

Наконецъ-то насталъ вождельбный срокъ карцера, и Дженни Камеронъ, ослабѣвшая и больная, возвратилась въ свою келью и увидѣла свѣтъ божій, по которомъ такъ долго тосковала. Деревянная дверь снова затворилась, и она была подвержена добавочному искусу, при чемъ ей было объявлено, что еще два важныхъ проступка подобнаго рода, и срокъ ея заключенія увеличится на цѣлый мѣсяць.

ГЛАВА XXVI.

ДЖЕННИ КАМЕРОНЪ ПЕРЕВОДИТСЯ ВЪ БРИКСТОНЪ.

Напуганная ужасами темной кельи и перспективою лишняго мѣсяца тюремной жизни, Дженни Камеронъ положила себѣ зарокъ не бунтовать; но арестанткѣ, разъ уже ступившей на этотъ путь, трудно свернуть съ него; самое сознаніе, что она находится на счету подозрительныхъ и изъята отъ мелочныхъ послабленій, доступныхъ другимъ, порождаетъ каку-то

отчаянную беспечность, благодаря которой подобная женщина чаще других попадаетъ въ бѣду.

Не прошло двухъ недѣль послѣ первой вспышки, какъ Камеронъ снова взбунтовалась.

Ее раздражило совпаденіе нѣсколькихъ обстоятельствъ :

Запертамъ дверь кельи мозолила ей глаза; сосѣдка, помѣщавшаяся съ нею стѣна объ стѣну, при каждой встрѣчѣ передразнивала ея шотландскій выговоръ; наконецъ Готчинсонъ, ея записная пріятельница, ни разу не вспомнила о ней со времени ихъ освобожденія изъ карцера, и не прислала о себѣ вѣсточку по тюремному обычаю на клочкѣ контрбандной бумаги. Но болѣе всего раздражала ее ненавистная надзирательница своею вѣчною, отталкивающею солидностью и безпощадностью. Все это вмѣстѣ произвело вторичный взрывъ бѣшенства. Въ одно прекрасное утро оконныя стекла показались Дженни какъ-то ужъ очень соблазнительными; щетка случилась на этотъ разъ подъ рукою, работа наскучила, и ужасы темной кельи были забыты. Дженни вдругъ, почти безъ всякаго вѣшняго повода, принялась бить и рвать все, что ей ни попадалось подъ руку. И снова увели нашу героиню въ темную келью, снова обступили ее суевѣрные ужасы, и стала она раскаиваться въ своей безумной выходкѣ.

На Дженни Камеронъ начинали смотрѣть, какъ на неисправимый субъектъ, объ обращеніи котораго не стоитъ заботиться, и отъ котораго каждая надзирательница была рада радешенька отдѣлаться. Но какъ бы то ни было, она переводилась заведеннымъ порядкомъ изъ низшаго разряда въ высшій, и прошла такимъ образомъ всѣ ступени искуса, которому подвергаютъ заключенныхъ въ Мильбанкѣ. Видимо тюремное начальство, утомленное ея упорствомъ и напуганное горячностью ея характера, послабило въ отношеніи ея строгость тюремной дисциплины; къ ней стали внимательно приглядываться, къ менѣе важнымъ ея проступкамъ стали относиться снисходительнѣе, и эта переменна обращенія отозвалась на ней благотѣльно. Она стала спокойнѣе; дверь ея кельи снова отворилась, ее произвели въ стражуки и стали посылать убирать часовню; въ тяжелой работѣ она нашла утѣшеніе и сбить своей излишней энергіи. Въ тяжеломъ трудѣ было ея спасеніе, и ла-

лобы на нее становились все рѣже и рѣже. Отъ времени до времени къ ней возвращались старыя припадки бѣшенства, чтобы подавить ихъ, она напрягала всю силу воли, какая въ ней была, но это ей не всегда удавалось, и стекла летѣли въ дребезги, а простыни рвались на клочки на перекоръ ея собственному убѣжденію, что она поступаетъ дурно.

Наконецъ она добралась до общежительнаго отдѣленія. Тутъ она сразу измѣнилась къ лучшему. Ей было съ кѣмъ поговорить о старинѣ, было чѣмъ развлечься отъ черныхъ мыслей. Къ тому же у нея была теперь побудительная причина воздерживаться отъ всякой предосудительной выходки: три мѣсяца безукоризненнаго поведенія въ общежительномъ отдѣленіи давали ей право на переводъ въ брикстонскую тюрьму; близость переменъ поощряла ее въ усиліяхъ заслужить ее.

Впрочемъ и тутъ не обошлось безъ сильныхъ искушеній. Дженни никакъ не могла поладить съ одной изъ женщинъ, жившихъ въ одной съ нею кельѣ; она была на волосокъ отъ новой вспышки, но боялась испортить все дѣло, стоявшее ей столькихъ усилій, и обратилась съ жалобою къ надзирательницѣ:

— Миссъ, мнѣ не ужиться съ Джонсъ; или ее удалите, или меня переведите въ другую келью.

— Почему же это такъ, Камеронъ?

— Она меня то и дѣло поднимаетъ на смѣхъ, а я не утерплю, чтобы ее не побить. Сколько я себя ни сдерживаю, руки у меня такъ и чешутся заѣхать къ ней въ ротъ.

Надзирательница обѣщалась подумать объ этомъ дѣлѣ, но за другими дѣлами просьба Дженни вышла у нея изъ головы.

На другой день Дженни приступила къ ней съ вторичнымъ предостереженіемъ.

— Терпѣнья моего больше не хватаетъ, миссъ. Одно изъ двухъ: или удалите меня отсюда, или я ее вздую. Такъ какъ же вы рѣшите?

Такое смѣлое заявленіе нельзя было оставить безъ вниманія, и надзирательница нашла способъ уладить дѣло къ общему удовольствію. Джонсъ обмѣнялась мѣстомъ съ другою женщиной, и все опять пошло, какъ по маслу.

Такъ прошло новыхъ три мѣсяца, по истеченіи которыхъ Дженни услышала отъ надзирательницы похвалу за хорошее поведеніе; это тронуло нашу героиню, которая вообще отличалась необыкновенной впечатлительностію и дорожила каждымъ сказаннымъ ей добрымъ словомъ. Когда главная надзирательница тоже похвалила ее и выразила надежду на ея дальнѣйшее исправленіе, то глаза Дженни наполнились слезами, и она подумала про себя, что пожалуй и въ самомъ дѣлѣ она сможетъ исправиться.

Съ этими благими намѣреніями она сѣла въ омнибусъ, который долженъ былъ доставить ее, и еще десятка два «избранницъ», изъ Мильбанка въ Бригстонъ. Снова замелькали передъ нею дома, широкія дороги и тропинки, по которымъ жизнь такъ и кипѣла, и которыя долго потомъ вспоминались ей за затворами тюрьмы. Эта вольная жизнь, мелькнувшая на одно мгновеніе, какъ бы ослѣпила ее своей яркою красотою и мыслью, что она для нея недосыгаема, заволновала молодой грудью Дженни и вызвала самыя горячія слезы...

Дженни далеко не могла служить примѣромъ всѣмъ кающимся грѣшницамъ; раскаянье ея было далеко не изъ тѣхъ, которыя потрясаютъ все нравственное существо человѣка. Слова нѣтъ, она измѣнилась къ лучшему, она сожалѣла о заблужденіяхъ своей прошлой жизни, но она оставалась все тою же слабою женщиною: въ сущности она была болѣе ребенокъ, чѣмъ женщина. Отъ нея не ускользнули преимущества бригстонской тюрьмы передъ мильбанкской, и она приняла твердое рѣшеніе стараться по возможности удержаться въ первой. Въ Бригстонѣ больше времени было положено на прогулки; здѣсь можно было надѣяться попасть въ первый разрядъ заключенныхъ, которымъ, въ числѣ другихъ послабленій, разрѣшалось пить чай ежедневно и постоянно оставаться вмѣстѣ.

Нечего и говорить, что репутація, сопутствовавшая Дженни изъ Мильбанка была не изъ лучшихъ; итакъ, ее помѣстили въ третій разрядъ заключенныхъ, въ которомъ заработная плата составляла четыре пенса въ недѣлю, и общеніе заключенныхъ между собою допускалось въ будни только по вечерамъ, въ воскресные же дни съ утра. Цѣлыхъ три мѣсяца продержалась она въ третьемъ разрядѣ на хорошемъ счету; ей оста-

важнѣе тагѣ продолжать еще мѣсяцъ, и она получила бы ярлычекъ подъ № 2, что дало бы ей право пить чай по три раза въ недѣлю и получать шесть пенсовъ вмѣсто четырехъ. А тамъ, почему бы ей и не попасть въ первый разрядъ? Вѣдь не хуже же она людей.

Прошелъ и четвертый мѣсяцъ, и Дженни выдали ярлыкъ подъ номеромъ 2-мъ, и перевели ее въ то отдѣленіе тюрьмы, гдѣ помѣщались второразрядныя. Но на бѣду между новыми ея подругами нашлись такія, съ которыми нелегко было поладить; дошло дѣло до скандала, даже до драки, и Дженни представился случай ознакомиться съ карцеромъ брикстонской тюрьмы. Вскорѣ по заключеніи ея въ карцеръ, къ ней вошла надзирательница.

— Камеронъ, тебя требуютъ.

— Кто меня требуетъ?

— Если не ошибаюсь главная надзирательница, было уклончивымъ отвѣтомъ.

Камеронъ выпустили изъ карцера, и она послѣдовала за своей ближайшей начальницей, раздумывая по дорогѣ о томъ, что ей будетъ за этотъ проступокъ — первый ея проступокъ въ Брикстонѣ.

— Гдѣ же надзирательница?

— Она въ главномъ бюро. Но ты прежде должна переодѣться.

— Это за чѣмъ?

— Ты отправляешься обратно въ Мильбанкъ.

Сердце у Дженни захолонуло. Она заранѣе догадывалась, что таковъ будетъ ея приговоръ, но продолжала надѣяться до конца на зло очевидности.

— Что жъ! замѣтила она, стараясь казаться равнодушной, въ Мильбанкъ, такъ въ Мильбанкъ.

И съ угрюмымъ видомъ она начала переодѣваться, бормоча про себя, чтобы ободриться: «Эка важность! По мнѣ, все равно».

— А мнѣ такъ жаль, Камеронъ, что ты уѣзжаешь, замѣтила на это надзирательница. Я было надѣялась, что ты хорошо будешь вести себя здѣсь.

— Да это все по милости той женщины, отвѣчала Дженни, — я совсѣмъ не виновата.

И, растроганная замѣчаніемъ надзирательницы, она принялась тереть кулаками глаза. Наконецъ она не выдержала и залилась слезами. Боже мой! рыдала она, неужто меня такъ-таки здѣсь и не хотѣтъ держать?

— Веди себя хорошо въ Мильбангѣ, и ты скоро къ намъ опять воротись, Камеронъ.

— Когда же меня отправляютъ?

— Сейчасъ же. Дѣло только за тобою.

Дженни переодѣлась и отправилась подъ конвоемъ въ Мильбангъ. Тутъ повторилась та же исторія, какъ и при первомъ ея поступленіи: за стрижкой волосъ послѣдовала баня, а тамъ она снова очутилась подъ замкомъ въ своей одинокой кельѣ.

ГЛАВА XXVII.

НОВЫЯ ПРИВЯЗАННОСТИ.

Дженни твердо рѣшилась подавить въ себѣ всякое жизненное движеніе, всякое человѣческое чувство, — если можно — заснуть на нѣсколько недѣль, чтобы только снова возвратиться въ брикстонскую тюрьму. Въ Мильбангѣ она вела себя такъ хорошо, что вскорѣ дверь ея кельи снова отворилась, и ее стали посылать на различныя работы внѣ кельи. На одной-то изъ этихъ работъ она встрѣтилась съ женщиной, которую мы назовемъ Сусанною Маршъ; женщина эта, прибывшая въ тюрьму недавно, была молода, хороша собою и хитра. Не смотря на свои семнадцать лѣтъ, она уже успѣла раза четыре побывать въ тюрьмѣ и умѣла подслужиться къ начальству смиреннымъ поведеніемъ, послушаніемъ и расторопностью въ работѣ. Она была на счету надежныхъ арестантокъ.

Сусанна Маршъ почувствовала къ Дженни одну изъ тѣхъ загадочныхъ, страстныхъ симпатій, которыя въ тюремномъ быту играютъ такую важную роль и служатъ поводомъ къ большей части случающихся ссоръ.

Камеронъ и Маршъ обмѣнялись нѣсколькими словами въ

бухнѣ. На слѣдующій день въ часовнѣ Камеронъ замѣтила, что Маршъ съ нея глазъ не спускала во время обѣдни и улыбалась ей какъ-то особенно привѣтливо. Камеронъ не видела еще улыбки со времени своего заточенія и возможность имѣть друга, человѣка, для котораго она что нибудь да будетъ значить, произвела дѣльный перевероть въ ея нравственной жизни. Она просто *влюбилась* въ эту женщину, — другимъ словомъ нельзя выразить овладѣвшаго ею чувства. Подобнаго рода безкорыстныя, пламенныя привязанности между женщинами продолжаются обыкновенно около года и кончаются въ большей части случаевъ бѣшенымъ взрывомъ ревности, отчаянною ссорою и выборомъ новой подруги. Камеронъ и Маршъ скрѣпили свою дружбу по заведенной процедурѣ: Сусанна написала письмо, которое спрятала подъ свои волосы, въ ожиданіи удобнаго случая препроводить его по назначенію. Во время прогулки письмо это, переходя изъ рукъ въ руки, дошло наконецъ до Дженни, которая съ своей стороны ухитрилась украсть перо, чернила и бумагу, и нацарапать какъ умѣла отвѣтъ.

Съ этой минуты онѣ стали друзьями на жизнь и на смерть, обязались въ случаѣ надобности драться другъ за друга, и пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы обмѣниваться безграмотными посланіями.

Маршъ оставалось дослужить еще семь мѣсяцевъ до перевода въ брикстонскую тюрьму. Камеронъ, желая доказать ей свою преданность, нарочно старалась провиниться, намѣренно впадала въ разные мелочныя проступки, чтобы отсрочить свой переводъ въ Брикстонъ на нѣкоторое время. Что было ей дѣлать въ Брикстонѣ, когда новый предметъ ея любви оставался въ Милбанкѣ? Подруги были переведены почти въ одно время и попали даже въ одно отдѣленіе. Послѣднее обстоятельство отняло у дѣла его романтическій интересъ, уничтожило прелесть тайныхъ свиданій и контрабандныхъ записокъ; но тѣмъ не менѣе, онѣ остались друзьями, и если привязанность Сусанны стала, по видимому, остывать, то за то привязанность Дженни возросла до такихъ размѣровъ, что отозвалась нерадѣніемъ къ остальнымъ ея тюремнымъ обязанностямъ. Она ревновала Сусанну къ одной заключенной, принадлежавшей къ другому

отдѣленію и сильно тосковала. Однажды, вечеромъ, надзирательница, заглянувши къ ней въ келью черезъ слуховое окно, застала ее въ слезахъ.

— Что съ тобою, Камеронъ?

Камеронъ мало знала эту надзирательницу, которая состояла на службѣ недавно. Неожиданный вопросъ въ слуховое окно заставилъ ее вздрогнуть, и она отвѣчала угрюмо.

— Да ничего. Что мнѣ дѣлается?

— Ты, я вижу плакала, за послѣднее время ты вообще не въ своей тарелкѣ. Ужъ не обидѣлъ ли тебя кто нибудь? Или, можетъ быть, работа у тебя не идетъ на ладъ?

— Положимъ, что и такъ, миссъ, вамъ-то что?

— Быть можетъ, мы съумѣемъ поправить дѣло. Мы не хотимъ, чтобы ты бунтовалась.

— Какъ будто вамъ не все равно, взбунтуюсь я, или нѣтъ?

— Далекое не все равно.

— Такъ знайте же, что я собиралась взбунтоваться.

— Надѣюсь, что ты этого не сдѣлаешь, Камеронъ.

— Надѣетесь? Для кого только, для себя или для меня?

— Отчасти для себя, но преимущественно для тебя.

Камеронъ недовѣрчиво покачала головою. Она не вѣрила надзирательницѣ, ни разу еще не встрѣчала она подобнаго обращенія, и любопытство ея было задѣто за-живое. Эта надзирательница такъ мало походила на другихъ.

— Для меня! повторила Дженни презрительно.

— Тебя могутъ снова отправить въ Мильбанкъ, а я между тѣмъ собиралась сдѣлать изъ тебя хорошую женщину.

— Весь свой вѣкъ я прожила дурною женщиною, а теперь слишкомъ стара, чтобы стать хорошею.

— Я этого не думаю, было ободряющимъ отвѣтомъ. Я въ тебѣ еще не отчаяваюсь. Ну, будь же умница; общай мнѣ, что не взбунтуешься сегодня.

— Вамъ этого хочется?

— Да.

— Ну, коли вамъ хочется, пожалуй.

— Покойной ночи.

— И вамъ тоже покойной ночи.

Длинный разговоръ въ такую позднюю пору (былъ уже седь-

мой часть вечера, а кельи запирались обыкновенно еще ранѣе) былъ противъ правилъ тюремной дисциплины. Камеронъ до того была поражена имъ, что забыла на этотъ вечеръ и думать о невѣрности Сусанны Маршъ. Въ жизнь свою не слыхала она ни отъ кого подобныхъ рѣчей. Все это казалось ей какъ-то «чуждо», но все же спасибо надзирательницѣ на добромъ словѣ. И долго ломала она себѣ голову, съ чего это надзирательница принимаетъ участіе *съ ней*. Она чувствовала себя счастливой; какъ ребенокъ, она гордилась вниманіемъ, которое было на нее обращено; то, что говорила надзирательница, было для нея доступнѣе поученій священника, хотя послѣдній былъ добрый человѣкъ.

ГЛАВА XXVIII.

МИССЪ УЭСТОНЪ.

Разговоръ, оставившій такое глубокое впечатлѣніе на Дженни, не былъ забытъ и надзирательницей, которую мы назовемъ миссъ Уэстонъ. Она замѣтила радостно-изумленный взглядъ, съ которымъ Камеронъ приняла отъ нея слова участія, и признательность, звучащую въ ея прощаньи. Послѣ этого вечера, миссъ Уэстонъ стала внимательнѣе приглядываться къ Дженни, и мало по малу убѣдилась, что женщина эта не погибла еще безвозвратно. Около этого времени арестантка, убиравшая комнату миссъ Уэстонъ, была переведена въ другое отдѣленіе, и главная надзирательница разрѣшила замѣстить ваканцію нашей героиней.

Итакъ Дженни Камеронъ поступила въ услуженіе къ Миссъ Уэстонъ. Эта неожиданная честь произвела на нее глубокое впечатлѣніе; въ первый разъ въ жизни она видѣла, что ей доверяютъ. На радостяхъ она не такъ много стала думать о Сусаннѣ Маршъ; какъ ни раздражала ее невѣрность подруги она все же старалась сдерживаться, чтобы не лишиться своего почетнаго званія. Съ миссъ Уэстонъ она была почтительна и

внимательна въ обращеніи, сердце ея было переполнено благодарностью, она была слишкомъ робка, чтобы выразить ее словами; да, эта отъявленная воровка оказывалась *слишкомъ робкою*, и не находила словъ для выраженія своихъ чувствъ; за то она старалась отблагодарить ее собачей вѣрностью и покорностью. Походка ея стала бодрѣе, взглядъ прояснился, и на лицѣ стала чаще показываться улыбка.

На второй или на третій день ея поступленія въ должность, миссъ Уэстонъ, войдя невзначай въ свою комнату, застала Дженни облокотившеюся о наличникъ камина и пристально, угрюмо смотрящую на нѣсколько мелкихъ монетъ, случайно брошенныхъ безъ призора.

— Вы это нарочно сдѣлали, чтобы испытать меня?

— Про что ты говоришь, Камеронъ?

— Я говорю, что вы нарочно оставили эти деньги незапертыми. Только, право, напрасно вы это сдѣлали.

— Камеронъ, ничего подобнаго у меня и въ мысляхъ не было. Во всемъ виновата моя предосудительная разсѣянность

— Почему же предосудительная?

— Потому что она могла ввести тебя въ искушеніе.

— Никакого тутъ не было для меня искушенія, воскликнула Дженни съ трогательнымъ негодованіемъ. Вы были добры до меня, миссъ Уэстонъ, и неужто же вы думаете, что у меня руки поднялись бы обокрасть васъ?

— Нѣтъ, я этого не думаю; иначе я не просила бы, чтобы тебѣ поручили уборку моей комнаты.

— За что вы меня выбрали?

— За то, что ты мнѣ внушила довѣріе. Мнѣ казалось, что изъ тебя можетъ выйти хорошая женщина.

— И выйдетъ.

— Помогите тебѣ Богъ.

— Да не Богъ, а вы мнѣ помогите.

Поведеніе Дженни Камеронъ такъ замѣтно улучшилось, что ей вскорѣ выдали ярлычекъ подъ № 2-мъ, дававшій ей право на переводъ въ высшее отдѣленіе тюрьмы. Обстоятельство это глубоко опечалило ее; теперь ее пугала всякая перемѣна обстановки, она охотно осталась бы вѣкъ вѣковать въ третьемъ разрядѣ.

— Миссъ Уэстонъ, мнѣ съ вами нужно поговорить, сказала она своей надзирательницѣ какъ-то разъ послѣ обѣдни.

Миссъ Уэстонъ вышла къ ней въ келью, и освѣдомилась въ чемъ дѣло.

— Вотъ видите ли, я получила ярлычекъ подъ № 2, меня переведутъ при первой ваканціи въ другое отдѣленіе, а мнѣ этого не хочется.

— Ты не желаешь быть повышенной, Камеронъ!

— Не желаю.

Послѣ минутнаго колебанья она продолжала:

— Я желаю остаться здѣсь, съ вами. Если меня переведутъ, я нарочно надѣлаю глупостей, чтобы воротиться къ вамъ.

— Нѣтъ, не дѣлай этого, воскликнула встревоженная надзирательница. Тамъ тебѣ будетъ гораздо лучше, Камеронъ.

— Знаю я, какъ мнѣ тамъ будетъ лучше

Миссъ Уэстонъ пустила въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы поколебать непреклонную рѣшимость, звучавшую въ словахъ арестантки. Она выставила ей на видъ, какъ грустно будетъ ей, миссъ Уэстонъ, узнать, что Дженни провинилась, и потерять къ ней то довѣріе, которое въ настоящую минуту было такъ полно. Наконецъ, она взяла обѣщаніе.

— Хорошо, миссъ, я постараюсь вести себя, какъ слѣдуетъ.

— Легко можетъ случиться, Камеронъ, что и меня на дняхъ переведутъ въ то же отдѣленіе.

При этомъ извѣстіи Дженни просіяла.

— Коли такъ, отвѣчала она,—то я какъ нибудь потерплю до васъ; авось либо вы меня не совсѣмъ забудете. Вѣдь вы подчасъ вспомните про меня?

— Конечно. И подумай только Камеронъ, какъ хорошо будетъ, если ты дослужишься до перваго разряда!

— Ладно.

Тѣмъ не менѣе Камеронъ продолжала тосковать о своемъ удаленіи изъ старой тюрьмы. Нерѣдко можно было видѣть въ открытый дверной люкъ, что она сидитъ, облокотившись на столъ и поддерживая подбородокъ руками и пристально глядитъ на противоположную стѣну. Переводъ ея въ другое отдѣленіе случился неожиданно, безъ всякаго предварительнаго распоря-

женія, такъ что она не успѣла даже проститься съ миссъ Уэстонъ.

Въ новой своей кельѣ Дженни старалась вести себя по возможности хорошо. На новую свою надзирательницу она не могла пожаловаться, но все же то была не миссъ Уэстонъ, къ которой она питала такую исключительную привязанность, и которая такъ хорошо умѣла освоиться со всѣми особенностями ея характера. «Когда же нибудь да будетъ она здѣсь», утѣшала себя Дженни, но дни проходили за днями, не принося желанной переменны.

Между тѣмъ разлука снова воспламенила романтическую дружбу ея съ Сусанною Маршъ; между ними снова завязалась на зло начальственнымъ запрещеніямъ дѣятельная переписка, и снова прихотливая, неровная привязанность Сусанны стала для Дженни источникомъ безконечныхъ тревоженій. Тѣмъ не менѣе Дженни продолжала отличатся хорошимъ поведеніемъ, и ей уже улыбалась надежда попасть въ первое отдѣленіе; при этомъ ее не столько занимали льготы, связанныя съ этимъ повышеніемъ, сколько мысль: а что скажетъ на это миссъ Уэстонъ?

Но дѣлу не суждено было кончиться такъ благополучно. Въ отдѣленіе Дженни перевели изъ старой тюрьмы одну женщину, которая принесла съ собою цѣлый запасъ новостей. Между прочимъ Дженни подробно узнала отъ нея, какъ поживаетъ миссъ Уэстонъ, на комъ теперь лежитъ уборка ея комнаты, и кто пользуется ея особымъ расположеніемъ въ настоящую минуту. Разказы эти сильно смутили и опечалили Дженни. Если у миссъ Уэстонъ, рассуждала она, завелись новыя любимцы, то ясно—про нее она забыла; а коли такъ—ей ничего болѣе не остается, какъ воротиться въ старую тюрьму и собственными глазами во всемъ удостовѣриться. Что ей теперь въ ярлыкѣ подь № 1-мъ!

Вслѣдствіе этихъ размышленій она на другой же день сгруппировала надзирательницъ, по жалобѣ которой ее потребовали въ главное бюро. Тутъ разобрали ея дѣло и произнесли приговоръ: положено было лишить ее почетнаго ярлычка и выпроводить въ старую тюрьму.

Но Дженни ошиблась въ своихъ расчетахъ: она поступила

въ отдѣленіе другой надзирательницы и осталась по прежнему разлучена съ миссъ Уэстонъ. Разъ два случилось ей видѣть ее мелькомъ, во время прогулокъ. Печально поглядѣла на нее миссъ Уэстонъ при первой изъ этихъ встрѣчь.

— Не утерпѣла я, ужъ больно мнѣ захотѣлось воротиться на старое мѣсто, шепнула Дженни, хватая ее за платье. Вы только не сердайте на меня.

Вскорѣ, вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ въ составѣ тюремнаго штата, миссъ Уэстонъ была переведена въ западный флигель тюремнаго зданія, гдѣ помѣщались заключенныя перваго разряда. Въ этотъ-то разрядъ положила себѣ Дженни попасть, чтобы не разлучиться съ своею любимицею. Глубокая привязанность придала ей новыя силы, и она къ удивленію тюремнаго начальства снова стала другимъ человѣкомъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и желанная цѣль была достигнута.

На этотъ разъ счастье ей благопріятствовало, и она попала подъ начальство миссъ Уэстонъ. Теперь она была на верху тюремнаго благополучія: она носила зеленое форменное платье, на которомъ красовался № 1. Она получала восемь пенсовъ въ недѣлю, пила чай каждый день, пользовалась большею свободою общенія съ другими арестантками, имѣла больше времени для прогулокъ; но, что всего важнѣе, надзирательницею ея была миссъ Уэстонъ.

До сихъ поръ каждый разъ, какъ ей случалось думать о своей послѣдующей жизни по выходѣ изъ тюрьмы, она мечтала возвратиться къ своей старой обстановкѣ, къ своей любезной уличной жизни въ Глазговѣ. Но теперь мечты ея приняли другой оборотъ. Однажды, рассказывая миссъ Уэстонъ о своемъ прежнемъ житьѣ-бытьѣ, она была остановлена вопросомъ.

— Думала ли ты когда, Камеронъ, о томъ, что ты будешь дѣлать по выходѣ изъ тюрьмы?

Дженни помолчала въ нерѣшимости.

— Нѣтъ, проговорила она наконецъ.

— Неужели ты захочешь воротиться къ прежнему образу жизни?

— Я... я право не знаю, какъ я устроюсь.

— Выбирай, что хочешь; будь, чѣмъ хочешь, только не сво-

рачивай опять на старую дорогу. Вѣдь надо же тебѣ попытаться быть честною женщиною.

— Попытаюсь, отвѣчала она неохотно.

— Слыхала ли ты когда объ обществѣ для вспомошествованія освобожденнымъ преступникамъ?

— Слышать-то я слыхала, только не про такихъ, какъ я, все это писано. Въ мои годы, добавила она съ горькимъ отрывистымъ смѣхомъ, поздно поступать въ услуженіе.

Тѣмъ не менѣе, послѣ этого разговора, мысль ея все чаще и чаще стала возвращаться къ поданному ей совѣту. Мало по малу она пришла къ положительному рѣшенію отправиться, по окончаніи срока своего наказанія, «домой», что на тюремномъ нарѣчій означать, обратиться въ общество для вспомошествованія освобожденнымъ арестантамъ. Передъ нею лежалъ суровый, трудный путь, но онъ велъ къ новой жизни, давалъ ей возможность смѣло глядѣть добрымъ людямъ въ глаза, и она не робѣла.

ГЛАВА XXIX.

воля—послѣ четырнадцати лѣтъ тюремнаго заключенія.

Въ избѣжаніе повтореній мы пройдемъ молчаніемъ послѣдующіе долгіе годы, которые Дженни Камеронъ провела въ тюрьмѣ. День освобожденія приближался, и надо было подумать о томъ, куда дѣться по выходѣ на волю. Мѣсяца за три до окончанія срока, главная надзирательница общалась Дженни похлопотать о ней въ обществѣ для вспомошествованія освобожденнымъ арестантамъ. Съ замираніемъ сердца стала ожидать Дженни рѣшенія своей участи. Найдеть ли ее общество достойною своего покровительства? Не предпочтетъ ли она ей другую, болѣе достойную кандидатку? Потому она мысленно переносилась въ этотъ новый для нея міръ, міръ честныхъ людей, среди котораго ей предстояло одиноко прокладывать себѣ дорогу; она видѣла передъ собою суровый, плохо вознаграждаемый трудъ, трудъ безъ отдыха, подъ надзоромъ какой

нибудь взыскательной, подозрительной госпожи; она видѣла себя одинокою и принужденною во всемъ полагаться только на себя.

Женщины, высидѣвшія много лѣтъ въ тюрьмѣ, обыкновенно съ ужасомъ думаютъ о необходимости снова стоять на своихъ ногахъ. Онѣ такъ привыкли, чтобы о нихъ заботились другія, у нихъ такъ долго ни въ чемъ не было своей собственной воли; пища, кровъ и одежда были у нихъ готовыя, и онѣ такъ отвыкли отъ самостоятельности, что превратились въ живыя машины; имъ какъ-то дико снова очутиться на своихъ ногахъ и зарабатывать свой собственный хлѣбъ. Обыкновенно подобныя женщины, послѣ немногихъ робкихъ усилій пробить себѣ дорогу, снова возвращаются въ тюрьму, на которую онѣ привыкаютъ смотрѣть, какъ на единственное свое убѣжище.

Недѣли за двѣ до истеченія срока наказанія, главная надзирательница объявила Дженни, что общество для вспомошествованія освобожденнымъ преступникамъ приняло ее на свое попеченіе и озаботится доставить ей мѣсто служанки. Послѣдніе дни заключенія походили на сонъ; при одной мысли, что вотъ скоро, скоро она будетъ свободна, голова Дженни шла кругомъ. Подруги завидовали ей, она ясно видѣла это изъ ихъ взглядовъ. По всей тюрьмѣ было извѣстно, что Камеронъ скоро выпустятъ на волю. Встрѣчаясь съ нею въ часовнѣ тѣ арестантки, передъ которыми еще лежали годы и годы неволи, глядѣли на нее почти со злобою; другія, для которыхъ уже занималась заря освобожденія, сочувственно улыбаются ей; находились и такія добрыя души, которыя напутствовали ее различными пожеланіями.

— Камеронъ выходитъ, толговали въ тюрьмѣ. Камеронъ отправляется «домой». Камеронъ не миновать попасться въ новую бѣду. Эхъ, кабы мнѣ обмѣняться съ Камеронъ: мнѣ остается тянуть ляжку шесть лѣтъ, ей — только шесть дней!

Камеронъ была сама не своя въ эти послѣдніе дни; она лишилась аппетита, и руки у нея дрожали. Она работала вяло и не охотно; работу ей возвращали назадъ: то шитье было плохо, то мѣтки были выставлены не на мѣстѣ. Когда съ ней говорили, она то смѣялась бессмысленнымъ смѣхомъ, то заливалась безпричинными слезами. Днемъ она не

могла дожидаться ночи, чтобы на досугъ предаться своимъ мечтамъ; ночью она лихорадочно металась по постели и съ нетерпѣніемъ ожидала дня, чтобы какъ нибудь развлечься отъ своихъ мыслей.

Она просила свою надзирательницу передать миссъ Уэстонъ, что она напишетъ ей, какъ скоро будетъ на мѣстѣ. За день до своего освобожденія она была призвана къ главной надзирательницѣ, которая объявила ей, что пришло отъ статсъ-секретаря разрѣшеніе выпустить ее изъ тюрьмы. Главная надзирательница дала ей, какъ водится, на прощанье нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и отпустила снова въ келью. Пришелъ и вечеръ, послѣдній ея вечеръ въ Брикстонѣ, и она въ послѣдній разъ напилась тюремнаго чаю.

Рано утромъ на другой день, еще задолго до звонка, она встала съ замирающимъ сердцемъ и принялась передѣлывать выпускное платье, которое было выдано ей еще наканунѣ. Выпускныя платья обыкновенно шьются арестантами гуртомъ, и нерѣдко случается, что короткія достаются женщинамъ высокаго роста, и на оборотъ. Перешивъ платье по своему росту, Дженни разложила его въ ожиданіи торжественной минуты, когда ей прикажутъ готовиться къ отъѣзду. Приказаніе долго не приходило; она успѣла собраться съ мыслями, убрать свою келью, побывать въ тюремной церкви. Наконецъ вождѣнная минута настала. Пришла надзирательница, которая должна была отвезти ее «домой». Экипажъ дожидался ихъ на тюремномъ дворѣ. Переступая въ послѣдній разъ за порогъ той кельи, въ которой она провела столько лѣтъ, Дженни испытала какое-то странное волненіе. «Хотѣла бы я знать, попаду ли я опять сюда», проговорила она про себя, проходя не совсѣмъ твердымъ шагомъ тюремными корридорами. Двери дверей, во избѣжаніе опаснаго волненія умовъ, оставались на замкѣ, пока освобожденная счастливица не удалась. Въ пустомъ корридорѣ Дженни никого не встрѣтила, кромѣ дежурной надзирательницы.

— Прощайте, спасибо вамъ, что вы меня бѣдную не оставляли своею ласкою, проговорила Дженни, обращаясь къ надзирательницѣ, которая дружески протанула ей руку и пожелала ей всякаго благополучія. Нельзя сказать, чтобы Дженни

во время своего пребыванія въ тюрьмѣ питала особенное расположеніе къ этой именно надзирательницѣ; но въ настоящую минуту она чувствовала, что любить ее за высказанныя ею добрыя желанія. Дженни страстно желала увидѣться съ Миссъ Уэстонъ передъ отъѣздомъ; ей хотѣлось еще разъ взглянуть на дорогое лицо, которое въ теченіи столькихъ лѣтъ было ея единственной отрадой.

Наканунѣ миссъ Уэстонъ—да простятъ ей сторонники строгой дисциплины—улучила минуту и пробралась въ отдѣленіе Дженни, чтобы шепнуть ей сквозь затворенную дверь нѣсколько прощальныхъ словъ. Благословеніями и горячими изліяніями благодарности отвѣчала ей Дженни, и онѣ разошлись, пожавъ другъ другу руки въ широкую щель, находившуюся между дверью и поломъ. Послѣ этого свиданья Дженни бросилась на постель и спрятала голову въ подушку, чтобы заглушить свои рыданія. Въ лучезарное утро, послѣдовавшее за этою темною ночью, миссъ Уэстонъ будто ненарокомъ очутилась на тюремномъ дворѣ въ одно время съ Дженни.

— Да благословить ее Господь, подумала Камеронъ. Сердце мое чуяло, что я безъ того не уѣду, чтобы не повидать ее еще разъ.

Съ этимъ отраднымъ впечатлѣніемъ Дженни сѣла въ экипажъ. Привратникъ широко распахнулъ ворота, а за этими воротами была широкая, вольная жизнь!

ГЛАВА XXX.

ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ.

Въ вѣденіи общества для вспоможенія освобожденнымъ преступникамъ находилась между прочимъ домъ, въ которомъ помѣщались женщины, состоявшія подъ покровительствомъ общества. Существованіе этого учрежденія за недостаткомъ денежныхъ средствъ было непродолжительно, но на своемъ короткомъ вѣку оно принесло много хорошихъ плодовъ.

«Что пользы, писалъ комитету общества покойный сэръ Джошуэ Джебъ, въ добрыхъ намѣреніяхъ, съ которыми преступникъ покидаетъ тюрьму, если онъ по освобожденіи увидитъ себя безпріютнымъ скитальцемъ. Представьте себя на мѣстѣ чловѣка, неимѣющаго ни друзей, ни какой бы то ни было возможности пріискать себѣ честное занятіе. Что дѣлать? Какъ быть? — становится при подобныхъ обстоятельствахъ страшнымъ жизненнымъ вопросомъ.

Въ одинъ-то изъ этихъ пріютовъ отправилась Дженни Камеронъ, по выходѣ изъ тюрьмы. Въ немъ ея жизнь потекла почти счастливо; никакія строгія правила не стѣсняли свободу обитательницъ заведенія; ничто не напоминало имъ о тюрьмѣ: здѣсь онѣ подлинно чувствовали себя дома. За исключеніемъ положенныхъ часовъ для отдыха ко сну и возвращенія домой, все остальное время дня было въ полномъ ихъ распоряженіи; имъ, такимъ образомъ, представлялась возможность попробовать на дѣлѣ свою нравственную стойкость, и большинство, надо отдать ему справедливость, съ успѣхомъ выдерживало испытаніе. Освобожденныя преступницы не долго оставались въ этомъ мирномъ пріютѣ. Общество спѣшило пристроить ихъ по ихъ желанію, пріискивая имъ мѣста или помогая эмигрировать. Дженни пробыла въ пріютѣ недѣлю. Въ продолженіе этого времени она могла вполне насладиться свободой, но уличная жизнь дѣйствовала на нее раздражающимъ образомъ и слишкомъ напоминала ей Глазговъ. Въ этихъ шумныхъ, многолюдныхъ улицахъ ей было какъ-то не по себѣ.

Въ концѣ недѣли Дженни поступила на мѣсто. Одна изъ посѣтительницъ пріюта, которой понравилась ея наружность, взяла ее къ себѣ въ услуженіе за хорошую плату. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что между *благотворительными особами*, покровительствующими обществу, очень немногія, рѣшаясь взять себѣ служанку изъ пріюта, даютъ ей приличное вознагражденіе; такимъ образомъ усилія этихъ женщинъ жить честно съ перваго же раза оказываются неблагодарнымъ трудомъ. Я знаю случай, что одна изъ нихъ поступила за пять фунтовъ годоваго жалованья въ домъ, гдѣ было двѣнадцать комнатъ, и гдѣ вся работа лежала на ней одной.

Мистеръ и мистриссъ Ивансъ, новые хозяева Дженни, свя-

то хранили ея тайну. Ни нянюшка, ни кухарка, служившія въ томъ же семействѣ, ничего не знали о предшествовавшей ея жизни; что же касается до дѣтей, которыхъ было двое, то онѣ находили только, что новая служанка миловиднѣе и тише всѣхъ слугъ въ дому. Къ сожалѣнію подобная деликатность далеко не представляетъ обыденнаго явленія. Благотворители любятъ пощеголить своей филантропіей, и ради этого не думаютъ щадить чувства кающейся женщины, а между тѣмъ, одно имя тюрьмы кидаетъ въ дрожь бѣдную женщину, и ей мерещится подозрѣніе въ каждомъ взглядѣ, устремленномъ на нее.

Прислуга мистриссъ Ивансъ принимала Дженни за шотландку, проживавшую до сихъ поръ въ людяхъ гдѣ-то на сѣверѣ; само собою разумѣется, никто и не думалъ выводить ее изъ заблужденія. Порою Дженни предлагались щекотливые вопросы, изъ которыхъ она не знала, какъ выпутаться. На бѣду у кухарки былъ братъ въ Эдинбургѣ, вслѣдствіе чего она постоянно наводила разговоръ на Шотландію.

— По какимъ городамъ ты всего больше жила? было чуть не первымъ вопросомъ кухарки.

— Да все больше въ Глазговѣ.

— Хорошіе тамъ господа проживаютъ?

— Есть очень хорошіе.

— Ну, а твои какъ?

— Ничего, господа, какъ господа.

— Большой домъ былъ?

— Очень большой.

Бѣдовое дѣло было для Дженни отвѣчать на разспросы дѣтей. Эти дѣти вѣчно умѣютъ поставить человѣка въ тупикъ. Семилѣтняя дѣвочка при каждомъ удобномъ случаѣ норовила убѣжать отъ своей няньки, и отправлялась по всему дому отыскивать Камеронъ. Ей понравилась новая служанка, и она охотно подсаживалась къ ней и приставала съ затруднительными вопросами.

Однажды нянька отлучилась со двора, и Дженни было поручено присмотрѣть за дѣтьми и сводить ихъ погулять. Гордость бѣдной женщины при мысли, что госпожа довѣрила ей

своихъ дѣтей, не знала границъ. То была, быть можетъ, самая свѣтлая минута въ ея жизни. Въ довершеніе ея блаженства дѣти напрямикъ объявили матери: что если бы Дженни была нянюшкой, то имъ было бы не въ примѣръ лучше. Нельзя ли такъ устроить, чтобы Дженни на время стала нянюшкой, а Анна горничной?

Письмо Дженни къ миссъ Уэстонъ въ первое время ея пребыванія у мистриссъ Ивансъ дышало бодростью и непоколебимою увѣренностью, что и впредь все пойдетъ также хорошо. Подобно всѣмъ впечатлительнымъ натурамъ, Дженни всегда была готова увлекаться радужными ожиданіями. Но прошло недѣли четыре, и миссъ Уэстонъ получила отъ нея письмо совсѣмъ иного содержанія. Дженни писала, что скучаетъ и унала духомъ; она не понимала, что съ ней такое дѣлается, но она боялась занемочь. Письмо заключалось просьбою къ миссъ Уэстонъ заѣхать къ ней хоть на минуту.

Миссъ Уэстонъ хорошо понимала, что скука была причиною безумныхъ вспышекъ Дженни въ тюрьмѣ, и боялась, чтобы, наскучивъ однообразіемъ своей настоящей жизни, она снова не сбилась на старую дорогу. Въ первый же свой свободный вечеръ миссъ Уэстонъ отправилась ее провѣдать. Камеронъ, отворившая ей дверь, радостно вскрикнула, увидѣвъ знакомое лицо.

— Такъ это вы! Я и надѣялась, что вы пріѣдете, и боялась надѣяться. Ужъ очень мнѣ хотѣлось васъ видѣть.

— Я пріѣхала провести съ тобою нѣсколько минутъ, если твоя госпожа позволитъ.

— Спасибо вамъ, проговорила Камеронъ со слезами на глазахъ, и побѣжала къ мистриссъ Ивансъ. Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась.

— Меня отпустили прогуляться съ вами, объявила она. Пока я одѣваюсь, мистриссъ Ивансъ желала бы переговорить съ вами на счетъ меня.

И Дженни, обрадованная какъ ребенокъ, побѣжала на верхъ, между тѣмъ, у бывшей ея надзирательницы и у мистриссъ Ивансъ разговоръ шелъ о ней. Послѣдняя не могла нахвалиться новой служанкой.

— Порой она бываетъ очень задумчива, замѣтила она, но я

надѣюсь, что она мало по малу оправится. Къ тому же она уже слишкомъ прилежно работаетъ.

Когда миссъ Уэстонъ и Дженни очутились на улицѣ, первымъ вопросомъ послѣдней было:

— Ну что она говорить обо мнѣ?

— Она до сихъ поръ тобою довольна, но находитъ, что ты надрываешься работой.

— Эхъ, да какъ же мнѣ быть безъ работы? Когда я сажу сложа руки, ужъ очень меня мои мысли одолеваютъ.

— Старайся не предаваться мрачнымъ мыслямъ.

— Да я и стараюсь, только черныя мысли сами собою лѣзутъ въ голову.

— Какія же это черныя мысли?

— Да хоть бы объ васъ; мнѣ все думается не забыли ли вы меня; потомъ я припоминаю всѣ свои прошлыя грѣхи; мучить меня еще другая мысль: куда я двнусь, когда у меня и послѣдней силы не станетъ...

— Но ты на видъ совершенно здорова, замѣтила миссъ Уэстонъ.

— Нездоровье мое вотъ тутъ, отвѣчала Дженни, указывая на грудь, и рано или поздно оно меня доканаеть. А тогда одинъ конецъ — рабочій домъ.

Миссъ Уэстонъ сдѣлала все, что было въ ея силахъ, чтобы успокоить Дженни, и ободренная ея присутствіемъ, Дженни просіяла и забыла свои мрачныя предчувствія. Далѣе она сообщила миссъ Уэстонъ, что госпожа ее зоветъ съ собою въ Америку, куда Ивансъ собирались въ скоромъ времени переселиться всей семьей.

— А хотѣлось бы тебѣ ѣхать въ Америку? спросила миссъ Уэстонъ.

— Хотѣться-то пожалуй и хотѣлось бы; на чужой сторонѣ мнѣ было бы какъ-то покойнѣе: отъ моей старой жизни, знаете ли, подальше. Только васъ-то вѣдь я тогда больше не увижу; вы будете для меня все равно, что мертвая.

— Но здоровье твое поправилось бы тамъ, Камеронъ.

— Да; оно-то самое и не даетъ мнѣ покоя. Эхъ, миссъ, кабы я только знала, что меня еще хватить на десять лѣтъ.

Прошло нѣсколько времени, и миссъ Уэстонъ ничего болѣе

не слыхала объ отъѣздѣ семейства Ивансѣ за границу, между тѣмъ все семейство въ сопровожденіи всего домашняго штата побывало на берегу моря. Дженни возвратилась съ этой поѣздки повеселѣвшею и посвѣжѣвшею. Она объявила миссъ Уэстонъ, что чувствуетъ себя совершенно счастливою, что господа до нея очень добры и что ей грѣхъ пожаловаться на судьбу. Въ этотъ періодъ своей жизни она начинала дорожить преимуществами, сопряженными съ званіемъ честной женщины, и неохотно бы согласилась ими пожертвовать. «Глазговское житье» казалось ей страшнымъ сномъ, отъ котораго она рада была, что проснулась.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и мистриссъ Ивансѣ возобновила Дженни предложеніе ѣхать съ нею въ Америку. На этотъ разъ переселеніе всей семьи было дѣло окончательно рѣшенное.

Предложеніе это не на шутку разстроило Дженни, какъ разстроивала ее всякая случайность, выходящая изъ ряду обыкновенныхъ событій. Не въ ея характеръ было рѣшить самостоятельно, что для нея лучше: она обратилась за совѣтомъ къ миссъ Уэстонъ, которому и послѣдовала: рѣшено было, что она черезъ нѣсколько недѣль навсегда распростится съ Англіей. Много слезъ пролила Дженни при мысли о разлукѣ съ единственнымъ своимъ другомъ; но судьба караулила ее, и ей не такъ-то скоро было суждено удалиться съ арены, на которой она жила и дѣйствовала до сихъ поръ.

Дженни шла однажды по улицѣ съ порученіемъ отъ своей госпожи, какъ вдругъ кто-то схватилъ ее за платье. Оглянувшись, она очутилась лицомъ къ лицу съ Сусанною Маршъ, своей старинной тюремной подругой.

— Дженни!

— Сусанна!

Дженни краснѣла и блѣднѣла попеременно; она дышала тяжело и принуждена была прислониться къ рѣшеткѣ сосѣдняго дома; широко раскрытыми глазами глядѣла она въ лицо этому призраку изъ прошедшаго, который такъ неожиданно сталъ поперегъ ея дороги.

— Вотъ уже два дня, какъ я тебя подкарауливаю Дженни.

— Какъ ты отыскала меня?

— Я встрѣтилась съ другою женщиною изъ «Пріюта», и отъ нея узнала, что ты живешь при мѣстѣ неподалеку отсюда.

— Давно ли ты вынуждена?

— Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ.

— Чѣмъ же ты теперь занимаешься?

— Я наняла небольшую комнату въ окрестностяхъ Дрори-Лэна и шью платья. Работа ко мнѣ валомъ валитъ, я и съ половиной не успѣю справиться.

— И хорошо тебѣ платятъ за работу?

— Цѣны даютъ красныя; я ужъ успѣла отложить копѣйку на черный день. Мнѣ только не достаетъ помощницы, и я такъ рассчитала, что если ты недовольна своимъ мѣстомъ, то мы отлично могли бы жить вдвоемъ.

— Мѣстомъ я своимъ довольна.

— Тѣмъ хуже, было себялюбивымъ отвѣтомъ.

— Ну, дай Богъ, чтобы тебѣ и впредь также везло, и ты не принималась бы за старое, замѣтила Дженни.

— Спасибо на добромъ желаньи. Я у тебя какъ нибудь побываю и поразскажу обо всемъ подробно.

— Нѣтъ, нѣтъ, не приходи, намъ не за чѣмъ больше знаться, воскликнула Камеронъ. Дай Богъ тебѣ всего хорошаго, только меня-то ужъ оставь жить, какъ мнѣ живетъ.

— Ну, коли ты не хочешь, чтобы я къ тебѣ приходила, то я, не беспокоясь, навязываться не стану, и обиженная швея пошла своей дорогой.

ГЛАВА XXXI.

ШАГЪ НАЗАДЪ.

Недѣлю спустя послѣ этой встрѣчи, пришло письмо на имя Дженни. Она сразу узнала крупный, неказистый почеркъ, который такъ часто видала на контрбандныхъ запискахъ, приходившихъ къ ней во дни ея заточенья. Она засунула письмо въ карманъ, въ ожиданіи удобнаго случая его прочитатъ. Джен-

ни стыдилась этого письма, она боялась его распечатать, и въ тоже время томилась страшнымъ любопытствомъ узнать его содержаніе. Природа ея искала любви а въ этомъ письмѣ она видѣла доказательство, что Маршъ не переставала о ней думать во все это время. Не ранѣе, какъ поздно вечеромъ, окончивъ всю свою дневную работу, рѣшилась Дженни сломать печать. То было длинное посланіе, въ которомъ, послѣ обычныхъ изъявленій привязанности, Сусанна просила свою бывшую подругу дать ей знать, когда будетъ ея первый свободный день. Сусанна предлагала воспользоваться этимъ свободнымъ днемъ для увеселительной поѣздки вдвоемъ куда нибудь за городъ. «Смотри же, заканчивала Сусанна свое письмо, отвѣчай мнѣ либо да, либо нѣтъ».

Цѣлыхъ три дня медлила Дженни отвѣтомъ. Рой неотвязныхъ мыслей, противъ которыхъ она тщетно боролась, преслѣдовала ее въ эти три дня, чтобы она ни дѣлала. Искушеніе хоть день погулять на волѣ было велико. И что же тутъ дурнаго погулять денекъ? разсуждала она сама съ собою. Развѣ сама госпожа ея не предлагала ей уже нѣсколько разъ воспользоваться принадлежавшимъ ей правомъ на нѣсколько свободныхъ дней въ году? Правда, она собирается повеселиться въ обществѣ Сусанны Маршъ, но въ этомъ большой бѣды еще нѣтъ. Не говорила ли ей Сусанна, что ведетъ теперь тихую, честную жизнь? Отчего же и не повѣрить въ этомъ Сусаннѣ?

Три дня собиралась Дженни попросить позволеніе отлучиться со двора. Ее страшили вопросы, которые мистриссъ Ивансъ могла предложить ей по поводу этой просьбы, и на которые ей ничего болѣе не оставалось, какъ отвѣчать ложью, потому что одно упоминовеніе съ ея стороны о старинной пріятельницѣ могло возбудить подозрѣніе. Но искушеніе отдохнуть отъ однообразія будничной жизни было такъ сильно, ей такъ хотѣлось прокатиться внизъ по Темзѣ прежде, чѣмъ навсегда съ ней распротиться, ей такъ хотѣлось хоть на одинъ день чувствовать себя свободной! Она собралась съ духомъ и отпросилась со двора, объявивъ что ей нужно кое-что для себя закупить. Мистриссъ Ивансъ отпустила ее охотно и не предложила ни одного неловкаго вопроса.

Въ ожиданіи обѣщаннаго праздника, Дженни впала въ тре-

возное состояніе духа. Она часто стала задумываться надъ работою, дѣло валялось у нея изъ рукъ. Кухарка замѣтила ей, что она должно быть влюблена; когда же въ домѣ узнали, что Дженни отпросилась на цѣлый день со двора, послѣднее предположеніе перешло въ положительную увѣренность, и Дженни сдѣлалась предметомъ довольно пошлыхъ шутокъ.

Въ условленный день Дженни Камеронъ явилась на пароходную пристань, гдѣ ее ожидала Сусанна Маршъ, и подруги отправились на пароходъ до Гринича. Когда нервы Дженни поуспокоились, она повеселѣла подъ обаяніемъ новизны; цѣлый день провела она въ обществѣ Сусанны, которая выхваляла ей свой настоящій образъ жизни и выгоду своей работы, не упуская при этомъ случая провести параллель между этою жизнью и тою «скаболою», въ которую отдала себя Дженни. Когда Дженни рассказала ей о предполагаемой поѣздкѣ въ Америку, у нея нашлось множество страшныхъ рассказовъ объ этой странѣ, и она принялась доказывать своей пріятельницѣ, что безуміе съ ея стороны отправляться въ такую даль, когда она и здѣсь можетъ найти себѣ хорошее мѣсто.

На обратномъ пути Сусанна сбросила маску respeitability, которую хранила до сихъ поръ. На одномъ пароходѣ съ нашими путешественницами ѣхало нѣсколько человѣкъ мастеровыхъ; Маршъ связала съ ними тутъ же знакомство и пустилась въ легкій, довольно бойкій разговоръ. Вслѣдъ за этимъ скоро явилось на сцену вино. Дженни совершенно упустила изъ виду, что послѣ столькихъ лѣтъ воздержанія она не можетъ выносить такое количество спиртныхъ напитковъ, какъ бывало, и съ удивленіемъ замѣтила, что голова у нея забружилась съ перваго же стакана настоящей шотландской водки, которой она не пила съ тѣхъ поръ, какъ была въ Глазгоу.

— Однако пора мнѣ домой, проговорила она встревоженнымъ голосомъ. Что обо мнѣ подумаютъ дома, если я запоздаю?

Она отказалась отъ дальнѣйшаго участія въ попойкѣ и обмѣнилась колкостями съ Сусанною, которая находила что глупо съ ея стороны отставать отъ другихъ, когда попойка только что началась. Какъ только пароходъ присталъ къ берегу, Дженни опроретью бросилась домой. Она даже забыла проститься съ своею подругой.

Въ семействѣ Ивансѣ всѣ спали кромѣ самой хозяйки, когда Дженни постучалась въ дверь. Мистриссъ Ивансѣ начинала сильно беспокоиться о ней, но, не желая выдать своихъ опасеній другимъ, отпустила слугъ на покой, рѣшившись сама дожидаться ея возвращенія. Дженни какъ громомъ поразило появленіе самой мистриссъ Ивансѣ, вышедшей отперѣть ей дверь.

Однако ты очень запоздала, Камеронъ, замѣтила ей госпожа.

— Дженни стояла молча, опустивъ глаза въ землю и переминаясь съ ноги на ногу. Ей ничего болѣе не оставалось, какъ молчать, потому что выпутываться ложью ей не хотѣлось.

— Надѣюсь, что это случилось въ первый и послѣдній разъ, продолжала мистриссъ Ивансѣ, видя, что отвѣта ей не дождаться. Я вполне тебѣ довѣряю Камеронъ, и убѣждена, что ты не обманешь моего довѣрія.

— Нѣтъ, этого я не сдѣлаю, отвѣчала Камеронъ.

— Что тебя задержало такъ долго, продолжала мистриссъ Ивансѣ, немного помолчавъ.

Камеронъ какъ-то бессмысленно взглянула на свою госпожу. Я право не знаю, проговорила она. Я... Я заблудилась.

Минуту спустя, она уже раскаивалась въ этой неловкой лжи. Лицо мистриссъ Ивансѣ омрачилось, и Дженни видѣла ясно, что ей не повѣрили.

— Смотри же, чтобы этого впередъ не случалось, проговорила мистриссъ Ивансѣ такимъ рѣшительнымъ тономъ, какого Дженни еще ни разу отъ нея не слыхала.

Тяжелые послѣ этого настали дни для нашей героини. Совѣсть упрекала ее за легкомысленный поступокъ и за ложь, которою она думала выпутаться изъ бѣды. Ее мучила мысль что сама же она поколебала довѣріе къ себѣ добрыхъ людей и что теперь возстановить это довѣріе будетъ очень трудно. Въ довершеніе всего она занемогла, и два дни пролежала въ постели, послѣ чего ея прежнія опасенія воскресли съ удвоенною силою; одна мысль, что ей, быть можетъ, придется искупать убѣжища въ больницѣ или въ рабочемъ домѣ, наводила на нее ужась.

Томимая этими безотрадными мыслями, она механически исполняла лежавшія на ней обязанности и рада была каждому предлогу, чтобы вырваться изъ дома и освѣжиться на улицѣ.

Отправляясь однажды съ порученіемъ отъ своей госпожи, она снова встрѣтилась съ Сусанною Маршъ. Подруги прогуляли около часу по Нью-Кентъ-Роду, и Дженни до того заслушалась пріятельницы, которая по прежнему выхваляла преимущества своего ремесла, что совсѣмъ забыла про дѣло, по которому была послана. Спыхватившись, она перепугалась, и испугъ ея вызвалъ насмѣшливое замѣчаніе со стороны Сусанны:

— Что ты такъ трусишь каждаго косаго взгляда, я бы ужъ лучше съ ними со всѣми распростилась, проговорила она.

— Да, можетъ я такъ и сдѣлаю.

— А тогда, приходи-ка ко мнѣ на квартиру, я во всякое время бываю дома. Мы съ тобою заживемъ припѣваючи.

— Коли моего терпѣнья больше не хватитъ жить въ людяхъ, то я, дѣлать нечего, приду. Ты меня, можетъ статья, скорѣе увидишь, нежели ожидаешь.

— Чѣмъ скорѣе ты придешь, милочка, тѣмъ лучше.

Мистриссъ Ивансъ, слегка раздосадованная долгимъ отсутствіемъ Дженни, встрѣтила ее вопросомъ:

— Камеронъ гдѣ ты пропадала?

— Дженни назвала то мѣсто, куда ее послала сама госпожа. Отвѣтъ былъ неудовлетворительный и мистриссъ Ивансъ любопытствовала знать, не заходила ли она еще куда нибудь.

— Никуда, отвѣчала Дженни.

— Но по моему дѣлу не могла же ты ходить цѣлый часъ, Камеронъ, строго продолжала она, ты меня обманываешь.

— Я вамъ говорю сущую правду.

— Нѣтъ, ты что-то утаиваешь отъ меня; ты сама заставляешь меня лишиться тебя всякаго довѣрія.

Камеронъ ломала руки и молчала.

— Можетъ быть у тебя по сосѣдству завелось какое нибудь новое знакомство?

— Нѣтъ.

— Или, быть можетъ, ты встрѣтилась съ кѣмъ нибудь изъ своихъ старинныхъ знакомыхъ, съ которыми ты не знаешь какъ развязаться?

Вопросъ попалъ не въ бровь а прямо въ глазъ; но Камеронъ рѣшилась не выдавать своей тайны.

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчала она лаконически, какимъ-то выходящимъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ какъ прикажешь понимать твое долгое отсутствіе? Ты уклоняешься отъ всякихъ объясненій, Камеронъ; своимъ молчаніемъ ты наводишь меня на подозрѣнія.

— Коли вы мнѣ не хотите вѣрить, то ужъ не лучше ли мнѣ уйти отъ васъ? замѣтила Дженни.

— Подумай о томъ, что ты говоришь; въ настоящую минуту ты слишкомъ раздражена. Неуйходи отъ меня сгоряча, обсуди свое рѣшеніе въ болѣе спокойную минуту. Если дѣйствительно окажется, что ты не можешь быть счастлива въ моемъ домѣ и руководиться моими совѣтами, тогда, конечно, намъ всего лучше разстаться.

ГЛАВА XXXII.

БѣГСТВО.

Очутившись одна въ своей комнатѣ, Дженни прісѣла, чтобы собраться съ мыслями. Этотъ новый міръ, въ который она недавно вступила, встрѣтилъ ее такъ чуждо и непривѣтливо; всѣ были противъ нея, всѣ смотрѣли на нее съ недоумѣніемъ; она чувствовала, что не можетъ этого долѣе выносить, что всѣ усилія помириться съ такою жизнью будутъ тщетны. Развѣ она не старалась перемѣнить себя? и къ чему же это повело? Она была бѣдное, слабое, темное созданіе, и что же можно было отъ нея требовать? Другое дѣло, если бы ее учили добру съ колыбели, а теперь, не безразумно ли было ожидать, чтобы она сразу стала другимъ человѣкомъ. Она представляла себѣ, какъ мистриссъ Ивансъ и миссъ Уэстонъ будутъ жалѣть о ней, немного погодя, и при этой мысли такъ расплакалась, что постель задрожала отъ ея судорожныхъ рыданій.

Надо было подумать, какъ выйти изъ этого положенія. Пойти къ мистриссъ Ивансъ и хладнокровно объявить ей, что она от-

ходить отъ нея и дать ей мѣсяць сроку, чтобы прислать себѣ другую служанку? Но какъ вынуть еще цѣлый мѣсяць въ этомъ домѣ? Мистриссъ Ивансъ не дастъ ей отдыху съ своими совѣтами и подозрѣніями, и еще, пожалуй, чего добраго, напишетъ обо всемъ миссъ Уэстонъ, и тогда какими глазами глядѣтъ Дженни на добрыхъ людей? Нѣтъ, тутъ и недѣли нельзя мѣнать; скорѣе, скорѣе вонъ изъ кабалы. Завтра же, рано утромъ, пока еще весь домъ будетъ спать, она украдкою, какъ воръ, выйдеть изъ дома и пойдетъ искать себѣ другой, болѣе свободной жизни. Жажда переменъ, во что бы то ни стало, желаніе избавиться отъ этого одуряющаго однообразія, которое доводило ее до отчаянья, вотъ что побуждало ее бѣжать, очертя голову, на встрѣчу новой жизни. Она знала, что не на радость ей будетъ задуманный шагъ: по мѣрѣ того, какъ роковая ночь приближалась къ концу, ей становилось все тяжелѣе и тяжелѣе на душѣ. Безпокойно металась она на своей постели; она попробывала встать, отодвинула штору и принялась глядѣть въ окно на темную улицу, на которой тускло мелькали фонари; немного погляди, она снова бросилась на постель, рѣшившись было пролежать въ ней до разсвѣта, но не утерпѣла, снова вскочила, зажгла свѣчу и принялась писать письмо къ своей госпожѣ, въ которомъ силилась, какъ умѣла, объяснить ей свой поступокъ.

Окончивъ это посланіе, она принарядилась въ лучшее свое платье, надѣла шляпу и платокъ, и поглядѣлась въ зеркало; выраженіе ея блѣднаго лица испугало ее. За эту ночь она постарѣла нѣсколькими годами. Она отворила дверь и спустилась по лѣстницѣ точно призракъ ночной, не успѣвшей еще скрыться при наступленіи дня. На первой же площадкѣ она остановилась, раздумывая не зайти ли ей къ дѣтямъ и не взглянуть ли ей въ послѣдній разъ на дѣвочку, которая, безъ сомнѣнія, станетъ скучать по ней, когда она уйдетъ. Но страхъ разбудить нянюшку удержалъ ее, и она прямо спустилась въ кухню. Тутъ она по привычкѣ, не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, развела въ плитѣ огонь, налила воды въ котель и поставила ее кипятиться. Кухарка не любила вставать рано, и Дженни обыкновенно исполняла за нее каждое утро эту часть ея обязанностей. Съ руками, перепачканными въ сажѣ, она

снова пошла наверх. На сердцѣ у нея было тяжесть, чѣмъ когда нибудь, и она съ трудомъ волочила ноги. Въ гостиной, куда она направилась, было еще темно отъ закрытыхъ ставней. Она отворила ставни, привела въ порядокъ разные предметы, разбросанные съ вечера, стерла съ мебели пыль и наконецъ положила свое нисьмо на столъ противъ того самаго мѣста, на которое обыкновенно садилась мистриссъ Ивансъ. Покончивъ все это, она отправилась въ сѣни. Сердце ея странно колотилось въ груди, пока она отпирала дверь. На встрѣчу ей нахнулъ съ улицы свѣжій, утренній воздухъ, и она вышла, крѣпко на крѣпко притворивъ за собою дверь.

На башенныхъ часахъ первой церкви, мимо которой она проходила, пробило шесть часовъ. Кабаки были уже отперты, и она поспѣшила зайти въ первый же попавшійся, чтобы выпить стаканъ своего любимаго напитка, настоящей шотландской водки. Она была такъ слаба, что чувствовала необходимость подкрѣпиться прежде, чѣмъ пойти далѣе. Водка нѣсколько ободрила ее и, кутаясь въ шаль, она продолжала свой путь, угрюмо выстуная на встрѣчу своему темному будущему.

ГЛАВА XXXIII.

ЗНАКОМЫЙ ВЕРТЕПЪ.

Дженни плохо еще была знакома съ Лондономъ, и принуждена была спрашивать у прохожихъ дорогу къ Дрори-Лэнъ, гдѣ жила Сусанна Маршъ. Переулокъ, въ которомъ жила послѣдняя, такъ напомнилъ ей хорошо знакомыя Глазговскія трущобы, что она тотчасъ же поняла, что всѣ рассказы Сусанны о своемъ настоящемъ честномъ житьѣ были грубая ложь. Но она боялась себѣ самой въ этомъ сознаться, и на все закрывала глаза.

— Кого вамъ нужно? грубо спросила ее неряшливо одѣтая женщина, которая вышла отворить ей дверь.

— Мнѣ нужно Сусанну Маршъ.

— Такъ и постучались бы въ дверь къ Сусаннѣ Маршъ, а то меня только оторвали отъ работы.

Камеронъ стала взбираться вверхъ по грязной лѣстницѣ. На встрѣчу ей слышались знакомые звуки: шумъ захлопывающихся дверей, плачь ребятъ и голоса, призывающіе на нихъ проклятіе; удушливый смрадъ на лѣстницѣ былъ тотъ самый, который зарождалъ столько лихорадокъ въ Глазговѣ; мужскія и женскія лица, мелькавшія передъ нею, носили на себѣ клеймо порока. У одного изъ обитателей этого страшнаго притона она спросила, гдѣ тутъ живетъ Сусанна Маршъ.

— А вотъ здѣсь. Только врядъ ли она еще встала. Вчера то она, знаете ли, была немножко того...

И говорившій толкнулъ каблукомъ въ сосѣднюю дверь, и принялся кричать громовымъ голосомъ: мистриссъ Маршъ!

— Да войди же, болванъ, чѣмъ горло-то драть за дверью. Что тамъ такое случилось?

— Да вотъ тутъ одна дама пришла съ вами позавтракать.

— Что-о?

Дженни прикоснулась къ ручкѣ двери, которая сейчасъ же отворилась и старыя подружки очутились лицомъ къ лицу въ грязной и тѣсной комнатѣ. Сусанна едва успѣла съ трудомъ приподняться на постели, и сидя протирала глаза. Рядомъ съ мистриссъ Маршъ лежала другая дѣвушка, и крѣпко спала, не смотря на происходившій вокругъ нея содомъ.

— Ну вотъ видишь, Сусанна, я и пришла къ тебѣ.

— Съ нами сила крестная! Кого я вижу!

Маршъ не трогалась съ мѣста и продолжала глядѣть на Дженни сонными глазами, силясь сообразить, какъ это все такъ случилось.

Видно ты съ бабьемъ-то переругалась? спросила она наконецъ.

— Да почитай что такъ, отвѣчала Дженни, не имѣвшая ни малѣйшей охоты вдаваться въ дальнѣйшія объясненія.

— Ну, очень рада тебя видѣть. Я такъ и знала, что тебѣ въ горничныхъ не уявится. Эй, Пилли!..

И мистриссъ Маршъ принялась толкать своимъ острымъ локтемъ спавшую возлѣ нея женщину.

— Что тамъ такое? промычала Пилли.

— Та молодая женщина, что помнишь?—еще я тебя так часто про нее рассказывала—так вот она сама сюда пришла.

— А, гм!

Пилли раскрыла одинъ глазъ, но тотчасъ снова закрыла его и погрузилась, какъ ни въ чемъ не бывало, въ сладкую дремоту. Сусанна между тѣмъ встала и принялась приводить въ порядокъ комнату.

— Миѣ сказали, что ты вчера вечеромъ была пьяна, замѣтила Дженни.

— Кто это тебя сказалъ? спросила Маршъ, прерывая свое занятіе.

— Миѣ такъ на лѣстницѣ сказали.

— Ужъ какъ же! Имъ какъ не знать! съ презрѣніемъ отозвалась Сусанна.

— Сусанна! вѣдь я надѣюсь, что ты меня не обманула?

— Стану я тебя обманывать!

— И ты точно живешь работою, шьешь платья?

— Да, конечно. Присядь-ка, Дженни, я такъ рада тебя видѣть.

Дженни сѣла, сняла шляпу и поглядѣла вокругъ себя. Обвалившаяся штукатурка на стѣнахъ, голый полъ, разбитыя стекла въ окнахъ, все это глядѣло такъ непривѣтливо, что она не удержалась и разразилась громкими, истеричными рыданіями.

— Что съ тобой, что съ тобой? спрашивала ее перепутанная Сусанна.

Но Дженни не отвѣчала и продолжала покачиваться на своемъ стулѣ, знаками прося, чтобы ее оставили въ покоѣ, дали ей выплакаться.

— Такъ вотъ на что я промѣняла свое привольное житіе, воскликнула она, ломая руки, когда стихъ первый взрывъ отчаянья.

— Есть объ чемъ тужить, утѣшала ее Сусанна.

— Небось! важно заживемъ! Что пользы нашей сестрѣ оставаться честной? Посиди-ка маленько, да поуспокойся.

И Маршъ принялась хлопотать около камина, между тѣмъ какъ удивленная Пилли стала одѣваться, не спуская съ Дженни широко раскрытыхъ глазъ!

Заваривъ чай, Сусанна пошептала съ Пилли, которая послѣ того куда-то скрылась. Минуту спустя она воротилась съ водкой. Хозяйка усѣлась къ столу и пригласила Дженни къ нимъ присоединиться.

— Будетъ тебѣ думать-то. Объ чемъ это ты все думаешь? спросила Сусанна.

— Я думаю о томъ, что я отпѣтая дура.

— Ишь, что выдумала! Подлей-ка себѣ рому въ чай, съ этого повеселѣешь.

Дженни выпила чашку, попросила другую, и начала надѣяться, что въ концѣ концовъ все устроится къ лучшему.

Послѣ чая всѣ три женщины подѣли къ камину и принялись болтать. Слово за слово Дженни дошла до вопроса, есть ли у Сусанны работа. Правда разомъ вышла наружу.

— И! я давнымъ давно бросила работу, было отвѣтомъ.

— Но вѣдь ты шила же прежде?

— Пробовала я было заниматься этимъ, да дѣло не пошло на ладъ. Я отродясь была плòхой работницей.

— Такъ, чѣмъ же ты живешь теперь?

— Да тѣмъ же, чѣмъ и прежде.

Дженни молча уставилась на огонь.

— За чѣмъ ты мнѣ этого ранѣе не сказала, Сусанна, проговорила она помолчавъ.

— Будто ты объ этомъ не догадывалась? Вѣдь ты, слава Богу человѣкъ бывалый.

— И то правда.

Вечеромъ Сусанна предложила всѣмъ идти со двора. Пилли принялась румянить щеки, но Дженни на отрѣзъ объявила, что не тронется съ мѣста.

— Ужъ не хочешь ли ты просидѣть здѣсь весь вечеръ?

— Да.

— Полно тебѣ дурить, дѣвка. Пойдемъ-ка лучше провѣтриться.

— Нѣтъ ужъ, я лучше останусь дома.

Тщетно употребляла Сусанна всевозможные доводы, чтобы отговорить ее, Дженни стояла на своемъ и ее оставили дома, чтобы «потѣшить ея упрямство».

На слѣдующій день она продолжала упорствовать въ своемъ рѣшеніи къ великой досадѣ мистриссъ Маршъ.

— Не можешь же ты вѣкъ такъ оставаться, замѣтила она. Чѣмъ сидѣть дома и дуться, пойдемъ-ка лучше съ нами.

— Говорятъ тебѣ, что я не хочу идти.

— Кто же будетъ платить за тебя квартирныя деньги?

— Я сама буду платить.

— Сколько у тебя лежитъ денегъ въ банкѣ? Ты мнѣ говорила намереніи, что отложила малую толигу.

— О, безбоязнь, у меня есть чѣмъ прожить покамѣстъ.

— Такъ ты не хочешь идти?

— Нѣтъ.

Такъ проходилъ день за днемъ. Камеронъ упорно стояла на своемъ и не поддавалась ни на какія увѣщанія. Она не дѣлала и попытки достать себѣ работу, зная напередъ всю бесполезность таковой попытки. Спокойно сидѣла она сложа руки, зная, что капиталъ ея истощается съ каждымъ днемъ. Она находила какое-то мрачное удовольствіе въ сознаніи, что она далеко не такъ преступна, какъ думаютъ о ней люди, какъ думаютъ о ней мистриссъ Ивансъ и миссъ Уэстонъ; что, живя между воровъ и развратницъ, она, между тѣмъ, не воровка и не развратница.

Дома ей жилось очень плохо. За отсутствіемъ движенія и свѣжаго воздуха здоровье снова начало измѣняться ей. Денегъ становилось мало, платье изнашивалось. Большая часть ея платьевъ лежала въ сундукѣ у мистриссъ Ивансъ, за которымъ у нея не доставало духу послать.

Положеніе это становилось невыносимо. Однажды вечеромъ, когда ни Пилли, ни Сусанны по обыкновенію не было дома, ею овладѣлъ такой ужасъ одиночества, что она рѣшилась идти, куда глаза глядятъ. По временамъ ей даже вспоминалась тюрьма, съ ея желѣзными затворами и неумолимо-строгой дисциплиной. Ей казалось, что теперешнее ея положеніе ничѣмъ не лучшее тѣхъ одиноко-тоскливыхъ дней, которые она провела въ брикстонскомъ заточеніи. Холодный потъ проступалъ на нѣя лицѣ, когда Дженни проходила мысленно свой прежній путь, окончившійся четырнадцатилѣтнимъ заключе-

нѣмъ... Что ожидаетъ меня дальше? Что я буду дѣлать? — разсуждала она, заливалась наединѣ горькими слезами.

Въ глубокомъ раздумьи она вышла на улицу и безцѣльно блуждала городу. Прохожіе толкали ее, бранились, что она толчется у нихъ передъ носомъ и не смотритъ, куда идетъ. Полисменъ начиналъ уже зорко всматриваться въ нее, какъ вдругъ къ ней подошелъ незнакомецъ и, подумавъ съ минуту, вручилъ письмо. Машинально взяла она письмо и пошла далѣе.

Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, она наткнулась на Сусанну Маршъ. Подруга ея была разурмянена и принаряжена. Долго вглядывалась она въ Дженни, и узнавъ ее, вскрикнула отъ удивленія.

— Такъ ты рѣшилась наконецъ выйти?

— Я вышла только прогуляться.

— Давно бы тебѣ пора прогуляться. Будетъ съ тебя сидѣть и дуться дома.

Тутъ Сусанна увидѣла письмо, которое незнакомецъ вручилъ Дженни, и которое она машинально держала въ рукѣ.

— Такъ и ты получила приглашеніе?

— А что это за приглашеніе?

— Приглашеніе къ чаю, къ ужину, или тамъ чортъ ихъ знаетъ къ чему въ Сентъ Джемсъ Голь. Это новая выдумка поповъ. Разорви его.

Но Камеронъ, вмѣсто того чтобы разорвать письмо, распечатала его и разобрала по складамъ.

То былъ одинъ изъ тѣхъ циркуляровъ, которые рассылаются учредителями митинговъ въ Сентъ Джемсъ Голь. Великая, благая цѣль этихъ митинговъ — спасти погибающихъ женщинъ отъ конечной гибели, доказать имъ, что не прошло и для нихъ время раскаянья, что есть еще люди, которые принимаютъ къ сердцу ихъ интересы.

— Гдѣ это Сентъ Джемсъ Голь? неожиданно спросила Дженни.

— Тутъ близехонько. Ужъ не хочешь ли ты идти?

— Отъ скуки, почему же и не сходить. Я не знаю, что съ собой дѣлать. Дома я все равно не засну.

Маршъ поглядѣла на нее; видимо ей не понравилось выраженіе лица Дженни.

— Коли такъ, пойдемъ вмѣстѣ. Можетъ будетъ надъ чѣмъ посмѣяться; во всякомъ случаѣ мы даромъ поузнаемъ.

ГЛАВА XXXIV.

ПЕРЕЛОМЪ КЪ ЛУЧШЕМУ.

Когда Дженни и Маршъ вошли въ ресторанъ, собраніе состояло изъ ста пятидесяти женщинъ. Число это до открытія митинга возросло вдвое.

— Все это пропацій людъ, не изъ нашихъ, замѣтила Сусанна съ полнымъ сознаніемъ собственнаго превосходства. Намъ здѣсь нечего дѣлать.

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ не мѣшай остаться, рѣшительно возразила Дженни.

— Здѣсь запаздывать негодится, сей часъ начнется проповѣдь.

Но всѣ эти убѣжденія Дженни оставила безъ вниманія и стала въ ряды погибшихъ женщинъ, изъ которыхъ состояло собраніе.

Она уже успѣла оглядѣться и провѣрить справедливость Сусанновой догадки. Присутствующія были не совсѣмъ одной съ ней профессіи, онѣ не промышляли воровствомъ и при другихъ обстоятельствахъ она не преминула бы отнестись къ нимъ свысока. При другихъ обстоятельствахъ она самое приглашеніе на этотъ митингъ сочла бы за оскорбленіе себѣ и долго ломала она голову надъ тѣмъ, съ какой стати незнакомецъ вручилъ ей письмо, очевидно принявъ ее за одну изъ этихъ тварей.

Странное зрѣлище происходило въ этотъ вечеръ передъ ея глазами. Лица присутствующихъ представляли любопытный предметъ для наблюденія: стоило прослѣдить за перемѣнами въ ихъ выраженіи. Не одна женщина, явившаяся на митингъ съ усмѣшкой на губахъ и съ ожесточеніемъ въ сердцѣ послѣ тщетныхъ усилій выдержать характеръ, закрывала лицо руками

и давала волю слезамъ. Всѣ присутствующія притихли, какъ очарованныя, слушая рѣчи ораторовъ, говорившихъ на противуположномъ концѣ комнаты. Когда одинъ изъ говорившихъ затронулъ вѣчно слабую струну, напомнилъ имъ родительскій домъ и дни ихъ невинности, трепеть пробѣжалъ по всему собранію, и многія залились горячими слезами. Дженни тоже не устояла противъ общаго увлеченія, хотя многое изъ сказаннаго вовсе не относилось къ ней. У нея никогда не было честнаго имени, никто не заботился о ея нравственномъ развитіи. Если она и пала, то это было дѣломъ естественной необходимости и устоять она могла только чудомъ.

— Вишь, сколько чепухи нагородили, замѣтила одна изъ присутствующихъ, выходя вмѣстѣ съ Сусанною и Дженни изъ залы собранія.

— Вотъ ужъ подлинно что чепуха! Не такъ ли Дженни?

— Право не знаю, Сусанна. Мнѣ что-то не хочется объ этомъ распространяться.

— Я одно знаю, что мы съ этимъ митингомъ потеряли много времени, и нынѣшній вечеръ пропалъ у насъ даромъ. Пойдемъ-ка домой.

Дженни дурно спала эту ночь. Лежа въ постели рядомъ съ Сусанною, она обдумывала планъ, который собиралась привести въ исполненіе на слѣдующее утро. Они рѣшилась оставить на другой же день это убѣжище нищеты и порока, отыскать миссъ Уэстонъ, рассказать ей все безъ утайки и просить у нея прощенія и совѣта. Для этого она рѣшилась наравлѣть надзирательницу въ окрестностяхъ тюрьмы. Въ случаѣ ей не удалось бы видѣть миссъ Уэстонъ, которая могла быть больна или въ отпуску, она положила отправиться къ мистриссъ Ивансъ.

Но прежде, чѣмъ порвать съ своимъ прошлымъ, ей предстояло выдержать еще одну борьбу. На другой день Полинъ, пропадавшая цѣлое утро, вернулась въ веселомъ расположеніи духа и, показывая билеты для входа въ сосѣдній театръ, которые были у нея въ рукахъ, воскликнула:

— Посмотрите-ка что мнѣ подарилъ Дженъ! Каждой изъ насъ по билету въ театръ.

— Вотъ и отлично! Я не знала, куда дѣться со скуки, за-

мѣмѣтила Сусанна. Да и тебѣ, Дженни не мѣшало бы развѣчаться. Давненько-таки мы не были въ театрѣ.

Не болѣе какъ наканунѣ Дженни обрадовалась бы этому случаю; театръ всегда былъ ея любимымъ удовольствіемъ. Боясь выдать себя, она сдѣлала видъ, что вовсе не прочь повеселиться съ своими подругами, и приняла участіе въ ихъ разговорѣ.

Сусанна и Полли оживились къ виду предстоящаго удовольствія. Сусанна же въ особенности была очень рада, что Дженни на этотъ разъ не отказывается имъ сопутствовать; какъ бы то ни было, въ неизвѣданной глубинѣ своей души она питала къ Дженни какую-то необъяснимую привязанность. На радостяхъ она пошла и купила водки, которою стала подчивать Дженни. Но Дженни огорчила ее отказомъ.

— Ты не хочешь пить Дженни? а я-то нарочно для тебя хлопотала.

Дженни снова отказалась, ссылаясь на головную боль. Она боялась предательскаго дѣйствія своего любимаго напитка. Ей нужно было остаться трезвою, чтобы улучшить удобное время для бѣгства,

Было уже около двухъ часовъ и надо было подумать объ обѣдѣ. Камеронъ только этого и дождалась, и съ замирающимъ сердцемъ она проговорила:

— Дайте-ка я схожу и куплю вамъ обѣдъ.

— Пожалуй; и голова у тебя этакъ скорѣе пройдетъ, замѣтила Сусанна.

— Я и сама такъ думаю.

— А я между тѣмъ оставлю тебѣ стаканъ водки; ты выпьешь его когда вернешься.

— Спасибо тебѣ, Сусанна.

— Вотъ и отлично, воскликнула Полли. 'Билеты въ театръ мои, водка Сусаннина, а ты поставишь отъ себя обѣдъ. Смотри же, принеси чего нибудь повкуснѣе, да не долго пропадай.

— Небось, не замѣшкаюсь.

На полу стояла небольшая корзина и Маршъ посовѣтовала Дженни захватить ее съ собою. Это поставило Дженни въ затруднительное положеніе: ей не хотѣлось, уходя изъ этого дома, взять съ собою что нибудь, не принадлежавшее ей.

— Нѣтъ, я лучше въ рукахъ принесу что тамъ придется, отвѣчала она; терпѣть не могу этихъ корзинокъ, съ ними только руки связаны.

— Что же ты принесешь? спросила Полли.

— А вотъ подожди, увидимъ.

Выходя изъ комнаты, Дженни бросила взглядъ сожалѣнія на лучшее свое платье, которое висѣло за дверью. Она раскаявалась, что не надѣла его съ утра. Въ этомъ маленькомъ промахѣ она видѣла дурное предзнаменованіе для успѣха своего предпріятія. Очутившись на улицѣ, она сообразила всѣ обстоятельства, служившія плохимъ ручательствомъ для успѣха, и приуныла. Но, сдѣлавъ усиліе надъ собою, она бодрою поступью пошла впередъ.

ГЛАВА XXXV.

ВСТРѢЧА.

Дженни поспѣла въ Брикстонъ заблаговременно. Еще не было четырехъ часовъ, (это свободный часъ надзирательницъ), когда она расположилась караулить миссъ Уэстонъ по ту сторону дороги, поодаль отъ стараго зданія тюрьмы. Она стала прохаживаться взадъ и впередъ, не спуская глазъ съ поворота дороги; зрѣніе у нея было хорошее, и она не имѣла никакой надобности ближе подходить къ зданію, которое все еще наводило на нее ужасъ. Погода была пасмурная, и ко всѣмъ ея опасеніямъ прибавился мучительный страхъ, что пойдетъ дождь и помѣшаетъ миссъ Уэстонъ выдти со двора. Къ счастью погода стала проясняться, и съ этой стороны, по крайней мѣрѣ, не могло быть препятствія къ ея свиданію съ единственнымъ другомъ, на котораго она полагала всю свою надежду. Было уже пять часовъ, а никто еще изъ лицъ, служащихъ при тюрьмѣ, не выходилъ изъ воротъ. Не ранѣе шести часовъ показалась на дорогѣ первая надзирательница и на-

правилась къ Лондону; за ней другая, потому двѣ надзирательницы вмѣстѣ, и въ одной-то изъ послѣднихъ Дженни узнала миссъ Уэстонъ.

Миссъ Уэстонъ была не одна! Этой случайности не предвидѣла Камеронъ. Дѣлать нечего; она притаилась, пока онѣ проходили мимо ея, и покрасась за ними по пятамъ на нѣкоторомъ разстояніи. У Брикстонской церкви онѣ остановились и простояли нѣсколько времени, разговаривая между собою. «Слава Богу! подумала Дженни, наконецъ-то онѣ разойдутся». И точно, надзирательницы разошлись въ разныя стороны. Миссъ Уэстонъ повернула за уголъ и зашла въ аптеку, которая находилась тутъ не подалеку. Съ трепещущимъ сердцемъ стала ее дожидаться Дженни, прислонившись къ стѣнѣ противоположнаго дома. Когда дверь аптеки отворилась, у нея не было силъ ни тронуться съ мѣста, ни вымолвить слова; будто окаменѣлая стояла она у стѣны и глядѣла на знакомое дорогое лицо.

Миссъ Уэстонъ взглянула на нее, по видимому не узнавая ее въ первую минуту, но вдругъ вздрогнула и въ свою очередь осталась недвижимою. Камеронъ первая нарушила молчаніе, стремительно бросившись къ ней черезъ дорогу.

— Миссъ Уэстонъ, миссъ Уэстонъ, дайте мнѣ еще разъ услышать вашъ голосъ! Выслушайте меня прежде, чѣмъ осудить. Вы не знаете, сколько я вынесла за это время, что я за жалкое созданье теперь!

Миссъ Уэстонъ, все еще не оправившись отъ изумленія, молча шла своею дорогой; рядомъ съ нею шла Дженни. Не имѣя такъ долго никакихъ извѣстій о своей любимицѣ, миссъ Уэстонъ уже начинала считать ее безвозвратно погибшей.

— Гдѣ ты была, что ты дѣлала послѣ того, какъ отошла отъ мистриссъ Ивансъ? выговорила она наконецъ.

— Я жила дурно, я опять бросилась было въ прежній омутъ, но совѣсть моя чиста... Какая-то добрая сила не допустила до новаго паденія...

Объясненіе было замысловатое, но миссъ Уэстонъ поняла, что она хотѣла сказать.

— Кто сманилъ тебя? — Маршъ?

— Да, Маршъ. Она отыскала меня и соблазнила уйти. Она пи

слова мнѣ не сказала про то, что ведетъ дурную жизнь, и завѣрила меня, что шьетъ платья, получаетъ за это кучу денегъ и живетъ сама себѣ госпожею. Мнѣ и вообразись, что съ нею мнѣ будетъ лучше. Но я хочу, чтобы вы все выслушали, отъ начала до конца. Тогда вы увидите, что я не въ конецъ пропащая, что меня еще можно спасти, если вы только отъ меня теперь не отступитесь.

— Но что же я могу сдѣлать, Камеронъ?

— Дѣлайте, что знаете, только не покидайте меня; не то— я безвозвратно погибла...

— Ты не должна слишкомъ рассчитывать на дѣйствительность моей помощи, Камеронъ. Боюсь, что я все уже испробовала, что было въ моей власти.

— Вы все еще подозрѣваете меня?

— Да.

— По дѣломъ мнѣ, я ничего лучшаго не заслужила, проговорила она печально.— Далѣе, чѣмъ когда нибудь, отодвинулась отъ нея въ эту минуту надежда обновленія, и въ воображеніи ея все заманчивѣе чернѣла пучина Темзы. Но, какъ бы то ни было, не все еще было потеряно, и она упорно держалась за послѣднюю соломинку. Она начала подробно рассказывать свою повесть, какъ въ домѣ мистриссъ Ивансъ ее преслѣдовала непонятная тоска, какъ она бѣжала къ Сусаннѣ, какой ужасъ овладѣлъ ею, когда она очутилась въ притонѣ воровъ, какъ опасеніе снова стать тѣмъ, чѣмъ она была, охраняло ее отъ встрѣчавшихся на каждомъ шагу искушеній. Она рассказала о своей ночной прогулкѣ, о митингѣ въ Сентъ-Джемсъ Голѣ, наконецъ о своемъ бѣгствѣ; въ заключеніе она объявила, что въ миссъ Уэстонъ вся ея надежда, и просила не отказать ей въ помощи. Миссъ Уэстонъ слушала ее сначала съ недовѣріемъ, но мало-по-малу убѣдилась въ искренности ея признаній, и въ сердцѣ ея нашлось мѣсто для сочувствія.

Миссъ Уэстонъ вѣрила теперь въ прочность ея раскаянья, но какъ было завѣрить въ ней другихъ? Все прошлое Дженни наводило на мысль, что этому раскаянью неминуемо настанетъ реакція.

Она выразила свои сомнѣнія Дженни.

— Нѣтъ, отвѣчала Дженни, тому, что было, не вернуться; оно вырвано съ корнемъ.

— Хорошо, Камеронъ, я сдѣлаю для тебя все, что могу, но не ожидай слишкомъ многого.

— Да благословить васъ Богъ, было отвѣтомъ.

Миссъ Уэстонъ поглядѣла на часы; было уже семь часовъ, и ѣхать къ мистриссъ Ивансъ, чтобы объяснить ей все дѣло и убѣдить ее взять съ собою Дженни въ Америку, было уже слишкомъ поздно.

— Лучше приищемъ тебѣ гдѣ нибудь по сосѣдству временную квартиру. Завтра я напишу мистриссъ Ивансъ.

— Нѣтъ, не пишите, миссъ, лучше поѣзжайте къ ней и переговорите лично; васъ она лучше послушаетъ.

— Въ такомъ случаѣ ты со мной поѣдешь?

— Если у меня только станетъ духу взглянуть ей въ глаза. Ахъ, миссъ Уэстонъ! обнадѣжьте меня; скажите, что она согласится взять меня опять.

— Этого я и сама еще не знаю. Отчаяваться не слѣдуетъ, но надо готовиться и къ худшему.

Итакъ, рѣшено было въ тотъ же вечеръ приискать для Дженни гдѣ нибудь по сосѣдству квартиру. На слѣдующій день вечеромъ, миссъ Уэстонъ должна была захватить за ней и отправиться къ мистриссъ Ивансъ. Въ душѣ миссъ Уэстонъ крѣпко сомнѣвалась въ успѣхъ этой рѣшительной попытки, но таила свои сомнѣнія про себя.

Настала многознаменательный день. Миссъ Уэстонъ, дежурство которой выпадало въ этотъ вечеръ, обмѣнялась очередью съ другой надзирательницей, и захала за Дженни, которая считала время минутами и видимо предавалась самымъ радужнымъ надеждамъ.

Миссъ Уэстонъ, страшась поразить разочарованіемъ такую впечатлительную натуру, старалась приготовить ее къ возможности неудачи.

Когда онѣ стали приближаться къ дому, изъ котораго Дженни еще недавно бѣжала, какъ преступница, мужество вдругъ измѣнило нашей героини. Она стала понемногу отставать и наконецъ остановилась, какъ вкопанная.

Миссъ Уэстонъ принуждена была воротиться назадъ.

— Что съ тобою, Камеронъ?

— Я не могу идти дальше; ноги у меня подкашиваются. Идите одни, я подожду васъ здѣсь за угломъ.

— Такъ ты хочешь здѣсь дожидаться моего возвращенія?

— Да, ступайте себѣ, и да поможетъ вамъ Богъ.

Миссъ Уэстонъ распростилась съ Дженни и направилась къ дому мистриссъ Ивансъ.

— Я не могу порадовать васъ никакимъ извѣстiемъ, миссъ Уэстонъ.

Съ этими словами встрѣтила гостью мистриссъ Ивансъ.

— А у меня такъ есть для васъ вѣсточка, и, если не ошибаюсь, хорошая.

— Камеронъ? поспѣшно освѣдомилась хозяйка.

— Да; она была у меня и горитъ желанiемъ объяснить и загладить свой поступокъ. Я услышала отъ нея любопытный рассказъ. Позволите ли вы мнѣ передать вамъ его?

— Бѣдная женщина! Я потеряла къ ней всякое довѣрiе, но это не мѣшаетъ мнѣ принимать въ ней по прежнему участiе.

Такой отвѣтъ былъ плохимъ ручательствомъ за успѣшность дальнѣйшихъ переговоровъ, но миссъ Уэстонъ, не теряя времени, приступила къ своему повѣствованiю. Она ничего не упустила, что могло быть сказано въ пользу Дженни, и успѣла, по крайней мѣрѣ, затронуть сочувствiе своей слушательницы. Но, когда миссъ Уэстонъ замолчала, настала очередь мистриссъ Ивансъ указать ей на суровый фактъ. Много неодолимыхъ затрудненiй представлялось къ возвращенiю Дженни въ ея домъ. Съ одной стороны исчезновенiе Дженни подало остальнымъ слугамъ поводъ къ различнымъ догадкамъ, неминуемые вопросы и подозрѣнiя, которыя стали бы преслѣдовать Дженни при вторичномъ ея поступленiи въ домъ, отравили бы ей жизнь въ немъ. Съ другой стороны мистеръ Ивансъ положительно былъ убѣжденъ въ ея конечной негодности, наконецъ сама мистриссъ Ивансъ не желала подвергаться снова тѣмъ неудобствамъ, которыя уже разъ испытала.

— Такъ какъ же намъ быть? печально проговорила миссъ Уэстонъ. Не согласится ли кто другой снова испробовать искренность ея раскаянiя?

— На это надежды мало. Не знаете ли вы правила обще-

ства для вспоможенія освобожденныхъ преступникамъ? Согласится ли оно снова взять ее подъ свое покровительство? --

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, пускай ее возвратится въ убѣжище, которое вы для нея прислали, а я между тѣмъ посмотрю, кельзя ли будетъ ее какъ нибудь пристроить. Черезъ нѣсколько дней я непременно напишу вамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ мистриссъ Ивансъ спросила миссъ Уэстонъ, не пришла ли Дженни вмѣстѣ съ нею. Получивъ утвердительный отвѣтъ, она продолжала:

— Вѣроятно она нуждается въ деньгахъ. Уходя отъ меня она не взяла своего жалованья. Пожитки ея до сихъ поръ у меня.

— Она вѣроятно пришлетъ за ними, потому что явиться самой у нея не станетъ духу. Что же касается до денегъ, то я могу, если вы желаете, передать ей ихъ.

Получивъ слѣдующія деньги, миссъ Уэстонъ печально распростилась съ хозяйкой. Возвратившись, она застала Камеронъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставила ее уходя. Большіе глаза дѣвушки тревожно обратились на посредницу.

— Что она сказала? Что она простила?

Миссъ Уэстонъ передала ей неутѣшительный результатъ своихъ переговоровъ. Камеронъ уныло покачала головою.

— Видно не дожидаться мнѣ больше ничего хорошаго въ этой жизни; да я и не въ правѣ ожидать лучшаго...

— Пойдемте домой.

Когда миссъ Уэстонъ вручила ей только что полученныя деньги, Камеронъ вдругъ заговорила:

— Я пойду къ ней поблагодарить ее и попросить у нея прощенія. Я должна это сдѣлать. Я не стану докучать ей просьбами, я только попрошу у нея прощенья и сейчасъ же уйду.

— Въ такомъ случаѣ, не лучше ли мнѣ вернуться къ ней и предупредить ее о твоёмъ желаніи? замѣтила миссъ Уэстонъ.

Дженни согласилась, и миссъ Уэстонъ поспѣшила передать мистриссъ Ивансъ, что Дженни желаетъ ее видѣть. Мистриссъ Ивансъ сначала задумалась; свиданіе это въ ея глазахъ не могло принести никакой пользы.

— Впрочемъ, добавила она, если Камеронъ дѣйствительно идетъ отъ него утѣшенія, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ придетъ.

Чтобы избавить Дженни отъ неловкости встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ слугъ, миссъ Уэстонъ пошла и сама отворила ей дверь. Медленно, съ поникшею головою вошла Дженни въ гостиную.

— Я пришла отблагодарить васъ, мистриссъ Ивансъ, за всю вашу доброту, которой я не заслужила, и испросить у васъ прощенья за тѣ непріятности, которыхъ я была для васъ причиною.

Тутъ она неожиданно упала передъ нею на колѣни и, закрывъ лицо руками, разразилась громкими рыданіями. Мистриссъ Ивансъ успѣшила прекратить эту тяжелую сцену. Сама она была глубоко взволнована, и губы ея дрожали, когда она отвѣчала Дженни:

— Я прощаю тебѣ отъ всего сердца, бѣдная женщина. Надеюсь, что въ будущемъ твоя жизнь сложится иначе. Мы говорили о тебѣ съ миссъ Уэстонъ, и все, что я могу для тебя сдѣлать, Камеронъ, я сдѣлаю. Дня черезъ два, переговоривъ съ мужемъ, я напишу тебѣ.

— Благодарю васъ, тихо отвѣчала Дженни.

Тѣмъ и кончилось свиданье.

ГЛАВА XXXVI.

СМЕРТЬ УБИРАЕТЪ ДЖЕННИ СО СЦЕНЫ МІРА.

Прошло нѣсколько дней въ томительной неизвѣстности. Между тѣмъ мистриссъ Ивансъ далеко не оставалась въ бездѣйствіи; но она имѣла дѣло съ людьми, не раздѣлявшими ея вѣры въ лучшія стороны человѣческой природы. Наконецъ миссъ Уэстонъ получила отъ нея длинное письмо, со вложеніемъ другаго письма къ Камеронъ. Мистриссъ Ивансъ подробно рассказывала о всѣхъ своихъ неудачахъ, и въ заключеніе сообщала, что ей удалось уговорить мистера Иванса

снова взять Дженни на испытаніе. Но испытаніе должно было начаться не ранѣе, какъ въ Америкѣ, куда все семейство отправлялось въ самомъ скоромъ времени. На корабль Дженни должна была оставаться для нихъ постороннимъ лицомъ; отъ поведенія ея во время переѣзда должно было зависѣть рѣшеніе ея участи; въ Англии же мистриссъ Ивансъ не заключала съ ней никакихъ условій, и переѣздъ Дженни долженъ былъ совершиться на ея собственный счетъ.

Какъ ни странно было подобное предложеніе, Дженни не задумалась принять его. Она ясно видѣла свой путь передъ собою, и ничего не боялась. Весело, бодро принялась она за приготовленія къ путешествію. Время, остававшееся до отъѣзда, она провела на квартирѣ, которую пріискала ей миссъ Уэстонъ. Почти все это время она сидѣла дома и довольствовалась рѣдкими свиданіями съ своей покровительницей. Она взяла свои деньги изъ банка, и, рассчитывая каждую копѣйку, прилежно работала надъ своимъ «приданымъ». Но все же деньги убывали, и когда пришло письмо, извѣщавшее ее о названіи корабля, на которомъ предполагалось ѣхать, у нея оказался дефицитъ въ нѣсколько фунтовъ. Объ этомъ затрудненіи она сообщила своему единственному другу, и миссъ Уэстонъ пополнила недостающую сумму.

— Я отдамъ вамъ со временемъ ваши деньги, проговорила Камеронъ, глотая слезы, но какъ отплатить мнѣ вамъ, миссъ Уэстонъ, за всю вашу доброту?

Когда дни, остававшіеся до отъѣзда, можно было уже считать по пальцамъ, спокойствіе духа измѣнило Дженни. Въ эту пору миссъ Уэстонъ чаще навѣщала ее, и не пропускала ни одного свободного дня, чтобы не заѣхать къ ней, хотя бы на минуту.

Насталъ день послѣдняго свиданія. На слѣдующее утро Дженни должна была отправиться на пароходъ. Я не стану описывать подробности этого грустнаго свиданія. Довольно сказать, что для Дженни не было ничего въ Англии болѣе дорогаго и любящаго, какъ миссъ Уэстонъ. Среди мрачныхъ и потрясающихъ картинъ прошлаго, это была единственная свѣтлая личность, съ которой не легко было разстаться для Камеронъ. Упавъ на грудь миссъ Уэстонъ, Дженни зарыдала, какъ

ребенокъ; ей казалось, что она разстается со всѣмъ, для чего стоило жить на бѣломъ свѣтѣ.

— Господи! Только подумать, миссъ, что я навсегда уѣзжаю отъ васъ, что я никогда больше не увижу васъ; умирать буду, и не увижу... Я буду писать вамъ, миссъ, продолжала она, и если у васъ выберется свободное время, пришлите мнѣ вѣсточку о себѣ, я буду вамъ очень, очень благодарна.

— Напиши мнѣ, Камеронъ, и дай мнѣ знать, какъ тебѣ живется. Я такъ рада буду слышать, что ты живешь хорошо.

— Такъ не забывайте же меня, милая и добрая миссъ Уэстонъ. Что тамъ ни случись, а я буду жить честно. Въ этомъ вы можете быть увѣрены.

Такъ простились миссъ Уэстонъ и Камеронъ. На слѣдующее утро ихъ раздѣлялъ уже безграничный океанъ, по которому пароходъ уносилъ Дженни въ Новый Свѣтъ, на встрѣчу новой жизни.

Во время переѣзда Дженни была предметомъ зоркаго наблюденія со стороны мистриссъ Ивансъ, которая имѣла случай убѣдиться въ прочности совершившейся въ ней переменъ, и почувствовала возвращеніе къ ней прежняго довѣрія.

Но въ новой жизни, которая началась для нашей героини, прежнія силы стали убывать. Еще во время переѣзда мистриссъ Ивансъ замѣтила въ ней особенную слабость. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и этотъ упадокъ силъ сталъ еще очевиднѣе.

Въ единственномъ письмѣ, которое миссъ Уэстонъ получила отъ нея, Дженни говорила о быстромъ разрушеніи своего здоровья, выражала опасеніе, что смерть похититъ ее въ ту самую минуту, какъ жизнь начинала улыбаться ей.

Миссъ Уэстонъ послѣшила написать мистриссъ Ивансъ, прося извѣстить ее подробно обо всемъ, касавшемся Дженни. Черезъ нѣсколько времени пришелъ отвѣтъ: все было кончено для Дженни въ этой жизни; могила прибрала къ себѣ такъ долго и такъ много страдавшую преступницу. Никто не посѣтитъ

этой бѣдной могилы; не кому пожалѣть о Дженни; но никто не смѣетъ и оскорбить укоромъ эту погибшую жертву общественнаго разврата. Въ этой могилѣ заключается великій смыслъ нашей жизни, величайшая задача человѣческаго возрожденія. Покойся же, Дженни, на чужой землѣ до лучшаго будущаго, еще не совсѣмъ потеряннаго для людей...

ЭСКИЗЫ ЧИНОВНИЧЬЕГО БЫТА.

I.

БУДНИ.

I.

Въ одинъ зимній теплый день, по воровежской улицѣ г. Т., несли хоронить чиновника Шелеухова. Былъ полдень, и провинціальныя будни царилъ во всемъ своемъ дремотномъ оцѣпенѣніи, и поэтому, среди всеобщей тишины, негромкое гнѣие двухъ-трехъ приустановившихъ дьячковъ легко проникало въ жилища, исполинской невидимой рукой расталкивало мирныхъ обывателей, застывшихъ среди будничныхъ заботъ, и выгоняло ихъ за ворота. Изъ окна увидалъ шествіе мальчуганъ, ухитрившійся вонзять въ банку ерани гусиное перо обернутое бумагой, и, не додѣлавъ своей работы, бросился къ своей маменькѣ: «манька! похороны несутъ!» Манька сорвалась со стула— въ кухню: «Акулина! похороны.» Акулина ахнула, выронила, изъ рукъ недочищенную картошку, ножикъ, всплеснула руками и бросилась вслѣдъ за барыней по двору. А здѣсь у конюшни прядала съ усилевнымъ брѣхомъ собака, попадая ногой въ черепокъ, болталъ что есть мочи перепугавшійся индюкъ, и народъ въ лицѣ мастеровыхъ, портныхъ и сапожниковъ, сосѣдскихъ кучеровъ, кухарокъ и разныхъ бабъ, словно водопадъ валялся и перескакивалъ черезъ заборъ, мелькая въ воздухъ своими подошвами. Всѣ бѣжали за ворота, на лету

запахивая подъ брюхомъ халатъ, поправляя косынку на головѣ; и проч. Увлеченіе барыни было безъ границъ и она во все не замѣчала, что виѣстѣ съ ней волочились по земли старья мужнины пантолоны, которыя она приготовилась было починить, но по случаю суматохи забыла отшпилить отъ колѣна.

За воротами было полное безмолвіе, потому что всѣ были поглощены созерцаніемъ процессіи, и только нѣкоторыя особы, помѣстившіяся кучками около трубы, на крышѣ, кое-что толковали, но и то шопотомъ.

Впереди процессіи шолъ мальчикъ съ подвязанными ушамъ, неся образъ обложенный по краямъ платкомъ; гробъ, который несли чиновники, слегка покачивался, отчего покойникъ незамѣтно сбился на бокъ, мундирный воротникъ, незастегнутый у шеи, подпиралъ подъ самыя уши, а слишкомъ бѣлый вѣнчикъ дѣлалъ темное и обтянувшееся лицо мертвеца еще темнѣй и длиннѣй. Вообще вся фигура покойнаго возбуждала всеобщую жалость: она словно говорила, что онъ и тутъ ѣжится, и съ головой хочетъ уйти въ свой воротникъ, какъ быть можетъ ѣжился цѣлую жизнь. Нѣсколько голосовъ чуть слышно тянули погребальное пѣніе, дьяконъ, дѣлая большіе шаги и съ трудомъ выгребая ноги изъ снѣга, звякалъ холоднымъ кадиломъ и прерывающимся отъ усталости голосомъ подтягивалъ пѣвчимъ. Въ перерывахъ погребальнаго пѣнія наступала мертвая, ледяная тишина: слышался шумъ ногъ по снѣгу; съ крышъ щелкалъ и долбилъ въ тротуаръ капель, гдѣ-то неутомно лаялъ щенокъ, пѣлъ пѣтухъ и за самой забористой нотой его пѣтушинаго «кукареку» гнался вопль причитанья: «Батюшка! голубчикъ! что жъ это такое? Петръ Митричъ! . . . — «А-а-а-а тянули вслѣдъ за матерью ребятишки, разинувъ рты во всю ихъ ширину и будто не думая ихъ когда нибудь закрыть.

И снова пѣли, и снова шли.

Скоро на концѣ улицы пзчезли, сопровождавшія процессію, сани съ ковромъ и кучеромъ безъ шапки, и народъ началъ расходиться. Медленно вползалъ онъ опять въ свои норы, слѣзалъ съ крышъ, забыввъ предварительно плюнуть во внутренность трубы и потомъ послушать, какъ щелкнетъ плевокъ внизу; все это дѣлалось нехотя: отъ нежеланія снова отдаться во

власть будней, которыя было такъ неожиданно на минутку ускользнули изъ виду, доставивъ возможность расшевелить свои кости, почесать глаза и языки. Надо было имъ какъ нибудь размытарить время до обѣда, до прихода мужей, и съ этою цѣлью почти вездѣ зашумѣли самовары, и вмѣстѣ съ пѣніемъ самовара, затрещали язычки нѣкотырыхъ бабъ, известныхъ подъ именемъ сосѣдокъ, Прохоровнѣ, Кузминичнѣ, товарокъ, кумушекъ и проч. Шумъ самовара и трескъ сосѣдскихъ языковъ кое-какъ заглушали неприятно шевелившуюся внутри мысль о томъ, что «всѣ мы помремъ». Около этой, внезапно выросшей истины и вращалась вся сосѣдская бесѣда. Мало по малу бесѣда эта перешла въ набожные диспуты о томъ, гдѣ душа пребываетъ на девятый день, видитъ ли она что нибудь или нѣтъ, и проч. Въ случаѣ распри и несогласія, одна изъ спорящихъ не забывала втиснуть между прочимъ недавнюю исторію о пропавшей курицѣ, а другая въ свою очередь тонко упоминала и тосковала о ваточной юбкѣ, которую она повѣсила было просушить на заборѣ, да на грѣхъ отвернулась. И этихъ намековъ было достаточно, чтобы раторборцы пришли къ единодушному заключенію о пребываніи души за галстукомъ. Въ это время народъ, провожавшій похороны, не спѣша возвращался назадъ, какъ слѣдуетъ исчерпавъ всю обычную процедуру вытья. По объѣмамъ сторонамъ улицы ползла чиновная братія, разбившись на кучки по два по три человекъ и разсуждая о томъ, что «всѣ мы помремъ». При этомъ многіе вздыхали и произносили «все Богъ». А другіе прибавляли къ этому: «все онъ батюшка», и тоже вздыхали... По временамъ кто нибудь заводилъ рѣчь о шелеуховскомъ мѣстѣ, и по поводу этого начинали жалѣть покойнаго, и жалѣли вполне искренно и отъ чистаго сердца, потому что всѣ были болѣе или менѣе *люди добрые*. И по этой же причинѣ, вмѣстѣ съ яснымъ знаніемъ полнѣйшей нищеты семейства покойнаго, вмѣстѣ съ крайнимъ сердоболіемъ и тоскованіемъ объ участи этой семьи, — въ добродѣтельныхъ сердцахъ сослуживцевъ таилась мысль о неотступной потребности похороннаго обѣда, къ которому теперь всѣ направляли стопы свои.

— Спасибо еще Сусловъ подсобилъ, говорили нѣкоторые, вспоминая объ обѣдѣ. И дѣйствительно спасибо, что нашолся

такой добрый человек; спасибо, что измыслил онъ; въ горнемъ мѣстѣ умовъ своихъ, о томъ неудобствѣ въ растерзанной горемъ душѣ, когда къ этому горю еуется и тычется неотвязная забота напичкать соболѣзнующюю горю. утробы цѣлой орды этихъ добрыхъ людей. Сусловъ съ тонкостію измыслилъ это, и съ полной увѣренностію на благодарность предложилъ: «семь, моль, Авдотья Митревна, я вамъ лисій салопецъ въ Дунайхъ снесу,.. авось цѣлковыхъ десять какихъ дать... Сами знаете: вѣчную тоже надеть откликать... А вы тѣмъ временемъ покойника-то обмыли бы, по христіанству...» Авдотья Митревна была въ томъ состояніи, когда опускаются самыя непокладныя руки, предварительно махнувъ на всю хозяйскую машину. «Ничего не слышу, ничего не вижу — хотя все вытати до нитки и то ни слова не скажу», говорить про это время Авдотья Митревна, и поэтому Сусловъ, собственно своею особой, оборудовалъ разныя позабытыя нужды, и невѣдомыми путями добился до того, что когда послѣ похоронъ чиновная братія ввалилась въ комнату — столъ былъ уже накрытъ, и въ уголку на маленькомъ столкѣ видѣлась распластанная селедка, два-три графина и пр. Помѣщавшіяся на этомъ столкѣ перевернутыя вверхъ дномъ блюдечки, съ прилѣпленными къ нимъ восковыми свѣчами, переселились на окно.

Въ комнатѣ еще царствовалъ нѣкоторый безпорядокъ: на полу валялись кучки овса, которымъ при выносѣ обсыпали покойника и провожавшихъ, на приталкѣ у двери видѣлась ссадина, сдѣланная гробомъ, когда ухитрились его пропихнуть въ сѣни, и на окнахъ лежали куски угля, находившіеся поутру подъ столомъ, гдѣ лежалъ покойникъ. Нѣкоторые чиновники подходили къ этимъ угольямъ, нюхали и морщились. Вслѣдъ за ними подходили другіе и тоже морщились... Иные просто ходили по комнатѣ, постоянно при встрѣчѣ давая другъ-другу дорогу... У печки сидѣли двѣ старушки въ шляхъ, держа руки съ бѣленькими платочками на груди; они смотрѣли въ разныя стороны и повидимому вовсе не хотѣли видѣть другъ-друга. Эта надутость была слѣдствіемъ утренней распри между старушками, изъ которыхъ одна утверждала, что нужно положить уголья подъ гробомъ, а другая что вмѣ-

сто ихъ нужно насыпать ладону на губы. Споръ кончился тѣмъ, то и уголья лежали подъ столомъ, и ладонъ на губахъ, отъ чего покойника потянуло и внизъ и вверхъ.

Разговоръ не было слышно; ждали вдову, которая дольше другихъ оставалась на кладбищѣ и потомъ вмѣстѣ съ ребятами плелась на дрянномъ извозчикѣ домой. Потому ли, что одно горе тянетъ за рукавъ другое, — только и извозчикъ, и сани, и лошадь были крайне убоги. Сани поминутно дрожали, какъ въ предсмертныхъ судорогахъ, лошадь, покрытая большими бѣлыми пятнами, словно вымазанная сметаной, дѣйствовала только тремя ногами, четвертая была обмотана какой-то грязной тряпкой съ остатками крови; извозчикъ, за тѣспотою непомѣстившійся на облучаѣ, шелъ съ боку, какъ водовозъ около своей бочки, и безпрестанно путался ногами въ полахъ своего кафтана, очевидно доставшагося съ чужихъ плечъ. Въ этихъ саняхъ помѣщалась вдова съ кучею ребятъ; двоихъ она держала на рукахъ, одинъ сидѣлъ на днѣ саней, высунувъ оттуда только голову съ отцовскимъ картузомъ, подъ которымъ былъ намотанъ большой шерстяной платокъ, завязанный большими узлами на спинѣ... Мальчуганъ, помѣщавшійся на извозничьемъ мѣстѣ, умолялъ извозчика дать ему поправить лошадью. Извозчикъ принимался улаживать возжи въ дѣтскихъ рученкахъ, и лошадь незамѣтно затесывалась въ сугробъ, переползала передними ногами на тротуаръ и упиралась мордой въ окно. Изъ окна слышался стукъ, кто-то неистово калѣчилъ свою физиономію, по ни одно изъ словъ ругани, по всей вѣроятности шумѣвшей за окномъ, не доносилось до извозчика, и онъ, единственно въ силу собственнаго соображенія о необходимости ѣхать дальше, самъ затесывался въ сугробъ, передъ самой лошадиной мордой, принимался стегать ее кнутомъ и кнутовищемъ, и сани снова выѣзжали на дорогу и ѣхали дальше. Ѣхали до того тихо, что гулявшіе посреди дороги голуби, тогда только рѣшались отпорхнуть въ сторону, когда чувствовали, что лошадиное копыто виситъ надъ самой ихъ головой. — Однако, кое-какъ добрался убогій ковчегъ до дому, и такимъ образомъ всѣ скорбящіе дождались объѣда. Здѣсь всѣ толковали о постигшемъ горѣ, и при этомъ выходило такъ, что если бы вдова Шелеухова могла что нибудь слышать и

понимать, ей пришлось бы дрожать не за свою темную судьбу, а за тѣ страданія и муки, которыя въ настоящую минуту претерпѣваютъ ея гости... Если мѣрить горе ихнее, количествомъ выпитаго и съѣденнаго, то оно дѣйствительно было велико...

Растерзывая такимъ образомъ на части вдовій лисій салоуъ, заложенный у Дунайки, гости вели между прочимъ возвышенные разговоры.

— А что вы говорите на счетъ безсмертія,—то я съ вами не соглашусь.

— Да вѣдь безсмертіе невидимо.

— Кто это говорить?

— Я!

— Вы? хорошо-съ! Но позвольте: душа то же невидима?

— Душа безтѣлесна.

Спорище чувствуютъ въ головахъ своихъ нѣкоторые туманъ, и поэтому обухоподобно смотрять другъ на друга. Для округленія рѣчи одинъ рѣшается снова возразить, пуская слова и цѣлыя фразы на произволъ судьбы, словно въ бездонную пропасть, гдѣ они должны исчезнуть, или ктонибудь пойметъ ихъ по своему, и тогда всѣмъ очень пріятно слышать, что онъ сказалъ что-то такое, что даже понять можно.

— Такъ что же по вашему, ежели я, напимѣрь, въ себѣ тамъ душу какуюнибудь имѣю... держу ее въ себѣ, то я бревно, что ли какое?

— Вы содержитесь въ тѣлѣ своемъ!..

— Вотъ это другое дѣло! Такъ бы и говорили.

Мудрствователи видимо довольны такимъ концомъ. Они порываются даже взгрохотнуть слегка, но обстоятельства заставляютъ ихъ только юлитъ шепотомъ въ стѣнахъ.

Наступаетъ тишина.

Слышно какъ кто-то посасываетъ свои усы, вода булькаетъ въ стаканѣ и кто-то вздыхаетъ, шепотомъ произнося: «охъ, господи, батюшка»...

Какая-то скорбящая утроба, нагружившись всякой-всячиной, принималась икать, при чемъ все существо отъ головы до ногъ колыхалось и грозило расплескаться въ стороны...

Ожиданіе киселя поглотило всѣ метафизическія ихъ мудр-

ствоянїа, поэтому многимъ головамъ очень жаждавшимъ, чтобы все было «какъ слѣдуетъ» «честь честью», стоило громаднаго труда выдумать что либо удопонятное и приличное случаю.

— А что, робко началъ, наконецъ, кто-то; какъ вы думаете, смерть, напримѣръ... Что она... умретъ когда сама-то?

— Она кбстанал... брянулъ басъ и отплюнулъ за стулъ, предварительно проглотивъ носемъ какой-то громоподобный трѣскъ...

Многіе тоже хотѣли было отвѣтаться по этому случаю, рѣшаясь пускаться на удающую свои мнѣнія и возврѣнія на этотъ предметъ, но къ счастью подоспѣлъ кисель, и всѣ святаялись за ложки съ радостію, ни чуть не меньшею радости восьмилѣтняго мальчугана, помѣщавшагося на концѣ стола. Чтобы понять его радость, нужно знать, что онъ давнымъ-давно дорывался киселька съ сытой, и извѣстіе, прнесенное вчера Сусловымъ о томъ, что кисель и сыта наконецъ-таки снизпосланы кѣмъ-то, замѣтно поубавило горе мальчугана о потерѣ отца. Не стѣсняясь работалъ онъ ложкой, попросилъ подлить еще и не чувалось ему въ это время, что судьба забѣтливо сварякала его въ даленій и голодный путь нищеты; въ эту минуту ему было легко, чувствовалось, что послѣ всей этой погребальной суматохи, кто-то невидимо развязалъ ему руки, и, почѣмъ знать, можетъ быть здѣсь родились нервныя зерна тѣхъ ощущеній, которыя даетъ полное сознаніе свободы.

Какъ бы то ни было, но кисель, этотъ провозвѣстникъ свободы, уничтожался съ великою тщательностію, тѣмъ болѣе, что и мать оставила эти подливанія безъ призору. Она молча и недвижно сидѣла, прислонившись къ спинкѣ стула, и глазами полными слезъ смотрѣла не то въ землю, не то въ край стола. Иногда медленно закрывались ея вѣки и тогда во щекамъ капались слезы. Но они теперь не трогали упитавшагося мальчугана, и онъ напротивъ липнулъ къ матери съ разпросами действительно ли горьки слезы, ѣдятъ ихъ или нѣтъ и проч. Мать, не переминая положенія, отвѣчала на эти вопросы однимъ словомъ или просто кивала головой...

Скоро мальчуганъ, вытягченный сытой и умявшимъ прогул-

кой на погостъ, попросилъ его стащить на кровать, и вслѣдъ за нимъ поднялся изъ за стола гости, отодвигая краями своихъ ногъ стулья. Грохотъ стульевъ впрочемъ скоро утихъ потому, что вслѣдъ за священникомъ всѣ заплѣли «вѣчную память», и сквозь общее оранье, мальчугану слышался плачь матери. На эти слезы и онъ откликнулся своими слезами, а вслѣдъ за ними въ дѣтской головѣ, начало живо рисоваться, какъ зарывали отца въ землю, какъ заколачивали въ углы гроба гвозди, засыпали землей... И тутъ ему почудилось, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ исчезъ подъ землей послѣдній уголокъ гроба, отецъ вдругъ открылъ глаза... темно... душно... Онъ хотѣлъ повернуться, но плечо его уперлось въ крышку... «Эй, эй, да меня зарыли... кто тамъ... Братцы!». И мальчуганъ принимался реветъ, а послѣ этого реву, хорошо и крѣпко ему спалось.

Проводивъ гостей вдова Шелеухова пошла въ комнатку, гдѣ спали дѣти и помѣщалась двуспальная кровать.

Здѣсь она сѣла на сундукъ, закрыла глаза и опустила руки на колѣна. Старушки, перессорившіяся утромъ на счетъ угля и ладана, поняли, что она теперь будетъ должно быть горько плакать, и не медля ни минуты собрались ей вторить; съ этою цѣлю они поставили противъ вдовы два стульчика рядышкомъ, сѣли на нихъ и, утвердивъ около глазъ по салфеткѣ, которыми они запаслись заранѣе, — приготовились къ плачу и рыданію.

И скоро, такимъ образомъ, разливомъ полилось это рыданіе.

А чиновная братія медленно разбрелась въ разные стороны, на пути заходила въ трактиры, выпивала по силѣ возможности, снова плелась и снова вышивала. И по ея слѣдамъ, прихотливо разбросаннымъ нетвердыми ногами, вползали въ пустынные улицы сумерки. Тошя колокола гдѣ-то провякали ко всеночной; окна и ворота законопачивались наглухо, и все видимо торопилось, какъ можно поскорѣе, добраться до ночи.

На дворѣ было такъ же тепло, какъ и утромъ. Небо было темное, бездонное, и изъ этой нависшей бездны непроглядною и безконечною тучей сыпались лепешки снѣгу. Медленно, словно по ниточкѣ, спускались снѣжинки и, казалось, не оставались на землѣ, а спускались ниже и ниже. Позднѣе, чув-

стновалась въ воздухѣ морозная крѣпость и кое-гдѣ, подь покачившимся фонаремъ на углу двухъ улицъ, легонькй ветерокъ винтомъ поднималъ щепоть снѣгу, облизывалъ ею весь столбъ фонарный, забѣгалъ во внутренность фонаря и перескакивалъ на сосѣдскую крышу; а въ фонарѣ тощй огонекъ, перепуганный вѣтромъ, начиналъ прыгать, словно спугнутая въ просонкахъ птица, и въ это время вмѣстѣ съ нимъ металась по земли четырехъугольная тѣнь фонаря.

Мрачными полосами тянулись улицы во всю свою длину, и только по временамъ пересѣкались лучемъ свѣта изъ кабака, разлегшимся поперегъ дороги и дрожавшимъ своимъ широкимъ концомъ на противоположномъ заборѣ. Вдали едва слышно плелся обозъ-порожнякъ; въ кабацкомъ лучѣ мелькалъ каждый возъ одинъ за другимъ; мужики лежатъ въ дровняхъ, накрывшись рогожей, у дугъ позвякиваютъ колечки, впереди кто-то посвистываетъ; при поворотѣ дровни раскатываются, стучаются о заборъ или тротуарный столбъ, при чемъ возы скрипятъ и мужики встревоженные толчками слегка приподнимаютъ подь рогожами головы. Задній возъ отсталъ; его догоняетъ, шлепая лаптями, мужикъ, на пути прихватившй у кашлаши пеклеванку въ копѣечку... Нагнавъ возъ, онъ прямо вспрыгиваетъ въ него на карачки и исчезаетъ за другими.

Слышны голоса и хляскъ ногъ — это бродятъ шелеуховскіе сослуживцы еще не открывшіе тихаго пристанища...

— Стой! Стой!.. тутъ церковь!..

— Э, никого не боюсь!..

— Стой! разражу...

— А-а-а-а!! никого не боюсь... а-а-а-а!!

— Что ты орешь?.. мультамъ свинья!..

— Цыц!..

— Я за справедливость утоплюсь... Я за справедлив...

— Врешь... врешь... Федоровъ пихай его...

— Готово!..

Раздался хляскъ упавшаго человѣка.

— Кого это? меня? ахъ ты...

Затихло. Пощечина...

Сдѣлалось еще тише, но слышался усиленный хляскъ и скрежущій визгъ...

- Господа! разнимите ихъ, Христа ради...
- А га-га..., важно! въ високъ его! въ високъ...
- Кого? меня? Ахъ-ты...
- Я-тте паккажу... Карраулъ!..
- Карраулъ, караулъ...

.....

Кое-какъ разтащили бойцовъ, и они, отыскавъ въ снѣгу свои шинели и шапки, съ ругательствами тронулись въ путь, оставляя за собой на снѣгу черные слѣды.

Иногда враги быстро схватывали съ земли по комку снѣга, и пускали ихъ другъ въ друга. Наконецъ ругань ихъ мало по малу замерла среди молодецкой пѣсни, которую отхватывало трое мастеровыхъ. Они шли посреди улицы, распахнувъ чуйки. Четвертый шелъ впереди и подыгрывалъ на гармоникѣ. Когда ему приходилось дѣлать соло, онъ нагибалъ низко голову и подносилъ гармонику къ самому уху.

Замолкла и пѣсня...

И для Т—скихъ переулковъ настала глубокая ночь.

II.

Въ это время въ домѣ покойнаго Шелеухова вся семья сбилась въ одну комнатку, гдѣ послѣ обѣда началось поголовное вытье; какъ только старушки замѣтили, что Шелеухова перестала плакать, они тотчасъ же поставили стулья на мѣста, встряхнули свои совершенно мокрыя салфетки и повѣсивъ ихъ вмѣстѣ съ пеленками и свивальнями на веревочку, протянутую около печки, чтобы просушить, — отошли къ сторонкѣ.

— Опузырилась совсѣмъ, проворчала одна обиднымъ шопотомъ.

— Да право, воетъ, воетъ незнамо чего.

Вдова попрежнему сидѣла на стулѣ. Добрый человекъ съ шапкой въ рукахъ липнулъ у притолка и собирался идти домой. Ребятишки нѣкоторые спали, другіе почему-то боялись громко ходить, грозили другъ другу пальцами, говорили шю-

потомъ, и съ такою же таинственностію вѣплялись другъ другу въ волоса.

— Ну-съ, вѣло произнесъ добрый человѣкъ и отошелъ отъ притолки... За симъ до свиданія...

— Не забудьте къ Петру Федорычу-то, добавилъ Добрый человѣкъ, и поплелся восвояси...

Было поздно, и старухъ одолѣлъ сонъ. Потосковавъ въ глубинѣ своихъ утробъ объ ужинѣ, о которомъ теперь некому было думать, они съ кряхтѣніемъ и оханьемъ улеглись въ залѣ на полу и завопили на разные лады своими ветхими носами... Мать уложила ребятъ рядомъ съ собой на мѣстѣ мужа, и сама нераздѣваясь прилегла къ нимъ съ боку...

Въ эту минуту сонъ былъ далекъ отъ нея. Въ разстроенной вдовьей головѣ неотступно стоялъ образъ Петра Кузмича; съ особенною, необыкновенною ясностію слышались его слова и фразы, неотличавшіяся впрочемъ особеннымъ разнообразіемъ. Вотъ будто онъ ходитъ по залѣ; должно быть ноги его не тверды, потому что онъ часто натывается во тмѣ на стулья и столы, и неизвѣстно на кого кричитъ: «ей, черти... аннафемы!...» Убитое сердце по своему понимаетъ, что въ этомъ отчаянномъ крикѣ виновата она и только ума не приложитъ, какъ бы помочь этому горю, какъ бы сбросить съ себя невѣдомую вину. И вотъ теперь робко думается ей, что страшная вина въ людской гибели вовсе не тутъ. Изушоная грудь и голова, отказавшаяся понимать что либо, кромѣ собственнаго ничтожества и высокой провинности, пожалуй могутъ постоять за это. Такъ что-же заставляетъ мереть преждевременно людей, которые въ свою очередь можетъ быть и невинно, но все-таки систематически отѣли полвѣка не у одной живой души? Ни потрясеній, ни погибшихъ надеждъ, ни какихъ нибудь страшныхъ ударовъ, ничего этого не было! Ровною, но мутною полоскою тянулись вѣковѣчные будни, день въ день, ночь въ ночь, и, всосавъ человѣка въ глубину своей воючей тины, заставляли сегодня полоскаться въ той-же мутной водѣ, въ которой онъ полоскался вчера. А современемъ человѣкъ ужъ безъ приневоливанья втюривался въ это болотище и въ немъ норовилъ отыскать свое спасенье. Домашняя жизнь яркими картинками не обиловала и вращалась только въ этой

комнатѣ, потому что здѣсь совершались отхожденія ко сну, всевозможныя отдохновенія и пр. Здѣсь былъ столъ для трапезы, и въ углу помѣщался шкафъ съ водкой. Этотъ шкафъ былъ чуть ли не главнымъ центромъ, около котораго и ютилась вся домашняя жизнь. Къ нему исправно совершались путешествія передъ чаемъ, послѣ чаю, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда, для смѣлости, отъ смѣлости, съ горя, съ радости и т. д. и т. д. И вотъ потому, что въ настоящую минуту не слышался обычный скрипъ дверцы у шкафа, что не слышалось неизбежнаго за этимъ скрипомъ легонькаго поцѣлuya рюмки и графина, — ужъ одно это тянуло незамѣтно къ прошлому, хоть это прошлое то было куда какое грустное. И вставало это прошлое рядомъ тусклыхъ будничныхъ дней. Съ ранняго утра до глубокой полночи тянулись они; физиономія нынѣшняго дня складывала физиономію завтрашняго, т. е. ежели судьба вчера намѣчала подъ глазомъ фонарь, то фонарь этотъ сегодняшній день горѣлъ непремѣнно. Если судьба не намѣчала и не причиняла вчера никакихъ обидъ, въ какомъ бы ни было родѣ, то поутру, продравъ глаза въ урочное время, Шелеуховъ расталкивалъ супругу, или она его, позевывалъ, и запускалъ руку подъ подушку, гдѣ покоилась табакерка съ платкомъ. Шелеуховъ нюхалъ, крихтѣлъ, трогалъ поясницу, накидывалъ на плечи нѣкоторое рубище и передвигался къ столу. На столѣ кипитъ самоваръ, и пока жена гремѣтъ чашками, приготовляя обычное пойло, супругъ не спѣша рассказываетъ свои сновидѣнія, и такъ какъ всякій небольшихъ размѣровъ чиновникъ хочетъ какимъ бы то ни было образомъ обрадовать себя, ибо тщетно ждетъ всю жизнь своего счастья, то и сновидѣніе, каково бы оно ни было, онъ ужъ постарается разтолковать въ свою пользу. Пусть у него ночью ходили въ глазахъ огненные столбы, бѣгали одни зеленые пятна — чиновникъ съумѣетъ и изъ этого извлечь извѣстіе, что «теперь къ рождеству навѣрное дадутъ третной окладъ». Съ теченіемъ времени супруга такъ впилась въ интересы мужа, что не только выводитъ изъ мужниныхъ сновидѣній тѣ же заключенія, но случается и сны-то видѣтъ тѣ же... Иногда сны кажутся до того внушительны, что супруги наконецъ рѣшаются, въ счетъ будущихъ благъ, раззориться на ребятишекъ и купить на всѣхъ бумажную лошадь

съ хвостомъ, который, къ крайнему прискорбію ребятъ, въ тотъ же день оставитъ свое мѣстопробываніе, уступивъ мѣсто гусиному перу. Съ лошадыю явится глиняная свистюлька, а старшому, т. е. первенцу непрѣмѣнно шьется картузь съ форменнымъ околышемъ и кокардой.

Это время хорошее, благодатное; подъ его навтіемъ, незамѣтно ускользнула изъ головы клятва, выжученная великой нуждою и произнесенная не такъ давно на крестинахъ при сборищѣ публики: «на счетъ ребятъ я теперь, какъ передъ Богомъ, ни—ни—ни... Что мнѣ? Слава Богу награжонъ... утѣшуть!»... Благодатные сны засвѣтили впереди яркую надежду, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по обычаю многихъ дней и годовъ, столь же незамѣтно приготовили западню, въ которую человекъ, оболыщенный заревомъ, хоть даже въ формѣ третнаго оклада, попадалъ не разъ и не два...

Съ нѣкотораго времени, когда въ жилищѣ Шелеухова начала появляться какая-то особа въ чепцѣ съ жолтыми лентами, ребятъ начинали выгонять въ другую комнату и вслѣдъ за ними запирали двери. Потомъ чепецъ просилъ подать умыть ему руки и при этомъ толковалъ ребятамъ, что скоро принесетъ къ нимъ «маленькаго такого братца или сестрицу». Ребята начинали съ особеннымъ напряженіемъ дожидаться минуты, когда, по словамъ бабушки, принесутъ братца, или, когда, по словамъ матери, онъ появится изъ ушка; но какъ на грѣхъ приходилось всегда такъ, что въ самую замѣчательную минуту ревностный наблюдатель, не дождавшись конца чуда, засыпалъ, не раздѣваясь, гдѣ нибудь на стулѣ и потомъ чувствовалъ, что его кто-то взвалилъ къ себѣ на плечо. Онъ открываетъ сонные глаза: бѣгаютъ со свѣчами, изъ другой комнаты тащутъ перину, повсюду страшная суматоха, суета, и слышится ребячій пискъ... «а! мелькаетъ въ головѣ наблюдателя, вотъ брата-то!.. принесли...» Вмѣстѣ съ этимъ мелькало желаніе подсмотреть новаго попутчика; это желаніе будило любопытнаго рано утромъ и, не смотря на раннюю пору, глаза почему-то не спались, что было неизбежно, если родители наровниа поднять къ ранней обѣдни, къ утрени. Бойко сверкали въ темной дѣтской оживленныя мыслію глазенки и чуткія дѣтскія уши слышали, что кто-то дви-

нулъ въ задѣ стуломъ, высморкался... Это одеждъ. Но его подняло въ такую рань нѣчто другое. Въ великомъ радумѣ сидѣлъ онъ на сбившейся перинѣ, кое-какъ брошенной посреди полу; отъ времени до времени онъ посылалъ въ носъ звонкія понюшки, покачивалъ головою, жалъ плечами и все потому, что приходилось рѣшать вопросы неожиданно, негаданно, нахлынувшіе вмѣстѣ съ вчерашними событіями, послѣ которыхъ особа въ чепцѣ съ желтыми лентами возвѣстила сбрадованному родителю, что Госнодь наградилъ его двойнями. Видимая необходимость какого бы ни было приращенія, волею-неволею настроила его такъ, что можно было даже радоваться этому приращенію, убѣдить себя, что это дѣйствительно къ добру, и въ утѣшеніе испесылается. Но обстоятельство, совершившееся вчера, своею необычностью, сразу разрушило искусственное счастье, и теперь на пепелищѣ этого счастья вдругъ втемячилась въ голову мысль: радоваться или не радоваться? Кое-какъ голова рѣшала, что *по настоящему* радоваться бы... Вдругъ изъ подъ этого колеблющагося самоутѣшенія невольно всталась другая заознистая задача: что именно это такое? наказаніе божіе или награда...» — «Это наказаніе Божіе!» говоритъ кто-то, и робкая чиновная душа, начинаетъ соображать, что это наказаніе посылается, чтобы *смирить*; что стало бытъ она возгордилась передъ Богомъ... И тутъ вспоминается ей древній царь, въ видѣ быка пожирающій траву за гордость... Такое состояніе — замысловатая, нечаянная вариация. Кто-то раскочалъ болото, и одинъ всплескъ, выкинувшій жагушку на голый песокъ, заставлялъ ее вытаращить глаза...

Вообще какъ бы не совершалось пробужденіе, Шелеухову приходилось потомъ бѣжать въ палату и безъ сомнѣнія обстоятельство, заставившее его вдрать глаза не въ обычную пору, раньше обыкновеннаго гнади его и въ палату. Тамъ еще никого нѣтъ! Повѣсивъ въ сторожкѣ свою шинель, съ осторожностію обходитъ онъ темный уголь, гдѣ, по палатскому преданію, удавился сторожъ Мишеневъ, и направляется къ своему столу. Тутъ онъ, неавѣстно за чѣмъ, трогалъ радутую отъ песка книгу, тянулъ ее къ себѣ; приметъ несокъ, разсыпавшій по столу, скрипѣтъ. А между тѣмъ съ разныхъ сторонъ начинаютъ вползати сослуживцы и своимъ край-

не задѣсьведѣлымъ видомъ заставили бы изумиться человека посторонняго, заставили бы подумать, что здѣсь собраны какихъ-то увѣчныхъ, калекъ, дорченныхъ. Но щелеуховскій глазъ присмотрѣлся къ атымъ фигурамъ и атымъ лицамъ, тѣмъ боуде, что и самъ Щелеуховъ всѣмъ существомъ своимъ принадлежалъ къ той же породѣ и его ни нуль не давило то обстоятельство, что у одного поцему-то уже неизмѣримыхъ размѣровъ, другой тщетно старается закрыть платкомъ яркое сіяніе фонаря, третій поминутно хватается за поясницу, за животъ, кричатъ, охаетъ и дивится только, что не помогаетъ ему какая-то самодѣльная, зеленая мазь, которою онъ мажется каждый вечеръ, предварительно погасивъ свѣчу и совершая это леченіе не иначе, какъ во тмѣ промышленности. У иного сапогъ, словно зѣвъ, дѣвергаетъ нѣкоторую черную матерію, что на шагъ, то на шагу черная, выпуклая лужа, и тряпка, выглядывающая будто языкъ изъ сапожнаго зѣва, размазываетъ эту лужу въ разные стороны, и такимъ образомъ скоро, при содѣйствіи нѣсколькихъ подобныхъ сапогъ и подобныхъ лужъ, полъ въ комнатѣ довольно вѣрно напоминаетъ весеннее таяніе, когда съ окрестныхъ поръ мутными ручьями бѣгутъ снѣга.

Скоро, послѣ утреннихъ разговоровъ, въ которыхъ геродми являются тѣ же сны, иносланные свѣше провозвѣстники третнихъ окладовъ и другихъ благъ, канцелярская машинка тронулась въ путь. Въ углу раздался усиленный зудъ перьевъ и всѣ винты и гайки успѣшили занять свои мѣста. Настаетъ полное царство чернилъ и песку.

Всѣ сидятъ, свѣсивъ головы, кто на право, кто на лѣво шумяль дѣсты, подкиваются къ дѣлу бумаги и проч.

— С-сс-сс... слышится изъ-за двери, и всѣ шовотливые звуки, которые еще кое-гдѣ слышались, вдругъ замираютъ. Тишина мертвая; слышно даже какъ песокъ шуршать по желобку согнутаго полуласта, устремляясь въ песочницу... Дѣло въ томъ, что изъ сосѣдней полуотворенной двери выглядываетъ усомъ совѣтничкаго лба и совѣтничкаго глаза, и этотъ начальственный взглядъ заставилъ всѣхъ онѣмѣть и отупѣть въ одно мгновеніе; ибо ощущение присутствія этого взора за спиной способствуетъ ощущенію лома, которымъ кто-то уперся въ

спину. А другому кажется, что взоръ этотъ, явственно чувствуемый на всей физиономіи, зажегъ на лбу у него какое-то лучезарное свѣтило, отъ котораго приходится часто и напряженно моргать, перекашивать щеки и глаза и заслонять ихъ рукой. Эти ощущенія пришли къ Шелеухову не вдругъ; они постепенно сказывались ему виѣстѣ съ болью въ поясницѣ, съ нервнымъ подергиваньемъ глаза и множествомъ внѣшнихъ и внутреннихъ неудобствъ, заставляющихъ его теперь совершенно сознательно трепетать и холодѣть отъ начальническаго взгляда. Если въ эту пору приходилось ему обойтись посредствомъ носоваго платка, то онъ какъ тать крался къ этому платку, помѣщавшемуся въ заднемъ карманѣ, потомъ съ такою же воровскою постепенностію направлялся съ платкомъ къ носу, будто боялся неосторожнымъ движеніемъ спугнуть его съ мѣста, и потомъ накрывъ его, крѣпко держалъ носъ подъ платкомъ, но еще долго не рѣшался видать какой либо звукъ, а по довольномъ размысленіи приходилъ еще и къ тому заключенію, что удобнѣе всего нагнуть голову подъ столъ, и тамъ уже расправиться съ носомъ по своему. Вдругъ, во время этого нагибанія, затрещалъ сзади стулъ. У Шелеухова этотъ трескъ захватилъ духъ, и изъ подъ стола взвилась мольба о спасеніи и помилованіи.

Виѣстѣ съ Шелеуховымъ замерли и всѣ прочіе. Писецъ Пламеневъ, самый буйный изъ цѣлаго сонмища всякихъ писцовъ, намѣреваясь черезъ столъ сказать слово сосѣду, широко раскрывалъ ротъ и зміннымъ сипомъ произнесъ.

— Касимовъ! отъ меня несетъ?..

— До-о-хни! произнесъ Касимовъ.

Пламеневъ заслонилъ рукою ротъ и слегкадохнулъ, причемъ по столу пронеслось вѣчто въ родѣ бури: загибались бумажные полулисты, поднимались вихри песку и слѣпили глаза.

— Преть!.. бумагой заѣшь.

Пламеневъ ни слова не говоря, хватаетъ первый полулистъ и скомкавъ, посылаетъ его въ ротъ, гдѣ полулистъ и исчезаетъ какъ въ бездонной пропасти...

Начальническій глазъ исчезъ.

Раздалось, чиханье, плеванье, дѣганье ногами; все, что

только было придушено этимъ глазомъ, теперь торопилось взглянуть наружу.

И опять вижжать перья, шумять листы, стучать щеты. Бѣгаютъ избитой колеей избитые строки и слова, а голова, которая вовсе не живетъ въ этихъ строкахъ, кое-что думаетъ по своему. Думать чего либо разумнаго она не можетъ, и поэтому въ настоящій моментъ канцелярскій умъ напряженно измышляетъ о томъ только, что не худо бы нахлынуть къ землемѣру Точкину, ибо вчерашній день пронесся слухъ, что Точкинъ получилъ прогонныя деньги... Но вдругъ, вслѣдъ за этимъ слухомъ, проносится другой слухъ, что Точкинъ исчезъ вчера въ полночь изъ города, дабы очевидно убѣжать отъ нахлынутія добрыхъ товарищей. Надобно, стало быть, изобрѣсть другой пунктъ, гдѣ бы можно было отвести душу.

Нѣтъ ли хоть какого имянинника? «Что сегодня?—въ затишьѣ размышляютъ безпріютныя головы,—Кузмы-Демьяны никакъ?.. У насъ Кузмы-то нѣтъ ли?» Но и Кузмы неоказываются, есть два Петра, три Ивана, четыре Семена, но все это не подходитъ къ дѣлу... «Нѣтъ ли гдѣ нибудь перепутья?» Не оказывается и перепутья; но эти преграды, еще болѣе распалютъ жажду выпивки. Она растетъ, и вотъ наконецъ, въ головѣ писца Жамкина мелькаетъ яркая штука. Вспоминается ему, что третьяго дни, шли они съ Чуйкинымъ ото-всеночной и приходилось имъ идти мимо жилища контролера Шелеухова; окна были не заперты, въ углу горѣла лампадка, и свѣтъ отъ нее падалъ прямо на бутылъ съ наливкой, помѣщавшуюся на окнѣ... Свѣтъ лампадки таялъ въ вишневомъ цвѣтѣ наливки, и этотъ цвѣтъ въ настоящую минуту неотступно стоялъ въ обрадованной головѣ... Радость эта, сообщенная другу-сосѣду, перебѣжала и заразилась собою всѣхъ, кто только ломалъ свою голову надъ отысканіемъ случая какъ нибудь обрадовать себя. Но за то, если бы эта вѣсть о бутылѣ, и о планахъ распорядиться ею, добѣжала до самого контролера Шелеухова, онъ тотчасъ же ощутилъ бы, что ломъ, вставленный недавно начальническимъ взглядомъ только въ спину, теперь прохватилъ все его существо съ головы до ногъ. Къ несчастію для Шелеухова, опасность потерять возможность выпивки заставила чиновниковъ

глубоко таять отъ него свои замыслы. Шелеуховъ остается, такимъ образомъ, въ невѣденіи, и не думаетъ сомнѣваться въ томъ, что взлелѣянную имъ красавицу—бутылъ, онъ съ тріумфомъ, во всемъ блескѣ покажетъ товарищамъ на святой, и при этомъ будетъ наслаждаться завистію окружающихъ, завистію тому обстоятельству, что онъ, Шелеуховъ, въ цѣлости сумѣлъ сберечь красавицу и съ великой натугой держалъ себя въ самыхъ строгихъ предѣлахъ цѣломудрія, удерживаясь отъ безпрерывныхъ искушеній опрокинуть эту бутылъ на дно своей похотливой утробы. Въ этомъ дѣтскомъ мечтаніи, Шелеуховъ возвращается домой, обѣдаетъ, отдыхаетъ, и чувствуетъ, что зарокъ не глядѣть на бутылъ, производить благоприятные результаты. Въ силу этого обѣта, онъ рѣшается, съ нѣкоторою даже пріятностію, посвятить себя на служеніе дому своему; вотъ онъ наливалъ дѣтямъ всѣ тетради, начиналъ перьевъ, налилъ въ чернильницы новыхъ чернилъ, прибралъ къ нимъ новыя пробки и строго наказалъ ребятамъ не марать палецъ и чернильницу носить въ классы, обернувъ бумагой. Жена со *спокойной* душой шила или принималась расчесывать запущенныя ребячьи головы и при этомъ совѣтовала мужу взять ножницы да подстричь Мишкины мохры. Мужъ безпрекословно, съ охотою исполнялъ это порученіе и теперь исполнилъ бы ихъ хоть тысячу. Послѣ стрижки онъ вышелъ въ залу, вбилъ въ стѣну гвоздь и повѣсилъ на него картузь; сталъ на стулъ—поправилъ стору; отошелъ въ переднюю и оттуда потянулъ ногой половикъ... И половики, къ общей радости, чисты и полы чисты, въ углу горитъ лампадка, и стекло у образа вытерто...

Вдругъ въ окнѣ мелкнула изъ тьмы одна физиономія, за ней двѣ-три.

— Это наши! поблѣднѣвъ, говоритъ Шелеуховъ женѣ, ибо понимаетъ это бутылъ какъ будто съ опасности.

— Ты запри въ залу дверь, и сиди здѣсь... Вороты заперты; постучатся, да и уйдутъ...

Тутъ были однѣ мины, за воротами были другіе; безъ стука и грома, шопотомъ предложилъ кто-то, къ общимъ услугамъ свои плечи.. — «У меня ноги грязны! проговорилъ кто-то.. — Вотъ тамъ, разбирать еще!.. Подѣзайте...

И скоро стукъ товарищескихъ ногъ слышался сначала въ сѣняхъ, потомъ въ передней, и наконецъ въ залѣ...

— Добраго здоровья! затрещало со всѣхъ сторонъ, и Шелеуховъ не зналъ куда совать руки...

Послѣ рукожатія, нѣкоторые изъ коноводовъ, покашливая и потрогивая задній карманъ, заглянули въ слѣдующую комнату. А тамъ-то именно и помѣшалась бутылъ...

Шелеуховъ трепеталъ и несвязно жмялилъ:

— Господа! вы туда не тово... у меня тѣсть прѣѣхалъ.. старичекъ дьяконъ... отдыхаетъ... усталъ.

— Что же ты врешь!.. раздается суровой голосъ... Какой тамъ тѣсть?.. Господа! подержите-ко бутылъ, я у Авдотьи Митревны рюмочекъ попрошу.

— Э-э-э!.. нѣтъ; нѣтъ!.. Это, братцы, оставить... Нѣтъ сдѣлайте одолженіе! зашумѣлъ Шелеуховъ.

— Что оставить?..

— Бутылъ... Какъ угодно...

Молчаніе..

— Ахъ ты подлецъ этакой!

— Ну ужъ какъ угодно!.. Бутылъ мнѣ дороже всего...

— Да нѣ, цагуйся съ ней... Лижи!.. Скотъ...

— Какъ хочешь... все равно...

— Для товарищей, оглобя этакая, пожагѣлъ рюмки водки...

— Никогда я водки не жагѣлъ...

— Ну тебя!.. хорошъ-братъ... Кузьминъ! у тебя есть мѣдныя, мы пошлемъ себѣ.

Кузьминъ начинаетъ изъ жмлета выгребать мѣдяки и въ то время, когда Шелеухова жена радуется твердости своего супруга, супругъ этотъ, почувствовавшій въ послѣднемъ изрѣченіи, задѣваніе амбиціи, произноситъ:

— Такъ, что же вы? Въ самомъ дѣлѣ я жалѣю что я?

— Обыкновенно подлецомъ передъ друзьями себя выразилъ..

— Такъ жрите жъ ее, подлецы... валай!..

— Петръ Кузьмичъ! Петръ Кузьмичъ! Что ты дѣлаешь! Господа! шепчетъ изъ за двери жена...

— Прочь!

— Вотъ это дивно!..

— Да что ему вѣрить... онъ вретъ! посылай Кузьминъ...

— Врешь!..

При этомъ съ бутылки срывается дѣвственная повязка и цѣломудріе бутылки исчезаетъ вмѣстѣ съ пробкой. Черезъ часъ отъ нее остаются одни дребезги; отъ наливки винный запахъ; отъ компаніи друзей и пріятелей—лужи грязи на полу, высаженное локтемъ стекло, сдернутыя половники, а отъ самого Шелеухова, исчезнувшего вмѣстѣ съ другими, осталось только одно воспоминанье о прошедшихъ дняхъ трезвости.

Вмѣстѣ съ братіею, онъ теперь во прахъ рушитъ устройшуюся было кое-какъ картину семейнаго счастья. Неизвѣстно, куда плетется вся ватага и только по утру смутно напоминаетъ она, что была на погостѣ и гдѣ-то среди глубокой ночи звонила въ колокола. А дома, во время этого баламутства, вмѣстѣ съ робкими душами многихъ чиновныхъ женъ, дрожить и убивается робкая душа Шелеуховой. Не за свою боится она голову — нѣтъ, одна голова не бѣдна, говоритъ пословица. А вотъ передъ ней цѣлая куча ребятъ; беззаботно спать они теперь послѣ дневной бѣготни, и эта беззаботность мутитъ материнское сердце, ибо сердце это каждую минуту того и ждетъ, что судьба, въ видѣ фонарнаго столба, о который Петру Кузьмичу угодно будетъ размовжить на ходу свою голову, эта судьба ни за что ни про что погонитъ ни въ чемъ не виноватыхъ, ребятъ по міру.

Передъ свѣтомъ кто-то стучитъ въ дверь, и скоро толпа незвѣстныхъ людей, въ числѣ которыхъ попадается нѣсколько сосѣднихъ кухарокъ, и два мастеровыхъ, втаскиваютъ на рукахъ нѣчто завернутое въ шинель.

— Не вашъ ли?

— Нашъ, нашъ...

Шестивіе трогается черезъ залу, въ спальню. Слышенъ стукъ мужскихъ сапоговъ... съ одной стороны процессія идетъ въ рубашкѣ босикомъ жена, съ другой кухарка, и такъ какъ она тоже подсобляетъ, то ей пришлось сальный огарокъ въ деревянномъ подсвѣчникѣ поставить барину на животъ. Въ залѣ стоитъ извожикъ съ кнутомъ у пояса; въ отворенную дверь несетъ вѣтромъ, и изъ задней комнаты, куда скрылось

шествіе, слышно: «сапоги, ноги заноси!.. лѣвѣй... лѣвѣй!.. Отодвинь комодъ-то!».. и проч...

Послѣ трудовъ народъ просить на водочку, что имъ и вручаетъ кухарка натурой...

Эта, внезапно вспомнившаяся неутѣшной вдовѣ, сцена, разбудивъ собою безконечную вереницу такихъ же сценъ, составляетъ ее невольно приуныть по тому поводу, что ея, когда-то крѣпкая грудь, и вовсе не глупая голова, — все это исчезло, высушилось въ періоды безпредѣльнаго страха за чужую судьбу, страха тѣмъ большаго, что судьба та находилась въ рукахъ безобразнаго дурацкаго случая, который по своему устраиваетъ безпрерывное выпиваніе черезъ край...

Вспоминается ей время обѣда; столъ накрытъ и только ждутъ пока придетъ изъ палаты самъ. Но самъ не идетъ. Въ головѣ жены рождаются подозрѣнія и боязнь, которая выше всякой боязни... Ребята сидятъ за столомъ, отъ нечего дѣлать пуская ложки вдоль своихъ физиономій, но не прикасаются ни къ тарелкамъ ни къ хлѣбу, потому что это безъ самого невозможно... Зимой темнѣетъ рано и около трехъ часовъ ужъ не совсѣмъ свѣтло — «Чу, думаетъ жена, пропалъ!»

— Мишь говоритъ она, сходя-ко ты къ Малафееву...

Мишь не въ первый разъ ходить къ Малафееву, и онъ давнымъ давно знаетъ, что это что-то въ родѣ харчевни...

Вотъ онъ у Малафеева. Двери отворяетъ ему высокій мужикъ, съ кучерской физиономіей и бѣломъ фартуркѣ...

— Тятиньки тутъ нѣту?..

— А который онъ?

— Высокій чиновникъ...

— Высокаго не видалъ... Вонъ какіе-то есть за ширмою... посмотрите...

Миша просовываетъ за ширмы голову и смутно различаетъ въ несвѣтлой комнатѣ какія-то фигуры. Тамъ пѣніе. Одинъ стоитъ посреди комнаты и дирижируетъ хоромъ, медленно поднимая и опуская руки. Когда регентъ поднималъ руки къ верху, онѣ исчезали вмѣстѣ съ головою въ тучѣ табачнаго дыма, особенно сгустѣвшагося у потолка... Кто-то поетъ «ку-кареку».

Однако отца здѣсь нѣту...

— Нѣтъ, тутъ нѣту...

— Ну, сталбыть не были...

У мальчугана тоже сжимается сердце...

— Развѣ, вотъ въ коморкѣ нѣтъ ли... Тутъ иняго брата свалено довольно...

Миша входить въ коморку. Здѣсь совершенно темно, нѣтъ ни одного отверстія, въ которое бы проникалъ свѣтъ снаружи...

— На полу шарьте... на шинеляхъ...

Миша нагибается къ полу; въ нѣсколькихъ мѣстахъ слышно сопѣнье, и по слѣдамъ этого сопѣнья, мальчуганъ протягиваетъ руку. Вотъ его ладонь уперлась въ чьи-то губы! они мокры и слюнявы...

— Тятинька!... Тять!

— Что не они?

— Нѣтъ, не овъ...

— Ну, не были... больше нѣту...

Миша выходитъ изъ коморки, обтирая объ полы своей одежды вымазанныя о чью-то бороду руки, и отъ нихъ все-таки долго отдастъ нюхательный табаконъ, и еще какою-то мерзостью...

Послѣ этого Миша еще разъ заглядываетъ за ширмы, гдѣ на этотъ разъ видитъ огонь, и къ счастію узнаетъ въ господинѣ, усердно выкрикавшемъ «кукареку» своего родителя... Желая изобразить пѣтуха, онъ корчится на своемъ стулѣ, вытягиваетъ впередъ шею съ напряженными жилами, стучитъ задками сапоговъ о переножку въ стулѣ и поетъ—заливается, хлопая въ ладоши...

Кое-какъ Миша дотащилъ его до дому. Отецъ сидитъ у стола. Онъ нарываетъ стащить одной ногой сапогъ съ другой, но шерстяной чулокъ разутой ноги соскользаетъ съ кожаного каблука, отчего локоть, которымъ онъ уперся въ столъ, срывается, и Шелеуховъ клячетъ носомъ...

— Ну-ко... вяло бормочетъ онъ...

— Что-о? сурово спрашиваетъ жена, не переставая трепетать за конецъ этой исторіи.

— Одну, одну...

— Какъ же... слава Богу, хорошъ!..

— Какъ?

— Хорошъ...

— Двай,... счасъ... слыш...

— Нѣту ничего... гдѣ я тебѣ возьму?..

— Я съ крыши... брошсь...

— Ну да, сейчасъ!

— Я съ крыши брошсь...

— Да что ты... По мнѣ бросайся... ребятъ не жаль...

— Я съ крыши брошсь... твердить пьяный языкъ.

Чуется великая буря, и дѣйствительно, въ тотъ же день разносится у сосѣдей слухъ, что видѣли Шелеухова на трубѣ, какъ его качало вѣтромъ, какъ съ земли посылались къ нему вопли семьи и жены: всѣ молили, чтобы онъ не возносился такъ далеко, а снова явился между ними, на что Шелеуховъ согласился не прежде, какъ въ виду его, на снѣгу, былъ поставленъ графинъ съ водкой и рюмка...

Тогда только, при содѣйствіи сосѣдскихъ кучеровъ, его стащили оттуда...

Но вотъ наконецъ что то похоже на переломъ...

Въ одинъ день изъ-за совѣтницкой двери, выскочилъ не менѣе внушительный палецъ и поманилъ Шелеухова. Шелеуховъ трепеталъ сначала весь въ лютомъ холодѣ, потомъ въ лютой жарѣ и обливался ручьями пота. Это произошло отъ того, что Шелеухову объявлено было о представленіи его къ наградѣ.

— Но къ третнему... добавилъ лицо: думаю опять попробовать...

— Васс... осмѣливаюсь доложить... шесть разъ отказали...

— Ну! Что дѣлать! Авось какъ нибудь!..

— Воля Божія-съ!..

— Д-да... А вы тѣмъ временемъ сами .. на бумажкѣ... «ревность, усердіе... неусыпно»... При этомъ лицо тычетъ пальцемъ въ ладонь..

— Поняли?

— Такъ точно-съ...

— Прощайте...

Шелеухову чувствуется, что и эта попытка будетъ напрас-

на, и поэтому съ великою тоскою принимается онъ за писаніе. Вечеромъ раскрылъ онъ подъ зеркаломъ столъ, разложилъ бумагу, но чернилъ у ребятъ не оказалось, и поэтому послали попросить у сосѣдей... Тамъ сказали, чтобъ не всѣ изводить—самимъ нужно. Кое-какъ собрано наконецъ все, но дѣло не ладится, потому что чиновную душу мутитъ мысль: «не дадутъ!» И это преждевременное разочарованіе не окрываетъ ни чиновнаго ума, ни пера.

Надо окрылить. Спутешествовалъ къ шкафу; сѣлъ; врякнулъ; свѣчка нагорѣла,—снять вальцами; пальцы засалились, пера не держать. Обмакнулъ; хотѣлъ вывести буквъ, вывести лужу, ибо изъ чернильницы вытащилъ на верѣ какое-то бревно.

Не ладится. Спутешествовалъ еще; новый листъ взялъ. Принялся сосредоточивать мысли—ребятишки сзади шумятъ: вздумалось имъ привязать къ ножкамъ стула, на которомъ сидитъ отецъ, покровки. Ребята берутъ концы покровокъ въ ротъ, какъ удила, загибаютъ головы, и желая изобразить лошадей, бьютъ ногами, ржутъ.

Опять спутешествовалъ. Вывелъ букву.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ жена задумала мыть ребятъ. Двери были закрыты, но вой, пискъ, визгъ, не взвывая на это, ломился въ комнату, гдѣ писалъ Шелеуховъ. Въ головѣ у него безсвязно неслись фразы: «будучи не замѣченъ въ поведеніи... и неусыпною ревностью... рвеніе... необъятное семейство...» Вообще ему хотѣлось изумить своими подвигами, но всѣ измышленныя имъ фразы будто играли съ нимъ въ жмурки, ибо онъ никакъ не могъ схватить ихъ съ разу, для того, чтобы разобрать, какъ приткнуть ихъ дружку къ дружкѣ.

Опять къ шкафу... Сѣлъ. Еще новый листъ взялъ.

Но оранье бабъ и ребятъ бушевало неутомимо.

— Да закройте вы дверь-то!.. Господи!.. Васька не плаю! Что ты кошку-то... Отнимете у него кошку, Христа ради!.. Царица небесная!.. Акулина! Посвѣтите вы... аль вы оглохли...

— А-а-а... орали ребята.

— Ну не буду, не буду... утѣшала баба.

— О, этта Аккулина! скажи: мы ее эту Аккулину, тнуда сама же Акулина, проворно работая руками около ребячьей головы...

— Ай, ай, ай! галески ребята, которымъ крашко приходилось отъ горячей воды и мыла, фашаго глаза. Вой этотъ рость выша, выше, наконецъ пробралъ. Шелеухова.

— Что они рѣжутъ что ли кого? смирѣно пронзность онъ и распахнулъ дверь.

— Что вы? шкуру, что ли дерете?

— Не твое дѣло... иници свою бумагу, сардато отвѣчала жена, вся красная отъ оуеты; при этомъ она поливала изъ кувшина, держа его вверху, пятерыхъ ребятъ, пожимавшихся въ нерытѣ.

Вверху стоять парь, на полу лужи.

— Ну, обыкновенно не мое, говоритъ Шелеуховъ и снова путешествуетъ къ шкафу, — а вамъ не нуженъ... Едва онъ успѣлъ сѣсть опять, мать у бабъ раздразосъ:

— Батюшки! обварилъ кипяткомъ!...

— Зажгите свѣчку, зажгите свѣчку! внажалъ женскій голось.

— Ниу! пронзность Шелеуховъ и бросился снова къ двери.

Въ это время ребята дернули за покрѣмки, пустой стулъ упалъ, ребята стукнулись лбами въ полъ... Начался вой...

Шелеуховъ съ остервенѣніемъ подошелъ къ столу, сгрѣб все въ кучу: бумаги, перья, чернильницу, свѣчку и все это ляшнулъ на полъ.

— Тьфу!

Воцарилась тьма. Отовсюду слышался скрежетъ, визгъ и въ распахнутыя двери несли столбомъ парь. Всѣ натыкались другъ на друга, ругались, и Шелеуховъ, оцупью добравшійся до шкафа, съумѣлъ пропустить залпомъ двѣ порціи.

Но иногда вслѣдъ за такими буйствами и тиранствами наступалъ покаянный день, и тогда нельзя было думать, что это тотъ же человѣкъ, который нѣсколько часовъ тому назадъ думалъ, что все его дѣло въ здѣшномъ мірѣ ограничивается вехитрою работою завесить полѣнья надъ головами жены и дѣтей, и единственно въ силу своего высокого человѣколюбія не можеть этина полѣнья беззачитныа головы... Въ такіа покаянныа минуты покаявшагося грѣшника можно было посякать вѣтвію, и при этомъ приговаривать что-либо назидательное. Въ эту пору его можно было ставить

на колѣни въ уголь лицомъ, и еслибы это дѣйствительно когда нибудь случилось, то навѣрное можно сказать, что деспота и властелина пришлось бы еще дергать за уши, для того, чтобы заставить его перестать гремѣть у пѣчки заслонкой, не колупать замазки и проч. Онъ вдругъ начинаетъ бояться жены, и поэтому удучаетъ минуту, когда она обернется къ нему спиной, и тогда уже шагъ за шагомъ подвигается къ шкафу, ибо колокольный звонъ послѣ вчерашняго торжества, до сихъ поръ раздающійся въ головѣ, выгналъ его прежде срока изъ палаты, и мутитъ его душу. Направляясь къ шкафу, прокаженный съ особенною осторожностію дѣлаетъ ногами какія-то на, словно въ русской пляскѣ, не спускаетъ глазъ съ женной спины и боится вытащить руки изъ кармановъ понталонъ. Наконецъ онъ у шкафа. Полегоньку высвободилъ онъ одну руку, за нею другую, полегоньку отворилъ дверцу, стащилъ графишь и рюмку, и налилъ. И уже полная рюмка стоитъ на полпути ко рту, какъ глаза, все еще устремленные на жену спящую, замѣчаютъ, что спина эта поворачивается. Повернулась. Глаза встрѣтились... Съ перепугу, покаявшійся пускаетъ руку съ рюмкой на пропалую и она попадаетъ въ щеку. Водка затекла въ ухо, бѣжить по воротнику, по жилету, по пальцамъ.

— Опять? кротко говорить жена.

— Не твое дѣло, говорить уже тотъ же недавній *мава*, ибо конфузъ съ рюмкой пробудилъ въ его головѣ мысль: «да что я у себя ворую? Что я?.. въ своемъ добръ-то не баринъ?»

И теперь немного приходится ждать, чтобы полѣно зашвыстало снова надъ головами...

Среди этакой каторги есть у семьи и свои убогія радости. Полная радость требуетъ небольшихъ жертвъ. Счастливы всѣ, если слышать, что послѣ буйствъ и общаго переполоха самъ наковецъ заснулъ, и есть надежда, что проспять еще долго, стало быть до вечера можно жить какъ хочется, на сколько еще можетъ проявляться это хотѣнье среди постоянно забывающаго страха и самодурства.

Тутъ является дозабытый аппетитъ, и щочотомъ цдутъ разговоры.

Въ эту минуту не желалось бы большаго счастія!

III.

Въ одну изъ такихъ счастливыхъ минутъ, Шелеуховъ что-то долго тянулъ счастье своей семьи. Было уже одиннадцать часовъ ночи, а онъ не вставалъ. Пробовали побудить—спитъ. Послушали—не дышитъ... Умеръ!

— Что я съ нимъ буду дѣлать? произнесла жена.

Въ эту пору слезъ не было, ихъ кто-то могучей рукой стянулъ подъ сердцемъ.

И въ этомъ случаѣ задрожало-бы всякое сердце!

По совѣту добраго человѣка вдова пошла къ Петру Федоровичу и тутъ узнала, что нельзя и взглянуть на Петра Федоровича, чтобъ не повалиться ему въ ноги.

— Встаньте, бѣдная женщина! Я сдѣлаю все, что отъ меня зависить. Проводите ее!

— Батюшка! отецъ!

— Проводите!

Отъ Петра Федорыча,—къ Федору Петровичу. Федоръ Петровичъ сидѣлъ на креслѣ и такъ сложилъ ноги, что они невольно просили поклоненія.

— Встаньте, бѣдная женщина! Я сдѣлаю все и т. д. Проводите ее!

— Батюшка, заступникъ...

— Проводить ее!..

...Черезъ нѣсколько времени надежда оставалась только на

Бсга. Съ этою кѣзю Шелеукова далеко до звону танца полусонныхъ ребятъ въ церковь и принималась прикладывать ихъ къ образамъ. Въ церкви было пусто, обѣдня не начиналась, а среди тишины слышалось какъ жарко шептали чьи-то уста: «Не оставь Ты меня съ младенцами твоими... Господи!»

II.

СЕМЕНКА.

Между двух торныхъ дорогъ на Москву, неизвѣстно за какую потребу, выросъ городокъ Утробовъ. Въ двухъ шагахъ отъ него по московскимъ трактамъ идутъ нескончаемой вереницей обозы, медленно шагаютъ гурты черкасскихъ быковъ и коровъ, около нихъ молодецки гарцуютъ коренастые и сочные погонщики, и вообще кипитъ торговая, крѣпкая, клеветая жизнь. А Утробовъ притаился въ такой злачной трещинѣ, что до него не доходило отъ всей этой дѣловой суматохи ни звука, ни слова. Про Утробовъ никто не спрашиваетъ, никто не нуждается въ немъ, и онъ безвинно прокисаетъ въ тихомолку, единственно изъ-за того, что когда-то давно, когда еще на мѣстѣ Утробова торчалъ маленькій желтый острогъ для пересылочныхъ, а купцы заходя служили по себѣ панихиды и погребенія, приготовляясь ѣхать утробовскими мѣсами,—въ эту пору проѣзжала здѣсь нѣкоторая вельможная, но почти полумертвая особа. Дикость мѣстности, особенно вечеромъ, пріятно тронула изнеможенные нервы особы и тутъ-то въ первый разъ родилась у нея мысль о сооруженіи здѣсь города, и въѣстъ твердое намѣреніе порадѣть объ этомъ, гдѣ нужно, если радѣніемъ и хлопотами можно

назвать не усиленное приподнятіе и мановеніе указательнымъ пальцемъ.

И вотъ, должно быть въ силу этого обстоятельства, (ибо другаго повода не было), насажденіе и разцвѣтаніе города началось. Постепенно устроивалось все, начиная отъ острога. Завелись протоколисты, подъ-протоколисты и еще какія-то должности. Была стало быть суды и канцеляріи, ибо, очевидно, нужно было и судъ творить и какъ не трудно было это сдѣлать все «какъ слѣдуетъ,» по причинѣ большаго бозлюдыя, но всѣ, отъ кого зависѣло, ревностно стремились сдѣлать городъ городомъ: скоро сумѣли отдѣлить изъ малаго числа братій нѣкоторую частіцу для сидѣнія въ острогѣ, другая принялась мирно житьствовать, и для полной картины умѣла въ лицѣ нѣсколькихъ своихъ представителей попадать на съѣзжую; на улицахъ была топь, по ночамъ находили возможнымъ кричать: «карауль, грабежъ» и пр. По улицамъ слонялись нищіе, и вообще скоро городъ вышелъ, какъ слѣдуетъ ему быть.

Но разцвѣтши такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ уподобляясь жезлу Ааронову, прозябшему безъ корня, городъ Утробовъ очевидно не имѣлъ исторіи прочихъ городовъ русскихъ, и слѣдовательно не могъ потщеславиться и возгордиться исконными гордостями этихъ городовъ, что молъ тогда-то меня въ пухъ и прахъ татары разнесли и сожгли, тогда-то Иванъ Грозный тоже разнесъ, потомъ французъ и т. д. Правда, было два-три хорошихъ пожара, изъ которыхъ каждый въ разное время снесъ по полу-городу, да еще когда-то, очень давно черезъ Утробовъ проѣзжала нѣкоторая чиновная персона, но персона проѣхала ночью и самый фактъ проѣзда уцѣлѣлъ въ головахъ жителей, только по обширнымъ приготовленіямъ къ нему. До сихъ поръ старый и малый здѣсь твердо помнятъ, какъ отъ почтовой станціи вдоль кievской улицы двигались огромныя почтовые фуры, нагруженныя ямщиками. Ямщики стоймя ѣхали въ повозкахъ, орали и махали руками. Къ оранью ямщиковъ присоединялось оранье лавочниковъ, которые выбѣгали изъ лабазовъ на середину дороги и передъ лошадиными мордами растопыривали руки. Все это дѣлалось съ единственною цѣлю укрѣпить въ лошадяхъ твердость духа, ибо, по неопытности

и непривычкѣ къ дѣлу, Утробы думали, что при одномъ лицедрѣніи персоны лошади должны шарахнуться въ сторону и надѣлать всякихъ бѣдъ.

Въ силу этого-же безпочвеннаго существованія, Утробовъ городъ вполне чиновный. Для чиновниковъ здѣсь существуютъ кой-какіе портные, кой-какіе сапожники, какой-то торговля, но все это въ размѣрахъ крайне ограниченныхъ, особенно торговля; предѣлы ея съ каждымъ годомъ становятся уже и уже, по причинѣ того обстоятельства, что съ развитіемъ порядка и благочивія, — ловко прижученное горе тащить сюда изъ деревень всякій продуктъ, нужный въ чиновномъ обиходѣ. Порядокъ развивается ежеминутно, а поэтому въ настоящее время торговля кое-какъ дышетъ единственно сбытомъ нѣсколькихъ сотенъ пудовъ подсолнуховъ въ г. Мценскъ, который, по причинѣ своей вполне уцѣлѣвшей русской природы, истребляетъ этотъ продуктъ въ несмѣтномъ количествѣ.

Чиновный элементъ начинаетъ вѣдаться и въ нравы прочаго скуднаго населенія, такъ что даже бабы огородницы, чтобы сберечь капусту, укропъ и т. д. противъ нападенія воробьевъ, воронъ и галокъ, варяжаютъ чучель на своихъ огородахъ въ старыя чиновничьи фраки, искалѣченныя треугольныя шляпы и пр. Вообще всѣ самые ничтожныя остатки чиновной сбруи доживаютъ свой вѣкъ на огородѣ: вѣтеръ играстъ рукавами и фалдами, трясетъ шляпой — и ворбны, галки, воробы въ перепугѣ летять прочь.

Такое повсюдное чиновное царство, насквозь проѣвшее обывателей, родило въ неглупой головѣ вдовы-мѣщанки Гребенкиной такую мысль:

— Семъ-ко, милые мои, я по чиновной-то части отвѣдаю?.. авось Богъ подсобить... И дѣйствительно Господь подсобилъ ей.

Въ то время, когда я видалъ Гребенкину, ей было уже лѣтъ 40, стало быть по пословицѣ бабій вѣкъ оканчивался, но, несмотря на это, въ иную пору морозъ могъ таки поживиться насчетъ ея пухлыхъ щекъ, слегка сжатыхъ бѣленькимъ платочкомъ. Въ эту пору, она уже давно ратоборствовала на адвокатскомъ поприщѣ; слава ея росла съ годами, и пмя Семенихи процвѣтало вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ искус-

ства по части знакомства служивыхъ конвейей на всѣмъ по-
численн породѣ бѣлье вышивалъ, шитье до одароваго параша
въ жилетѣ самой мелкой канцелярскай ситни. Въ силу этого
привѣтаня, годъ отъ году бѣлье и бѣлье съѣзжалось на
ея дворъ деревенскій мужиковъ съ присѣбамъ, такъ что она
должна была отворить наглухо заколоченную перевозку оцѣв-
скаго дома, а у воротъ въ видахъ барацкой отъ прѣѣзжаго
наряда, бойнѣй мѣщанскъ распахнулъ лавочку и скоро на-
шелъ удобнѣе къ дѣгню и съѣзъ присоединить веревочные
хомуты, шлеи, коровьян мужицкии трубки и проч.; и заѣ-
сѣ съ этимъ посреди Семенкина двора воздвигнулъ казѣнь,
какія бывають на постоялыхъ дворахъ.

Такъ какъ грамотѣ Семенка училась на гѣднѣмъ дѣлѣхъ,
а прѣѣзжае мужикамъ нужны были разнымъ прошенія, то
шлялся къ ней для этого дѣла нѣкто, извѣстный подъ именемъ
Борисыча. Когда-то онъ служилъ въ одномъ изъ судовъ,
но оттуда выгнанъ; нищенствуя, онъ нанялся въ палаты
дежурить за другихъ, получалъ за это четвертакъ, и за та-
кую сумму отдавалъ себя вполнѣ на общую жертву. Многіе
путники изъ неоперившихся писцовъ употребляли его на
своемъ потѣху, заставляли пѣть пѣтухомъ, поили пьянымъ до
иступленія, сажали на скамѣ, надѣвали на голову бумаж-
ный колпакъ и зажигали его... А Борисычъ и не чувствовалъ,
какъ у него на среднѣй головы выгорала просторная плѣшь.
Пѣніе пѣтухомъ обратилось у него впоследствии въ привычку,
и онъ съ особенною ловкостію и тонкостію могъ изобразить
разницу въ пѣніи аглицкаго пѣтуха и курскаго или ерлов-
скаго. Съ этою забавою онъ по праздникамъ шлялся меж-
ду чиновниками, старался попадать послѣ обѣдни, когда обы-
кновенно вездѣ ѣдятъ пироги, и получалъ тутъ рюмку
или двѣ водки. Если ему наконецъ претило пить, онъ не воз-
вращалъ рюмку назадъ, а выливалъ ее въ полштофъ, кото-
рый былъ повѣшенъ у него на фрачной пуговицѣ... У Се-
менки онъ обиталъ въ кухнѣ и въ сборной комнатѣ, строчилъ
просьбы, и за двугривенный могъ настроичить какую угодно
кляузу.

Тутъ же въ кухнѣ прислуживала, взятая Семенкой изъ

милости, старушка Митревна; ее считали полуномѣшпанной отъ потери сына, котораго угнали въ солдаты... Она ходила просить за него, но оказалось, что всѣ дѣла она вела и просьбы подавала швейцару въ казенной палатѣ, который изумилъ ее своимъ видомъ и золотой палкой, перебралъ съ нея множество денегъ, и наконецъ уговорилъ идти въ Питеръ.

Этому-то всѣ и сѣбялись.

— Ну-ко, ну-ко... какъ ты ходила-то?.. Что солдатъ-то говорилъ?

— Ну онъ мнѣ и говорить, иди ты говорить, бабка, на самый на царцынъ дугъ... Потому, посередь самаго дугу стоитъ Кутузъ-Смаленская, и все одно какъ прибѣжище какое... Какъ ему скажешь: такъ моля... Онъ сейчасъ платкомъ махнеть — и все тутъ, потому онъ изъ подъ самаго, изъ подъ зеленаго орла... во какъ!..

Слушатели покатываются со смѣху.

— Ну, а какъ оттеда-то?..

— А оттеда, милые мои, повели меня при поетапи... Идемъ мы съ нимъ, а поетапъ и говорить, — «я тебя говорить бабочка, ни то что, а завсегда могу причудесно изъ этого самаго ружья уложить»... У меня руки—ноги трясутся, слова выговорить не могу, духъ захватываетъ, а онъ то дьяволь помираетъ... «ахъ привасходно я эту бабу уложу!.. ахъ какъ я ее уложу?.. И ежели, говорить, старушка вы намъ на счетъ косушки не вздумаете, то мы въ секунтъ душу вашу приставимъ на самое на седьмое даже небо... И будете вы примѣрно порхать туды — сюды...»

Борисычъ и Митревна были обитатели кухни. Сама Семениха помѣщалась въ чистой комнаткѣ, привѣтливо смотрѣвшей на улицу чистыми стеклами и чистыми занавѣсками. Здѣсь принимала она головъ, старость и водила съ ними чай. Такая необычная дѣятельность Семенихи неперемѣнно должна была злить сосѣдей и сосѣдокъ;—злитъ именно въ силу единственнаго обстоятельства, что не нашего поля ягода. И поэтому, вмѣстѣ съ вступленіемъ Семенихи на ея гражданскую дорогу, родилась всевозможная козни и ухищренія, какъ бы ей отомстить, нагадить, уцѣпнуть

при случаѣ. Все это Семениха называла «злыднями» и продолжала безъ вниманія оставлять разные слухи о томъ, будто бы она, Семениха, хлыстовской вѣры; не обращала вниманія на украденную курицу, понимая, что покража эта учинена съ явнымъ покушеніемъ завязать ругань, по возможности середь улицы, вцѣпиться ей въ волоса, оплевать другъ друга съ ногъ до головы и проч. А такое небреженіе Семенихи было лучшею местию разозленному народу, ибо въ этомъ случаѣ украденная съ политическими цѣлями курица, какъ не достигшая этихъ цѣлей, камнемъ ложилась на душу похитительницы и дѣлала ее просто-на-просто воровкой.

А Семениха между тѣмъ дѣлала свои дѣла по-своему. Дѣла эти ей удавались, потому что она умѣла понадобится тому, въ комъ нуждался сама. Отъ этого, въ быту нужнаго ей чиновничества, она была «своя». Ребяты ее любили и съ особенною радостію ждали ея появленія, ибо знали что вмѣстѣ съ ней явится имъ полфунта какихъ нибудь сластей, пряникъ, грѣцкій орѣхъ и проч. Чиновныя жены души въ ней нечали, ибо не было другой такой душевной женщины, какъ Семениха. Случись заболѣть ребенку, онѣ не задумавались посылать за Семенихой, и та мигомъ распознавала, откуда взялась лихая — *болѣсть*. Для этого она клала въ самоварную крышку нѣсколько угольковъ, посыпала ихъ гвоздикой, становилась около больного, приговаривала и дула на уголья.

— Отъ дѣвичьяго глазу...

Не щелкаетъ.

— Отъ мужского...

Тоже...

— Отъ бабьяго ..

Щелкнуло...

Корень зла отчасти найденъ, и стоитъ только пустить въ оборотъ бабьи умы и соображенія, какъ тотчасъ отыскивается и самъ виновникъ зла. И попадись этотъ сглазившій, дурной бабій глазъ, въ него не задумались бы запустить всѣмъ, что ни попадется подъ руку. Такъ крѣпко Семенихино слово.

Или вдругъ нападетъ на чиновницу этакой необыкновенный

стихъ; захочется ей и платье вытащить на солнце просушить, захочется ей пережечь всѣхъ клоповъ въ своихъ кроватяхъ, перемыть всѣхъ ребятъ, и стоитъ только Семенихѣ снять свою паль, засучить рукава, какъ все это закипитъ и зашумитъ мигомъ. Однажды она предложила сама перемыть секретарскихъ свиней. Съ этою цѣлю каждый пациентъ по одиночкѣ привязывался веревками къ корыту, и среди нестерпимаго визга изобильно обливался кипяткомъ; этотъ кипятокъ должно быть очень разжогъ одну изъ пользуемыхъ, только свинья успѣла вывернуться, бросилась въ ворота и понеслась по городу съ корытомъ около бока.

Такими подвигами Семениха умѣла обставить такъ свою особу, что впоследствии даже одно появленіе ея производило великую пріятность.

Вотъ на дворѣ стоитъ лѣтняя жара. Чиновница сидитъ дома одна-одпнешенька. Мужъ въ палатѣ, сынъ въ школѣ; дома только ребята маленькіе. Но главное—это жара сверхъ силъ. Отворила она окно въ садикъ, думала хоть сквозной вѣтеръ попродуетъ мало-мальски подъ мышками, и въ этомъ мѣстѣ, и въ этомъ... Платьемъ помахала гдѣ очень вспотѣло, — нѣту, ничего не легче... Въ окна врывались стаи мухъ, а одна между ними, съ толстымъ рыломъ и нестерпимымъ жужжаніемъ, легко напоминавшая купчиху въ лоснящемся атласномъ салопѣ, привела даже въ немалый испугъ чиновницу, заставила ее вскочить съ мѣста, и махать полотенцемъ, чтобы выпроводить ее вонъ. Отъ этого маханья, кровь, и безъ того стучавшая въ вискахъ, застучала еще сильнѣй. Чиновница пробовала шить—не шилось: то она колола руку, то колѣно, прищипливая работу, и отъ этихъ уколовъ бросало ее въ жаръ... Силъ нѣтъ; легла, забылась. Въ отворенныя въ кухню двери слышно, какъ стучитъ ножомъ кухарка; принять цыпляты, на улицѣ мужикъ кричить: «черепенники...» Вѣтеръ потянулъ было таково пріятно, встать не хотѣлось; а въ это время въ сѣняхъ идетъ курица и стучитъ въ полъ носомъ. Вотъ она перебралась въ переднюю... Чиновница и хотѣла бы пугнуть ее, да не можетъ: застыла со-

всѣмъ. Чудится ей, что курица проберется въ залу, начнетъ тамъ слоняться по стульямъ, подъ зеркаломъ усядется и подлостей всякихъ надѣлаетъ... Злитъ она, но никакъ не разведетъ своими членами: какъ развареная лежитъ... На дворѣ къ тому же завизжали маленькія ребята... «Передеру всѣхъ», подумала чиновница.

Состояніе варварское, мучительное... И вотъ, если въ такую минуту преподжалуетъ Семениха, то ей бросятся и повиснутъ на шеѣ. Появленіе ея въ такую пору неизбежно влечетъ за собою самоваръ, и теперь онъ не усилитъ господствующей надо всѣмъ жары; напротивъ пріятельницы послѣ пяти-шести чашекъ еще скажутъ: «вотъ теперь немножко... попрохладнѣй...»

Появленіе Семенихи въ настоящемъ случаѣ очень спасительно, и чтобы понять это, стоитъ побыть у чиновницы послѣ Семенихи. Вотъ пришелъ мужъ и послѣшно стащилъ съ себя фракъ, жилетъ и манишку; потеръ подъ мышками грудь, отдулся отъ жару; еще разъ отдулся и поясицу потеръ кулакомъ.

— Ну, парить! говорить онъ.

— Ужь не говори, произносить раскисшая жена. Ребята цѣлый день на дворѣ визжать... Вся измучилась... Хоть бы ты какъ нибудь ихъ передралъ бы...

— Вотъ какъ нибудь соберусь, говорить мужъ. Ужь я по семи шкуръ сразу сдеру, добавляетъ онъ въ назиданіе окружающимъ его ребятамъ, и опрокидываетъ въ ротъ рюмку водки.

Послѣ трудовъ, особенно послѣ сидѣнья, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ нагружаетъ себя ботвиньей, щами, солонинной, и все это тянетъ его къ постели, къ подушкѣ. Въ постель начинаютъ кусать блохи, по физиономіи страиваются мухи и жрутъ его, какъ лошадь какую. Напрасно чиновникъ дергалъ бровями, губами, носомъ, онъ только зажималъ то вѣкой, то губой мушкетерскую ногу, муха принималась зудѣть, вопить еще нуще, и вообще послѣ часовой битвы съ мухами чиновникъ упалъ духомъ.

— Будь вы прокляты! произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ...

Въ это время черезъ комнату пронеслись рысью ребята, игравшие въ лешадки. Ихъ шагъ зашумѣлъ сразу noise тѣвнущую, въ равнѣхъ мѣстахъ чиновникаго тѣла, злобу, и сбросили отца съ кровати.

— Я до васъ доберусь, проспѣлъ онъ и помчался за ребятами по залу.

Здѣсь ему встрѣтилась жена, съ розгой въ рукахъ догнавшая крохотную дѣвченку, бѣжавшую, растопыривъ руки и безъ крика, отъ испуга разинувъ ротъ.

— Погодите, любезные!.. Я ввасъ!... При этомъ отецъ шепталъ одного мальчугана за вихоръ, одной ногой прижавъ въ углу вѣнчикъ и свободной рукой выдернулъ изъ него прутикъ.

Начался плескъ, дранье. Ребята заступались за несчастныхъ, плакали и вытье усилилось.

— Папашичка, голубчикъ...

— А! и тебѣ хочется... Изволь!...

И ридица хватала за вытры другого... Чѣмъ болѣе прутъ свисталъ въ воздухѣ, тѣмъ болѣе отецъ вводилъ во вкусъ и дѣйствительно варовилъ содрать не менѣе семи шкуръ. Ребятишки бросались на чердакъ, въ баню, въ испребу, на сѣновалъ; за ребятишками бросались туда и родители.

Черезъ полчаса и отецъ и мать усталыми шагами возвращались со двора, и заткнувъ ротъ за верналомъ, или вообще на видномъ мѣстѣ, въ невозможности падали на кровать.

— Ухъ... Усталъ!..

— Измучили совсѣмъ... стервецы этикіе!

А ребята сидѣли въ амбарѣ и голосили о грѣхахъ своихъ.

Случись тутъ Семеника, да вообще какаянибудь отводящая рука, поставили бы самоваръ, и ребята были бъ цѣлы.

Заручившись такимъ образомъ, гдѣ угодно, Семеника смѣло принималась за свои ходатайства, и при этомъ далеко хорешила свое смѣлость. съ начальственнаго взгляда, твердо зная, что повиновеніе и почтеніе кому нужно вещи не безногезныя.

Подступает рекрутскій наборъ. Пронесся слухъ, что кто вывелъ иѣломъ на воротахъ одного дома, стишокъ: «ра-дуйся, воръ, близко наборъ.» Нѣкто насажалъ на воротахъ двухтесные гвозди, и распустилъ слухъ, что это отъ безкорыстия: мужики все къ нему ходятъ; пускать не приказалъ, черезъ заборъ полѣзли, такъ это все отъ этого... А на дворъ Семенихи валятся мужичьи дровни; полна народомъ горница, полна кухня, на палатахъ, на печи — вездѣ народъ.. Семениха ласково принимаетъ всѣхъ, горюетъ общимъ горемъ, и благословясь принимается хлопотать по начальству. Собираетъ она горемычныхъ отцовъ, надѣваетъ свою заячью шубку, и плетутся они раненько куда нужно. Семениха идетъ впереди мужиковъ коноводомъ, и все размышляетъ, какъ бы лучше этому дѣлу пособить? Съ этою цѣлю она часто оборачивается къ мужичкамъ, останавливаетъ и даетъ имъ разные совѣты:

— Тутъ скоро, милые мои, говоритъ она, совѣтникъ живеть... У него теперича кучеру приказъ, бытто не пущать... Ну это только для виду... авось неровно кто къ самому сходитъ, обжалится, дескать, у совѣтника не пускають, избили... это имъ лестно... Вотъ они и наровятъ кому ни есть, что разсадятъ: зубы тамъ али гдѣ... Ну, а вы, дѣтушки, сложитесь по семиткѣ, да кучеру ихнему Петру Петровичу и дадимъ... Авось Богъ дастъ...

Просители вынимають гривны, и шествиѣ продолжается.

Семениха идетъ, идетъ и опять обернется.

— Вы вотъ что!.. Кто ежели изъ Васъ пилъ вино — скажите.

— Мужики мнутса.

— Вино пили...

— То-то... Опъ этого не любить, чтобы ни-ни...

Слушаютъ.

— И ежели говорить что будешь, сейчасъ голову заноси набокъ... чтобы ни дохнуть.. потому сиващей этой... тьфу! преть... А онъ сичасъ несомъ туды—сюды: «что такое? кто смѣлъ? позвать!»

Семениха вертѣла носомъ, и представляла совѣтника...
Опять шли.

У воротъ Семениха погрѣбла кольцо, и при этомъ говорила мужикамъ:

— А вы, други мои, зубы ты заслоните горсточкой,.. Ну-ко неравно восхотятъ они...

Кучеръ отпираетъ калитку и принимается пихать народъ обратно, но ему суютъ пятаки, и скоро мужики заслонивъ челюсти проходятъ черезъ дворъ въ совѣтницкія сѣни.

Здѣсь уже биткомъ набито народу; словно на святой недѣлѣ ждуть скоро-ли отворятся двери, только жданье это безъ сомнѣнья не съ такими свѣтлыми чувствами. Кучеръ, пока не звонятъ у воротъ, толкается въ сѣняхъ. Старички робко пытаются завести съ нимъ разговоръ.

— Я чай, жутко по перву-ту началу? спрашиваетъ одинъ.

— Нѣтъ нашъ баринъ добрый.

— Ну все чай.. должность большая у яво...

— Это точно. Съ перву началу—точно... бытто оторопь... съ непривычки.

— Такъ такъ...

— Бывало дрожись... Трясь такой тебя хватаетъ—страсъ.

— Такъ-такъ.

— Ну, теперъ привыкли.

Въ это время Семениха шепчетъ своимъ кліентамъ:

— Какъ передъ яво, сичасъ въ ноги...

Изъ кухни кухарка выкатила бочку со щелокомъ, въ которомъ сипѣлъ кирпичъ. Мужики бросились въ сторону...

— Легша, легша... заоралъ кто-то изъ угла.. Эво приперли...

Семениха первая пробралась въ переднюю.

Мужики рухнули на колѣни.

— Рано, рано, никого нѣту... Эко грохнулись...—шепчетъ имъ Семениха.

— Что тамъ за трескъ? Затворите дверь!.. слышался изъ сосѣдней комнаты совѣтницкій голосъ...

Скоро однако онъ вышелъ въ халатѣ, сѣлъ на стулъ и стаканъ чаю на колѣнкѣ держитъ. Семениха первая опускается на колѣни, подстилая на землю полу шубки.

— Федоръ! Кузьма! шепчетъ она, мужикамъ и кланяется совѣтнику въ ноги.

— Явить божескую милость!

— Какъ Богъ такъ и вы!

— Батюшка заступникъ... твердили мужики, а совѣтникъ молча смотрѣлъ на нихъ и прихлебовалъ съ блюдечка чай.

Вслѣдъ за Федоромъ и Кузьмою, Семениха подводила и друзей своихъ кліентовъ и съ тонкостію излагала въ чемъ дѣло, не забывая стоять постоянно на колѣняхъ.

За ней вползали новые просители, вводили охотниковъ, нѣсколько бабъ выло и причитало.

И съ своими горемычными Семениха мытарилась въ эту пору дни и ночи. Къ ней адресовались охотники, шли рукобитья; она сама зоркимъ глазомъ слѣдила чтобъ охотникъ, взявшій послѣднія мужицкія денжонки, какъ нибудь не улизнулъ.. Тутъ же передавались квитанціи, шли могарычи и проч.

Такая бѣгодня и возня шла вплоть до самаго приема, и очевидно, она была не безвыгодна для Семенихи... Но среди неизбежнаго горя, теплое слово бываетъ дорого. Благодарность Семенихѣ иные посылаютъ хоть зато, что лишившись дѣтей, что было неизбежно, они не лишились своихъ стариковскихъ зубовъ.

Сидитъ Семениха у чиновницы Бѣлкиной, и пьютъ они чай.

— Шла я изъ рядовъ, говоритъ чиновница, вокругъ приему: — что народу-то тамъ!..

— Охъ, не говори...

— Такое вытье!.. Чтожь ты чаю-то?

— Не пьется что-то...

Семениха вспомнила, что въ форточку отъ Бѣлкиныхъ слышно, какъ около приема воютъ бабы, потому что палатка

была не далеко. Она встала на стулъ, открыла форточку, и, дѣйствительно, сначала стонъ чуть-чуть слышался, но вѣтеръ дунулъ въ лицо, и ухо ясно различило въ принесенномъ воплѣ тысячи воющихъ душъ, словно посаженныхъ въ печь огненную и въ неистовствѣ разгнувшихъ свои пасти.

— Охъ мать... Я пойду потолкаюсь.

— Чтожъ... и Федю прихватите... Фекла! одѣнь Федю-то. Федю ловили гдѣ нибудь въ саду съ салазками, и отчистивъ отъ снѣгу, вели къ приему. Напути попадались рекруты съ рябыми лицами, къ которымъ такъ не шли черныя наушники и мелкія, плоскія фуражки; черезъ улицу переѣхали мужичьи сани, въ которыхъ сидѣли пьяные мужики, одинъ безъ чувствъ лежалъ въ саняхъ, а ноги его волочились и подскакивали по снѣгу.

Семениха тащила Федю черезъ рекрутскій дворъ запруженный мужичьими санями и сажала его на окно. Въ окно было видно, какъ въ широкую и свѣтлую комнату, наполненную разными господами въ мундирахъ, ввели голаго мужика и поставили подъ станкомъ. У мужика было на груди отъ загара черное пятно; лицо было блѣдно и на глаза свѣсилась прядь бѣлокурыхъ волосъ которыхъ мужикъ поправлять въ эту минуту не думалъ, потому что дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Особенно дрожали руки и пальцы, мозолистые и острые колѣна подгибались. И въ это время, какой-то человекъ, приподнявшись на ципочки, провелъ между теменемъ мужика и верхней доской стѣнки бѣлый листъ бумаги, должно быть эта операція страшно перепугала мужика, потому, что онъ рухнулъ на колѣни...

— Боюсь! закричалъ мальчуганъ и бросился къ Семенихѣ, которая стояла вся въ слезахъ.

И жила такимъ образомъ Семениха долгія годы. Впослѣдствіи никто не называлъ ее иначе, какъ «матушкой».

Семениха гордилась своими заслугами и иногда говорила.

— Слава Богу при пяти управляющихъ состою,—не обругаютъ.

В своем прошлом она могла вспомнить, что не разъ тотъ или другой генералъ сажалъ ее съ собой за одинъ столъ.

Безпокойство она терпѣла отъ сосѣдскихъ мальчишекъ дѣтей учителя гимназiи, которые часто забирались на ея крышу и производили тамъ буйство.

Когда она умерла многіе чиновики говорили трогательныя рѣчи....

Гарьбъ Успенскій.

ЛОВЛЯ ЖЕНУХА.

(изъ записокъ и. с. д....а)

Кажется, кто можетъ быть счастливѣе начальника отдѣленія, подвизающагося на пользу отечества? Никто, скажете вы. Вамъ и простиительно такъ говорить, потому что вамъ еще неизвѣстно, что у Семена Николаевича есть три дочки: Лиза, Маша и Оля. Теперь же, когда вамъ извѣстно сіе обстоятельство, когда, кроме того, я сообщу вамъ, что мысль—выдать своихъ дочерей замужъ безпрерывно терзаетъ Семена Николаевича въ теченіе многихъ лѣтъ, что для этой цѣли употребляются всевозможныя хитрости и художества, теперь, когда вы знаете все это, скажете, можетъ-ли добросовѣстный изслѣдователь причислить Семена Николаевича и все его семейство къ числу счастливыхъ людей?

Очевидно, что не можетъ. Вы убѣдитесь въ этомъ еще болѣе, если я расскажу вамъ исторію моихъ отношеній къ почтенному семейству Семена Николаевича.

Едва я успѣлъ познакомиться съ Семеномъ Николаевичемъ, какъ любезность всѣхъ членовъ семейства, и въ особенности Анны Егоровны (супруги Семена Николаевича), рѣшительно очаровала меня. Когда черезъ нѣсколько дней я былъ приглашенъ обѣдать, то Анна Егоровна постоянно упрекала меня, что я мало ѣмъ, Семенъ Николаевичъ подливалъ мнѣ вина, старшая дочь по временамъ краснѣла, а младшія перешептывались и, какъ будто невзначай, говорили громко нѣкоторыя французскія фразы. Припоминая теперь всѣ подробности моего знакомства, я прихожу къ убѣжденію, что каждый изъ членовъ этого почтеннаго семейства выполнялъ свои опредѣленные обязанности, хотя быть можетъ и безсоз-

нательно. Обязанности эти выполнялись съ замѣчательнымъ искусствомъ, рѣдкимъ единодушiемъ и имѣли одну твердую, опредѣленную цѣль: во что-бы то ни стало поймать жениха для старшей дочери—Лизаветы Семеновны. Начнемъ по порядку.

Семень Николаевичъ не имѣлъ специальной обязанности и въ то же время исполнялъ самую трудную. Онъ былъ душою общества, онъ всѣмъ давалъ направлѣнiе, онъ, подобно полководцу, зорко слѣдилъ за общимъ ходомъ атаки. Семень Николаевичъ, между прочимъ, занимался письменною частiю. Его пригласительныя записки отличались неподдѣльнымъ остроумiемъ. Въ одной изъ нихъ говорилось, что если мнѣ скучно, то онъ покорнѣйше меня проситъ: «принести съ собою скуку на чашку чаю». Въ другой онъ просилъ меня немедленно явиться «для разрѣшенiя одного важнаго вопроса». Когда же я приходилъ, то Семень Николаевичъ объявлялъ мнѣ, что между нимъ и его младшею (замѣтите: не старшею, а младшею) дочерью возникъ споръ о моихъ лѣтахъ, котораго сами они не могли разрѣшить. Нечего и говорить, что если я не приходилъ цѣлую недѣлю, или не являлся по приглашенiю, то, при первомъ же свиданiи, я былъ осыпаемъ градомъ самыхъ разнообразныхъ упрековъ со всѣхъ сторонъ. Семень Николаевичъ говорилъ, что я загордился, Анча Егоровна напротивъ утверждала, что я ухаживаю за одною, извѣстною ей, особою. Лизочка съ улыбкою выражала мнѣнiе о томъ, что я, вѣроятно, обремененъ многочисленными занятiями, и т. д. Но не будемъ отклоняться отъ предмета нашего разсказа. Кромѣ писанiя остроумныхъ записокъ, Семень Николаевичъ выполнялъ еще одну очень трудную обязанность: *обращенiе меня на путь истины*. Такъ напримѣръ, верѣдко послѣ обѣда мы удалялись въ кабинетъ, гдѣ Семень Николаевичъ предлагалъ мнѣ сигару, а самъ, полулежа въ креслахъ, предавался различнымъ философскимъ размышленiямъ. Въ результатѣ обыкновенно выходило, что какъ ни соблазнительны всѣ свѣтскiя удовольствiя, но всѣ они непрочны и не могутъ удовлетворить вполнѣ развитаго человѣка; «истинное же счастье заключается (повѣрьте мнѣ, любезный Иванъ Сергѣевичъ) въ семейной жизни». Изрѣдка, для моего развле-

ченія, Семенъ Николаевичъ разсказывалъ анекдоты добнаго свойства.

Но довольно. Невозможно описать трудную роль Семёна Николаевича. Перейдемъ къ Аннѣ Егоровнѣ.

Сія почтенная матрона занималась мною болѣе съ практической стороны. Въ формѣ простыхъ вопросовъ и дальнихъ намековъ, допрашивала она меня, какова моя служба, сколько я получаю жалованья, не предвидится ли въ скоромъ времени новышенія, не выгодно ли будетъ для меня заняться частною работою, нѣтъ ли у меня родственниковъ, кто они, и не имѣтъ ли принадлежить въ Полтавской губерніи имѣніе Чижево, и т. д. и т. д. Въ интимныхъ разговорахъ со мною, Анна Егоровна говорила мягкимъ голосомъ, что ея Лизочка, право, еще ребенокъ (ей было 22 года), что у нея ангельское сердце, и что она только молить Бога, чтобы будущій мужъ сумѣлъ одѣлать ее. Когда же мнѣ случалось хвалить какую нибудь другую дѣвицу, то глаза Анны Егоровны смотрѣли на меня тревожно, брови ея морщились, и она непременно отыскивала какой нибудь недостатокъ въ хвалимой мною особѣ. Иногда Анна Егоровна обращалась ко мнѣ съ такими словами.

— Ну, Иванъ Сергѣевичъ, садитесь-ка, да потолкуемъ о дѣлахъ. Вы свой человекъ, съ вами можно обо всемъ поговорить.

И тогда она говорила, что вотъ жизнь-то вещь не легкая, заботъ много, особенно съ дочерьми; да вотъ хоть бы Лизочка:—недавно еще за нее сватался одинъ полковникъ, да что это ей за партія? Ей надо человека молодого, образованнаго, съ благороднымъ сердцемъ...

Но едва доходило дѣло до этого молодого, образованнаго человека, съ благороднымъ сердцемъ, какъ я почиталъ долгомъ своимъ заговаривать объ итальянской оперѣ и о сравненіи ея съ русскою, и всѣ старанія Анны Егоровны свести разговоръ на трудность жизни—оставались напрасными.

Теперь остается сказать, какія роли играли три граціи Семёна Николаевича.

Самая главная роль принадлежала, разумѣется, двадцати двухъ лѣтнему ребенку — Лизочкѣ, для замужества которой

учредблялись всевозможныя услуги. Роль Лизочки представляла большія затрудненія, потому что ей въ одно и то же время надѣ было вѣваться и развитое дѣвущиною, и образцомъ невинности; простота манеръ должна была соединяться въ ней съ неподражаемою граціею, самостоятельность сужденій съ кроткимъ дѣтскимъ послушаніемъ. Въ концѣ концовъ, всё эти качества должны были содѣлать ее нестрашно-ошаривательною, *ирреалистичною*. Вотъ почему туалетъ Лизочки отличался всегда изысканною простотою. Вотъ почему Семеновъ Николаевичъ иногда говорилъ, какъ будто нечаянно:

— А что, Лиза, ты разучила послѣдній твой романсъ?

— Нѣтъ еще, папа.

— Ну, полно церемониться, попробуй спѣть.

И Лизочка, будто неохотно, садилась за фортепьяно. Картина тогда была слѣдующая: Семеновъ Николаевичъ стоялъ за стуломъ своей дочери и смотрѣлъ на меня съ торжествующимъ видомъ. Анна Егоровна сидѣла на диванѣ въ полугрустномъ настроеніи духа. Вторая дочь, Машенька, стояла съ боку и перевортывала ноты; третья, Оленька дѣлала видъ, что читаетъ книгу и составляла украшеніе картины. Я, наконецъ, облокотившись на рояль, старался выразить на лицѣ моемъ, душевное наслажденіе, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда Лизочка перестанетъ завывать, что «она безумная, и что она все его еще любить!»

Изъ этой картины вы усматриваете, что Машенька и Оленька, по мѣрѣ силъ своихъ, добросовѣстно содѣйствовали общей цѣли. Но содѣйствіе ихъ выражалось и другимъ образомъ. Такъ, напримѣръ, по временамъ до службы моего доходили различныя замѣчанія, которыми обмѣнивались эти милыя дѣвицы, по поводу какого-то рисунка. Понимая, что замѣчанія эти говорились въ мой бенефисъ, я, по долгу вѣжливости, обращался къ нимъ съ вопросомъ: о чемъ идетъ рѣчь? — тогда онѣ показывали мнѣ рисунокъ Лизочки, а сама она быстро выхватывала его изъ моихъ рукъ, говоря, что не стоитъ показывать плохіе опыты. Но я хорошо зналъ, что она думаетъ иначе.

Когда такимъ образомъ вполне выказались и грація, и умъ,

и скромность, и всѣ артистическіе таланты Лизочки, тогда наступилъ второй періодъ, періодъ мѣръ болѣе рѣшительныхъ. Мѣры эти заключались въ томъ, чтобы по возможности чаще оставлять меня наединѣ съ Лизочкою. Это дѣлалось какъ будто совершенно случайно. Начиналось съ того, что Семень Николаевичъ уходилъ изъ комнаты подъ тѣмъ предлогомъ, что ему надо заняться, а нѣсколько времени спустя, Анна Егоровна уходила распорядиться по хозяйству. Для чего выходила Машенька — неизвѣстно. Извѣстно только, что, черезъ нѣсколько минутъ, она изъ сосѣдней комнаты вызывала Олянку, и такимъ образомъ мы оставались одни. Пропсходило это и другимъ манеромъ. Въ передней я еще слышалъ голоса Анны Егоровны и двухъ сестриць, но когда я входилъ въ гостиную, то не находилъ никого, кромѣ Лизочки, которая, сидя въ живописной позѣ и держа въ рукахъ книгу, дѣлала видъ, что не слышитъ моихъ шаговъ, и только послѣ словъ моихъ: «здравствуйте, Лизавета Семеновна» она поднимала голову и полнымъ нечтательной задумчивости голосомъ говорила:—Ахъ это вы, Иванъ Сергѣичъ!—На вопросъ же мой, гдѣ другіе—отвѣчала, что они, вѣроятно, заняты, и что сейчасъ придутъ. На самомъ же дѣлѣ никто не приходилъ, и Лизочка, мало по малу, сводила разговоръ на ея обычную тему: на непостоянство чувства и вѣтреность нынѣшней молодежи. Въ такихъ случаяхъ, я старался ей доказывать, что съѣстные припасы все болѣе и болѣе дорожаютъ.

Дѣло, такимъ образомъ, тянулось до той поры, пока Семень Николаевичъ не сказалъ мнѣ однажды, послѣ обѣда: — Иванъ Сергѣевичъ, я бы хотѣлъ сказать вамъ нѣсколько словъ.

Тогда начался третій послѣдній періодъ — періодъ рѣшительной атаки.

Когда мы пришли въ кабинетъ и усѣлись въ кресла, Семень Николаевичъ принялъ такое строгое и торжественное выраженіе лица, какого я на немъ никогда еще не видалъ.

За тѣмъ, спокойно и съ разстановкою онъ началъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ:

— Надѣюсь, Иванъ Сергѣевичъ, что предметъ, о которомъ я намѣренъ говорить съ вами, не покажется вамъ страннымъ; хотя, конечно, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дели-

катныхъ вопросовъ, которые при извѣстныхъ обстоятельствахъ. . . .

Семенъ Николаевичъ оборвался.

— Сдѣлайте милость, продолжайте, сказалъ я.

— Я никогда не позволялъ себѣ сомнѣваться въ вашемъ благородствѣ, Иванъ Сергѣичъ. Вотъ почему я имѣю полное право сдѣлать предположеніе, что видимо желая сблизиться съ семействомъ, въ которомъ есть взрослая дочь. . . .

Семенъ Николаевичъ опять остановился. Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія касательно смысла его рѣчи. Я приготовился къ отпору. Злая мысль мелькнула въ моей головѣ. . . .

Семенъ Николаевичъ продолжалъ :

— Что видимо желая сблизиться съ семействомъ, въ которомъ есть взрослая дочь, вы, какъ честный человѣкъ, конечно не могли не имѣть намѣренія . . .

— Да, отвѣчалъ я тихо.

— Значить, я не ошибся, дорогой Иванъ Сергѣевичъ?

— Вы не ошиблись, Семенъ Николаевичъ, отвѣчалъ я меланхолически.

— Благодарю васъ, Иванъ Сергѣевичъ, вы—благородный человѣкъ !

— Но, Семенъ Николаевичъ, сказалъ я: — Если бы счастье мое зависѣло только отъ моей воли. . . .

— А ! Вотъ что ! Вотъ почему вы не высказались до сихъ поръ ! Стыдно, молодой человѣкъ, стыдно ! Какое малодушіе ! Конечно, дочь моя, при ея привлекательной наружности, при ея природномъ умѣ, обладаетъ въ то же время неподражаемымъ женскимъ тактомъ. . . Не говорю это, какъ отецъ, нѣтъ ! спросите у другихъ. . . Конечно, я употреблялъ всѣ усилія, чтобы дать ей блестящее образованіе и въ особенности развить ея музыкальныя способности, которыя ставятъ ее выше уровня. . . Но, къ чему такая скромность, молодой человѣкъ ? Я выдалъ вамъ секретъ моей дочери : она равнодушна къ вамъ. . . Женская стыдливость, разумѣется, не позволяла ей высказывать свои чувства. . . Но вы догадывались, неправда ли, вы догадывались, Иванъ Сергѣевичъ ? . . Скажите же, Иванъ Сергѣевичъ, вы догадывались ? а ? . . Какъ вы говорите ?

Но я ничего не говорилъ и, опустивъ голову, грустными очами смотрѣлъ на полъ, не издавая ни единого звука. Семенъ

Николаевич начиналъ теряться и смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

Тогда я медленно поднялъ голову, посмотрѣлъ на Семена Николаевича съ глубокою нѣжностію и, стараясь придать себѣ видъ человѣка взволнованнаго, отвѣчалъ ему слѣдующее:

—Позвольте, прежде всего, поблагодарить васъ, многоуважаемый Семень Николаевичъ, за ваше лестное мнѣніе о моемъ характерѣ. Повѣрьте, что я сумѣю показать себя достойнымъ его. Позвольте душевно поблагодарить васъ за то счастье, которое вы мнѣ даете...

Семень Николаевичъ, молча, пожалъ мнѣ руку. Послѣ нѣкоторой паузы, я продолжалъ:

— ... Потому что не мнѣ, конечно, говорить комплименты той, при видѣ которой сердце мое невольно бьется... Нѣтъ, скажу просто и откровенно, что Лизавета Семеновна соединила въ себѣ всѣ дары природы и искусства: привлекательную наружность, развитый умъ, замѣчательный женскій тактъ, образцовое воспитаніе и рѣдкія музыкальныя способности. Я хорошо знаю, многоуважаемый Семень Николаевичъ, чьимъ неусыпнымъ попеченіямъ, чьей энергической волѣ и чьему музыкальному вкусу всѣмъ этимъ обязана милая дочь ваша...

Я посмотрѣлъ на Семена Николаевича: лицо его было красно, на глазахъ навертывались слезы. Онъ, во второй разъ, молча пожалъ мнѣ руку.

— Но есть обстоятельства непредвидѣнныя... неожиданно сказалъ я.

— Ради Бога, что такое? спросилъ онъ тревожно.

— Умоляю васъ, Семень Николаевичъ, не прерывайте меня, предметъ этотъ слишкомъ важень... Конечно, другой, быть можетъ, скрылъ бы отъ васъ... Но я, какъ честный человѣкъ,—я долженъ высказаться, потому что не хочу употреблять во зло ни ваше довѣріе, ни довѣріе вашей милой дочери, отдающей мнѣ въ руки судьбу свою... Вотъ почему, какъ ни горько мнѣ, но я долженъ сказать... -

— Ради Бога, въ чемъ дѣло? повторилъ Семень Николаевичъ, лицо котораго мгновенно покрылось блѣдностію.

— Умоляю васъ, не прерывайте меня, предметъ этотъ слишкомъ важень... Я говорю вамъ, Семень Николаевичъ, есть обстоятельства непредвидѣнныя, отъ воли человѣческой незави-

сящія,—обстоятельства, которыя отравляютъ любовь, приводятъ въ отчаяніе и даже поселяютъ страшную мысль о самоубійствѣ...

Семень Николаевичъ вскочилъ съ мѣста, но я продолжалъ говорить съ отчаяніемъ :

— Не я въ этомъ виноватъ, клянусь вамъ не я... Не знаю, за какіе грѣхи провидѣніе послало мнѣ это наказаніе!

И я закрылъ лицо свое платкомъ и старался всхлипывать. Семень Николаевичъ прыгалъ около меня въ страшнѣйшемъ безпокойствѣ.

— Скажите же, наконецъ, что съ вами случилось? Умеръ у васъ ктонибудь? Отъ мѣста вамъ отказали? Подъ судъ отдали?

— Нѣтъ, Семень Николаевичъ.

— Но что же, что такое? Не мучьте меня долѣе, говорите!

— Я не могу сказать этого...

— Говорите, ради Бога говорите!

— Я...

— Говорите.

Я подошелъ къ Семену Николаевичу близко и шепнулъ ему на ухо два слова...

Дѣйствіе этихъ словъ было поразительно. Семень Николаевичъ, остолбенѣвъ отъ удивленія, стоялъ неподвижно, какъ статуя, и смотрѣлъ на меня во всѣ глаза. Я же до того началъ оглашать кабинетъ воплями, что онъ просилъ меня успокоиться, потому что могутъ услышать...

Когда Семень Николаевичъ пришелъ въ себя, онъ началъ утѣшать меня, говоря, что отчаяваться нечего, что въ мои годы организмъ легко укрѣпляется, особенно при помощи заграничныхъ ваннъ и водъ, на которыя онъ мнѣ совѣтуетъ ѣхать немедленно, а пока хранить величайшую тайну. Но я объявилъ ему, что я сегодня слишкомъ разстроены, чтобы говорить объ этомъ дѣлѣ и что я опасаюсь истерики, которая легко можетъ со мною случиться... Поэтому я просилъ позволенія уѣхать домой. Я обѣщалъ пріѣхать на другой день. Но съ тѣхъ поръ я больше не имѣлъ чести бывать у Семена Николаевича, который по прежнему терзается ловлею жениха для Лизочки и по прежнему несчастливъ.

Левъ Утинъ.

МОТИВЫ РУССКОЙ ДРАМЫ.

I.

Основываясь на драматических произведеніяхъ Островскаго, Добролюбовъ показалъ намъ въ русской семьѣ то «темное царство», въ которомъ вянутъ умственные способности и истощаются свѣжія силы нашихъ молодыхъ поколѣній. Статью прочли; похвалили, и потомъ отложили въ сторону. Любители патриотическихъ иллюзій, не стужившіе сдѣлать Добролюбову ни одного основательнаго возраженія, продолжали упиваться своими иллюзіями, и вѣроятно будутъ продолжать это занятіе до тѣхъ поръ, пока будутъ находить себѣ читателей. Глядя на эти постоянныя колѣноприклоненія передъ народною мудростью и передъ народною правдою, замѣчая, что довѣрчивые читатели принимаютъ за чистую монету ходячія фразы, лишеныя всякаго содержанія, и зная, что народная мудрость и народная правда выразились всего полнѣе въ сооруженіи нашего семейнаго быта,—добросовѣстная критика поставлена въ печальную необходимость повторять по нѣскольку разъ тѣ положенія, которыя давно уже были высказаны и доказаны. Пока будутъ существовать явленія «темнаго царства», и пока патриотическая мечтательность будетъ смотрѣть на нихъ съ восторгомъ, до тѣхъ поръ намъ постоянно придется напоминать читающему обществу вѣрныя и живыя идеи Добролюбова о нашей семейной жизни. Но, при этомъ, намъ придется быть строже и послѣдовательнѣе Добролюбова; жь необходимо будетъ защи-

щать его идеи противъ его собственныхъ увлеченій; тамъ, гдѣ Добролюбовъ поддался порыву эстетическаго чувства, мы постараемся рассуждать хладнокровно, и увидимъ, что наша семейная патриархальность подавляетъ всякое здоровое развитіе. Драма Островскаго «Гроза» вызвала со стороны Добролюбова критическую статью, подъ заглавіемъ «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Эта статья была ошибкою со стороны Добролюбова; онъ увлекся симпатіею къ характеру Катерины, и принялъ ее личность за свѣтлое явленіе. Подробный анализъ этого характера покажетъ нашимъ читателямъ, что взгляды Добролюбова въ этомъ случаѣ не вѣрны, и что ни одно свѣтлое явленіе не можетъ ни возникнуть, ни сложиться въ «темномъ царствѣ» патриархальной русской семьи, выведенной на сцену въ драмѣ Островскаго.

II.

Катерина, жена молодого купца, Тихона Кабанова, живетъ съ мужемъ въ домѣ своей свекрови, которая постоянно ворчитъ на всѣхъ домашнихъ. Дѣти старой Кабанихи, Тихонъ и Варвара, давно прислушались къ этому брожанію, и умѣютъ его «мимо ушей пропускать», на томъ основаніи, что «ей вѣдь что нибудь надо жъ говорить». Но Катерина никакъ не можетъ привыкнуть къ манерамъ своей свекрови, и постоянно страдаетъ отъ ея разговоровъ. Въ томъ же городѣ, въ которомъ живутъ Кабановы, находится молодой человекъ, Борисъ Григорьевичъ, получившій порядочное образованіе. Онъ заглядывается на Катерину въ церкви и на бульварѣ, а Катерина съ своей стороны влюбляется въ него, но желаетъ сохранить въ чужести свою добродѣтель. Тихонъ уѣзжаетъ куда-то на двѣ недѣли; Варвара, по добродушію, помогаетъ Борису видѣться съ Катериною, и влюбленная чета наслаждается полнымъ счастьемъ въ продолженіи десяти лѣтнихъ ночей. Приѣзжаетъ Тихонъ; Катерина тарзается угрызеніями совѣсти, худѣетъ и бѣднѣетъ; потомъ ее пугаетъ гроза, которую она принимаетъ за выраженіе небеснаго гнѣва; въ это же время смущаютъ ее слова полеумной барыни о гееннѣ огненной; все это она принимаетъ на свой счетъ; на улицѣ, при народѣ, она бросается передъ мужемъ на колѣни и признается ему въ своей винѣ.

Мужъ, по приказанію своей матери, «побилъ ее немножко», послѣ того, какъ они воротились домой; старая Кабаниха съ удвоеннымъ усердіемъ принялась точить покаавшуюся грѣшницу упреками и правоученіями; къ Катеринѣ приставили крѣпкій домашній караулъ, однако ей удалось убѣжать изъ дома: она встрѣтилась съ своимъ любовникомъ, и узнала отъ него, что онъ, по приказанію дяди, уѣзжаетъ въ Бяхту;—потомъ, тотчасъ послѣ этого свиданія, она бросилась въ Волгу и утонула. Вотъ тѣ данные, на основаніи которыхъ мы должны составить себѣ понятіе о характерѣ Катерины. И далѣе моему читателю голый перечень такихъ фактовъ, которые въ моемъ разсказѣ могутъ показаться слишкомъ рѣзкими, безсвязными, и въ общей совокупности даже неправдоподобными. Что это за любовь, возникающая отъ общаго нѣсколькихъ взглядовъ? Что это за суровая добродѣтель, сдающаяся при первомъ удобномъ случаѣ? Наконецъ, что это за самоубійство, вызванное такими мелкими неприятностями, которыя переносятся совершенно благополучно всѣми членами всѣхъ русскихъ семействъ?

Я передалъ факты совершенно вѣрно, но, разумѣется, я не могъ передать въ нѣсколькихъ строкахъ тѣ отгѣнки въ развитіи дѣйствія, которые, смягчая виѣшнюю рѣзкость очертаній, заставляютъ читателя или зрителя видѣть въ Катеринѣ не выдумку автора, а живое лицо, дѣйствительно способное сдѣлать всѣ вышеозначенныя эксцентричности. Читая «Грозу», или смотря ее на сценѣ, вы ни разу не усомнитесь въ томъ, что Катерина должна была поступать въ дѣйствительности именно такъ, какъ она поступаетъ въ драмѣ. Вы увидите передъ собою и поймете Катерину, но, разумѣется, поймете ее такъ или иначе, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія вы на нее посмотрите. Всякое живое явленіе отличается отъ мертвой отвлеченности именно тѣмъ, что его можно разсматривать съ разныхъ сторонъ; и, выходя изъ однихъ и тѣхъ же основныхъ фактовъ, можно приходиться къ различнымъ и даже къ противоположнымъ заключеніямъ. Катерина испытала на себѣ много разнородныхъ приговоровъ; нашлись моралисты, которые обличили ее въ безирравственности; это было всего легче сдѣлать: стоило только сличить каждый поступокъ Катерины съ предписаніями положительнаго закона, и подвести итогъ; на эту работу не требовалось ни остроумія, ни глубокомыслія, и поэтому ее дѣйствительно исполнили съ блестящимъ успѣхомъ писатели, не отличающіеся ни тѣмъ, ни другимъ изъ этихъ достоинствъ;

потомъ явились эстетики, и рѣшили, что Катерина—свѣтлое явленіе; эстетики, разумѣется, стояли неизмѣримо выше неумолимыхъ поборниковъ благочинія, и поэтому первыхъ выслушали съ уваженіемъ, между тѣмъ какъ послѣднихъ тотчасъ же осмѣяли. Во главѣ эстетиковъ стоялъ Добролюбовъ, постоянно преслѣдовавшій эстетическихъ критиковъ своими жѣткими и справедливыми насмѣшками. Въ приговорѣ надъ Катериною, онъ сошелся съ своими всегдашними противниками, и сошелся потому, что, подобно имъ, сталъ восхищаться общимъ впечатлѣніемъ, вмѣсто того, чтобы подвергнуть это впечатлѣніе спокойному анализу. Въ каждомъ изъ поступковъ Катерины можно отыскать привлекательную сторону; Добролюбовъ отыскалъ эти стороны, сложилъ ихъ вмѣстѣ, составилъ изъ нихъ идеальный образъ, увидалъ вслѣдствіе этого, «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ», и, какъ человекъ, полный любви, обрадовался этому лучу чистою и святою радостью гражданина и поэта. Если бы онъ не поддался этой радости, если бы онъ на одну минуту попробовалъ взглянуть спокойно и внимательно на свою драгоценную находку, то въ его умѣ тотчасъ родился бы самый простой вопросъ, который немедленно привелъ бы за собою полное разрушеніе привлекательной иллюзіи. Добролюбовъ спросилъ бы самого себя: какъ могъ сложиться этотъ свѣтлый образъ? Чтобы отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, онъ прослѣдилъ бы жизнь Катерины съ самаго дѣтства, тѣмъ болѣе, что Островскій даетъ на это нѣкоторые матеріалы; онъ увидѣлъ бы, что воспитаніе и жизнь не могли дать Катеринѣ ни твердаго характера, ни развитаго ума; тогда онъ еще разъ взглянулъ бы на тѣ факты, въ которыхъ ему бросилась въ глаза одна привлекательная сторона, и тутъ вся личность Катерины представилась бы ему въ совершенно другомъ свѣтѣ. Грустно разставаться съ свѣтлою иллюзіею, а дѣлать нечего; пришлось бы и на этотъ разъ удовлетвориться темною дѣйствительностью.

III.

Во всѣхъ поступкахъ и ощущеніяхъ Катерины замѣтна, прежде всего, рѣзкая несоразмѣрность между причинами и слѣдствіями. Каждое внѣшнее впечатлѣніе потрясаетъ весь ея организмъ; самое ни-

чтожное событіе, самый пустой разговор производить въ ея мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ цѣлые перевороты. Кабаниха ворчитъ, Катерина отъ этого изнываетъ; Борисъ Григорьевичъ бросаетъ нѣжные взгляды, Катерина влюбляется; Варвара говоритъ мимоходомъ нѣсколько словъ о Борисѣ, Катерина заранѣе считаетъ себя погибшею женщиною, хотя она до тѣхъ поръ даже не разговаривала съ своимъ будущимъ любовникомъ; Тихонъ отлучается изъ дома на нѣсколько дней, Катерина падаетъ передъ нимъ на колѣни и хочетъ, чтобы онъ взялъ съ нея страшную клятву въ супружеской вѣрности. Варвара даетъ Катеринѣ ключъ отъ калитки, Катерина, подержавшись за этотъ ключъ въ продолженіи пяти минутъ, рѣшаетъ, что она непремѣнно увидитъ Бориса, и кончаетъ свой монологъ словами: «ахъ, кабы ночь поскорѣ!» А между тѣмъ, даже и ключъ-то былъ данъ ей преимущественно для любовныхъ интересовъ самой Варвары, и въ началѣ своего монолога Катерина находила даже, что ключъ жжетъ ей руки, и что его непремѣнно слѣдуетъ бросить. При свиданіи съ Борисомъ, конечно, повторяется та же исторія; сначала «поди прочь, окаянный человѣкъ», а вслѣдъ за тѣмъ на шею кидается. Пока продолжаются свиданія, Катерина думаетъ только о томъ, что «погуляемъ»; какъ только пріѣзжаетъ Тихонъ и, вслѣдствіе этого, ночныя прогулки прекращаются, Катерина начинаетъ терзаться угрызениями совѣсти, и доходитъ въ этомъ направленіи до полусумасшествія; а между тѣмъ, Борисъ живетъ въ томъ же городѣ, все идетъ по старому, и, прибѣгая къ маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ, можно было бы кое-когда видѣться и наслаждаться жизнью. Но Катерина ходитъ, какъ потерянная, и Варвара очень основательно боится, что она бухнется мужу въ ноги, да и расскажетъ ему все по порядку. Такъ оно и выходитъ, и катастрофу эту приводитъ стеченіе самыхъ пустыхъ обстоятельствъ. Грянулъ громъ—Катерина потеряла послѣдній остатокъ своего ума, а тутъ еще прошла по сценѣ полоумная барыня съ двумя лакеями, и произнесла всенародную проповѣдь о вѣчныхъ мученіяхъ; а тутъ еще на стѣнѣ, въ крытой галлерей, нарисовано адское пламя; и все это одно къ одному—ну, посудите сами, какже въ самомъ дѣлѣ Катеринѣ не рассказать мужу тутъ же, при Кабанихѣ и при всей городской публикѣ, какъ она провела во время отсутствія Тихона всѣ десять ночей. Окончательная катастрофа, самоубійство, точно также происходитъ экспромтомъ. Катерина убѣгаетъ изъ дому съ неопре-

дѣленной надеждою увидать своего Бориса; она еще не думаетъ о самоубійствѣ; она жалѣетъ о томъ, что прежде убивали, а теперь не убиваютъ; она спрашиваетъ: «долго ли еще мнѣ мучиться?». Она находитъ неудобнымъ, что смерть не является; «ты, говорить, ее кличешь, а она не приходитъ». Ясно, стало быть, что рѣшенія на самоубійство еще нѣтъ, потому что въ противномъ случаѣ не о чемъ было бы и толковать. Но вотъ, пока Катерина разсуждаетъ такимъ образомъ, является Борисъ; происходитъ нѣжное свиданіе. Борисъ говоритъ: «ѣду». — Катерина спрашиваетъ: куда ѣдешь? — Ей отвѣчаютъ: «далеко, Катя, въ Сибирь.» — Возьми меня съ собой отсюда! — «Нельзя мнѣ, Катя». Послѣ этого разговоръ становится уже менѣе интереснымъ, и переходитъ въ обмѣнъ взаимныхъ нѣжностей. Потомъ, когда Катерина остается одна, она спрашиваетъ себя: «буду теперь? домой идти?» и отвѣчаетъ: «нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу—все равно». Потомъ, слово «могила» наводитъ ее на новый рядъ мыслей, и она начинаетъ разсматривать могилу съ чисто-эстетической точки зрѣнія, съ которой, впрочемъ, людямъ до сихъ поръ удавалось смотрѣть только на чужія могилы. «Въ могилѣ, говорить, лучше... Подъ деревцемъ могилашка... какъ хорошо!... Соднышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочать... весной на ней травка вырастаетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ, цвѣточки разцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе, всякіе». Это поэтическое описаніе могилы совершенно очаровываетъ Катерину, и она объявляетъ, что «объ жизни и думать не хочется». При этомъ, увлекаясь эстетическимъ чувствомъ, она даже совершенно упускаетъ изъ виду геену огненную, а между тѣмъ, она вовсе не равнодушна къ этой послѣдней мысли, потому что въ противномъ случаѣ не было бы сцены публичнаго покаянія въ грѣхахъ, не было бы отъѣзда Бориса въ Сибирь, и вся исторія о ночныхъ прогулкахъ оставалась бы шитою и крытою. Но въ послѣднія свои минуты Катерина до такой степени забываетъ о загробной жизни, что даже складываетъ руки крестъ на крестъ, какъ въ гробу складываютъ; и дѣлая это движеніе руками, она даже тутъ не сближаетъ идеи о самоубійствѣ съ идеєю о геенѣ огненной. Такимъ образомъ дѣлается прыжокъ въ Волгу, и драма окончивается.

IV.

Вся жизнь Катерины состоитъ изъ постоянныхъ внутреннихъ противорѣчій; она ежеминутно кидается изъ одной крайности въ другую; она сегодня раскаивается въ томъ, что дѣлала вчера, и, между тѣмъ, сама не знаетъ, что будетъ дѣлать завтра; она на каждомъ шагу путаетъ и свою собственную жизнь, и жизнь другихъ людей; наконецъ, перепутавши все, что было у нея подъ руками, она разрываетъ затянувшіеся узлы самымъ глупымъ средствомъ, самоубійствомъ, да еще такимъ самоубійствомъ, которое является совершенно неожиданно для нея самой. Эстетики не могли не замѣтить того, что бросается въ глаза во всемъ поведеніи Катерины; противорѣчія и неясности слишкомъ очевидны, но за то ихъ можно назвать красивыми именемъ; можно сказать, что въ нихъ выражается страстная, нѣжная и искренняя натура. Страстность, нѣжность, искренность — все это очень хорошія свойства, по крайней мѣрѣ, все это очень красивые слова, а такъ какъ главное дѣло заключается въ словахъ, то и нѣтъ резона, чтобы не объявить Катерину свѣтлымъ явленіемъ, и не придти отъ нея въ восторгъ. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что страстность, нѣжность и искренность составляютъ действительно преобладающія свойства въ натурѣ Катерины; согласенъ даже съ тѣмъ, что всѣ противорѣчія и неясности ея поведенія объясняются именно этими свойствами. Но что же это значитъ? Значитъ, что поле моего анализа слѣдуетъ расширить; разбирая личность Катерины, слѣдуетъ имѣть въ виду страстность, нѣжность и искренность вообще, и кромѣ того, тѣ понятія, которыя господствуютъ въ обществѣ и въ литературѣ на счетъ этихъ свойствъ человеческого организма. Если бы я не зналъ заранее, что задача моя расширится такимъ образомъ, то я и не принялся бы за эту статью. Очень нужно, въ самомъ дѣлѣ, драму, написанную слишкомъ три года тому назадъ, разобрать для того, чтобы доказать публикѣ, какимъ образомъ Добролюбовъ ошибся въ оцѣнкѣ одного женскаго характера! Не тутъ дѣло идетъ объ общихъ вопросахъ нашей жизни, а о такихъ вопросахъ говорить всегда удобно, потому что они всегда стоятъ на очереди и всегда рѣшаются только на время. Эстетики подводятъ Катерину подъ извѣстную мѣрилу, и я вовсе не намѣренъ до-

называть, что Катерина не подходит подъ эту мѣрку; Катерина-то подходит, да мѣрка-то нигуда не годится, и всѣ основанія, на которыхъ стоитъ эта мѣрка, тоже нигуда не годятся; все это должно быть совершенно передѣлано, и хотя, разумѣется, я не справлюсь одинъ съ этою задачею, однако лепту свою внесу.

Мы до сихъ поръ, при оцѣнкѣ явленій нравственнаго міра, ходимъ ощупью и дѣйствуемъ на угадъ; по привычкѣ мы знаемъ, что такое грѣхъ; по уложенію о наказаніяхъ мы знаемъ, что такое преступленіе; но, когда намъ приходится ориентироваться въ безконечныхъ лѣсахъ тѣхъ явленій, которыя не составляютъ ни грѣха, ни преступленія, когда намъ приходится разсматривать, напримѣръ, качества человѣческой природы, составляющія задатки и основанія будущихъ поступковъ, тогда мы идемъ всѣ въ разсыпную, и аukaемъ изъ разныхъ угловъ этой дубравы, т. е. общаемъ другъ другу наши личные вкусы, которые чрезвычайно рѣдко могутъ имѣть какой нибудь общій интересъ. Каждое человѣческое свойство имѣетъ на всѣхъ языкахъ, по крайней мѣрѣ, по два названія, изъ которыхъ одно порицательное, а другое хвалительное, — скупость и бережливость, трусость и осторожность, жестокость и твердость, глупость и невинность, вранье и повѣія, драблость и нѣжность, взбалмошность и страстность, и такъ далѣе, до безконечности. У каждаго отдѣльнаго человѣка есть, въ отношеніи къ нравственнымъ качествамъ, свой особенный лексиконъ, который почти никогда не сходится вполне съ лексиконами другихъ людей. Когда вы, напримѣръ, одного человѣка называете благороднымъ энтузіастомъ, а другаго безумнымъ фанатикомъ, то вы сами, конечно, понимаете вполне, что вы хотите сказать, но другіе люди понимаютъ васъ только приблизительно, а иногда могутъ и совсѣмъ не понимать. Есть вѣдь такіе озорники, для которыхъ коммунистъ Бабель былъ благороднымъ энтузіастомъ, но за то есть и такіе мудрецы, которые австрійскаго министра Шмерлинга назовутъ безумнымъ фанатикомъ. И тѣ, и другіе будутъ употреблять одни и тѣ же слова, и тѣми же самыми словами будутъ пользоваться всѣ люди безчисленныхъ промежуточныхъ отгѣнговъ. Какъ вы тутъ поступите, чтобы открыть живое явленіе изъ-подъ груды набросанныхъ словъ, которыя на языкѣ каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ свой особенный смыслъ? Что такое благородный энтузіазмъ? Что такое безумный фанатикъ? Это пустые звуки, не соответствующіе никакому

опредѣленному представленію. Эти звуки выражаютъ отношеніе говорящаго лица къ неизвѣстному предмету, который остается совершенно неизвѣстнымъ во все время разговора, и послѣ его окончанія. Чтобы узнать, что за человекъ былъ коммунистъ Бабешъ, и что за человекъ Шмерлингъ, надо, разумеется, отодвинуть въ сторону всѣ приговоры, произнесенные надъ этими двумя личностями различными людьми, выражавшими въ этомъ случаѣ свои личные вкусы и свои политическія симпатіи. Надо взять сырые факты во всей ихъ сырости, и чѣмъ они сырѣе, чѣмъ меньше они замаскированы хвалительными или порицательными словами, тѣмъ больше мы имѣемъ шансовъ уловить и понять живое явленіе, а не безцвѣтную фразу. Такъ поступаетъ мыслящій историкъ. Если онъ, располагая обширными свѣдѣніями, будетъ избѣгать увлеченія фразами, если онъ къ человеку и ко всѣмъ отраслямъ его дѣятельности будетъ относиться не какъ патриотъ, не какъ либераль, не какъ энтузіастъ, не какъ эстетикъ, а просто какъ натуралистъ, то онъ повѣрное съумѣетъ дать опредѣленные и объективные отвѣты на многіе вопросы, рѣшавшіеся обыкновенно красивымъ волненіемъ возвышенныхъ чувствъ. Обиды для человѣческаго достоинства тутъ не произойдетъ никакой, а польза будетъ большая, потому что, вмѣсто ста воровъ вранья, получится одна горсть настоящего знанія. А одна остроумная поговорка утверждаетъ совершенно справедливо, что лучше получить маленькій деревянный домъ, чѣмъ большую каменную болѣзнь.

V

Мыслящій историкъ трудится и размышляетъ, конечно, не для того, чтобы приклеить тотъ или другой ярлыкъ къ тому или другому историческому имени. Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, тратить трудъ и время для того, чтобы съ полнымъ убѣжденіемъ назвать Сидора мошенникомъ, а Филимона добродѣтельнымъ отцомъ семейства? Историческія личности любопытны только, какъ крупные образцы нашей породы, очень удобные для изученія, и очень способные служить матеріалами для общихъ выводовъ антропологии. Разсматривая ихъ дѣятельность, измѣряя ихъ вліяніе на современниковъ, изучая тѣ обстоятельства, которые помогали или мѣшали исполненію ихъ настрѣній, мы, изъ множества отдѣльныхъ и разнообразныхъ

фактовъ, выводимъ неопровержимыя заключенія объ общихъ свойствахъ человѣческой природы, о степени ея измѣняемости, о вліяніи климатическихъ и бытовыхъ условій, о различіяхъ проявленій національныхъ характеровъ, о зарожденіи и распространеніи идей и вѣровацій, и наконецъ, что всего важнѣе, мы подходимъ къ рѣшенію того вопроса, который въ послѣднее время блистательнымъ образомъ поставилъ знаменитый Бѣкъ. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ: какая сила или какой элементъ служитъ основаніемъ и важнѣйшимъ двигателемъ человѣческаго прогресса? Бѣкъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ просто и рѣшительно. Онъ говоритъ: чѣмъ больше реальныхъ знаній, тѣмъ сильнѣе прогрессъ; чѣмъ больше человѣкъ изучаетъ видимыя явленія и чѣмъ меньше онъ предается фантазіямъ, тѣмъ удобнѣе онъ устрояетъ свою жизнь и тѣмъ быстрѣе одно усовершенствованіе быта смѣняется другимъ. — Ясно, смѣло и просто! — Такимъ образомъ, дѣльные историки путемъ терпѣливаго изученія идутъ къ той же цѣди, которую должны имѣть въ виду всѣ люди, рѣшающіеся заявлять въ литературѣ свои сужденія о различныхъ явленіяхъ нравственной и умственной жизни человѣчества. Каждый критикъ, разбирающій какойнибудь литературный типъ, долженъ, въ своей ограниченной сферѣ дѣятельности, прикладывать къ дѣлу тѣ самые приемы, которыми пользуется мыслящій историкъ, рассматривая міровыя событія, и разставляя по мѣстамъ великихъ и сильнымъ людей. — Историкъ не восхищается, не удивляется, не негодуетъ, не фразерствуетъ, и всѣ эти патологическія отправления такъ же неприличны въ критикѣ, какъ и въ историкѣ. Историкъ разлагаетъ каждое явленіе на его составныя части, и изучаетъ каждую часть отдѣльно, и потомъ, когда извѣстны всѣ составныя элементы, тогда и общій результатъ оказывается понятнымъ и неизбѣжнымъ; что казалось, раньше анализа, ужаснымъ преступленіемъ или непостижимымъ подвигомъ, то оказывается, послѣ анализа, простымъ и необходимымъ слѣдствіемъ данныхъ условій. Точно также слѣдуетъ поступать критику; вмѣсто того, чтобы плакать надъ несчастіями героевъ и героинь, вмѣсто того, чтобы сочувствовать одному, негодовать противъ другаго, восхищаться третьимъ, жать на стѣны по поводу четвертаго, критикъ долженъ сначала проанализироваться и пробѣсноваться про себя, а потомъ, вступая въ разговоръ съ публикою, долженъ обстоятельно и разсудительно сообщить ей свои размышленія о причинахъ тѣхъ явленій, которыя вызываютъ

въ жизни слезы, сочувствіе, негодованіе или восторги. Онъ долженъ объяснять явленія, а не воспѣвать ихъ; онъ долженъ анализировать, а не лицедействовать. Это будетъ болѣе полезно, и менѣе раздражительно. Если историкъ и критикъ пойдутъ оба по одному пути, если оба они будутъ не болтать, а размышлять, то оба придутъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Между частною жизнью человѣка и историческою жизнью человѣчества есть только количественная разница. Одни и тѣ же законы управляютъ обоими порядками явленій, точно такъ же, какъ одни и тѣ же химическіе и физическіе законы управляютъ и развитіемъ простой клеточки, и развитіемъ человѣческаго организма. Прежде господствовало мнѣніе, будто общественный дѣятель долженъ вести себя совсѣмъ не такъ, какъ частный человѣкъ. Что въ частномъ человѣкѣ считалось мужественностью, то въ общественномъ дѣятелѣ называлось политической мудростью. Съ другой стороны то, что въ общественномъ дѣятелѣ считалось предосудительною слабостью, то въ частномъ человѣкѣ называлось трогательною мягкостью души. Существовало такимъ образомъ, для однихъ и тѣхъ же людей два рода справедливости, два рода благоразумія, — всего по два. Теперь дуализмъ, вытѣсняемый изъ всѣхъ своихъ убѣжищъ, не можетъ удержаться и въ этомъ мѣстѣ, въ которомъ нелѣпость его особенно очевидна, и въ которомъ онъ падѣлалъ очень много практическихъ гадостей. Теперь умные люди начинаютъ понимать, что простая справедливость составляетъ всегда самую мудрую и самую выгодную политику; съ другой стороны, они понимаютъ, что и частная жизнь не требуетъ ничего, кромѣ простой справедливости; потоки слезъ и конвульсія самоистязанія такъ же безобразны въ самой скромной частной жизни, какъ и на сценѣ всемірной исторіи; и безобразны они въ томъ и въ другомъ случаѣ единственно потому, что вредны, то есть, доставляютъ одному человѣку или многимъ людямъ боль, не выкупаемую никакимъ наслажденіемъ. Искусственная грань, поставленная человѣческимъ невѣжествомъ между исторією и частною жизнью, разрушается по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ невѣжество со всѣми своими предразсудками и нелѣпыми убѣжденіями. Въ сознаніи мыслящихъ людей, эта грань уже разрушена, и на этомъ основаніи, критикъ и историкъ могутъ и должны приходить къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Историческія личности и простые люди должны быть измѣряемы одною мѣркою. Въ исторіи явленіе можетъ быть названо свѣтлымъ или

темнымъ, не потому, что оно нравится или не нравится историку, а потому, что оно ускоряетъ или задерживаетъ развитіе человѣческаго благосостоянія. Въ исторіи нѣтъ бесплодно-свѣтлыхъ явленій; что бесплодно, то не свѣтло,—на то не стоитъ совсѣмъ обращать вниманія; въ исторіи есть очень много услужливыхъ медвѣдей, которые очень усердно били мухъ на лбу спящаго человѣчества увѣсистыми булыжниками; однако смѣшонъ и жалокъ былъ бы тотъ историкъ, который сталъ бы благодарить этихъ добросовѣстныхъ медвѣдей за чистоту ихъ намѣреній. Встрѣчаясь съ примѣромъ медвѣжьей нравственности, историкъ долженъ только замѣтить, что лобъ человѣчества оказался раскроеннымъ; и долженъ описать, глубока ли была рана, и скоро ли зажила, и какъ подѣйствовало это убіеніе мухи на весь организмъ пациента, и какъ обрисовались, вслѣдствіе этого, дальнѣйшія отношенія между пустыннокомъ и медвѣдемъ. Ну, а что такое медвѣдь? Медвѣдь ничего; онъ свое дѣло сдѣлалъ. Хватилъ камень по лбу — и успокоился. Съ него взятки гладки. Ругать его не слѣдуетъ — во-первыхъ потому, что это не къ чему не ведетъ; а во-вторыхъ, не за что: потому — глупъ. Ну, а хвалить его за непорочность сердца и подавно не резонъ; во-первыхъ, не стоитъ благодарности: вѣдь лобъ-то все-таки разбитъ; а во-вторыхъ опять-таки онъ глупъ, такъ на какого же чорта годится его непорочность сердца. — Такъ какъ я случайно попалъ на басню Крылова, то, мимоходомъ, любопытно будетъ замѣтить, какъ простой здравый смыслъ сходится иногда въ своихъ сужденіяхъ съ тѣми выводами, которые даютъ основательное научное изслѣдованіе и широкое философское мышленіе. Три басни Крылова, о медвѣдѣ, о музыкантахъ, которые «немножечко деруть, а то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ,» и о судѣ, который попадетъ въ рай за глупость, — три эти басни, говорю я, написаны на ту мысль, что сила ума важнѣе, чѣмъ безукоризненная нравственность. Видно, что эта мысль была особенно мила Крылову, который, разумѣется, могъ замѣчать вѣрность этой мысли только въ явленіяхъ частной жизни. И эту же самую мысль Бёкль возводитъ въ міровой историческій законъ. Русскій баснописецъ, образовавшійся на мѣдныхъ деньги, и навѣрное считавшій Карамзина величайшимъ историкомъ XIX вѣка, говоритъ по своему то же самое, что высказалъ передовой мыслитель Англіи, вооруженный наукою. Это я замѣчаю не для того, чтобы похвастаться русскою смѣтливостью, а для того, чтобы показать, до какой степени

результаты разумной и положительной науки соответствуют естественнымъ требованіямъ неисторченнаго и незасореннаго человѣческаго ума. Кроме того, эта неожиданная встрѣча Бѣкля съ Крыловымъ можетъ служить примѣромъ того согласія, которое можетъ и должно существовать, во-первыхъ, между частною жизнью и исторіею, а вслѣдствіе этого, во-вторыхъ, между историкомъ и критикомъ. Если добродушный дѣдушка Крыловъ могъ сойтись съ Бѣклемъ, то критикамъ, живущимъ во второй половинѣ XIX вѣка, и обнаруживающимъ притязанія на смѣлость мысли, и на широкое развитіе ума, такимъ критикамъ, говорю я, и подавно слѣдуетъ держаться съ непоколебимою послѣдовательностью за тѣ приемы и идеи, которые въ наше время сближаютъ историческое изученіе съ естествознаніемъ. Наконецъ, если Бѣкль слишкомъ уменъ и головоломнъ для нашихъ критиковъ, пусть они держатся за дѣдушку Крылова; пусть проводятъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ о нравственныхъ достоинствахъ человѣка, простую мысль, выраженную такими незатѣйливыми словами: «услужливый дуракъ опаснѣе врага.» Если бы только одна эта мысль, понятная пятилѣтнему ребенку, была проведена въ нашей критикѣ съ надлежащею послѣдовательностью, то во всѣхъ нашихъ воззрѣніяхъ на нравственные достоинства произошелъ бы радикальный переворотъ, и престарѣлая эстетика давнымъ-давно отправилась бы туда же, куда отправились алхимія и метафизика.

VI.

Наша частная жизнь зауружена до нельзя красивыми чувствами и высокими достоинствами, которыми всякій порядочный человѣкъ старается запастись для своего домашняго обихода, и которымъ всякій свидѣтельствуетъ свое вниманіе, хотя никто не можетъ сказать, чтобы они, когда нибудь, кому бы то ни было доставили малѣйшее удовольствіе. Было время, когда лучшими атрибутами физическаго красоты считалась въ женщинѣ интересная блѣдность лица и непостижимая тонкость талии; барышни пили уксусъ, и перетягивались такъ, что у нихъ трещали ребра и спиралось дыханіе; много здоровья было уничтожено по милости этой эстетики, и, по

всей вѣроятности, эти своеобразныя понятія о красотѣ еще не вполне уничтожились и теперь, потому что Льюисъ возстаетъ противъ корсетовъ въ своей физиологїи, а Чернышевскій заставляетъ Вѣру Павловну упомянуть о томъ, что она, сдѣлавшись умною женщиною, перестала шнуроваться. Такимъ образомъ, физическая эстетика очень часто идетъ въ разрѣзъ съ требованіями здраваго смысла, съ предписаніями элементарной гигиены, и даже съ инстинктивнымъ стремленіемъ человѣка къ удобству и къ комфорту. «Il faut souffrir pour être belle,» говорила въ былое время молодая дѣвушка, и всѣ находили, что она говоритъ святую истину, потому что красота должна существовать сама по себѣ, ради красоты, совершенно независимо отъ условій, необходимыхъ для здоровья, для удобства и для наслажденія жизнью. Критики, не освободившіеся отъ вліянія эстетики, сходятся съ обожателями интересной блѣдности и тонкихъ талій, вмѣсто того, чтобы скориться съ естествоиспытателями и мыслящими историками. Надо сознаться, что даже лучшіе изъ нашихъ критиковъ, Бѣлинскій и Добролюбовъ, не могли оторваться окончательно отъ эстетическихъ традицій. Осуждать ихъ за это было бы несправедливо, потому что надо же помнить, какъ много они сдѣлали для уясненія всѣхъ нашихъ понятій, и надо же понимать, что не могутъ два человѣка отработать за насъ всю нашу работу мысли. Но, не осуждая ихъ, надо видѣть ихъ ошибки и прокладывать новые пути въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ старыя тропинки уклоняются въ глушь и въ болото.—Относительно анализа «свѣтлыхъ явленій» насъ не удовлетворяетъ эстетика ни своимъ красивымъ негодованиемъ, ни своимъ искусственно подогрѣтымъ восторгомъ. Ея блѣдныя и румяныя туть остаются не при чемъ.—Натуралистъ, говоря о человѣкѣ, назоветъ свѣтлымъ явленіемъ нормально развитой организмъ; историкъ дастъ это названіе умной личности, понимающей свои выгоды, знающей требованія своего времени, и, вслѣдствіе этого, работающей всѣми силами для развитія общаго благосостоянія; критикъ имѣетъ право видѣть свѣтлое явленіе только въ томъ человѣкѣ, который умѣетъ быть счастливымъ, то есть, приносить пользу себѣ и другимъ, и, умѣя жить и дѣйствовать при неблагоприятныхъ условіяхъ, понимаетъ въ то же время ихъ неблагоприятность, и, по мѣрѣ силъ своихъ, старается переработать эти условія къ лучшему. И натуралистъ, и историкъ, и критикъ согласятся между собою въ томъ пунктѣ, что необходимымъ свойствомъ такого свѣтлаго явленія дол-

жизнь быть сильной и развитой умъ; тамъ, гдѣ нѣтъ этого свойства, тамъ не можетъ быть и свѣтлыхъ явленій. Натуралистъ скажетъ вамъ, что нормально развитый человѣческій организмъ необходимо долженъ быть одаренъ здоровымъ мозгомъ, а здоровый мозгъ такъ же необходимо долженъ мыслить правильно, какъ здоровый желудокъ долженъ переваривать пищу; если же этотъ мозгъ расслабленъ отсутствіемъ упражненія, и если, такимъ образомъ, человѣкъ, умный отъ природы, притупленъ обстоятельствами жизни, то весь разсматриваемый субъектъ уже не можетъ считаться нормально развитымъ организмомъ, точно такъ же, какъ не можетъ нтъ считаться человѣкъ, ослабившій свой слухъ или свое зрѣніе. Такого человѣка и натуралистъ не назоветъ свѣтлымъ явленіемъ, хотя бы этотъ человѣкъ пользовался желѣзнымъ здоровьемъ и лошадиною силою. Историкъ скажетъ вамъ... но вы и сами знаете, что онъ вамъ скажетъ; ясное дѣло, что умъ для исторической личности такъ же необходимъ, какъ жабры и плавательныя перья для рыбы; ума тутъ не замѣнить никакими эстетическими ингредиентами; это, можетъ быть, единственная истина, неопровержимо доказанная всѣмъ историческимъ опытомъ нашей породы. Критикъ докажетъ вамъ, что только умный и развитой человѣкъ можетъ оберегать себя и другихъ отъ страданій, при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, при которыхъ существуетъ огромное большинство людей на земномъ шарѣ; кто не умѣетъ сдѣлать ничего для облегченія своихъ и чужихъ страданій, тотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ свѣтлымъ явленіемъ; тотъ — трутень, можетъ быть, очень милый, очень граціозный, симпатичный, но все это такія неосвязаемыя и невѣсомныя качества, которыя доступны только пониманію людей, обожжающихъ интересную блѣдность и тонкія талии. Облегчая жизнь себѣ и другимъ, умный и развитой человѣкъ не ограничивается этимъ; онъ, кромѣ того, въ большей или въ меньшей степени, сознательно или невольно, перерабатываетъ эту жизнь, и приготовляетъ переходъ къ лучшимъ условіямъ существованія. Умная и развитая личность, сама того не замѣчая, дѣйствуетъ на все, что къ ней прикасается; ея мысли, ея занятія, ея гуманное обращеніе, ея спокойная твердость, — все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутинны; кто уже не въ силахъ развиваться, тотъ, по крайней мѣрѣ, уважаетъ въ умной и развитой личности хорошаго человѣка, — а людямъ очень полезно уважать то, что дѣйствительно

заслуживаетъ уваженія; но кто молодъ, кто способенъ полюбить идею, кто ищетъ возможности развернуть силы своего свѣжаго ума, тотъ, сблизившись съ умною и развитою личностью, можетъ быть, начнетъ новую жизнь, полную обаятельнаго труда и неистощимаго наслажденія. Если предполагаемая свѣтлая личность дастъ, такимъ образомъ, обществу двухъ-трехъ молодыхъ работниковъ, если она внушитъ двумъ-тремъ старикамъ невольное уваженіе къ тому, что они прежде осмѣивали и притѣсняли,—то неужели вы скажете, что такая личность ровно ничего не сдѣлала для облегченія перехода къ лучшимъ идеямъ и къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни? Мнѣ кажется, что она сдѣлала въ малыхъ размѣрахъ то, что дѣлаютъ въ большихъ размѣрахъ величайшія историческія личности. Разница между ними заключается только въ количествѣ силъ, и потому оцѣнивать ихъ дѣятельность можно и должно посредствомъ одинаковыхъ приѣмовъ. Такъ вотъ какіе должны быть «лучи свѣта» — не Катеринѣ чета.

VII.

«Яйца курицу не учать», — говоритъ нашъ народъ, и такъ эта поговорка ему по душѣ прилась, что онъ твердитъ ее съ утра до вечера, словами и поступками, отъ моря и до моря. И передаетъ онъ ее потомству, какъ священное наслѣдство, и благодарное потомство, пользуясь ею въ свою очередь, созидаетъ на ней величественное зданіе семейнаго чинопочитанія. И поговорка эта не теряетъ своей силы, потому что она всегда употребляется кстати; а кстати потому, что ее употребляютъ только старшіе члены семейства, которые не могутъ ошибаться, которые всегда оказываются правыми, и которые, слѣдовательно, всегда дѣйствуютъ благотѣльно и рассуждаютъ поучительно. Ты — яйцо безсознательное, и долженъ пребывать въ своей безответной невинности до тѣхъ поръ, пока самъ не сдѣлаешься курицею. Такимъ образомъ пятидесятилѣтніе куры рассуждаютъ съ тридцатилѣтними яйцами, которыя съ пеленокъ выучились понимать и чувствовать все, что такъ коротко и такъ величественно внушаетъ имъ безсмертная поговорка. Великое изреченіе народной мудрости дѣйствительно выражаетъ въ

четыреохъ словахъ весь принципъ нашей семейной жизни. Принципъ этотъ дѣйствуетъ еще съ полною силою въ тѣхъ слояхъ нашего народа, которые считаются чисто-русскими. — Только въ молодости человекъ можетъ развернуть и воспитать тѣ силы своего ума, котормя потомъ будутъ служить ему въ зрѣломъ возрастѣ; что не развилося въ молодости, то остается неразвитымъ на всю жизнь; следовательно, если молодость проводится подъ скорлупою, то и умъ, и воля человека остаются навсегда въ положеніи замороженнаго зародыша; и наблюдателю, смотрящему со стороны на этотъ муляжъ, остается только изучать различныя проявленія человеческаго уродства. Каждый новорожденный ребенокъ втискивается въ одну и ту же, готовую форму, а разнообразіе результатовъ происходитъ, во-первыхъ, отъ того, что не всѣ дѣти рождаются одинаковыми, а во-вторыхъ, отъ того, что для втискиванія употребляются различныя приемы. Одинъ ребенокъ ложится въ форму тихо и благоправно, а другой барахтается и кричитъ благимъ матомъ; одного ребенка бросаютъ въ форму со всего размаху, да еще потомъ держать въ формѣ за вихорь: а другаго кладутъ помаленьку, полегоньку, и при этомъ поглаживаютъ по головкѣ, и при этомъ обольщаютъ. Но форма все-таки одна и та же, и — не въ упоръ будь сказано исателямъ свѣтлыхъ явленій—уродованіе идетъ всегда надлежащимъ порядкомъ; такъ какъ жизнь не шевелитъ и не развиваетъ ума, то человеки способности глхнуть и искажаются, какъ при воспитаніи палкой, такъ и при воспитаніи лаской. Въ первомъ случаѣ получается дитя, который я для краткости назову пардикомъ, во второмъ получаются также уроды, которыхъ можно назвать вѣчными дѣтьми. Когда ребенка ругаютъ, порятъ и всечески огорчаютъ, тогда онъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ начинаетъ чувствовать себя одинокимъ. Какъ только ребенокъ начинаетъ понимать себя, такъ онъ приучается надѣяться только на свои собственные силы; онъ находится въ постоянной войнѣ со всѣмъ, что его окружаетъ; ему дремать нельзя; чуть оплошаешь, тотчасъ лишишься всякаго удовольствія, да еще налетитъ на тебя со всѣхъ сторонъ ругательства, запрещенія, и даже весьма серьезныя несприятности, въ видѣ многочисленныхъ и полновѣсныхъ ударовъ розгами. Гимнастика для дѣтскаго ума представляется постоянная, и каждый безграмотный мальчишка, выдержанный въ ежовыхъ рукавицахъ смирѣлымъ родителемъ, удивитъ своими дипломатическими талантами любаго благовоспитаннаго мальчика, способнаго уже восхищаться, по Кор-

нелю Непоту, доблестями Аристиды и непреклоннымъ характеромъ Катона. Умъ разовьется на столько, на сколько это необходимо для того, чтобы обдѣлывать практическія дѣлания: тамъ надуть, тутъ полагаться въ поясъ, здѣсь прижать, въ другомъ мѣстѣ въ амбразуру вломиться, въ третьемъ — добрымъ малымъ прикинуться, — все это будетъ исполнено самымъ отчетливымъ манеромъ, потому что вся эта механика усвоена во времена нѣжнаго дѣтства. Но выдти изъ коленъ этой механики умъ уже не можетъ; надуеть онъ десять разъ, проведетъ и выведетъ, будетъ лгать и вывертываться, будетъ постоянно обходить препятствія, на которыя постоянно будетъ наткаться, но обдумать заранѣе планъ дѣйствій, рассчитать вѣроятности успѣха, предусмотрѣть и устранить препятствія заблаговременно, словомъ, связать въ головѣ длинный рядъ мыслей, логически вытекающихъ одна изъ другой, — этого вы отъ нашего субъекта не ждите. Умственного творчества вы въ немъ также не найдете; практическое изобрѣтеніе, созданіе новой машины или новой отрасли промышленности возможно только тогда, когда у человѣка есть знанія, а знаній у нашего карлика нѣтъ никакихъ; онъ не знаетъ ни свойствъ того матеріала, который онъ обрабатываетъ, ни потребностей тѣхъ людей, для которыхъ онъ работаетъ. Шьютъ онъ, положимъ, чемоданъ изъ кожи; кожа северно выдѣлана и трескается; ну, значить, чемоданъ надо вычернить, чтобы подъ краскою трещины были незамѣтны; и рѣшительно ни одному карлику въ голову не придетъ: а нельзя ли какъ нибудь такъ выдѣлывать кожу, чтобы она не трескалась? Да и не можетъ придти; чтобы замазать трещину черною краскою, не нужно ровно никакихъ знаній, и почти никакого труда мысли; а для того, чтобы сдѣлать малѣйшее усовершенствованіе въ выдѣлкѣ кожъ, надо, по крайней мѣрѣ, всматриваться въ то, что имѣешь подъ руками, и обдумывать то, что видишь. Но мы никогда не были заражены такими мыслительными слабостями; поэтому, мы разработали у себя барышничество и надувательство до высокой степени художественности, а всѣ науки мы принуждены привозить къ себѣ изъ за границы; другими словами, мы постоянно обирали удобства жизни другъ у друга, но производительность нашей земли мы не сумѣли увеличить ни на одинъ мѣдный грошъ. Не зная свойствъ предметовъ, карликъ не знаетъ и самого себя: онъ не знаетъ ни своихъ силъ, ни своихъ наклонностей, ни своихъ желаній; поэтому, онъ дѣлаетъ себя только по вѣшнему успѣху сво-

ихъ предпріятій; онъ мѣняется въ своихъ собственныхъ глазахъ, какъ акція сомнительнаго достоинства, которой курсъ колеблется на биржѣ; штука удалась, барышъ въ карманѣ, — тогда онъ великій человекъ, тогда онъ возносится выше нарицательной цѣны, и даже выше облака ходячаго; штука лопнула, капиталъ улетучился, — тогда онъ червь, подлецъ, поношеніе человекъ; тогда онъ умоляетъ васъ, чтобъ вы на него плюнули, да только оказали бы ему участіе. И хоть бы это было, по крайней мѣрѣ, притворство, хоть бы онъ прикидывался несчастнымъ для того, чтобы разжалобить васъ, все было бы легче; а то вѣдь нѣтъ — дѣйствительно раздавленъ и уничтоженъ, дѣйствительно палъ въ своихъ собственныхъ глазахъ отъ того, что потерпѣлъ убытокъ или другую неудачу; немудрено, что карликъ отвертывается отъ друзей своихъ, когда они въ несчастіи; онъ и отъ самого себя радъ былъ бы отвернуться, да, жаль, некуда. Все это понятно; только сознательное уваженіе человека къ самому себѣ даетъ ему возможность спокойно и весело переносить всѣ мелкія и крупныя непріятности, которыя не сопровождаются сильною физическою болью; а чтобы сознательно уважать самого себя, и чтобы находить въ этомъ чувствѣ высшее наслажденіе, человеку надо предварительно поработать надъ собою очистить свой мозгъ отъ разнаго мусора, сдѣлаться полнымъ хозяиномъ своего внутренняго міра, обогатить этотъ міръ кое-какими знаніями и идеями, и наконецъ, изучивши самого себя, найти себѣ въ жизни разумную, полезную и пріятную дѣятельность. Когда все это будетъ сдѣлано, тогда человеку будетъ понятно удовольствіе быть самимъ собою, удовольствіе властвовать на каждый поступокъ печатью своей просвѣщенной и облагоустроенной личности, удовольствіе жить въ своемъ внутреннемъ мірѣ, и постоянно увеличивать богатство и разнообразіе этого міра. Тогда человекъ почувствуетъ, что это высшее удовольствіе можетъ быть отнято у него только сумасшествіемъ или постояннымъ физическимъ мученіемъ; и это величественное сознаніе полной независимости отъ мелкихъ огорченій, въ свою очередь сдѣлается причиною гордой и мужественной радости, которую опять таки ничто не можетъ ни отнять, ни отравить. Сколько минутъ чистѣйшаго счастья пережилъ Лопуховъ въ то время, когда, отрываясь отъ любимой женщины, онъ собственноручно устраивалъ ей счастье съ другимъ человекомъ? Тутъ была обалтительная смѣсь тихой грусти и самаго высокаго наслажденія, но на

слаждене далеко перевѣшивало грусть, такъ что это время напряженной работы ума и чувства навѣрное оставило послѣ себя въ жизни Лопухова неизгладимую полосу самаго яркаго свѣта. А между тѣмъ, какъ все это кажется непонятнымъ и неестественнымъ для тѣхъ людей, которые никогда не испытали наслажденія мыслить и жить въ своемъ внутреннемъ мирѣ. Эти люди убѣждены самымъ добросовѣстнымъ образомъ, что Лопуховъ—невозможная и неправдоподобная выдумка, что авторъ романа «Что дѣлать?» только прикидывается, будто понимаетъ ощущенія своего героя, и что всѣ пустозвоны, сочувствующіе Лопухову, морочатъ себя и стараются обморочить другихъ совершенно бессмысленными потоками словъ. И это совершенно естественно. Кто способенъ понимать Лопухова и сочувствующихъ ему пустозвоновъ, тотъ самъ—и Лопуховъ, и пустозвонъ, потому что рыба ищетъ гдѣ глубже, а человекъ гдѣ лучше. — Замѣчательно, что высокое удовольствіе самоуваженія, въ большей или меньшей степени, доступно и понятно всѣмъ людямъ, развившимъ въ себѣ способность мыслить, хотя бы эта способность привела ихъ потомъ къ чистымъ и простымъ истинамъ естествознанія, или, напротивъ того, къ туманнымъ и произвольнымъ фантазіямъ философскаго мистицизма. Матеріалисты и идеалисты, скептики и догматики, эпикурейцы и стоики, рационалисты и мистики — всѣ сходятся между собою, когда идетъ рѣчь о высшемъ благѣ, доступномъ человѣку на землѣ, и независимомъ отъ внѣшнихъ и случайныхъ условій. Всѣ говорятъ объ этомъ благѣ въ различныхъ выраженіяхъ, всѣ подходятъ къ нему съ разныхъ сторонъ, всѣ называютъ его равными именами, но отодвиньте въ сторону слова и метафоры и вы вездѣ увидите одно и то же содержаніе. Одни говорятъ, что человекъ долженъ убитъ въ себѣ страсти, другіе — что онъ долженъ управлять ими, третьи — что онъ долженъ облагородить ихъ, четвертые — что онъ долженъ развить свой умъ, и что тогда все пойдетъ, какъ по маслу. Пути различныя, но цѣль вездѣ одна и та же, — чтобы человекъ пользовался душевнымъ миромъ, какъ говорятъ одни, — чтобы въ его существѣ царствовала внутренняя гармонія, какъ говорятъ другіе, — чтобы совѣсть его была спокойна, какъ говорятъ третьи, — или наконецъ, если взять самыя простыя слова, — чтобы человекъ постоянно былъ доволенъ самимъ собою, чтобы онъ могъ сознательно любить и уважать самого себя, чтобы онъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни

могъ положиться на самого себя, какъ на своего лучшаго друга, всегда невѣрнаго и всегда правдиваго. Если всѣ мыслители понимаютъ и цѣнятъ чувство самоуваженія, то мы въ этомъ отношеніи никакъ не должны считать мыслителями всѣхъ людей, читающихъ и пишущихъ философскія сочиненія. Рутинеръ, букваѣдъ и филистеръ, къ какой бы школѣ онъ ни принадлежалъ, и какою бы наукою онъ ни занимался, всегда будетъ работать по обязанности службы, никогда не почувствуетъ наслажденія въ процессѣ мысли, и, поэтому, никогда не составитъ себѣ понятія о чарующей прелести самоуваженія. Дѣло въ томъ, что все можно обратить въ механику. У насъ обращено въ механику искусство надувательства, а въ западной Европѣ, со времени средне-вѣковой схоластики, въ механику превратилось искусство писать ученые трактаты, рыться въ фолиантахъ, и получать самымъ добросовѣстнымъ образомъ докторскіе дипломы, не переставая вѣрить въ колдовство или въ алхімію. Заваска рутини такъ сильна, что многие нѣмцы и англичане находятъ возможнымъ заниматься даже естественными науками, не переставая быть, по своему міросозерцанію, чисто средне-вѣковыми субъектами. Отъ этого выходятъ презабавные эпизоды. Напримѣръ, знаменитый англійскій анатомъ, Ричардъ Оуэнъ (прошу не смѣшивать съ социалистомъ, Робертомъ Оуэномъ), упорно не желаетъ видѣть въ мозгу обезьяны одну особенную штучку (аммоніевы рога), потому что существованіе этой штучки у обезьяны кажется ему оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. Ему показываютъ, Герсли изъ себя выходитъ, а тотъ такъ и остается при своемъ. Не вижу, да и только. Любопытно также послушать, какъ Карлъ Фохтъ бесѣдуетъ съ Рудольфомъ Вагнеромъ, чрезвычайно замѣчательнымъ физиологомъ, и, въ то же время, еще болѣе замѣчательнымъ филистеромъ. Но Оуэнъ и Вагнеръ, во всякомъ случаѣ, превосходные изслѣдователи; они смотрятъ во всѣ глаза, и сильно работаютъ мозгомъ, когда вопросъ не слишкомъ близко подходитъ къ ихъ сердечнымъ симпатіямъ. Напряженное вниманіе и размышленіе все-таки могутъ расшевелить и развить умъ на столько, что чувство самоуваженія сдѣлается понятнымъ и драгоценнымъ. А есть и второстепенные Оуэны и Вагнеры; во всѣхъ философскихъ и научныхъ лагеряхъ есть мародеры и паразиты, которые не только не создаютъ мыслей сами, но даже не передумываютъ чужихъ мыслей, а только затверживаютъ ихъ, чтобы потомъ разбавлять готовые темы ушатаніемъ воды, и составлять таинствъ образомъ статьи или книги. Этимъ

людямъ чувство самоуваженія, разумѣется, останется навсегда неизвѣстнымъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что мыслители всѣхъ школъ понимаютъ одинаково высшее и неотъемлемое благо челоуѣка; мы видимъ, кромѣ того, что это благо дѣйствительно доступно только тѣмъ изъ мыслителей, которые въ самомъ дѣлѣ работаютъ умомъ, а не тѣмъ, которые повторяютъ, съ тупымъ уваженіемъ слѣбныхъ адептовъ, великія мысли учителей. Выводъ простъ и ясенъ. Не школа, не философскій догматъ, не буква системы, не истина, дѣлаютъ челоуѣка существомъ разумнымъ, свободнымъ и счастливымъ. Его облагораживаетъ, его ведетъ къ наслажденію только самостоятельная умственная дѣятельность, посвященная безкорыстному исполненію истины, и неподчиненная рутиннымъ и мелочнымъ интересамъ вседневной жизни. Чѣмъ бы ни пробудили вы эту самостоятельную дѣятельность, чѣмъ бы вы ни занимались — геометрію, филологію, ботаникою, все равно — лишь бы только вы начали мыслить. Въ результатѣ все-таки получится расширеніе внутренняго міра, любовь къ этому міру, стремленіе очистить его отъ всякой грязи, и, наконецъ, незамѣнимое счастье самоуваженія. Значитъ, все-таки умъ дороже всего, или вѣрнѣе умъ — все. Я съ равныхъ сторонъ доказывалъ эту мысль, и, можетъ быть, надобѣлъ читателю повтореніями, но вѣдь мысль-то ужъ больно драгоценная. Ничего въ ней нѣтъ новаго, но если бы только мы провели ее въ нашу жизнь, то мы всѣ могли бы быть очень счастливыми людьми. А то вѣдь мы всѣ куда какъ не далеко ушли отъ тѣхъ карликовъ, отъ которыхъ совершенно отвлекло меня это длинное отступленіе.

VIII.

По тѣмъ немногимъ чертамъ, которыми я обрисовалъ карликовъ, читатель видитъ уже, что они вполне заслуживаютъ свое названіе. Всѣ способности ихъ развиты довольно равномерно: у нихъ есть и умшко, и кое-какая волишка, и миниатюрная энергія, но все это чрезвычайно мелко, и прилагается, конечно, только къ тѣмъ микроскопическимъ цѣлямъ, которыя могутъ представиться въ ограниченномъ и бѣдномъ мірѣ нашей вседневной жизни. Карлики радуются, огорчаются, приходятъ въ восторгъ, приходятъ въ негодованіе, бо-

ятся съ искушеніями, одерживаютъ побѣды, терпятъ пораженія, влюбляются, женятся, спорятъ, горячатся, интригуютъ, мирятся, словомъ все дѣлаютъ точно настоящіе люди, а между тѣмъ ни одинъ настоящій человекъ не сумѣетъ имъ сочувствовать, потому что это невозможно; ихъ радости, ихъ страданія, ихъ волненія, искушенія, побѣды, страсти, споры и разсужденія — все это такъ ничтожно, такъ неуловимо мелко, что только карликъ можетъ ихъ понять, оцѣнить и принять къ сердцу. Типъ карликовъ, или что то же, типъ практическихъ людей чрезвычайно распространенъ, и видоизмѣняется сообразно съ особенностями различныхъ слоевъ общества; этотъ типъ господствуетъ и торжествуетъ; онъ составляетъ себѣ блестящія карьеры, наживаетъ большія деньги, и самовластно распоряжается въ семействахъ; онъ дѣлаетъ всѣмъ окружающимъ людямъ много неприятностей, а самъ не получаетъ отъ этого никакого удовольствія; онъ дѣлатель, но дѣятельность его похожа на бѣганіе бѣлки въ колесѣ. Литература наша давно уже относится къ этому типу безъ всякой особенной вѣжливости, и давно уже осуждаетъ съ полнымъ единодушіемъ то военнатеіе палкой, которое выработываетъ и формируетъ плотоядныхъ карликовъ. Одинъ только г. Гончаровъ пожелалъ возвести типъ карлика въ прѣлъ созданія; вслѣдствіе этого, онъ произвелъ на свѣтъ Петра Ивановича Адуева и Андрея Ивановича Штольца; но эта попытка, во всѣхъ отношеніяхъ, похожа на поповановеніе Гоголя представить идеальнаго помѣщика Констанжогло, и идеальнаго откупщика Муравова. Типъ карликовъ, повидимому, уже не опасенъ для нашего сознанія; онъ не прельщаетъ насъ больше, и отвращеніе къ этому типу заставляеть даже нашу литературу и критику бросаться въ противоположную крайность, отъ которой также не мѣшаетъ поостеречься; не умѣя остановиться на чистомъ отрицаніи карликовъ, наши писатели стараются противопоставить торжествующей силѣ угнетенную невинность; они хотять доказать, что торжествующая сила нехороша, а угнетенная невинность, напротивъ того, прекрасна; въ этомъ они ошибаются; и сила глупа, и невинность глупа, и только отъ того, что онѣ обѣ глупы, сила стремится угнетать, а невинность погружается въ тупое терпѣніе; свѣту нѣтъ, и оттого люди, не видя и не понимая другъ друга, дерутся въ темнотѣ; и хотя у поражаемыхъ субъектовъ часто сыпятся искры изъ глазъ, однако это освѣщеніе, какъ извѣстно по опыту, совершенно неспособно рассвѣтъ окружающій мракъ; и какъ бы ни были многочисленны и

равноцѣны подставляемые фонари, но всё они въ совокупности не замѣняютъ самаго жалкаго салнаго огарка. Когда человекъ страдаетъ, онъ всегда дѣлается трогательнымъ; вокругъ него разливается особенная мягкая прелесть, которая дѣйствуетъ на васъ съ неограниженою силою; не сопротивляйтесь этому впечатлѣнію, когда оно побуждаетъ васъ, въ сферѣ практической дѣятельности, вступиться за несчастнаго, или облегчить его страданію; но, если вы, въ области теоретической мысли, разсуждаете объ общихъ причинахъ разныхъ специфическихъ страданій, то вы непременно должны относиться къ страдальцамъ такъ же равнодушно, какъ и къ мучителямъ, вы не должны сочувствовать ни Катеринѣ, ни Кабанихѣ, потому что, въ противномъ случаѣ, въ вашъ анализъ ворвется лирическій элементъ, который перепутаетъ все ваше разсужденіе. Вы должны считать свѣдѣніемъ явленіемъ только то, что, въ большей или въ меньшей степени, можетъ содѣйствовать прекращенію или облегченію страданій; а если вы расчувствуетесь, то вы назовете лучемъ свѣта — или самую способность страдать, или ослиную протость страдальца, или нелѣпые порывы его безъ смѣлаго отчаянія, или вообще, чтонибудь такое, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ образовать платоническихъ карликовъ. И выйдетъ изъ этого, что вы не сможете ни одного дѣльнаго слова, а только обомлетѣ читателя арсенатомъ вашей чувствительности; читателю это, можетъ быть, и понравится; онъ скажетъ, что вы человекъ отъменно хорошаго; но я съ своей стороны, рискуя прогнѣвать и читателя, и васъ, замѣчу только, что вы прикидываете сіяя пятна, называемыя фонарями, за настоящее освѣщеніе. Страдательныя личности нашихъ семействъ, тѣ личности, которыми порывается восчувствовать наша критика, болѣе или менѣе подходятъ подъ общій типъ вѣчныхъ дѣтей, которыхъ обриваетъ ласковое воспитаніе нашей безтолковой жизни. Намъ пророчески говорить, что «за бытаге двухъ не бытыхъ дають.» Имѣя понятіе о дикости семейныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, мы должны сознаться, что это изреченіе совершенно справедливо, и пронинуту глубокою практическою мудростью. Пока въ нашу жизнь не проникнетъ истинный лучъ свѣта, пока въ массахъ народа не разовьется производительная дѣятельность, разнообразіе занятій, довольство и образованіе, до тѣхъ поръ бытій непримѣнно будетъ дороже двухъ небилыхъ, и до тѣхъ поръ родители въ пресомъ быту постоянно будутъ принуждены бить своихъ дѣтей для ихъ

же пользы. И польза эта вовсе не воображаемая. Даже въ наше просвѣщенное время дѣтямъ простолюдина полезно и необходимо быть бѣдными, иначе они будутъ современными несчастливѣйшими людьми. Дѣло въ томъ, что жизнь сильнѣе воспитанія, и, если послѣднее не подчиняется добровольно требованіямъ первой, то жизнь насильно скватываетъ продуктъ воспитанія, и спокойно ломаетъ его по своему, не спрашивая о томъ, во что обходится эта ломка живому организму. Съ модными человѣкомъ обращаются такъ же, какъ и со всеми его сверстниками; другихъ ругаютъ, и его ругаютъ. — другихъ бьютъ, и его бьютъ. Привыкъ или не привыкъ онъ къ этому обращенію — кому до этого дѣло? Пренныя, хороша значить, выдержать; не привыкъ — тѣмъ хуже для него, пусть привыкаетъ. Вотъ какъ разсуждаютъ жизнь, и отъ нея невозможно ни ожидать, ни требовать, чтобы она дѣлала какія нибудь исключенія въ пользу деликатныхъ комплиментовъ или нѣжно-воспитанныхъ личностей. Но, такъ какъ всякая привычка пріобрѣтается всею легче въ дѣтствѣ, то ясно, что люди, воспитанные лаской, будутъ страдать въ своей жизни отъ одинаково дурнаго обращенія гораздо сильнѣе, чѣмъ люди, воспитанные палкой. Воспитаніе палкой не хорошо, какъ не хорошо, на примѣръ, повсюдное развитіе пьянства въ нашемъ отечествѣ; но оба эти явленія составляютъ только невѣрные и необходимые антецеденты жизни бѣдности и нещастной личности; когда мы сдѣлаемся богаче и образованнѣе, тогда закроется, по крайней мѣрѣ, половина нашихъ кабановъ, и тогда родители не будутъ бить своихъ дѣтей. Но теперь, когда мужикъ дѣйствительно нуждается въ самозбавленіи, и когда вода составляетъ его единственную отраву, было бы неглупо требовать, чтобы онъ не ходилъ въ кабаки; съ тоской онъ могъ бы придумать что нибудь еще болѣе безобразное; вѣдь есть и такія племени, которые ѣдятъ мухоморъ. Теперь и палка приноситъ свою пользу, какъ приготовленіе къ жизни; уничтожьте палку въ воспитаніи, и вы приготовите только для нашей жизни огромное количество безсильныхъ мучениковъ, которые, потерпѣвши на своей шку, какъ покурить отъ чакотки, или превратятся понемногу въ ожесточенныхъ мучителей. Въ настоящее время, вы живете въ каждой русской семьѣ два воспитательныхъ элемента, родительскую палку и родительскую ласку; и то, и другое безъ малѣйшей прихоти разумной жды. И то, и другое изъ рукъ идетъ свирѣю, но родительская палка все-таки лучше родительской ласки. Я знаю, чѣмъ я рискую;

меня назовутъ обскурантомъ, а заслушить въ наше время это названіе почти то же самое, что было въ средніе вѣка прослушать еретикомъ и колдуномъ. Я очень желаю сохранить за собою честное имя прогрессиста, но рассчитываю на благоразуміе читателя, надѣюсь, что онъ понимаетъ общее направленіе моей мысли, и, вооружившись этимъ упованіемъ, осмѣливаюсь уклониться отъ общепринятой рутинны нашего дешеваго либерализма. Палка дѣйствительно развираетъ до нѣкоторой степени дѣтскій умъ, но только не такъ, какъ думаютъ суровые воспитатели; они думаютъ, что, коли мѣсяч ребенка, такъ онъ запомнитъ и приметъ въ сардцу спасительные совѣты, раскается въ своемъ легкомысліи, пойметъ заблужденіе, и исправитъ свою грѣховную волю; для большей вразумительности, воспитатели даже съкутъ и приговариваютъ, а ребенокъ кричитъ: «никогда не буду!» и, значитъ, изъясняетъ раскаяніе. Эти соображенія добрыхъ родителей и педагоговъ несомнѣтельны; но въ высѣщенномъ субъектѣ дѣйствительно происходитъ процессъ мысли, вызванный именно ощущеніемъ боли. Въ немъ изощряется чувство самосохраненія, которое обыкновенно дремлетъ въ дѣтяхъ, окруженныхъ нѣжными заботами и постоянными ласками. Но чувство самосохраненія составляетъ первую причину всякаго человѣческаго прогресса; это чувство, и только оно одно, заставляетъ диняря переходить отъ охоты къ скотоводству и къ земледѣію; оно кладетъ основаніе всѣмъ техническимъ изобрѣтеніямъ, всякому комфорту, всѣмъ промысламъ, наукамъ и искусствамъ. Стремленіе къ удобству, любовь къ изящному, и даже чистая любознательность, которую мы въ простотѣ души считаемъ безавыстнымъ порывомъ человѣческаго ума къ истинѣ, составляютъ только частныя проявленія и томчайшія видоизмѣненія того самаго чувства, которое побуждаетъ насъ избѣгать боли и опасности. Мы чувствуемъ, что нѣкоторыя ощущенія освѣжаютъ и укрѣпляютъ нашу нервную систему; когда мы долго не получаемъ этихъ ощущеній, тогда организмъ нашъ разстроивается, сначала очень легко, однако такъ, что это разстройство заставляетъ насъ испытать какое-то особенное ощущеніе, известное подъ названіемъ скуки или тоски. Если мы не хотимъ, или не можемъ преградить это неприятное чувство, то есть, если мы не даемъ организму того, что онъ требуетъ, тогда онъ разстроивается сильнѣе, и чувство дѣлается еще неприятнѣе и томительнѣе. Для того, чтобы постоянно члѣмъ набудъ затывать рать нашему организму, когда онъ, такимъ обра-

вошь, начинает скрипеть и шипеть, мы, то есть, люди вообще, стали смотреть вокруг себя, стали вглядываться и прислушиваться, стали двигать самыми усвоенными образом и руками, и ногами, и мозгами. Разнообразное движение совершенно соответствовало самым прихотливымъ требованиямъ неутомимой нервной системы; это движение такъ завлекло насъ и такъ полюбилось намъ, что мы занимаемся имъ теперь съ самыми страстными усердіемъ, совершенно теряя изъ виду исходную точку этого процесса. Мы серьезно думаемъ, что любимъ изящное, любимъ науку, любимъ истину, а на самомъ дѣлѣ, мы любимъ только цѣлость нашего хрупкаго организма, да и не любимъ даже, а просто повинемся слѣпо и невольно закону необходимости, дѣйствующему во всей цѣпи органическихъ созданий, начиная отъ какаго нибудь гриба, и кончая какимъ-нибудь Гейне или Дарвиномъ.

IX.

Если чувство самосохраненія, дѣйствуя въ нашей породѣ, вызвало на свѣтъ всё чудеса цивилизаціи, то, разумѣется, это чувство, возбужденное въ ребенкѣ, будетъ и въ малыхъ размѣрахъ дѣйствовать въ томъ же направленіи. Чтобы привести въ движеніе мыслительныя способности ребенка, необходимо возбудить и развить въ немъ ту или другую форму чувства самосохраненія. Ребенокъ начнетъ работать мозгомъ только тогда, когда въ немъ проснется какое нибудь стремленіе, которому онъ пожелаетъ удовлетворить, а всё стремленіе, безъ исключенія, вытекаютъ изъ одного общаго источника, именно изъ чувства самосохраненія. Воспитателю предстоитъ только выборъ той формы этого чувства, которую онъ пожелаетъ возбудить и развить въ своемъ воспитанникѣ. Образованный воспитатель выберетъ тонкую и положительную форму, то есть, стремленіе къ наслажденію; а воспитатель полудикій поневолѣ возьметъ грубую и отрицательную форму, то есть, отвращеніе къ страданію; второму воспитателю нѣтъ выбора; стало быть, очевидно, нѣдо или съкъ ребенка, или помириться съ тою мыслию, что въ немъ всё стремленія останутся не пробужденными; и что умъ его будетъ дремать

до тѣхъ поръ, пока жизнь не начнетъ толкать и швырять его по своему. Ласковое воспитаніе хорошо и полезно только тогда, когда воспитатель умѣетъ разбудить въ ребенкѣ жившія и положительныя формы чувства самосохраненія, то есть, любовь къ полезному и къ истинному, стремленіе къ умственному занятіямъ, и страстное влеченіе къ труду и къ знанію. У тѣхъ людей, для которыхъ эти хорошія вещи не существуютъ, ласковое воспитаніе есть не что иное, какъ медленное размраченіе ума, посредствомъ бездѣйствія. Умъ спитъ годъ, два, десять лѣтъ, и наконецъ доспится до того, что даже толчки дѣйствительной жизни перестаютъ возбуждать его. Человѣку не все равно, когда начать развиваться, съ пятилѣтій или съ двадцати лѣтъ. Въ двадцать лѣтъ и обстоятельства встрѣчаются не тѣ, да и самъ человѣкъ уже не тотъ. Не имѣя возможности справиться съ обстоятельствами, двадцатилѣтній ребенокъ поневолѣ подчинится имъ, и жизнь начнетъ кидать это пассивное существо изъ стороны въ сторону, а ужъ тутъ плохо развиваться, потому что, когда на охоту ѣдутъ, тогда собакъ поздно кормить. И выйдетъ изъ человѣка ротозѣй и трапка, интересный страдалецъ и невинная жертва. Когда ребенокъ не затронутъ никакими стремленіями, когда дѣйствительная жизнь не подходитъ къ нему ни въ видѣ угрожающей рожи, ни въ видѣ тѣхъ обязательныхъ и серьезныхъ вопросовъ, которые она задаетъ человѣческому уму,—тогда мозгъ не работаетъ, а постоянно играетъ разными представленіями и впечатлѣніями. Эта безцѣльная игра мозга называется фантазією, и, кажется, даже сжигается въ психологінъ особенною силою души. На самомъ же дѣлѣ, эта игра есть просто проявленіе мозговой силы, непрістроенной къ дѣлу. Когда человѣкъ думаетъ, тогда силы его мозга сосредоточиваются на опредѣленномъ предметѣ, и, слѣдовательно, регулируются единствомъ цѣли; а когда нѣтъ цѣли, тогда готовой мозговой силѣ все-таки надо же куда нибудь дѣваться; ну, и начинается къ мозгу такое движеніе представленій и впечатлѣній, которое относится къ мыслительной дѣятельности такъ, какъ насни- стываніе какого нибудь мотива относится къ оперному пѣнію передъ многочисленною и выскательною публикой. Размышленіе есть трудъ, требующій участія воли, трудъ, невозможный безъ опредѣленной цѣли, а фантазія есть совершенно невольное отшарпаніе, возможное только при отсутствіи цѣли. Фантазія—сонъ на яву; поэтому и существуютъ на всѣхъ языкахъ для обозначенія этого дурнаго такія слова, кото-

рыя самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ понятіемъ о снѣ; по русски—греза, по французски—*reverie*, по нѣмецки—*Träumerei*, по англійски—*day dream*. Очень понятно, что снатъ днемъ, и притомъ спать на яву можетъ только такой челоѣкъ, которому нечего дѣлать, и который не умѣетъ употребить свое время ни на то, чтобы улучшить свое положеніе, ни на то, чтобы освѣжить свои нервы дѣятельнымъ наслажденіемъ. Чтобы быть фантазеромъ, вовсе не нужно имѣть темпераментъ особеннаго устройства; всякій ребенокъ, у котораго нѣтъ никакихъ заботъ, и у котораго очень много досуга, непременно сдѣлается фантазеромъ; фантазія родится тогда, когда жизнь пуста, и когда нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ интересовъ; эта мысль оправдывается, какъ въ жизни цѣлыхъ народовъ, такъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей. Если эстетика будутъ превозносить развитіе фантазіи, какъ свѣтлое и страднее явленіе, то этики они обнаружатъ только свою привязанность къ пустотѣ, и свое отвращеніе къ тому, что дѣйствительно возвышаетъ челоѣка; или, еще проще, они докажутъ намъ, что они чрезвычайно дѣльны, и что умъ ихъ уже не переноситъ серьезной работы. Впрочемъ, это обстоятельство уже ни для кого не составляетъ тайны.

Х.

Наша жизнь, предоставленная своимъ собственнымъ принципамъ, выработываетъ карликовъ и вѣчныхъ дѣтей. Первые дѣлаютъ зло активное, вторые—пассивное; первые больше мучаютъ другихъ, чѣмъ страдаютъ сами, вторые больше страдаютъ сами, чѣмъ мучаютъ другихъ. Впрочемъ, съ одной стороны, карлики вовсе не наслаждаются безмятежнымъ счастьемъ, а, съ другой стороны, вѣчные дѣти причиняютъ часто другимъ очень значительныя страданія; только дѣлаютъ они это не нарочно, по трогательной невинности, или, что то же, по непроходимой глупости. Карлики страдаютъ узкостью и мелкостью ума, а вѣчные дѣти — умственной спячкою, и, вслѣдствіе этого, совершеннымъ отсутствіемъ здраваго смысла. Но мимости карликовъ наша жизнь изобилуетъ грязными и глупыми комедіями, которыя разыгрываются каждый день, въ каждомъ семействѣ, при всѣхъ сдѣлкахъ и

отношеніяхъ между людьми; но милости вѣчныхъ дѣтей, эти гравныя комедіи иногда заканчиваются глупыми трагическими развязками. Карликъ ругается и дерется, но соблюдаетъ при этихъ дѣйствіяхъ благоразумную расчетливостъ, чтобы не надѣлать себѣ скандала, и чтобы не вынести сора изъ избы. Вѣчный ребенокъ все терпѣть, и все печалится, а потомъ, какъ прорветъ его, онъ и хватитъ заразъ, да ужъ такъ хватитъ, что или самого себя, или своего собѣдника уложить на мѣстѣ. Послѣ этого завѣтный соръ, разумѣется, не можетъ оставаться въ избѣ, и препровождается въ уголовную палату. Простая драка превратилась въ драку съ убійствомъ, и трагедія вышла такая же глупая, какая была предшествовавшая ей комедія. Но эстетикки понимаютъ дѣло иначе; въ ихъ головы засѣла очень глубоко старая пѣтика, предписывающая писать трагедіи высокимъ слогомъ, а комедіи среднимъ, и, смотря по обстоятельствамъ, даже низкимъ; эстетикки помнятъ, что герой умираетъ въ трагедіи насильственной смертью; они знаютъ, что трагедія непременно должна производить впечатлѣніе возвышенное, что она можетъ возбуждать ужасъ, но не презрѣніе, и что несчастный герой долженъ привлекать къ себѣ вниманіе и сочувствіе зрителей. Вотъ эти-то предписанія пѣтики они и прикладываютъ къ обсужденію тѣхъ словесныхъ и рукопашныхъ схватокъ, которыя составляютъ мотивы и сюжеты нашихъ драматическихъ произведеній. Эстетикки отрещиваются и отплеиваются отъ преданій старой пѣтики; они не упускаютъ ни одного случая посмѣяться надъ Аристотелемъ и Буало, и заявить свое собственное превосходство надъ ложно-классическими теоріями, а между тѣмъ, именно эти одряхлѣвшія преданія составляютъ до сихъ поръ все содержаніе эстетическихъ приговоровъ. Эстетикамъ и въ голову не приходитъ, что трагическое происшествіе почти всегда бываетъ такъ же глупо, какъ и комическое; и что глупость можетъ составлять единственную пружину разнообразнѣйшихъ драматическихъ коллизій. Какъ только дѣло переходитъ отъ простой бесѣды къ уголовному преступленію, такъ эстетикки тотчасъ приходятъ въ смущеніе, и спрашиваютъ себя, кому жъ они будутъ сочувствовать, и какое выраженіе изобразятъ они на своихъ физиономіяхъ—ужасъ, или негодованіе, или глубокую задумчивость, или торжественную грусть? Но вообще надо имъ найти, во-первыхъ, предметъ для сочувствія, а во-вторыхъ, возвышенное выраженіе для собственной физиономіи. Иначе нельзя и говорить о трагическомъ происшествіи. Однако, что же въ самомъ

дѣлѣ, думаетъ читатель, вѣдь не смѣяться же, когда люди лишаютъ себя живота, или перегрызаютъ другъ другу горло? О, мой читатель, кто васъ заставляетъ смѣяться? Я такъ же мало понимаю смѣхъ при видѣ нашихъ комическихъ глупостей, какъ и возвышенныя чувства при видѣ нашихъ трагическихъ пошлостей; совсѣмъ не мое дѣло, и вообще не дѣло критика, предписывать читателю, что онъ долженъ чувствовать; не мое дѣло говорить вамъ: извольте, сударь, улыбнуться, — потрудитесь, сударыня, вздохнуть и возвести очи къ небу. Я беру все, что пишется нашими хорошими писателями, — романы, драмы, комедіи, что угодно, — я беру все это, какъ сырые матеріалы, какъ образчики нашихъ нравовъ; я стараюсь анализировать всѣ эти разнообразныя явленія, я замѣчаю въ нихъ общія черты, я отыскиваю связь между причинами и слѣдствіями, я прихожу такимъ путемъ къ тому заключенію, что всѣ наши тревоженія и драматическія коллизіи обуславливаются исключительно слабостью нашей мысли и отсутствіемъ самыхъ необходимыхъ знаній, то есть, говоря короче, глупостью и невѣжествомъ. Жестокость семейнаго деспота, фанатизмъ старой ханжи, несчастная любовь дѣвушки къ негодяю, кротость терпѣливой жертвы семейнаго самовластія, порывы отчаянія, ревность, корыстолюбіе, мошенничество, буйный разгулъ, воспитательная розга, воспитательная ласка, тихая мечтательность, восторженная чувствительность — вся эта пестрая смѣсь чувствъ, качествъ и поступковъ, возбуждающихъ въ груди пламеннаго эстетика цѣлую бурю высокихъ ощущеній, вся эта смѣсь сплывается, по моему мнѣнію, къ одному общему источнику, который, сколько мнѣ кажется, не можетъ возбуждать въ насъ ровно никакихъ ощущеній, ни высокихъ, ни низкихъ. Все это различныя проявленія неисчерпаемой глупости. Добрые люди будутъ горячо спорить между собою о томъ, что въ этой смѣси хорошо, и что дурно; вотъ это, скажутъ, добродѣтель, а вотъ это порокъ; но безплоденъ будетъ весь споръ добрыхъ людей; нѣтъ тутъ ни добродѣтелей, ни пороковъ, нѣтъ ни звѣрей, ни ангеловъ. Есть только хаосъ и тѣмнота; есть непониманіе и неумѣнье понимать. Надъ чѣмъ же тутъ смѣяться, противъ чего тутъ негодовать, чему тутъ сочувствовать? Что тутъ долженъ дѣлать критикъ? Онъ долженъ говорить обществу и сегодня, и завтра, и послѣ завтра, и десять лѣтъ подрядъ, и сколько хватить его силъ и его жизни, говорить, не боясь повтореній, говорить такъ, чтобы его понимали, говорить постоянно, что

народъ нуждается только въ одной вещи, въ которой заключаются уже всё остальные блага человеческой жизни. Нуждается онъ въ движеніи мысли, а это движеніе возбуждается и поддерживается приобрѣтеніемъ знаній. Пусть общество не сбивается съ этой прямой и единственной дороги къ прогрессу, пусть не думаетъ, что ему надо приобрѣсти какія нибудь добродѣтели, привить къ себѣ какія нибудь похвальные чувства, запастись тонкостью вкуса, или вытвердить дедовскія либеральныхъ убѣжденій. Все это мыльные пузыри, все это дешевая поддѣлка настоящаго прогресса, все это болотные огоньки, заводящіе насъ въ трясины возвышеннаго краснорѣчія, все это бреды о честности инпува и о необходимости почвы, и ото всего этого мы не дождемся ни одного луча настоящаго свѣта. Только живая и самостоятельная дѣятельность мысли, только прочныя и положительныя знанія обновляютъ жизнь, разгоняютъ темноту, уничтожаютъ глупые пороки и глупыя добродѣтели, и, такимъ образомъ, выметають соръ изъ избы, не перенося его въ уголовную палату. Но не думайте, пожалуйста, что народъ найдетъ свое спасеніе въ тѣхъ знаніяхъ, которыми обладаетъ наше общество, и которыя рассыпають щедрою рукою книжки, продающіяся теперь для блага младшихъ братьевъ по пятаку и по гривнѣ. Если, вмѣсто этого просвѣщенія, мужикъ купитъ себѣ калачъ, то онъ докажетъ этимъ поступкомъ, что онъ гораздо умнѣ составителя книжки, и самъ могъ бы многому научить послѣдняго. Дерзость наша равняется только нашей глупости, и только глупостью нашею можетъ быть объяснена и оправдана. Мы—просвѣтители народа?!.. Что это—невнятная шутка, или ядовитая насмѣшка?—Да сами-то мы что такое? Неправда ли, какъ мы много знаемъ, какъ мы основательно мыслямъ, какъ превосходно мы наслаждаемся знаніемъ, какъ умно мы установили наши отношенія къ женщинѣ, какъ глубоко мы поняли необходимость работать на пользу общую? Да можно ли перечислить всё наши достоинства? Вѣдь мы такъ неподобны, что, когда намъ покажутъ издали, въ романѣ, поступки и размышленія умнаго и развитаго человека, тогда мы сейчасъ въ ужасъ приходимъ, и глаза замуримъ, потому что примемъ нестерпимый человѣческій образъ за чудовищное явленіе. Вѣдь мы такъ человѣколюбивы, что великодушно забываемъ свою собственную неумытость, лѣземъ несправедливо умывать нашими грязными руками младшихъ братьевъ, о которыхъ болитъ наша кѣжная душа, и которые, само собою разумѣется, выпачканы также до во-

мраченія человѣческаго образа. И усердно мажемъ мы грязными руками по грязнымъ лицамъ, и велики наши труды, и пламенна наша любовь, во-первыхъ, къ чумазымъ братьямъ, а во-вторыхъ, къ ихъ пятакамъ и гривнамъ, и человѣколюбивые подвиги темныхъ просвѣтителей могутъ съ величайшимъ удобствомъ продолжаться вплоть до втораго пришествія, не нанося ни малѣйшаго ущерба тому надежному слою грязи, который съ полнымъ безпристрастіемъ украшаетъ какъ хлопотливыя руки учителей, такъ и неподвижныя лица учениковъ. Глядя на чудеса нашего народолюбія, поневолѣ прибѣгнешь къ языку боговъ, и произнесешь стихъ г. Полонскаго:

Тебѣ ли съ рыломъ
Суконнымъ да въ гостинный рядъ.

Лучшіе наши писатели очень хорошо чувствуютъ, что рыло у насъ дѣйствительно суконное, и что въ гостинный рядъ намъ покуда ходить не за чѣмъ. Они понимаютъ, что имъ самимъ слѣдуетъ учиться и развиваться, и что вмѣстѣ съ ними должно учиться то русское общество, которое для красоты слога называетъ себя образованнымъ. Они видятъ очень ясно двѣ вещи: первое—то, что наше общество, при теперешнемъ уровнѣ своего образованія, совершенно бессильно, и, слѣдовательно, неспособно произвести въ попятіяхъ и нравахъ народа ни малѣйшаго измѣненія, ни въ дурную, ни въ хорошую сторону; а второе то, что, если бы даже, по какому нибудь необъяснимому стеченію случайностей, теперешнему обществу удалось переработать народъ по своему образу и подобию, то это было бы для народа истиннымъ несчастіемъ. Чувствуя, понимая и видя все это, лучшіе наши писатели, люди дѣйствительно мыслящіе, обращаются до сихъ поръ исключительно къ обществу, а книжки для народа пишутся тѣми литературными промышленниками, которые въ другое время стали бы издавать сонники и новыя собранія пѣсенъ московскихъ цыганъ. Даже такое чистое и святое дѣло, какъ воскресные школы, оказывается еще сомнительнымъ. Тургеневъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ своемъ послѣднемъ романѣ, что мужикъ говорилъ съ Базаровымъ, какъ съ несмыслившимъ ребенкомъ, и смотрѣлъ на него, какъ на шута гороховаго. Пока на сто квадратныхъ миль будетъ приходиться по одному Базарову, да и то врядъ ли, до тѣхъ поръ всѣ, и сермяжники, и джентльмены, будутъ считать

Базаровыхъ вздорными мальчишнами и смѣшными чудаками. Пока одинъ Базаровъ окруженъ тысячами людей, неспособныхъ его понимать, до тѣхъ поръ Базарову слѣдуетъ сидѣть за микроскопомъ, и рѣзать лягушекъ, и печатать книги и статьи съ анатомическими рисунками. Микроскопъ и лягушка—вещи невинныя и занимательныя, а молодежь—народъ любопытный; ужъ если Павелъ Петровичъ Кирсановъ не утерпѣлъ, чтобы не взглянуть на инфузорию, глотавшую зеленую пылинку, то молодежь и подавно не утерпитъ, и не только взглянетъ, а постарается завести себѣ свой микроскопъ, и, незамѣтно для самой себя, проинкнется глубочайшимъ уваженіемъ и пламенною любовью къ распластанной лягушкѣ. А только это и нужно. Тутъ-то именно, въ самой лягушкѣ-то и заключается спасеніе и обновленіе русскаго народа. Ей богу, читатель, я не шучу, и не потѣшаю васъ парадоксами. Я выражаю, только безъ торжественности, такую истину, въ которой я глубоко убѣжденъ, и въ которой гораздо раньше меня убѣдились самыя свѣтлыя головы въ Европѣ, и слѣдовательно, во всемъ подлунномъ мірѣ. Вся сила здѣсь въ томъ, что по поводу разрѣзанной лягушки чрезвычайно мудро приходитъ въ восторгъ, и говорить такія фразы, въ которыхъ самъ понимаешь одну десятую часть, а иногда и еще того меньше. Пока мы, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, спали невиннымъ сномъ груднаго ребенка, до тѣхъ поръ фразерство не было для насъ опасно; теперь, когда наша слабая мысль начинаетъ по немногу шевелиться, фразы могутъ на долго задержать и изуродовать наше развитіе. Стало быть, если наша молодежь съумѣетъ вооружиться непримиримою ненавистью противъ всякой фразы, кѣмъ бы она ни была произнесена, Шатобрианомъ или Прудономъ, если она выучится отыскивать вездѣ живое явленіе, а не ложное отраженіе этого явленія въ чужомъ сознаніи — то мы будемъ имѣть полное основаніе рассчитывать на довольно нормальное и быстрое улучшеніе нашихъ мозговъ. Конечно, эти расчеты могутъ быть совершенно перепутаны историческими обстоятельствами, но объ этомъ я не говорю, потому что тутъ голосъ критики совершенно безсиленъ. Но придетъ время, и оно уже вовсе не далеко, — когда вся умная часть молодежи, безъ различія сословія и состоянія, будетъ жить полною умственною жизнью, и смотрѣть на вещи разсудительно и серьезно. Тогда молодой землевладелецъ поставитъ свое хозяйство на европейскую ногу; тогда молодой

капиталистъ заведетъ тѣ фабрики, которыя намъ необходимы, и устроить ихъ такъ, какъ того требуютъ общіе интересы хозяина и работниковъ; и этого довольно; хорошая ферма, и хорошая фабрика, при рациональной организаціи труда, составляютъ лучшую и единственную возможную школу для народа, во-первыхъ потому, что эта школа кормитъ своихъ учениковъ и учителей, а во-вторыхъ, потому, что она сообщаетъ знанія не по книгѣ, а по явленіямъ живой дѣйствительности. Книга придетъ въ свое время; устроить школы при фабрикахъ и при фермахъ будетъ такъ легко, что это уже сдѣлается само собою. Вопросъ о народномъ трудѣ заключаетъ въ себѣ всѣ остальные вопросы, и самъ не заключается ни въ одномъ изъ нихъ; поэтому надо постоянно имѣть въ виду именно этотъ вопросъ, и не развлекаться тѣми второстепенными подробностями, которыя всѣ будутъ устроены, какъ только подвинется впередъ главное дѣло. Не даромъ Вѣра Павловна заводитъ мастерскую, а не школу, и не даромъ тотъ романъ, въ которомъ описывается это событіе, носить заглавіе: «Что дѣлать?» Тутъ, дѣйствительно, дается нашимъ прогрессистамъ самая вѣрная и вполне осуществимая программа дѣятельности. Много ли, мало ли времени придется намъ идти къ нашей цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы обогатить и просвѣтить нашъ народъ—объ этомъ бесполезно спрашивать. Это—вѣрная дорога, и другой вѣрной дороги нѣтъ. Русская жизнь, въ самыхъ глубокихъ своихъ нѣдрахъ, не заключаетъ рѣшительно никакихъ задатковъ самостоятельнаго обновленія; въ ней лежатъ только сырые матеріалы, которые должны быть оплодотворены и переработаны влияніемъ общечеловѣческихъ идей; русскій человѣкъ принадлежитъ къ высшей, кавказской расѣ; стало быть, всѣ милліоны русскихъ дѣтей, неискалеченныхъ элементами нашей народной жизни, могутъ сдѣлаться и мыслящими людьми, и здоровыми членами цивилизованнаго общества. Разумѣется, такой колоссальный умственный переворотъ требуетъ времени. Онъ начался въ кругу самыхъ дѣльныхъ студентовъ, и самыхъ просвѣщенныхъ журналистовъ. Сначала были свѣтлыя личности, стоявшія совершенно одиноко; было время, когда Бѣлинскій воплощалъ въ себѣ всю сумму свѣтоносныхъ идей, находившихся въ нашемъ отечествѣ; теперь, испытавши по дорогѣ много видоизмѣненій, одинокая личность русскаго прогрессиста разрослась въ цѣлый типъ, который

нашелъ уже себѣ свое выраженіе въ литературѣ, и который называется или Базаровымъ или Лопуховымъ. Дальнѣйшее развитіе умственного переворота должно идти такъ же, какъ шло его начало; оно можетъ идти скорѣе или медленнѣе, смотря по обстоятельствамъ, но оно должно идти все одною и тою же дорогою.

XI.

Не ждите и не требуйте отъ меня, читатель, чтобы я теперь сталъ продолжать начатый анализъ характера Катерины. Я такъ откровенно и такъ подробно высказалъ вамъ свое мнѣніе о цѣломъ порядкѣ явленій «темнаго царства» или, говоря проще, семейнаго курятника, — что мнѣ теперь осталось бы только прикладывать общія мысли къ отдѣльнымъ лицамъ и положеніямъ; мнѣ пришлось бы повторять то, что я уже высказалъ, а это была бы работа очень не головоломная, и, вслѣдствіе этого, очень скучная и совершенно бесполезная. Если читатель находитъ идеи этой статьи справедливыми, то онъ, вѣроятно, согласится съ тѣмъ, что всѣ новые характеры, выводимые въ нашихъ романахъ и драмахъ, могутъ относиться или къ базаровскому типу, или къ разряду карликовъ и вѣчныхъ дѣтей. Отъ карликовъ и отъ вѣчныхъ дѣтей ждать нечего; новаго они ничего не произведутъ; если вамъ покажется, что въ ихъ мірѣ появился новый характеръ, то вы смѣло можете утверждать, что это оптический обманъ. То, что вы въ первую минуту примете за новое, скоро окажется очень старымъ; это просто — новая пойма карлика съ вѣчнымъ ребенкомъ, а какъ ни смѣшивайте эти два элемента, какъ ни разбавляйте одинъ видъ тупоумія другимъ видомъ тупоумія, въ результатѣ вы все-таки получите новый видъ стараго тупоумія. — Эта мысль совершенно подтверждается двумя послѣдними драмами г. Островскаго: «Гроза» и «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Въ первой, русская Оеелія, Катерина, совершивъ множество глупостей, бросается въ воду, и дѣлается, такимъ образомъ, послѣднюю и величайшую неаѣдность. Во второй, русскій Отелло, Красновъ, во все время драмы ведетъ себя

довольно сносно, а потомъ сдуру зарѣзываетъ свою жену, очень ничтожную бабенку, на которую и сердиться не стоило. Можетъ быть, русская Офелія ничѣмъ не хуже настоящей, и можетъ быть, Красновъ ни въ чемъ не уступитъ венеціанскому мавру, но это ничего не доказываетъ: глупости могли такъ же удобно совершаться въ Даніи и въ Италіи, какъ и въ Россіи; а что въ средніе вѣка онѣ совершались гораздо чаще и были гораздо крупнѣе, чѣмъ въ наше время, это уже не подлежитъ никакому сомнѣнію; но средне-вѣковымъ людямъ, и даже Шекспиру, было еще извинительно принимать большія человѣческія глупости за великія явленія природы, а намъ, людямъ XIX столѣтія, пора уже называть вещи ихъ настоящими именами. Есть, правда, и у насъ средне-вѣковые люди, которые увидятъ въ подобномъ требованіи оскорбленіе искусства и человѣческой природы, но вѣдь на всѣ вкусы мудрено угодить; такъ пускай ужъ эти люди гнѣваются на меня, если это необходимо для ихъ здоровья.—Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о двухъ другихъ произведеніяхъ г. Островскаго, о драматической хроникѣ: «Козьма Мининъ» и о сценахъ: «Тяжелые дни.» По правдѣ сказать, я хорошенъко не вижу, чѣмъ «Козьма Мининъ» отличается отъ драмы Букольника: «Рука всевышняго отечество спасла.» И Букольникъ, и г. Островскій рисуютъ историческія событія такъ, какъ наши доморощенные живописцы и граверы рисуютъ доблестныхъ генераловъ; на первомъ планѣ огромный генералъ сидитъ на лошади и машетъ какимъ нибудь дрекольемъ; потомъ—влубы пыли, или дыма—что именно не разберешь; потомъ за влубами крошечные солдатики, поставленные на картину только для того, чтобы показать наглядно, какъ великъ полковой командиръ, и какъ малы въ сравненіи съ нимъ нижніе чины. Такъ у г. Островскаго: на первомъ планѣ колоссальный Мининъ, за нимъ его страданія на яву и видѣнія во снѣ, а совсѣмъ назади два-три карапузика изображаютъ русскій народъ, спасающій отечество. По настоящему, слѣдовало бы всю картину перевернуть, потому что въ нашей исторіи Мининъ, а во французской—Іоанна д'Аркъ понятны, только какъ продукты сильнѣйшаго народнаго воодушевленія. Но наши художники разсуждаютъ по своему, и урезонить ихъ мудрено.—Что касается до «Тяжелыхъ дней,» то это ужъ и Богъ знаетъ что за произведеніе. Остается пожалѣть, что г. Островскій не украсилъ его куплетами и переодѣва-

ніями; вышелъ бы преиленный водевиль, который съ большимъ успѣхомъ можно было бы давать на сценѣ для съѣзда и для разъѣзда театраль-ной публики. Сюжетъ заключается въ томъ, что добродѣтельный и остроумный чиновникъ съ безкорыстіемъ, достойнымъ самаго идеальнаго становаго, устраиваетъ счастье купческаго сына Андрея Брускова и купческой дочери Александры Бругловой. Дѣйствующія лица пьютъ шампанское, занавѣсъ опускается, и статья моя оканчивается.

Д. Шисаревъ.

УЧЕНОЕ САМОБОЛЬЩЕНИЕ.

(Объ историческомъ значеніи царствованія бориса годунова, соч. П. Павлова. Спб. 1863. — Тысячелѣтіе россіи, краткій очеркъ отечественной исторіи, соч. П. Павлова. Спб. 1863).

«Исторія есть *зерцало* бытія и дѣятельности народовъ», сказалъ Карамзинъ, и съ легкой руки его наши историки приняли эту стереотипную метафору за положительную цѣль своихъ ученыхъ изслѣдованій. Каждый изъ нихъ хотѣлъ представить намъ изъ исторіи *зерцало*, а въ зеркалѣ этомъ изобразить не столько историческую физиономію народа, сколько свою собственную; у каждого изъ нихъ была своя напередъ придуманная теорія, подъ которую они подгоняли факты, отражая ихъ въ своихъ зеркалахъ сообразно личнымъ вкусамъ и требованіямъ времени. Такъ, Карамзинъ, желая плѣнить воображеніе россіянъ описаніемъ «великановъ сумрака» и поразительными картинами московскаго величія, собралъ въ своей исторіи огромную коллекцію отдѣльныхъ портретовъ, развѣсивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Между этими портретами помѣщены живописные ландшафты, военные шатры, походы, битвы и осады, паденія городовъ, потомъ опять походы и сраженія, снова побѣды и пораженія, а тамъ, позади «великановъ сумрака», въ далекомъ неизвѣстномъ виднѣется народъ, который для зеркальнаго достоинства исторіи считался слишкомъ ничтожнымъ предметомъ, такимъ карликомъ, котораго не стоило и показывать въ «зеркалѣ его бытія и дѣятельности». Въ самомъ дѣлѣ, къ чему было пачкать отечественное зеркало неумытой, потной и загорѣлой физиономіей массы, которая однакожъ принимала участіе во всѣхъ событіяхъ и на своихъ плечахъ несла судьбу Россіи... Поэтому исторію Карамзина можно сравнить съ огромнымъ калейдоскопомъ, въ которомъ снуютъ разноцвѣтныя фигуры и всевозможные фокусы, но того, что составляетъ дѣйствительную исторію, какъ

науку, осмысливающую внѣшнія явленія, вовсе не видно въ Карамзинской картинной галлерей. Ничего нельзя понять, откуда берутся эти Святославы, Олеги, Всеволоды, Иваны, и за чѣмъ они наполняютъ историческую сцену такимъ шумомъ и постоянными драками? Гдѣ же общіе законы, управляющіе ходомъ событій и лицъ, играющихъ роль въ качествѣ добродѣтельнѣйшихъ героевъ или отчаянныхъ трусовъ? Гдѣ же этотъ главнѣйшій двигатель всякой народной исторіи—экономическая жизнь, дающая направленіе веѣмъ другимъ событіямъ? Въ зеркалѣ Карамзина не видно ни логической связи между причинами и послѣдствіями, ни вліянія окружающей природы на развитіе умственныхъ и матеріальныхъ силъ народа, ни борьбы его съ физическими преградами и незамѣтныхъ, но великихъ побѣдъ надъ ними. Всему этому на заднемъ планѣ отводится нѣсколько страничекъ, украшенныхъ общими мѣстами и краснорѣчивыми вздохами, а между тѣмъ описанію разныхъ побойщъ посвящаются цѣлыя десятки главъ. Можетъ ли такое зеркало вѣрно отражать полный народный типъ и представлять дѣятельность и бытіе исторической жизни? Давно уже рѣшено, что нѣтъ. Но Карамзинъ вовсе и не думалъ объ этомъ; для его программы достаточно было однихъ внѣшнихъ фактовъ, озадачивающихъ своимъ зеркальнымъ блескомъ, и нѣсколькихъ богатырей, внушающихъ къ себѣ удивленіе дѣтей-потомковъ. Такъ, обыкновенно, распоряжаются съ исторіей художники, для которыхъ прошедшее служитъ болѣе или менѣе изящной выставкой настоящаго.

Нѣсколько иначе смотрѣли на дѣло исторіи—славянофилы. Для нихъ исторія служила подтвержденіемъ ихъ псевдо-патріотической теоріи, требующей во что бы то ни стало своего славянскаго ума, славянской добродѣтели, славянской почвы, и такъ какъ эти сокровища не всегда оказывались въ наличности, то надо было всячески открыть ихъ и показать въ зеркалѣ. Съ этой цѣлію предпринимались довольно трудныя экспедиціи въ такія историческія дебри и пустыни, куда прежде никто изъ людей съ здравымъ смысломъ не рѣшался заходить. Но эти ученые экспедиціи оканчивались ничѣмъ; золотыя горы, райскія птицы и кисельные берега не обрѣтались на обѣтованной землѣ славянскаго эдема, а между тѣмъ для славянофилловъ все это было необходимо и напередъ доказано. И вотъ представлялся полный разгулъ фантазіи, заселявшей брянскіе лѣса чудесами тропической природы и видѣвшей въ эпохѣ Домостроя настоящій эдемъ русскаго міра. Тутъ начинались превращенія, какихъ и

въ сказкѣ не разсказать. Соловей — разбойникъ казался чуть не Вашингтономъ, грубая мускульная сила, развивавшаяся на счетъ умственныхъ способностей, представлялась идеаломъ чловѣческаго совершенства, а Иванъ Грозный выходилъ необыкновеннымъ художникомъ; нищета, голодъ и страданія, вынесенныя народомъ въ его тяжелыя години, въ глазахъ славянофиловъ вовсе не были нищетою, голодомъ и страданіями, а тѣми отвлеченными понятіями, которыми можно доказать мужество и выносливость нашихъ почтенныхъ предковъ. Однимъ словомъ свавка объ Еруслаѣ Лазаревичѣ и Чурилѣ Пленковичѣ передавалась за дѣйствительную быль, и умиленный читатель почти готовъ былъ плакать надъ тѣмъ, что погибло изъ прошлаго подъ вліяніемъ тлетворной европейской цивилизаціи. Ученые этого сорта выдѣлывали съ исторіей то же самое, что выдѣлываютъ реставраторы съ поддѣльными антиками; они подкрашиваютъ простой копѣчный камень, поднятый на улицѣ, подъ драгоценную рѣдкость древности и первому гаупцу сбываютъ его за высокую цѣну. Исторія, какъ наука, ничего путнаго не могла пріобрѣсти отъ этихъ патріотическихъ иллюзій и поддѣлокъ; напротивъ ее завалили разнымъ ненужнымъ соромъ, который придется вычищать, когда наступитъ время рациональнаго труда на этомъ поприщѣ.

Между этими двумя разрядами есть еще одинъ классъ ученыхъ, которыхъ мы для ясности назовемъ историками-протоколистами. Лучшие изъ нихъ относятся къ категоріи послѣдователей Гегеля, для котораго мертвая историческая форма послужила идеаломъ народной жизни. Эти господа далѣе офіціального быта ничего не могутъ разсмотрѣть и когда оставляютъ сырые подвалы архивовъ, то имъ кажется, что чловѣкъ и вся природа ничто иное, какъ старыя манускрипты, попавшіе не на свое мѣсто. Если извѣстное историческое явленіе не подходитъ подъ ихъ мѣрку, историки относятся къ нему такъ же, какъ протоколистъ, у котораго на форменной бумагѣ не полагается новаго параграфа; такое явленіе, какъ бы оно ни было громадно по своему значенію, эти ученые или игнорируютъ или перекраиваютъ на свой салтыкъ. Всякое уклоненіе историческаго движенія отъ ихъ канцелярской точки зрѣнія становится нарушеніемъ порядка, и слѣдовательно пагубной революціей. Представителями такого рода исторіи служатъ въ нашей литературѣ гг. Соловьевъ, Устряловъ и Щебальскій. Для нихъ не существуетъ ни новѣйшихъ открытій науки, ни анализа живыхъ явленій въ чловѣческихъ об-

ществахъ, но они перечитали множество старинныхъ актовъ и официальныхъ бумагъ, и по этой архивной пыли составили себѣ одинъ разъ и навсегда неизмѣнный историческій принципъ.

Только въ послѣднее время начинаютъ являться у насъ новые дѣятели, съ другимъ взглядомъ на исторію, съ другими требованіями ея научной разработки. Старое рутинное направленіе, искавшее въ исторіи какаго-то уголовного суда, передъ которымъ одни оказывались страшными злодѣями, а другіе величайшими благодѣтелями челоуѣчества, — это направленіе должно неминуемо рухнуть. Исторія, какъ наука, изучаетъ явленія челоуѣческой жизни съ цѣлію строго практической, а вовсе не для того, чтобъ предаваться бесплоднымъ осужденіямъ или восторгамъ. Ей нѣтъ никакого дѣла до того, кто былъ виноватъ — Иванъ или Борисъ, точно такъ, какъ Ивану и Борису ни тепло, ни холодно въ могилѣ отъ того, что потомство будетъ обвинять или превозносить ихъ поступки. Не даромъ римская пословица говорить: *de mortuis aut bene, aut nihil* (о мертвыхъ надо говорить или хорошо или ничего). Въ самомъ дѣлѣ, съ эстетической точки зрѣнія, преобладающей въ полицейски-историческихъ приговорахъ, гораздо лучше хвалить все и всѣхъ, чѣмъ приходиться въ негодованіе и ломать стулья потому, что Александръ Македонскій былъ великій челоуѣкъ. Похвала, какъ чувство пріятное, по крайней мѣрѣ должна сопровождаться хорошими гигиеническими послѣдствіями, а негодованіе положительно вредно для печени историка. И этотъ вредъ, уже вовсе не эстетическій, не вознаграждается ни одной іотой относительной пользы. Положимъ, что потомство заклеимило Разина названіемъ ужаснѣйшаго разбойника, а Юлія Цезаря, какъ страшнѣйшаго честолюбца; но что же изъ этого слѣдуетъ? Кому отъ этого легче? И какой смыслъ можетъ имѣть подобный судъ, когда поворный столбъ для обвиняемаго существуетъ только въ праздномъ воображеніи историка, когда въ дѣйствительности нѣтъ никакого суда и никакого наказанія, а все это пустыя метафоры, не дающія никакого положительнаго вывода. А наука, — будетъ ли то исторія или химія, — безъ положительныхъ результатовъ существовать не можетъ. Если она занимается исследованиемъ прошлой челоуѣческой жизни, въ ея обширномъ историческомъ объемѣ, то главная задача ея состоитъ въ томъ, чтобы найти законы, по которымъ эта жизнь развивалась такъ или иначе. А чтобы доискаться до этихъ законовъ, надо подвергнуть самому строгому анализу всю совокупность явленій, подъ влияніемъ ко-

торыхъ сложилась историческая жизнь того или другого народа. Изучать же человѣка, какъ что-то особенное, не имѣющее никакой связи съ окружающими его явлениями — значитъ выдѣлять его изъ числа предметовъ, доступныхъ наблюденію науки. До сихъ поръ исторія такъ и поступала; изъ всей массы естественныхъ фактовъ, дѣйствовавшихъ на развитіе народа, она брала одно человѣческое общество, а изъ цѣлаго общества однѣ отдѣльныя личности, и на нихъ строила свои уголовные кодексы. Понятно, что при такомъ возрѣніи на исторію, отъ нея нечего было и ожидать, кромѣ эстетическихъ негодований или похвалъ, извлекаемыхъ изъ официальныхъ архивовъ; понятно, что идеализація ея должна была дойти до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что трудно сказать, гдѣ собственно оканчивается иллюзія историка и начинается полное его помѣшательство.

Но вотъ нашелся добрый человѣкъ, англичанинъ Бёкль, который возвращаетъ исторіи ея настоящія права и придаетъ ей значеніе, какъ дѣйствительной наукѣ *). Смерть помѣшала этому великому ученому окончить свой превосходный трудъ, на исполненіе котораго нужны были, кромѣ огромнаго ума, необыкновенное терпѣніе и долгое приготовительное образованіе; но Бёкль успѣлъ въ первыхъ двухъ томахъ положить тотъ основной камень, на которомъ преемники его могутъ строить великолѣпное зданіе исторіи, какъ будущей науки, по готовому уже плану. Вся заслуга Бёкля состоитъ въ томъ, что онъ первый указалъ на тѣ дѣйствующія силы, подъ вліяніемъ которыхъ создается историческая жизнь народовъ. Эти силы заключаются, съ одной стороны, во внѣшней природѣ, пробуждающей первыя понятія человѣка и дающей ему тѣ или другія матеріальныя средства къ жизни; а съ другой стороны, эти силы скрываются въ самомъ человѣческомъ организмѣ, или точнѣе, въ лучшей части его — въ мозгу. Изъ отношенія этихъ двухъ дѣятелей вытекаетъ и развивается та или другая народная жизнь. Тамъ, гдѣ человѣкъ не могъ осилить окружающей его природы, онъ палъ передъ ней жалкимъ рабомъ, и осужденъ влечить это рабство до послѣдней минуты своего историческаго существованія. Къ этой категоріи Бёкль относитъ всѣ восточныя цивилизаціи. Напротивъ, тамъ, гдѣ природа уступила умственнымъ силамъ человѣка, и гдѣ

Объ Исторіи Цивилизаціи въ Англіи — Бёкля подробно говорилось въ „Рус. Словѣ“ за 1863 годъ въ январ., феврал. и мартов. книжкахъ.

онъ оказался полнымъ господиномъ ея, исторія выработала другую жизнь, способную пользоваться свободой, чувствовать ея благодѣянія и идти впередъ. Эта участь досталась на долю народамъ европейскимъ и американскому Сѣверу. Такимъ образомъ, по мнѣнiю Бёкля выходитъ, что не отдѣльныя личности творять исторiю народовъ и не воля человѣка прокладываетъ пути къ тому или другому порядку вещей, а взаимное дѣйствiе физическихъ явленiй и умственныхъ способностей наци. Нѣтъ сомнѣнiя, что у Бёкля осталось множество недосказанныхъ вещей и, можетъ быть, сдѣланы слишкомъ поспѣшные выводы изъ нѣкоторыхъ фактовъ, но послѣ него становится ясно, какъ день, что безъ знанiя естественныхъ наукъ добросовѣстному историку не надо браться за свое дѣло, что для пониманiя отдѣльнаго организма необходимо знать всѣ мѣстныя физическiя условiя, подъ которыми онъ развивался; что наконецъ тѣ таинственныя пружины человѣческой дѣятельности, которыя у идеалистовъ играютъ роль невидимыхъ загулисныхъ снурковъ, суть ничто иное, какъ простые естественные дѣятели матушки-природы.

Благодаря переводу книги Бёкля на русскiй языкъ, она сдѣлалась доступной большинству нашей публики и нашимъ молодымъ историкамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, гг. Щаповъ и Павловъ, немедленно присоединились къ послѣдователямъ Бёкля. Изъ послѣднихъ статей перваго видно, что онъ рано или поздно — смотря по обстоятельствамъ его дальнѣйшей дѣятельности — остановится именно на томъ методѣ изученiя русской исторiи, который представленъ Бёклемъ. Что же касается г. Павлова, то онъ нигдѣ въ печати не заявилъ своего новаго взгляда на исторiю, но мы слышали его лекцiи, въ которыхъ онъ прямо выражалъ свое сочувствiе Бёклю и набрасывалъ планъ своихъ будущахъ работъ, совершенно согласно съ направлениемъ англiйскаго историка. Все это даетъ намъ право надѣяться, что молодые люди, не забытые до тупоумiя и не желающiе дѣлать изъ исторiи пустѣйшую фразеологию, возьмутся серьезно за свой трудъ и, повинувъ Смараговыхъ, Кайдановыхъ, Устряловыхъ и Соловьевыхъ, пойдутъ правильнымъ и въ высшей степени увлекательнымъ путемъ историческихъ занятiй. У кого умъ еще не покрылся плѣсенью рутины, того мы умоляемъ, какъ можно скорѣе, оставить прежнее направление и вдуматься поглубже въ Бёкля. Нечего и говорить, что разработка исторiи на тѣхъ широкихъ началахъ и въ связи со всеми современными от-

крытіями въ области естественныхъ наукъ представляетъ трудъ громадный, но кто же изъ насъ испугается труда, особенно такого, который вознаградитъ полнѣйшимъ наслажденіемъ трезвой мысли и величайшими успѣхами плодотворнаго знанія? Надо бояться и бѣжать только отъ мертваго труда, который унесетъ время, силы, и кромѣ красивыхъ мыльныхъ пузырей, не оставитъ по себѣ никакого живаго слѣда. Пусть же мертвые хоронятъ мертвыхъ, а вы, русскія свѣжія силы, дорожите значеніемъ вашей дѣятельности и обратите ее на пользу общую!

Лучшимъ доказательствомъ того, что Бекль не остался у насъ безъ вліянія, можетъ служить г. Павловъ, котораго монографіи поставлены въ заглавіи этой статьи. Кто бы могъ подумать, что одинъ и тотъ же историкъ написалъ разсужденіе *Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова* въ 1849 году, и послѣ выхода въ свѣтъ книги Бекля читалъ лекціи объ историко-физиологическомъ строеніи общества? Разница между г. Павловымъ 1849 года и г. Павловымъ 1862 г. почти такая же, какая между Беклемъ и г. Касторскимъ. Само собою разумѣется, что время тутъ ничего не значить, потому что степень умственнаго развитія всего меньше обуславливается временемъ; но здѣсь много значить вліяніе той школы, которой слѣдовалъ г. Павловъ. Въ предисловіи къ своему разсужденію онъ говоритъ, что руководителями его въ то время были гг. Кавелинъ и Соловьевъ, и для читателя, мало мальски знакомаго съ образомъ мыслей этихъ почтенныхъ ученыхъ, совершенно достаточно одной этой оговорки, чтобы напередъ знать, какъ будетъ разсуждать г. Павловъ о Борисѣ Годуновѣ. Я даже думаю, что г. Павловъ поступилъ бы очень благоразумно, еслибъ вовсе ничего не написалъ о Борисѣ Годуновѣ, а предупредилъ бы только, что онъ намѣренъ разсуждать о немъ въ духѣ гг. Кавелина и Соловьева, и слѣдов. разсуждать такъ, какъ этого требуетъ извѣстная теорія, къ которой можно прибавить нѣсколько новыхъ фактовъ или переставить старые съ одного мѣста на другое, но сущность дѣла останется та же. Поэтому собственно и разсуждать было не о чемъ. Но нѣтъ, нельзя было не увлечься такой трагической личностію, надъ которой историки и поэты пролили столько слезъ или расточили столько проклятій. Стоитъ только вспомнить, что весь драматизмъ нашей исторіи сосредоточивается около Бориса Годунова, который у Пушкина говорить о себѣ такъ:

Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
 Дни долгіе, дни власти безмятежной;
 Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
 Предчувствую небесный громъ и горе.
 Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
 Въ довольствіи, во славу успокоить,
 Щедротами любовь его снискать;
 Но отложилъ пустое пощеченье:
 Живая власть для черни ненавистна.
 Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
 Безумны мы, когда народный плескъ,
 Иль ярый вопль тревожатъ сердце наше!
 Богъ насылалъ на землю нашу гладь:
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
 Я отворилъ имъ житницы; я злато
 Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
 Они жъ меня бѣснуйся проклинали!
 Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
 Я выстроилъ имъ новыя жилища,
 Они жъ меня пожаромъ упрекали!
 Вотъ черни судъ; нищѣ жъ ея любви!
 Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
 Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ,
 Какъ буря смерть уноситъ женика...
 И тутъ молва лукаво нарекаетъ
 Виновникомъ дочерняго вдовства
 Меня, меня несчастнаго отца...
 Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
 Я ускорилъ Теодора ковчигу,
 Я отравилъ свою сестру царицу,
 Монахиню смиренную... все я!
 Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
 Среди мірскихъ печалей успокоить;
 Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
 Такъ, здравая, она восторжествуетъ
 Надъ злобою, надъ темной клеветою;
 Но если въ ней единое пятно,
 Единое случайно завелось,
 Тогда бѣда: какъ язвой моровой
 Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
 Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
 И все тошнить, и голова кружится,
 И мальчики кровавые въ глазахъ...
 И радъ бѣжать, да некуда... Ужасно!
 Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста.

Вотъ эта загадочная, темная и драматическая личность, надъ которой наши ученые историки производили всевозможныя операціи уголовного суда, не пренебрегая ни одной уликой противъ такого ужаснаго преступника. «Обагрить ли Борисъ Годуновъ свои руки въ крови невиннаго младенца, Дмитрія Углицкаго? спрашивали одни, и рѣшали вопросъ утвердительно.—Нѣтъ, не обагрить, говорили другіе, и завязывался нескончаемый споръ между оппонентами. При этомъ удобномъ случаѣ исписывалось пропасть бумаги, перерывались кучи архивной ветоши, противники горячились и ругались, а дѣло все-таки оставалось не рѣшеннымъ. За тѣмъ начинались розысканія личныхъ свойствъ и характера Бориса Годунова; одни видѣли въ немъ дальновиднаго и опытнаго правителя, который цѣлымъ столѣтіемъ предупреждалъ реформы Петра I; другимъ, напротивъ, казалось страннымъ, какимъ образомъ этотъ дальновидный умъ не предвидитъ самыхъ обыкновенныхъ событій и передъ всякимъ новымъ бѣдствіемъ отстываетъ съ непостижимой трусостью самаго малодушнаго человѣка. Вступая на престолъ, онъ заставляетъ своихъ подданныхъ цѣловать крестъ, что никто изъ нихъ ни колдовствомъ, ни отравой, ни наговорами не учинить надъ государемъ своимъ никакого лиха. Это мелкое подозрѣніе, впоследствии разившееся въ болѣзненную мнительность, преслѣдуетъ *изряднаго правителя* во дворцѣ и въ кельѣ, днемъ и ночью. Онъ не вѣритъ тому же народу, съ которымъ клялся раздѣлить послѣднюю рубашку; онъ подкупаетъ тѣхъ же самыхъ людей, которыхъ обѣщалъ осчастливить; онъ окружаетъ себя доносчиками и шпионами, и одного изъ нихъ Воинна, оклеветавшаго своего господина, жалуетъ своимъ великимъ жалованьемъ, даетъ ему помѣстье и велитъ служить въ боярскихъ дѣтияхъ. «Милость, оказанная Воинку, говоритъ Павловъ, послужила знакомъ къ доносамъ, наушничеству неслыханному.» Самая подлая измѣна и клевета находили себѣ оправданіе. «И бысть, горюеть лѣтописецъ, въ царствѣ великая смута, яко же другъ на друга доводаху, и попы, и чернцы, и пономари, и проскурницы; да не только сіи презреченные людіе, но и жены на мужей своихъ доводиша, а дѣти на отцовъ своихъ, яко отъ тагя ужаста мужіе отъ женъ своихъ таяхусь; и въ тѣхъ окаянныхъ доводѣхъ многія кровн пролишася невинныя, многіе отъ пытокъ помроша, иныхъ казняху, и иныхъ по темницамъ разсылаху, со всѣми дома разоряху, яко же ни при котормъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видя.» Вотъ къ чему пришелъ

дальновидный Борисъ Годуновъ; это былъ тотъ же Иванъ Грозный, съ тѣми же опричниками и наушниками, но менѣе рѣшительный, болѣе трусливый, обратившій открытыя орудія угнетенія въ тайныя и подкупомъ развращенныя. Лицемѣриемъ онъ начинаетъ свое царствованіе, лицемѣриемъ его и оканчивается. Онъ интригуетъ сестру, митрополита, задобриваетъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, распускаетъ ложныя слухи о нападеніи враговъ и въ то же время притворяется нежелающимъ принять власть, которой онъ добивался съ такими не усыпнымъ усердіемъ. Имъ раскинуты сѣти вездѣ, даже подъ ногами его родственниковъ, а онъ надѣваетъ на себя личину невинной жертвы народной воли, будто бы избравшей его на престолъ. И что это за странная комедія, разыгрываемая безъ всякой надобности, при избраніи его на царство. Торжественное шествіе въ Новодѣвичій монастырь, плачь и вопли, заранѣе приготовленныя, перемеживаются съ слѣдующими сценами: «Народъ неволею былъ притгнанъ приставами, нехотящихъ идти велѣно было и бить; приставы понуждали людей, чтобъ съ великимъ кричаніемъ вопли и слезы точили. Смѣху достойно! Какъ слезамъ быть, когда сердце дерзновенія не имѣетъ? Вмѣсто слезъ глаза слюнями мочили. Тѣ, которые пошли просить царицу въ келью, наказали приставамъ: когда царица подойдетъ къ окну, то они дадутъ имъ знакъ, и чтобы въ ту же минуту весь народъ падалъ на колѣни; не хотящихъ били безъ милости.» Все это было извѣстно *изрядному правителю* и заранѣе условлено съ людьми, ему преданными. Что же касается правительственной его дѣятельности, то и здѣсь не много выказано дальновидности и рѣшительнаго такта. Въ сношеніяхъ съ иноземцами Борисъ Годуновъ былъ вообще робокъ и уступчивъ; такъ онъ не сумѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ въ борьбѣ между Польшею и Швеціею, напрасно пытался вовлечь Австрію въ войну съ Сигизмундомъ, уступалъ крымскому Хану и потерялъ всякое вліяніе на Кавказѣ. И здѣсь, какъ и во внутреннихъ дѣлахъ, Годуновъ дѣйствовалъ посредствомъ хитрости, иногда до того наивной, что даже въ то время она могла показаться болѣе смѣшной, чѣмъ серьезной. Покровительство ливонскимъ нѣмцамъ и почетный приемъ ихъ въ Россіи не имѣли никакого практическаго результата; прежняя мечта о приобрѣтеніи балтійскаго берега такъ и осталась мечтой. Единственнымъ фактомъ, говорящимъ въ пользу правительственныхъ соображеній Годунова, могло бы послужить его стремленіе

къ сближенію Россіи съ западною Европою, откуда онъ думалъ пересадить умственное образованіе. Но и тутъ поштыи его омоничились полумѣрами, неизмѣнными ясно-опредѣленнаго характера. Когда Годуновъ намѣревался вызвать европейскихъ ученыхъ, то духовенство заговорило, что востанетъ смута по землѣ, называло царя «потаковникомъ» иноземцевъ, а старикъ Іовъ, «вѣдѣ сѣмѣна лунавствія, сѣмѣны въ виноградѣ Христовомъ... ниву ту не добрую обливалъ слезами». Годуновъ уступилъ и этому сопротивленію; онъ ограничился только иностранцами докторами, необходимыми ему при его мнительномъ характерѣ. Настоялъ онъ еще на томъ, чтобы отправить 18 молодыхъ людей въ чужіе края—учиться языкамъ, но изъ нихъ воротился домой только одинъ, а другіе остались навсегда за границей... Поэтому можно судить, какъ съ одной стороны было велико желаніе въ молодомъ поколѣніи усвоивать плоды европейскаго образованія, а съ другой какъ этому желанію противодѣйствовало закоренѣлое невѣжество общества. Слѣпая и рабская приверженность къ старинѣ была такъ бессмысленна, что бритье бороды, дозволенное Годуновымъ, возбуждало ропотъ въ почтенныхъ отцахъ и считалось злою ересью. Народъ, разувѣется, былъ равнодушнымъ зрителемъ этихъ нововведеній, насаждаемыхъ въ благочестивомъ вертоградѣ, но духовенство и свѣтскіе сторонники стараго кориджа ненавидѣли и подозрительно смотрѣли на всякую перемѣну. Ясно, что при такомъ настроеніи умовъ, нельзя было дѣйствовать полумѣрами для распространенія дѣйствительно полезнаго образованія. И не съ характеромъ Бориса Годунова долженъ былъ стоять человекъ въ головѣ этого новаго движенія, котораго необходимость давно чувствовалась самимъ правительствомъ.

Но ни въ чемъ не выразилась такъ рѣзко близорукая политика Бориса Годунова, какъ въ закрѣпленіи крѣстьянъ. Г. Павловъ видитъ въ этомъ распоряженіи такую глубину Годуновской мысли, такую прозорливую сообразительность, что какъ будто этимъ рѣшалась величайшая задача исторіи, насущная потребность времени. Отмѣна юрьева дня, по мнѣнію г. Павлова, была неминуемымъ вопросомъ тогдашней эпохи и согласовалась съ финансовыми интересами государства; только при осѣдломъ состояніи податное сословіе могло выплачивать правильно налоги. Но еслибъ дѣйствительно и были такіа соображенія у Бориса Годунова, то ужъ никакъ нельзя назвать ихъ дальновидными; потому что правительство, рѣшившееся на

такой громадный переворотъ, или дѣйствовало безъ всякихъ соображеній или же имѣло нѣкакого понятія о тѣхъ экономическихъ затрудненіяхъ, въ которыя оно ставило и себя и послѣдующія поколѣнія. Отдать производительные классы въ зависимость отъ богатѣющихъ и мелкопомѣстныхъ владѣтелей — значило остановить на долго развитіе промышленныхъ силъ и оказать очень дурную услугу государственнымъ финансамъ. Свободный трудъ, при самыхъ плохихъ условіяхъ, всегда лучше крѣпостнаго труда: это понималъ и Борисъ Годуновъ. Отиная пошлины и облегчая доступъ иностраннымъ купцамъ въ предѣлы Россіи, онъ тѣмъ самымъ показалъ, что сознаніе о свободной дѣятельности существовало и въ его время. Но какъ же согласить эту мѣру съ закрѣпленіемъ многочисленнаго сословія русскихъ работниковъ и производителей? Въ одномъ случаѣ Годуновъ освобождаетъ, а въ другомъ закрѣпляетъ: гдѣ же тутъ государственная логика, на которую такъ любятъ ссылаться наши историки? Сама осѣбность земледѣльческаго класса не достигалась этой насильственной мѣрой, которая впоследствии вызвала бурную реакцію въ самозванцахъ, въ бродячихъ толпахъ, селившихся на украинкахъ, въ періодическія нашествія голода и мора. Нищество и разбой сдѣлались послѣ Годунова обыкновенными явленіями нашей исторіи, и государственная казна при его преемникахъ вовсе не обогатилась отъ закрѣпленія. Если же Годуновъ имѣлъ въ виду только одни личные интересы, — пріобрѣтеніе прежняго ему сословія въ служившихъ людяхъ, надѣленныхъ крѣпостными работниками, то за чѣмъ же эти интересы придавать дальновидныя государственныя цѣли?

Такимъ образомъ, въ характерѣ и въ дѣятельности Годунова напрасно станемъ искать самостоятельности и дальновидности, которую навязываютъ ему нѣкоторые историки. Онъ былъ вполнѣ пронаведеніемъ Ивана Грознаго и только имѣлъ несчастіе жить въ то время, когда наступила расплата за угнетеніе его предшественника; Годуновъ, воспитанный среди боярскихъ враждъ, среди неслыханныхъ злодѣлій, совершавшихся на его глазахъ, не могъ возвыситься до бескорытнаго взгляда на ту землю, которая пріютила его предка-татарина; не могъ онъ спокойно и увѣренно всходить на ступени престола, окруженный ненавистью старинныхъ княжескихъ и родовыхъ семействъ, смотрѣвшихъ на него, какъ на убійцу послѣдняго Рюриковича и какъ на выскочку. Отсюда — и всё противорѣчіе этого темнаго характера и достойная боязнь за свою жизнь

и за свою власть. Намъ нѣтъ дѣла до внутреннихъ побужденій Бориса, хотя бы они были самыми лучшими, но если поступки не оправдывали ихъ, то исторія не можетъ оправдать и самого дѣятеля. Влагія начинанія еще не много значуть, когда въ результатѣ ихъ остается нуль. Но чтобы удовлетворительно объяснить характеръ Бориса Годунова, надо обращаться не къ личнымъ его свойствамъ, а къ основательному и подробному изученію той эпохи, созданіемъ которой онъ былъ; надо знать, какіе люди и какія обстоятельства влияли на судьбу Годунова и приготовили ему извѣстное историческое положеніе. Въ сожаленію, наши историки не сдѣлали даже попытки въ этомъ отношеніи. У нихъ выходитъ, что Годуновъ создалъ свое время и тогдашнюю Россію, а не время и Россія создали Бориса Годунова. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Соловьевъ, въ характерѣ челоѣка, возсѣдшаго на престолѣ Рюриковичей, заключалась возможность начала смуты». Выходитъ, что одинъ челоѣкъ взбаломутилъ всю русскую землю. Выходитъ, что такіе историки смотрятъ на историческую жизнь, какъ на сборникъ біографическихъ очерковъ и занимаются больше отдѣльными личностями, чѣмъ общими событіями, выдвигающими на сцену тѣхъ или другихъ дѣятелей. Чтеніе—легкое и пріятное, но совершенно бесполезное, потому что ровно ничего не объясняетъ въ исторической жизни народа. Можно было надѣяться, что г. Соловьевъ представитъ намъ эпоху Годунова, одну изъ самыхъ драматическихъ и интересныхъ эпохъ, въ болѣе ясномъ свѣтѣ, чѣмъ это было до него, но увы! та же рутина, тотъ же взглядъ протоколиста, какъ и у его собратьевъ. Есть множество фактовъ, большая начитанность, есть и связь между рассказываемыми событіями, но нѣтъ той критической мысли, которая одушевляла бы рассказъ историка и доказывала бы, что въ жизни русскаго народа, кромѣ отвлеченной государственной идеи, есть и другія дѣятельныя силы. Послѣ этого очевидно, что главнѣйшій недостатокъ нашей исторической науки заключается въ самомъ методѣ ея изученія, въ самомъ возрѣніи на собранные уже матеріалы. Обновленія этого труда мы можемъ ожидать только отъ нашихъ молодыхъ историковъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что «Тысячелѣтіе Россія» г. Павлова значительно разнится по взгляду на предметъ отъ его вышеприведенной книжки. Здѣсь мы уже не видимъ прозорливаго и благодѣтельнаго Бориса Годунова, но *чрезвычайно мелочнаго и подозрительнаго*, оставляющаго Россію въ виду кровавыхъ событій, среди

повсемѣстнаго разора и голода. По всему замѣтно, что г. Павловъ разочаровался во многомъ и готовъ отступить отъ своей прежней теоріи, съ высоты которой онъ посматрѣлъ на исторію въ его разсужденіи о Борисѣ Годуновѣ. Только мы не понимаемъ, за чѣмъ «Тысячелѣтіе Россіи», напечатанное въ мѣсяцесловѣ 1862 года и слѣдовательно распространенное въ огромномъ числѣ экземпляровъ, издамо отдѣльно г. Яковлевымъ. Кромѣ того, что краткіе историческіе очерки совершенно бесполезная роскошь тамъ, гдѣ нѣтъ десятка хорошаго учебника по исторіи, изданіе еще рискуетъ остаться въ кладовой издателя, при всеобщемъ нашемъ желаніи полнаго успѣха этой полезной книжки.

Г. В.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Новый журналъ: «Заграничный Вѣстникъ» 1864. Январь и февраль. Изд. Воль-
 ова. Спб. — Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ Лекція К. Фохта. вып. 2. Изд.
 Гайдебурова. Спб. 1864. — Человѣкъ. Мѣсто его въ міроустроеніи и въ исторіи
 земли. Сочиненіе К. Фохта. Переводъ д-ра Каншина. вып. 1 и 2. Изд. Воль-
 ова. Спб. 1864. — Человѣкъ. Таинственныя явленія нравственной и физической
 его природы. Прохождение и первобытная исторія рода человеческого; по-
 степенный переходъ людей изъ естественнаго состоянія къ цивилизаціи. Попу-
 лярное изложеніе Э. Циммермана. вып. 1 и 2. Изд. Вольова 1864. — Э. А. Рос-
 сиецслеръ. Значеніе естественныхъ наукъ въ образованіи и преподаваніи ихъ
 въ школахъ. Перев. съ нѣмецкаго съ предисловіемъ А. Пыпина. Спб. 1864. —
 Юліанъ Шмидтъ. Исторія французской литературы. Выпуски 3 и 4. Изд. Ти-
 блена. Спб. 1863-64. — Обзоръ англійской литературы XIX столѣтія Юліана
 Шмидта. Спб. 1864. — Женщина. Соч. Ж. Мишле. Изд. Великанова. Одесса.
 1863. — Кіевъ. Его святыня, древности, достопамятности и свидѣнія, необхо-
 димыя для его почитателей и путешественниковъ. Н. Семеновскаго. Кіевъ.
 1864. — Сочиненія Генриха Гейне въ переводѣ русскихъ писателей подъ
 редакцію Петра Вейнберга. Т. I. Спб. 1864.

Прежде тѣмъ я успѣлъ сообщить читателямъ о появленіи новаго
 журнала: «Заграничный Вѣстникъ», достоинства его уже получили
 одну изъ тѣхъ лестныхъ рекомендацій передъ публикой, по кото-
 рымъ она привыкла судить о свойствахъ журналовъ. Я говорю объ
 инсинуаціяхъ на счетъ этого изданія со стороны «Русскаго Инвали-
 да». Впрочемъ, распространяться объ этомъ было бы излишне,
 потому что во-первыхъ, подобныя факты уже давно перестали
 удивлять, а во-вторыхъ, случаи этотъ подробно разбирались въ

«Современникъ». Но упомянуть объ этомъ необходимо, чтобы сразу зарекомендовать читателямъ новый журналъ, такъ какъ нападки нашихъ ежедневныхъ газетъ могутъ служить однимъ изъ свидѣтельствъ въ пользу того, на что они нападаютъ. Въ этомъ отношеніи ни одна изъ нихъ не можетъ служить исключеніемъ.

Такимъ образомъ, предубѣжденный въ пользу «Заграничнаго Вѣстника», я хочу взглянуть на него поближе, и въ этомъ случаѣ не могу не сказать, что заключеніе мое, выведенное à priori, не преминуло подтвердиться. Выборъ статей очень хорошъ; достаточно сказать, что въ вышедшихъ доселѣ 2 книжкахъ (январь и февраль) помѣщены между прочимъ: статья Бергло: «Наука положительная и Наука идеальная»; рѣчь Брокá: «Современное движеніе въ антропологии»; рѣчь Модешотта: «Единство жизни». Отдѣлъ «Европейская жизнь», составленный въ первой книжкѣ не совсѣмъ удовлетворительно, очень хорошъ за то во второй, чего и слѣдовало ожидать отъ энциклопедическихъ свѣденій редакціи. Однако я не могу вполне одобрить всѣхъ ея выборовъ и считаю страннымъ помѣщать въ журналѣ крѣпкіе образчики, вырѣзанные изъ большихъ сочиненій. Таковъ напр. отрывокъ (8 страницъ) изъ большаго труда Нейманна (Исторія Соединенныхъ штатовъ). Трудно понять, чѣмъ руководствовалась редакція, помѣщая этотъ отрывокъ: интересу онъ возбудить не можетъ, такъ какъ вообще сочиненіе Нейманна можетъ быть любопытно въ цѣломъ, представляя много любопытныхъ фактовъ, отчасти совершенно новыхъ, отчасти же обработанных и проверенныхъ; но оно написано такъ плохо въ литературномъ отношеніи, такъ сухо и вяло, что отрывокъ ни самъ по себѣ, ни въ отношеніи всего сочиненія не можетъ возбудить любопытства въ читателяхъ. Совершенно бесполезно также помѣщать, какъ введеніе къ нему, статью Арндта: «Происхожденіе Соединенныхъ Штатовъ». Поэтому я позволяю себѣ посоветовать почтенной редакціи воздержаться на будущее время отъ печатанія подобныхъ отрывковъ тѣмъ болѣе, что въ заграничной литературѣ существуетъ множество чрезвычайно любопытныхъ историческихъ монографій, по объему удобныхъ для помѣщенія цѣликомъ въ «Вѣстникъ». Разборъ статей, помѣщенныхъ въ вышедшихъ книжкахъ этого журнала, я считаю дѣломъ излишнимъ. За достоинство названныхъ мною выше ручаются имена ихъ авторовъ. Мнѣ же остается только пожелать новому органу успѣха и счастья въ борьбѣ съ тѣми затрудненіями, которыми такъ неизбеж-

ны на избранной или дорогѣ. Прибыль всякой новой и болѣе сильной силѣ среди нашей журнальной нафееи есть такое приобретѣніе, которому нельзя не порадоваться. Какія бы золотыя горы ни сулили намъ силливисимы отъ нашей *самолюбивости*, но развитіе и обновленіе нашей умственной жизни находится въ прямомъ отношеніи къ усвоенію современныхъ идей, выработанныхъ европейской наукой и литературой. Потребность эта начинается чувствоваться въ самомъ обществѣ, потому что невольніе иностранныя книги въ русскомъ переводѣ увеличиваются съ каждымъ днемъ, и подаетъ надежду, что знаніе, въ его утилитарномъ значеніи, наконецъ сдѣлается для насъ дѣйствительною силой въ числѣ другихъ общественныхъ силъ. О выходѣ Дарвина и Гензели, двухъ знаменитыхъ естествоиспытателей нашего времени, я уже заявилъ; теперь вышли «Летима» Милля (3 вып.) и «Древность человека» Лийеля. Однако на этотъ разъ я буду говорить съ читателями лишь о дальнѣйшихъ выпускахъ изданій, начатыхъ еще въ прошломъ году. Такъ, недавно вышелъ 2-й выпускъ «Лекцій» Фохта, изд. Гайдебурова, которымъ означивается 1-й томъ этого въ высшей степени увлекательнаго сочиненія. Рядомъ съ этимъ изданіемъ его идетъ другое изданіе Вольфа, и по этому факту можно судить, что публика понаучилась таки судить о достоинствахъ западной науки и литературы вопреки почвенникамъ. Изъ двухъ изданій, Вольфовское вдвое дешевле; за то изданіе г. Гайдебурова изыщнѣе, что впрочемъ не относится до рисунковъ, которые почти одинаковы. За то переводъ перваго (принадлежащій г. Ваншину) несравненно лучше не только по терминологіи, но и по точности и близости къ подлиннику. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разница между ними удивительная...

Г. Гайдебуровъ приложилъ къ своей книжкѣ каталогъ своего магазина, предшествующій краткииъ, но сильнымъ воззваніемъ къ читателямъ изданныхъ имъ «Лекцій» Фохта. Въ воззваніи этомъ онъ оправдывается въ томъ, что имѣлъ «весьма естественное желаніе — воспользоваться тѣмъ, что въ немъ есть хорошаго и извлечь изъ этого ...ну хоть выгоду для себя». Онъ полагаетъ, что это желаніе «нельзя ставить ему въ вину». И въ самомъ дѣлѣ, за что напинулись на г. Гайдебурова? Пускай себѣ не только желаетъ, но и дѣйствительно эксплуатируетъ свои достоинства, пускай извлекаетъ выгоды изъ себя для себя. Что жъ тутъ предосудительнаго? Далѣе г. Гайдебуровъ общается «триста

тысячъ разъ» (ей-Богу не лгу) повторить одну и ту же фразу печатно; онъ клянется, что фраза эта будетъ «самыхъ неприличныхъ свойствъ» (съ мѣста не сойти, если лгу). Что жъ, и въ этомъ я не вижу ничего предосудительнаго, отчего не повторить, если желаніе есть, желаніе хотя не совсѣмъ естественное, но котораго въ вину тоже нельзя ставить. Будетъ даже очень пріятно услышать обещанную фразу, если она будетъ сопровождать какое нибудь столь же хорошее изданіе, какъ Лекціи Фохта.

Книга Циммермана: «Человѣкъ. Таинственные явленія нравственной и физической его природы», есть одна изъ самыхъ нелѣпыхъ книгъ, какія мнѣ случалось видѣть. Она очевидно претендуетъ на научное, хотя и популярное изложеніе. Въ ней говорится и о Дарвинѣ, и о Древности человѣка, и о положеніи его въ ряду организмовъ, трактуется и объ эмбриологій, и объ антропологій, однимъ словомъ о всѣхъ наукахъ и вопросахъ, занимающихъ современныхъ образованныхъ людей. Но было бы лучше, еслибъ говорилось только о людяхъ съ хвостами, о высокихъ свойствахъ человѣка, о его безоружности и т. п., потому что тогда она бы не вовлекала по крайней мѣрѣ въ заблужденіе. Впрочемъ заблужденіе и безъ того разсѣивается при первомъ взглядѣ на книгу, а особенно на рисунки, которыми Циммерманъ подкрѣпляетъ свои мнѣнія. Вообще объ умственныхъ способностяхъ своихъ читателей онъ самаго нелестнаго мнѣнія, и нѣтъ такой простой вещи, которую бы онъ довѣрялъ ихъ соображенію. Говоритъ онъ, напримѣръ, о томъ, что негры имѣютъ привычку носить разные предметы на головѣ. Сказавъ это, онъ прилагаетъ рисунокъ, гдѣ изображены негрятянки: у одной на головѣ зонтикъ, у другой блюдо, у третьей — яблоко, а внизу подпись: *негры все носятъ на головѣ*. Тѣмъ не менѣе книга эта могла бы распространить кое-какія полезныя свѣдѣнія между людьми, пониманію которыхъ другое чтеніе недоступно. Въ виду истребленія хотя одного предрасудка можно, пожалуй, прибѣгать къ заманчивымъ заглавіямъ въ родѣ: «Люди съ хвостами» и рисовать какія-то привидѣнія. Но въ несчастію цѣль эта совершенно недостигнута, такъ какъ въ книгѣ не осталось ничего порядочнаго, а въ замѣнъ того сдѣланы примѣчанія, отличающіяся юмористическимъ характеромъ и полнымъ отсутствіемъ смысла.

Кромѣ разсужденій о людяхъ съ хвостами, можно прочесть еще у Циммермана игривыя соображенія касательно того, что бы было, ес-

любъ у людей были копыта или когти на оконечностяхъ. По этому поводу онъ говорить между прочимъ:

„Но увы! какой участи подверглись бы мои читатели, не будь на свѣтѣ типографскихъ наборщиковъ: львиными или медвѣжьими когтями нельзя захватывать мелкій шрифтъ, что мѣшало бы и мнѣ издать эту книгу, которой впрочемъ я не въ состояніи былъ бы написать, украшенный отъ природы красными когтями. Какія сокровища пропали бы тогда для человѣчества“. (стр. 147).

Итакъ сочиненіе Циммермана есть сокровище! Нечего сказать, замѣчательная скромность автора. Но напрасно онъ рисуетъ эту печальную картину, потому что писать можно не только съ медвѣжьими когтями, но и съ ослиными копытами, что, какъ нельзя убѣдительно, доказываютъ примѣчанія, сдѣланныя къ переводу его книги.

Одинаково нецѣпы и *таинственныя явленія*; онѣ оказываются пуфомъ, основаннымъ на спекуляціи, отъ которой я предостерегаю своихъ читателей, могущихъ увлечься зрѣлищемъ таинственного незнакомца, одѣтаго въ простыню, изображеннаго на оберткѣ. Кажется, намъ можно было бы обойтись и безъ *таинственныхъ явленій* Циммермана, потому что подобныхъ книгъ, рассчитывающихъ на простоту и невѣжество покупателя, у насъ и безъ того слишкомъ много, такъ много, что пруди ими хоть Балтійское море.

Книжка Росмесслера о значеніи и преподаваніи естественныхъ наукъ, изданная г. Пыпинымъ, содержитъ въ себѣ много очень дѣльныхъ совѣтовъ и указаній. Я полагаю, что теперь уже окончательно не можетъ быть спора между мало-мальски порядочными людьми о томъ, какое значеніе должно имѣть въ преподаваніи и воспитаніи естествознаніе. Отвѣтъ на подобный вопросъ возможенъ только одинъ: *главное*. Это не требуетъ теперь никакихъ доказательствъ, и доводы Росмесслера не прибавляютъ ничего новаго въ пользу этой неопровержимой истины, окончательно установленной еще Георгомъ Форстеромъ. Дѣло теперь не въ томъ, чему прежде всего учить ребенка, а въ томъ, какъ преподавать естествознаніе. Не говоря уже о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, нельзя сказать, чтобы и у нѣмцевъ

дѣло это было вполнѣ разъяснено и обезпечено, и тамъ пока все зависитъ отъ личности учителя, потому что школьное преподаваніе основано на началахъ не совсѣмъ разумныхъ. Если теперь многіе убѣдились въ томъ, что преподаваніе должно быть опытнымъ, нагляднымъ, то цѣли этой достигли еще очень немногіе. Кромѣ того Росмесслеръ справедливо возражаетъ противъ буйвалянаго пониманія слова *нагляднымъ*, вслѣдствіе чего, какъ онъ справедливо замѣчаетъ, дѣло превращается въ бессмысленное глазнѣе. Дѣло въ томъ, что надо упражнять не только зрѣніе, но и другія чувства ученика, потому что только тогда до его мозга будутъ доходить правильныя представленія. «Учитель,» говоритъ Росмесслеръ, «всегда долженъ имѣть въ виду при наглядномъ обученіи три вещи: *изощреніе чувствъ, упражненіе различающаго взгляда и образованіе вкуса.*» Но при настоящемъ способѣ преподаванія совмѣстное упражненіе всѣхъ чувствъ ребенка невозможно: для этого оно имѣетъ два недостатка. Во-первыхъ оно производится въ четырехъ стѣнахъ, при помощи несамостоятельнаго наблюденія живой природы, а картинъ, чучель и образцовъ, показываемыхъ учителемъ. Безъ этого конечно нельзя обойтись ни въ какомъ случаѣ, но это важно и полезно лишь какъ объясненіе того, что ребенокъ воспринимаетъ непосредственно среди живой обстановки. Во-вторыхъ, въ школахъ доселѣ преподаются дѣтямъ естественныя науки, а не естественная наука, какъ говоритъ Росмесслеръ. Это ведетъ за собой то, что ребенокъ получаетъ не цѣльное представленіе о природѣ, представленіе, объясняющее ему все, что онъ доселѣ наблюдалъ и видѣлъ, не отдавая себѣ отчета, а рядъ наукъ, имѣющихъ въ его глазахъ мало связи между собой и дающихъ ему прежде объясненія оторванныхъ предметовъ массу сухого знанія. Росмесслеръ желаетъ, чтобы естественныя науки были предоставлены университетамъ. Дѣтей же нужно наводить на разсматриваніе естественныхъ явленій и объяснять имъ ихъ въ полной и стройной картинѣ.

Совѣты, а въ особенности указанія на учебныя средства, предлагаемыя Росмесслеромъ, могутъ быть драгоцѣнны для учителей. Но именно здѣсь, когда мы доходимъ до практической стороны дѣла, здѣсь-то и встрѣчаютъ массу затрудненій; здѣсь многіе учителя должны будутъ прійти къ грустному убѣжденію, что дѣло вовсе не такъ легко и удобовыполнимо, какъ представляетъ его Росмесслеръ, и отъ разочарованія должно особенно постигнуть русскихъ учителей.

Конечно къ деревнямъ и уѣзднымъ городамъ не надо далеко ходить, чтобы встрѣтить природу, и умный учитель съумѣетъ воспользоваться тѣми средствами, которыя найдетъ (хотя нельзя не сказать, что для этого нужны опытность, сноровка и даже особенный талантъ, такъ какъ придется дѣлать многое съ ничтожными средствами). Но учитель въ большомъ городѣ лишень даже и этой первой и необходимой помощи; его ученики видѣли только природу грязныхъ и пыльных улицъ, или тощихъ бульваровъ. На что же послужать ему совѣты Росмесслера? Я не буду уже говорить о нищетѣ, въ которой находятся наши сельскіе и уѣздные учителя, и объ умственной неравнѣности многихъ изъ нихъ: это завлекло бы меня слишкомъ далеко. Я скажу только, что если и найдутся между ними люди, горячо преданные своему дѣлу и умѣющие вѣстись за него съ тѣми ничтожными средствами, которыя у нихъ подъ руками (и которыхъ увы! слишкомъ недостаточно для заведенія всѣхъ геогностическихъ, минеральныхъ, ботаническихъ и зоологическихъ коллекцій, рекомендуемыхъ Росмесслеромъ), то для общества въ этомъ нѣтъ никакого утѣшенія, и оно было бы смѣшно, еслибы въ упованіи на то, что найдутся такіе учителя, успокоилось совѣтами Росмесслера. Въ его взглядѣ есть одинъ важный промахъ: онъ полагаетъ, что народное воспитаніе можетъ быть дешевымъ. Эту мечту надо выбросить вонъ изъ головы и убѣдиться разъ навсегда, что на мѣдныя гроши нельзя обучать, что воспитаніе потребуетъ большихъ расходовъ и что успѣхъ преподаванія стоитъ въ тѣсной связи съ затраченными на него средствами. Общество и безъ того знаетъ, что можно пожинать плоды, ничего не посѣявъ; оно и на воспитаніе смотритъ, какъ на земледѣіе, то есть наравитъ побольше взять, поменьше дать. Воспитаніе для него дѣло второстепенное; большинство учить дѣтей кое-какъ, и шить имъ дорогія платья, потому что не понимаютъ, что и въ воспитаніи успѣхъ соответствуетъ пожертвованію. Это одно изъ самыхъ жалкихъ и грустныхъ заблужденій, которое надо искоренять, а не поддерживать. Надо сказать обществу, что откуда его главные средства не будутъ идти на воспитаніе дѣтей, откуда послѣдніе будутъ учиться на что Богъ послалъ, до тѣхъ поръ оно не можетъ ни на что рассчитывать, потому что уповать на добродѣтели и умъ учителей и на способности учениковъ — нельзя. Если общество хочетъ развитія, пускай дастъ денегъ, а не хочетъ платить, то пускай по крайней мѣрѣ знаетъ, что

образованность и просвѣщеніе не про него писаны. А то вѣдь чего захотѣли, даромъ научиться. Что нужнѣе и полезнѣе, то и должно идти впереди. Если мы хотимъ воспитывать и учиться на мѣдный грошъ, то значить—больше мѣднаго гроша и не стоимъ.

Изъ двухъ выпусковъ «исторіи французской литературы» Ю. Шмида, послѣдній, который оканчивается I-й томъ, можетъ служить подтвержденіемъ всего сказаннаго мною объ этой книгѣ при разборѣ двухъ первыхъ ея выпусковъ. Здѣсь идетъ рѣчь о публицистахъ, историкахъ, философахъ и критикахъ первой половины XIX вѣка. Всѣ эти господа занимались или историческими памфлетами противъ XVIII в., или опроверженіемъ его философіи, или наконецъ, въ качествѣ публицистовъ, практически дѣйствовали въ политической жизни, враждуя въ рѣчахъ, брошюрахъ и журналистикѣ съ наследствомъ, оставленнымъ Франціи прошлымъ столѣтіемъ. Эту дѣятельность Ю. Шмидтъ называетъ почему-то примирительной. Конечно писатели, о которыхъ онъ говоритъ въ этой части своего сочиненія, не были такими отчаянными фанатиками, какъ де—Местръ, но и примирительнаго въ нихъ ничего не было. Это была реакція не инквизиціонная и не ультрароялистская, а буржуазная, дѣйствовавшая не огнемъ и мечемъ, а подавляющимъ гнетомъ своей жалкой посредственности. Но вся дѣятельность ихъ имѣетъ смыслъ именно какъ буржуазная реакція, наступившая вслѣдъ за реакціей аристократической; это заставляетъ историка безпрестанно обращаться для оцѣнки ихъ къ разсужденіямъ о революціи, и здѣсь въ полномъ блескѣ проявляется его тупая вражда къ прошлому, ко всему, что выходитъ изъ предѣловъ золотой или мѣщанской середины.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что голова Ю. Шмида не перевариваетъ такихъ сложныхъ и мировыхъ событій, какъ старая французская революція, но онъ доходитъ въ этихъ случаяхъ до крайнихъ предѣловъ смѣшнаго. Кажется, что цѣль его состоитъ не въ оцѣнкѣ французской литературы XIX вѣка, а въ косвенномъ порицаніи, посредствомъ сближеній, примѣровъ и аналогій умственнаго движенія XVIII столѣтія. Заговорить ли онъ о Ламартинѣ, — смотришь, поражаетъ его тѣмъ, что уподобляетъ Робеспьеру. Ламартинъ и Ро-

беспьеръ! Кому придетъ въ голову отыскивать между ними сходство? А между тѣмъ Ю. Шмидтъ говорить прямо:

„Въ признавіи демократическаго принципа Ламартина доходитъ даже до прославленія Робеспьера“...

и въ отищеніе за это вольнодумство рѣшается поразить Ламартина, проводя параллель между нимъ и Робеспьеромъ:

„Если взглянуть попристальнѣе, то, не смотря на совершенную противоположность темпераментовъ этихъ двухъ личностей, съ удивленіемъ можно замѣтить между ними нѣкоторое сходство. Оба доходятъ постепенно до уничтоженія смертной казни; оба высказываютъ въ большей части своихъ рѣчей благороднѣйшія и милосерднѣйшія воззрѣнія о значеніи гуманности; оба въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ умѣютъ дѣлать нужныя ограниченія. Въ короткій періодъ своего пребыванія во главѣ дѣлъ, Ламартинъ доказалъ, что могъ бы идти рука объ руку съ террористами“. (вып. IV стр. 36).

Правда, за тѣмъ онъ спохватился, и объявляетъ, что далѣе этого сравненіе нельзя вести; но отводитъ душу еще разъ, сравнивъ Ламартина съ главою террористовъ, въ чемъ бы вы думали?—въ «деликатности привычекъ!» (стран. 29).

Историкомъ этого періода онъ порицаетъ, или одобряетъ, смотря по тому, какъ они относились къ великому перевороту. Если кто изъ нихъ не восклицаетъ на каждомъ шагѣ о «злодѣяннѣхъ шайки разбойниковъ», о «кровожадности тирановъ», о «неистовствѣ черни», если кто не выражается въ родѣ слѣдующаго:

„Шайка разбойниковъ, которая обращалась съ Франціей, какъ съ завоеванной страной, распалась, она вцѣпились другъ другу въ волосы“ и т. д. (стр. 329),

то тому нечего и ожидать хорошей отмѣтки отъ благоусмотрѣнія критика. Въ этомъ отношеніи онъ беспощаденъ, и нелѣпостямъ его нельзя отказать только въ послѣдовательности. Онъ бранитъ не только Мишле и Блана, даже не только Бюше и Ру, но гнѣвается и на Тьера и даже на Минье. Похвалы удостоены только Барантъ. Онъ доходитъ до того, что на одну доску съ Histoire de la Revolution Мишле ставитъ жалкій пасквиль, сочиненный Ламартиномъ, подъ названіемъ: «Исторія жирондистовъ», вѣроятно за то, что тамъ еще слишкомъ недостаточно клеветы и искаженія исторической правды. Но не смотря на забавную ненависть къ людямъ террора, благонамѣренность Шмидта на столько послѣдовательна, что онъ соглашается съ

Наде, что «опасно» дать свидетельство въ добропорядочномъ поведеніи Шарлотты Корде.

По мѣрѣ того, какъ авторъ отъ 93 года приближается къ 48-му, въ его филиппикахъ революція и демокри все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто социализму, о которомъ разсужденія его отличаются крайнимъ непониманіемъ дѣла.

Хороши также нѣкоторыя замѣтки о писателяхъ XIX вѣка. Известно, напримѣръ, каждому, что Тьеръ до того дописался о Наполеонѣ и его войнахъ, что не только изучилъ военныя науки, не только вообразилъ себя великимъ полководцемъ, но даже дошелъ до того, что пересталъ различать, гдѣ кончается онъ самъ, и гдѣ начинается Наполеонъ. Когда маленький спекуляторъ помѣшался на этой idée fixe, то надъ нимъ и его наполеоновскими позами и изрѣченіями не мало насмѣхались. Вдругъ Ю. Шмидтъ объявляетъ, что не можетъ не видѣть нѣкотораго сходства между Наполеономъ и Тьеромъ, на томъ основаніи, что Наполеонъ былъ величайшій геній, а Тьеръ, лучшій изъ его историковъ!

Не одобряетъ также Шмидтъ эмансипаціи женщинъ, и вѣроятно не преминетъ поговорить объ этомъ, когда рѣчь зайдетъ о Жоржъ Зандѣ. То-то наговорить хорошихъ вещей, ради вящаго удовольствія нашихъ доморощенныхъ Ю. Шмидтовъ!

Читатели вѣроятно придутъ въ справедливое изумленіе, если я, послѣ всего сказаннаго о книгѣ Шмидта, начну хвалить ее. Однако это необходимо, и каковы бы ни были недостатки I тома этого сочиненія, они вполнѣ вознаграждаются слѣдующимъ. Дѣло въ томъ, что въ 1-й книгѣ II тома рѣчь идетъ о французской поэзіи XIX вѣка, и здѣсь Ю. Шмидту приходится имѣть дѣло съ менѣе замысловатыми вопросами. О движеніи XVIII вѣка и о Робеспьерахъ рѣчь почти не заходитъ, и историкъ, освобождаясь отъ своей негнѣпой боязни и ненависти къ совершившимся событіямъ и къ мертвымъ дѣятелямъ, оказывается человекомъ съ смысломъ. Сужденія его необыкновенно мѣтки и справедливы, примѣры рѣзки, и ему удается возвыситься до настоящаго, неподдѣльнаго остроумія. Надо сознаться, что немногіе смотрятъ на этотъ предметъ такъ глубоко и правдиво, какъ Ю. Шмидтъ. Это тѣмъ страннѣе, что въ первомъ томѣ онъ не только впадалъ безпрестанно въ тривиальный тонъ, но и изумлялъ пошлостями и вздорными мнѣніями, даже разсуждая о предметахъ, повидимому немѣющихся отношенія къ политикѣ, какъ напри-

миръ с следствъ Тьера и Наполеона I. Въ немъ замѣчальна наконецъ недостатокъ свѣдѣній, и совершенное отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ, о чемъ я уже говорилъ въ июльской книжкѣ прошлаго года, указавъ на безцеремонныя заимствованія, одѣланныя имъ у Сентъ-Вѣва. Тѣмъ большая самостоятельность видна у него въ сужденіи о поэтахъ и поэтическихъ прошеведеніяхъ.

Онъ провозноситъ приговоръ не надъ какими нибудь частными явленіями французской поэзіи, но надъ всѣмъ ея содержаніемъ. Частности и личности являются лишь за тѣмъ, чтобы подтвердить многочисленными примѣрами справедливость общаго положенія. Скажу болѣе, и читатели сейчасъ увидятъ это: Юдіанъ Шмидтъ является благоразумнымъ противникомъ всякой чистой поэзіи, востаетъ вообще противъ принципа: поэзія для поэзіи,

съ первыхъ же строкъ онъ высказываетъ свой общій взглядъ, который притомъ, очевидно, не ограничивается французской поэзіей первой половины XIX вѣка. Вотъ что онъ говоритъ:

«Французскіе поэты не уступаютъ нѣмцамъ въ желаніи выдать свое—по ихъ мнѣнію высочайшее въ мірѣ—призваніе за какое-то бѣдствіе и проклятіе; они болѣе или менѣе размырываютъ роль Кассандры. Богъ повѣщаетъ имъ возрѣсать удивительнѣйшія вещи, но никто имъ не внемлетъ. Впрочемъ въ наше матеріалистическое время это противорѣчіе объясняется не такимъ явнымъ образомъ, какъ во время грековъ. Кассандра возвѣщаетъ своему народу паденіе и страдаетъ отъ того, что предостереженіе не приноситъ плода. Это дѣлаютъ также и наши поэты, не только въ часы досуга. Главное, по ихъ мнѣнію заключается въ томъ, чтобы божественное посланничество поэта выражалось и во внѣшнемъ блескѣ: міръ долженъ воскуривать ему фимиамъ, или—выражаясь прозаичнѣе—онъ долженъ ходить въ шелку и въ бархатѣ, ѣсть черепаховый супъ и гнѣзда индійскихъ птицъ; вмѣсто того свѣтъ оставляетъ его голодать, между тѣмъ какъ простые ремесленники богатѣютъ. Это-то, собственно говоря, и есть главная причина чувства противорѣчія, одушевляющаго новую французскую романтику. Пока поэтъ пресѣбдуетъ съ одной стороны высочайшіе идеалы, недоступные толпѣ, понять которые берется только несчастная дерзость,—пока ему искусство представляется высочайшей святѣней, служить которой долженъ бы только брамнинъ,—увѣренность, что его не обидятъ надеждами образомъ, побуждаетъ его воспользоваться средствами своихъ презрѣнныхъ согражданъ для окруженія внѣшнимъ блескомъ своего высокаго достоинства».

(IV. 3—4).

Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ довольно

для поэтовъ и того, что имъ поклонялись въ теченіе столькихъ столѣтій со времени старца Гомера. Пора протрезвиться и увидѣть громадную несоразмѣрность между пользой, приносимой поэзіею обществу, и наградой, которую она получаетъ; пора понять, что всякій ремесленникъ на столько же полезенъ любому поэту, на сколько всякое положительное число, какъ бы мало ни было, больше нуля.

«Представляется жалкое зрѣлище, если слѣдить за этими постояннымъ самолюбіемъ вдохновенныхъ, которые не пренебрегали самымъ низкимъ средствомъ, чтобъ заставить уважать себя и къ которымъ учитель (Гюго) осмѣлился воззвать: «*Lettrés, vous êtes l'élite des générations. L'intelligence des multitudes résumées en quelques hommes; vous êtes les instrumens vivans, les chefs visibles d'un pouvoir spirituel, respectable et libre*».

Peuples, écoutez le poète,
Écoutez, le rêveur sacré!
Dans votre nuit, sans lui complète (*)
Lui seul a le front éclairé!

Столь же бесполезные, сколько надутые сознаниемъ своихъ достоинствъ и требовательные, поэты (разумѣется, рѣчь идетъ о служителяхъ чистой поэзіи, гнушающейся служить какому нибудь практически полезному дѣлу); собственно говоря, заняты всегда только сами собою, возвышенностью своего призванія, идеальностью своихъ чувствованій, пареніемъ своей лиры. Когда они по видимому воспѣваютъ самые возвышенные предметы, то въ сущности имъ дѣла нѣтъ до этихъ сюжетовъ своихъ восторговъ. Занимаетъ ихъ исключительно собственная персона, и они наслаждаются звуками собственной музыки. Вездѣ на первомъ планѣ они сами, ихъ чувства, ихъ пѣсня; оттого они такъ часто любятъ воспѣвать своихъ музъ и свои лиры. Поэтому естественно, что невинный предметъ, возбудившій ихъ восторгъ, удаляется на второй планъ, хотя иногда и кажется, что они исключительно заняты имъ. Это доказывается ихъ совершеннымъ равнодушіемъ къ этому предмету, равнодушіемъ, простирающимся до того, что еслибъ стихи ихъ принимать въ положительномъ смыслѣ, то оказалось бы, что они каждый день говорятъ противъ сказаннаго наканунѣ. Ю. Шмидтъ представляетъ намъ цѣлый рядъ поэтовъ, подтверждающихъ справедливость этого мнѣнія. О нихъ можно обо всѣхъ сказать то, что онъ говоритъ о В. Гюго: «На В. Гюго на-

(*) Принимая это въ иносказательномъ смыслѣ, нельзя не согласиться.

падали за измѣненіе образа мыслей, но у него никогда не было опредѣленнаго образа мыслей. Онъ стремился отыскивать блестящія краски и сильныя ощущенія. Предметы служили только для этой цѣли, и вдохновляли ли его Наполеонъ или Вандей, социализмъ или католичество, онъ искалъ только картинъ?...

Никто въ самомъ дѣлѣ не можетъ упрекнуть В. Гюго въ продажности или лести всякому, кто силенъ. Въ жизни его мы видимъ прямыя доказательства, что онъ — человѣкъ честный и способный къ сопротивленію. Однако жъ, еслибъ онъ не былъ поэтъ, еслибъ мы судили его, какъ человѣка здравомыслящаго и поѣтому отвѣтственнаго за свои слова, то не могли бы прійти къ такому выводу, весьма спускательному, но не совсѣмъ, впрочемъ, лестному. Будь онъ публицистомъ, мы бы не пріяли въ расчетъ его дѣятельность послѣднихъ лѣтъ, потому что мы бы знали, что у публициста слова не суть выраженіе минутнаго настроенія, а результаты всей его умственной жизни, и относились бы къ нему, какъ относимся къ какому нибудь Каткову. Мы вѣдь знаемъ, что въ 1822 г. онъ писалъ, что на исторію надо смотрѣть «съ высоты роялистской идеи», что революція «изъ грязи и крови» отвратительна и безсильна; мы знаемъ, что въ это же время и послѣ онъ приходилъ въ самый поѣтический восторгъ, по поводу рожденія Шамбора, и доходилъ до пафоса, ликуя о побѣдѣ инквизиціи въ Испаніи. Мы знаемъ, что въ 1825 г. онъ называлъ Карла X «святимъ и великимъ королемъ» и прославъ Господа «прідать два луча его глазъ», мы знаемъ, что по смерти Наполеона, онъ изливалъ на него потоки лирической брани, а при погребеніи его — такіе же потоки лирическихъ слезъ, что онъ радовался и революціи 30-го года, гибельной для «святаго и великаго короля» и революціи 48-го, хотя подъ властью Орлеанскаго дома и писалъ, что все идетъ какъ нельзя лучше, и что всѣ ведутъ себя прекрасно, начиная отъ работника до «коронованнаго мудреца.» Какъ же не согласиться съ Ю. Шмидтомъ, когда онъ говоритъ:

Не имя собственнаго содержанія, Олимпію, вопреки чувству собственнаго достоинства, давалъ себя всегда увлекать общественнымъ мнѣніемъ. Ультрароялистъ въ 1819, якобинецъ въ 1832, консервативный государственный человѣкъ въ 1843, социалистъ въ 1848—все это были маски во вкусъ времени... (стр. 189)

Конечно эти черты относятся не къ личности Гюго. Для дока-
Отд. II.

зательства этого мы посмотримъ на другаго поэта, неизмѣющаго въ литературномъ отношеніи съ Гюго ничего общаго, кромѣ того, что оба поэты. Но этого вполне достаточно, чтобы въ жизни они могли служить другъ другу точными фотографическими снимками и сходствовать во всѣхъ подробностяхъ. Такъ мы видимъ, что и Ламартинъ воспѣвалъ испанскій походъ 1823 г., это возмутительнѣйшее событіе реакціоннаго времени; и онъ славилъ коронацію Барла X и рожденіе Шамбора и даже собиралъ камни на берегу Иордана и, подобно Шатобриану, привезъ съ собой во Францію бутылъ съ иорданскою водою. И онъ при Людовикѣ Филиппѣ жилъ, какъ подобаетъ жить либеральному буржуа, а потомъ былъ членомъ республиканскаго правительства, при чемъ опять не удержался, чтобы не измѣнить и новому своему знамени. И опять таки въ виду всего этого, но и въ виду также честности и безкорыстія знаменитаго поэта нельзя не согласиться съ Ю. Шмидтомъ, когда онъ объясняетъ эти факты такъ:

«Въ рѣчахъ, какъ и въ стихахъ, онъ переходилъ отъ восточнаго вопроса къ крестовымъ походамъ, отъ крестовыхъ походовъ къ рыцарству, отъ рыцарства къ среднимъ вѣкамъ вообще, отъ среднихъ вѣковъ къ библіи, отъ библіи къ желѣзнымъ дорогамъ и къ пауперизму. Дилетантъ во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ, *романтикъ и поэтъ*, онъ сначала держался консервативной партіи; *когда же правительство въ продолженіе многихъ лѣтъ не сдѣлало ничего героическаго*, онъ перешелъ къ оппозиціи». (стр. 30).

Вообще Ламартинъ не на столько загадоченъ, чтобы приходилось долго ломать голову надъ объясненіемъ неблагоприятныхъ поступковъ этой честной, впрочемъ, натуры. Мы видимъ, что онъ даже не былъ дилетантомъ въ серьезныхъ вопросахъ, какъ говоритъ Ю. Шмидтъ, а просто никогда и не помышлялъ о нихъ. Если иногда онъ и касался ихъ, то единственно какъ предметовъ, могущихъ возбудить его къ пѣснопѣнію, хотя, разумѣется, ему позволяли шутить съ слишкомъ важными вещами, чтобы дѣло могло обойтись дешево Франціи. Но это не его вина, а вина тѣхъ, которые позволяли ребенку играть со свѣчкой, которые не побоялись вѣрить поэту судьбы европейской свободы. Вышло плохо, потому что подававшій надежды господинъ, щеголявшій въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, былъ все-таки поэтъ, влюбленный въ свою особу и въ свои звуки. Ю. Шмидтъ удачно и остроумно выставляетъ факты, доказывающіе, что такіе

люди пользуются самыми важными, роковыми и рѣшительными минутами жизни, не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго общества, чтобъ только полюбоваться своей фигурой среди этой трагической обстановки. Какъ нельзя мѣтче замѣчаетъ историкъ, что сочиненіе его о февральской революціи можно озаглавить: «рѣчи и мнѣнія господина де-Ламартина съ историческими объясненіями.» Можно бы было сказать: «Рѣчи, мнѣнія, мечты и чувствованія», потому что описанію послѣднихъ посвящено также не мало мѣста. Здѣсь я приведу слова Шмидта, окончательно характеризующія Ламартина и подобныхъ ему.

«Всего охотнѣе Ламартинъ останавливается на своихъ собственныхъ гримасахъ; его кроткая, свѣтлая, гуманная и все-таки умная улыбка пространно описывается въ три или четыре приема; когда онъ о чемъ нибудь задумывается, то основательно, описывается положеніе его рукъ, головы и всѣ морщины на лбу; вѣроятно у Ламартина во время самыхъ ужасающихъ сценъ было въ рукахъ карманное зеркальце... Во временномъ правительствѣ на немъ лежала обязанность постоянно занимать рѣчами поднявшійся народъ. Черезъ каждыя 20 минутъ собиралась новая толпа передъ *Hotel de ville* требовать отчета у новыхъ властелиновъ. Въ такихъ случаяхъ все равно, чтобы не говорить, лишь бы было громко и выразительно: «Сограждане! дурья! великодушный народъ! баагороднѣйшіе пролетаріи! побѣдоносные санкилоты! «и т. д. Ламартинъ не жавляетъ насъ ни отъ одной своей рѣчи; мы должны 20 разъ сряду выслушать одну и ту же исторію, для того чтобъ насладиться заключительнымъ «ура», сопровождающимъ рѣчи новомоднаго цицерона (стр. 46).

Въ другомъ мѣстѣ историкъ справедливо замѣчаетъ, что созерцаніе своей красоты не оставляло поэта и тогда, когда онъ присутствовалъ при смерти дочери. Въ стихотвореніи, въ которомъ онъ оплакиваетъ ее, находятся такіе стихи:

*Le front dans mes deux mains, je m'assie sur la pierre
Pensant à ce qu'avait pensé ce front divin,
Et repaisent en moi, de leur source à leur fin,
Ces larmes, dont le cours a creusé ma carrière.*

Остроумны также и весьма справедливы замѣчанія Шмидта касательно отзывовъ поэта о собственной своей матери, отзывы, возмущающіе каждую непотѣтическую душу, а также его описаніе своихъ любовныхъ отношеній. Шмидтъ однако очень вѣрно замѣчаетъ, что многое изъ всего этого нужно отнести на счетъ позднѣйшаго старческаго безпутства. Но я сомнѣваюсь, чтобы критикъ могъ разо-

братъ, что есть слѣдствіе старческаго безпутства, а что слѣдствіе поэтичности натуры.

Касательно произведеній поэтовъ этого времени можно сказать вообще то, что Шмидтъ говорить о Ламартинѣ, т. е. что можно подумать, что *все это писалось* въ припадкѣ *delirii trementis*. Достаточно указать на *La chute d'un ange* Ламартина или *Han d'Islande* Гюго, произведенія столь же схожія по невообразимой нескладницѣ, какъ и по многимъ подробностямъ сюжета. Замѣчательно, что герои обоихъ произведеній отличаются склонностью кусаться въ буквальномъ смыслѣ. Шмидтъ говорить, что вообще поэты этого времени окончательно отложили въ сторону всякій стыдъ и совѣсть и «любили задавать себѣ вопросы, каковы въ томъ или другомъ случаѣ могли быть напр. ощущенія какого нибудь Далай-Ламы, какого нибудь факира или муфтія, какого нибудь привидѣнія или верблюда, и эту задачу выработывали въ поэтическія картины. «Преимущественно же вопили они, что вѣкъ ихъ не понимаетъ ихъ и увѣряли публику, что она—«чернь непросвѣщенна», а они—великіе люди, пророки, вожди. Подобно нашимъ поэтамъ пушкинской или дермонтовской породы они твердили про страданіе и приглашали себя слѣдовать къ лобному мѣсту.» Но мы видѣли уже, чѣмъ объясняетъ Шмидтъ эти страданія, нельзя не сознаться, что онъ справедливъ.

Очень жаль, что политика сводитъ съ ума бѣднаго историка литературы и мѣшаетъ ему въ большинствѣ случаевъ судить здраво. Къ сожалѣнію, надо предвидѣть, что въ послѣднемъ отдѣлѣ своего сочиненія онъ опять покинетъ мирную сферу литературы и искусства, чтобъ декламировать противъ разныхъ неблагонамѣренныхъ личностей и идей. Небольшая книжка его: «Обзоръ англійской литературы XIX в.», слишкомъ ничтожна, чтобъ объ ней стоило упоминать. Это скорѣе каталогъ, чѣмъ критическій взглядъ на литературу.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ книга Мишле: «О любви» надѣлала много шума не только во Франціи, но и у насъ. Книга эта однако не была отрывочнымъ явленіемъ въ литературной дѣятельности знаменитаго историка. Къ ней тѣсно примыкають другія подобныя же произведенія его: «Насѣкомое», «Море» и наконецъ «Женщина». Со всѣми этими произведеніями русская публика знакома по переводамъ, и слѣдовательно можетъ судить объ отношеніи ихъ къ историческимъ трудамъ этого автора. Послѣдніе давно уже оцѣнены по достоинству,

и показываютъ, что старость не ослабила таланта и ума историка, позднѣйшія сочиненія котораго ни въ чемъ не уступаютъ прежнимъ, что доказываетъ не далѣе, какъ книга его «Регентство», о которой было говорено въ «Русскомъ Словѣ». Поэтому старостью не объясняется изумительная разница между его историческими произведеніями и тѣми, къ числу которыхъ относится книга о женщинѣ. Сверхъ того никто не скажетъ, чтобы, какъ историкъ, онъ подтверждалъ тотъ взглядъ на общественное положеніе женщины, который проглядываетъ въ этомъ произведеніи. Достаточно вспомнить, какъ онъ относится къ женщинамъ революціоннаго времени въ его *Histoire de la Revolution*, чтобы убѣдиться въ этомъ. Правда и въ книгѣ «О женщинѣ» мы не видимъ въ авторѣ закорѣнлаго обскуранта, какимъ по этому вопросу является Прудонъ; я полагаю, что люди, возставшіе на Мишле за книгу. «О любви», взглянули на дѣло слишкомъ односторонне и не хотѣли замѣтить разницы, существующей между этимъ писателемъ и приверженцами Домостроя. Дѣйствительно читатель бываетъ пораженъ наборомъ словъ и почти бессмысленной болтовней автора. Какъ въ самомъ дѣлѣ не изумляться, когда встрѣчаются такого рода опредѣленія: *женщина есть религія* (стр. 100), или *женщина есть школа* (стр. 144); странно также слышать, что *Африка—женщина* (стр. 181), а черезъ страницу ужъ не только одна Африка, но и вся земля *есть прекрасная, любящая женщина*. Дѣйствительно можно заподозрить автора въ исключительно клубничномъ возрѣніи на женщину, услыхавъ такое разсужденіе:

«Англійскія и нѣмецкія женщины гораздо красивѣе нашихъ. Я сравниваю ихъ съ тѣми великолѣпными фруктами, которые садовники умѣютъ доводить до совершенства, напр. великолѣпную ананасную землянику. Ягоды сочны, вкусны; недостаетъ только запаха. Я предпочелъ французенку и еще съ юга, потому что она-то и есть лѣсная, душистая земляничка» (стр. 194—95).

Отъ такого разсужденія, разумѣется, читателя тошнить, и становится очень жутко, видя такой цинизмъ и такое грубое отношеніе къ цѣлой половинѣ человѣческаго рода. Но Мишле не только не видитъ никакого цинизма въ этомъ изображеніи женщины съ собственнымъ запахомъ, въ этихъ эпитетахъ *сочный* и *вкусный*, но даже находитъ, что сравненіе это очень *поэтично* (замѣьте это слово: въ немъ включъ къ разгадкѣ).

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ (ибо чѣмъ инымъ можетъ быть человекъ, разсуждающій такимъ образомъ) говорить, что женщина и ребенокъ должны питаться зеленью и плодами. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что *это идетъ къ нимъ, придастъ имъ грацію*; но тутъ ужъ онъ увлекается до того, что полагаетъ, что наставленія его уже приведены въ исполненіе, и что женщины дѣйствительно питаются зеленью и плодами. Онъ радуется и говоритъ, что вслѣдствіе этого женщины и дѣти кажутся «чѣмъ-то эфирнымъ» и «не возбуждаютъ ни малѣйшаго отвращенія». Выводъ изъ этого будетъ не граціозенъ, однако, для самихъ же женщинъ, потому что бѣднымъ эфирнымъ существамъ придется быть женами существъ, возбуждающихъ отвращеніе. Тутъ ужъ плохое утѣшеніе въ томъ, что онѣ будутъ отъ растительной пищи «нравственно чисты» и «дѣйствительно уподобятся цвѣтамъ». Къ тому же п цвѣтамъ не уподобятся, такъ какъ всякому не поэту извѣстно, что растенія извлекаютъ свою пищу изъ веществъ вовсе не эфирныхъ и благовоонныхъ.

Мишле полагаетъ, что женщина мѣшаетъ создать женщину; онъ убѣжденъ, что трудъ этотъ долженъ взять на себя мужчина; но такъ какъ жена его будетъ ему мѣшать, то она должна быть по возможности глупа (Мишле изъ вѣжливости говорить *проста*); мужъ ея долженъ будетъ «немножко воспитать ее», а за тѣмъ заняться воспитаніемъ дочери, которую ужъ воспитаетъ вполне. Дочь эта охотно вѣритъ отцу, который можетъ лѣпить изъ нея все, что ему угодно, и вѣроятно не преминетъ кормить постной пищей, для развитія граціи. Такъ какъ мать ея глупа, то отцу нечего бояться ея вліянія: онъ позаботится объ этомъ при женитбѣ. Женясь на глупой особѣ, онъ долженъ стараться держать ее подалеже отъ семьи и замѣнить ей все: будетъ ей отцомъ, братомъ, матерью, теткой, свояченицей и т. д. «Какъ мать, ты позаботишься о ея нуждахъ, будешь ласкать, баловать ее, *укладывать спать*». Вѣроятно бѣдная такъ глупа, что и спать сама не можетъ лечь. Впрочемъ оно такъ и есть: «найдя въ тебѣ супруга и мать, она, *бѣдная страдалница* (?), подумаетъ, что вновь нашла свою колыбель». Хотя все это свидѣтельствуетъ о совершенномъ идиотизмѣ жены, но Мишле опасается, что она еще слишкомъ умна, и совѣтуетъ «опутывать» ее всѣми мелочами, пустыми и дѣтскими (стр. 248—49).

Трудно вообразить, что за чепуху сплетаетъ Мишле о женщинахъ. На стр. 124 онъ напр. вдругъ объявляетъ, что «если бы женщина

могла слѣдовать внушенію своего сердца, она кормила бы грудью своего мужа». Я полагаю, что десятой доли такой неаѣности было бы достаточно, чтобъ получить медицинское свидѣтельство въ умопомѣшательствѣ. Онъ утверждаетъ, что *кукла* есть предметъ *первой любви* дѣвочки, и что цвѣтокъ потому только не любовникъ ея, что сынъ ея. (Все это любопытный читатель можетъ пайдти на стр. 124, 96 и 115). Впрочемъ, разсужденія о другихъ предметахъ не лучше: то цвѣты плачутъ и вызываютъ, то часть свѣта философствуютъ, то мозги выражаютъ личность. Разсужденія о мозгахъ и вообще объ анатоміи особенно хороши. Мишле говоритъ, что изучалъ мозгъ во множествѣ у субъектовъ обоихъ половъ и разныхъ возрастовъ. Но судя потому, что онъ вынесъ изъ этого изученія, видно, что кормъ былъ не въ коня. Онъ вообще относился къ человѣческому мозгу съ эстетической точки зрѣнія, видѣлъ въ немъ поэтическія матеріи, аллегоріи и подобія. Онъ называетъ мозгъ «героглифическимъ цвѣткомъ» и увѣряетъ, что онъ похожъ на «большую, пышную камелію и т. д. Онъ сплился разгадать таинственные узоры *arboris vitae*, и никогда ни одинъ натуръ-философъ не бредилъ такъ необузданно, какъ этотъ поэтъ, попавшій въ анатомическій театръ. Ни одинъ лунатикъ, ни одинъ помѣшанный никогда не говорилъ ничего похожего на то, что говоритъ Мишле, которому мерещится, что «лицо—грубая поверхность, подверженная дѣйствию воздуха и *всякихъ толчковъ* (?!), искаженная гримасами (самому дѣду въ *заколдованномъ мѣстѣ* не чудилось такого подобія), выражало бы, не будь на немъ глазъ, гораздо менѣе, чѣмъ «внутренняя поверхность мозга», въ которой «выражается личность». Но *chef d'oeuvre* всего представляютъ размышленія Мишле во время вскрытія одного женскаго трупа, у котораго въ маткѣ былъ найденъ камень. Фантазія поэта придирается къ этому патологическому явленію, чтобъ начать говорить вздоръ и находить уподобленія невозможныя. «Таинственное мѣсто, говоритъ онъ (стр. 54), возрожденія и производительности представляло такую зачашлость, такую *страшную засуху Аравіи*... О, фантазія поэта! Матка-Аравія! Въ маткѣ — засуха! Патологическая анатомія и географія съ метеорологіей! Поэтъ стоитъ въ анатомическомъ театрѣ передъ трупомъ и мечтаетъ о Меккѣ и Мединѣ, о бедуинахъ и Магометѣ, объ исламѣ и крестовыхъ походахъ, о палящемъ солнцѣ пустыни и сарокна! Куда ближе къ дѣйствительности были мечты Поприщина.

Но, какъ я уже замѣтилъ, было бы несправедливо утверждать, что кромѣ подобныхъ нецѣлостей въ книгѣ о «Женщинѣ» нѣтъ ничего, болѣе рациональнаго. Мишле во многихъ мѣстахъ высказываетъ очень вѣрные и здравыя сужденія. Такъ напр. все, что онъ говоритъ о положеніи женщинъ, о работницахъ, о ихъ участи, равно какъ и многое другое въ его книгѣ, въ особенности то, что онъ говоритъ о любви, отличается не только здравымъ смысломъ, но и большимъ чувствомъ и прощательностью.

Изъ сожалѣнію поэзія и тутъ перепутываетъ соображенія ума. Такъ послѣ дѣльныхъ замѣчаній о томъ, что естественныя науки должны играть первую роль въ воспитаніи женщины и послѣ справедливыхъ доказательствъ, что ничто не препятствуетъ, а напротивъ того все побуждаетъ открыть женщинѣ медицинское поприще, онъ самъ ослабляетъ свои доводы слѣдующей поэтической тирадой:

«Пусть же она, невинная и *лейкоэтерна* (женщина -то, знающая естественныя науки и занимающаяся медициной!), собираетъ свои травы! Пусть она съ своей женской граціей рветъ и приготавливаетъ эти прелестныя сокровища Франціи.

Раннею весною, на каменистыхъ холмахъ, защищенныхъ отъ солнца, она, вмѣстѣ съ ичеломъ, работаетъ надъ размариномъ, голубой цвѣтокъ котораго дѣлаетъ душистымъ медъ Нарбонны. Она беретъ изъ чашечки цвѣтка небесную воду, вмѣющую свойство успокаивать всякое раздраженіе мозга (кромѣ поэтическаго). Осенью, вмѣстѣ съ птичкой, она собираетъ ягоды на кустарникахъ. Она проситъ птичку не вѣстъ слишкомъ много, оставить на долю бѣдныхъ» (стр. 381).

Издатель, *чтобы оправдать лиризмъ Мишле*, какъ онъ говоритъ, приложилъ къ переводу извлеченіе изъ статьи публициста «Отечественныхъ записокъ», г. Авсеенко, въ которомъ говорится о г-жѣ де-Товвилль. Изъ этого извлеченія оказывается, что Товвилль очень любилъ и постоянно хвалилъ свою супругу. Какое же отношеніе, г. издатель, имѣетъ эта дама къ лирику Мишле? Другое приложение, отрывокъ изъ записокъ Щеневна, гласитъ о какой-то русской добродѣтельной дамѣ; издатель не объяснилъ, почему онъ счелъ нужнымъ поддержать книгу Мишле этимъ прищипкомъ. Если собрать всѣ частныя прищипы о добродѣтельныхъ женщинахъ, то можно набрать огромное множество томовъ. Но къ чему это послужитъ? Дѣло другое разсказъ самого Мишле о Бароннѣ Гоме, облагодѣтельствованной цѣлую страну; но вовсе не интересна

знать, что какойнибудь господинъ былъ немно любящъ своей женою.

Преданіе гласить, что *Визити* Олегъ выросли о нево: «Се буди мати градоуж русскимъ.» Справедливо замѣтить также Сильвестръ Боссовъ: «*Kiuvia nostra coelum est*» (Кіевъ—наше небо).

Другія лица послѣ этого извѣщались на этотъ счетъ не менѣе основательно и справедливо. Вотъ объ этомъ-то достославномъ городѣ «матери и небѣ нашей» г. Сементовскій написалъ весьма любопытную книгу. Въ ней описаны и изображены на полиптикахъ, хотя не красивыхъ, но патристическихъ, всѣ церкви, зданія, древности, монументы, украшающіе собою древнюю столицу Россіи. Одна за другой описаны очень подробно церкви: св. Великомученицы Варвары, софійскій соборъ, церковь Спаса на Берестовѣ, пещеры св. угодниковъ; Аскольдова могила описана также весьма подробно; въ ней замѣчательна надпись, находящаяся внутри церкви: «Ничуть паденіемъ не грозить; немного нужно поправки, и церковь должна существовать.»

Никто не скажетъ, чтобы книга г. Сементовскаго составлена небрежно. Въ ней любопытный читатель узнаетъ не только — какіе сигналы выставляются на кіевскихъ каманчахъ (съ рисункомъ) во время пожара, но и многое другое. Такъ онъ узнаетъ, что въ гостинницѣ *Европа* обѣдъ стоитъ 1 р., а въ гостинницѣ *Россія* 4—3 руб., что въ *Петербургской* гостинницѣ порція стоитъ 20—30 к., а во *Франкфуртской* 15—35; здѣсь же находятся 2 билліарда (изъ коихъ одинъ китайскій) и вегли (лѣтомъ). Приятно также получить извѣстіе о томъ, что въ *Confiserie suisse* хороши пирожи, и что гостинница *Яссы* помѣщается въ домѣ Крылова (стр. 119). Кого же болѣе прельщаютъ купальни, тому интересно будетъ узнать, что входъ стоитъ 3 коп., и что мужчины въ Кіевѣ купаются не вмѣстѣ съ женщинами (стр. 8). Но любителей чужой собственности г. Сементовскій предупреждаетъ, что они должны являться въ купальню въ своемъ собственномъ бѣльѣ. Касательно бѣлья необходимо также знать, что въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ отъ поступающей воспитанницы требуется 12 рубашекъ, 12 нитяныхъ (но никакъ не бумажныхъ) чулокъ и 12 полотняныхъ бѣлыхъ платковъ, по 6 простынь и полотенецъ и 4 солжетки (стр. 123). Касательно преподаванія въ институтѣ предлагаютъ ввести *дидактику*. Правы кіевляне мирны и внимательны, что достаточно до-

называет фонтанъ *Иванъ*, прозванный такъ въ честь градоначальника Фундуклея. Но впрочемъ они не лишены явительности, ибъ другой фонтанъ прозвали *Уродомъ* за то, что, говорить г. Сементовскій, «струя воды его бьетъ, проливъ съ горюхонтоуъ уаины» (стр. 117).

Какъ особенно замѣчательныя черты г. Кіева упоминается то, что посланы изъ окрестныхъ мѣстъ привозятъ съѣстные продукты для продажи на мѣсто, именуемое *рынокъ*.

Вотъ все, читатель, что я узналъ изъ книги г. Сементовскаго, и чѣмъ посѣбннѣе поделитесь съ вами.

Хорошенькая книжка, только что вышедшая изъ печати, составляетъ первый томъ полнаго изданія сочиненій Гейне въ русскихъ переводахъ, предпринятаго г. П. Вейнбергомъ. Издатель слѣдовалъ порядку, принятому въ послѣднемъ нѣмецкомъ изданіи Гоомана и Кампе, на сколько это возможно. Сообразно съ этимъ, въ первомъ томѣ помѣщена первая часть путевыхъ картинъ, содержащая въ себѣ предисловіе Гейне, путешествіе на Гарцъ (перев. П. И. Вейнберга), Нордерней (перев. М. Л. Михайлова), Иден. Книга Де-Грауъ (пер. Вейнберга). О достоинствѣ переводовъ нечего говорить, такъ какъ М. Л. Михайловъ и г. Вейнбергъ лучшіе переводчики. Однако для доавательства я приведу одно мѣсто, гдѣ въ совершенствѣ переданъ фантастическій разговоръ на Гарцѣ поэта съ чуднымъ существомъ, которое онъ называетъ маляутой. Прошу читателей обратить вниманіе на искусство, съ которымъ передана торжественная и пламенная рѣчь самого поэта и наивный лепетъ маляути:

„Ты, мнѣ кажется, не ларинъ
Въ то, что чистыя сарана
Варей чистой называють —
Въ Духа, Сына и Отца?..“

— Ахъ, дитя, еще ребенкомъ,
У родной на рукахъ,
Ферилъ я на Отца, Мисернй:
Доблѣ и славу изъ небесахъ:

Кто такъ чудно человека
И вселенную создалъ,
И луня, звѣздамъ и солнцу
Пуль по небу уаинамъ.

Но, дитя мое, съ лѣтами
 Стала кривнуть мысль моя,
 Понимать я началъ больше
 И повѣрять въ Сына я, —

Сына Божьяго, Который
 Намъ законъ любви открылъ,
 И, какъ водится, въ награду
 Человѣкомъ распята былъ.

А теперь, когда я много
 Бадилъ, видѣлъ и читалъ,
 Безгранично сдѣлалъ вѣрить
 Я въ Святого Духа сталъ.

Онъ свершилъ большія чуда
 И свершаетъ ихъ всегда —
 Разорвалъ онъ цѣпи рабства,
 Сбилъ тирановъ города.

Воскресилъ бывшее право —
 Да идти изъ вѣка въ вѣкъ:
 Нѣтъ неравенства рожденья,
 Благороденъ человѣкъ.

Злую тьму онъ разсѣваетъ,
 Духовъ темныхъ гонитъ прочь,
 Что любовь и радость нашу
 Отравляютъ день и ночь.

Чтобъ Его свершалась воля,
 Выбралъ рыцарей себя,
 Далъ имъ гордую отвагу,
 Приготовилъ ихъ къ борьбѣ.

И мечи ихъ ярко блещутъ,
 И знамена вѣютъ ихъ...
 Что, малютка, ты хотѣла бѣ
 Видѣть рыцарей такихъ?

Такъ смотри сюда скорѣе
 Ты, ребенокъ милый мой,
 И цѣлуй меня смѣло —
 Рыцарь Духа предъ тобой! "

А вотъ рѣчь напюти :

„Ахъ, уродцы домовые,
Хлѣбъ воруютъ все у насъ,
Вечеръ въ ящикъ лежитъ онъ,
Утромъ пусто каждый разъ.

Съ молока сберутъ всѣ сливки,
Не прикроютъ и горшка,
А за ними наша кошка
Съѣстъ остатки молока

Ну, а кошка вѣдь колдунья:
Въ бурю, ночью, все бѣжитъ
Къ мѣсту духовъ, гдѣ въ обломкахъ
Башня старая стоитъ.

Наконецъ-то, наконецъ мы дождались перевода Гейне; наконецъ-то онъ сталъ доступенъ всѣмъ, и не надо будетъ знать по-нѣмецки, чтобъ наслаждаться этой чудной поэзіей. Наконецъ-то гг. Сомовымъ и Бергамъ нельзя будетъ мучить его стихи, потому что у насъ будетъ настоящій Гейне, въ прекрасномъ переводѣ М. Л. Михайлова.

■. ■.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

ФРАНЦІЯ. Протестантская консисторія присвоиваетъ себѣ роль папы.—Побѣды, одерживаемыя оппозиціею на выборахъ.—Новая тактика министра внутреннихъ дѣлъ.—Кандидатуры Карно, Гарнье-Пажеса и Толена.—Расходы на увеселенія.—Счастливая судьба Бонапартовъ.—Идея, которой французы служатъ представителями.—Привыкъ резервныхъ войскъ.—**ГЕРМАНІЯ.** Протестъ Англии противъ вторженія австро-прусскихъ войскъ въ Ютландію.—Курьозное оправданіе г. Бисмарка.—Грозный маневръ фельдмаршала Врангеля.—Негодование второстепенныхъ германскихъ государствъ противъ Австріи и Пруссіи.—Вопросы, подлежащія разсмотрѣнію франкфуртскаго сейма.—Предложеніе конгресса.—**АНГЛІЯ.** Униженіе гордаго Альбіона.—Маневръ лорда Пальмерстона.—Новая казнь преступниковъ.—Продажа парохода Great-Eastern съ аукціона.—Сожженіе вдовы одного брамина.—**ИТАЛІЯ.** Равнодушіе націи къ борьбѣ парламентскихъ партій.—Приготовленія къ войнѣ.—Непріязнь между представителями наполеонизма, съ одной стороны, и представителями папизма, съ другой.—Запрещеніе карнавальныхъ увеселеній.—**АМЕРИКАНСКІЕ ШТАТЫ.** Удачные походы, предпріятыя федеральными генералами Гильморомъ и Шерманомъ.—Успѣхи въ дѣлѣ эмансипаціи негровъ.—**МЕКСИКА.** Извѣстія Монтера и извѣстія частныя объ этой странѣ.—Причины, побуждающія эрцгерцога Максимилиана принять титулъ мексиканскаго императора.—Снаряженіе военно-ученой экспедиціи.

Французскіе протестанты были сильно встревожены однимъ поступкомъ своей консисторіи, доказывающимъ, какою нетерпимостью она отличается въ дѣлѣ религіи. Во главѣ ихъ либеральной партіи находится Атаназъ Кокерель, сынъ того знаменитаго Кокереля, котораго парижское народонаселеніе имѣло неосторожность избрать сво-

нимъ представителемъ, вмѣстѣ съ Лакордеромъ, съ тѣмъ, чтобы ознаменовать примиреніе всѣхъ религій въ лонѣ французской республики. Это была наивная выходка со стороны парижанъ. Казалось бы, подобныя мечты не могутъ принадлежать такому вѣку, какъ нашъ. Конечно, въ настоящемъ 1864 году мы уже не такъ простодушны! Какъ бы то ни было, г. Атаназъ Кокерель, отецъ, счелъ нужнымъ, для исполненія своей обязанности, въ качествѣ протестанта, произнести рѣчь въ пользу возстановленія папы французскимъ оружіемъ и въ пользу низверженія римской республики. Также въ качествѣ протестанта, онъ былъ однимъ изъ вотировавшихъ законъ о передачѣ воспитанія юношества католическому духовенству, т. е. иезуитамъ, которымъ такимъ образомъ открывался доступъ въ совѣтъ народнаго образованія. Кокерель, сынъ, долженъ былъ бороться противъ непріятнаго воспоминанія, соединившагося съ именемъ его отца, и однакожь, онъ успѣлъ сдѣлаться чрезвычайно популярнымъ; онъ пользуется большимъ уваженіемъ въ парижскомъ обществѣ и любимъ всею либеральною партіею своей общины, въ особенности женскою ея половиною. У него причащалась большая часть столичныхъ протестантовъ, и вліяніе его постоянно возрастало. Приверженцы протестантскаго вѣроисповѣданія, послѣ долгихъ преній, положили нанести этому проповѣднику рѣшительный ударъ. Консисторія воспользовалась для этого случаемъ, когда Кокерель долженъ былъ просить у ней утвержденія въ должности; она лишила его наедры, которую онъ занималъ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ. Предлогомъ послужило, что этотъ реформатскій священникъ публично назвалъ господина Ренана своимъ другомъ и не предалъ его книгу проклятію. Это отрѣшеніе отъ должности есть фактъ неслыханный въ лѣтописяхъ французскаго протестантизма, который всегда самымъ энергическимъ образомъ утверждалъ, что всѣ его члены независимы и равны между собою. Дѣйствительно, по смыслу реформатской конституціи, сами президенты консисторіи пользуются первенствомъ только въ видѣ вѣчета, а на дѣлѣ, согласно формулѣ, сдѣлавшейся знаменитою, они не болѣе, какъ первые между равными, *primi inter pares*. Даже политическіе журналы обратили вниманіе на эту исторію, и вопросъ о Кокерелѣ во многихъ вліятельныхъ кружкахъ выступилъ на первый планъ, заслонивъ собою даже вопросъ о столкновеніи между Данією и Германією. Надо замѣтить, что политическія страсти играютъ роль въ этой продѣлѣ протестантскаго духовенства, которая внушена бы-

ла слишкомъ знаменитымъ Гизо и приведена въ исполненіе Меттеталемъ, человѣкомъ богатымъ, почти какъ милліонеръ, и исправляющимъ должность директора полиціи по призванію, ради собственнаго своего удовольствія. Когда Кокерель взошелъ на кафедру съ тѣмъ, чтобы проститься съ своею паствою, все общество было глубоко тронуту и всѣ встали, въ знакъ своего уваженія къ проповѣднику. Одинъ только старый Гизо неподвижно оставался на своемъ мѣстѣ, но и онъ, вслѣдствіе энергическаго требованія со стороны присутствующихъ, долженъ былъ отдать честь своему противнику.

Журналы удивляются, что иротестанты, которыхъ они считали либеральными по самой ихъ религіи, сыграли такую штуку. Даже Шаривари весьма хорошо замѣтилъ по этому случаю:

«Я знаю, что пресвитерскій совѣтъ объявляетъ себя непогрѣшимымъ; но и папа также непогрѣшимъ, а его непогрѣшимость имѣетъ перевѣсъ старшинства. Я вижу только одно логическое средство для разрѣшенія этого дѣла. Надо, чтобъ Кокерель торжественно на колѣняхъ просилъ прощенія у совѣта, который, съ своей стороны, долженъ вслѣдъ за тѣмъ покаяться въ своихъ погрѣшеніяхъ у ногъ папы. Тогда все придетъ въ надлежащій порядокъ и не будетъ болѣе протестантизма: онъ погибнетъ по милости непогрѣшимыхъ».

Газета «Темпс» резюмировала этотъ вопросъ такъ:

«Въ мірѣ западнаго христіанства имѣется только одинъ живой доктринальный авторитетъ—папы. Католицизмъ тѣмъ и существуетъ, что онъ признаетъ этотъ авторитетъ; напротивъ, протестантизмъ и всѣ протестантскія секты—тѣмъ, что они отвергаютъ значеніе папы и полагаютъ высшій рѣшительный авторитетъ въ совѣсти каждаго человѣка. Католики эклектики не — католики; протестанты, признающіе авторитетъ, не — протестанты. Принявъ на себя рѣшеніе доктринальныхъ вопросовъ, пресвитерскій совѣтъ ошибся въ своемъ назначеніи и превысилъ свою власть. Какъ онъ не понялъ, что если необходимъ авторитетъ, то немедленно надо обратиться къ авторитету наиболѣе обаятельному и наиболѣе освященному? Какимъ образомъ мысль утвердить какую бы то ни было религіозную доктрину, т. е. угодиться въ нѣкоторомъ родѣ Пію IX, могла придти на умъ пресвитерскому совѣту и его почтенному, но черезъ-чуръ равностному докладчику, господину Меттеталю, начальнику перваго отдѣленія полицейской префектуры, который въ этомъ качествѣ «долженъ слѣдить за преступленіями и проступками, распоряжаться арестами»

стами и взглядами, завѣдывать выдачею паспортовъ и ремесленныхъ свидѣтельствъ, и наблюдать за общественною нравственностью, за тюрьмами, за гостиницами, за сумасшедшими, за найденышами и за кормилицами? По какому праву, на основаніи какого здраваго смысла, вздумалъ этотъ господинъ опредѣлять, чтѣ долженъ проповѣдывать священникъ, и чтѣ должны усвоивать себѣ его вѣрные слушатели? Въ силу какого авторитета становится онъ между совѣстью господина Кокереля, сына, и тѣми, которые избрали Кокереля своимъ руководителемъ? Еще разъ, мы понимаемъ существованіе Пія IX, но мы не понимаемъ такого явленія, какъ Меттстальпана. Ни отъ кого не ускользнетъ, что при системѣ совершеннаго отдѣленія церкви отъ государства никогда не возникло бы такое непріятное столкновеніе, которое въ настоящую минуту волнуется общественное мнѣніе Парижа».

Вотъ уже цѣлый мѣсяць, какъ прекратились засѣданія законодательной палаты въ Парижѣ. Наряжена была коммиссія для разсмотрѣнія важнаго закона о сахарѣ, и окончанія труда этой коммиссіи теперь ожидаетъ палата, чтобы вновь представить намъ зрѣлище своей болтовни. Палата совершенно равнодушна ко всѣмъ великимъ событіямъ, волнующимъ Европу; война или миръ, страшные вопросы о Мексикѣ, о Даніи, объ Англіи, о Польшѣ, объ Австріи, объ Италіи, — все это нисколько ее не занимаетъ, или, лучше сказать, она не имѣетъ права интересоваться этими дѣлами; но зато она добросовѣстно изучаетъ знаменитый вопросъ о сахарѣ. Во всей Франціи, въ цѣломъ мірѣ, нѣтъ для нея другаго важнаго вопроса. Предполагается, что триста человѣкъ устремляютъ весь свой умъ на этотъ единственный предметъ. Полагая по сту франковъ въ день на каждаго законодателя, мы приходимъ къ заключенію, что будущій проектъ этого закона уже стоить намъ девять сотъ тысячъ франковъ.

Однакожь, этотъ слишкомъ продолжительный отдыхъ прерванъ былъ сеансомъ, въ которомъ рассматривался вторичный выборъ господина Брава въ представители. Вы, быть можетъ, помните, что этотъ

господинъ—пройдоха, искавший счастья въ Египтъ. Неизвѣстно, почему вице-король поручилъ ему переплавку монетъ, операцию простую, которая вдругъ, какъ бы чудомъ, сдѣлала нашего честнаго америста обладателемъ десятковъ милліоновъ. Съ этой минуты г. Бравей оказался важнымъ лицомъ, и въ этомъ качествѣ допущенъ былъ въ политическій міръ. Но въ ожиданіи заявленія его талантовъ онъ еще не принятъ въ интимныхъ кружкахъ государственныхъ людей. За то его охотно употребляютъ по разнымъ контрабанднымъ дѣламъ. Ему дали специальное назначеніе дѣйствовать въ пользу южной американской конфедерации. Когда графъ Россель рѣшился запретить выѣздъ парходамъ, построеннымъ Лордомъ, Робѣкомъ и компанією, и которые должны были грабить купеческія суда Соединенныхъ штатовъ, тогда г. Бравей изумилъ весь міръ, объявивъ, что эти корсарскіе корабли куплены однимъ частнымъ лицомъ, французомъ. Потомъ, когда французское правительство, уstraшенное категорическою нотой, присланною изъ Вашингтона, запретило Арману и компаніи продолжать работы по четыремъ корсарскимъ судамъ, строившимся на вероляхъ Нанта и Бордо, тогда г. Бравей долженъ былъ склонить къ покупке этихъ кораблей своего патрона, вице-короля египетскаго. Промышлять разбойничьими судами и быть дѣлательмъ оловянной монеты не удовлетворяло честолюбіе этого человека, который желалъ также сдѣлаться представителемъ императорскаго правительства для департамента Гарды. Среди скандала, произведеннаго избирательною борьбою, этому господину удалось сдѣлаться замѣтнымъ на ряду съ такими господами, какъ Піетри, Боатель, Бюлахъ и Кальвѣ Ронья. Официально гардскій префектъ выставилъ министерскаго кандидата, но неофициально онъ употреблялъ все свое вліяніе, чтобы содѣйствовать избранію Бравей, который давалъ его женѣ кашемировыя шали, а ему самому подарилъ перетъ съ вучеромъ, съ лакеями и съ ебрыми, въ яблокахъ, лошадьми. Департаментъ Гарды, сожигаемый солнцемъ юга, терпитъ отъ недостатка воды. Вадумали объявить, не задолго до производства выборовъ, что г. Бравей принимаетъ на себя одного почти всѣ расходы по устройству канала въ этомъ департаментѣ, изъявивъ готовность подписаться почти на всѣ акціи, выпускаемыя для осуществленія такого предпріятія. Для устраненія всякаго сомнѣнія со стороны мѣстныхъ жителей, префектъ и Бравей дали блистательный бан-

ить у Pont-du-gard *) во имя компаніи, не существовавшей и на учрежденіе которой даже не получено было разрѣшенія, на территоріи, не купленной, и подъ предлогомъ освященія работъ, совершенно невозможныхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ инженеровъ. Не какъ не вѣрить рѣчамъ, произносимымъ официальными представителями правительства? Какъ не вѣрить инженерамъ путей сообщенія, которые, съ божалани шампанскаго въ рукахъ, предлагаютъ тосты за успѣхъ шлоаннаго предпріятія? Какъ не вѣрить священнику Ремулену, призывающему благословеніе неба на мнимый фундаментальный камень вымышленнаго канала? Такимъ образомъ, это обѣщаніе устроить каналъ было блистательнымъ миражемъ, въ которомъ черезъ-чуръ наввыне жители Гардскаго департамента видѣли близкое осуществленіе самыхъ пламенныхъ своихъ желаній. Прибавьте, что въ этой странѣ Севенскихъ горъ еще свирѣпствуетъ религіозный санатизмъ католиковъ, достойный времени Трестельоновъ и Кватртельоновъ, и что г. Бравей, другъ господина префекта, и другъ вице-короля сицическаго, сверхъ того выдавалъ себя за отъявленнаго врага протестантовъ. Это обстоятельство склонило на его сторону мѣстное духовенство и заставило ихъ распространять въ его пользу пропаганду.

Господина Бравей, кандидатъ, покровительствуемый префектомъ, былъ избранъ, получивъ значительное большинство голосовъ, сравнительно съ кандидатомъ, который былъ предложенъ министрами. Однакожь палата, недавно утвердившая господина Кальве Ронья, уничтожила избраніе Бравей, которое, по замѣчанію докладчика, соединилось съ маневрами, достойными сожалѣнія.

Но г. Бравей—человѣкъ, котораго не легко привести въ тупикъ. Такъ какъ обѣщаніе устроить каналъ заставило избрать его одинъ разъ, то онъ и полагалъ, что такое же обѣщаніе заставитъ избрать его вторично. Дѣйствительно, такъ и случилось, при помощи префекта. Правда, это стоило большихъ трудовъ. Приходилось застрашивать людей, сопротивляющихся этому выбору, и прибѣгать къ явнымъ насильственнымъ мѣрамъ. Дѣло обошлось даже не безъ дубинъ; мнимые пьяницы, которые толпами окружали избирательныя урны, наполняли ихъ ложными бюллетенями; въ другихъ мѣстахъ урны

*) Знаменитый водопроводъ, построенный Римлянами и служившій для доставленія воды изъ источника Auga въ городъ Nemausus (Нимъ).

были сняты и сожжены верою и полевыми стражами, обязанными их охранять. Такого рода маневры, разъ уже заставившіе палату уничтожить избраніе Брава, вторично привели къ тому же результату.

До сихъ поръ, пять выборовъ въ депутаты законодательнаго собранія, производившіеся вторично, имѣли результатомъ пять поражений, нанесенныхъ французскому правительству. Мы видѣли, что палата вторично уничтожила избраніе г. Брава. Маньенъ избранъ былъ въ Котед'орскомъ департаментѣ противъ кандидата императора; г. Брюэе, бывший представитель 1848 года, избранъ былъ въ Вожекомъ департаментѣ также противъ императорскаго кандидата; г. Галь Клапередъ избранъ былъ въ департаментѣ верхняго Рейна противъ одного намергера, кандидата императора; теперь телеграфъ извѣщаетъ, что въ Сѣверномъ департаментѣ г. Стівенаръ избранъ противъ г. Боатаи, кандидата, предложеннаго императоромъ и префектомъ полиціи. Въ настоящее время избирательный Парижъ находится въ сильной тревогѣ: черезъ десять дней предстоитъ назначить новыхъ депутатовъ въ замѣнъ господъ Гавена и Жюля Фавра, избранныхъ уже въ двухъ округахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ не желалъ бы подвергнуться шансамъ борьбы ранѣ истеченія шестимѣсячнаго срока, назначеннаго закономъ; но принявъ во вниманіе, что тогда вотировка будетъ производиться на основаніи новаго избирательнаго списка, увеличеннаго нѣсколькими тысячами избирателей, неблагопріятныхъ правительству, которые, бывъ вычеркнуты въ первый разъ, теперь потребовали быть записанными вновь, вопреки желанію проекта Сены, барона Гаусмана, — онъ, г. министръ, рѣшился назначить производство выборовъ недѣлю ранѣ истеченія срока крѣпкому спячку. Однакожъ, онъ до сихъ поръ не осмѣлился предпринять новый походъ въ Парижъ и на этотъ разъ не рѣшился выставить ни одного императорскаго кандидата. Что думать о такомъ отступствіи герцога Перинья, бывший генералиссимусъ великаго избирательнаго похода, произведившагося въ прошломъ году?

Тѣмъ не менѣе справедливо, что эта новая тактика, въ извѣстной степени, удастся господину министру внутреннихъ дѣлъ. Различныя оппозиціонныя партіи, не имѣющія болѣе общаго врага, противъ котораго они могли бы сдвинуться, немедленно побрели въ разныя стороны, и явились тучи новыхъ кандидатовъ, претендующихъ каждый представлять какое нибудь особое мнѣніе; но надо замѣтить,

что никто до сихъ поръ въ Парижѣ не осмѣлился водрунуть знамя буржуазіи орлеаннстской, или голубой, какъ ее называютъ. Всѣ кандидаты состоятъ изъ республиканцевъ синихъ, розовыхъ или красныхъ.

Единственныя кандидатуры, о которыхъ теперь идетъ споръ, суть кандидатуры красного республиканца Томена и синихъ — Карно и Гарнье Пажеса.

Эти двѣ послѣднія кандидатуры какъ нельзя болѣе бѣдственны, но онѣ навязаны всемогущею коалиціею журналовъ оппозиціи квазі республиканской, т. е. республиканской на манеръ принца Наполеона, который изъ своего Палэ-Рояля кричитъ во весь голосъ, чтобъ быть услышаннымъ въ Тюльери, что онъ, принцъ Наполеонъ, не смотря на всѣ превратности судьбы, никогда не переставалъ быть ярымъ республиканцемъ. Газеты Presse, Siécle и Opinion Nationale усердно рекомендуютъ избирателямъ сына того члена народнаго конвента, который, по ихъ мнѣнію, «организовалъ побѣду.» Въ 1852 году, послѣ государственнаго переворота, совершеннаго Людовикомъ Наполеономъ, г. Карно именно съ тою цѣлью и былъ избранъ въ депутаты парижскимъ народонаселеніемъ, чтобъ онъ въ виду цѣлой Франціи уничтожилъ данное ему порученіе, отказавшись присягнуть новому императору и новой конституціи. Это и исполнилъ г. Карно, объявивъ дѣйствительно, что присяга противна его республиканской совѣсти. Но потомъ, въ продолженіе десяти лѣтъ, совѣстливость этого республиканца успѣла ослабѣть. Теперь его новое избраніе считается несомнѣннымъ.

Что касается г. Гарнье Пажеса, то онъ, подобно господину Карно, есть человѣкъ, съ *непризнанною неспособностью*, и, что еще важнѣе, онъ, кромѣ того, представляетъ въ своемъ лицѣ ошдѣки 1848 года, которыми партія либеральная и партія дѣйствія все еще уверяютъ другъ друга. Гарнье Пажесъ — несчастный авторъ того декрета о сорока пяти сантимахъ, которымъ всѣ тяжкія послѣдствія разорительнаго правленія Людовика Филиппа обращены исключительно на поземельную собственность, и который вооружилъ противъ французской республики сельское населеніе; тогда какъ національныя мастерскія, избобрѣтенныя друзьями Гарнье Пажеса, вооружили противъ нея буржуазію. Не смотря на это, Гарнье Пажесъ вѣроятно будетъ избранъ; человѣкъ впрочемъ совершенно безвредный, потому что люди, равные нулю, всегда бываютъ безвредны.

Наибольше шансов на успех отнимает у него кандидатура господина Толена, мастераваго. Она, однакожь, возбудила противъ себя и правительство, опасавшееся видѣть восстановленія того, что принимало оно за социализмъ, и журналы оппозиціи (за исключеніемъ *Opinion Nationale*, защищающаго эту кандидатуру, но робко) и, въ особенности, огромное большинство рабочихъ, которые обвиняютъ Толена въ единомысліи съ партией Пале-Рояля. Странно, что Толень благосклонно былъ принятъ чистыми республиканцами, которые остались весьма довольными объявленіемъ политическаго мнѣнія или такъ называемою *profession de foi* этого кандидата и его патроновъ, и увидѣли въ этомъ случаѣ средство нанести вредъ кандидатурѣ Гарнье Пажеса.

Эти споры вызвали интересное преніе о рабочихъ кандидатурахъ. Немедленно пошла въ ходъ формула: на сколько кандидатура рабочаго сама по себѣ можетъ быть вещью превосходною, на столько рабочая кандидатура неблагоприятна и достойна сожалѣнія. Пусть страна представляема будетъ ремесленниками такъ же, какъ она представляется капиталистами, людьми военными, моряками, медиками и фабрикантами: ничто не можетъ быть болѣе справедливымъ. Но депутатъ долженъ представлять Францію, а не интересы своего мастерства, своей профессіи, или своего прихода. Въ противномъ случаѣ, это было бы уничтоженіе всякаго національнаго представительства, которое не имѣетъ или почти не имѣетъ никакого значенія, если роль его, по самому своему существу, не нравственная и не политическая. Какъ скоро депутаты имѣли бы обязанностью представлять матеріальные интересы частныхъ лицъ или отдѣльныхъ групповъ, а не интересы общіе, тогда не было бы парламента, а былъ бы престои совѣтъ присяжныхъ людей или палата старшинъ торговаго и промышленнаго сословія. Рядомъ съ уполномоченными отъ судовладельцевъ, комиссіонеровъ мелкихъ торговцевъ, пришлось бы поставить представителей портныхъ, каменщиковъ, сапожниковъ, фуфусочницъ и корсетницъ. Подобная организація равнялась бы совершенному уничтоженію націи, какъ лица политическаго и нравственнаго.

Затруднительное положеніе французской политики нисколько не помѣшало нашему *beau monde* веселиться на пропалую или, до крайней мѣрѣ, расходовать огромныя деньги на увеселенія. Подумаешь, что это дѣлалось для того, чтобы оживить торговлю. Разсчитано,

что въ тридцать шесть дней большого сезона баловъ израсходовано на туалеты и на приёмъ гостей шестьдесятъ девять милліоновъ франковъ, т. е. около двухъ милліоновъ въ каждую ночь, и это въ одномъ Парижѣ, у частныхъ людей, такъ какъ расходы по баламъ общественнымъ не входятъ въ этотъ бюджетъ, который признается несколько не преувеличеннымъ. Между тѣмъ, какъ маскарады все болѣе и болѣе выходятъ изъ обыкновенія въ сословіяхъ буржуазии и ремесленномъ; они, наравнѣ съ домашними представленіями, производили фуроръ въ напѣхъ богатыхъ салонахъ. Наши прелестныя дѣвицы-аристократки одѣвались въ костюмы наиболѣе заманчивые, а ихъ матушки и тетушки отличались богатствомъ и особенно дикою оригинальностью своихъ нарядовъ. Одна молодая особа наряжена была попугаемъ, въ пестрыхъ перьяхъ; другая, чтобъ показать, что ея холодность исчезла, наделась, одѣтою въ ташии снѣгъ; были наряды, означавшіе изморозь, оттепель, невозможность явиться на свиданіе въ десять часовъ, даже въ полночь; были — и планета Венера, и жонгли, и туберозы, и бенгальскія розы; обладательницы милліоновъ наряжены были нищими, въ бархатныхъ и атласныхъ платьяхъ, нарочно разорванныхъ и съ искусственными ломотьями; молодыя дѣвушки, неся мѣсяцевъ тому назадъ вышедши изъ монастыря, одѣты были пажами или копировали въ своихъ нарядѣхъ актрисъ бульварныхъ театровъ. Невольницы, принцессы, волшебницы, авантюристки, амазонки, китайки, неаполитанки, эскимоски, бразиліянки, словомъ, всевозможныя дѣвицы со всего свѣта, кавалось, являлись на свиданіе со всевозможными миселогическими и историческими лицами Греціи, Рима и среднихъ вѣковъ. Что касается мужчинъ, то они въ своихъ нарядѣхъ достигли идеала легкости. При помощи картонной бумаги, кусковъ дерева, клея, гвоздей, листового желѣза, веревокъ, шести и шѣдныхъ оковокъ, одинъ выдумалъ представлять удлиненную улицу Риволи, другой — Вандомскую колонну, третій — швейцаръ-голландскій вопросъ; какой-то глумясь изображалъ собою столкновение двухъ локомотивовъ, желая ознаменовать случай, бывшій на сѣверной жемъной дорогѣ и стоившій жизни почти сорока человѣкамъ. Одинъ молодой депутатъ законодательнаго корпуса въ совершенствѣ игралъ роль обезьяны, другой — роль бѣлаго медвѣди; какой-то шутъ олицетворялъ собою опасеніи, возбуждаемыя предстоящими выборами. Изъ всего этого ясно, что

Париятъ глушесть еще быстрее, чѣмъ вылетѣть отъ его глухостей простодушная Франція.

До сихъ поръ мы говорили о внутреннемъ состояніи страны. Что касается внѣшней ея политики, то неоспоримо, что французское правительство, котораго положеніе нѣсколько недѣль тому назадъ действительно было бѣдственнымъ, значительно возвысилось въ отношеніи къ Англіи, упавшей весьма низко. Щелчокъ, данный лордомъ Пальмерстономъ императору Бонапарту въ вопросѣ польскомъ, возвращенъ императоромъ Бонапартомъ лорду Пальмерстону въ вопросѣ датскомъ. Въ результатѣ выходятъ два щелчка. Никакъ не должно волагать, что действительное положеніе нашей имперіи улучшилось, и что затрудненія, въ которыхъ она рано или поздно должна попасть, перестали быть неустраняемыми, на томъ основаніи, что и себѣ языкъ, почтенный лордъ Пальмерстонъ, съ своей стороны, также отутулся въ западѣ.

Согласился еще разъ съ счастьемъ Бонапартовъ, согласился, что планета Сатурнъ, какъ выражаются хиромантии, находится на ладони булонскаго и стразбургскаго импергента. Король этого сина судьбъ почувалъ толь, и мало по малу сталъ наполняться водою. Люди торопливые уже опредѣляли минуту, когда онъ пойдетъ ко дну; но вотъ какой-то предметъ, плавающій на морѣ, попалъ въ щель корабля и закрылъ ее на три четверти; безпокойства шлюбца немедленно исчезаютъ, и онъ считаетъ себя спасеннымъ. Последняя услуга, оказанная этому чловѣку судьбою, заключается въ неопредѣленности смерѣ датчанъ съ германцами, въ этой кутерькѣ, гдѣ всѣ возможныя противорѣчія собрались на свиданіе другъ съ другомъ. Но какой человѣческій подѣтъ могъ быть столь великимъ, чтобъ угадать, что способны сдѣлать изъ шлепнигъ-голштинскаго вопроса нѣмецкіе князья, либералы, демократы и реакціонеры?!

Замѣтимъ еще разъ: не смотря на правительства Франціи, не смотря на самую націю, французы съ 1789 года представляютъ собою тотъ принципъ, который лежалъ въ основаніи преслѣдннаго тогда переворота. И Наполеонъ I Бонапартъ, и Людовикъ XVIII, и Карлъ X, и Людовикъ Филиппъ, и генералъ Кавендьякъ, и Людовикъ Наполеонъ III Бонапартъ, были официальными репрестранителями этого принципа, этой идеи, чисто французской. То, что Наполеонъ I Бонапартъ, что Людовикъ XVIII, что Карлъ X, что Людовикъ Филиппъ, что геше-

раль Кавеньяк, что Людовик Наполеонъ, представляли собою, какъ отдельные лица, это не важно и, по самой своей природѣ, имѣютъ значеніе только временное; но они должны были, наперекоръ своимъ дѣламъ и стремленіямъ, распространить французскую идею и, слѣдовательно, жить жизнью и быть сильными силою Франціи. Конечно, бонапартизмъ въ нашей странѣ — штука не важная; онъ бы давно давно пересталъ существовать, еслибы не вступилъ въ тѣсный союзъ съ какимъ-то забавнымъ шовинизмомъ, съ какимъ-то уродливымъ, злобреднымъ космополитизмомъ, и съ какимъ-то неопційскимъ социализмомъ. Въ качествѣ солдатъ императора Бонапарта, французы стрѣляютъ въ Хуареса, конституціоннаго правителя Мексики; но въ качествѣ распространителей французской идеи, они отлучаются отъ церкви мексиканскимъ архіепископомъ. Замѣйте это! Въ качествѣ солдатъ императора Бонапарта, наши войска въ Римѣ возбуждаютъ противъ себя ненависть итальянцевъ; но какъ распространители французской идеи, они предаются проклятію кардиналами и ихъ компаніею!

Прибавимъ въ заключеніе, что резервы французской арміи призваны подъ знамена, съ тѣмъ, чтобъ быть готовыми къ пону итѣща. Съ какою это цѣлью?

Послѣ кроваваго сраженія, происходившаго при Бау и Оберс, гдѣ кроаты и венгерцы, въ числѣ 8000 человекъ, побѣдили упросто 3000 датчанъ, не было ни одного происшествія, важнаго съ стратегической точки зрѣнія. Благодаря самопожертвованію двухъ полковъ, датская армія была спасена, и хотя ее сильно преслѣдовали австрійцы, сопровождаемые съ фланга пруссаками, она имѣла, потерѣвъ значительныя потери, занять твердую позицію въ Динкель, защищенную нѣсколькими судами и резервными войсками, находившимися на островѣ Альсеи. Кажется, рѣшено, что генералъ Меца своимъ неожиданнымъ отступленіемъ спасъ свою армію отъ совершеннаго разрушенія. Въѣвъ, и въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, теперь болгаски, что Даннебургъ — укрѣпленіе почти неприступное, и въ спорѣ оно замѣнено недостаточнымъ количествомъ войскъ. Но Меца, пошлѣнному, она имѣла третью часть того числа солдатъ, како

ему было необходимо, и ультра-датчане удерживают его, что онъ не покинулъ своей позиціи двадцатью четырьмя часами ранѣе, тогда какъ ультра-германцы обвиняютъ Врангеля и Габленца въ измѣнѣ, что эти генералы дали датской арміи возможность спастись. Во Франкфуртѣ серьезно говорятъ, что это было движеніе, вранѣе условленное. Итакъ признано, что Меца спасъ свое отечество, тѣмъ не менѣе онъ остается безъ должности.

Когда прошли первые восторги, возбужденные побѣдою, что было дѣлать австрійцамъ и пруссакамъ, какъ не поспорить о томъ, какая доля славы принадлежитъ каждому изъ нихъ въ этой знаменитой компаніи. Пруссаки не преминули заявить, что поводомъ къ отступленію датчанъ, а слѣдовательно и причиною побѣды, было движеніе, предпринятое на Ариксъ и Капсельнъ, тогда какъ австрійцы увѣряли, что отступленіе датской арміи предшествовало этому движенію, продолжавшемуся двадцать четыре часа, что атака на Мессунде, мнимая или дѣйствительная, имѣла бѣдственный исходъ и что единственное сраженіе, достойное этого имени было сраженіе при Оберзе; при этомъ они съ гордостью указывали на груды труповъ, покрытая густымъ саваномъ снѣга. Надо замѣтить, что преслѣдованіе производилось въ ужасную погоду, во время мятели, которая ослѣпляла и людей, и лошадей. Явленіе было такое же, какъ послѣ сраженія, происходившаго при Ватерлоо. Кому изъ двухъ, Блюхеру или Веллингтону, принадлежитъ слава пораженія, нанесеннаго великому Наполеону? Пока будутъ существовать англичане и пруссаки, вопросъ этотъ останется неразрѣшеннымъ. Какъ бы то ни было, пруссаки, занятые этимъ споромъ, потребовали, чтобы австрійцы предоставили имъ однимъ атаковать датчанъ въ Дюпелѣ. Они дѣйствительно предприняли эту атаку подъ начальствомъ юнаго принца Карла, отличающагося воинственнымъ пыломъ, но были опрокинуты и потерпѣли уронъ въ присутствіи австрійцевъ, которые съ злобною радостью ждали смотрѣли на ихъ пораженіе. Нѣсколько вновь предпринятыхъ и вновь отбитыхъ атакъ — вотъ резюме операций союзной арміи съ 10 февраля по 20 марта

Вторженіе въ Ютландію не менѣе было странно, какъ и дѣйствія, ему предшествовавшія. 18 февраля занятъ былъ городъ Кольдингъ. Немедленно противъ этого возсталъ англійскій кабинетъ. Господинъ Бисмаркъ увѣряетъ въ одной нотѣ, что это занятіе было сдѣлано противъ формальныхъ инструкцій, что онъ

за это упрекали главнокомандующаго, но что городъ остается занятымъ въ видахъ чисто *стратегическихъ*, какъ будто пѣхота, кавалерія и артиллерія когда нибудь дѣлаютъ что иное, кромѣ стратегическихъ занятій. Передъ тѣмъ Австрія и Пруссія безпрестанно увѣряли, что питаютъ полное уваженіе къ цѣлости Датской монархіи. Обѣ великія германскія державы утверждали, что война въ Шлезвигѣ и занятіе этого герцогства составляли мѣру, правда строгую, но за то только временную, необходимую для того, чтобы принудить датское правительство къ исполненію принятыхъ имъ на себя обязательствъ и окончательно защитить Данію противъ несправедливыхъ притязаній Германскаго Сейма. Такимъ образомъ сперва Сеймъ занимаетъ Гольштинію, съ тѣмъ чтобы обезнечить исполненіе обязательствъ датскаго правительства въ отношеніи къ этой странѣ; потомъ Пруссія и Австрія овладѣваютъ Шлезвигомъ, съ тѣмъ чтобы помочь Сейму вопреки его собственному желанію и гарантировать цѣлость Датской монархіи вопреки самой Даніи; за тѣмъ онѣ берутъ Ютландію, чтобы вознаградить себя за издержки по занятію Шлезвига. Правда, если онѣ не занимаютъ Копенгагена, чтобы вознаградить себя за расходы по занятію Ютландіи, и если онѣ не занимаютъ Швеціи, чтобы вознаградить себя за расходы по занятію Даніи, то ужъ конечно не по недостатку доброй воли, а единственно за неимѣніемъ средствъ.

Разъ какъ-то пруссаки сдѣлали забавную ошибку. Вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія, они потребовали, чтобы войска, вторгнувшіяся въ датскія владѣнія, заняли города Альтону, Киль и Нейнштеръ. Федеральные комиссары воспротивились этой мѣрѣ, основываясь на инструкціяхъ, данныхъ Сеймомъ. Не смотря на это, прусскій генераль Равенъ снова объявилъ, что займетъ Альтону. Ему отвѣтили, что онъ встрѣтитъ сопротивленіе со стороны федеральныхъ войскъ. Это заставило упornaго Равена призадуматься. Но одинъ прусскій батальонъ вошелъ въ Альтону безъ предварительныхъ переговоровъ. Онъ достигъ торговой площади, гдѣ немедленно былъ окруженъ федеральными войсками, имѣвшими въ рукахъ заряженные ружья и зажженные фитали. Пруссакъ остановились и за тѣмъ, вообще сильно сконфуженные, простояли на мѣстѣ до наступленія ночи. Тогда федеральный военачальникъ наивно позволилъ имъ расположиться въ городѣ, но съ тѣмъ, чтобы они дали слово удалиться. По этому случаю Бисмаркъ объявилъ, что онъ отдавалъ

генералу Равену приказаніе нѣчего не посылать въ Альбону, но что такъ какъ пруссаки шли скорѣе телеграфическою донешю, то они должны оставаться тамъ, гдѣ были. Впрочемъ, генералъ Врангель, повидимому, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы сдѣлать несправедливость федеральнымъ комиссарамъ. Его чиновники, нарочно выписанные нѣтъ изъ Берлина, были причиною множества столкновеній съ Шлезвигскими жителями. Партиянамъ августенбургскаго претендента угрожала опасность подвергнуться гнѣву фельдмаршала, котораго прокламація отличалась большою строгостію, чѣмъ еслибъ онъ вступилъ въ завоеванную страну...

«Объявляю,» сказано между прочимъ въ этой прокламаціи, — что г. Шедлицъ (эксъ-начальникъ полиціи, бывшій на весьма дурномъ счету въ Берлинѣ) назначенъ комиссаромъ по гражданской администраціи. Утверждаю временно всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ Шлезвигскаго герцогства въ занимаемыхъ ими теперь должностяхъ. Приказываю имъ, во всѣхъ вопросахъ по внутренней администраціи, центромъ которой пока назначается Шлезвигъ, обращаться исключительно къ гражданскимъ комиссарамъ, и именно только къ прусскому, пока не прибудетъ австрійскій.

«Всякій чиновникъ, не подчиняющійся вполне этому начальству, немедленно будетъ отставленъ.

«Немецкій языкъ съ этой минуты дѣлается административнымъ...

«Я формально запрещаю политическія демонстраціи, противныя дѣлу, избранной двумя великими германскими державами соединившимися для войны, а равно и попытки къ принятію какого бы то ни было другаго правительства (забудьте это себѣ, герцогъ Августенбургскій!) Если тѣмъ не менѣе будетъ сдѣлана подобная попытка, то виновники ея и соумышленники ихъ (берегитесь, господинъ претендентъ!) будутъ строго наказаны. Участіе чиновниковъ въ такого рода демонстраціяхъ или попыткахъ немедленно повлечетъ за собою, независимо отъ наказанія по закону, отставку виновныхъ съ занимаемыхъ ими должностей.

«Писано въ главной квартирѣ, во Фленсбургѣ, 7 февраля 1864 г.

«Главновозвѣдующій союзною арміею

«Фельдмаршала Врангеля.»

До прибытія этого страшнаго фельдмаршала, претендентъ то въ одномъ городѣ, то въ другомъ, принималъ кое-какія депутаціи профессоровъ или крестьянъ, одна за другою съ тѣмъ, чтобы предло-

жить ему снайперъ и ворону. Но главный пруссакъ испортить ему все дѣло. Теперь претендентъ для большей безопасности дѣйствуетъ изъ-за тыла австрійской дивизіи. Къ великой досадѣ приверженцевъ его, полицейскій комиссаръ, присланный изъ Берлина, поддерживалъ датскихъ чиновниковъ, заставляя въ толпицу одного французскаго журналиста, привлеченнаго на сторону герцога читателями газетъ Patrie и Nation, преслѣдовалъ знамена германскаго единства и даже Шлезвигъ-Гольштейнскія и обременялъ разными требованіями мѣстныхъ жителей, которые отъ души возненавидѣли своихъ страшныхъ освободителей. Цедлицъ безъ всякой церемоніи арестовалъ пасторовъ, профессоровъ, судей и прѣстныхъ частныхъ людей, которые сами же прежде громко требовали вторженія германскихъ войскъ. Отнявъ у претендента почетную стражу, находившуюся передъ его дворцомъ въ Килѣ, пруссаки овладѣли пятью тысячами мундировъ, которые герцогъ заказалъ у своего портнаго для своихъ будущихъ солдатъ. Надо сказать правду, что всѣ эти приключенія весьма не-пріятны для Фридриха еонъ-Шлезвигъ-Гольштейнъ Зонденбургъ-Аугустенбурга. О! еслибъ можно было быть героемъ, не компрометируя себя!

Австрійцы, не лишены такта, спокойно смотрятъ, какъ пруссаки компрометируютъ себя передъ жителями Шлезвига и передъ второстепенными германскими державами и сосредоточиваютъ на своей главѣ ненависть датчанъ. Предоставивъ фельдмаршалу Врангелю титулъ главнокомандующаго, они тѣмъ самымъ предохранили себя отъ всякой отвѣтственности. Различіе положенія обоихъ корпусовъ арміи до того разительно, и военное соперничество подавало поводъ къ столкновеніямъ до того не-пріятнымъ, что уже спрашивается: возможно ли, чтобы, въ случаѣ гражданской войны, Пруссія и Австрія оставались соединенными противъ второстепенныхъ германскихъ державъ? И такая война не только представляется общественному мнѣнію возможною, но многіе публицисты даже объявляли ее неизбежною и утверждали, что освободители Гольштейнскіе вскорѣ вступятъ въ борьбу съ освободителями Шлезвига. Великій герцогъ Баденскій, въ этомъ случаѣ болѣе всѣхъ возвысилъ свой голосъ. «Мы можемъ», воскликнулъ онъ, — «выставить триста тысячъ солдатъ, а это болѣе, чѣмъ нужно для того, чтобы образумить Бисмарка и Рехберга!»

И воодушевляемый такою храбростью, Сеймъ потребовалъ увели-

ченія федеральныхъ войскъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ съ сожалѣніемъ предвидитъ непріятное для себя столкновение.

Что касается до центральной демократической комиссіи нѣмецкихъ депутатовъ, то она послала въ подчиненные ей комитеты манифестъ, который дикари на островахъ Океаніи перевели бы неистовыми криками, раздающимися во время воинственной пляски.

Національ-фрейльъ, съ своей стороны, не оставался бездѣятельнымъ. Онъ принялъ молодаго Аугустенбургскаго принца подъ свое особое покровительство. Съ этою цѣлью, онъ вотировалъ и отправилъ въ ганноверскія палаты адресъ, въ которомъ онъ убѣждаетъ ихъ признать владѣльческія права герцога Фридриха и просить, даже требовать отдѣленія герцогствъ отъ Дани. Въ то же время Національ-фрейльъ уговаривалъ ганноверскихъ патриотовъ собраться на площади передъ законодательнымъ собраніемъ съ тѣмъ, чтобы придать этой просьбѣ большую силу. Въ нашей прелестной Франціи такіе поступки болѣе чѣмъ достаточны для того, чтобы виновникъ ихъ подвергся преслѣдованію со стороны императорскаго прокурора за возбужденіе безпорядковъ и даже мятежа.

Въ вюртембергской палатѣ г. Гюгель потребовалъ, чтобы правительство всѣми силами старалось доставить торжество дѣлу національности посредствомъ наступательнаго и оборонительнаго союза второстепенныхъ державъ противъ несправедливыхъ притязаній Пруссіи и Австріи. Не полагаясь на могущество государственныхъ людей Штуттгарда, онъ предложилъ: пренія о чрезвычайномъ пособіи въ 680,000 флориновъ на военные расходы (сумму не слишкомъ значительную для борьбы съ двумя великими державами), отсрочить до того времени, когда второстепенныя государства наконецъ рѣшатся дѣйствовать серьезно. Это однакожъ не помѣшало вотировать заемъ огромнымъ большинствомъ, по случаю настоятельной потребности въ деньгахъ.

Саксонія не отставала отъ другихъ державъ. Она предложила замѣнить въ Голштиніи федеральными войсками австро-прусскую резервную армію.

Всѣ эти манифестаціи сосредоточивались на вюрцбургскихъ конференціяхъ, собравшихся съ тѣмъ, чтобы принять мѣры противъ честолюбивыхъ замысловъ господъ министровъ Пруссіи и Австріи. Эти конференціи, впрочемъ, не достигли своей цѣли.

10-го марта франкоуругскому сейму предстояло рассмотреть пять важныхъ вопросовъ:

1) Предложеніе Австріи относительно передачи правительственной власти въ Голштиніи фельдмаршалу Врангелю. Это предложеніе сформулировано въ выраженіяхъ дипломатическихъ и довольно осторожныхъ, но выводъ изъ него ясенъ и точенъ: отъ сейма требуется не болѣе, не менѣе, какъ самоубійство.

2) Предложеніе Баваріи, Бадена и Брауншвейга, чтобъ начальникъ федеральныхъ войскъ дозволилъ фельдмаршалу Врангелю устроить только этапную линію между Альтоною и Килемъ.

3) Предложеніе Гессенъ-Дармштадта, имѣющее цѣлью примирить австро-прусскія претензіи съ требованіями второстепенныхъ державъ относительно занятія Голштиніи.

4) Предложеніе Баваріи и Вюртемберга, требующихъ созванія сейма въ Голштиніи.

5) Рапортъ комитета по вопросу о послѣдствѣ въ герцогствахъ.

Вообще датскій вопросъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становится германскимъ. Теперь рѣчь идетъ не столько о границѣ голштинской или шлезвигской, сколько о существованіи самого сейма и о глубокомъ преобразованіи, которому должна подвергнуться Германія или путемъ мира или чрезъ жестокія страданія, порождаемыя гражданскою войною. Главная бѣда та, что вопросы были дурно поставлены и что словами «національность», «законность», «трактаты» и «демократія» произведенъ такой хаосъ, который невозможно уничтожить. И принципы, и интересы — все перемѣшано; нельзя принять ничьей стороны; остается одно — идти противъ всѣхъ; это самое простое средство не быть компрометированнымъ никѣмъ и оставаться вѣкъ этой кутерьмы, гдѣ только можно получать неприятные щелчки и въ замѣнъ ихъ раздавать удары совершенно безполезные.

Мы не знаемъ, что выйдетъ изъ всего этого для бѣдной Даніи и для бѣдной Германіи. Во всякомъ случаѣ, второстепенныя германскія державы повидимому поставлены въ большое затрудненіе. Австрія и Пруссія обращаются свысока съ государствами, которыя въ отношеніи къ нимъ находятся въ положеніи Даніи и которыя тысящальнейшимъ солдатамъ могутъ противопоставить только пять сотъ. Эти тридцать мелкихъ государствъ имѣютъ каждое свои отдѣльные интересы; стоитъ только обѣимъ великимъ державамъ оставить

на время свою взаимную зависть и свое взаимное старинное соперничество, чтобы уничтожить одного за другим своих маленьких врагов и сыграть роль двух лисицъ, ступившихся посреда кроликовъ. Таково, впрочемъ, мнѣніе газеты *Таймсъ*, которая въ припадкѣ британскаго юмора не затрудняется замѣтить сейму, что «скорѣй женщины и дѣти какого нибудь прихода могли бы вообразить противъ мѣстнаго мужскаго населенія, чѣмъ маленькія германскія королевства и княжества борются противъ соединенныхъ силъ Австріи и Пруссіи». Оппозиція этихъ второстепенныхъ государствъ имѣла бы значеніе либо въ томъ случаѣ, еслибъ она поддерживалась всеобщимъ національнымъ движеніемъ, — на что упущено благоприятное время, — либо въ томъ, также неавѣроятномъ случаѣ, еслибъ Пруссія открыто пристала къ программѣ маленькихъ державъ, съ тѣмъ, чтобы оставить Австрію одинокою, если только послѣдняя не вздумаетъ круто повернуть своей политики и воспользоваться программою чисто прусскою, что могло бы быть смертельнымъ ударомъ для Пруссіи и началомъ германскаго единства. Все это составляетъ тайну будущности. Чувствуется однаже, что настоящее положеніе дѣлъ не можетъ сохраниться и что оно требуетъ кризиса, какъ средство къ спасенію. Если такой кризисъ не наступитъ, то надо отчаяваться въ жизненной силѣ Германіи. Но желая кризиса, мы въ то же время протестуемъ противъ гражданской войны. Притомъ такая война, предпринятая конечно во имя права молодого аугустенбургскаго герцога, безъ всякаго сомнѣнія, повела бы за собою постепенное лишеніе собственности всѣхъ мелкихъ германскихъ владѣтелей либо императоромъ юга, либо королемъ сѣвера. Съ другой стороны, еслибъ началась гражданская война, она неизбежно отступила бы отъ предназначенной ей цѣли и сдѣлалась бы революціонною; въ такомъ случаѣ германскіе мелкие владѣтели все-таки лишились бы своей собственности, а они такъ же мало желаютъ быть свергнутыми съ своихъ престоловъ, какъ и быть медиатизированными. Притомъ война, принявъ революціонный характеръ, сдѣлалась бы всеобщою, и что изъ этого могло бы выдти? Поэтому нѣмецкіе мелкие владѣтели стараются найти средство къ заключенію мировой сдѣлки съ своими могущественными собратами, другими словами: они готовы подчиниться распоряженіямъ Австріи и Пруссіи. Предлогъ, который они хотятъ представить для этой цѣли, весьма оригиналенъ: опъ заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ объявленіи,

сдѣланномъ Данією, что она будетъ захватывать нѣмецкія суда. До этого времени, между этими королевствами и Германією господствовалъ миръ. Второстепенныя германскія державы, громко требовавшія, чтобы и самый Шлезвигъ былъ навсегда отдѣленъ отъ Гольштадта, и упрекавшія Пруссію, что она хочетъ воспрепятствовать раздѣленію Датской монархіи, удивились, что Данія сочла себя атакованною послѣ пожара, произведеннаго въ Миссунде, и послѣ кровопролитнаго сраженія, происходившаго при Оберзе. Вюрцбургъ закричалъ, что захватъ нѣмецкихъ судовъ равняется нападенію на самую Германію, тевтоманы громко упрекаютъ Скандинавію въ измѣнѣ. Поэтому самъ сеймъ охотно сталъ бы подъ знамена Врангеля и призналъ бы его генералиссимусомъ Голштиніи и Шлезвига, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобъ онъ, сеймъ, могъ присоединиться къ славному походу прусскаго генерала и чрезъ своихъ гражданскихъ комиссаровъ участвовать въ управленіи покоренною страню. Какъ всегда, миръ въ такомъ случаѣ заключенъ былъ бы на счетъ слабого.

Въ это самое время Англія предложила созвать конгрессъ для рѣшенія шлезвигъ-голштинскаго вопроса. Это уже четвертая попытка къ водворенію мира, оказавшаяся неудачною. Уже не говоря объ императорѣ Наполеонѣ, который радъ былъ случаю отмстить своей союзницѣ, Англіи, за ея выходку въ отношеніи къ нему, — сама Данія отказалась вступать въ переговоры, пока германцы будутъ занимать Шлезвигъ; Пруссія же и Австрія соглашались участвовать въ конференціяхъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы продолжалась война. Если дѣло должно быть отдано на третейскій судъ, къ чему тогда новое кровопролитіе? Ужъ не хотятъ ли рѣшить на чьей сторонѣ сила? Для этого достаточно бросить взглядъ на карту Европы и раскрыть статистическій словарь.

Что же касается до желаній самихъ народовъ, то объ нихъ, кажется, до сихъ поръ никто и не подумалъ справляться ни по сю, ни по ту сторону Эйдера или Шлея!

Всѣ удары, паносимые Данією, болѣзненно отзываются въ сердцѣ Англіи. Англичане полагаютъ, что право на сторонѣ датчанъ; всѣ ихъ журналы повторяютъ это единогласно; Англія знаетъ, что она своимъ бездѣйствіемъ можетъ лишиться своего вліянія въ Европѣ; у ней огромный запасъ военныхъ силъ, а между тѣмъ она не вступаетъ за Данію вооруженною рукою. Еслибъ она чистосердечно обра-

тилась къ доктринѣ рѣшительнаго невмѣшательства въ чужія дѣла, елибъ она призвала въ совѣты своего правительства знаменитаго Элигу Бѣррита, бывшаго кузнеца, и Эдмунда Фрея, редактора *Олм-коваго вѣсника*, елибъ она уничтожила свои арсеналы и уменьшила кадры своей арміи, сохраняя только то число войска, какое необходимо для политики, исключительно оборонительной, — въ такомъ случаѣ мы бы достойнымъ образомъ оцѣнили примѣрную терпѣливость со стороны самой могущественной націи въ мірѣ. Къ несчастію, всего этого ничуть не бывало; Великобританія нисколько не затрудняется вмѣшиваться въ дѣла Индіи, Китая, Японіи, Бразиліи; чуть было она не приняла участія въ великой американской войнѣ, вступившись за дѣло рабства.

Къ чему же служить самый могущественный флотъ въ мірѣ, если имъ не пользоваться? Къ чему ежегодно копить остатки въ милліоны и сотни милліоновъ, и оставлять ихъ безъ употребленія? Не значить ли это поставить себя въ положеніе того покорнаго супруга, которому жена каждое воскресенье выдавала по три фанка, съ замѣчаніемъ: «Показывай всѣмъ эти деньги, но не смѣй ихъ тратить!»

Джонъ Буалъ, который годъ тому назадъ на всѣхъ смотрѣлъ свысока, сдѣлался почти посмѣшищемъ Европы, послѣ знаменитаго отвѣта, даннаго княземъ Горчаковымъ. Помня свой прежній высокомерный топъ, онъ нѣсколько разъ собирался утрашить Германію, которая ему смѣялась въ глаза; онъ нѣсколько разъ хотѣлъ заставить ревѣть великаго британскаго льва, но великій левъ оставался безмолвнымъ, расположившись въ темномъ углу Сентъ-Джемскаго дворца. «Шаривари» увѣряетъ, что это животное болѣе не существуетъ, что оно превращено въ чучело, но что и въ этомъ видѣ оно сохранило свою грозную позу.

Англія сознаетъ свое униженіе и охотно выместила бы свою досаду на Пальмерстонъ, елибъ первый ея министръ, не смотря на свою подагру и свои восемьдесятъ лѣтъ не былъ, по крайпей мѣрѣ съ виду, болѣе всей остальной націи расположенъ къ политикѣ дѣйствія. Однакожъ, для оправданія гордаго Альбіона, рѣшено было сдѣлать выговоръ министерству, что и исполнилъ весьма шутивнымъ образомъ лордъ Дерби. Обращая кинжалъ въ ранѣ своего пораженнаго противника, онъ сравнилъ графа Росселя съ Боттомомъ, представленнымъ въ шекспировскомъ «Снѣ въ лѣтнюю ночь», съ человекомъ, который во что бы то ни стало хотѣлъ играть роль льва,

и обещавшись ревѣть самыми ужасными образами, предложили, чтобы не испугать дамъ, ревѣть такъ тихо, какъ воркуетъ голубь. Въ верхней палатѣ много и долго смѣялись этой шуткѣ! Графъ Россель только замѣтилъ, что самое лучшее мѣсто въ рѣчи его почтеннаго друга заключается въ эпиграммѣ, заимствованной изъ Шекспира, и что онъ, графъ Россель, былъ бы весьма благодаренъ своему почтенному другу, еслибы этотъ почтенный другъ рѣшилъ, слѣдовало ли ревѣть громче.

Англія, по прежнему, дѣлаетъ другимъ миролюбивые выговоры и воинственные угрозы. Последнимъ маневромъ лорда Пальмерстона было помѣщеніе въ «Morning Post» грозныхъ статей, написанныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы устранить либеральную Европу и просвѣтить монарха, который засѣдаетъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ по милости революціи 1848 года.

Газета англійскаго министра угрожаетъ мнимому священному союзу торжественнымъ наказаніемъ со стороны Англии и Франціи, готовыхъ будто бы въ одно и то же время вооружить и Венгрію, и Польшу, и Италію, и — чего ужъ никакъ нельзя было ожидать въ этомъ случаѣ — соединиться съ Турціею для отмщенія обиды, нанесенной дѣлу общественной свободы.

«Австрія, Пруссія и Россія, говоритъ Morning Post, рассчитывая на разрывъ между Франціею и Англіею, соединились между собою, съ тѣмъ, чтобы сражаться противъ революціи.

«Но Австрія, Пруссія и Россія ошибаются. Польша, Венгрія и Италія возстанутъ.

«Англія и Франція соединять свои оружія и обезпечать прогрессъ Европы. Мы возобновимъ союзъ англо-французскій и уничтожимъ союзъ священный.»

Какъ это сильно сказано! Но за чѣмъ не говорите вы этого князю Горчакову? Тотъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы вамъ дать отвѣтъ.

Четыре дня спустя, «Morning Post» возобновляетъ прерванную бесѣду.

«Австрія и Пруссія», говоритъ эта газета, «дали слово, что они согласны на конференцію и на перемиріе, съ условіемъ, чтобы датчане очистили островъ Альвенъ, возвратили захваченныя ими нѣмецкія суда и на будущее время воздержались отъ мести. Съ своей стороны, союзники обещаются очистить Ютландію.

«Спрашивается», прибавляетъ «Morning Post», — «должны ли

мы раскрыть глаза, съ тѣмъ чтобы имъ зашепкали пескомъ? Пруссія, австрійцы и русскіе омыются надъ нами въ свою очередь.

«Они стремятся къ общей цѣли. Тѣсный союзъ существуетъ, если не на основаніи трактатовъ, то во всякомъ случаѣ de facto между тремя кабинетами.

«Мы будемъ вовлечены въ войну, такъ какъ Англія должна защищать свои истинные интересы.

«Намъ нельзя будетъ оставаться въ бездѣятельномъ и наблюдательномъ положеніи, когда черезъ нѣсколько недѣль вся Европа взволнована будетъ барбарою.

«Мы бы могли отдѣлаться отъ настоящихъ затрудненій болѣе дешевымъ образомъ, еслибы мы оказали помощь Польшѣ и приняли сторону Даніи, но Англія не жалѣетъ о расходахъ, вызванныхъ ея ошибками.»

«Morning Post» въ другой статьѣ развиваетъ идею, что священный союзъ воскресенъ польскими вопросомъ.

«Если Россія, Австрія и Пруссія, говоритъ эта газета, — согласны между собою относительно общихъ основаній покоренія Даніи и Италіи и раздѣленія этой добычи, то имъ не трудно согласиться и относительно частностей.

«Россія могла бы взять Галицію и герцогство Познанское, Австрія — часть Италіи, а Пруссія — Данію.

«Всѣ три члена священнаго союза взаимно другъ за другомъ обезпечивали бы свои пріобрѣтенія.

«Италія и Данія безъ посторонней помощи не могли бы имъ сопротивляться. Притомъ священный союзъ могъ бы подумать и о Турціи.

«Россія довольствовалась бы распространеніемъ своей территоріи на счетъ этой страны и не потребовала бы отъ Пруссіи и Австріи ихъ польскихъ провинцій.

«Ничто не въ состояніи остановить паденія Даніи, Италіи и Турціи, за исключеніемъ союза между Франціею и Англіею.»

Все это сказано очень хорошо, но слишкомъ поздно, а быть можетъ, слишкомъ рано.

Насъ извѣщаютъ, что пароходъ Great-Eastern наконецъ проданъ съ публичнаго торга въ Ливерпулѣ за неслыханную цѣну 25,000 фунтовъ стерлинговъ (625,000 франковъ). Онъ стоилъ различнымъ компаніямъ, которымъ онъ принадлежалъ, 900,000 фунтовъ стер-

линовъ (22,500,000 франковъ). Компаниі, получившей его съ аукциона и имѣющей определенное число акцій отъ прежнихъ компаній, вслѣдствіе убытковъ, которымъ она подвергнется при ликвидаціи этого слабаго актива, пароходъ въ сущности обойдется въ 80,000 фунтовъ стерлинговъ (2,000,000 франковъ). Онъ немедленно назначается для плаваній въ Китай и въ Австралію. Это преждевременная спекуляція.

Послѣдняя почта изъ Бомбея принесла извѣстіе, что молодая жена одного брамина въ Мейварѣ, лишившись мужа, отказывалась, не смотря на настоятельныя требованія жрецовъ, играть роль жертвы въ церемоніи, извѣстной подъ названіемъ Зюлли (т. е. быть сожженою, въ видѣ безутѣшной вдовы). Жрецы помли несчастную и долго подвергали ее разнымъ мукамъ, но не могли побѣдить ея ужаса. Наконецъ, не обращая вниманія на ея сопротивленіе, они сожгли ее насильно.

Англійскій политическій агентъ, г. Иденъ, велѣлъ схватить виновниковъ этого преступленія и осудить ихъ на изгнаніе — однихъ на два года, а другихъ на три.

Нѣтъ надобности замѣчать, что при слухахъ о войнѣ, волнующихъ Европу, Италия подымаетъ свою голову. Она считаетъ себя, справедливо или нѣтъ, способною сражаться даже съ громадною Австрією и завоевать Венецію. Она полагаетъ, что миръ ее разорветъ и что война, быть можетъ, соединитъ подъ одно знамя двѣ большія партіи революціонную и буржуазію, которыя преемникъ господина Кавура, черезъ-чуръ знаменитый супругъ госпожи Ратацци, вполне успѣлъ разсорить одну съ другою. Партія дѣйствія, побѣжденная при Аспромонте, не отказалась отъ своихъ цѣлей, и ея неудовольствія, хотя и не повели къ насильственному разрыву, тѣмъ не менѣе выражались громко при разныхъ случаяхъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сдѣлана была попытка убѣдить депутатовъ оппозиціи коллективно подать въ отставку. Отказъ лѣвой стороны имѣлъ бы результатомъ уничтоженіе довѣрія къ парламенту, котораго правственный авторитетъ въ рѣшеніяхъ отчасти основанъ на взаимномъ противорѣчій членовъ. Лѣвая сторона сама страдаетъ болѣзнію итальянскаго парламента, котораго жизненная сила и значеніе явно приходятъ въ упадокъ. Наибольшая часть депутатовъ оппозиціи продолжали ходить на засѣданія палаты, и число ихъ мало по малу уве

личивалось тѣми, которые сначала было не являлись, въ ожиданіи часа дѣйствія.

Въ парламентѣ явился зародышъ раскола, обнаружившійся при преніяхъ о дѣлахъ Сициліи по поводу строгихъ мѣръ, принятыхъ противъ нарушителей закона и противъ тѣхъ, которые имъ помогаютъ. Просьбы объ отставкѣ послѣдовали одна за другою, и вскорѣ ихъ было двадцать одна, въ томъ числѣ и просьба Гарибальди.

Тогда возникло новое затрудненіе: являлась прокламація Гарибальди объ учрежденіи центрального унитарнаго комитета, обязаннаго собирать денежные средства для войны за независимость и возбуждать въ гражданахъ единомысліе въ дѣлѣ самопожертвованія и долга, и готовность братски помогать другъ другу, когда настанетъ желанный день борьбы за освобожденіе націи.

На эту прокламацію министр, соперникъ испускаго Ратацци, отвѣтилъ наложеніемъ запрещенія на «Diritto» и объявленіемъ, что такъ какъ революціонеры обнаруживаютъ намѣреніе присвоить себѣ инициативу, принадлежащую королю и парламенту, то министерство твердо рѣшилось подавлять всякую попытку такого рода.

Это возбудило новое негодованіе въ партіи дѣйствія. На другой день послѣ этихъ важныхъ событій, среди порожденныхъ ими безпокойствъ, созваны были избирательные комитеты. Спрашивалось, которую изъ двухъ сторонъ оправдаютъ избиратели?

Нѣсколько дней спустя, изъ всѣхъ выборовъ только четыре оказались окончательными, по двѣ на каждую партію; по всѣмъ остальнымъ производилась баллотировка, но на эту баллотировку едва явилась четвертая часть избирателей. Такимъ образомъ лѣвая сторона узнала, къ невыгодѣ своихъ же членовъ, что народъ нисколько не интересуется великою борьбою, происходящею между правительствомъ и революціонерами, и остается безнечнымъ и неподвижнымъ между тѣми, которые оспариваютъ другъ у друга честь давать направленіе его поступкамъ.

«Diritto», органъ партіи дѣйствія, признается въ этомъ словани, исполненными искренности и меланхоліи.

«Нельзя не замѣтить», говоритъ онъ, «что въ продолженіи четырехъ мѣтъ не сдѣлано ничего для вовлеченія большинства народа въ политическую жизнь. Происходилъ турниръ между двумя или тремя партіями: народъ былъ зрителемъ его, большею частію равнодуш-

нынѣ; иногда только онъ рукоплескалъ побѣдителя, но никогда самъ лично не принималъ истиннаго участія въ этой борьбѣ.

«Партія, управлявшая Италіею въ продолженіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ, не сумѣла крѣпкими узлами соединить одинъ съ другимъ интересы народныя. Такъ какъ мы не увѣрены, что наша партія успѣла бы въ этомъ отношеніи, то мы и полагаемъ не безъ основанія, что, во крайней мѣрѣ, съ этой точки зрѣнія, мы должны радоваться, что власть не досталась въ наши руки.

«Бѣда дѣйствительно заключается въ томъ, что всѣ наши партіи, за исключеніемъ развѣ въ нѣкоторомъ отношеніи партія влерекальной, пожертвовали всѣмъ для вопроса исключительно политическаго. Надо было бы имѣть подъ рукою двадцать два милліона государственныхъ людей или героевъ, чтобы предполагать, что освобожденіе Рима и Венеціи сильно можетъ тронуть виподѣловъ въ Марсель, пастиховъ въ Таволиерѣ, земледѣльцевъ Козентино, моряковъ, живущихъ на прибрежьи Адриатическаго моря.

«Мы болѣе увлекались поэтическими мечтами, чѣмъ искусствомъ правленія, и теперь видимъ послѣдствія такого образа дѣйствованія. Наступаетъ минута, когда народъ предоставляет намъ поэзію выборовъ и учрежденія комитетовъ и, удерживаясь отъ всякаго участія въ политической жизни, объявляетъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до прелестныхъ созданій нашей фантазіи.

«Вотъ исторія истинная, живая, говорящая сама за себя. Народъ не является на выборахъ, парламентъ пустъ... Вотъ вамъ наша страна, не въ томъ видѣ, какъ хотѣли бы ее представить мы или наши противники, но въ томъ, въ какомъ она дѣйствительно существуетъ».

Само собою разумѣется, что печальное заключеніе, до котораго доходитъ «Diritto», не раздѣляется правительственною прессою. Въ полуофициальномъ лагерѣ, нѣкоторые до того простираютъ свой оптимизмъ, что въ отсутствіи избирателей на выборахъ видятъ доказательство довѣрія народа въ правительству, довѣрія до того абсолютнаго, что оно даже исключаетъ потребность выражать какія бы то ни было желанія.

Таково нравственное положеніе страны. Что же касается до матеріальнаго ея положенія, то въ Италіи всѣ готовятся къ войнѣ и всѣ даже желаютъ войны — и партія правительственная, и партія дѣйствія, и даже, повидимому, сами австрійцы.

Въ районѣ веронскаго комендантства, содержащемъ въ себѣ также

Бранизъ, Триестъ и Истрию, теперь находится не менѣ ста тысячъ солдатъ, хорошо экипированныхъ и расположенныхъ эшелонами въ городахъ, округахъ и крѣпостяхъ. Эти войска состоятъ изъ кроатовъ, венгерцевъ, истирійцевъ, моравовъ, богемцевъ и поляковъ. Еще ожидается тридцать тысячъ человекъ, въ томъ числѣ двадцать тысячъ кроатовъ.

Всѣ эти войска составятъ армию въ триста тысячъ человекъ. Что-то будетъ? Увидимъ!

Въ Римѣ, г. Монтебелло и Меродѣ, официальные представители бонапартизма и папизма, все еще находятся другъ къ другу въ натянутомъ положеніи. Низшіе представители этихъ двухъ политикъ, зуавы и папскіе солдаты, по временамъ занимаютъ взаимною перестрѣлкою. Никто этому не удивляется; такія явленія въ нѣкоторомъ родѣ вошли въ обыкновеніе; притомъ они происходятъ изъ самаго положенія дѣлъ.

Любопытнѣе то, что національный комитетъ запретилъ увеселенія карнавала, къ великой досадѣ клерикальной партіи, которая удотребляла всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы заставить народъ веселиться. По одному крику, почти вся нація воздержалась отъ этихъ увеселеній. День или два стояла прекрасная погода, и па Согго показалось нѣсколько каретъ. На другой день комитетъ велѣлъ напечатать списокъ лицъ, бросавшихъ конфеты изъ этихъ экипажей. Онъ также обнародовалъ имена тѣхъ членовъ аристократіи, которые давали балы или танцевальныя вечера.

Это довольно любопытная черта въ нашей странной эпохѣ, отличающейся противорѣчіями.

О Соединенныхъ штатахъ опять имѣются хорошія пзвѣстія. Странная вещь! Гораздо охотнѣе смотришь на эту страну, гдѣ свирѣпствуютъ всѣ ужасы гражданской войны, и гдѣ болѣе пятисотъ тысячъ человекъ погибло на полѣ сраженія и въ госпиталяхъ, чѣмъ на другія страны, гдѣ царствуетъ глубокой миръ и ничѣмъ невозмутимая тишина. Дѣло въ томъ, что въ Соединенныхъ штатахъ весь этотъ шумъ и эти убійства происходятъ отъ столкновенія двухъ принципозъ, и что изъ этой великой борьбы возникнетъ обновленіе общества. За то въ сволькихъ странахъ миръ не иное что, какъ форма смерти?

Холода положили конецъ серьезной войнѣ въ Тенесси и Виргиніи.

Генераль Лонгстритъ, котораго пессимисты считали уже обладателемъ Ноксвилля и Кемберленда, благоразумно покинулъ свою позицію. Ли ограничился тѣмъ, что заставилъ идти шагомъ своихъ новыхъ рекрутъ, которыхъ привели къ нему насильно, посредствомъ ударовъ сабли, нанесенныхъ плашмя. И съ той и другой стороны генералы наблюдаютъ другъ за другомъ и готовятся къ походу, назначенному къ веснѣ, къ походу, который, быть можетъ, будетъ рѣшительнымъ.

На югѣ, федералы предприняли двѣ неожиданныя экспедиціи, которыя до сихъ поръ имѣли удивительный успѣхъ. Генераль Гилльморъ, оставивъ на время осаду Чарльстона, вдругъ вступилъ на берегъ Флориды и вошелъ во внутренность этой страны, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Этимъ неожиданнымъ движеніемъ онъ достигъ двухъ важныхъ результатовъ. Онъ отнялъ у конфедератовъ Георгіи и Каролины возможность получать по прежнему огромные запасы изъ-за границы и въ то же время обезпечилъ униюнистовъ отъ непріятельскаго нападенія и доставилъ имъ такимъ образомъ средства приготовить возвращеніе Флориды въ лоно униі, на основаніи свободнаго труда.

Другая экспедиція, еще болѣе важная по числу участвующихъ въ пей войскъ, есть экспедиція генерала Шермана. Со смѣлостью, которая можетъ быть оправдана только деморализаціею конфедеративныхъ войскъ, занимающихъ два штата Миссиссипи и Алабама, Шерманъ, отправившись изъ Викасбурга, на берегахъ Миссиссипи, проникъ на триста километровъ во внутренность страны, вѣроятно съ цѣлю окружить Мобиль. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, онъ до сихъ поръ имѣлъ вездѣ успѣхъ: и въ Джексонѣ, и Брандонѣ, и въ Энтерпрайзѣ. Если это отважное предпріятіе удастся окончательно, то Мобиль, самый важный приморскій городъ юга, послѣ Новаго Орлеана, раздѣлитъ участь своего сосѣда и тогда сѣтъ рѣкъ, имѣющихъ общее устье въ Мобильскомъ заливѣ понесетъ на волнахъ своихъ федеральными канонирскія лодки въ Георгію. Тогда Чарльстонъ и Саванна, угрожаемые съ внутренней стороны, едва ли будутъ въ состояніи противостоятъ войскамъ униі.

Эти побѣды были бы только варварскимъ торжествомъ, еслибъ за ними не слѣдовала свобода негровъ и даже самихъ бѣлолицыхъ людей. Но свобода, вещь рѣдкая въ этомъ мірѣ, теперь въ Соединенныхъ Штатахъ идетъ по слѣдамъ лафетовъ и броненосныхъ су-

довъ. Луизиана, бывшая недавно пріютомъ отвратительнаго невольничества, теперь преобразовывается въ свободный штатъ и сожигаетъ свой Черный Кодексъ; негры и мулаты, которыхъ прежде всякій бѣлолицый могъ подвергать тѣлесному наказанію, теперь собираются въ обширныхъ залахъ городской ратуши и громогласно востраиваютъ поздравительный адресъ своему собрату, негру, краснорѣчивому оратору аболіюционисту, Фредеріку Дугласу. Въ Арканзасѣ, этомъ штатѣ, гдѣ право умертвить раба признавалось первою статьею конституціи, и гдѣ еще недавно свободные негры продавались купцамъ, торгующимъ невольниками, теперь также уничтожается невольничество; въ Теннесси военный губернаторъ, самъ прежде бывший плантаторомъ, протестуетъ противъ политики постепенной эмансипаціи. «Необходима немедленная эмансипація», восклицаетъ онъ. — «Ужъ не думаютъ ли, что свобода внушается ударами кнута, и что цѣпи служатъ хорошими воспитателями?»

Наконецъ, на конгрессѣ была сдѣлана первая прямая попытка относительно прибавленія къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ закона, осуждающаго невольничество формальнымъ образомъ. Эта попытка не имѣла успѣха, такъ какъ на ея сторонѣ не было необходимыхъ двухъ третей голосовъ, а было только 78 голосовъ противъ 62 въ палатѣ представителей и 31 голосъ противъ 9 въ сенатѣ. За этой попыткой послѣдуютъ другія, и какъ знать, можетъ быть число голосовъ, потребное для принятія этого закона, достигнуто будетъ присоединеніемъ голосовъ изъ свободныхъ штатовъ юга, въ которыхъ недавно еще господствовало невольничество. *Errug si muove!*

Чтобы склонить эрцгерцога Максимилиана къ отъѣзду въ Москву, Мониторъ уже цѣлыхъ шесть недѣль помѣщается на своихъ столбцахъ все самыя соблазнительныя для претендента извѣстія. Въ каждой статьѣ говорится, что Хуаресъ обратился въ бѣгство, и что французы его преслѣдуютъ; далѣе, что Хуаресъ, преслѣдуемый по пятамъ, долженъ былъ ночью пробираться черезъ границу и искать убѣжища на территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Двѣ недѣли спустя, мы узнаемъ, что дано приказаніе въ пяти стахъ миляхъ отсюда воспрепятствовать его бѣгству и захватить бѣглеца въ такомъ или такомъ-то приморскомъ городѣ, посредствомъ таможенныхъ чиновниковъ императорскаго правительства. По одному извѣстію, Хуаресъ подалъ въ отставку въ пользу Ортеги; по другому извѣстію Ортега,

утвержденный въ должности, которую прежде занималъ Хуаресъ, расположенъ пристать къ имперіи, вмѣстѣ съ Видаурри и Добладо. Имперія, все по тѣмъ же слухамъ, въ пятый разъ провозглашена въ Сень-Люисъ-Потоци, мѣстопробыванія республиканскаго правительства; — французы заняли Кампешъ; — далѣе генераль Базенъ быстро преслѣдовалъ Добладо; — армія Хуареса, обращенная въ бѣгство, разсѣялась во всѣ стороны; — генераль Дуазъ преслѣдуетъ Уругу, и мексиканцы не находятъ другого средства предварить взятія своихъ запасовъ непріятелемъ, кромѣ преданія ихъ огню; — приступлено къ административной организаціи страны; — жители, чувствуя поддержку со стороны французской арміи и мексиканскихъ войскъ, сами нападаютъ на шайки гверилласовъ, обезоруживаютъ ихъ и берутъ въ плѣнъ; — всѣ главные города теперь заняты освободителями; — нѣтъ города, который бы не просилъ, чтобъ ему прислали гарнизонный отрядъ. — «Страна теперь вздохнула свободно», говоритъ корреспондентъ Монитера, — «иностранцы громко прославляютъ благодѣянія вмѣшательства; порядокъ, правосудіе и взаимное довѣріе мѣстныхъ жителей возрождаются; всѣ чувствуютъ, что настояла повая эра.» Господинъ корреспондентъ, повидимому, помочнулъ свое перо въ чернила, которыми Фенелонъ описывалъ блаженства Саленты. Просто, нельзя узнать по его разсказу описываемой имъ волканической страны. Такими прелестными картинками наполнены столбцы официальнаго журнала. Но изъ частныхъ корреспонденцій мы узнаемъ, что бывший соумышленникъ иностранцевъ, вторгнувшихся въ Мексикю, триумвиръ и архіепископъ Лабастыда, недавно издалъ новую прокламацію противъ французовъ, въ которой онъ отлучаетъ ихъ отъ церкви, прокламацію болѣе сильную и болѣе значительную, чѣмъ первая. Кромѣ того, высшая судебная инстанція, учрежденная маршаломъ Форе, по находящаяся подъ вліяніемъ духовенства, предъявила на другой день послѣ появленія архіепископской прокламаціи протестъ, въ которомъ отказывалась напрямикъ рѣшать дѣло по монастырскимъ имуществамъ, дѣло весьма важное для настоящей минуты. Немедленно французскій политическій агентъ, г. Буденъ, тотъ самый, который велѣлъ конфисковать имущества партизановъ конституціи, издалъ прокламацію и декретъ относительно отрѣшенія отъ должности членовъ верховнаго суда. Это было маленькое *coup d'état*, послѣдовавшее за многими другими.

Еще насъ извѣщаютъ, что дорога изъ Мексикки въ Вера-Круцъ

наполнена гверилласами. Мониторъ самъ признается, что эти разбойники остановили одинъ дилижансъ, ограбили и умертвили находившихся тамъ пассажировъ, взяли оттуда всѣ депеши, разорвали ихъ и разбросали, и что только одна изъ нихъ избѣгла этой участи, а именно та, которая содержала бюллетень о торжествѣ, одержанномъ французскими генералами Базепомъ, Донеъ, Эйморомъ, Межіа и Кастанья! Право, эти генералы отличаются удивительною неловкостью!

И между тѣмъ, какъ оціанальная газета «Мониторъ» торжественно извѣщаетъ насъ, что положеніе торговли все болѣе и болѣе улучшается, и что товарные конвои, отправляемые изъ Вера-Круца въ Мексикку, постоянно достигаютъ мѣста своего назначенія, гверилласы, повидимому, на сухомъ пути хозяйничаютъ по своему.

Еще имѣется новость, полученная не отъ корреспондентовъ, но, какъ говорятъ, распространяемая въ парижскихъ салонахъ очевидцами. Новость эта вотъ какого рода: г. Деспю, главный хирургъ госпиталя въ Оризабѣ, имѣвшій подъ своимъ попеченіемъ около сотни раненыхъ мексиканцевъ, велѣлъ имъ отрѣзать по одному пальцу, съ тѣмъ чтобы лишить ихъ возможности стрѣлять изъ ружья и закидывать lazzo на французскихъ солдатъ. Эта новость представляется невѣроятною. Еще ожидается подтвержденіе, но возражатели должны молчать, когда получаютъ въ отвѣтъ: Какое же понятіе имѣете вы о великодушій французской арміи? Развѣ вы забыли, что маршалъ Франціи велѣлъ высѣчь внутромъ несчастную госпожу Рубіо? Развѣ вы забыли, что эта армія начала свои дѣйствія въ Мексикѣ измѣною и что она заняла Хинигуитское ущеліе, благодаря пѣмѣнѣ. Мѣстные республиканскіе журналы до сихъ поръ во главѣ своихъ столбцовъ помѣщаютъ первобытный текстъ соледадскаго договора, съ надписью: «Вѣчный памятникъ французской чести!»

Но какимъ образомъ, спрашиваютъ себя люди разумные, — какимъ образомъ эрцгерцогъ Максимилианъ, человекъ, правда, не отличающійся гениальностью, ни особенно твердою головою, но все же получившій нѣкотораго рода образованіе и имѣющій хорошихъ совѣтниковъ, между прочимъ брата, императора австрійскаго, который, какъ извѣстно, противится этому проекту, какимъ образомъ оиъ, эрцгерцогъ Максимилианъ, можетъ добровольно отправиться въ эту мексиканскую галеру? Какимъ образомъ можетъ оиъ покинуть замокъ Мирамаръ, одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ въ цѣломъ свѣтѣ, расстаться съ избраннымъ вѣнскимъ обществомъ и прервать свои

политическія связи, съ тѣмъ чтобы принять на себя роль императора авантюриста, по милости Людовика Наполеона III Бонапарта, этого человѣка столь и подозрительнаго, и притомъ еще въ такое время, когда три четверти мексиканской націи противъ него вооружены и когда онъ не имѣетъ другой защиты, кромѣ французской арміи, которая сама чувствуетъ свое положеніе непрочнымъ, и потому только и призываетъ претендента, чтобы имѣть поводъ удалиться съ честью? Оставленный французами, ужели онъ долженъ будетъ отдаться въ руки такихъ воровъ, какъ Мирамонъ и Альмонте! Ужели онъ, принцъ либеральный, долженъ будетъ склонить свою голову передъ архіепископомъ, въ глазахъ котораго Базены, Форен и Дюбуа де Салинны, эти защитники эрцгерцога противъ революціонеровъ, не болѣе, какъ преступники, достойные отлученія отъ церкви?

Наконецъ поведеніе эрцгерцога Максимилиана объяснилось. Онъ не только снѣдаемъ честолюбіемъ; его не только мучаетъ мысль, что онъ не болѣе, какъ подданный, т. е. ничто въ сравненіи съ своимъ братомъ, могущественнымъ императоромъ Австріи; но кромѣ того онъ, что называется, въ долгу, какъ въ шелку; у него нисколько нѣтъ денегъ; вѣнскіе банкиры разсчитываютъ по пальцамъ милліоны флоринновъ, которые онъ не въ состояніи заплатить; у него вошющіе долги; братъ не думаетъ за него разскошелиться, напротивъ онъ радъ наложить такимъ образомъ узду на его честолюбивые замыслы и либеральныя антавіи. Несчастный эрцгерцогъ чувствуетъ шаткость своего положенія; онъ боится полицейскихъ агентовъ, боится, что кредиторы возьмутъ и продадутъ съ аукціона или разыграютъ въ лотерею его замокъ Мирамаръ. Отъѣздомъ въ Мексику онъ думаетъ поправить все дѣло; онъ надѣется, что, благодаря знаменитымъ рудамъ Реаль-де-Монте, онъ будетъ въ состояніи заплатить долги жидамъ, швейцару Геккеру и его компаньону, герцогу Морни. Мексиканскіе рудники ослѣпили всѣхъ, даже нашего министра народнаго просвѣщенія, господина Дюрюи, того самаго, который, послѣ императора, считается самымъ либеральнымъ человѣкомъ имперіи. Милліарды, которые Мексика въ продолженіи трехъ вѣковъ передавала Европѣ, по мнѣнію этихъ людей служатъ только задаткомъ тѣхъ сокровищъ, которыя она сберегаетъ въ своихъ нѣдрахъ для самой образованной части міра. Само собою разумѣется, не только для финансовъ Максимилиана, но и для нашихъ было бы весьма

капитанъ, еслибъ это предположеніе оправдалось. Тогда мы ишли бы въ рудникъ, выразилась словами господина Фульда, самое лучшее и самое скорое средство возвратить деньги, собранныя нами впередъ для отдаленныхъ экспедицій. Никто не сомнѣвается, что дѣйствительно въ рудникахъ Мексики выходятся миллиарды; но эти миллиарды должны быть впередъ отысканы. И вотъ для облегченія этого отъ г. Дюрюмъ предложено его величеству, императору, снарядить въ эту отдаленную страну ученую экспедицію, которая бы сопровождала экспедицію военную. Господинъ министръ, не задумываясь, полагаетъ, что нашимъ ученымъ стоитъ только высадиться въ Вера-Круцъ, чтобы покрыть себя такою же неувыдаемою славой, какую приобрѣли ученые, посланные французскою республикою въ Египеть, и которые производили свои изслѣдованія подъ пулями аравитанъ.

Но г. Дюрюмъ не говоритъ,—вѣроятно потому, что самъ этого не знаетъ,—что эта экспедиція устраивается на манеръ той, которою предводительствовало г. Д'Ескейракъ де-Лотюръ, и которая, бывъ назначена въ Нубію, дошла не далѣе Каира. Она поставлена будетъ на военную ногу: всякій простой ученый будетъ находиться подъ командою ученаго капрала; ученые капралы—подъ командою ученаго поручика; ученые поручики, въ свою очередь,—подъ командою ученаго, имѣющаго титулъ капитана или полковника. Господинъ ученый полковникъ отправитъ въ рудники Реаль де-Монте комиссію для производства геологическихъ изысканій; въ Попокатепетль—натуралистовъ, для изслѣдованія вулкановъ; въ Юкатанъ—этнологовъ; къ индѣйцамъ Пинто — лингвистовъ, къ Квишамъ — теологовъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе о сочиненіи «*Royal Viking*», которое переведено господиномъ Брассеръ-де-Бобургъ. По методу, преимущественно французской, офицеръ командуетъ: Стой! равняйся! Ученый, № 3, прилаживай свою алидаду! Ученый, № 18, наводи свой телескопъ! № 5, подойди съ своимъ микроскопомъ! Натуралистъ такой-то, впередъ, ступай на ловлю бабочекъ, я хотѣлъ сказать—эпидоптеровъ! Математикъ, № 25, отдѣленія В, 3-ей дивизіи, опредѣли мнѣ по такой-то линіи зодіака солнечный годъ вторженія Мунко Капака!—Каждый ученый долженъ будетъ каждый вечеръ писать отчетъ объ открытіяхъ и наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ продолженіи дня. Этотъ отчетъ будетъ представляться младшему офицеру, который передастъ его капитану, а послѣдній, въ свою очередь, — начальнику экспедиціи.

Начальникъ экспедиціи przeprowadить все журналы ученыхъ, находящихся подъ его командою, на судъ, въ комиссію, заседающую въ Парижѣ. Комиссія приступитъ къ рассмотрѣнію этихъ журналовъ, подвергнетъ ихъ цензурѣ, кое-что въ нихъ похеритъ, кое-что прибавитъ отъ себя и кое-что измѣнитъ, и наконецъ представитъ его превосходительству, господину министру народнаго просвѣщенія, огромный отчетъ, который попросту славомъ ученыхъ членовъ экспедиціи, предпринятой подъ покровительствомъ его христіанскаго величества, императора Людовика Наполеона III Бонапарта!

Жакъ Лоренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

БАНКРОТСТВО.

— У насъ, Сила Кондратьичъ, дѣло въ-какъ: покупаешь самъ сперва, прѣмѣрно, за 2 рубля, что по настоящему стоитъ 4, а потомъ и продаешь за 6, что обошлосъ самому только 2.

— Стара штука, больно стара. Этимъ промысломъ, Сафонычъ, не прожорѣ мишься: не тѣ ужъ времена! Теперь, братъ, наживайся не продажей, а долгами и банкротствомъ. Свѣтъ не безъ глупыхъ людей. Кричи — «пропаги!» — и спасенья будешь.

Оканчиве.

Кому случается заглядывать въ «Казенныя Извѣстія», которые печатаются въ «С. петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ»; тому неизбежно бросаются въ глаза многочисленныя объявленія, на образецъ слѣдующихъ:

«Отъ С. Петербургскаго Коммерческаго Суда объявляется, чтобы мѣста и лица, у коихъ окажется проживающимъ бѣжавшій несостоятельный должникъ, 2-й гильдіи купецъ С. благоволили доставить его въ коммерческій судъ, для отсылки въ домъ содержанія неисправныхъ должниковъ».

«По опредѣленію С. петербургскаго коммерческаго суда, потомственный почетный гражданинъ К. объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Вслѣдствіе сего и т. д.

«Вятскій городской магистратъ, разсмотрѣвъ дѣло о долгахъ несостоятельнаго должника, 3-й гильдіи купца Е., признавъ его неосторожнымъ должникомъ, о чемъ и извѣщаетъ всѣхъ, кому сіе вѣдать надлежитъ».

«Конкурсное управленіе дѣлъ несостоятельнаго должника, купца В., приступая къ разсмотрѣнію достоинства претензій, на должника предъявленныхъ, проситъ гг. кредиторовъ его доставить подлинныя документы въ подтвержденіе заявленныхъ претензій» и пр.

«Администрація по дѣламъ московскаго купца Аверьяна Степановича Ц. приглашаетъ гг. заимодавцевъ его въ общее собраніе».

«С. петербургская аукціонная камера объявляетъ, что, по отношенію конкурснаго управленія дѣлъ несостоятельныхъ должниковъ, купцовъ В. и Д., будетъ продаваться, впредь до распродажи, разный галантерейный товаръ, принадлежащій вышеупомянутымъ должникамъ, какъ то: лампы, бриллианты, ордена и ленты, стальные перья, шерсть и проч. и проч. — всего по оцѣнкѣ на 3,311 р. 14 1/4 к. Въ аукціонъ вызываются кредиторы и должники...»

Жаль, право жаль, что эти интересныя объявленія не вызываютъ вниманія публики; не смотря на казенный слогъ, въ нихъ гораздо болѣе смысла, чѣмъ въ передовыхъ статьяхъ и фельетонахъ, которыми щеголяютъ наши столичные газеты. Вотъ почему отдѣлъ казенныхъ объявленій составляетъ лучшее литературное украшеніе «С. петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей», а вмѣстѣ съ тѣмъ и предметъ дурно-скрытой зависти для остальныхъ газетъ, которыя не имѣютъ права на подобное украшеніе. Вотъ почему люди практическіе подписываются почти исключительно на одинъ лишь «Вѣдомости», и читаютъ въ нихъ одни только «объявленія и правительственныя распоряженія». Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, какой нибудь дѣловой человѣкъ станетъ читать газету для одного процесса чтенія, когда онъ не находитъ въ ней ничего интереснаго и путнаго! Неужто его можетъ занимать безцѣльная болтовня о томъ, что дѣлается въ Америкѣ, Англии, Пруссіи, хотя бы даже въ Китаѣ или Шлезвигъ-Гольштейнѣ, когда ему, прежде всего, нужно и хочется знать достоверныя подробности будничной жизни того общества, въ которомъ онъ живетъ и дѣйствуетъ. Неужто наши такъ называемыя политическія, ученныя и литературныя газеты, съ ихъ передовыми и задними статьями, съ ихъ фельетонами, заграничными корреспонденціями, выисками и по-

реводами знакомить читателей съ дѣйствительною жизнью русскаго общества, съ его нуждами, заботами и стремленіями?! Если это такъ, то отчего, напримѣръ, «С. петербургскія и Московскія Вѣдомости», не взирая на свой огромный форматъ, удѣляютъ такъ мало мѣста внутреннимъ извѣстіямъ, и начинаютъ себя извлеченіями изъ иностранныхъ газетъ? Отчего въ нихъ такъ рѣдко попадаются оригинальныя статьи и замѣтки о тѣхъ экономическихъ вопросахъ, которыя занимаютъ, или должны занимать нашу публику?

Народная пословица справедливо говоритъ — *«старыхъ учить что мертвыхъ лечить»!* — Дѣйствительно, самыя поучительныя явленія общественной жизни совершенно непонятны людямъ стараго закала, и даже не вызываютъ ихъ на размышленіе. Къ числу такихъ явленій относится и банкротство, которое свирѣпствуетъ въ торговомъ сословіи, какъ повальная зараза. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ, Архангельскѣ, во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ и на всѣхъ ярмаркахъ непрерывно совершаются страшныя, почти невѣроятныя банкротства. Можно сказать положительно, что на всемъ пространствѣ Россіи нѣтъ болѣе уголка, куда не успѣла еще проникнуть эта торговая эпидемія, пожирающая народное хозяйство и подрывающая общественный кредитъ. Повсемѣстная дороговизна и жалоба на безденежье, общее недовѣріе и разстройство промышленныхъ дѣлъ, все это — послѣдствіе того торговаго преступленія, которое называется «банкротствомъ.» Кто виноватъ? Неужто вся тяжесть вины должна падать на банкротовъ! Писколько. — Большая часть изъ нихъ сами не вѣдаютъ, что творять, сами не подозреваютъ всей гадости своего положенія, и банкротятся не столько по расчету, сколько по необходимости, по неизбѣжнымъ законамъ торговой конкуренціи. Поэтому, прежде, чѣмъ осуждать несостоятельность купцовъ, надо сообразить сперва условія нашей торговли припомнить ея заветныя правила, а за тѣмъ уже и выводить заключеніе — на сколько виноваты банкроты, и могутъ ли они, при настоящемъ направленіи торговаго сословія, избѣжать преступленія. Пора раскрыть глаза и убѣдиться въ томъ, что корень зла кроется не въ испорченности нравовъ торговцевъ, не въ страсти ихъ паживаться всякими неправдами и не въ слабости карательныхъ законовъ, а въ ложности господствующихъ у насъ понятій о цѣли и назначеніи самой торговли. Не бесовѣстный торгошъ позоритъ свой промыселъ, а промыселъ дѣлаетъ его бесовѣстнымъ. Каковы правила торговли, таковы и поступки купцовъ.

Откажемся от старыхъ понятій, дадимъ иной смыслъ и другое направление нашимъ торговымъ дѣламъ, и у насъ непремѣнно переведутся всевозможные банкроты, которые распложаются теперь подъ названіемъ «печальныхъ, неосторожныхъ и злонамеренныхъ.» Реформа, коренная реформа торговли, на основаніи новыхъ экономическихъ принциповъ — вотъ существенное средство для предупрежденія и пресѣченія банкротства между купцами.

Скоро ли, однако, усвоить наша публика новыя понятія, и станетъ серьезно заботиться о своихъ интересахъ! Скоро ли она пойметъ всю важность торговли, отъ состоянія которой зависитъ упадокъ или развитіе общественнаго кредита? Скоро ли у насъ заговорять о необходимости торговой реформы? Или намъ такъ уже наскучило подымать новые вопросы, въ видахъ общей пользы, что мы рѣшились откладывать ихъ до 20-го столѣтія?! Напрасно! — Попытка не шутка, а спросъ не бѣда. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, не попытаться дать торговлѣ болѣе разумное направленіе и не предложить купцамъ выйти изъ того плачевнаго положенія, въ которое ставятъ ихъ убійственная конкуренція, основанная на обманѣ и лихоимствѣ? Что мѣшаетъ намъ избавить народное хозяйство отъ ударовъ банкротства?

Привычка — нашъ врагъ. Привычка думать и судить по старому, укореня самые вредные предрасудки, извращаетъ мыслительныя способности и убиваетъ въ зародышѣ всякое новое понятіе, противное старому. Привычка дѣлать все по прежнему, поддерживая мертвящую рутину, вселяетъ невольное отвращеніе къ малѣйшей перемѣнѣ образа жизни и занятій, и уничтожаетъ всякую попытку преобразованія и улучшенія. Привычка глядѣть равнодушно на старое зло, считая его неизбѣжнымъ, заглушаетъ сознаніе правды, порождаетъ малодушіе и доводитъ самое зло до крайнихъ предѣловъ развитія. Тогда-то и начинается пора горькихъ жалобъ, запоздалыхъ обличеній, пора жестокой борьбы стараго порядка вещей съ новыми стремленіями и желаніями. Но лучше поздно, чѣмъ никогда.

По сіе время у насъ мало обращаютъ вниманія на состояніе внутренней торговли, и банкротство считается обыкновеннымъ явленіемъ промышленнаго міра. Главная причина торговой несостоятельности остается загадкой не только для публики, но даже и для записныхъ экономистовъ, которые продолжаютъ еще усыплять ее своей болтовней о денежномъ кризисѣ, о насильственномъ курсѣ кредитныхъ билетовъ, о недостаткѣ капиталовъ, объ учрежденіи частныхъ банковъ,

короче—о всемъ томъ, что тутъ не имѣть ни малѣйшаго смысла и значенія. Сколько намъ извѣстно, ни одинъ экономистъ не сказалъ, и двухъ словъ о банкротствѣ, какъ о такомъ экономическомъ фактѣ, который заявляется помимо политическихъ событій и совершенно независимо отъ состоянія финансовъ страны. Волей-неволей — намъ приходится теперь указывать на этотъ фактъ, и выставять его на видъ, какъ доказательство ничтожества науки, которую проповѣдуютъ наши экономисты. Что за наука, которая беретъ все объяснять и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего не объясняетъ! Передъ нашими глазами ежедневно повторяются явленія самаго наглаго плутовства, а наука молчитъ и жрецы ея стыдятся сказать — «не знаемъ!» Чего стыдиться? Сознаніе искупаетъ половину вины: нѣтъ ничего унижительнаго для ученаго, если, по примѣру г. И. Бабста, онъ поведетъ такую рѣчь:

«Съ грустью должны мы сознаться, что насъ заѣдаютъ общія фразы и мѣста, и часто совершенное отсутствіе пониманія насущныхъ потребностей промышленности. Много есть прекрасныхъ и громко звучащихъ лозунговъ. Какъ заманчивы идеи братства народовъ, полной свободы международной торговли, — но все это идеалы, къ которымъ, пожалуй, можетъ стремиться только человѣчество; но если, во имя этихъ идеаловъ, мы будемъ забывать свои насущныя потребности, то право своей красотой никакъ не удивимъ Европы, а заслужимъ только то, что надъ нами же стануть смѣяться.» (Спб. Вѣдом. № 119, 1863 г.)

Чего стоило г. Бабсту высказать подобное мнѣніе! Не онъ ли самъ, за одно со всѣми экономистами, кричалъ о свободѣ торговли и щеголялъ общими фразами! Какое поучительное самонстязаніе! Понимаетъ ли, однако, г. Бабстъ насущныя потребности нашей промышленности? Чѣмъ онъ объясняетъ застой ея? Что, по его мнѣнію, нужно сдѣлать для развитія народнаго хозяйства?

«Закрытіе старыхъ кредитныхъ учреждений, безъ образованія новыхъ, нанесло тяжкій ударъ и земледѣльской, и мануфактурной промышленности. Учрежденіе частныхъ банковъ стѣснено, а безъ нихъ немислимо и невозможно быстрое развитіе промышленности, немислимо и невозможно соперничество съ развитою европейскою промышленностью.» (Тамъ же).

Частные банки! Частные банки—разсадники новаго лихоимства и злостнаго банкротства!!

Но вотъ г. Бабсть закликаетъ насъ завести ихъ! *Тѣмъ ушиб-
лмсь, тѣмъ и лечись!*—думаетъ онъ, глядя на бѣдственное поло-
женіе нашей промышленности, которая быстро падаетъ подъ удара-
ми лихоимства и банкротства. Пусть только явятся у насъ частныя
банки—и павшая, изуродованная промышленность уже не подымется:
лихоимство подточитъ ее подъ самый корень... Того ли хочется на-
шимъ экономистамъ? Шутить г. Бабсть или говорить серьезно, что
«безъ частныхъ банковъ немыслимо и невозможно развитіе промыш-
ленности?» Поспѣшимъ оправдать нашего ученаго его же собствен-
ными словами. — «Далеки мы отъ того, чтобы упрекать когонибудь
(тѣмъ болѣе г. Бабста) въ непатріотизмъ, или въ презрѣнія къ на-
роднымъ интересамъ. Но съ грустью должны мы сознаться, что *его*
заѣдаютъ общія браны и совершенное непониманіе насущныхъ по-
требностей промышленности».

Многое, очень многое въ народномъ хозяйствѣ непонятно нашимъ
экономистамъ; а объ остальномъ они толкуютъ вкривь и вкось. От-
чего это происходитъ? Оттого, что экономисты привыкли блуждать
въ области ложныхъ теорій, вздорныхъ выдумокъ, фантазій, и не хо-
тятъ изучать дѣйствительной жизни съ ея печальными явленіями...

«Ахъ, не все же слезы горькія
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ...
На минуту позабудемся
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!»

Такъ разсуждаютъ не одни экономисты, но и многіе литераторы,
когда обращаются къ публикѣ съ цѣлю забавлять ее или усыплять.
И публика—надо отдать ей справедливость—любитъ подобный спо-
собъ обращенія, и охотно поддается всякой иллюзіи, которая отвле-
каетъ ея вниманіе отъ будничныхъ заботъ, и погружаетъ въ слад-
кую дремоту. А между тѣмъ жизнь ковыляется своимъ порядкомъ: каж-
дый день ставитъ свой очередной вопросъ, и настоятельно требуетъ
его разрѣшенія. Чему быть, тому не миновать. Рано или поздно,
такъ или иначе—все равно намъ придется разгадывать загадки на-
шихъ бѣдствій, нашихъ золъ.

Какъ мы уже замѣтили, банкротство — одно изъ самыхъ выдаю-
щихся и загадочныхъ явленій нашей экономической жизни. Банкрот-
ство—это Сѣякъсь, пожирающій нашу промышленность. Пора по-
знакомиться съ нимъ и разгадать его! Того требуетъ чувство на-
роднаго самосохраненія.

Подробныя и точныя извѣстія о банкротствѣ въ Россіи крайне необходимы, особенно въ настоящее время, когда на внутреннемъ торговомъ ея рынкѣ обнаружился страшный застой. Въ сожалѣнію, наши статистики и экономисты такъ заняты своими теоріями, что имъ и въ голову не приходитъ собирать эти извѣстія и сообщать имъ публикѣ. Вотъ почему, въ нашей статьѣ мы принуждены ограничиться тѣми немногими фактами, которые намъ удалось извлечь изъ газетъ, и то за прошедшее время. Впрочемъ, всѣ новыя данныя о банкротствѣ, если они уже собраны, могутъ только подтвердить наши выводы и придать имъ болѣе значенія.

Вотъ что сообщаетъ московскій коммерческій судъ о состояніи торговли въ Москвѣ съ 1834 до 1863 года.

Съ 1834 до 1858 года, въ теченіе 24-хъ лѣтъ, кончилось конкурсомъ 1,388 банкротствъ, на сумму 35,407,370 р.; следовательно *ежегодная* цифра торговой несостоятельности московскаго купечества простиралась, среднимъ числомъ, до 1,453,000 р., а каждое банкротство до 25,300 руб.

Съ 1858 до 1863 года московскія банкротства развиваются въ ужасающей пропорціи:

Въ 1858 году было 51 банкротство, на сумму 1,779,124 руб.
— 1859 „ „ 42 „ „ „ 1,788,426 „
— 1860 „ „ 52 „ „ „ 2,615,340 „
— 1861 „ „ 96 „ „ „ 5,196,621 „
— 1862 „ „ 147 „ „ „ 8,767,759 „

Итакъ, въ теченіе 5 лѣтъ, кончилось конкурсомъ 388 банкротствъ, на сумму 20,147,270 руб. Среднимъ числомъ, каждое банкротство—52,000 р., т. е. *одное болѣе, чѣмъ прежде!*

Кромѣ этого числа торговыхъ несостоятельности, предъявленныхъ въ московскій коммерческій судъ и кончившихся конкурсомъ, было множество неоплатныхъ долговъ и банкротствъ, которые по обыкновенію не представлялись въ судъ а разрешались мировыми, не гласными сдѣлками, или администраціями. Съ 1858 до 1863 года въ Москвѣ было учреждено 18 администрацій, на сумму 12 милліоновъ! Одна администрація, по дѣламъ братьевъ Алексѣевыхъ, простиралась на 5,330,000! Но если даже исключить ее изъ общаго счета, то въ каждой изъ остальныхъ 17 администрацій придется довольно крупная цифра—392,000 р.!

По закону кредиторы имѣютъ право предратить конкурсное дѣло, не доводя его до уголовного суда. Изъ дѣлъ, миновавшихъ коммерческой судъ такимъ образомъ, насчитывается 256, на сумму—786,000 р. въ теченіе одного трехлѣтія, съ 1860 до 1863 года!

Если свести теперь итогъ суммъ *известныхъ* банкротствъ, разразившихся въ Москвѣ въ пять лѣтъ, то мы получимъ слѣдующіе выводы:

Въ 1858 году обанкротилось на сумму	3,608,000	руб.
— 1859 » » » »	7,118,000	»
— 1860 » » » »	3,356,000	»
— 1861 » » » »	7,595,000	»
— 1862 » » » »	11,265,000	»

Одинадцать слишкомъ милліоновъ въ годъ! И вся тяжесть этой суммы падаетъ на общество! Замѣтите, что сами банкроты рѣдко раззоряются: они заранѣе запасаются чужими капиталами, съ математическою точностью рассчитываютъ свои барыши и, учтивъ удобную минуту, объявляютъ себя несостоятельными, подъ разными благовидными предлогами. Подобная спекуляція даетъ практическимъ людямъ возможность наживаться «по несчастію или по неосторожности».

Одинадцать слишкомъ милліоновъ въ годъ! Не дешево же обходится Москвѣ торговая несостоятельность! Предположимъ даже, что на долю москвичей падаетъ только пять милліоновъ, то есть 44% общей суммы банкротствъ, то и въ этомъ случаѣ, считая населеніе Москвы въ 377,800, на каждого жителя придется болѣе 13 рублей, а на каждое семейство изъ пяти человекъ—болѣе 65 р. ежегодной контрибуціи въ пользу банкротствъ. Раскладку такой повинности дѣлаютъ, разумѣется, всѣ кредиторы, обманутые своими должниками. Заразь или по частямъ, тѣмъ или другимъ способомъ, заимодавцы постараются непременно вернуть свои капиталы съ процентами; поэтому общество поставлено въ необходимость не только терпѣть банкротствъ, но и расплачиваться за нихъ. Жалуйтесь, послѣ этого, на безденежье и дороговизну!

Много банкротствъ въ Москвѣ, еще болѣе ихъ въ Петербургѣ. Загляните въ «Прибавленія къ С. петербургскимъ Вѣдомостямъ»—и васъ невольно озадачитъ соперничество, которое существуетъ между нашими столицами относительно размѣровъ банкротства. Торговая

несостоятельность Петербурга такъ интересна, впрочемъ, что должна быть предметомъ отдѣльной статьи, которую мы и отложимъ до той поры, когда у насъ наберется достаточное количество матерьяловъ. Удивительно, почему С. петербургскій коммерческій судъ ни разу еще не собиралъ и не публиковалъ данныхъ о числѣ и суммѣ банкротствъ, которыя ему извѣстны! Неужто эти данныя останутся навсегда тайной для публики! Любопытно также знать, почему въ Петербургѣ, особенно въ послѣднее время, стали банкротиться разныя фирмы и цѣлые торговые дома иностранныхъ купцовъ и чаще всего великобританскихъ подданныхъ. Чтѣ заставляетъ ихъ бросаться въ такую крайность? Почему, наконецъ, наши дорогіе гости спѣшать закончить свои дѣла, и увозять домой русскіе капиталы? Или англійскіе, французскіе, нѣмецкіе негоціанты, прибравшіе къ рукамъ всю торговлю Петербурга, не могутъ уже рассчитывать болѣе на довѣріе русскихъ и старое ихъ гостепріимство? Или, можетъ быть, они хотятъ только прибѣгнуть къ покровительству нашихъ законовъ о торговой несостоятельности?!...

Послѣ Москвы и Петербурга, болѣе всего случается банкротствъ въ Нижнемъ Повгородѣ, Кіевѣ и Харьковѣ, во время ярмарокъ.

«Размѣры кредита на Нижегородской ярмаркѣ дошли до крайней несоответственности съ оборотами торговли. Результатомъ насильственнаго кредита являлись сплошь да рядомъ скверныя расплаты, которыя только теперь, при большемъ еще развитіи несостоятельности, обратили на себя вниманіе фабрикантовъ. Многіе сибирскіе купцы оказались несостоятельными плательщиками; нѣкоторые изъ нихъ даже вовсе не пріѣхали на ярмарку. Мы сами были свидѣтелями курьезной расплаты городскаго торговца съ фабрикантомъ. Купецъ за 1000-рублей предлагалъ послѣднему 50 р., и фабрикантъ принужденъ былъ взять, чтобы выручить хоть что нибудь».

«Въ послѣднее время у насъ, на Нижегородской ярмаркѣ, стали являться такія банкротства, на которыя стоитъ обратить вниманіе: многіе страдаютъ совершенно невинно и прямо вслѣдствіе широкаго размаха дѣлъ. Напримѣръ недавно обнаружилась у насъ несостоятельность челоуѣка, имѣвшаго вдвое болѣе того, что онъ долженъ». («С. Петер. Вѣдомости»; корреспонд. изъ Москвы 26-го іюля 1863).

Въ Кіевѣ болѣе замѣтныя банкротства разразились во время Брещенской ярмарки 1862 года. Тогда «Кіевскій Телеграфъ» сообщалъ слѣдующее:

«Товаровъ на ярмарку было привезено много, продажа шла туго, и купцы жаловались на торговлю. Во время ярмарки обнаружилось, что семь торговых домовъ объявили банкротство на *двадцать пять миллионъ* руб. сер., а о мелкихъ банкротствѣхъ мы и вспоминать не будемъ. Больно было слышать, что одно громадное имѣніе въ Подольской губерніи, стоявшее до 4,000,000 р., объявило себя несостоятельнымъ. Этотъ случай произвелъ большой говоръ въ *Певѣ*».

«Кіевская крещенская ярмарка, по словамъ «Кіевского Телеграфа», такъ же, какъ и въ прошедшемъ году, разразилась банкротствами, общая сумма которыхъ простирается до 2,200,000 р. сер. Все это, разумѣется, имѣетъ самое печальное вліяніе на кредитъ и мѣшаетъ торговымъ оборотамъ. Московскіе купцы жалуются, что за послѣдніе два года платежи идутъ тамъ самымъ [неправильнымъ] образомъ. Въ сроки высылать никто и не думаетъ; на письма, посылаемыя съ убѣжденіями, не отвѣчаютъ. Понятно, какииъ тяжелымъ гнетомъ ложится на торговлю подобное положеніе дѣлъ. На крещенской ярмаркѣ, въ Харьковѣ, многіе изъ должниковъ вовсе не явились, а другіе заплатили по векселямъ едва четверть того, что должны были заплатить. Кроме того, въ послѣднее время обнаружались значительныя банкротства: по Сибири три, въ Елабугѣ два, въ Вяткѣ также два, и въ Москвѣ одно. Общая сумма ихъ простирается свыше 3,000,000 р. сер.»

«Неблагопріятное положеніе торговли настоящаго года усиливается еще случаями банкротства. Одинъ купецъ пригласилъ кредиторовъ въ свою квартиру и предложилъ имъ сдѣлку по 50 к. за рубль и съ разсрочкою на годъ. Кредиторы, которые вообще не любятъ конкурсныхъ дѣлъ, согласились получить теперь же 50 к., а 20 к. отсрочить на годъ, уступая за тѣмъ 30 к. На это купецъ сказалъ имъ, что подобная сдѣлка будетъ для него *обидна*, а потому и объявилъ себя несостоятельнымъ.»

Вотъ факты, по которымъ слѣдуетъ судить о направленіи нашей торговли. Они говорятъ сами за себя; никакая искусная ложь не скроетъ дѣйствительнаго ихъ значенія.

Купцы жалуются на застой торговыхъ дѣлъ; банкроты и адвокаты ихъ постоянно выставляютъ это «бѣдственное обстоятельство», какъ настоящую причину развитія торговой несостоятельности. Долге ли

подобная выдумка может обманывать общественное мнѣніе? Долго ли банкротская спекуляція может оставаться загадкой для публики? Не думаемъ. Правда, наше общество, по старой привычкѣ, не заботится о своихъ интересахъ, не отдаетъ себѣ отчета въ самыхъ безобразныхъ явленіяхъ (своей жизни, и потому такъ равнодушно смотритъ на нихъ, и такъ охотно позволяетъ обманывать себя словами и дѣлами. Но всему есть мѣра: настанетъ пора, когда и ложь, даже заповѣдная, освященная преданіемъ, становится до такой степени очевидною, что бросается въ глаза самымъ близорукимъ. Хотя такая пора и не настала еще для торговаго обмана, тѣмъ не менѣе общество уже видимо готовится къ ней. Со дня на день удары банкротства повторяются сильнѣе и сильнѣе; публика невольно чувствуетъ ихъ и пробуждается отъ нестерпимой боли. Общій ропотъ на дороговизну — явный признакъ этого пробужденія.

Но страдать и жаловаться на страданіе еще не значитъ понимать его причины. Всѣмъ, болѣе или менѣе, ощутительна дороговизна; а мало кто знаетъ, отчего она произошла и почему такъ страшно возрастаетъ. Безденежье, упадокъ кредита, застой торговли, недостатокъ желѣзныхъ дорогъ, увеличеніе податей... вотъ чѣмъ объясняютъ у насъ дороговизну, вотъ о чемъ говорятъ у насъ и пишутъ. О банкротствѣ — ни слова; этотъ фактъ остается мифомъ для нашей литературы, которая даетъ тонъ общественному мнѣнію. Только разъ, одинъ разъ, удалось намъ прочесть замѣтку о банкротствѣ, которая попала въ газету «Народное Богатство». Хотя авторъ этой замѣтки и не указываетъ на банкротство, какъ на главную причину дороговизны, но при всемъ томъ его статья заслуживаетъ вниманія уже потому, что основана на фактахъ. Вотъ что говоритъ г. Федотовъ о нашихъ банкрутахъ.

«Торговый фантъ желаетъ жить комфортабельно и думаетъ: какъ бы мнѣ устроить себя новыгоднѣе? Находить онъ добрыхъ людей, которые рады поддержать бѣдняка, и должника у нихъ. Посредствомъ этихъ одолженій, распространяя кругъ своего торговаго знакомства, онъ представляется уже человекомъ съ значеніемъ въ торговомъ мірѣ, и ему довѣряютъ многіе. Вотъ набралъ онъ несомненно десятковъ тысячъ и рассуждаетъ: что лучше — несостоятельнымъ ли сдѣлаться или пользоваться кредитнымъ оборотомъ? Если я буду пользоваться кредитомъ, то хотя и стану жить въ довольствѣ, но у меня будетъ все чужое. Лучше перевернусь и сдѣлаюсь капиталистомъ. И обѣ-

являетъ онъ себя несостоятельнымъ, предлагая въ платежъ по двѣ или по три копейки за рубль, дѣлая это предложеніе не отъ себя, а отъ какого нибудь благотворителя, который будто бы изъ милости за него платитъ. Къ сожалѣнію, въ эту роль входятъ иногда почтенные люди...

«Пріютъ несостоятельности всего болѣе гнѣдится въ Москвѣ. Передаю публикѣ одно изъ образцовыхъ московскихъ банкротствъ.

«Есть въ Москвѣ два брата — Тимофей и Терентій Г. Тимофей, вышедшій въ 1853 году изъ крестьянъ въ купцы, заторговалъ желѣзомъ, а Терентій оставался крестьянникомъ. И вошелъ Тимофей въ большое довѣріе; когда же кредитъ его достигъ значительныхъ размѣровъ, тогда Терентій (въ 1859 г.) внесъ гильдейскія повинности отъ своего лица. Вслѣдъ за тѣмъ пришли сроки Тимофею платить свои долги — и онъ неизвестно куда скрылся.

«Коммерческій судъ объявилъ Тимофея несостоятельнымъ и учредилъ надъ нимъ конкурсъ. Приступили къ приведенію въ извѣстность имѣнія должника — и что же оказалось? въ лавкѣ, подъ фирмою Тимофея, количество товаровъ, въ сравненіи съ долгами его, самое ничтожное: долговъ на немъ объявлено около двухсотъ тысячъ рублей, а товаровъ описано менѣе, чѣмъ на семь тысячъ! Между тѣмъ лавка брата его Терентія цвѣтеть изобиліемъ. Но Терентій, пользуясь правомъ кунца, не только не сознается, что товаръ, въ его лавкѣ находящійся, есть собственность кредиторовъ его брата, но и самъ присоединился къ кредиторамъ, представя въ конкурсъ во взысканію съ брата, написанный послѣднимъ на имя его, вексель въ 8,100 руб. Гдѣ взялъ Терентій такое богатство?..

«Долго конкурсъ искалъ банкрота черезъ полицію и черезъ публикацію въ вѣдомостяхъ. Наконецъ, онъ попался. Спрашиваютъ его о торговыхъ его оборотахъ и о томъ, кто ему долженъ по торговлѣ; онъ говоритъ, что не помнить. Требуютъ отъ него торговыя книги; онъ объявляетъ, что потерялъ ихъ. Стало быть и концы въ воду: нѣтъ ни денегъ, ни памяти, ни книгъ.

«Теперь предстоитъ вопросъ: что причиною посягательства на злонамѣренное банкротство, которое судится по закону, какъ воровство?

«Причиной этого надежда на сдѣлку съ кредиторами, которые имѣютъ право прекратить конкурсное дѣло, не доводя до уголовного суда. Банкротъ воображаетъ, что вотъ тотъ-то вывернулся изъ конкурса мировой сдѣлкой, авось вывернусь и я. Дурные примѣры за-

разительны. А случается и такъ, что большая часть кредиторовъ, занятыхъ своими дѣлами, не имѣютъ ни времени, ни умѣнья наблюдать за дѣйствіями конкурса, а потому, при явной лжи должника, рѣшаются на мировую, изъ опасенія, если не помириться, то не получишь и того, что предлагается за прекращеніе дѣла миромъ. Другіе, которые понастойчивѣе, сдѣлаются какъ нибудь секретно съ должникомъ. Третьимъ и права претенцій даны только для того, чтобы имѣть въ конкурсѣ голосъ, готовый защищать должника. Двѣ послѣднія партіи являются въ конкурсѣ, и дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ наличныхъ кредиторовъ, въ обиду большинства всѣхъ заимодавцевъ, и банкротъ вывертывается изъ отвѣтственности, безъ изслѣдованія причинъ его несостоятельности. Вотъ на это мѣтилъ и Тимофей Г.

«Длинна будетъ эта статья, если исчислять въ ней всѣ хитрости, которыя, примѣняясь къ закону о банкротствѣ, могутъ быть употреблены въ защиту злостнаго банкротства отъ законнаго преслѣдованія. Воръ, по закону, наказывается за воровство и тогда, когда онъ возвратитъ украденное. Такъ слѣдуетъ наказывать и злостныхъ банкротовъ, и примѣръ такого наказанія уже показанъ въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» (№ 8, 1861 г.), гдѣ изложено дѣло несостоятельнаго должника Борисовскаго... Если и впередъ будутъ поступать съ банкротами такъ же, какъ поступлено съ Борисовскимъ, то вѣрно банкротовъ будетъ меньше. Тогда каждый, готовящійся на банкротство изъ выгоды, подумаетъ, что сдѣлка съ кредиторами не защититъ его отъ Томской или Тобольской губерніи: и имѣніе отберутъ, и самого сошлютъ на поселеніе; нѣтъ не буду банкротиться.

«Какъ было бы хорошо, заключаетъ г. Фодотовъ, еслибъ исчезла съ лица русской земли банкротская спекуляція!»

Кто спорить! — разумѣется, намъ не мѣшаетъ избавиться навсегда отъ банкротовъ. Но какъ достигнуть этой цѣли?

«Направить карающій законъ противъ злостнаго банкротства — вотъ общее желаніе честныхъ торговцевъ, отвѣчаетъ г. Фодотовъ.

Правда: страхъ наказанія можетъ иногда удержать купца отъ преступленія. Но къ сожалѣнію банкротство такое торговое зло, которое насильно заставляетъ честныхъ подражать безсовѣстнымъ. Притомъ искусные банкроты всегда найдутъ средство избѣжать наказанія, и вся тяжесть его будетъ падать на неопытныхъ,

медкихъ преступниковъ. Нѣтъ, самыя строгія мѣры бессильны противъ банкротства. Для пресѣченія его есть только два средства: *коренная реформа торговли и застрахованіе купцовъ отъ несостоятельности*. Обязать купечество общею круговою порукою, всѣхъ за каждого, отвѣчать за всякое банкротство своимъ имуществомъ — вотъ чего требуетъ общественная правда и безопасность. Это, по крайней мѣрѣ, заставитъ торговца рисковать только тѣмъ, что онъ самъ имѣетъ, и отлучитъ его посягать на чужую собственность. Повѣрьте, что купцы съумѣютъ привести въ исполненіе подобную мѣру, и станутъ зорко слѣдить за своими собратьями по промыслу.

— Тому и живется, кому все удастся. У насъ каждому свое счастье: одному барышъ, а другому шпшъ! Перевернется торговое дѣло, и банкротится нашъ братъ; недовернется — опять банкротится. Сегодня, кажется, и панъ, а завтра, смотришь, и пропалъ! Куда какъ трудно намъ стало оборачиваться при нынѣшнихъ дѣлахъ! Нѣтъ, въ эту пору не до жпру, быть бы только живу.

Такъ разсуждаютъ мудрые купцы, жалуясь на свое шаткое положеніе. Но что заставляетъ ихъ оставаться въ этомъ положеніи, если оно поминутно угрожаетъ имъ разореніемъ! На выдумки торговая натура таровата. Почему же купцы не придумаютъ и не согласятся между собой основать «Общество взаимнаго застрахованія отъ банкротства»? Почему бы, наконецъ, нашимъ коммерческимъ головамъ не подумать и о томъ, какъ завести честную торговлю и обезпечить дешевизну? Неужто обманъ и лихоимство, вексельный подлогъ и поддѣлка товаровъ, биржевая игра и контрабанда, кулачество и банкротство — такія неизбежныя явленія, безъ которыхъ немыслима торговля! Неужто во всемъ нужна и возможна реформа, кромѣ одного лишь торговаго промысла! У насъ затронуты уже все части общественнаго и отчасти государственнаго устройства: администрація, народное образованіе, судопроизводство, система податей и сборовъ, городское управленіе, земскія учрежденія, — словомъ, болѣе или менѣе все испытало какія нибудь перемѣны и преобразованія. Одна только торговля осталась неизмѣнною, и ведется до сихъ поръ по тѣмъ же правиламъ, какъ во времена Тохтамыша.

Много, очень много дурныхъ правилъ и закоренѣлыхъ привычекъ вѣщаетъ торгующему классу выйти на новую дорогу и приобрести доброе общество.

«Крупною чертою московскаго купеческаго дѣла, чертою, переходящею изъ поколѣннй въ поколѣннй, отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну, отъ хозяина къ прикащику, можно считать привычку не платить денегъ. Нѣкоторые умѣютъ это не только спускать съ руки, но подобными челатажами даже составляютъ себѣ состояннй... Такъ, напримѣръ, недавно на Москвѣ—рѣкой выросъ такой теремъ, который, съ большими удобствами и комфортомъ, могъ бы служить дворцомъ князю или герцогу, даже немалкаго нѣмецкаго княжества или герцогства. Теремъ этотъ, съ рѣннымъ кабинетомъ, замннмъ садомъ и съ прочими затѣями, стоить, кромѣ службъ, 150,000 р. сер. Всей Москвѣ онъ извѣстенъ подъ названнємъ *дома девяносто—десяти кредиторовъ, которымъ владѣлецъ его три раза не заплатилъ денегъ*. Этотъ бойкнй торговецъ, наслаждающнйся въ настоящее время всеми благами жизни, а можетъ быть и полнымъ спокойствнмъ въ совѣсти, задаетъ великолѣпныя балы, на которыхъ опиваются и объѣдаются сильныя нашего мнра... Кажется теперь герой намъ рѣшился только слегка заниматься дѣлами и наслаждаться посѣаннмъ и пожатнмъ. Ужъ не въ этомъ ли глубокий смыслъ мудрой русскай пословицы: «что посѣешь, то и пожнешь»?

«Упомянутый тузъ выросъ на почвѣ стараго времени. На ней потушило не мало московскихъ тузовъ, державшихъ въ своихъ рукахъ не св.е, а прямо народное богатство. И до сихъ поръ совершаются эти превращеннй: недавно еще, одннъ не особенно крупный торговецъ остался несостоятельнымъ не менѣе, какъ на 280,000 р. сер.—у него же внчего!»

Легко судить, сколько безобразныхъ и возмутительныхъ явленнй представляетъ наша торговля! И какъ мало мы это сознаемъ! Побольше, побольше намъ фактовъ, раскрывающихъ тайны банкротства, и мы наконецъ убѣдимся, что зеркало не виновато, когда рожа кривить, что не литературу слѣдуетъ обвинять въ ея мрачномъ колоритѣ, а тотъ нечлпный складъ жизни, который темень, какъ ночь.

Банкротство—самое ловкое и наглое мошенничество; оно даетъ средство торговцу накрасть соразмѣрно своему состоянню или кредиту и, выѣсть съ тѣмъ, избѣжать всякаго наказаннй. Г. Федотовъ основательно замѣтилъ, что злостный банкротъ легко можетъ спа-

отнюдъ у насъ отъ законнаго преслѣдованія, и даже остаться правымъ. Кредиторы вообще не любятъ конкурсныхъ дѣлъ, и рѣдко рѣшаются судиться съ должникомъ, опасаясь судебныхъ издержекъ, которыя у насъ чрезмѣрно велики. Прежде чѣмъ «засудить» обманщика, у насъ надо сперва «просудиться», то есть заплатить за иску болѣе, чѣмъ стоитъ самое дѣло. Нѣтъ ничего удивительнаго, если большая часть конкурсныхъ дѣлъ, начатыхъ кредиторами, кончаются обыкновенно *мировою сдѣлкой*. Невыгодный миръ лучше раззорительной войны. Часто случается и то, что самъ банкротъ, недовольный своими кредиторами, угрожаетъ имъ судомъ и, отказываясь отъ сдѣлки, требуетъ назначенія конкурса. Примѣръ такой наглости и презрѣнія къ суду показанъ нами въ поступкѣ Архангельскаго купца, которому показалась *обидною* мировая сдѣлка, предложенная ему законодателями. «Нраву моему не препятствуй, говоритъ банкротъ своей жертвѣ,—терай, сколько я захочу, не то потеряешь и остальное, что дается тебѣ изъ милости».

Наши конкурсныя дѣла ведутся келейно, въ общемъ собраніи кредиторовъ, и рѣшаются почти всегда въ пользу банкрота, который объявляется потомъ «невинно-упадшимъ или неосторожнымъ должникомъ». Обиженные кредиторы, конечно, имѣютъ право подавать жалобу на опредѣленіе коммерческаго суда въ правительствующій Сенатъ; но подобная жалоба всегда остается безъ послѣдствій. Сенатъ, въ этомъ случаѣ, поступаетъ совершенно законно: онъ утверждаетъ рѣшеніе конкурса, если оно состоялось по большинству голосовъ *наличныхъ* кредиторовъ; ему нѣтъ никакого дѣла знать, кто участвовалъ на конкурсѣ, и съ какою цѣлью подавалъ голосъ за освобожденіе банкрота отъ уголовного наказанія. Отсюда видно, что одно только *масное* судопроизводство можетъ обезпечить кредиторовъ отъ неправаго суда надъ несостоятельными должниками.

«Не считается банкротствомъ, когда, по добровольному согласію законодательствъ и должника, учинена ему будетъ, въ видѣ частной и домашней сдѣлки, разсрочка въ платежахъ». (Ст. 1865 — уст. о торгов. несостоят.).

Таковыми сдѣлками кончается у насъ большая часть банкротскихъ дѣлъ. Въ этихъ случаяхъ банкроты, даже злостные, не только избѣгаютъ позора и судебного преслѣдованія, но приобрѣтаютъ снова расположеніе и довѣріе обманутыхъ кредиторовъ! И находятся же люди, которые увѣряютъ, что въ Россіи нѣтъ кредита, когда имъ

пользуются у насъ самые отъявленные банкроты! Отъ биржеваго негодяя до послѣдняго лавочника, всѣ торгующіе только и живутъ однимъ кредитомъ, щеголяя, какъ говорится, мишурными капиталами. У много купца нѣтъ и сотни рублей своихъ денегъ, а онъ все-таки выдаетъ векселя на тысячи, въ надеждѣ обернуться или обанкротиться съ барышемъ.

Помимо конкурса, для разбора дѣлъ несостоятельныхъ купцовъ, учреждаются иногда такъ называемыя «администраціи».

«Администраціи могутъ быть допускаемы только по обширнымъ коммерческимъ дѣламъ, и единственно въ столицахъ и портовыхъ городахъ, гдѣ существуютъ биржи.

«Когда большинство наличныхъ кредиторовъ, по количеству долговъ, усмотритъ, что изъ представленнаго должникомъ баланса недостатковъ (deficit) простирается не свыше 50%, то сіи кредиторы могутъ обратиться въ биржевой комитетъ, съ просьбою объ учрежденіи администраціи.

«Биржевой комитетъ немедленно избираетъ изъ почетнѣйшихъ, торгующихъ при биржѣ, купцовъ шесть человекъ, которые съ предсѣдателемъ комитета рѣшаютъ: слѣдуетъ ли учредить администрацію, или объявить должника несостоятельнымъ и учредить конкурсное управленіе. (Ст. 1868 — 70 — 71. Уст. о торг. несост.).

Итакъ «администрація» — исключительная привилегія крупныхъ спекуляторовъ, которые банкротятся на милліоны или, по крайней мѣрѣ, на сотни тысячъ. Купецъ, обанкротившійся въ какомъ нибудь захолустѣ, а не въ Москвѣ, Петербургѣ или Одессѣ, не имѣетъ права на администрацію, даже и въ томъ случаѣ, когда можетъ уплатить половину или три четверти своихъ долговъ. Если кредиторы не согласятся на мировую, то ему угрожаетъ конкурсъ и лишеніе свободы.

Всѣ банкроты должны быть равны передъ закономъ; всѣ банкротскія дѣла слѣдуетъ разбирать и судить одинаково. Если и дѣлать исключенія, то гораздо справедливѣе ихъ для большинства, въ пользу не крупныхъ, а мелкихъ банкротовъ, которые оказываются несостоятельными чаще всего по винѣ оптовыхъ купцовъ и биржевыхъ спекуляторовъ, располагающихъ по своему произволу ходомъ всей торговли. Вотъ почему администраціи падо или вовсе отмѣнить, или распространить ихъ временно на всѣхъ торговцевъ, кромѣ биржевыхъ. При этомъ, въ видахъ общей поль-

зы, слѣдовало бы завести между послѣдними взаимное ручательство на случай умышленного или нечаяннаго даже банкротства. Подобная реформа банкротскаго устава тѣмъ болѣе необходима, что въ нашихъ столицахъ и портовыхъ городахъ страшно развилось злоупотребленіе торговаго кредита, а администраціи только подстрекаютъ биржевыхъ спекуляторовъ на самыя неблаговидныя продѣлки. Для торговли нѣтъ ничего опаснѣе стачки и кумовства монополистовъ и рыцарей биржи; рассчитывая на безнаказанность, они пускаются на такія азартныя спекуляціи, которыя производятъ замѣшательство на всѣхъ рынкахъ, и разрѣшаются обыкновенно повальнымъ банкротствомъ въ средѣ мелкаго купечества.

Нельзя и вообразить себѣ, какъ ловко умѣетъ банкротъ набѣгать подозрѣнія въ злонамѣренности! На сколько проста его цѣль, на столько сложны и разнообразны тѣ средства, которыя нужны ему для достиженія самой цѣли—разбогатѣть на чужой счетъ. Опытный спекуляторъ рѣдко рѣшается окончательно раззорить своихъ кредиторовъ; онъ дѣйствуетъ очень осторожно и, пожалуй даже, робко, потому что банкротится умеренно, и платитъ половину своихъ долговъ. Этотъ способъ дѣйствія даетъ ему возможность удвоить свой капиталъ и, въ то же самое время, спасаетъ его отъ судебного скандала и потери чести. Банкротъ такого сорта рассуждаетъ: «у меня теперь двѣсти тысячъ наличнаго капитала; къ концу года мнѣ надо увеличить свое состояніе, по крайней мѣрѣ, вдвое; я долженъ сдѣлать это во чтобы ни стало». Сказано, сдѣлано.—Нашъ спекуляторъ, пользуясь нѣкоторою извѣстностью въ торговомъ мірѣ, прежде всего распускаетъ слухъ о томъ, что намѣренъ затѣять большое, выгодное дѣло, а за тѣмъ начинаетъ искать охотниковъ до векселей. Многіе съ радостью предлагаютъ въ займы опытному торгашу, хвалять его предпріятіе, и тѣмъ самымъ расширяютъ его кредитъ. Для спекуляціи нужно не менѣе 800,000 р.—и вотъ эта сумма достается въ руки будущаго банкрота; въ непродолжительное время онъ дѣлается уже милліонеромъ, и теперь вся забота его — усыпить вниманіе кредиторовъ. Громче прежняго кричитъ онъ о своихъ дѣлахъ, ежедневно посѣщаетъ столичную биржу, вступаетъ въ сношенія съ первыми негоціантами, дѣлаетъ разные заказы, даетъ всѣмъ задатки а, между прочимъ, задаетъ и великолѣпные балы. Можетъ статься, что спекуляторъ въ концѣ года и потеряетъ свои 200,000; вы думаете, что онъ раззорится? Нисколько; у него остается еще 800,000,

взятыхъ въ кредитъ. Изъ этой суммы онъ половину удерживаетъ у себя, а остальные четыреста тысячъ соглашается возвратить кредиторамъ, и то не сразу, а чрезъ нѣсколько лѣтъ. Если кредиторы не пожелаютъ кончить дѣло мировою, то надъ должникомъ итъ учреждается администрація, потому что дефицитъ его простирается не свыше 50 проц., а пріятель на биржѣ не подозрѣваетъ его въ злостномъ банкротствѣ. И какъ можно, наконецъ, оскорбить подобнымъ подозрѣніемъ человѣка, который такъ искусно велъ свои дѣла и довольствуется только половиною суммы, взятой въ кредитъ на самое полезное предпріятіе! Не подозрѣвать въ подлогѣ, а сожалѣть, душевно сожалѣть надо такого добродѣтельнаго человѣка, которому не посчастливилось въ дѣлахъ, вслѣдствіе роковаго стеченія обстоятельствъ. «Купецъ предполагаетъ, а случай итъ располагаетъ».

Трудно, почти невозможно уличить злостнаго банкрота. Изобрѣтательность и находчивость его изумительны: онъ сумѣетъ оправдаться при самыхъ явныхъ уликахъ, и до конца выдержитъ роль несчастной жертвы, достойной состраданія и живаго участія. Въ этой интересной роли банкротъ является настоящимъ актеромъ; онъ играетъ такъ обдуманно и такъ искусно притворяется жалкимъ бѣднякомъ, что вводитъ въ заблужденіе даже самыхъ подозрительныхъ кредиторовъ и вызываетъ ихъ на снисхожденіе. Замѣтьте при этомъ, что подобный артистъ знаетъ хорошо свою публику, изучилъ ее слабости и, ловко пользуясь ими, уже заранее подготовивъ ушійте своей комедіи и счастливую ея развязку. Тутъ цѣль игрока — не только разыграть удачно роль невинно падшаго должника, но и выиграть свои долги.

Настаютъ сроки платить по векселямъ — и начинается комедія. Для соблюденія приличія, банкротъ обращается къ своимъ «милостивымъ» кредиторамъ съ «нижайшею» просьбою отсрочить и разсрочить уплату долга, принимая во вниманіе, что такія и такія-то непредвидѣнные обстоятельства, неожиданная несостоятельность таковыхъ-то купцовъ, необыкновенный застой торговыхъ дѣлъ, общее безденежье и т. д. поставили его въ крайне затруднительное положеніе... Чуютъ бѣду свою кредиторы... Многие изъ нихъ настоятельно требуютъ исправнаго платежа, и угрожаютъ должнику судомъ и заточеніемъ въ тюрьму. Банкротъ не унываетъ; «не мытьемъ, такъ катаньемъ», говоритъ онъ про себя и, не теряя времени, принимаетъ всѣ предосторожности, чтобы не прослыть злонамѣреннымъ

и не попасть подъ уголовный судъ. Прежде всего надо смячить гнѣвъ наиболѣе опасныхъ кредиторовъ и склонить ихъ на мировую одѣлку. Самъ банкротъ боится показаться имъ на глаза, и потому подсылаетъ разныхъ вліятельныхъ ходатаевъ, такихъ почтенныхъ филантроповъ, которые за деньги охотно берутся защищать его и разглашать повсюду о его рѣдкихъ добродѣтеляхъ и о превратности судьбы. За гнѣвъ, выбравъ удобную минуту, родня банкрота бросается въ ноги займодавцевъ, и съ плачемъ умоляетъ каждаго изъ нихъ пощадить несчастнаго отца многочисленнаго семейства, которое никогда не забудетъ ихъ благодѣанія...

Какой кредиторъ можетъ устоять противъ раскаянія и клятвенныхъ обѣщаній своего должника, противъ раздирающаго сердце вопля и рыданія его жены и дѣтей, противъ увѣщаній своихъ же близкихъ и знакомыхъ, которые совѣтуютъ ему простить виновнаго, и наконецъ противъ внушеній своей совѣсти! Какой кредиторъ не зараженъ суевѣріемъ и не думаетъ, что сама судьба накажетъ его впоследствии за безчеловѣчіе и своекорыстіе, если онъ не сжалится надъ должникомъ и не извинитъ его!

Да, много шансовъ на сторонѣ банкрота! Сколько бы кредиторовъ у него не было—онъ почти всегда можетъ рассчитывать на ихъ великодушіе и на готовность кончить дѣло мирнымъ соглашеніемъ. Напрасно нѣкоторые банкроты отъ страха прибѣгаютъ къ укрывательству, къ передачѣ своего имущества въ другіе руки, къ утайкѣ или поддѣлкѣ торговыхъ книгъ и пр. Всѣ подобныя хитрости и плутни совершенно неумѣстны. Кредиторы не хищныя звѣри, а люди, и люди съ сердцемъ, способные скорѣе прощать, чѣмъ казнить. «Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость». Погнѣваются сначала кредиторы на своего несостоятельнаго должника, погнѣваются сильно, а потомъ и смиляются надъ нимъ. Много ли, въ самомъ дѣлѣ, найдется такихъ безжалостныхъ людей, которые рѣшатся погубить своего ближняго за то, что онъ не оправдалъ ихъ довѣрія, и не возвратилъ долга съ процентами?! Много ли у насъ попадается злостныхъ банкротовъ? Нѣтъ: у насъ ихъ какъ будто и совѣтъ не водится. Мы слышимъ часто о несчастныхъ, неосторожныхъ, невинно-падшихъ «должникахъ», но о «злонамѣренныхъ» нѣтъ и слуху.

Не доказываетъ ли это, что наши кредиторы — люди безкорыстные и великодушные? Не говорятъ ли это въ пользу нашего общества?

По закону злостный банкротъ предается уголовному суду и наказывается за *подлогъ*. Достаточно ли этого наказания? Иные полагаютъ, что за умышленное банкротство слѣдуетъ карать гораздо строже. «Воръ наказывается за воровство даже въ томъ случаѣ, когда возвратитъ украденное; такъ надо наказывать и злостнаго банкрота». Съ этимъ мнѣніемъ положительно нельзя согласиться. Строгое наказаніе за банкротство можетъ запугать не банкротовъ, а самихъ кредиторовъ, которые стануть еще снисходительнѣе къ своимъ должникамъ, изъ опасенія погубить ихъ окончательно и навсегда возмутить свою совѣсть. Смѣемъ думать, что рѣдкій заимодавецъ станеть пользоваться покровительствомъ такого закона, который осуждаетъ неоплатнаго должника на каторгу или ссылку.

Банкротство проявляется въ безконечно-разнообразныхъ видахъ; уловить всѣ ихъ оттѣнки пѣтъ никакой возможности. По видимому, чѣмъ болѣе развивается торговля, тѣмъ болѣе умножается число банкротствъ, и тѣмъ труднѣе становится подводить ихъ подъ опредѣленіе закона. Нашъ «Уставъ о торговой несостоятельности» различаетъ три вида банкротствъ.

1. «Несостоятельность *несчастная*, когда должникъ приведенъ въ неоплатность не собственною виною, а стеченіемъ бѣдственныхъ, непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

2. «Несостоятельность *неосторожная* или простое банкротство, когда неоплатность послѣдуетъ отъ вины должника, но безъ умысла и подлога.

3. «Несостоятельность *подложная*, или злопамѣренное банкротство, когда неоплатность соединена съ умысломъ или подлогомъ». (Ст. 1859,—61 и 62).

Дѣлая эти различія, законъ даетъ, впрочемъ, заимодавцамъ полное право судить о виѣ банкрота по своему убѣжденію. Пользуясь подобнымъ правомъ, они рѣдко обличаютъ виновнаго въ подлогѣ или умыслѣ; вотъ почему злостное банкротство — явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ. На сколько преступенъ банкротъ — тому судья одна лишь совѣсть его. «Чужая душа потѣмни», говоритъ народная пословица.

Итакъ оставимъ въ сторонѣ вопросъ о подложномъ банкротствѣ, и перейдемъ къ разбору явленій несчастной и неосторожной несостоятельности. Мы ниѣли уже случай замѣтить, что банкротство такое общественное зло, которое насильно увлекаетъ въ одну про-

пасть и честнаго, и безчестнаго. Дѣйствительно: чаще всего бываетъ такое, что торгующимъ приходится банкротиться въ *повальную*; тутъ за одно попадаютъ и невинные, и преступные. По какому же стеченію обстоятельствъ развивается въ нашей торговлѣ повальное банкротство.

Въ законѣ говорится: «непредвидимыми, бѣдственными обстоятельствами, по коимъ несостоятельность можетъ быть признана несчастною, слѣдуетъ считать: наводненіе, пожаръ, если отъ него нельзя было спасти имущества, и непріятельское вторженіе».

Наводненіе, пожаръ, война.... Часто ли, однако, подобныя бѣдствія раздражаютъ надъ нашей торговлей? Могутъ ли несчастные банкроты постоянно ссылаться на эти законныя причины, которыя дѣйствуютъ такъ непостоянно? Разумѣется, нѣтъ. Какая же, спрашивается, бѣда виситъ надъ головою нашихъ купцовъ, и безпрестанно заставляетъ ихъ банкротиться?

Эта бѣда—*конкуренція*, то есть, торговое соперничество, вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія торгующихъ. Купцы жалуются на застой и разстройство торговли, между тѣмъ, какъ они должны жаловаться на многочисленность торговцевъ, которые съ ожесточеніемъ давятъ другъ друга и сообща подрываютъ торговлю. Въ этой отчаянной свалкѣ каждый выбивается изъ послѣднихъ силъ, чтобы одолѣть своего соперника и захватить въ свои руки его продажу. Конкуренція убиваетъ конкуренцію, говорили мы неоднократно; теперь намъ остается прибавить еще, что конкуренція порождаетъ, поддерживаетъ и развиваетъ банкротство.

Купецъ Дока торгуетъ сапогами. Имѣеть ли онъ право заставить своего сосѣда Фоку, который также продаетъ сапожный товаръ, запереть лавку и прекратить торговлю? Ни подъ какимъ видомъ.

Дока желаетъ получать съ каждой пары сапогъ 50 проц. барыша. Фока не гонится за этимъ и довольствуется 25 проц. Очевидно, что умѣренность послѣдняго раздражаетъ первого и вредитъ его интересамъ. Но въ правѣ ли Дока помѣшать торговлѣ Фоки за то, что онъ препятствуетъ его нраву? Ни въ какомъ случаѣ.

«Вольному воля; спасенному рай!» Если Фока имѣеть полное право продавать сапоги по своей цѣнѣ, то и Дока, въ свою очередь, воленъ продавать ихъ дешевле и даже вовсе безъ барыша. Фока бѣденъ, и притомъ въ долгахъ; онъ съ трудомъ перебивается со дня на день и никакъ не можетъ спустить цѣны съ товара. Дока

хотя и не богатъ, но его положеніе гораздо лучше. Желая, во что бы то ни стало, завести большіе обороты, онъ рѣшается подавить соперника и сбавляеть цѣны. Между Фокой и Докой завязывается рѣшительный бой. Чья возьметъ? Проходить мѣсяць, другой.... и съ наступленіемъ новаго года — Дока панъ, а Фока впрямь; онъ не выдержалъ конкуренціи, задохнулся въ концѣ и принужденъ былъ объявить себя несостоятельнымъ. Послѣ банкротства Фоки, Дока напелъ на другаго Доку, и самъ обанкротился. Тѣмъ временемъ — сапоги подоорожали.

Еврей Мошка открываетъ богатый магазинъ и вступаетъ въ соперничество съ шестью торговыми домами, которые, до его прибытія, уже вели между собой ожесточенную борьбу. Мошка желаетъ вдругъ подавить своихъ конкурентовъ, и потому начинаетъ продавать по необыкновенно-дешевымъ цѣнамъ. Публика наводняетъ его магазинъ. Превжіе купцы чувуютъ опасность, и бранятъ еврея; тотъ подсмѣивается и продолжаетъ спокойно свою дешевую продажу. Покупатели, какъ нельзя болѣе, довольны Мошкой, хвалятъ его за примѣрное безкорыстіе и говорятъ другимъ торговцамъ: «Стыдитесь! — вы не жида, а торгуете хуже жида; онъ продаетъ вдвое дешевле, и товаръ его не хуже вашего.» Напрасно старые купцы пытаются доказать публикѣ, что Мошка — ловкій спекуляторъ, который рано или поздно рѣшится на злостное банкротство. «Завистники, клеветники!» — кричитъ публика и бѣжитъ покупать въ магазинъ любезнаго Мошки.

Разсчетъ еврея очень простъ: продавая по дешевой, даже по настоящей цѣнѣ, онъ теряетъ только процентъ съ капитала; взявъ такой потери, онъ увеличиваетъ свой сбытъ, приобретаетъ извѣстность и расширяетъ кредитъ; ему довѣряютъ охотно потому, что платежи отъ него поступаютъ исправно. Два года торгуетъ Мошка безъ всякаго почти барыша, и никто не знаетъ, на что онъ готовится. Въ магазинъ и конторѣ Мошки сидятъ тоже евреи, и ни одинъ изъ нихъ не намѣняетъ своему хозяину; все дѣло его шито и крыто.

Но вотъ Мошка, пользуясь своимъ кредитомъ, дѣлаетъ громадные заказы, и за тѣмъ получаетъ въ долгъ на полмилліона товаровъ. Еврею надоѣло уже безкорыстіе и онъ думаетъ о томъ, какъ бы поскорѣе изумить простаковъ своею плутней. За дѣломъ нѣтъ оставшии. По мѣрѣ того, какъ Мошка получаетъ товары, онъ отправляетъ ихъ за границу, потомъ распродаетъ все, что остается у него

въ магазинѣ и, наконецъ, исчезаетъ. Отдѣлавшись, такимъ образомъ, отъ кредиторовъ, безкорыстный еврей нагоняетъ за границей товары, взятые въ долгъ, выгодно сбываетъ ихъ въ Германіи и наживаетъ состояніе въ пять или шесть разъ болѣе того, которое имѣлъ прежде. Если Мошка бѣжалъ съ чужими товарами изъ Россіи въ Германію, то ничто не мѣшаетъ ему накрасть въ Германіи и убѣжать во Францію, а оттуда въ Италію, и такъ объѣхать злостнымъ банкротомъ всѣ части стараго и новаго свѣта. Подобное путешествіе тѣмъ болѣе для него возможно, что еврей вездѣ найдетъ еврея и нигдѣ еврей не выдастъ своего единовѣрца, хотя бы онъ и назывался Мошкой.

Мы привели примѣръ самой наглаго продѣлки, которую, впрочемъ, нельзя считать небывалою или невозможною; въ торговлѣ бывають и не такія чудеса. Кредиторы, которые довѣрили бродягѣ свои товары, конечно раззорились. Но этого еще мало: Мошка заставилъ обанкротиться и тѣхъ купцовъ, которые принуждены были выдерживать его соперничество. У еврея было шесть конкурентовъ; назовемъ ихъ буквами А, Б, В, Г, Д и Е.

Купецъ А. давно уже находился въ затруднительномъ положеніи, и постоянно опасался раззориться, вслѣдствіе конкуренціи. Появленіе Мошки окончательно доконало его; онъ лишился вскорѣ всѣхъ своихъ покупателей и объявилъ себя несостоятельнымъ. Судъ призналъ А. неосторожнымъ должникомъ.

Купецъ Б., по своимъ средствамъ, могъ держаться довольно долго; онъ угадалъ злостное намѣреніе Мошки и рѣшился было ждать развязки. Но не проходитъ и полугода, какъ Б., затѣявшій какую-то спекуляцію на биржѣ, теряетъ вдругъ значительную часть своего состоянія. Нѣтъ болѣе возможности бороться съ евреемъ; Б. истощилъ всѣ свои средства, погрязъ въ долгахъ и обанкротился. Дѣло его кончилось, впрочемъ, мировою сдѣлкой.

Купецъ В. велъ свои дѣла не одинъ, а съ товарищемъ, у котораго была и своя фирма. Съ этимъ товарищемъ случилось несчастье: его обмануль и раззорилъ тоже еврей, въ родѣ Мошки. Пострадавши отъ потери компаньона, В. продолжалъ, однако, соперничать съ опаснымъ конкурентомъ, и держался болѣе года; за тѣмъ онъ сталъ должаться, и задолжался, наконецъ, до того, что кредиторы подали ко взысканію, и надъ нимъ учредили конкурсъ. Судъ приговорилъ В., какъ неосторожнаго банкрота, къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ и лишилъ права торговли.

Купецъ Г., не отличаясь честностью, ждалъ только удобнаго случая, чтобы объявить себя несостоятельнымъ. Хотя у него и были средства поддержать борьбу и вынести удары конкуренціи, но примѣръ трехъ банкротствъ заразилъ его. Двадцать мѣсяцевъ бился Г. безъ всякаго успѣха; это оборонительное положеніе наслучило ему и онъ счелъ за лучшее обанкротиться. Ловкій Г. сумѣлъ избѣжать конкурса, и заключилъ съ кредиторами довольно выгодную сдѣлку.

Купецъ Д. далъ въ займы порядочныя суммы Б. и В., которыхъ онъ считалъ вполне состоятельными. Эти купцы, дѣйствительно, могли бы легко заплатить ему, если бы Мошка не довелъ ихъ до крайности и не заставилъ обанкротиться. Съ потерю капиталовъ, Д. потерялъ и барыши отъ своей торговли: покупатели стали обѣгать его магазинъ, и обращались уже къ еврею. Дѣла Д. совершенно разстроились; какъ онъ ни старался поправить ихъ—все напрасно. Спасаясь отъ Мошки, онъ вошелъ въ неоплатные долги и, наконецъ, предоставилъ свою участь на милость займодавцевъ. По суду Д. объявленъ несчастнымъ должникомъ.

Купецъ Е. былъ не безъ средствъ; но никто уже не соглашался ему довѣрять на томъ основаніи, что каждый опасался давать въ кредитъ человѣку, который не сегодня, такъ завтра можетъ увлечься примѣромъ своихъ товарищей, или просто быть подавленнымъ Мошкой. Положеніе Е. было невыносимо: онъ терпѣлъ не только отъ лишенія кредита и отъ конкуренціи еврея, но и отъ банкротской спекуляціи Б. и Г. Этимъ купцамъ удалось отдѣлаться мирною сдѣлкою, и каждый изъ нихъ, для расчета съ кредиторами, поспѣшилъ распродать за безцѣнокъ свои товары. Такъ напримѣръ, Г., обязавшись уплатить 20 коп. за рубль, сбавилъ 40% съ цѣны товаровъ, подкосилъ этимъ купца Е., и самъ выигралъ почти половину своихъ долговъ. Подобная продѣлка рѣшила участь Е.: онъ объявилъ себя несостоятельнымъ. Банкротство послѣдняго соперника Мошки назвали невиннымъ паденіемъ.

Итакъ мы видимъ, что появленіе одного плута можетъ легко подорвать торговаю нѣсколькихъ купцовъ и увлечь ихъ на болѣе или менѣе преступное банкротство. Что же станется съ торговлей, если въ ней заведутся сотни, тысячи такихъ плутовъ, которые, не прибѣгая даже къ продѣлкѣ Мошки, станутъ только давить и выживать добросовѣстныхъ торговцевъ! Что же станется съ торговлей, если

конкуренція заставитъ большинство купцовъ смотрѣть на банкротство, какъ на самую выгодную спекуляцію!

«Много банкротовъ и въ Москвѣ, и въ прочихъ городахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ нихъ впадаютъ въ несостоятельность по необходимости; но сколько и такихъ, которые изъ банкротства составляютъ спекуляцію!... Много, много очень».

«Рядъ усиливающейся за послѣдніе годы числа банкротствъ, рядъ возрастающихъ милліоновъ въ графѣ суммы несостоятельности громко говорятъ о весьма плохомъ состояніи нашей внутренней торговли».

Пора купчеству серьезно подумать о своемъ положеніи! Пора ему перестать жаловаться на бездѣнежье, на сокращеніе банковаго кредита, на недостатокъ желѣзныхъ дорогъ, на дороговизну перевозки... Конкуренція, конкуренція—вотъ что губитъ торговлю и развиваетъ въ ней повальное банкротство. Пусть каждый купецъ сосчитаетъ прежде своихъ соперниковъ, которые оспариваютъ у него продажу и роютъ ему яму, а потомъ и скажетъ: можетъ ли онъ торговать спокойно и безопасно? Нѣтъ спасенія при конкуренціи!

Экономія въ домашнемъ и народномъ хозяйствѣ, вездѣ и во всемъ намъ нужна экономія. Но въ чемъ должна состоять эта экономія? Въ деньгахъ?—Нѣтъ.

Намъ нужна *экономія рукъ*. Торговая конкуренція отнимаетъ множество рукъ отъ земледѣлія, фабричной, заводской и ремесленной промышленности; торговая конкуренція развиваетъ туеядство, лихоимство, обманъ и банкротство; торговая конкуренція порождаетъ застой промышленности, дороговизну, затрату капиталовъ; слѣдовательно намъ нужно избавиться отъ торговой конкуренціи. Или купцы будутъ сидѣть безъ торговли, или торговля будетъ безъ купцовъ: что лучше?

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Признаки наступающей весны. Молчаніе русскихъ скальдовъ. Журналисты и публика. Теорія и практика. „Голосъ“, изгнанный изъ русской литературы юморъ и сатиру. Стремленіе къ „смирному“ либерализму. „Русскій Вѣстникъ“ и „Эпоха“, какъ руководители начинающихъ юношей. Литературные опыты. Хмель—нѣчто въ родѣ поэмы. Эпизодъ изъ повѣсти съ лирическимъ отливомъ. Петербургъ великимъ постомъ. Двѣ величественныя новости, открытыя Михаиломъ Бурбовымъ. Лазаревъ (маэстро) и его подвиги въ Москвѣ. Плачь „Дня“ о гибели Петербурга отъ рукъ іезуитовъ. Воскресшая Московская героиня. Новый нарядъ а la Аполлонъ Бельведерскій. Педагогъ, блюдущій чистоту нравовъ своихъ воспитанниковъ. Другъ дома и его похождения. Бюро, обличающее похитителя. Провинціалы германскіе и провинціалы русскіе. Курьеръ изъ жизни Одессы. Вѣсти съ юга. Провинціанское солнце и его проказы въ г. Венерьянскѣ. Живой человѣкъ привнзль несуществующимъ. „Рекрутскій наборъ съ женами“. Калужскій Статистическій Комитетъ.

Солнце кисло-сладко свѣтитъ сквозь двухъ-ярусныя оловяныя рамы; улицы покрыты грязью и мерзлыми слоями обледѣлаго снѣга; камеры клиники и невскихъ больницъ ежедневно украшаются рядомъ новыхъ косякъ съ медицинскими ярлыками разныхъ галантерейныхъ недуговъ; столичные аптекари благославляютъ свою практику и благодатный балтійскій климатъ. Основываясь на всѣхъ этихъ явленіяхъ, всѣ должны теперь понять, что въ Петербургѣ мы встрѣчаемъ въ настоящую минуту приходъ нашей финской весны со всѣми атрибутами ея торжественнаго шествія. Что же?

Споешъ-ли намъ пѣсню весеннюю скальдъ?

Услышимъ ли мы звуки лиръ апрѣльскихъ и майскихъ (отъ фамилин: „Майковъ“) пѣвцовъ, которыхъ пѣсни нѣкогда появлялись въ эту пору, вмѣстѣ съ печеными жаворонками петербургскихъ булочниковъ? Мы терпѣливо ждемъ, мы внимательно прислушиваемся, что вотъ-вотъ, того глады, пролетитъ передъ нами“ на волнѣ лигующаго звука“ какая нибудь румяная весенняя мелодія, но, увы!.. пѣвецъ молчитъ,

Молчить его святая лира,
 Душа вкушаетъ сладкій сонъ
 И даже съ пылкостью лира,
 Какъ встарь, не встрянетъ Эдельсонъ.

Весеннихъ пѣсень рѣшительно не слышно, и только одинъ И. С. Тургеневъ рассказываетъ публикѣ свои апрѣльскія сновидѣнія съ таинственной любовью къ какому-то призраку съ женскимъ образомъ, но въ то же время, даже въ минуты своихъ грезъ, онъ не можетъ забыть о нравственныхъ мученіяхъ Павла Кирсанова и видитъ во снѣ растрепанную невскую нигилистку, читающую ночью какую-то „новую“ книжку... Совсѣмъ не слышно весеннихъ голосовъ... Я рѣшительно задумываюсь по этому поводу, мрачно, не по весеннему, задумываюсь о современной російской журналисткѣ.

Самый мрачный народъ въ мірѣ — это журналисты, и самая веселая и беззаботная часть рода человѣческаго — публика (публика — вообще, — замѣтьте!) Понятно, что при такомъ несоответствѣ характеровъ, журналисты мало угождаютъ публикѣ, а публика не очень-то любитъ журналистовъ. Журналистъ, какъ неутѣпная вдова (слава Богу, — не всѣ такіе!), постоянно ходитъ въ плѣрезахъ, въ траурной мантии литературныхъ факельщиковъ; публика постоянно благодушествуетъ и наряжается въ цвѣтные платья. Журналистъ мраченъ, вѣчно сердится, хмурится, негодуетъ и обличаетъ; публика постоянно —

Весела, какъ котенокъ у печки.

Живетъ безъ горя, безъ печали,

Сегодня-завтра, какъ вчера,
 Къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера,
 И положенный часъ приливаю и отливаю.

Если же публика и негодуетъ, (своихъ читателей я, разумѣется,

не смѣшиваю съ этимъ общимъ тьмомъ „публики“: помилуйте-съ!..) то негодуетъ съ солидною утѣренностью и только въ тѣхъ случаяхъ, когда ея веселью, забавамъ и разнымъ дѣлншкамъ представляютъ ногу. Журналистъ постоянно хлопочетъ за-пречь въ одиѣ оглобли теорію съ практикой и приходитъ въ женсанное негодование, когда практическая жизнь начинаетъ безцеремонно лягать непрошенную гостью — теорію; публика же съ своей стороны, привыкшая вкругъ да около встрѣчать одни „веселенькіе пейзажики“, только покачиваетъ головой на эту новую упряжь, и такъ мысленно усовѣщиваетъ журналиста:

«Что, сударь, плачете! живите-ка смѣясь!...»

Кто жъ тутъ виноватъ, кто правъ, милостивые государи? Безъ сомнѣнія, права публика, та самая публика, которую тапкомъ образомъ обрисовываетъ одинъ нѣмецкій стихотворецъ:

Публика — это есть самъ человекъ,
Сильный на многое, слабый весь въкъ,

Публика — женщина; дай ей гремушки,
Дай ей обновы, цвѣты да игрушки,

Публика — эта ворчунья старуха:
Слабая память и крѣпкое ухо;

Публика — это рабыня всегда:
Дѣлаетъ все, что велятъ господа.

Публика — это весь міръ Божій разомъ:
Смысль идиота и генія разумъ.

Да, публика права, потому что жизнь ей постоянно улыбается сахарными улыбками, дѣлаетъ реверансъ, гладитъ по головкѣ, кормитъ мелодіями лѣтнихъ птичекъ, зимними концертами и весенними пѣснями поэтовъ, (у поэтовъ, вѣдь, всегда весна въ душѣ и круглый годъ въ ихъ тропической груди растутъ кусты розъ и лилій), публика права, потому что она во всякой тьмѣ съумѣетъ найти свой собственный „свѣтъ, свѣтъ, свѣтъ!“ а тутъ, какойнибудь, пепломъ посыпанный публицистъ, прямо надъ ея ухомъ на разные лады проповѣдуетъ о диссонансахъ жизни, поднимаетъ какіе-то мхомъ и терніемъ заросшіе вопросы и, какъ древній алхимикъ надъ жаровней, мечтаетъ объ отысканіи по-

вѣйшаго философскаго камня. (Философскій камень—смотри—Н. Страховъ и Восница). А далѣе—съ одной стороны цѣлая плеяда повѣтствователей, съ социальными подвизками на чулкахъ новостной работы, создаютъ повѣсти съ газетными названіями: „Надломленная жизнь“ „Испорченная жизнь“, „Затертая жизнь“, одними словами рядъ всевозможныхъ изорванныхъ, растерзанныхъ жизней, а съ другой стороны явятся дешевыя, гражданскія слезы стихотворцевъ—плавальщиновъ, раздается ихъ эротическо-гражданскія истеріи... Чортъ знаетъ, что изъ всего этого выходитъ и какое неспитворное удивленіе выражается на многихъ протоядныхъ лицахъ зрителей, сидящихъ въ партерѣ.

Въ прессѣ—шракъ и холодъ,
 Добрый смѣхъ молчать,
 Отрицанья молоть
 Все вокругъ дробить.
 Призамокъ Громека,
 Даже ты, Вадимъ,
 Мрачней злобой века
 Сталъ руководимъ.

Добродушная публика скучаетъ, добродушная публика начинаетъ зѣвать. Хорошо еще, что „сонникъ“ дѣвицы Ленорманъ выручилъ, да „Взбаламученное море“ нѣкоторое время развлекало... А тутъ еще, какъ на зло, весна раздражающею струею воздуха врывается въ форточку, воздухъ благоухаетъ зеленью, цвѣточною выставкой, флюсами и всеми красотоми просыпающейся природы... Правъ ты, тысячу разъ правъ, славный пѣвецъ „коляски“, восклицая...

Мнѣ кругъ вашъ тѣсенъ.
 Цвѣтовъ мнѣ надобно, цвѣтовъ,
 Веселыхъ словъ, веселыхъ пѣсень

Правъ и ты „Голосъ“, восклицаящій,—въ прозѣ только,—чуть ли не ежедневно тоже самое... Я вѣрю „Голосу“ во всемъ на слово, вѣрю, потому что органъ Андрея Александровича не можетъ ни въ чемъ ошибаться, представляя собой, такъ сказать, экстремтъ общественнаго сознанія и мудромыслия... „Голосъ—это Россія!..“ можетъ сказать А. Краевскій или же иначе—Россія есть ничто иное, какъ „Слова и рѣчи“ Андрея Александровича.

„Голосъ“ говоритъ, напр., что время обличеній для насъ миновало—и я вѣрю ему; „Голосъ“ говоритъ, что смѣхъ, юморъ,

сатира—теперь явленія неформальныя, отжившія, потому что у насъ „все обстоитъ благополучно“—и я вѣрю ему; вѣрю ему, что ни одна зубоскальствомъ и пересмѣивавіемъ прелде занимавшаяся газетка не можетъ теперь продолжать своего бесполезнаго, безцѣльнаго существованія... Вѣдь только въ этой неутомимой безстыдницѣ Европѣ могутъ находить пищу для своего смѣха и злости различные „Желтые карлики“, „Шаривари“ и „Пончи“, а у насъ... у насъ довольно и однихъ „Гаванскихъ чиновниковъ“ г. Генслера: на нашъ вѣкъ ихъ хватитъ съ избыткомъ, а не хватитъ, такъ мазурническій романъ Всевол. Крестовскаго изъ бѣды выручить...

Читатель! Въ прошломъ мѣсяцѣ я откровенно и прямо явился передъ твоимъ лицомъ покаявшимся, остриженнымъ нигилистомъ, кандидатомъ въ смиренныя либералы, и теперь—съ гордостью сознаюсь въ томъ — неуклонно и прямо стараюсь слѣдовать правиламъ моихъ новыхъ путеводителей по тропинкѣ русскаго прогресса. Тенденціи свои и воспитываю внимательнымъ изученіемъ „Русскаго Вѣстника“ время Бай-бороды до пропажи знаменитаго четвертака и „Русскаго Вѣстника“ послѣ пропажи четвертака. Для эстетическихъ наслажденій у меня остается „Эпоха“ со всѣмъ ея альманашнымъ запахомъ, съ страшными процессами, съ ученическими опытами въ видѣ повѣстей и рассказовъ, съ романами во вкусъ Рафаила Зотова и К°. Изученіе этихъ почтенныхъ органовъ русской журналистики съ присоединеніемъ къ нимъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и газетки г. Скарятина выработаетъ изъ меня со временемъ самаго дорогаго писателя для прессы, писателя «на всѣ руки». Пока я еще новичекъ въ этой роли, но трудъ и терпѣніе все перевозмогаютъ. Какъ художникъ по натурѣ (еще бы!), я хочу теперь въ видѣ нѣсколькихъ примѣровъ показать читателю свои первые опыты въ разныхъ родахъ поэзіи и словесности, показать въ себѣ будущаго писателя «на всѣ руки».

И такъ, начинаю.

ОПЫТЪ 1-й.

Х М Ъ Л Ъ .

(Поэма,—если угодно).

I.

Дровнишки стоятъ предъ избенкою,
Съ лошадки вдвигается парь,

Съ своей молодой бабенкою
Прощается молча Макаръ.

— „Прощай, мой кормилецъ, мой суженый!
Умру безъ тебя я въ тоскъ...
Возьми вотъ—дорогой поужинай:
Лепешки зашиты въ носкъ.

Что будетъ съ твоею Акулькою?
Деньженки смотри не растрать...
И слезы застыли сосулькою
Отъ стужи— должно полагать...

II.

Въ разлукъ съ женою законною
Извозомъ Макаръ занимается.
Живеть онъ въ артелѣ, за Конною,
День цѣлый по Питеру мается

Извозника жизнь горемычная!
Нужда въ немъ всѣ радости выѣсть.
Получитъ онъ, — плата отличная! —
Иной разъ поатинникъ за выѣздъ.

Продрогнувъ отъ холода рѣзкого,
Кляня свою долю крестьянскую.
Онъ возитъ отъ Охты до Невскаго,
Съ Песковъ и Галерной въ Мѣщанскую.

Глядитъ безучастнымъ онъ зрительсь
Подъ шапкой, къ бровямъ нахлобученной;
Лишь хлещетъ «кнутому въдохновителемъ»
Бока своей клячи измученной»

III.

По мартовски солнышко грѣло,
Великій кончается постъ,
Акульки изба опустѣла:
Бабенку свезли на погостъ...

Съ недѣлю она прохворала,
Къ Макару пошло письмоцо,
Но смерть ужъ надъ нею стояла
И строго смотрѣла въ лицо.

Все тѣло дрожить отъ озноба...
Недугъ продолжался шесть дней,
И крышка соснового гроба
Захлопнулась скоро надъ ней.

Вернулся Макарь... У амбара
Стоять... вся въ слезахъ борода...
На бѣднаго, значить, Макара
Ужъ шишки валяются всегда.

IV.

День и ночь Макарь шатается,
Посѣдѣли волоса;
Печь въ избѣ не затопляется,
У пѣгашки вѣтъ овса.

Соръ растетъ подъ лавкой кучами...
Не узнаешь бѣдняка
Подъ дырявыми онучами,
Подъ обрывкомъ армяка.

Ходить онъ въ кабакъ безъ вызова,
Пьетъ, чтобъ горе отлегло...
Носъ его сталъ цвѣту сизова
И лицо все отекло.

Ходить — ноги спотыкаются,
Иль ничкомъ лежитъ въ углу...
Лишь парнишки потѣшаются
Надъ Макаромъ по селу ..

V.

Не встерь въ лѣсу завывають,
Не зимняя хлещеть мятель,

По русскому міру ступаетъ
Не слышной походкою хмель.

Глядитъ онъ, чтобъ съ водкой посуда
Вездѣ выпивалась до дна,
И нѣтъ ли гдѣ трезваго люда
И слабаго очень вина.

Онъ пьяницу доводитъ до качки,
Онъ льетъ въ нихъ дешевку, травникъ,
И лепетомъ бѣлой горячки
Мутитъ ихъ безумный языкъ...

Идетъ онъ — по селамъ шагаетъ,
Заходитъ во всѣ города,
И каплями спирта сверкаетъ
Съдая его борода.

Идетъ онъ съ злобѣщннмъ угаромъ,
Съ зеленою вѣткой въ рукъ,
И сталъ наконецъ надъ Макаромъ
И пѣсню запѣлъ въ кабакъ.

VI.

«Забудь свое глупое горе
И пей мой цѣлительный даръ...
Вѣдь, пьяному самое море
Всегда по козѣна, Макаръ.

„Меня почитаютъ бояре,
Бвднякъ и крестьяннн хмельной...
Топа жъ свою злость въ полугаръ. .
Ну, пьянъ что ли?“—«Пьянъ, мой родной!»

«Я въ голову хмелью ударю,
Согрѣю хоть въ лютый морозъ,
Безъ краски всю выкрашу харю
И синькой запачкаю носъ.

«Отца подзадорю на сына,
А мужа поссорю съ женой!..

Пьянѣешь-ли ты, молодчина?
— Какъ есть опьянѣлъ, мой родной!

И хмѣль своей вѣткой махаетъ,
Чтобъ пилъ онъ, безъ устали пилъ...
Макаръ всѣ гроши пропиваетъ
И тихо подъ столъ упадетъ
Безъ словъ, безъ движенья, безъ силъ.

ОПЫТЪ 2-й

(Эпизодъ изъ повѣсти съ лирическимъ отливомъ, во вкусѣ новѣйшихъ рас-
сказчиковъ.)

Я шелъ въ лѣсу. Весна была въ полномъ блескѣ: зеленѣли стройныя красавицы липы; сквозь изумрудныя листья, какъ бѣлые призраки, выглядывали березы. Въ вѣтвяхъ звонъ и пѣсни, въ небѣ яркія краски и блескъ, весенній, раздражающій блескъ... Я шелъ въ лѣсу и медленно замирало гдѣ-то гулкое эхо... Сердце сжималось какимъ-то новымъ, неизвѣстнымъ чувствомъ и все это зеленое царство шептало мнѣ своимъ зеленымъ голосомъ: люби! люби! люби!.. Люби! пѣли капли дождя, дрожавшія въ вѣничкахъ лѣсныхъ цвѣтовъ; люби! шептали широкіе дубовые листья; люби! звенѣли пернатые пѣвцы весенняго царства... Боже мой! какъ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, мучительно-жутко захотѣлось любить, захотѣлось перваго чувства, еще новаго, еще неизвѣстнаго... Грудь моя поднималась высоко, щеки ярко горѣли; я упалъ на мягкую душистую траву, рыданіе вырвалось наружу и полилось на землю тихія, теплыя, весеннія слезы...

Въ лѣсу раздалась звонкая, веселая пѣсня... Я вскочилъ съ мѣста; мимо меня прошла молодая крестьянка, рябая и не красивая... Милое дитя сельской свободы! восклицалъ я мысленно, провожая ее глазами,—жалъ, что ты не сѣмѣешь понять меня, не сѣмѣешь отвѣтить на мое чувство... вѣдь, какъ бы я могъ полюбить тебя, тебя, возросшую среди деревенской тишины передъ лицомъ великой матери—природы!..

Новыя слезы брызнули изъ глазъ моихъ... Мнѣ было хорошо, легко плакать: кто знаетъ, быть можетъ, на этой землѣ отъ моихъ слезъ выростутъ цвѣты, и она, неизвѣстная мнѣ подруга, придетъ рвать ихъ для душистаго букета...

За деревьями послышался шорохъ и мелькнула... неужели это мелькнуло видѣніе въ образѣ женщины? Тихо раздвинулъ я рукави вѣтви зеленаго кустарника. Передъ моими глазами открылась небольшая лѣсная поляна... На яркой зелени травы рѣзкимъ контуромъ обрисовывалась фигура полулежащей молодой женщины въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Она держала въ рукахъ книгу, но не читала, а смотрѣла впередъ тѣмъ разбросаннымъ взглядомъ, которымъ смотрятъ на прекрасную, успокоительную картину. Я не могъ рассмотреть всѣхъ подробностей ея лица, но могъ только наслаждаться прелестью всей этой граціозной фигуры... Въ груди что-то порвалось: я понялъ въ ту минуту одно, что бесконечно-сильно люблю эту женщину, понялъ, что только она одна можетъ наполнить мое существованіе...

Дрожащею рукою я сильнѣе раздвинулъ кусты. Огромный водопадъ, лежавшій у ногъ молодой женщины, вздрогнулъ и тихо зарычалъ. Я сдѣлалъ шагъ впередъ. Свѣршый пѣсь съ лаемъ бросился въ мою сторону.

— Макбетъ! назадъ! назадъ! раздался свѣжій, сильный голосъ. Незнакомка поднялась съ мѣста и протянула руку съ повелительнымъ жестомъ. Она вся стояла залитая яркимъ свѣтомъ солнца, гордая, прекрасная, строгая...

Мы очутились лицомъ къ лицу. Мы оба не могли сказать ни слова, но что-то странное, таинственное произошло межъ нами. Ярче и гуще разгорались ея щеки, глаза сверкнули какимъ-то новымъ блескомъ, губы готовы были раскрыться...

Я страдалъ, но я былъ счастливъ.

Нѣсколько безмолвныхъ мгновеній простояли мы такъ въ разстояніи двухъ шаговъ, и вдругъ, будучи невѣ силахъ болѣе противиться одинаковому движенію, упали другъ къ другу въ объятія... Губы наши встрѣтились и первый поцѣлуй былъ —

Какъ небо чистъ, какъ вѣчность дологъ ..

— Какъ зовутъ тебя, дорогой мой?

— Николай!

— А тебя, мое сокровище?...

— Лидія...

О, Николай! О, Лидія... Люблю тебя!... Поцѣлуй снова превралъ нашъ лепетъ. (Поцѣлуй вторичный, вѣроятно былъ уже долѣе вѣчности). Мы стояли въ нѣмомъ упоеніи, а надъ нами,

гдѣ-то въ лѣсу, соловей пѣтъ свою вѣчную пѣсню любви и блаженства *).

На первый разъ довольно двухъ «опытовъ.» О дальнѣйшихъ своихъ успѣхахъ на новомъ поприщѣ я не замедлю извѣстить читателя. Перейду теперь къ Петербургу, къ весеннему, великопостному Петербургу...

Такъ какъ я не задавался никогда ролью хроникера общественной жизни невской столицы, то отъ меня никто не можетъ и требовать эпическихъ разказовъ изъ жизни этой общественности. Я избралъ «благую часть» свободного производителя, не стѣсненнаго никакими обязательными рамками.

Для Петербурга, милостивые государи, всѣ дни поста проходили весьма монотонно, и, по сказанію Михаила Бурбонова, въ это время было только двѣ новости — выходъ первой книжки *нового* журнала «Эпоха» и великанъ изъ нѣмцевъ, показываемый за деньги въ Пассажѣ. Больше новостей никакихъ нѣтъ: сегодня свѣтъ, морозъ и вечерній концертъ; завтра грязь и слякоть, и опять концертъ; послѣ завтра снова морозъ съ концертомъ. Петербургъ — городъ вполне музыкальный и изъ всѣхъ своихъ музыкальныхъ знаменитостей уступилъ Москвѣ только одного абиссинскаго маэстро, Лазарева. Сей замѣчательный соперникъ Бетковена хотѣлъ удивить Москву своей музыкой и съзвалъ москвичей къ себѣ на концертъ. Публика собралась въ небольшомъ количествѣ и начала слушать музыкальную трущобу. Для развлечения стали аплодировать, а потомъ шикать; тогда концертантъ вышелъ впередъ и самъ началъ рукоплескать своему произведенію. Въ программѣ музыкальнаго вечера, гдѣ имя г. Лазарева поставлено было вмѣстѣ съ именами Моцарта и Россини, была обѣщана пьеса *Отелло*, но не исполнялась. Когда публика пожелаала ея исполненія, маэстро громогласно объявилъ слѣдующее:

*) Если подозрительный читатель заподозритъ меня въ каррикатурномъ изложеніи этого эпизода, то онъ сильно ошибется. Въ главномъ мотивѣ этой сцены и въ манерѣ изложенія я остался вѣренъ типу русскихъ лириковъ-беллетристовъ и могу, если нужно, указать на оригиналъ, съ котораго снята моя копія.

— „Васъ такъ мало собралось на концертъ, что и на афиши не хватить. Отелло сыграемъ, когда Дездемона выздоровѣетъ“...

На такое откровенное признаніе публика отвѣтила, разумѣется, смѣхомъ.

Но вернемся къ Петербургу... Петербургу въ настоящую минуту грозить опасность хуже всякаго наводненія, — я узналъ объ этомъ только сейчасъ и то изъ аксаковскаго „Дня“. Слушайте, любезные провинціалы — какая бѣда грозитъ Сѣверной Пальмирѣ и не стремитесь на ея гранитные берега. Вотъ что говоритъ Московская газета: „День“.

„Если дошедшіе до насъ слухи справедливы, то въ обществѣ петербургскомъ нашлись лица, которыхъ замышленія опережаютъ смѣлостью своего полета фантазіи самыхъ яркихъ петербургскихъ литературныхъ прогрессистовъ (*провинціалъ блонднѣетъ*). Разумѣется для насъ нѣтъ въ томъ никакого сомнѣнія — помыслы ихъ и останутся помыслами, *ria desideria*, не больше — (*провинціалъ не мною успокоивается*); но они важны сами по себѣ, какъ попытки, они слишкомъ характеристичны, чтобы быть оставленными безъ вниманія. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время пожаловалъ въ Петербургъ какой-то аббатъ-французъ, (о, ужасъ!! Это просто послѣдній день Помпеи) чтобы, на время великаго поста назидать проповѣдями святпетербургскую католическую паству. Римская церковь придаетъ всегда особенное значеніе этому дѣлу и избираетъ на это посланничество преимущественно французовъ, такъ какъ французская рѣчь есть родная, ежедневная рѣчь російскаго высшаго общества. Пріѣзжаетъ проповѣдникъ, — и посѣщеніе католическихъ костеловъ становится такимъ же моднымъ занятіемъ для петербургскаго high-life, какъ и катанье на конькахъ на Англійской набережной передъ постомъ, и тому подобные интересы. Но катанье на конькахъ дѣло невинное, и если кому опасно, то только катающимся. Разумѣется, при катаньѣ въ костелъ можетъ также случиться и случалось, что нѣкоторыя особы сего круга соблазнились рѣчами (*вотъ онъ, роковой-то вопросъ!*) и проваливались въ шарлатанство, — это очень жаль, но Богъ съ ними! Такое явленіе объясняется тѣмъ, что многія изъ нихъ совершенно чужды родной земли, чужды православія, чужды всякой вѣры: понятно, что на такой пустопорожней почвѣ чрезвычайно удобно возростить сѣмя католическому проповѣднику силою французскаго краснорѣчія: это вѣдь не церковно-славянское Jargon! Вообще можно сказать, что переходъ

русскихъ въ латинство совершается рѣдко по свободному убѣжденію, а большею частію вслѣдствіе полнѣйшаго незнанія ученія православной церкви, вслѣдствіе того, наконецъ, что католическій проповѣдникъ не соблазняетъ, а обращаетъ въ католицизмъ... Ходятъ слухи, что пріѣхавшій французъ—аббатъ хлопочетъ объ учрежденіи при католической церкви іезуитской коллегіи, о разрѣшеніи іезуитамъ вновь водворяться въ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ,—и что такое ходатайство встрѣчаетъ себѣ симпатію въ нѣкоторой части петербургскаго общества. Чѣмъ руководятся эти лица петербургскаго общества—сочувствіемъ ли къ іезуитамъ, принципомъ ли высшей терпимости, высшаго либерализма или же мнимо-хитрыми соображеніями о необходимости для насъ снискать благосклонность римскаго двора — намъ неизвѣстно».

Изъ этого московскаго причтанія мы видимъ, какъ много горюетъ добродѣтельная Москва о Петербургѣ и объ его печальной участи. Пусть „высшее россійское общество„ обратитъ свое вниманіе на выкликаніе И. Аксакова и не станетъ слушать проповѣдей завѣзжаго француза. Пусть страшень будетъ для нихъ

Старыхъ барынь духовникъ,
 Маленькій аббатикъ,
 Что въ костелахъ бить привыкъ
 Въ маленькій набатикъ...

Вѣдь и одного Гр. Сюзора для нихъ довольно!..

Когда-то, уже очень давно, старая наша московская знакомая графиня Тугоуховская (см. послѣд. изданіе „горя отъ ума“) слѣдующіе ужасы рассказывала о Петербургѣ:

Есть въ Петербургѣ институтъ,
 Педагогическій, — такъ кажется, зовутъ.
 Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣры —
 Профессоры... У нихъ учился нашъ родня
 И вышель, хоть сейчасъ, въ аптеку въ подмастерья.
 Онъ женщину бѣгаетъ и даже отъ меня,
 Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
 Князь Федоръ, мой племянникъ.

Живи эта почтенная дама въ наше время, то она непременно бы воскликнула виѣстѣ съ И. Аксаковымъ:

Я слышала отъ князь Петра намедни,
 Что въ Петербургѣ, говорятъ,
 Изъ Франціи прѣхавшій аббатъ
 Весь высшій кругъ собираетъ на обѣднѣ
 Къ проповѣдамъ... и будто тамъ
 Онъ обратилъ великосвѣтскихъ дамъ
 Ну, въ эту... въ католическую вѣру.
 Сочла все это я сначала за химеру,
 Но убѣдилась сама я, наконецъ:
 Въ томъ никакого нѣтъ сомнѣнья...
 Да, близко свѣтопреставленіе
 И міру нашему конецъ!..

Бѣдный Петербургъ! Ну, что если ему, по предсказанію „Дня“ и въ самомъ дѣлѣ угрожаетъ нашествіе іезуитовъ?..

Нашествія іезуитовъ пока еще не совершилось, но въ Петербургѣ случаются нашествія совершенно другаго сорта. Вотъ хоть такія явленія:

Изъ одного частнаго женскаго училища, (гдѣ всѣ ученицы *вольно-приходящія*) ежедневно въ урочный передобѣденный часъ, послѣ конца утреннихъ классовъ, дѣвочки выходятъ изъ дверей и отправляются каждая въ свою сторону. Однажды, въ дни поста, когда ученицы послѣ класныхъ занятій спускались съ лѣстницы къ парадному крыльцу — въ дверяхъ передъ ними остановился какой-то господинъ въ сѣро-синей форменной шинели. Каждой, проходящей мимо его, ученицѣ онъ давалъ дорогу, но въ то же самое время... вотъ тутъ-то вы и не угадаете шалости русскаго мандарина!.. въ то же самое время распахивалъ полы своей шинели и представлялся удивленному взору ученицъ въ костюмѣ самомъ лѣтнемъ, въ томъ самомъ, въ которомъ ходилъ Аполлонъ Бельведерскій... Можете себѣ представить страхъ и ужасъ воспитанницъ при зрѣніи такого античнаго наряда неизвѣстнаго рыцаря! Онъ съ крикомъ отъ него разбѣгались, а онъ, между тѣмъ, продолжалъ передъ каждой, вновь выходящей, дѣвушкой повторять свой маневръ... Какимъ-то образомъ узнали объ его продолжкѣ въ самомъ училищѣ, хотѣли его остановить, но незнакомца уже и слѣдъ простылъ... Викторъ, Ипатьевичъ! Что же вы дре-

идете? Не ваше ли дѣло охранять чистоту петербургскихъ нравовъ!..

Вотъ то ли дѣло нѣкоторые столичные педагоги: они готовы для спасенія чистоты нравовъ своихъ питомцевъ сотворить даже нечистое дѣло... У одного такого педагога—Чистонравова, содержателя частнаго пансіона, гдѣтъ пять уже жили два ученика, которыми оставалось только нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія полнаго курса. Учились они исправно, права были спокойнаго... Казалось бы, при такихъ условіяхъ имъ нечего было опасаться, что они подѣтъ конецъ своей школьной карьеры передъ самымъ выходомъ изъ подѣтъ ферулы встрѣтятъ на дорогѣ тормазъ, а между тѣмъ тормазъ все-таки зацѣпилъ ихъ... Однажды шли они по улицѣ, и не замѣтили, что имъ на встрѣчу шествуетъ ихъ педагогическій Змѣй Горынычъ... Онъ прошелъ мимо нихъ, совершенно не замѣченный... На другой же день погдѣдовала домашняя распроба. Змѣй Горынычъ признаваетъ къ себѣ „девидныхъ виновныхъ“.

— Вы имѣ допались вчера на встрѣчу и не сняли шапокъ. Почему?

Воспитанники очень просто объясняютъ причину: — не замѣтили его на улицѣ.

— Какъ? Начальство не замѣчать? Меня?

Вѣдь кажется, что человекъ замѣтный!

За тѣмъ послѣдовалъ приговоръ, т. е. грозный актъ отлученія непокорныхъ учениковъ изъ заведенія. Они были тотчасъ же исключены изъ пансіона. И такъ сбылось на дѣлѣ древнее школьное правило: «ничтожныя причины ведутъ часто къ важнымъ результатамъ».

А вотъ случай совсѣмъ въ другомъ родѣ: это ужъ изъ міра новѣйшихъ петербургскихъ Расплюевыхъ...

На Васильевскомъ островѣ, въ одномъ весьма богатомъ семействѣ, недавно собралась гости. Въ каждомъ, какъ богатомъ, такъ и бѣдномъ россійскомъ семействѣ хозяйка большею частію развлекаютъ своихъ гостей приглашеніемъ на пульку преферанса и на партію ералаша. Такъ случилось и тутъ. Послѣ обѣда, вельные столы были раскинуты, игроки усажены и обычное вечернее развлеченіе пошло своимъ порядкомъ. Изъ всѣхъ присут-

ствующихъ въ домѣ только одинъ молодой человѣкъ, прѣзжій, но знакомый хозяину, отказался отъ карточной игры, отговариваясь утомленіемъ и нездоровьемъ. Предупредительный хозяинъ отвелъ гостя въ свой кабинетъ, предложилъ покойный диванъ и просилъ его отдохнуть, «какъ дома». «Будьте, какъ дома!»—эта фраза общеупотребительная у насъ, но при этомъ, нужно замѣтить, фраза крайне неприличная. Вѣдь мало ли что дѣлаютъ частенько люди дома, у семейнаго очага. Скажите, напр., иной счастливой четвѣ: будьте какъ дома, такъ она, пожалуй, станетъ у васъ въ гостиной продолжать свою домашнюю багатулю...

Итакъ, молодой человѣкъ расположился въ кабинетѣ по домашнему, объяснивъ, что ему только нужно соснуть не болѣе получаса, чтобъ быть совершенно свѣжимъ и здоровымъ. Гость остался одинъ въ кабинетѣ. Въ залѣ, между тѣмъ, продолжалась игра, записывались ремизы и выигрыши, и время проходило, какъ слѣдуетъ. Вдругъ общая тишина и спокойствіе были нарушены звономъ, раздавшимся за дверьми кабинета. Хозяинъ при звукѣ звонка тотчасъ выказалъ безпокойство и съ нѣсколькими гостями бросился во временной лазаретъ больнаго посѣтителя. Послѣдній, желая, вѣроятно, „быть какъ дома“, рѣшился очистить бюро хозяина квартиры, но не позаботился подумать о томъ, что бюро устроиваются иногда съ большими хитростями. Такимъ хитрымъ оказалось и это бюро: всякій разъ, какъ его отворяли—оно звонило. Больнаго искателя сильныхъ ощущений поймали за самымъ горячимъ дѣломъ: онъ выбиралъ изъ ящичковъ пакки кредитныхъ билетовъ... Къ сожалѣнію, бюропромышленникъ остался на свободѣ и былъ только изгнанъ изъ дому съ совѣтомъ—больше никогда не ступать въ него своею ногою... Онъ ушелъ, вѣроятно, съ грустною мыслью, что „Ларчикъ не просто отворился“...

Гейне имѣлъ очень дурное мнѣніе о провинціалахъ (не о русскихъ: утѣштесь!). „Люди, живущіе въ провинціи, говоритъ онъ, производятъ на меня впечатлѣніе верстовыхъ столбовъ, которые носятъ на лбу надпись о большей или меньшей отдаленности отъ столицы“. Къ нашимъ русскимъ провинціаламъ, разумѣется, мнѣніе это непримѣнимо. У насъ чѣмъ дальше отъ столицъ, тѣмъ

ближе къ природѣ, къ цинцинатскимъ нравамъ. Наши провинціалы простодушны; но въ илѣ простодушій много наивнаго остроумія и юмора. Посмотрите напр., что между прочимъ сообщаетъ провинціальная газета, именно „Одесскій Вѣстникъ“. „У насъ въ театрѣ давали въ первый разъ оперу Верди: *Балъ въ маскалахъ*. Къ концу представленія нахлынуло вдругъ множество масокъ и кавалеровъ въ балльныхъ костюмахъ, съ явнымъ намѣреніемъ провести вечеръ на балѣ. Что же оказалось! Нѣкоторые господа были введены въ заблужденіе афишами и приняли оперу „Балъ въ маскалахъ“ просто на-просто за *маскарадный балъ*, и явились потанцовать. Разочарованіе ихъ было самое неприятое.“

О, драгоценное провинціальное простодушіе! Ты вполне достоинъ звуковъ лиры Ин. Аксакова.

Слѣдующій „дневникъ“ свой я намѣренъ посвятить единственно только провинціямъ и провинціальной жизни, въ лоно которой я самъ рѣшаюсь погрузиться, а теперь закончу отрывкомъ изъ одного письма съ Юга Россіи и двумя—тремя провинціальными курьезами.

....„Нашъ благодатный городокъ Быковскъ занесенъ въ такой тихій уголокъ юга, что и существованіе наше извѣстно только однимъ записнымъ географамъ. Не разглядѣть вамъ изъ столицы, что у насъ дѣлается... Такъ какъ всего разомъ не перескажешь, то попробую приподнять хоть кончикъ нашей завѣсы... Впрочемъ, какая тутъ завѣса? Мы живемъ на распашку, открыто, и городскую жизнь съумѣли низвести до простоты цыганскаго кочующаго табора... Вотъ, напр., у насъ цѣлую масляницу, искони вѣковъ, днемъ и ночью, воинственный горожанинъ жаритъ холостыми зарядами изъ воротъ прямо на улицу — и ничего. Положимъ, и случится иногда маленькое смущеніе: лошади испугались и понесли, коляску опрокинули, дѣтей въ сумятицѣ придавили, но бѣда, впрочемъ, не большая: завтра *чиа* опять палитъ изъ ружья вдоль улицы, опять холостыми выстрѣлами развлекается. А наши чинныя, строгія горожанки сидятъ въ это время у окошекъ и съ философскимъ терпѣніемъ занимаются щелганьемъ подсолнечныхъ сѣмечекъ... Построили у насъ желѣзную дорогу, ходятъ ежедневно поѣзды, а случится какая нибудь штука, переѣдутъ черезъ чью нибудь спину, — спросить не съ кого: начальства нѣтъ... Имѣется у насъ въ городѣ театръ, но въ этомъ театрѣ могла бы безбоязненно жить по своей безплотности только одна богиня Мельпомена, а жрецы ея рискуютъ похоронить свои тѣла подъ

обломками этого ветхаго сарая, который, отъ сильнаго вѣшняго директора, можетъ рухнуть въ развалину и въ развалину весьма живописную. Распорядитель театра до того вѣроятно былъ напуганъ въ будущемъ грозящей катастрофой, что, захвативъ съ собою всю кассу, отправился искать по свѣту болѣе прочнаго пристанища. Вся громада переполюшилась. Поймать распорядителя! А—ту его! Ловить его!.. Мы его въ свои семейства принимали, онъ игралъ съ жонами нашими по $\frac{1}{4}$ в. въ прозерансъ; мы ему булавку и кружку подарили.. Одурачить директоровъ театра! Увести трудовыя крохи сотоварищей!.. И—какъ вы думаете—какой же исходъ былъ всѣмъ этимъ угрозамъ, жалобамъ и всевозможнымъ жалкимъ словамъ?.. Опять воцарилась тишина, прерываемая щелканьемъ сѣмлячекъ... Ванюху — онъ обругалъ, а Ванюха долго не думавши въ ухо *сuo*. Онъ ошалѣлъ, потомъ послалъ за водкою, и оба съ одинаковымъ рвеніемъ предались поклоненію Ванюху, до тѣхъ поръ, пока румяный божокъ ихъ самихъ не преклонилъ къ своему подножію... Очень жаль, что археологъ Буше-де-Пертъ потерялъ время въ окрестностяхъ Аббевилля;—у насъ онъ нашелъ бы не одни топеры изъ кремня, но и человѣческіе черепа изъ подобнаго же материала“...

Въ далекомъ, очень далекомъ отъ нашихъ мѣстъ городѣ... *Венеринскѣ*, случилось весьма странное событіе, до того странное, что оно должно непременно войти въ число „чудесъ природы“. По рѣкѣ Венерѣ сплавлялось огромное количество ржи, а именно — пятьсотъ пудовъ. Такъ какъ намъ известна особенность и свойства русскихъ рѣкъ, на которыхъ мука или хлѣбъ неизбежно должны промокать, хотя бы ниваннѣ бурьянъ и крушениямъ не подвергались, то мы не должны сомнѣваться, что и эти 500 пудовъ должны были подвергнуться той же участи. Такъ и случилось: они были дѣйствительно подмочены. Противъ неизбежнаго провіантскаго фатума не пойдешь, а потому хлѣбъ былъ ссыпанъ на берегъ для просушки. Тутъ-то и свершилось чудо природы. Не смотря на то, что тамошнее солнце грѣетъ далеко не по тропически, но на хлѣбъ оно оказало сильное дѣйствіе: онъ все усушался, усушался — и наконецъ 500 пудовая тяжесть со-

вратилась ровно *до пяти* пудовъ... „Да, есть много такихъ вещей въ природѣ, другъ Горацио, которыхъ не объяснитъ намъ... ни одинъ провинтскій чиновникъ“... Значитъ, ужъ солнце тамошнее такое голодное и прожорливое, что ему потребовалось на закуску 495 пудовъ ржаного хлѣба!... О такихъ проказахъ небеснаго свѣтила было доложено по начальству, а такъ какъ съ небеснымъ свѣтиломъ „ничего не подѣлаешь“ и вступить съ нимъ въ канцелярскую переписку нельзя, то... то начальство оставшиися 5-ю пудами и должно было удовлетвориться... Венеринцы, впрочемъ, такимъ чудесамъ и не удивляются. „У насъ, говорятъ они, еще почище штуки бывали. У насъ — однажды моль пятьсотъ пудовъ желѣза въ одно лѣто съѣла... вотъ что!...“

Нашлись однако такіе скитники, которые недовѣрчиво посмотрѣли на хлѣбную усышку и поручили переислѣдовать дѣло одному прозорливому служителю правды, г. Крутому. И вотъ ожидаютъ въ г. Венеринскѣ прѣзда новаго гостя: порядокъ вездѣ водворяется, голландская чистота и опрятность... Главная же декорация всей этой обстановки была придумана хитрая: сдѣлано было распоряженіе, чтобъ вездѣ, гдѣ повѣдетъ г. Крутой, попадались ему принаряженные и на подборъ красивыя женщины въ чистыхъ сарафанахъ, съ пѣснями и хороводами. Женщины, дескать, размягчаютъ душу и всякую гражданскую суровость превращаютъ въ мечтательность и прекрасномысліе. Къ сожалѣнію только, извѣщаютъ мѣстные историки этого миеологическаго города, продѣлка эта не удалась и суровое сердце Крутого не было смягчено ни женскими улыбками, ни хороводными пѣснями: онъ нашелъ, что солнце не совсѣмъ-то было виновато въ таинственной исторіи 495 пудовъ хлѣба.

— Разнаго рода бываютъ потери. Есть такіе случаи, когда люди не только теряютъ голову, но даже должны сомнѣваться въ собственномъ существованіи и задавать себѣ вопросъ: живы мы или нѣтъ? Одинъ священникъ иркутской епархіи, на основаніи существующихъ правилъ, просилъ мѣстное земское начальство о построѣннѣ ему дома. Каково жъ было удивленіе пастыря, когда начальство сообщило волостному правленію, что такого священника *вовсе не существуетъ*. При этомъ, оно же усумнилось даже въ самомъ существованіи церкви, при которой находился священникъ. Послѣднему, по этому случаю, пришлось доказывать, что онъ не призракъ, а лицо действительно существующее. Исторію объ этомъ, заживо-похороненнаго священника можно прочесть

въ „Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“... О, почтенный настырь! Можетъ быть, ты и въ самомъ дѣлѣ „не отъ міра сего“ и изъ Елисейскихъ полей тревожишь свое прежнее земное начальство!...

Какъ ни богата современная русская жизнь различными курьезами, но ты, дорогая старина, ты была изобрѣтательнице нашего времени и выпускала на свѣтъ божій иной разъ такіа чудеса, которыя наши потомки должны будутъ непременно отнести къ области мифовъ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1864 г., январь) разсказанъ весьма любопытный фактъ изъ временъ очаровательнаго князя Потемкина. Исторія эта относится къ тому времени, когда былъ поднятъ вопросъ о заселеніи Крыма. Кѣмъ его заселить, въ самомъ дѣлѣ? Откуда было взять столько народа? Думали, гадали и наконецъ придумали. Сдѣланъ былъ рекрутскій наборъ, слушайте! *рекрутскій наборъ съ женами*. Вы не вѣрите? Да, именно, съ женами. Такъ импровизировалось это населеніе края.

Закончу свой дневникъ статистико-этиологическимъ курьезомъ (уже изъ нашихъ временъ), о которомъ сообщаетъ корреспондентъ Спб. Вѣд. № 54.

Калужскій статистическій комитетъ разослалъ весьма замѣчательный циркуляръ этиологическаго содержанія городскимъ и уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ, становымъ приставамъ, частнымъ приставамъ, ихъ помощникамъ, Думамъ и ратушамъ. Вотъ содержаніе этого циркуляра. Собирая свѣдѣнія о частныхъ конскихъ заводахъ Калужской губерніи, калужскій статистическій комитетъ получилъ данныя, признанныя имъ неосновательными. Полицейское управленіе одного уѣзда донесло комитету, что въ цѣломъ уѣздѣ конскихъ заводовъ не существуетъ; между тѣмъ какъ по наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ этомъ уѣздѣ находится конскій заводъ, принадлежащій г. Ш. Вислѣдствіи, на запросъ комитета, это полицейское управленіе—начинаю выражаться словами циркуляра, — «сообщаетъ курьезную выходку, а именно: г-жа Ш. дала отъ себя управленію отзывъ, что во всѣхъ имѣніяхъ мужа ея нѣтъ конскихъ заводовъ». Это донесеніе вызвало со стороны комитета нѣкоторыя умозрѣнія, и подало ему

поводъ сдѣлать одно филологическое открытіе, нашей академіей еще не обсужденное. Продолжаю выписывать слова печатнаго циркуляра (подлинный подписанъ предсѣдателемъ комитета): «Эта выходка даетъ управленію средство оправдаться передъ комитетомъ въ томъ, что донесеніе его правильно, что дѣйствительно въ уѣздѣ нѣтъ завода, принадлежащаго г. Ш., а г-жѣ Ш., и доставивъ оправданіе подобнаго рода, имѣетъ средство вродить окончаніе самого дѣла. Комитету же достаточно указать управленію мѣсто» (это мѣсто неудобопонятно!) «и поставить передъ саміей букву Г., которая передъ мужскимъ поломъ означаетъ мужчину, а передъ женскимъ — женщину.»

Вовсе неожиданное, но чрезвычайно полезное въ практическомъ отношеніи открытіе! Новое значеніе въ русскомъ алфавитѣ прописной буквы Г возвѣщено циркуляромъ предсѣдателя калужскаго статистическаго комитета 20-го ноября 1863 года. Будемъ слѣдить съ особеннаго любопытствомъ за дальнѣйшими трудами этого комитета по части русскаго языка. Результаты его ученаго изслѣдованія о буквѣ Г сообщены по губерніи обычнымъ путемъ, и слѣдовательно должны быть приняты не только къ свѣдѣнію, но и къ непремѣнному руководству и исполненію всеми подчиненными лицами. Весьма любопытныя свойства буквы Г, безъ сомнѣнія, обратятъ на себя вниманіе всего служащаго сословія, а можетъ быть и прочихъ жителей губерніи. Всякому даже неграмотному человѣку и легко и лестно будетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ, что буква Г, сама по себѣ не означающая ни мужчины, ни женщины, получаетъ однако способность означать того или другую, коль скоро она поставлена передъ мужскимъ или передъ женскимъ поломъ. При исчисленіи народонаселенія это открытіе принесетъ несомнѣнную пользу. Чтобы опредѣлить, напримѣръ, съ полною достовѣрностью число мужчинъ и женщинъ въ Калужской губерніи, весьма удобно воспользоваться означеннымъ циркуляромъ и употребить слѣдующій приемъ: записаться сперва множествомъ буквъ Г, и потомъ ставить ихъ то передъ мужскимъ, то передъ женскимъ поломъ при всякой встрѣчѣ съ однимъ изъ этихъ половъ; наконецъ тщательно сосчитать эти буквы и подвести итоги. Очевидно, что число прописныхъ буквъ Г, поставленныхъ передъ мужскимъ поломъ, будетъ означать непремѣнно число мужчинъ; и, напротивъ того, число тѣхъ же буквъ, поставленныхъ передъ женскимъ поломъ, будетъ означать число женщинъ, проживаю-

щикъ въ Калужской губерніи. Правда, что примѣненіе этого пріема собственно къ вопросу о частныхъ конскихъ заводахъ представляется не достигающимъ цѣли. Въ такой опрометчивости слѣдуетъ даже упрекнуть упомянутый циркуляръ, тѣмъ болѣе, что за доставленіе мамкиль свѣдѣній о скотоводствѣ, онъ угрожаетъ строгими мѣрами взысканія. Но за то энтологическое открытіе калужскаго статистическаго комитета весьма удобно, какъ я уже сказалъ, для исчисленія человѣческаго населенія губерніи.

СОДЕРЖАНИЕ МАРТОВСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

Чайльдъ Гарольдъ. (Поэма Байрона. Пѣснь вторая).	Д. Д. Миннаевъ. ✓
Очерки изъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ.	Н. В. Шелгуновъ. ✓
О вліяніи горъ и моря на характеръ поселеній.	А. П. Щаповъ.
Современные итальянскіе поеты—Джузеппе Джусті. (Окончаніе).	Леонъ Бранди.
Безвыходное положеніе. (Пов. Окончаніе).	В. Самойловичъ. ✓
Дѣвущія. (Стихотвореніе).	Б. Дуровъ.
Записки тюремной надзирательницы. (Англійскій романъ. Окончаніе).	
Эскизы чиновничьяго быта. (Статья первая — Будни. Вторая — Семениха)	Гл. И. Успенскій.
Ловля Жениха.	Л. И. Утинъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мотивы русской драмы.	Д. И. Писаревъ.
Ученое Самообольщеніе. (Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова, соч. П. Павлова. Спб. 1863. Тысячелѣтіе Россіи, соч. П. Павлова. Спб. 1863)	Г. Б.
Библиографическій Листокъ	В. З.

Новый журналъ: „Заграничный Вѣстникъ“ 1864. Январь и февраль. Изд. Вольфа. Спб.—Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Лекціи К. Фогта. вып. 2. Изд. Гайдебурова. Спб. 1864.—Человѣкъ. Мѣсто его въ мірозданіи и въ исторіи земли. Сочиненіе К. Фогта. Переводъ д-ра Каншина. вып. 1 и 2. Изд. Вольфа. Спб. 1864.—Человѣкъ. Тайнственныя явленія нравственной и этической его природы. Происхожденіе и первобытная исторія рода человеческого; постепенный переходъ людей изъ естественнаго состоянія къ цивилизаціи. Популярное изложеніе О. Циммермана. вып. 1 и 2. Изд. Вольфа 1864.—Э. А. Росмеллеръ. Значеніе естественныхъ наукъ въ образованіи и преподаваніи ихъ въ школахъ. Перев. съ нѣмецкаго съ предисловіемъ А. Пыпина. Спб. 1864.—

Юліанъ Шмидтъ. Исторія французской литературы. Выпуски 3 и 4. Изд. Тиблена. Спб. 1863—64.— Обзоръ английской литературы XIX столѣтія Юліана Шмидта. Спб. 1864.— Женщина. Соч. Ж. Мишле. Изд. Великанова. Одесса, 1863.— Кіевъ. Его святыня, древности, достопамятности и свиденія, необходимые для его почитателей и путешественниковъ. Н. Семеновскаго. Кіевъ. 1864.— Сочиненія Гейриха Гейне въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакцію Петра Вейнберга. Т. I. Спб. 1864.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА Жакъ Лефрель.

ФРАНЦІЯ. Протестантская консисторія присвоиваетъ себѣ роль папы.—Побѣды, одерживаемыя оппозиціою на выборахъ.—Новая тактика министра внутреннихъ дѣлъ.—Кандидатуры Карно, Гарнье Пажеса и Тодепа.—Раходы на увеселенія.—Счастливая судьба Бонапартонъ.—Идея, которой французы служатъ представителями.—Призывъ резервныхъ войскъ.—ГЕРМАНІЯ. Протестъ Англіи противъ вторженія австро-прусскихъ войскъ въ Ютландію.—Курьозное оправданіе г. Бисмарка.—Грозный мнѣшесть фельдмаршала Врангеля.—Негодование второстепенныхъ германскихъ государствъ противъ Австріи и Пруссіи.—Вопросы, подлежащія разсмотрѣнію франкоуртскаго сейма.—Предложеніе конгресса.—АНГЛІЯ. Униженіе гордаго Альбіона.—Маневръ лорда Пальмерстона.—Новая казнь преступниковъ.—Продажа парохода Great Eastern съ аукциона.—Сожженіе вдовы одного брамина.—ИТАЛІЯ. Равнодушіе націи къ борьбѣ парламентскихъ партій.—Приготовленія къ войнѣ.—Непріязнь между представителями наполеонизма съ одной стороны, и представителями папизма съ другой.—Запрещеніе карнавалныхъ увеселеній.—АМЕРИКАНСКІЕ ШТАТЫ. Удачные походы, предпринятыя федеральными генералами Гильеромъ и Шерманомъ.—Успѣхи въ дѣлѣ эмансипаціи негровъ.—МЕКСИКА. Извѣстія Монитера и навѣстія частныя объ этой странѣ.—Причины, побуждающія эрцгерцога Максимилиана принять титулъ мексиканскаго императора.—Снаряженіе военно-ученой экспедиціи.

Домашняя Лѣтопись. Банкротство. (Окончаніе) Н. В. Соколовъ.

Дневникъ Темнаго Человѣка.

Признаки наступающей весны. Молчаніе русскихъ скальдовъ. Журналисты и публика. Теорія и практика. „Голосъ“, изгоняющій изъ русской литературы юморъ и сатиру. Стремленіе къ „смирному“ либерализму. „Русскій Вѣстникъ“ и „Эпоха“, какъ руководители начинающихъ юношей. Литературные опыты. Хильль—ничто въ родѣ поэмы. Эпизодъ изъ повѣсти съ лирическимъ отливомъ. Петербургъ великимъ постомъ. Двѣ великолестныя новости, открытыя Михаиломъ Бурбоновымъ. Лазаревъ (маэстро) и его подвиги въ Москвѣ. Плачъ „Дня“ о погребеніи Петербурга отъ проповѣди иезуитовъ. Воскресшая Московская героиня Тугоуховская. Новый народъ а la Аполлонъ Бельведерскій. Педагогъ, блюдушій чистоту нравовъ своихъ воспитанниковъ. Другъ дома и его похождения. Ларчикъ не такъ просто отпирается. Провинціалы германскіе и провинціалы русскіе. Курьезъ изъ жизни Одессы. Вѣсти съ юга. Провіантское солонце и его проказы въ г. Венеринскъ. Живой человекъ признанъ несущимъ. „Репутскій наборъ съ женами“. Камужскій Статистическій Комитетъ.